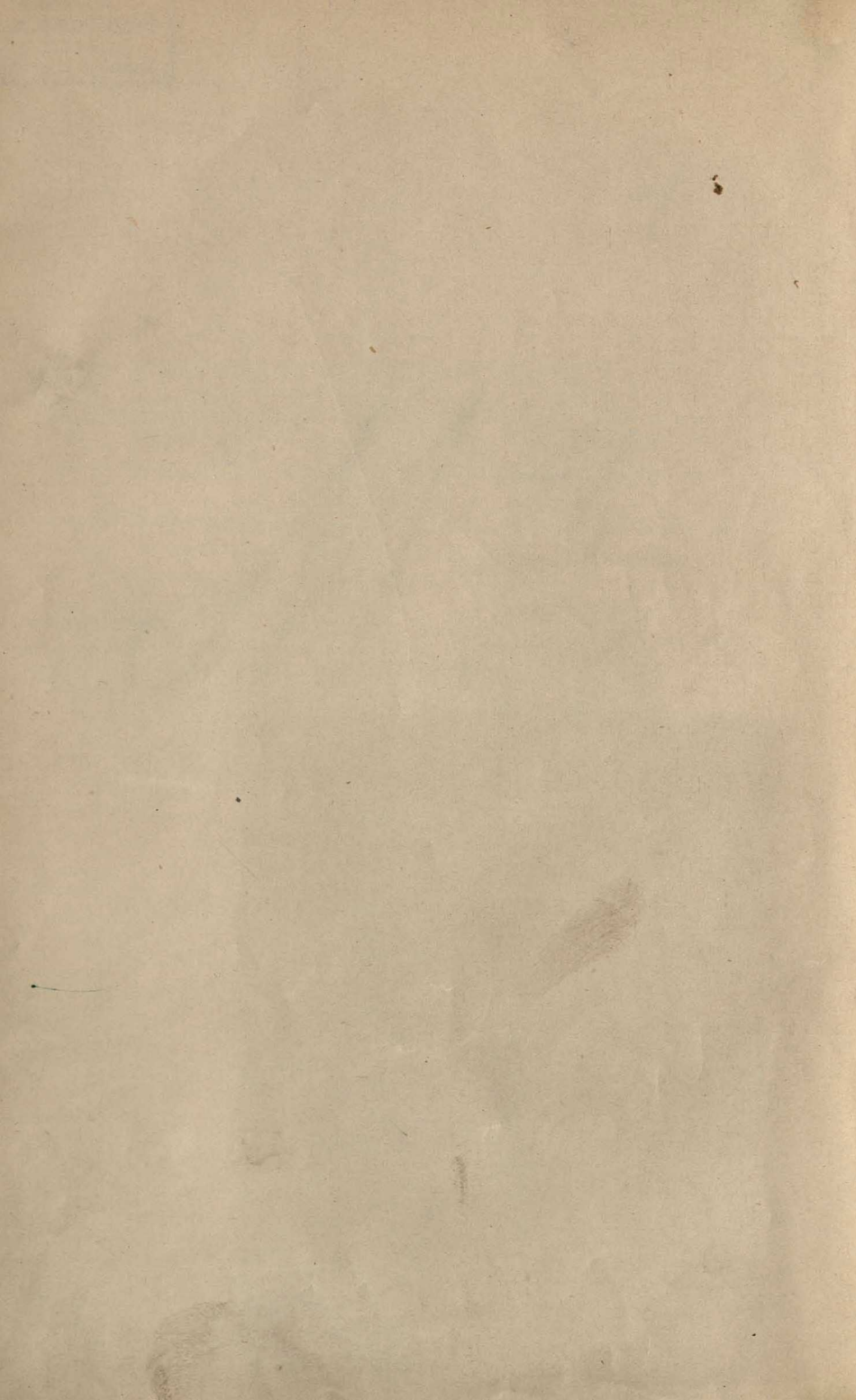

M 41
53

T. 2

ПЕРЕПЛЕТНО-ЛИНЕВАЛЬНАЯ
МАСТЕРСКАЯ
А. В. ПАПКОВОЙ
ВЪ МОСКВѢ,
Салтык. пер., д. Пупышевой.

✓ 11 $\frac{41}{53}$

ИСТОРІЯ КЛАССИЧЕСКАГО ПЕРІОДА ГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Дж. Л. Магаффи,

Профессора Дублинскаго Университета.

Переводъ Александры Веселовской.

ТОМЪ II.

ПРОЗА.

Издание Г. М. Солдатенкова.

Цѣна 3 рубля.

МОСКВА.

Типографія М. П. Щепкина, Средняя Бисловка, домъ Водяныхъ.

1883.

ИСТОРИЯ КЛАССИЧЕСКАГО ПЕРІОДА ГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Дж. Л. Магаффи,

Профессора Дублинскаго Университета.

Переводъ Александры Веселовской.

ТОМЪ II.

ПРОЗА.

Издание Н. М. Солдатенкова.

МОСКВА.

Типографія М. П. Щепкина, Средняя Кисловна, домъ Волговыхъ.

1883.

44925-45

ИСТОРИЯ

КЛАССИЧЕСКАГО ПЕРИОДА

ТРЕТЬЕЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Дж. П. Марфен

Перевод с английского языка

Перевод Александр Васильевич

ТОМ II

ПРОЗА

44925-45

МОСКВА

Издательство М. П. Шейнман, Ленинград

1937

ГЛАВА I.

Вступленіе. — Раннее употребленіе письменъ. — Вліяніе религіи и философіи; начало исторической поры въ шестомъ вѣкѣ до Р. Х.

§ 295. Вступленіе. Исторія греческой прозаической литературы, въ томъ видѣ, въ какомъ она теперь намъ извѣстна, начинается почти одновременно съ концомъ поэтического развитія въ народѣ, или по крайней мѣрѣ съ заключительной порой его самостоятельнаго развитія; хотя немало поэтовъ процвѣтало послѣ появленія наиболѣе раннихъ прозаиковъ, но ни одинъ новый видъ поэзіи, за исключеніемъ развѣ буколическаго, не ведетъ своего начала съ этого времени, и позднѣйшіе поэты только въ рѣдкихъ случаяхъ обладали выдающеюся и стойкой оригинальностью. Поэтому мы позволили себѣ въ систематическомъ обзорѣ греческой литературы рассмотреть весь отдѣлъ поэзіи прежде, чѣмъ перейдемъ къ разбору прозы. Таковъ методъ, принятый теперь нѣмецкими писателями по этому вопросу.

Въ предыдущемъ томѣ я высказалъ убѣжденіе, что всѣ обширныя или тщательно обработанныя поэмы были сочинены уже послѣ изобрѣтенія письменъ, и предложилъ это условіе для опредѣленія самой ранней даты для Илиады въ настоящемъ ея видѣ; многіе выдающіеся критики думали однако иначе и доказывали, что поэзія можетъ возникать и сохраняться безъ подобнаго пособія. Такого разногласія мнѣній не существуетъ, къ счастью, по отношенію къ прозаической литературѣ. Всѣ допускаютъ, что проза немыслима не только безъ письменности, но даже безъ прочно-установившейся привычки къ свободному и продолжительному писанію. Нѣсколько словъ объ исторіи греческой азбуки послужатъ, мнѣ кажется, лучшимъ введеніемъ къ настоящему вопросу.

§ 296. Матеріаломъ для изслѣдованія ранней греческой письменности могутъ служить разнообразныя, повсюду разсѣянные надписи, изъ которыхъ всѣ, открытыя до извѣстной даты, вошли въ Сог-

pus inscriptionum Graecarum Бёкка, остальные же разсѣяны по разнымъ археологическимъ журналамъ. Болѣе точное изученіе этихъ документовъ должно бы происходить при помощи фотографій или факсимиле, такъ какъ форма и свойство буквъ служатъ намъ по большей части единственнымъ средствомъ для опредѣленія эпохи извѣстной надписи. Изслѣдованія этого рода, веденныя методически, получили научное названіе эпиграфики, и при постоянномъ увеличеніи числа раскопокъ и открытій на эллинскомъ востокѣ, наука эта сдѣлалась одной изъ наиболѣе важныхъ и производительныхъ отраслей новѣйшихъ изслѣдованій о греческой старинѣ. Англійскіе университеты совершенно пренебрегли однако этимъ изученіемъ, и лучшіе изъ англійскихъ эллинистовъ, за весьма немногими блестящими исключеніями, столь же беспомощны передъ древне-греческою надписью, какъ еслибъ она была написана на одномъ изъ семитическихъ языковъ. Я могу указать читателю только на нѣмецкій сводъ всѣхъ главныхъ результатовъ по этому вопросу, именно, на Studien zur Geschichte des griechischen Alphabets Кирхгофа (3 изд. 1877 г.). Изъ этой, весьма старательно составленной книги читатель увидитъ, что древнѣйшая изъ надписей, дату которой можно опредѣлить, именно, надпись, начертанная греческими наемниками на ногѣ колоссальной фигуры въ Абу-Симбелѣ, написана далеко не самымъ первобытнымъ видомъ греческой азбуки. А между тѣмъ, надпись эта не могла возникнуть позднѣе 600 г. до Р. Х., а всего вѣроятнѣе начертана около 640 г. 1). Открытыя въ Мелосѣ и Терѣ надгробныя надписи, хотя онѣ и не древнѣе этой эпохи, отличаются гораздо болѣе архаическимъ характеромъ и указываютъ на состояніе іонической письменности болѣе древнее, по крайней мѣрѣ, на цѣлыхъ полъ-столѣтія, и измѣнившееся потомъ въ надписи въ Абу-Симбелѣ. Эти и другіе факты, весьма тщательно собранные Кирхгофомъ, доказываютъ, что финикійская азбука въ двадцать двѣ буквы была, по всему вѣроятію, принята Греками и быстро преобразована до 700 г. передъ Р. Х., быть можетъ, значительно раньше, для удовлетворенія своеобразныхъ потребностей ихъ языка. Для нашихъ цѣлей нѣтъ никакой

1) ΒΑΣΙΛΕΥΣΕΛΘΟΝΤΟΣΕΞΕΛΕΦΑΝΤΙΝΑΝΦΑΜΑΤΙΧΟ
ΤΑΥΤΑΕΓΡΑΨΑΝΤΟΙΣΥΝΦΑΜΑΤΙΧΟΙΤΟΙΟΥΕΟΚΛΟΣ (sc. τοῦ Θεοκλέους)
ΕΠΙΛΕΟΝΗΛΘΟΝΔΕΚΕΡΚΙΟΥΣΚΑΤΥΠΕΡΘΕΝΙΣ (sc. ἑως) ΟΠΟΤΑΜΟΣ
ΑΝΙΝΑΛΟΓΛΟΣΟΣ (sc. ἀλλόγλωσσος) ΔΗΧΕΝΟΤΑΣΙΜΤΟΑΝΥΠΠΟΣΔΕ
ΑΜΑΣΙΣ

ΕΓΡΑΦΕΔΑΜΕΑΡΧΟΝΑΜΟΙΒΙΧΟΚΑΠΗΛΕ ΟΣΟΓΔΑΜΟ

См. у Lepsius, Denkm. XII, снимокъ 99, № 531, факсимиле; точно также у Бёкка, томъ III, стр. 507 (№ 5126).

необходимости настаивать на эпохѣ, предшествовавшей 700 году, хотя постоянно открываемыя въ Олимпіи древнія надписи и доставятъ намъ, быть можетъ, въ скоромъ времени болѣе ясныя и точныя свидѣтельства. Я предсказываю, что по мѣрѣ открытія подобныхъ свидѣтельствъ они только усилятъ, а никакъ не уменьшатъ нашу увѣренность въ древности употребленія письменъ въ Греціи.

§ 297. Эти взгляды подтверждаются другимъ обстоятельствомъ, которое мы замѣчаемъ въ Греціи около той же поры. Появленіе законодателей и составленіе законодательныхъ кодексовъ ясно указываютъ на употребленіе письменъ, такъ какъ мы едва ли можемъ представить себѣ, чтобы постановленія государственныхъ людей были отданы на произволъ неопредѣленныхъ традицій. Эпоха и личности Залевка, Харонда и Ликурга служатъ и понынѣ спорными вопросами, и форма уцѣлѣвшихъ спартанскихъ законовъ можетъ возбудить подозрѣніе въ болѣе позднемъ ихъ происхожденіи ²⁾, но никто не можетъ сомнѣваться, что государственныя уложенія Локріи и Спарты были написаны въ раннюю пору, безъ сомнѣнія, за много лѣтъ передъ появленіемъ законовъ Дракона или Солона, которые прямо относятся къ ближайшимъ эпохамъ до и послѣ 600 года передъ Р. Х. Одновременно съ этимъ развитіемъ закона мы узнаемъ и объ изреченіяхъ Семи Мудрецовъ; списокъ ихъ вѣчно смѣнялся, вмѣщая въ себѣ скорѣе политиковъ, чѣмъ древнѣйшихъ философовъ, и мудрость выражалась у нихъ не только стихами, но и въ краткихъ пословицахъ, которыя легко запечатлѣваются въ народной фантазіи. Когда Геродотъ говоритъ объ Эзопѣ, какъ о раннемъ *λογιστοῖς*, онъ какъ-бы указываетъ на какую-то форму прозаическихъ басенъ, которая была значительно древнѣе его эпохи. Замѣчательно, что и въ наши дни нѣкоторыя дикія племена дѣлали животную басню предметомъ своихъ первыхъ литературныхъ попытокъ, лишь только ознакомлялись съ употребленіемъ письменъ ³⁾. Но все это оставило только слабые и сомнительные слѣды, такъ какъ изреченія семи мудрецовъ и басни Эзопа перешли къ намъ въ переработанной, новѣйшей оболочкѣ, и намъ ничего неизвѣстно о какой-либо ранней прозаической формѣ, въ которой эти произведенія могли впервые

²⁾ Плутархъ приводитъ и объясняетъ ее (Ликургъ, г. 6): *Διὸς Σολλανίου καὶ Ἀθανᾶς Σολλανίας ἱερὸν ἰδρῶσάμενον, φυλάς φυλάξαντα καὶ ὥρας ὥραξαντα, τριάκοντα ἡμεροσίαν σὺν ἀρχαγέταις καταστήσαντα, ὥρας ἐξ ὥρας ἀπελλάζειν μεταξὺ Βαβύκας τε καὶ Κνακιδῶνος, οὕτως εἰσφέρειν τε καὶ ἀφίστασθαι δάμω δὲ τὴν κυρίαν ἡμῶν καὶ κράτος· αἱ δὲ σχολίαν ὁ δᾶμος ἔλοιτο, τοὺς πρεσβυγενέας καὶ ἀρχαγέτας ἀποστατήρας ἡμῶν.* См. у Роулинсона, Геродотъ, III, стр. 346, или Грота, Греція, томъ II, стр. 465 и слѣд. и прим.

³⁾ См. мои «Proleg. to Ancient History», стр. 118, 391.

появиться. Мы имѣемъ однако достаточно доказательствъ всеобщаго употребленія письменъ въ седьмомъ вѣкѣ, доказательствъ, необходимыхъ, по моему мнѣнію, для объясненія развитія греческой лирической поэзіи, составленія законодательныхъ кодексовъ и общаго литературнаго движенія эпохи.

Въ самомъ дѣлѣ, удивительно не то, что писаніе прозою установилось очень рано, а скорѣе то, что оно появилось такъ поздно въ исторіи греческой литературы. Но народный вкусъ такъ удовлетворялся поэзіею, что необходимо было особое вліяніе, помимо простаго знакомства съ письменностью, чтобы побудить людей выражать свои мысли не въ метрической формѣ. Къ этому-то вліянію мы теперь и обратимся.

§ 298. Въ настоящемъ томѣ мы не можемъ разсматривать исторію греческой религіи или философіи, такъ какъ эти два предмета столь обширны и интересны, что требуютъ спеціальнаго изученія. Мы имѣемъ до нихъ дѣло лишь постольку, поскольку они прямо вліяли на образованіе формы или тенденцію литературы вообще. Но, такъ какъ религія подверглась значительнымъ измѣненіямъ въ шестомъ вѣкѣ, когда зародилась философія, то нашъ очеркъ греческой литературы долженъ разсмотрѣть и отдаленнѣйшія вліянія обѣихъ этихъ сферъ на писателей современнаго и послѣдующихъ поколѣній.

Мы отмѣтили уже у Пиндара ¹⁾ нѣкоторые намеки на будущую жизнь, съ ея наградами и наказаніями, и указывали, что эта доктрина возникла благодаря орфическимъ мистеріямъ, весьма распространеннымъ по всей Греціи въ этомъ столѣтіи. Мѣстомъ зарожденія этихъ мистерій обыкновенно считается Піерія во Фракіи, откуда онѣ были занесены будто бы въ Лесбосъ и распространены потомъ по всей Греціи. Мистеріи эти вполнѣ тождественны, съ одной стороны, съ культомъ Діониса, также возникшимъ во Фракіи, но получившимъ отъ соприкосновенія съ Фригіею восторженный и разнузданный характеръ, такъ что днѣпрамбы богу, въ старину пѣвшіеся подъ звуки кивары, сопровождались теперь флейтами и кимвалами; съ другой стороны, орфическіе обряды были связаны съ весьма распространенными мистеріями Деметры и Персефоны, праздновавшимися въ Элевзисѣ. Но еще замѣчательнѣе и важнѣе этихъ указаній отождествленіе Орфея, какъ жреца Аполлона, съ Діонисомъ; кромѣ того, и Орфей, и Аполлонъ, съ которымъ его смѣшивали, нѣкогда враждебные Діонису, примирились въпослѣдствіи съ этимъ божествомъ, сдѣлавшимся, подъ именемъ Загрея, какъ бы сумрачнымъ двойникомъ

¹⁾ Томъ I, стр. 195.

бога солнца, и впоследствии съ нимъ окончательно слились. Эта тайная доктрина отождествленія Аполлона и Діониса была, какъ утверждаютъ, изображена въ Эсхиловой трилогіи о Ликургѣ Фракійскомъ, за что автора обвинили въ богохульствѣ. Ясно поэтому, что дельфійскіе жрецы признали и приняли орфическіе обряды, какъ вполне гармонирующіе съ ихъ собственными вѣрованіями, изъ чего слѣдуетъ, что обряды эти играли въ Греціи важную роль и глубоко запали въ сердца людей.

§ 299. Мы можемъ, однако, вывести изъ скудныхъ свидѣтельствъ позднѣйшихъ писателей заключеніе, что эта обрядовая и таинственная религія, была ли она орфическою, элевзинскою или діонисовою, основнымъ образомъ расходилась съ народными вѣрованіями. Религія эта проповѣдовала отождествленіе самыхъ разнообразныхъ божествъ, быть можетъ, даже единство ихъ. Она приближалась къ догмату одухотворенія природы и считала божественное начало души человѣка, если не всей вселенной, откровеніемъ божества. Она изображала чудесное явленіе страждущаго бога, и добро, временно подавленное силою тьмы, подавала вѣрующимъ надежду на безсмертіе и дѣлала ихъ избраннымъ народомъ,—словомъ, замѣняла древнихъ видимыхъ боговъ Гомера, съ ихъ человѣческой природой, вульгарными любовными похождениями и страстями, мистическими принципами и наполовину понятными толпѣ обрядами. Кажется, нельзя сомнѣваться въ томъ, что установленное дельфійское жречество, усвоивъ ее, заимствовало изъ Египта не только многія подробности новой вѣры, въ родѣ убіенія бога и его воскресенія изъ мертвыхъ, но, главнымъ образомъ, политику египетскихъ жрецовъ, бывшихъ, какъ извѣстно, монотеистами или пантеистами, а между тѣмъ не только терпѣвшихъ, но проповѣдывавшихъ народу весьма сложный политеизмъ. Такъ исчезала понемногу установленная религія: созидались храмы, посвящались статуи, приносились жертвы и совершались празднества въ честь всѣхъ боговъ. Но избранныки, люди посвященные, высшая религіозная іерархія, находили утѣшеніе въ совершенно иныхъ вѣрованіяхъ, огласить которыя не было никакой возможности.

Дѣйствіе ихъ не могло, однако, не ощущаться. Насколько мистеріи эти были извѣстны чуть ли не всѣмъ писателямъ того времени, мы видимъ у нихъ, по крайней мѣрѣ, двѣ руководящія идеи, порожденные ихъ вѣрованіями: идею порядка и законности, какъ въ природѣ, такъ и въ жизни человѣка,—порядка, проистекающаго изъ господства одного высшаго принципа, недоступнаго ни капризу, ни страстямъ,—и понятіе о какой-то тайнѣ, о чемъ-то необъясненномъ въ мірѣ, извѣстномъ лишь избраннымъ сословіямъ и скрытомъ отъ массы.

§ 300. Въ то время, какъ вѣра въ будущую жизнь лишь мимо-летно овладѣла умами Грековъ и скоро исчезла въ своей общедоступ-

ной формѣ, другіе, болѣе широкіе взгляды продолжаютъ господствовать, какъ мнѣ кажется, у большинства писателей, начиная съ Пиндара, и, что всего важнѣе, вліяютъ на раннихъ философовъ, о взглядахъ которыхъ необходимо сказать здѣсь нѣсколько словъ. Отъ произведеній большинства изъ нихъ не осталось, къ сожалѣнію, ни одного отрывка; но, если-бъ даже и осталось что-нибудь, мы все-таки разсматривали бы ихъ, какъ отрасль литературы, а не философіи.

Тѣ же тенденціи, которыя повели въ религіи къ отождествленію различныхъ боговъ и къ усиленному предпочтенію единства культовъ, повліяли, повидимому, и на свѣтскихъ мыслителей въ Милетѣ и побудили ихъ доискиваться единства и въ сущности или матеріи вселенной. Доктрина Thalеса, утверждавшая, что влага была той стихіей, изъ которой образовались различными путями всѣ предметы, прямо аналогична съ культомъ Діониса, бога влаги, которому природа обязана своей растительностью и плодородіемъ, и который вмѣстѣ съ Аполлономъ, богомъ свѣта и тепла, обуславливалъ всѣ измѣненія природы. Теоріи шестого столѣтія зародились въ Іоніи и имѣютъ, какъ отличительную черту, общее исканіе единства. Послѣдователи Thalеса сочли влагу слишкомъ грубой, первобытной стихіей и замѣнили ее болѣе эфирнымъ воздухомъ (Анаксимандръ) или неувимымъ огнемъ (Гераклитъ). Другіе, въ родѣ Ксенофана или Пифагора, пошли далѣе понятій о простой матеріи и искали принципа единства либо въ области чиселъ, съ ихъ вѣчными, неизблѣмыми законами, либо въ высшемъ отвлеченномъ Единствѣ, объясняющемъ всѣ видимыя противорѣчія.

§ 301. Вліяніе этихъ теорій на литературу было двоякое: во-первыхъ, было признано, что предметъ мышленія самъ по себѣ заслуживаетъ изложенія, независимо отъ литературныхъ достоинствъ формы, и что знаніе должно разрабатываться по существу, помимо изящества слога; во-вторыхъ, теоріи эти подтвердили религіозныя поученія мистерій, доказывавшихъ, что «всѣ предметы не таковы, какими кажутся», что общественное мнѣніе и заурядное пониманіе вещей лишены болѣе глубокаго и точнаго смысла, отличающаго опытъ, что въ человѣческомъ знаніи много тайнъ, трудностей, много того, что нелегко понять и еще труднѣе объяснить. Первая теорія породила прозаическую литературу⁵⁾, которая, по достовѣрной традиціи, обязана сво-

⁵⁾ Греки называли этотъ видъ творчества л и с а н і е мъ прозою, такъ какъ они любили относить каждый шагъ въ области культуры къ какому-нибудь опредѣленному лицу. Но, какъ мы уже говорили выше и какъ доказали съ тѣхъ поръ упомянутыя нами надписи, писаніе прозою уже давно примѣнялось къ простымъ надписямъ и къ начертанію законовъ. Но примѣненіе прозы къ литературнымъ цѣлямъ составляетъ совершенно особое дѣло и относится къ болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ можно бы думать.

имъ возникновеніемъ чудодѣйственному Ферекиду Сиросскому, сыну Бабиса, жившему въ срединѣ шестого столѣтія и считавшемуся наставникомъ Пиногора. Его на половину богословская, на половину философская книга, озаглавленная *Ἐπτάμυχος*, и имѣющая предметомъ еогонію и откровеніе боговъ міру, была первою попыткою прозаическаго трактата.⁶⁾

Ни Фалесъ, ни Пиногоръ не оставили послѣ себя ничего писаннаго; замѣчательно, что Ксенофанъ, хотя онъ и былъ яркимъ противникомъ поэтовъ и общественнаго мнѣнія вообще и руководилъ борьбою между философіею и поэзіею, тѣмъ не менѣе не только пользовался поэтическою формою, но и поэтическимъ обычаемъ публичной декламации, для распространенія своихъ взглядовъ. Быть можетъ, не было еще въ то время читающей публики въ новѣйшихъ италійскихъ и сицилійскихъ колоніяхъ, гдѣ жилъ Ксенофанъ, но фактъ все-таки остается достовѣрнымъ, равно какъ и подобный же приемъ со стороны его послѣдователя, Парменида.

Если Феогагенъ, уроженецъ Регіона, первый литературный критикъ, писавшій о Гомерѣ и установившій принципъ аллегорическихъ толкованій, дѣйствительно процвѣталъ около 525 года до Р. Х., только что указанная мною причина должна считаться несостоятельною; но дата эта подкрѣпляется авторитетомъ одного только Таціана, и я не рѣшаюсь отнести литературнаго критика къ числу раннихъ пионеровъ прозаической словесности.

§ 302. Гераклитъ Эфесскій⁷⁾ былъ, напротивъ того, первымъ великимъ греческимъ прозаикомъ и основателемъ новаго теченія въ литературѣ его родной страны. Трактатъ о Природѣ⁸⁾, хотя и не изданный имъ самимъ, былъ списанъ съ рукописи, положенной имъ въ эфесскомъ храмѣ Артемиды, рано прославился и читался въ Сициліи, какъ видно изъ отрывковъ сочиненій его сицилійскаго современника, Эпихарма, и изъ аттическихъ ссылокъ на него вплоть до времени Сократа. Философія этого человѣка, открывшаго, что все органическое растетъ и что ростъ обуславливаетъ движеніе,

⁶⁾ Диогенъ приводитъ веселительную фразу этой книги: Ζεὺς μὲν καὶ Χρόνος ἑασι καὶ Χθὼν ἦν· Χθονὶ δὲ οὐνομα ἐγένετο Γῆ, ἐπειδὴ αὐτῇ Ζεὺς γέρας διδοί. И даже (Clem. Strom.) Ζὰς ποιεῖ φάρος μέγα τε καὶ καλόν· καὶ ἐν αὐτῷ ποικίλλει γῆν καὶ ὕμνον καὶ τὰ ὕμνων δόματα.

⁷⁾ Онъ былъ, повидимому, знатнаго рода и, несомнѣнно, истый аристократъ по чувству. Процвѣталъ онъ около 500—480 г. до Р. Х. и былъ, какъ видно, человѣкомъ упрямымъ и несообщительнымъ. Диог. Лаерт. IX, I, рассказываетъ о немъ различные анекдоты и приводитъ нѣкоторые цитаты, вмѣстѣ съ сомнительными письмами.

⁸⁾ Говорятъ, что онъ носилъ также заглавіе Мобсаи, такъ какъ состоялъ изъ трехъ книгъ, по старинному числу этихъ богинь.

основывалась (подобно элеатской теории Ксенофана) на презрѣніи къ зауряднымъ взглядамъ,—мало того,—на презрѣніи къ нашимъ дюжиннымъ чувствамъ, воспринимающимъ лишь то, что уже вымерло, за невозможностью слѣдить за внутреннимъ движеніемъ каждаго вещества, изъ котораго слагается вселенная. Онъ обращался, поэтому, къ избранной публикѣ и разъединялъ, такимъ образомъ, членовъ общества, чего не встрѣчалось, быть можетъ, до той поры въ греческихъ городахъ.

Но, что еще важнѣе въ литературномъ отношеніи, Гераклитъ былъ первымъ Грекомъ, отважившимся писать неясно и темно, и притомъ безъ малѣйшихъ оговорокъ. Въ этомъ заключается, по моему, важность и новизна его роли въ греческой литературѣ, потому что съ той поры мы видимъ загадочность изложенія явленіемъ весьма обыкновеннымъ даже въ слѣдующемъ поколѣніи, въ то время, какъ въ древней литературѣ она была совершенно неизвѣстна. Въ слѣдующемъ столѣтіи замѣчается щеголянье неясностью среди послѣдователей Гераклита и даже у Фукидида и Софокла, но вскорѣ она снова изгоняется, благодаря здравому смыслу аѳинской публики. Загадочность не встрѣчается уже болѣе вплоть до александрійской эпохи, до которой намъ уже нѣтъ дѣла. Говоря о загадочности, я знаю, что слово это можетъ быть понято различно. Во-первыхъ, есть неясность намековъ, непонятныхъ для читателя; Пиндаръ богатъ этимъ свойствомъ, и только имъ, такъ какъ онъ принадлежитъ къ категоріи заурядныхъ философовъ, которымъ не подѣ силу какая-либо глубокая мысль. Во-вторыхъ, есть неясность, происходящая отъ шероховатаго и манернаго слога. У Эсхила, напротивъ того, мы видимъ не только первый видъ неясности—намекы на мистеріи,—но и неясность мысли, которую трудно изложить и которая оставалась непонятною даже самымъ передовымъ Грекамъ. Мы имѣемъ свидѣтельство Аристофана, которому я вполне вѣрю въ этомъ случаѣ, будто Эсхилъ считалъ даже Аѳинянъ плохими судьями поэзіи и не хотѣлъ приравнивать своихъ произведеній къ ихъ пониманію.

Быть можетъ, недостаточно обращалось вниманія на то, какъ важенъ былъ примѣръ Гераклита, и какъ легко ввести въ моду неясность изложенія. Нужно вспомнить, что Гераклитъ былъ дѣйствительно самобытнымъ, оригинальнымъ мыслителемъ и замѣчательнымъ новаторомъ не только въ области мысли, но и въ слогѣ, такъ какъ писалъ ритмической картинной прозою въ то время, когда проза была еще въ младенчествѣ. Отрывки изъ его произведеній гораздо болѣе поэтичны, въ высшемъ смыслѣ этого слова, чѣмъ стихи Ксенофана, и именно поэтому онъ и пренебрегалъ, быть можетъ, стѣсненіями стиха и прямо записывалъ все измыш-

ленія своего плодovitаго ума. Этимъ объясняется замѣчаніе ритора Деметрія⁹⁾, утверждавшаго, что постоянное отсутствіе союзовъ въ его произведеніяхъ было главною причиною ихъ неясности. Каждая мысль высказывалась самостоятельно, и читателю предоставлялось отыскивать ея логическую связь со всѣмъ остальнымъ¹⁰⁾.

Въ добавленіе къ обширной главѣ о Гераклитѣ у Целлера¹¹⁾ я могу указать на многія блестящія статьи Бернайса, появившіяся съ 1848 по 1869 годъ, иныя отдѣльно, другія въ седьмомъ и восьмомъ томахъ Rhein. Museum. Мы обязаны также г. Байвотеру въ Оксфордѣ новымъ и болѣе полнымъ изданіемъ отрывковъ, числомъ 130, съ Жизнеописаніемъ Діогена и подложными письмами (1877); трудъ этотъ отличается тою же добросовѣстной заботливостію, какъ и всѣ прочія работы этого ученаго.

§ 303. Примѣръ богослововъ и философовъ былъ, однако, плодотворенъ и въ другомъ направленіи, такъ какъ побуждалъ изслѣдователей генеалогіи боговъ излагать свои взгляды прозою. Самые ранніе изъ этихъ писателей окружены полнымъ мракомъ; сомнительно даже, существовалъ ли когда-либо Кадмъ Милетскій, мнимый родоначальникъ исторической науки, и не былъ ли приписываемый ему рассказъ о поселеніяхъ въ Іоніи позднѣйшею поддѣлкой. Акузилай, уроженецъ бѣотійскаго Аргоса, близъ Авлиды, сынъ Кабаса, посвятившій себя изученію мифическихъ генеалогій, главнымъ образомъ заимствованныхъ у Гезіода, не вымышленная личность, о трудахъ которой сохранилось у схолиастовъ до тридцати замѣтокъ; но болѣе этого намъ ничего о немъ неизвѣстно. Столь же не ясна личность и Діонисія Милетскаго, мнимаго автора персидской исторіи; а что касается прозаическихъ произведеній, приписывавшихся Эвмелу Коринѣскому, то они были, безспорно, позднѣйшими передѣлками поэтическихъ повѣствованій. Ферекидъ Леросскій, второе лицо этого имени, несомнѣнно принесъ нѣкоторую пользу въ изученіи генеалогій, которыя даже въ то время (460 до Р. Х.) были единственной исторической записью, всѣми понятою и цѣнимою. Общество, состоящее изъ клановъ, всегда придаетъ большое значеніе родословнымъ, какъ это мы видимъ,

⁹⁾ § 198.

¹⁰⁾ Вотъ образцы слога Гераклита: *ἐμπειδον οὐδέν, ἀλλὰ κως ἐς κοινῶνα πάντα συνειλέονται. ἐστὶ τωτὸ τέρψις ἀτερψίῃ, γνῶσις ἀγνώστῃ, μέγα μικρόν, ἄνω κάτω περιχρῆοντα καὶ ἀμειβόμενα ἐν τῇ τοῦ αἰῶνος παιδιῇ. αἰὼν, παῖς ἐστὶ παῖζων, πεττεῦσιν συνδιαφερόμενος. τὰ δὲ πάντα οἰακίζει κεραινός. οὐ ξυνίασι: ὅπως διαφερόμενον ἐσωτὶ ὁμολογεῖται παλίντροπος ἀρμονίῃ ὥσπερ τῆξου καὶ λύρης.*

¹¹⁾ Phil. d. Griech., I, 556—677.

напримѣръ, у древнихъ Ирландцевъ, чья исторія въ сущности не болѣе какъ простой перечень именъ ¹²⁾. Ксановъ, Харонъ и Скилакъ интересны лишь въ связи съ Геродотомъ (см. ниже стр. 25).

§ 304. Но вторая или критическая стихія вскорѣ введена была въ исторію благодаря другому, болѣе великому человѣку, именно Гекатею Милетскому, имѣющему, по моему мнѣнію, гораздо больше права называться отцомъ греческой исторіи. Онъ былъ предтечею Геродота по своему образу жизни и желанію записывать все, испытанное имъ. Извѣстность его была такъ велика, что къ нему публично обращались Іоняне за совѣтомъ во время своего возмущенія (подготовленнаго Аристагоромъ) противъ Персовъ. Персидское царство было знакомо ему изъ личныхъ наблюденій, и онъ энергично противился всякому возстанію. Когда же ему не удалось убѣдить Іонянъ, онъ посовѣтовалъ имъ захватить первенство на морѣ, собрать общій капиталъ и сосредоточить свои силы; сдѣлать это можно было, по его мнѣнію, лишь употребивъ на нужды войны сокровища, пожертвованныя Крезомъ храму Аполлона въ Бранхидахъ. Эти взгляды обнаруживаютъ въ немъ чловѣка съ широкимъ политическимъ смысломъ. Точно также совѣтовалъ онъ Аристагору подъ конецъ возстанія укрѣпить островъ Лерось ¹³⁾ и ожидать тамъ исхода событій, но въ третій разъ совѣтъ его оставленъ былъ безъ вниманія. Всѣ эти факты подтверждаются авторитетомъ Геродота, который всюду систематически называетъ Гекатея *λογιστοῦς ἄνθρωπος* или *ὁ λογιστοῦς*. Въ одномъ случаѣ онъ говоритъ, будто Гекатей хвасталъ передъ жрецами египетскихъ *Θιβὺς* тѣмъ, что можетъ за пятнадцать поколѣній назадъ отнести свое происхожденіе къ божеству, на что они отвѣчали отрицательно, утверждая, что по крайней мѣрѣ 345 поколѣній жило на землѣ со времени господства боговъ. Геродотъ приводитъ также безъ комментаріевъ его теорію о несправедливомъ изгнаніи изъ Аттики Пелазговъ, и часто пренебрежительно намекаетъ на своего предшественника, не называя его прямо по имени.

¹²⁾ Тѣ, кто смѣется надъ этими ирландскими родословными, не знаютъ, что онѣ были въ сущности документами, такъ какъ каждый, кто могъ доказать свою принадлежность къ семейству О'Нейля или Магвайра, могъ пасти свои стада на землѣ О'Нейля или Магвайра и обрабатывать ее. Поэтому родословныя эти рано возникли и, по всему вѣроятію, рано оспаривались, что придаетъ имъ исключительную цѣнность. То же желаніе доказать свои наслѣдственные права замѣтилъ я и у всѣхъ узурпаторовъ въ ранней греческой исторіи.

¹³⁾ Въ сборникѣ Росса помѣщена надпись (II, стр. 28), въ которой какой-то Гекатей чествуется Лерійцами, какъ основатель и благодѣтель ихъ города. Было ли это лицо извѣстнымъ намъ историкомъ или родственникомъ его, сказать трудно. Объ этомъ фактѣ упоминаетъ Мьюръ (IV, 143).

Изъ этихъ фактовъ, подтверждаемыхъ замѣтками Свида, явствуетъ, что историкъ нашъ родился около олимпіады 57—8 и умеръ послѣ окончанія персидской войны, около олимп. 76. Его высокое общественное положеніе удостовѣряется не только упомянутымъ мною разсказомъ, но и обширными и умно веденными странствованіями Гекатея, указывающими на хорошія средства и связи. Учился-ли онъ у Пифагора, намъ неизвѣстно. Путешествія его обнимали, по видимому, Египетъ, Персію, Понтъ, Фракію, равно какъ и греческій міръ и совершались, по всему вѣроятію, какъ передъ іоническимъ возстаніемъ въ 500 году до Р. Х., когда его громадная опытность была уже всенародно признана, такъ и послѣ 516 г. до Р. Х., когда фракійскій городъ Бориза сдѣлался уже персидскимъ, о чемъ Гекатей упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ географическихъ отрывковъ. Такимъ образомъ, прочно установленное и стройное положеніе персидской монархіи во время управленія Дарія дало, по видимому, Гекатею возможность собрать свои географическіе матеріалы. Изъ разсказа, сохранившагося въ отрывкахъ у Діодора, было выведено заключеніе, будто Гекатей былъ отправленъ посломъ къ Артаверну послѣ завоеванія Іоніи и добился условій, выгодныхъ для соотечественниковъ. Его младшій современникъ, Гераклитъ, называетъ его, наряду съ Гезіодомъ, Пифагоромъ и Ксенофаномъ, человекомъ рѣдкой учености, а Гермогенъ отводитъ ему мѣсто среди великихъ историковъ Греціи.

§ 305. Изъ его сочиненій мы можемъ признать два: географическое описаніе извѣстнаго въ то время міра и историческое сочиненіе, называемое иногда Генеалогіями. Въ обѣихъ этихъ отрасляхъ онъ имѣлъ, какъ кажется, по одному предшественнику—Скилака Каріандскаго, изслѣдовавшаго теченіе Инда для Дарія Гистаспа и автора «Перипла», вскорѣ затерявшагося,—и Акузилая Аргивскаго. Гекатей дополнилъ и усовершенствовалъ атласъ, впервые составленный Анаксимандромъ, и Аристагоръ привезъ, по видимому, съ собой этотъ экземпляръ, чтобы выставить его въ Спартѣ. Подобно Геродоту, и онъ также описывалъ любопытныя явленія природы, но, естественно, вѣрилъ въ нихъ болѣе Геродота, который и уличалъ его, поэтому, въ легковѣріи. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ первымъ греческимъ историкомъ, примѣнившимъ рациональную критику къ народнымъ вѣрованіямъ¹⁴⁾; и его оригинальность

¹⁴⁾ Вотъ главные образцы его приемовъ: Мюллеръ стр. 346: Ἐποίησαν δὲ Ἑλλήνων τινὲς ὡς Ἠρακλῆς ἀναγάγει ταύτην τοῦ Αἰδοῦ τὸν κύνα, οὐτε ὑπὸ γῆν ὁδοῦ διὰ τοῦ σπηλαίου φερομένης, οὐτε ἐτοίμον ὄν περὶσθῆναι θεῶν ὑπόγειον εἶναι τινα οἰκίαν, ἐς ἣν ἀθροίζεσθαι τὰς ψυχὰς, ἀλλὰ Ἐκαταῖος μὲν ὁ Μιλήσιος λόγον εὖρεν εἰκότα, ὅφιν φήσας ἐπὶ Ταινάρῳ τραφῆναι

въ этомъ отношеніи, явившаяся, несомнѣнно, результатомъ вліянія современной милетской философіи, не должна быть оставлена безъ вниманія. Изъ его географическаго сочиненія Карлъ Мюллеръ собралъ до 330 цитатъ, по большей части именъ городовъ, сохранившихся у Стефана Византійскаго, и въ небольшомъ числѣ у Страбона¹⁵⁾. Отъ его Генеалогій, подлинность которыхъ оспаривалась Каллимахомъ, но защищалась Эратосфееномъ и Страбономъ, уцѣлѣло нѣсколько наиболѣе интересныхъ мѣстъ, такъ что общее число отрывковъ, вмѣстѣ съ fragmenta inserta, доходитъ почти до 400. Характерна вступительная фраза Генеалогій¹⁶⁾. О слогѣ Гекатея мы имѣемъ три весьма интересныя сужденія. Страбонъ говоритъ¹⁷⁾, что

δεινόν, κληθῆναι δὲ Ἀίδου κύνα, ἔτι ἔδει τὸν δηγθῆντα τεθνάναι παραυτίκα ὑπὸ τοῦ ἰοῦ· καὶ τοῦτον ἔφη τὸν ὄφιν ὑπὸ Ἡρακλέους ἀχθῆναι παρ' Εὐρουθέας.

Отр. 349. Γηρυόνην δέ, ἐφ' ὅντινα ὁ Ἀργεῖος Ἡρακλῆς ἐστάλη πρὸς Εὐρουθέας, τὰς βοῦς ἀπελάσαι τὰς Γηρυόνου καὶ ἀγαγεῖν ἐς Μυκῆνας, οὐδέν τι προσήκειν τῇ γῇ τῶν Ἰβήρων, Ἐκαταῖος ὁ λογοποιὸς λέγει, 'οὐδὲ ἐπὶ νῆσόν τινα Ἐρύθειαν ἔξω τῆς μεγάλης θαλάσσης σταλῆναι. Ἡρακλέα ἄλλὰ τῆς ἡπείρου τῆς περὶ Ἀμβραχίαν τε καὶ Ἀμφιλόχους βασιλέα γενέσθαι Γηρυόνην καὶ ἐκ τῆς ῥ'πείρου ταύτης ἀπελάσαι: Ἡρακλέα τὰς βοῦς, οὐδὲ τοῦτον φαῦλον ἄθλον τιθέμενον.

Отр. 357. Ἡ πολλὴ δόξα κατέχει μὴ ἔλθεῖν τὸν Αἴγυπτον εἰς Ἀργος, καθάπερ ἄλλοι τε φασι καὶ Ἐκαταῖος γράφων οὕτως: 'ὁ δὲ Αἴγυπτος αὐτὸς μὲν οὐκ ἦλθεν εἰς Ἀργος· λέγεται δὲ τις ἐν Ἀργεῖ πρῶν, ὅπου δικάζουσιν Ἀργεῖοι. Мюрь говоритъ, что въ то время какъ иноземная географія Гекатея была переполнена дѣльных историческихъ замѣчаній, его генеалогіи и свѣдѣнія о греческихъ земляхъ, замѣтки ограничиваются однимъ только мифическимъ періодомъ. Приведенныя мною мѣста показываютъ, что онъ и здѣсь примѣнялъ критическій методъ, и что различіе, дѣлаемое Мюрьемъ, по всему вѣроятію, неосновательно (IV, 71).

¹⁵⁾ К. Мюллеръ сомнѣвается, чтобы подлинное сочиненіе Гекатея уцѣлѣло до временъ Стефана, и полагаетъ, что онъ пользовался искаженнымъ и добавленнымъ экземпляромъ. Такъ Кануя носила въ дни Гекатея названіе Вультурнума, а между тѣмъ она упоминается, на основаніи его сочиненія (отр. 30), подъ своимъ новымъ наименованіемъ. Снимокъ съ составленныхъ имъ изображеній странъ можно найти въ большинствѣ хорошихъ старинныхъ атласовъ и въ приложеніи къ четвертому тому Мюра. Пробѣлъ въ его описаніи берега отъ Неаполя до Генуи вѣрно подмѣченъ Мюрьемъ и указываетъ на прямой запретъ со стороны Римлянъ и Тирренцевъ греческимъ судамъ причаливать къ ихъ берегу. Греческіе корабли должны были, вѣроятно, плыть изъ Неаполя чрезъ Сардинію въ Ментонъ, первый городъ, упоминаемый на всемъ побережьи на сѣверъ отъ Неаполя, по крайней мѣрѣ въ отрывкахъ, сохранныхъ Стефаномъ. Но подобное же отсутствіе упоминанія объ Аѳинахъ, Аргосѣ и иныхъ извѣстныхъ греческихъ городахъ указываетъ на существованіе другихъ причинъ для объясненія пробѣловъ въ книгѣ Гекатея или въ цитатахъ изъ нея Стефана.

¹⁶⁾ Отр. 332. Βούλεται μέντοι διάνοιαν, οἷον ὡς Ἐκαταῖος φησιν ἐν τῇ ἀρχῇ τῆς ἱστορίας: Ἐκαταῖος Μιλήσιος ὧδε μυθεῖται.

Сравни. также § 12. Ἐκαταῖος Μιλήσιος ὧδε μυθεῖται· τάδε γράφω, ὥς μοι ἀληθέα δοκεῖ εἶναι· οἱ γὰρ Ἑλλήνων λόγοι πολλοὶ τε καὶ γελοῖοι, ὥς ἐμοὶ φαίνονται, εἰσίν.

¹⁷⁾ I. стр. 34.

хотя писатели школы Кадма, Ферекида, Гекатей, и покинули метръ, но что во всемъ остальномъ они были поэтами. Гермогенъ ¹⁸⁾ дѣлаетъ общую характеристику его слога, приблизительно въ слѣдующемъ родѣ: «Гекатей Милетскій, у котораго всего болѣе заимствовалъ Геродотъ, пишетъ ясно и понятно, и слогъ его одаренъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ рѣдкою прелестью. Употребляя чистое іоническое нарѣчіе, не смѣшанное съ эпическимъ или инымъ элементомъ, какъ это мы видимъ у Геродота, онъ менѣе поэтиченъ въ своемъ изложеніи ¹⁹⁾ и не отличается такимъ совершенствомъ. Поэтому его нельзя сравнить съ Геродотомъ въ прелести обработки однихъ и тѣхъ же сюжетовъ, ибо содержаніе книги не единственная сторона, могущая увлечь читателя; слогъ, со всѣми его подробностями, имѣетъ также величайшую важность. Такимъ образомъ Гекатей, не обращавшій на слогъ такого же вниманія и заботливости, былъ вполне затемненъ своимъ преемникомъ». Современный намъ читатель, конечно, замѣтитъ совершенно ложную постановку послѣдняго замѣчанія. Нѣтъ сомнѣнія, что Гекатей, даже при удесятеренныхъ усиліяхъ, не могъ бы достигнуть того изящества слога, до котораго дошелъ Геродотъ, писавшій въ ту пору, когда греческая проза изучалась и употреблялась уже въ теченіе цѣлаго вѣка; но факты, на которыхъ основывается свои замѣчанія Гермогенъ, бесспорно вполне точны. Наконецъ, въ Longinus de Sublim., гл. XXVII, авторъ говоритъ: «По временамъ, когда историкъ касается какого-нибудь лица, онъ внезапно покидаетъ свою роль и переходитъ въ тонъ человѣка, имъ описываемаго. Этотъ приемъ можетъ употребляться, когда какой-нибудь неожиданный кризисъ не допускаетъ промедленія со стороны пишущаго и какъ бы вынуждаетъ его перейти отъ одного лица къ другому. Это мы и видимъ у Гекатея. «Кейкъ, огорченный этимъ, немедленно пригласилъ Гераклидовъ, своихъ потомковъ, покинуть страну. Ибо я не въ состояніи помочь вамъ; и такъ, чтобы вы сами не погибли и кромѣ того, не повредили и мнѣ, уходите въ какую-нибудь другую общину» ²⁰⁾».

¹⁸⁾ De gen. dic., II, 12.

¹⁹⁾ Это имѣетъ совершенно иной смыслъ, чѣмъ замѣчаніе Страбона.

²⁰⁾ Отр. 358: «Ἐτι γὰρ μὴν εἶπ' ὅτε περὶ προσώπου διηγούμενος ὁ συγγραφεὺς, ἐξαίφνης παρενχέει εἰς τὸ αὐτὸ πρόσωπον ἀντιμεθίσταται. — Διὸ καὶ ἡ πρόχρησις τοῦ σχήματος τότε ἡνίκα δέξῃς ὁ καιρὸς ὧν διακέλλειν τῷ γράφοντι μὴ δεῖται, ἀλλ' εὐθὺς ἐπαναγκάζει μεταβαίνειν ἐκ προσώπων εἰς πρόσωπα: ὥς καὶ παρὰ τῷ Ἑκαταίῳ. Κῆος δὲ ταῦτα δεῖν ποιούμενος, αὐτίκα ἐκέλευε τοὺς Ἡρακλείδας ἐπιγόνους ἐκχωρεῖν. Οὐ γὰρ ὑμῖν δυνατόν εἰμι ἀρήγειν ὥς μὴ ὧν αὐτοῖς τε ἀπόληται καὶ ἐμὲ τρώσῃτε, ἐς ἄλλον τινὰ δῆμον ἀποίχεσθαι». Замѣчательно неокончательное наклоненіе ἀποίχεσθαι. Не возвращался ли Гекатей здѣсь къ повѣствовательной формѣ?

§ 306. Я достаточно остановился на дѣятельности Гекатея, въ которой всего яснѣе воплотилось положительное направленіе шестого вѣка, въ противоположность его умозрительнымъ и мистическимъ стремленіямъ. У него во всемъ замѣчается положительность, наблюдательность и строгая передача всего подмѣченного. Такимъ образомъ положительныя стремленія, завершившіяся превосходными историческими и географическими сочиненіями позднѣйшихъ временъ, были обязаны своимъ появленіемъ этой ранней школѣ практическихъ изслѣдователей. Я не хочу однако слѣдить далѣе за развитіемъ этой стороны греческой словесности и буду изучать преемниковъ Гекатея лишь въ связи съ ихъ наиболѣе знаменитымъ и совершеннымъ типическимъ представителемъ, Геродотомъ. Я считаю себя въ правѣ сдѣлать это не только потому, что персидскія войны совершили столь великій переломъ въ греческой исторіи, что ни одинъ видъ литературы, кромѣ хоровой лирической поэзіи, не остался послѣ нихъ нетронутымъ, но и потому, что Милетъ, этотъ великій умственный питомникъ Греціи, этотъ центръ ея искусства, философіи и исторіи, былъ вполне разоренъ Персами въ началѣ шестого столѣтія, вслѣдствіе чего была безпощадно нарушена блестящая послѣдовательность развитія греческой мысли. Вплоть до этого времени имя Милета попадаетъ намъ въ каждой умственной области; съ той поры оно на нѣсколько столѣтій совершенно исчезаетъ изъ изслѣдованій. Простыя описанія грубой пастушеской жизни и любви сельскихъ парней долгое время были извѣстны подъ именемъ милетскихъ разсказовъ; это блѣдное и жалкое отраженіе самаго яркаго и бурнаго солнечнаго заката во всей исторіи греческой мысли. Прозаическая литературъ былъ нанесенъ ударъ, отъ котораго она никогда не оправилась; въ то время, какъ іоническая проза (какъ и слѣдовало ожидать) склонялась къ повѣствовательной или философской формѣ, гибель ея родины перенесла центръ тяжести въ Аттику, гдѣ риторическая стихія получила такое преобладаніе, что взяла верхъ надъ всѣми видами прозаическаго творчества. Вслѣдствіе этого, какъ замѣчаетъ Мьюръ,²¹⁾ греческая проза навсегда заглухла, и мы имѣемъ лишь одинъ образецъ того, чѣмъ могла бы быть повѣствовательная проза, еслибъ не вредное вліяніе Аѳинъ. Геродотъ, при всей своей геніальности, не могъ противоудѣйствовать напору аттического вліянія; тѣмъ не менѣе его замѣчательное произведеніе ясно показываетъ намъ, чего можно бы было ожидать отъ литературы, не случись покореніе Іоніи, а, главное, разореніе Милета.

²¹⁾ IV, 127.

Я не коснулся здѣсь еще одного, но могущественнаго направленія религиозныхъ мистерій шестого вѣка, въ особенности культа Діониса, — т. е. драматическаго элемента. Эта сторона дѣла была уже разсмотрѣна мною въ отдѣльной главѣ ²²⁾, когда я обсуждалъ другой фазисъ исторіи того же вопроса.

ГЛАВА II.

Геродотъ и современные ему іоническіе прозаики.

§ 307. Несмотря на то, что Милетъ, этотъ великій центръ и главный источникъ іонической культуры, погибъ безвременно, вліяніе, имъ уже оказанное на восточную Элладу, не могло сгладиться мгновенно. Цѣлый рядъ писателей пытался воспользоваться прозою для историческихъ цѣлей и вдохновилъ древне-милетскимъ духомъ Геродота, который, хотя и дожилъ до пелопоннезскихъ войнъ и былъ свидѣтелемъ ученія софистовъ и возникновенія аѣинской риторики, тѣмъ не менѣе, по складу своего ученія до такой степени оставался истымъ Іоняниномъ, такъ приближался по духу и культурѣ къ Эпихарму, Пиндару и Эсхилу, что въ систематическомъ обзорѣ греческой литературы онъ долженъ быть разсмотрѣнъ среди своихъ предшественниковъ, какъ человѣкъ, выступившій не ко времени. Но аѣинская культура не поглотила еще тогда, быть можетъ, всего духа греческой литературы, и слогъ Гелланика, младшаго современника Геродота или, по крайней мѣрѣ, сверстника его, наводитъ насъ на подозрѣніе, что Геродотъ не былъ такимъ исключительнымъ явленіемъ, какъ обыкновенно полагаютъ.

Мы имѣемъ позднее, но весьма вѣское свидѣтельство Діонисія Галикарнасскаго, будто Геродотъ родился «не задолго до персидскихъ войнъ»; онъ былъ бы въ такомъ случаѣ старше, чѣмъ утверждалъ Памфилъ, указывавшій на 484 г. до Р. Х., какъ на годъ его рожденія. Такъ какъ отсутствіе всякихъ позднѣйшихъ намековъ на него дѣлаетъ вѣроятнымъ, что онъ умеръ до 420 г. передъ Р. Х., то весьма возможно, что онъ родился передъ марафонскою битвою.

²²⁾ Томъ I, гл. XIV.

Галикарнассъ считается обыкновенно его родиною, хотя, благодаря его продолжительному пребыванію въ Оуріи, Аристотель, приводя въ своей Риторикѣ вступительныя слова его исторіи²³⁾, называетъ его Оурійцемъ. Въ отрывкѣ изъ посланія Юліана, приведенномъ Сви-дою, Геродотъ названъ также Оурійскимъ *logoroios*. Но Страбонъ приводитъ оба его прозвища и объясняетъ ихъ упомяну-тымъ нами весьма яснымъ способомъ. Свида утверждаетъ, что ро-дителей его звали Ликсомъ и Дріо или Рѳо, и что съ отцовской или материнской стороны Паніазій приходился ему дядею. Уцѣлѣвшая эпитафія или эпиграмма удостовѣряетъ имя его отца, а безвѣст-ность родителей Геродота, которыхъ Свида называетъ, правда, зна-менитыми, какъ бы ручается до нѣкоторой степени за достовѣр-ность этого преданія.

Я не вижу причины сомнѣваться въ родственныхъ связяхъ Пані-азія съ Геродотомъ, тѣмъ болѣе, что связи эти получаютъ нѣкото-рую правдоподобность отъ своеобразнаго и исключительнаго воспи-танія, очевидно, полученнаго Геродотомъ. Посредствомъ сравнитель-ной таблицы фразъ²⁴⁾ было доказано, что его знакомство съ поэмами Гомера превышало то, чего можно бы ожидать при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, но что становилось вполне понятнымъ, если пред-положить сношенія между нимъ и Паніазіемъ, воскресившимъ изу-ченіе эпической поэзіи. Онъ ссылается также на циклическихъ поэтовъ, на Гезіода, гномическихъ и лирическихъ стихотворцевъ и раннихъ трагиковъ, Эсхила и Фриниха. Должно быть, скорѣе по случайности, чѣмъ по незнанію, онъ исключаетъ Каллина, Тиртея, старшаго Симонида, Стезихора, Эпименида и Эпихарма изъ своего списка поэтовъ, обнимающаго почти всю древнюю литературу. Два сицилійскіе поэта оставались, быть можетъ, неизвѣстными ему вплоть до его посѣщенія Оуріи, но вообще онъ пишетъ, какъ че-ловѣкъ, у котораго подъ рукою всѣ величайшіе писатели, быть можетъ, посѣщавшіе даже домъ Паніазія и, конечно, находившіеся въ Аѳинахъ, куда онъ пріѣхалъ въ зрѣломъ возрастѣ. Свида разска-зываетъ, правда, что Геродотъ былъ изгнанъ въ Самось Лигдами-домъ, внукомъ Артемизіи, которую онъ съ восторгомъ чествовалъ въ своей исторіи; что онъ въ послѣдствіи вернулся и добился осво-божденія своей родины и изгнанія Лигдамида, но что, видя всеоб-щую ненависть къ себѣ, онъ удалился въ Оурію, гдѣ поселился и умеръ. Но всѣ эти факты, еслибъ они были вѣрны, врядъ ли остались бы безъ подтвержденія, какъ его собственными намеками,

²³⁾ III, 9.

²⁴⁾ Мьюръ (томъ II, прилож. Q) приводитъ неполный списокъ фразъ.

такъ и показаніями раннихъ свидѣтелей ²⁵). О томъ, женился ли Геродотъ и оставилъ ли потомство, намъ ничего не извѣстно.

§ 308. Такимъ образомъ, мы можемъ только утверждать, что значительная часть его молодости прошла въ странствіяхъ, имѣвшихъ, очевидно, цѣлью собираніе историческихъ матеріаловъ ²⁶). Ихъ онъ привезъ, должно быть, въ Аѣны достаточное количество, такъ какъ настолько прославился, что Софокль, какъ утверждаютъ Плутархъ и Свида, сочинилъ въ честь его оду въ 440 г. до Р. Х. Весьма вѣроятно, поэтому, что еще до этой поры онъ посѣтилъ Верхній Египетъ, Сузіану, Вавилонъ (вплоть до Ардерикки и Экбатаны), Колхиду и Скиею, Фракію, Додону, Закинѣ, Кирену и большинство странъ, которыя входили въ этотъ обширный районъ. Распространеніе торговыхъ предпріятій Милета и Фокеей, безопасность, доставляемая персидскими завоеваніями и хорошимъ управленіемъ Азіи и Египта, дѣлали подобныя путешествія не только возможными, но, быть можетъ, даже весьма обыкновенными. Уже во дни Солона посѣщеніе, по крайней мѣрѣ, хоть лидійскаго двора и чудесъ Нижняго Египта считалось необходимымъ условіемъ исполнѣ законченнаго воспитанія.

Восточныя путешествія Геродота относятся, повидимому, къ эпохѣ до его удаленія въ Θурию, но опредѣлить время и послѣдовательность ихъ мы не имѣемъ возможности. Намъ извѣстно только, что онъ видѣлъ послѣ 460 года до Р. Х. ²⁷) поле сраженія при Папремисѣ, вѣроятно, въ то время, пока аѣнскія войска занимали еще часть страны. Псевдо-Плутархъ утверждаетъ, что, прибывъ въ Аѣны, Геродотъ декламировалъ тамъ отрывки изъ своего историческаго труда, а по отзыву Свида онъ вполнѣдствіи дѣлалъ то же самое и въ Олимпіи; но послѣднее извѣстіе, очевидно, вымышлено и навѣяно, по всему вѣроятію, публичными чтеніями, ставшими вполнѣдствіи модными въ Олимпіи. Первое извѣстіе также не много правдоподобнѣе, если дѣло шло не о простомъ чтеніи въ из-

²⁵) Въ эти легенды отвергаются Бауеромъ въ его изслѣдованіяхъ, какъ измышленія, распространившіяся въ то время, когда популярность Геродота начала возрождаться послѣ долгаго забвенія. Но этотъ поводъ къ недовѣрію отвергнуть Вейлемъ въ *Revue Critique* отъ 1 января, 1880 г.

²⁶) Странствованія съ литературными цѣлями были такою рѣдкостью въ эту раннюю пору, что я не раздѣляю увѣренности К. О. Мюллера и другихъ, положительно утверждающихъ, что Геродотъ не имѣлъ другой цѣли. Сюда могли замѣшаться и торговыя соображенія, хотя трудно представить себѣ, чтобы столь разнообразныя снѣткіи содѣйствовали систематическому веденію дѣла. По замѣчанію Штейна, странствованія Геродота простирались, повидимому, вплоть до персидскихъ предѣловъ; обо всемъ, что находилось за ними, онъ говоритъ только по наслышкѣ.

²⁷) III, 12.

бранномъ кругу друзей. Но въ такомъ случаѣ становится совершенно непонятнымъ рассказъ о десяти талантахъ, присужденныхъ автору публичнымъ голосованіемъ ²⁸⁾. А между тѣмъ большинство новѣйшихъ нѣмецкихъ критиковъ вѣрять, какъ въ самый фактъ чтенія, такъ и въ награду со стороны государства ²⁹⁾.

Весьма вѣроятно, что Геродотъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Аѣинахъ, послѣ чего, вмѣстѣ со многими другими знаменитыми людьми, присоединился къ тѣмъ выходцамъ, которые основали Θурію, около мѣста, гдѣ прежде находился Сибарисъ (въ 443 г. до Р. Х.) ³⁰⁾. Въ Аѣинахъ онъ, несомнѣнно, долженъ былъ познакомиться со многими изъ находившихся тамъ въ то время блестящихъ мыслителей, не говоря уже о Софоклѣ, повидимому, обязанномъ ему, по меньшей мѣрѣ, тремя мѣстами въ своихъ трагедіяхъ. Я имѣю въ виду отрывокъ изъ Антигоны, поставленной въ 440 г., гдѣ происходитъ любопытное разсужденіе о томъ, что потеря брата имѣетъ больше значенія, чѣмъ смерть мужа; нападки на обычаи Египтянъ въ «Эдипъ въ Колонѣ», ст. 337 и слѣд., и перечень людскихъ бѣдствій въ хорѣ (1211 и слѣд.) ³¹⁾.

Изъ сильно демократическаго оттѣнка позднѣйшей части исторіи Геродота, вопреки аристократическому прошлому и родству его, можно заключить, что онъ подпалъ вліянію Перикла и его политическихъ взглядовъ. Но, допустивъ это и даже посѣщеніе Геродотомъ Аѣинъ послѣ сооруженія Пропилей (430 г. до Р. Х.), мы не можемъ не подивиться незначительности вліянія, оказаннаго на его исторію аттическимъ мышленіемъ и слогомъ. Сжатая, логическая рѣчь Антифона, величественный пафосъ Перикла, изысканность Еврипида, вся школа софистовъ кажутся какъ бы порожденіями другой эпохи,

²⁸⁾ Ср. Euseb. Chron. ad. Ol. 83—4.

²⁹⁾ Штейнъ, Введен. къ его изданію, I, стр. XXII, прим.

³⁰⁾ К. О. Мюллеръ замѣчаетъ, что нѣтъ никакихъ указаній, чтобы Геродотъ покинулъ Аѣины въ 443 г.; по мнѣнію того же авторитета, онъ могъ не покидать ихъ до начала пелопоннесской войны. Но это отнесло бы сочиненіе его историческаго труда къ слишкомъ поздней эпохѣ, если принять вмѣстѣ съ Мюллеромъ, что онъ не былъ написанъ до удаленія Геродота въ Италію!

³¹⁾ Ср. далѣе отрывокъ 380 объ изобрѣтеніи игръ для утоленія мученій голода и отр. 467 о наводненіи Нила, причиненномъ тающимъ снѣгомъ. Упомянутый выше отрывокъ изъ Антигоны считается нѣкоторыми критиками подложнымъ, но защищается Бирхгофомъ при помощи весьма разумныхъ доводовъ, (Ent. des Herodot. Gesch., стр. 8—9). Хотя, какъ онъ говоритъ, мы и не можемъ представить себѣ, въ какую именно позднѣйшую эпоху подобная вставка могла показаться популярною, гораздо болѣе вѣроятно, что Софоклъ узналъ этотъ разсказъ частнымъ образомъ отъ Геродота, чѣмъ предположить, что онъ списалъ его изъ только что появившагося труда. Ср. у Штейна, введеніе, стр. XXV.

другой атмосферы. Въ этой средѣ Геродотъ представляется намъ, по крайней мѣрѣ въ умственномъ отношеніи, чѣмъ-то въ родѣ Оливера Гольдсмита, часто осмѣяннаго друзьями за свою простоту, несомнѣнно, не оцѣеннаго по заслугамъ, а между тѣмъ далеко превышавшаго своихъ остроумныхъ критиковъ мѣткостью, изяществомъ, пафосомъ, и завоевавшаго въ литературѣ своей родины мѣсто, о которомъ никогда не думали его современники. Но предположеніе это, быть можетъ, слишкомъ фантастично, и изъ страннаго факта слабаго вліянія на Геродота я готовъ бы скорѣе вывести заключеніе, что главная часть его труда была уже окончена, когда онъ прибылъ въ Аѣины, и что онъ посвятилъ свои досуги дополненію и отдѣлкѣ его. Есть, правда, у него немало намековъ на текущія событія послѣ 431 г. до Р. Х.³²⁾, и они влетены въ общій ходъ повѣствованія, но, тѣмъ не менѣе, позднѣйшіе намеки эти, касающіеся начала пелопоннесской войны и другихъ событій, случившихся, быть можетъ, не ранѣе 425 г. до Р. Х., легко могутъ быть отдѣлены отъ главнаго разсказа и составляютъ, по всему вѣроятію, добавленія къ какому-нибудь исправленному экземпляру, въ которомъ Геродотъ ссылается даже на недовѣріе, оказанное нѣкоторымъ изъ его сообщеній. Онъ упоминаетъ³³⁾ о какомъ-то отдѣльномъ сочиненіи объ Ассиріи, отъ котораго не осталось, очевидно, даже слѣда, такъ что многіе полагаютъ, что онъ имѣлъ въ виду лишь болѣе обширный эпизодъ, который намѣревался вставить въ свое сочиненіе.

§ 309. Жизнь Геродота, которую нѣкоторые критики весьма неправдоподобно продлили до слѣдующаго столѣтія, окончилась либо въ Фуріи, гдѣ онъ былъ даже, будто бы, похороненъ на торговой площади, либо въ Аѣинахъ. Тревожное состояніе Фуріи и позднѣйшіе намеки на Аѣины придаютъ послѣднему предположенію достаточно вѣроятности. По третьему показанію могила его находилась будто-бы въ Пеллѣ, въ Македоніи, что уже совсѣмъ невѣроятно. Полное отсутствіе указаній на сицилійскую экспедицію, вмѣстѣ съ привычкою Геродота связывать свой трудъ съ новѣйшими временами посредствомъ разныхъ намековъ, служатъ ясными доказательствами того, что смерть застигла его до названнаго событія. Возникали споры о

³²⁾ V. 77, VI. 91, 98, VII. 137, 223; IX. 93 и т. д.

³³⁾ I, 106 и 184. Проф. Роулинсонъ приводитъ мѣсто изъ Естественной исторіи Аристотеля, и нѣкоторыя замѣтки о парейанскихъ обычаяхъ у Іоанна Малалы, быть можетъ, заимствованныя изъ этого сочиненія, но, основываясь на лучшихъ рукописяхъ, которые Кирхгофъ подтвердилъ еще выраженіемъ πεποικη, употребленнымъ Аристотелемъ, отрывокъ этотъ взять у Гезіода.

томъ, окончено-ли его произведение, и, по обыкновенію, мнѣнія критиковъ раздѣлились; иные утверждали, что взятіе Сестоса совершенно естественно и логично заканчиваетъ книгу; другіе думаютъ, что Геродотъ имѣлъ, навѣрно, намѣреніе перейти къ дальнѣйшимъ событіямъ, находящимся въ связи съ этимъ обстоятельствомъ. Мнѣ же кажется, что хотя авторъ и думалъ, быть можетъ, прибавить еще нѣкоторыя подробности, какъ видно изъ одного, неисполненнаго имъ обѣщанія ³⁴⁾, тѣмъ не менѣе, главный сюжетъ былъ исчерпанъ имъ послѣ разсказа объ изгнаніи Персевъ изъ Европы, и весь трудъ вполне законченъ.

Точно также спорили и о томъ, написалъ-ли Геродотъ свое сочиненіе въ среднемъ или зрѣломъ возрастѣ. По замѣчанію Мюра, за отсутствіемъ постороннихъ свидѣтельствъ, самый тонъ и слогъ всего сочиненія безспорно заставляютъ предположить въ авторѣ челоуѣка стараго, передающаго молодому поколѣнію результаты своего долгаго опыта. Убѣжденіе это усиливается уже упомянутымъ мною контрастомъ между Геродотомъ и его аттическими современниками. Большинство споровъ о жизни Геродота отличается подобной же неопредѣленностью и неясностью, и является въ сущности только пустой тратой времени. Замѣчу при этомъ, что самый обстоятельный біографъ его, Дальманъ, былъ, какъ мнѣ кажется, наиболѣе несчастливъ и нелогиченъ въ своихъ догадкахъ, изъ которыхъ я не воспользовался ни одною.

§ 310. Въ послѣдніе годы Кирхгофъ занялся занимающимъ насъ вопросомъ съ своимъ обычнымъ остроуміемъ и рассмотрѣлъ въ отдѣльной брошюрѣ ³⁴⁾ тѣ свидѣтельства, которыя заключаются въ самомъ трудѣ, и которыя, какъ онъ вполне правильно замѣчаетъ, составляютъ единственный, вполне надежный матеріалъ. По его мнѣнію, ранняя часть произведенія Геродота носитъ слѣды знакомства автора съ Аѣинами, что видно изъ сравненія размѣровъ Экбатаны съ окружностью Аѣинъ ³⁵⁾, изъ опредѣленія разстояній посредствомъ сравненія съ пространствомъ, отдѣляющимъ аѣинскую агору отъ Олимпіи ³⁶⁾, изъ знакомства Геродота съ эсхиловою поэзіею и изъ превращенія имъ персидскихъ мѣръ въ аттическія ³⁷⁾. Изъ этого Кирхгофъ выводитъ заключеніе, что нашъ историкъ прибылъ въ Аѣины изъ своихъ путешествій около 446 до Р. Х. и довелъ свой трудъ вплоть до III, 119 (т. е. до разсказа о женѣ

³⁴⁾ Die Entstehungszeit des herodotischen Geschichtswerkes, 2 изд., Берлинъ, 1878 г.

³⁵⁾ I, 98.

³⁶⁾ II, 7.

³⁷⁾ Op. cit. стр. 12.

Интаферна) уже въ Аѳинахъ, въ началѣ 442 года до Р. Х., такъ что Софоклъ имѣлъ возможность познакомиться съ нимъ. Кирхгофъ думаетъ, что критика діалога между персидскими заговорщиками ³⁸⁾, на которую Геродотъ впоследствии язвительно указывалъ ³⁹⁾, могла послужить поводомъ къ пріостановкѣ его труда и къ переѣзду его самого въ Фурию въ интересахъ Перикла, которому онъ горячо поклонялся. Оттуда онъ посѣтилъ Сицилію и Великую Грецію, послѣ чего возвратился къ своему историческому труду, обогащенный специальными свѣдѣніями по кротонскимъ легендамъ. Изъ 77 ст., гдѣ уже упоминается объ аѳинскихъ Пропилеяхъ, оконченныхъ не раньше 431 г. до Р. Х., и изъ другихъ намековъ, встрѣчающихся въ позднѣйшихъ книгахъ, можно заключить, что историкъ нашъ вернулся въ Аѳины около этого времени и довелъ свое сочиненіе до 428 г. до Р. Х.,—время, когда встрѣчаются у него позднѣйшія ссылки на текущія событія. Кирхгофъ полагаетъ, что работа пріостановилась тогда за смертью Геродота, такъ какъ иначе въ ней появился бы рассказъ о побѣдѣ при Эвримедонѣ ⁴⁰⁾.

Всѣ эти остроумные доводы построены однако на гипотезѣ, что текстъ нашъ остался совершенно въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ находился первоначально, и что въ него не было впоследствии вставлено никакихъ намековъ. Аргументъ а silentio, употребленный для того, чтобы 428 годъ до Р. Х. счесть послѣднимъ годомъ литературной дѣятельности Геродота, тоже весьма шатокъ. Несомнѣнно также, что допускаемое Кирхгофомъ успѣшное чтеніе въ Аѳинахъ, сопровождавшееся публичными наградами, никакъ не могло быть чтеніемъ первыхъ трехъ книгъ, а скорѣе трехъ послѣднихъ, въ которыхъ дѣйствительно прославляются Аѳины. Эти соображенія опровергають или традицію, или теорію Кирхгофа.

Въ Неаполитанскомъ музеѣ находятся два бюста Геродота, изъ которыхъ ни одинъ не отличается хорошей работой, и которые, кромѣ того, не очень похожи между собою и врядъ ли относятся къ тому же подлиннику. Одинъ изъ нихъ изображенъ въ видѣ двойной Гермы; позади находится изображеніе Фукидида; другой бюстъ меньше и болѣе простъ, но съ своеобразно некрасивымъ и ласковымъ лицомъ, нѣсколько похожимъ на бюстъ Сократа, и съ тѣмъ кроткимъ, какъ будто довѣрчиво-болтливымъ выраженіемъ, которое мы вправѣ ожидать отъ нашего историка. Я готовъ бы признать въ этомъ бюстѣ нашъ лучшій авторитетъ, еслибъ новѣйшія сви-

³⁸⁾ III, 80.

³⁹⁾ VI, 43.

⁴⁰⁾ Op. cit.; ср. его заключеніе, стр. 26.

дѣтельства подтвердили присутствіе Оукидида въ этомъ двойномъ извѣяніи.

§ 311. Переходя отъ историка къ его труду, мнѣ необходимо заявить прежде всего, что я не намѣренъ представить здѣсь обзора каждой отдѣльной книги, такъ какъ подобный отчетъ даетъ ложное понятіе объ этомъ трудѣ, который, хотя и подчиняется общему плану, изобилуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ такимъ множествомъ отступленій, большихъ и малыхъ, столькими повсюду разсѣянными замѣчаніями, полными литературнаго и археологическаго интереса, анекдотами, до такой степени отмѣченными національною или личною своеобычностью, что читатель можетъ открыть книгу на любомъ мѣстѣ и постоянно найти ее поучительною и занятною. Даже тщательная передача главной мысли,—въ родѣ той, которую исполнилъ Мьюръ, не даетъ точнаго понятія объ общемъ впечатлѣніи, которое можно гораздо лучше оцѣнить, пересмотрѣвъ какихъ-нибудь двадцать главъ.

Планъ книги ясно изложенъ въ самомъ началѣ ея. Авторъ хочетъ описать великую борьбу Грековъ и варваровъ, чтобы не погибла память о великихъ дѣяніяхъ, совершенныхъ и тѣми, и другими, и чтобы извѣстна была настоящая причина борьбы. И такъ, Геродотъ останавливается не на какой-либо мелкой распрѣ между сосѣдними греческими ⁴¹⁾ городами, не на несогласіи, имѣющемъ временное значеніе, а на великомъ столкновеніи Востока съ Западомъ, свободы и деспотизма, продолжающемся, измѣняясь, какъ Протей, вплоть до нашей эпохи. Первымъ результатомъ этого широкаго замысла, высоко поднявшагося надъ узкимъ патріотизмомъ преемниковъ Геродота, оказалось то, что его исторія болѣе знакомитъ насъ съ положеніемъ древнихъ народовъ и ихъ культуры, чѣмъ дѣлаютъ это всѣ остальные греческіе историки, взятые вмѣстѣ.

§ 312. Предисловіе Геродота касается миѣческихъ столкновеній между Греками и народностями Азіи, но послѣ весьма краткаго очерка, сдѣланнаго въ пяти главахъ, Геродотъ смѣло покидаетъ миѣческую точку зрѣнія, не старается вовсе рѣшить оспаривавшійся вопросъ о первомъ нападеніи, и заявляетъ о своемъ намѣреніи начать съ перваго изъ восточныхъ враговъ Греціи, напавшаго на эту страну, и за подлинность котораго онъ можетъ лично поручиться; онъ не забываетъ поговорить при случаѣ и о судьбѣ городовъ, большихъ и малыхъ, зная, какъ измѣнчиво счастье людей, и какъ ихъ величіе растетъ и падаетъ съ теченіемъ времени. Онъ сразу начинаетъ съ лидійскаго царя Креза и даетъ отчетъ объ этомъ царствѣ съ основанія его Гигесомъ вплоть до его разоренія Киромъ, поминутно уклоняясь

⁴¹⁾ IV, 276—94.

въ сторону, чтобы описать постоянные захваты Лидіи и завоеванія ея іоническихъ городовъ. Характеристика древностей Іоніи и ея связей съ Атикою и Ахеею, заимствована, по всему вѣроятію, изъ поэмы дяди Геродота, Паніазія, и весьма любопытна во всемъ, что касается федеративнаго строя, нарѣчій и культуры древнихъ Іонянъ ⁴²⁾. Сюда вставлены также эпизоды, полные драматическаго интереса,—легенды о посѣщеніи Креза Солономъ, трогательная исторія объ Атисѣ; нѣкоторыя подробности имѣютъ историческое значеніе, какъ, напримѣръ, описаніе управленія Пизистрата, возвеличенія Спарты, благодаря Ликургу, и ея ранней борьбы съ Тегеею. Завоеваніе Лидіи Киромъ заставляетъ Геродота коснуться усиленія мидійскаго царства и его сліянія съ персидскимъ, вслѣдствіе возмущенія Кира. Онъ описываетъ также обычаи и религію Персовъ, завоеваніе Іоніи, Каріи и Ликии, и приводитъ замѣчанія обо всѣхъ этихъ народностяхъ и ихъ обычаяхъ. Слѣдующая война Кира приводитъ историка къ Вавилону, который онъ тщательно описываетъ, причемъ дѣлаетъ очеркъ его позднѣйшей судьбы ⁴³⁾. Первая книга заканчивается смертью Кира въ битвѣ противъ сѣверныхъ варваровъ.

§ 313. Геродотъ совершенно непринужденно и съ большимъ мастерствомъ касается, какъ этихъ, такъ и многихъ другихъ сюжетовъ. Онъ никогда не разочаровываетъ читателя медлительностью и не надоѣдаетъ ему неудшими къ дѣлу уклоненіями. При столкновеніи Креза съ Киромъ Геродотъ касается древнѣйшей судьбы кировой монархіи, при описаніи нападенія Кира на Вавилонъ распространяется насчетъ древней исторіи Вавилона и Ассиріи, но, найдя этотъ эпизодъ слишкомъ длиннымъ, оставляетъ его для отдѣльной, «ассирійской исторіи». Вторая, третья и четвертая книга заключаютъ въ себѣ подробное описаніе развитія персидской монархіи при Камбизѣ, Лже-Смердисѣ, Даріѣ; походы противъ Египта, Аравіи, Скиѳіи и Ливіи даютъ поводъ къ весьма интереснымъ описаніямъ географическихъ и природныхъ особенностей и общественной жизни этихъ странъ. Эти разсужденія, занимающія всю вторую книгу (описаніе Египта) и почти всю четвертую (Скиѳіи и Ливіи) настолько закончены сами по себѣ, что заставляютъ предположить, не думалъ ли Геродотъ при началѣ своихъ странствій собрать свои тщательныя и систематическія наблюденія въ одно географическое сочиненіе, по образцу Скилакса, но только въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ, прибавивъ къ нему описаніе менѣе извѣстныхъ странъ Востока и Юга не только съ естественно-

⁴²⁾ I, гл. 142—51. Нибуръ полагалъ, что большой списокъ персидскихъ войнъ былъ заимствованъ у Херіла.

⁴³⁾ Гл. 178—88.

исторической, но и съ политической стороны. Планъ этотъ былъ, вѣроятно, оставленъ имъ еще до переезда въ Фурію, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ навѣрно написалъ бы подобное же разслѣдованіе и о менѣе извѣстныхъ частяхъ Италіи, а, по всему вѣроятію, и Карфагена. Но, по мѣрѣ развитія сочиненія и усиленія интереса къ приближающейся катастрофѣ, эпизоды и остановки становятся все рѣже, и великая борьба развивается до самаго своего окончанія съ эпическою грандіозностью. Повѣствованіе естественнымъ образомъ завершается взятіемъ Сестоса, этой послѣдней точки, которою владѣли Персы въ Европѣ, и ихъ изгнаніемъ назадъ въ Азію, которую они всегда называли своею. Нѣтъ, поэтому, никакого повода сомнѣваться въ томъ, дожилъ ли авторъ до окончанія его труда. Послѣдняя глава составляетъ что-то въ родѣ приложения, какъ и многія другія главы этого сочиненія; современный намъ авторъ придалъ бы имъ форму подстрочныхъ примѣчаній, но такъ какъ этотъ приемъ былъ неизвѣстенъ въ то время, то всѣ эти побочные вопросы и вошли въ текстъ. ⁴⁴⁾ Намъ пришлось бы однако искренно жалѣть, еслибъ изъ этихъ частей сочиненія Геродота были выпущены краткія замѣтки о свойствахъ и прерогативахъ власти спартанскихъ царей, о приобрѣтеніи Аѳинами Лемноса и о древнѣйшей аттической исторіи; даже скандальные анекдоты одворахъ Періандра и Ксеркса составляютъ пріятное отклоненіе, хотя большинство критиковъ и осуждало ихъ, какъ ничто, роняющее достоинство исторіи. Относительно самосскихъ дѣлъ ⁴⁵⁾ Геродотъ входитъ въ такія подробности, что многіе полагали, не удалился ли онъ туда послѣ своего изгнанія изъ Галикарнасса и не научился ли тамъ іоническому нарѣчію. Но самосскія дѣла, въ особенности при Поликратѣ, величайшемъ греческомъ деспотѣ, за исключеніемъ сицилійскихъ, настолько важны сами по себѣ, что объясняютъ отведенное имъ мѣсто, и надписи, найденныя Ньютономъ на мѣстѣ прежняго Галикарнасса, написаны всѣ на іоническомъ діалектѣ.

Болѣе полный перечень содержанія этого обширнаго и сложнаго труда доступенъ каждому во многихъ хорошихъ изданіяхъ Геродота и переводахъ, указанныхъ мною дальше. Въ задачу историка литературы

⁴⁴⁾ Замѣчательно, что весьма немногія изъ оставленныхъ намъ Греками историческихъ сочиненій имѣютъ формальное окончаніе; это было, очевидно, несогласно съ литературными приемами того времени и зависѣло, быть можетъ, отъ обычая многихъ авторовъ связывать свои рассказы съ рассказами предшественника, начавъ съ того мѣста, гдѣ они остановились.

⁴⁵⁾ III, 120 и слѣд.

не входитъ также разсмотрѣніе тѣхъ историческихъ проблемъ, которыя возникаютъ изъ сличенія рассказовъ Геродота съ фактами, сообщаемыми другими древними авторитетами, или съ надписями, открытыми уже въ наше время. Мы должны ограничиться здѣсь одной лишь литературной стороною книги и разсмотрѣніемъ качествъ Геродота, какъ писателя и художника.

§ 314. Уцѣлѣвшіе отрывки изъ сочиненій Ксанѳа доказываютъ, что Геродотъ менѣе пользовался его Исторіею Лидіи, чѣмъ можно бы ожидать; между ними не замѣчается въ настоящее время никакого совпаденія, хотя Эфоръ и утверждаетъ, что рассказъ Ксанѳа служилъ нашему автору исходною точкою. Тотъ же случай, съ нѣкоторою разницею въ степени, повторился и относительно Харона Лампсакскаго, отрывки котораго, касающіеся лѣтописей (ἱστορίαι) Лампсака, значительно схожи съ сочиненіемъ Геродота по сюжету, но представляютъ и много несходныхъ пунктовъ. Изъ того, что Геродотъ не понялъ смысла шутки Креза ⁴⁶⁾ по поводу стариннаго названія Лампсака (Питіуза), было выведено заключеніе, что онъ не могъ читать хароновыхъ лѣтописей этого города, гдѣ предпочтительно встрѣчается это древнѣйшее наименованіе. Однако Геродотъ какъ будто ссыался въ VI, 37, на составленную Харономъ лѣтопись спартанскихъ царей. Сочиненія Гиппія Регіонскаго и Антиоха Сиракузскаго были преимущественно посвящены дѣламъ Великой Греціи, которыхъ Геродотъ не касается подробно; послѣднее обстоятельство служить, по моему мнѣнію, сильнымъ аргументомъ противъ тѣхъ, кто полагаетъ, что весь трудъ былъ написанъ Геродотомъ въ Θуріи уже подъ старость. Еслибы весь замыселъ и планъ сочиненія не были обдуманы до переселенія Геродота въ Италію, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что онъ собралъ бы матеріалы для дальнѣйшихъ интересныхъ эпизодовъ и рассказовъ бы намъ нѣчто и о ранней судьбѣ Эллиновъ на западѣ. Мемуары Іона и Стезимброта и исторія Гелланика появились, надо думать, позднѣе той эпохи, къ которой относятъ исторію Геродота, и не должны, поэтому, разсматриваться въ настоящемъ случаѣ. Что касается географической литературы, то Геродотъ ссылается на Аримаспею ⁴⁷⁾, географическую поэмѣ Аристѣя, какъ на авторитетъ въ вопросѣ о Скиѣи, и на Перипла, Скилака Каріандскаго, для географіи Аравіи и Индіи. Онъ не одобряетъ также употреблявшихся въ то время географическихъ картъ, и я говорилъ уже выше о его ссылкахъ на труды Гекатея. На зарѣ эпохи ученыхъ

⁴⁶⁾ VI, 37. Мюллеръ, F. H. G., I, стр. 33, отр. 6.

⁴⁷⁾ 13, 5.

изслѣдованій замѣтно вообще, что часто люди презираютъ своихъ ближайшихъ и талантливейшихъ предшественниковъ, между тѣмъ какъ съ уваженіемъ относятся къ раннимъ и болѣе слабымъ попыткамъ того же рода. Геродотъ какъ бы чуялъ въ Гекатеѣ соперника, между тѣмъ какъ всѣ остальные писатели врядъ ли находились на томъ же литературномъ уровнѣ.

§ 315. Только что перечисленные книги, вмѣстѣ съ описанною нами поэтическою библіотекою, были единственными доступными Геродоту литературными источниками, за исключеніемъ личныхъ сношеній съ представителями высшей культуры и знанія, сосредоточенными въ перикловыхъ Аѣнахъ. Располагая этимъ матеріаломъ, Геродотъ рано принялся расширять и пополнять его длиннымъ рядомъ путешествій и тщательныхъ наблюденій, стараясь, по мѣрѣ возможности, видѣть собственными глазами географическія диковинки и историческіе памятники; если же это ему не удалось, онъ сообщаетъ намъ рассказы очевидцевъ, постоянно тщательно провѣряя ихъ и передавая съ большою сдержанностью, всякій разъ, когда лица эти не были ему лично знакомы. Такъ, напримѣръ, для разсказовъ о греческомъ мірѣ онъ просматривалъ древніе списки царей, жрецовъ и побѣдителей, сохранявшіеся въ различныхъ храмахъ; Харонъ составилъ уже списокъ спартанскихъ царей; Гелланикъ присокупилъ къ нему списокъ жрицъ аргивской Юноны и карнейскихъ побѣдителей, по всему вѣроятію, уже послѣ того, какъ были окончены изслѣдованія Геродота. Списки эти имѣли величайшую важность для ранней хронологіи и шли параллельно съ принятою впоследствии въ Греціи системою—считать по олимпиадамъ. Въ главныхъ городахъ находилось, кромѣ того, и большое число столбовъ, покрытыхъ надписями, и богатыхъ даровъ, посвященныхъ древнимъ святилищамъ; на этихъ приношеніяхъ жертвователи писали повѣствованіе о своихъ дѣлахъ, оставляя, такимъ образомъ, слѣды своей жизни и дѣятельности. Сокровищница Дельфъ была, напримѣръ, полна такихъ даровъ, изъ которыхъ одинъ, именно треножникъ, посвященный Павзаніемъ Грекамъ послѣ платейской битвы, былъ недавно найденъ въ константинопольскомъ Гипподромѣ.⁴⁸⁾ Съ помощью этихъ памятниковъ и устнаго разслѣдованія традицій ближайшихъ къ нему эпохъ, историкъ нашъ достигъ значительной точности и ясности относительно ранняго періода собственно греческой исторіи. Мелкія подробности, надъ которыми смѣется Фукидидъ, только доказываютъ, насколько Геродотъ въ этой

⁴⁸⁾ Геродотъ Роулинсона, томъ IV, прим. А (стр. 483).

части своего труда былъ свободенъ отъ серьезныхъ промаховъ, и мы можемъ съ увѣренностью сказать, что, при всей его любви къ чудесному и слабости къ сплетнямъ, онъ разсказалъ намъ больше и лучше того, что съумѣли разсказать его критическіе послѣдователи, грѣшившіе краткостью и пропусками многихъ интересныхъ подробностей.

§ 316. Лишь только Геродотъ выходитъ за предѣлы эллинскаго міра, недостатокъ лингвистическихъ свѣдѣній значительно умалываетъ его способность добираться до истины. Онъ съ недовѣріемъ относится, правда, къ разсказамъ о многихъ чудесахъ, касающихся крайнихъ предѣловъ вселенной—сѣверной Скиѣи и южной Аравіи,—о которыхъ, какъ онъ неоднократно повторяетъ, онъ не могъ ничего узнать отъ надежныхъ очевидцевъ; но относительно этихъ странъ ничего достовѣрнаго нельзя было, быть можетъ, и узнать въ то время. Но, что касается древней культуры Азіи и Египта, гдѣ каждая скала, столбъ, общественное зданіе сообщали массу свѣдѣній, незнаніе языковъ отдавало Геродота въ руки разныхъ чичероне,—мелкихъ жрецовъ, наемныхъ солдатъ, и другихъ некомпетентныхъ и ненадежныхъ лицъ, часто незнавшихъ истины — или, быть можетъ, преднамѣренно старавшихся сбить съ толку греческаго изслѣдователя. Вслѣдствіе этого въ то самое время, какъ его картины жизни и обычаевъ этихъ народовъ отличаются неоцѣнными достоинствами, его попытки изобразить прошлую ихъ исторію вызвали частыя поправки или даже вовсе опровергались, благодаря разобраннѣмъ въ новѣйшее время надписямъ, которыя Геродотъ самъ могъ видѣть и списывать. Даже и въ этихъ случаяхъ онъ, болѣею частью, правъ; добросовѣстному изслѣдователю трудно не добраться въ его разсказѣ до значительной доли правды; но онъ не вполнѣ надеженъ, и современная намъ наука можетъ справедливо гордиться тѣмъ, что открыла истину тамъ, гдѣ почтенный греческій изслѣдователь принужденъ былъ удовлетворяться одними только разспросами сомнительныхъ очевидцевъ и сличеніемъ ихъ невѣжественныхъ и небрежныхъ показаній.

Въ добавленіе ко всему этому часто утверждали, что даже при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ Геродотъ могъ бы достигнуть лучшихъ результатовъ, еслибъ былъ одаренъ критическими способностями Фукидида и не исходилъ отъ теоріи божественнаго вмѣшательства и отъ врожденнаго пристрастія ко всему чудесному и своеобразному. Эта, такъ называемая, ребячливость Геродота не въ мѣру преувеличивается благодаря тому, что для сравненія съ нимъ мы не имѣемъ сочиненій какихъ-либо предшественниковъ его, а только труды наиболѣе скептическаго его преемника. Это очевидная несправедливость; если Геродотъ оказывается крайне легковѣрнымъ

съ этой точки зрѣнія, то, съ другой стороны, онъ навѣрно далеко опередилъ современныхъ ему Грековъ, за исключеніемъ, конечно, кружка Перикла. Онъ постоянно скептически настроенъ и даже склоненъ осуждать другихъ за легковѣріе, но, по свойству всякаго нарождающагося скептицизма, чувство это прорывается у него лишь мѣстами и весьма нелогично соединяется съ легковѣріемъ въ другихъ, подобныхъ же случаяхъ, которыхъ авторъ и не думаетъ вовсе оспаривать. Можно бы составить весьма любопытный сводъ подобныхъ отголосковъ довѣрчивости, встрѣчающихся у скептиковъ всѣхъ вѣковъ.

§ 317. Но ни одинъ изъ нѣмецкихъ издателей не коснулся вопроса о достовѣрности Геродота съ такою смѣлостью и оригинальностью, какъ Блэксли въ замѣчательномъ вступленіи къ своему изданію. Понятно, что и другіе, кромѣ него, указывали на вліяніе Софистики на нашего историка, на его скитальческую жизнь, подобную жизни Протагора и Горгія, на приписываемыя ему чтенія нравственныхъ поученій и на повтореніе тѣхъ же этическихъ общихъ мѣстъ устами различныхъ, несхожихъ между собою историческихъ лицъ. Блэксли впервые придалъ особое значеніе полному отождествленію Геродота у Фукидида и другихъ древнихъ критиковъ съ тѣми *logoroiōi*, которые писали не для того, чтобы поучать, а чтобы нравиться ⁴⁹⁾. Онъ полагаетъ, что люди этой категоріи, лишь только они достигали нѣкоторой легкости въ писаніи прозою, избирали тѣ событія и выставляли на видъ тѣ мотивы, для которыхъ ожидали популярности или надѣялись на эффектъ, нисколько не заботясь о точности своихъ показаній, ибо историческое чутье было позднимъ и постепеннымъ приобрѣтеніемъ, которое Фукидидъ добылъ лишь благодаря его исключительной талантливости и обстоятельствамъ той ранней поры. Если это такъ, то достовѣрность извѣстныхъ фактовъ, сообщаемыхъ Геродотомъ, будетъ имѣть совершенно иную основу, чѣмъ достовѣрность новѣйшихъ историковъ. До сихъ поръ полагали, что всюду, гдѣ только Геродотъ говоритъ, какъ очевидецъ, его точность несомнѣнна; но, разъ мы посмотримъ на него только какъ на простаго рассказчика (слово, которое всего болѣе подходитъ къ *λογόποιός*), то мы увидимъ, что подобные люди испоконъ вѣку отличались привычкою передавать факты, получаемые изъ вторыхъ рукъ, какъ личные наблюденія. Дѣлается это безъ малѣйшаго дурного умысла, такъ какъ рассказчикъ можетъ твердо вѣрить въ людей, служившихъ ему авторитетами, и

⁴⁹⁾ Онъ сравниваетъ рѣчи Солона и Креза (I, 23 и III, 36) со взглядами, приписываемыми Гиппью въ платоновомъ *Hipp. Maj.*, стр. 236.

просто желать сдѣлать свою картину полнѣе, не вдаваясь въ критическую оцѣнку ихъ. Блэксли, очевидно, думаетъ, что Геродотъ такъ и дѣлалъ, и что онъ списывалъ рассказы другихъ людей и выдавалъ ихъ за свои собственные. Какъ на примѣръ этого, Блэксли указываетъ на извѣстное заимствованіе у Гекатея ³⁰⁾ свѣдѣній о крокодилѣ, гиппопотамѣ, и рассказа о фениксѣ. Геродотъ дѣлаетъ это безъ малѣйшаго указанія на свой источникъ и съ такими уклоненіями отъ истины, которыя не допускаютъ предположенія о личномъ изслѣдованіи. Если эти соображенія Блэксли вѣрны, то значительная доля ученыхъ разглагольствованій о странствіяхъ Геродота и цѣнности свидѣтельствъ его, какъ очевидца, разлетится въ прахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это отнюдь не ставитъ его на одинъ уровень съ новѣйшими романистами и даже съ такимъ человѣкомъ, какъ Де Фозъ,—какъ это утверждаетъ Блэксли. Единственное правильное сравненіе, сдѣланное имъ, это параллель между Геродотомъ и Марко Поло, сочиненіе котораго ходило сперва по рукамъ въ рукописи, какъ и геродотово, и подвергалось до своего напечатанія любопытнымъ измѣненіямъ, не только въ видѣ вставокъ отъ руки постороннихъ лицъ, но и добавленій самаго автора. У обоихъ замѣчается та же смѣсь легковѣрія и скептицизма, правдивости въ принципѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ крайней воспріимчивости относительно многого сомнительнаго или ложнаго, наконецъ то же усиліе держаться исторической почвы въ такую эпоху, когда исторія, въ строгомъ смыслѣ слова, еще врядъ ли установилась.

§ 318. Эти соображенія относятся уже къ оцѣнкѣ таланта Геродота, которую они весьма правильно готовятъ; они естественно возникли изъ сопоставленія отца исторіи съ его величайшимъ и ближайшимъ преемникомъ, Фукидидомъ; неразумно было бы покончить съ этимъ вопросомъ однимъ только простымъ указаніемъ на противоположность ихъ природныхъ свойствъ и той общественной и политической атмосферы, въ которой они воспитались. Еслибъ Геродотъ былъ холоднымъ и скептическимъ критикомъ, презиравшимъ всѣ домашнія и личныя свойства великихъ людей или выдающихся народовъ, словомъ, еслибъ онъ былъ Аѳиняниномъ времени Перикла, и ставилъ бы ничтожнѣйшія греческія ссоры выше величайшихъ переворотовъ, совершившихся среди варваровъ, онъ могъ бы, безспорно, болѣе тонко разобраться въ этомъ матеріалѣ, но, конечно, не имѣлъ бы ни желанія овладѣть имъ, ни терпѣнія или темперамента, нужнаго, чтобы собирать его. Врожденная простота

и широкія симпатіи Геродота не только побуждали его добиваться истины, но внушали людямъ желаніе сообщать ему все, что они сами знали, и эти свойства его характера въ значительной степени уравнивали слабость его сужденій болѣе широкимъ кругомъ знаній ⁵¹⁾. Его точная оцѣнка древнѣйшей цивилизаціи Лидійцевъ, Мидянъ, Персовъ и Египтянъ сдѣлала изъ его обширнаго труда картину не только Греціи, но и всего древняго міра въ одинъ изъ наиболѣе интересныхъ періодовъ. Человѣку, изучающему древнюю исторію въ широкомъ и осмысленномъ значеніи этого слова, сочиненіе Геродота покажется гораздо цѣннѣе и неизмѣнно интереснѣе, чѣмъ описаніе борьбы за преобладаніе между двумя руководящими государствами Греціи, борьбы, не имѣвшей вообще никакого вліянія на измѣненія, совершившіяся въ мірѣ. Поэтому, если весь планъ исторіи Геродота и Фукидида носить на себѣ, главнымъ образомъ, отпечатокъ темперамента этихъ двухъ людей и ихъ среды, то надо сознаться, что атмосфера, въ которой жилъ послѣдній, развивая въ немъ критическое чутье и освобождая его отъ богословскихъ предрассудковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ суживала его взгляды, какъ историка, и извращала его пониманіе относительной важности совершавшихся событій. Мы имѣемъ полное право радоваться тому, что Геродотъ не поддался въ раннюю пору своей жизни вліянію этой блестящей исключительности и остался іоническимъ историкомъ вмѣсто того, чтобы сдѣлаться историкомъ Атики.

§ 319. Такая же противоположность замѣтна и между слогомъ ранняго и позднѣйшаго писателя. Геродотъ считался мастеромъ въ *λέξις εἰρομένη* или въ искусствѣ простаго сопоставленія частей, между тѣмъ какъ аттическая риторика приводила ихъ въ сложную связь между собою, съ тѣмъ, чтобы образовать хитро построенные періоды ⁵²⁾. У Геродота введены, правда, рѣчи, въ родѣ разсужденія

⁵¹⁾ Единственный авторитетъ, на который я могу сослаться въ подтвержденіе этого взгляда, высказаннаго мною уже давно въ моихъ *Prolegomena to Ancient History*, это авторитетъ графа де Гобино, въ его прекрасно написанной, но фантастической *Histoire des Perses*, (I, 247 и слѣд.). Онъ пошелъ еще далѣе меня и написалъ любопытную апологію восточныхъ хронистовъ наряду съ воспримчивымъ, не-критическимъ темпераментомъ Геродота.

⁵²⁾ Діон. Гал. приводитъ для примѣра слова Геродота: *Κροῖσος ἦν Ἀνδρὸς μὲν γένος, παῖς δὲ Ἀλυάττου, τύραννος δὲ ἑθνέων τῶν ἐντὸς Ἀλίου ποταμοῦ*, что, еслибъ раздѣлить это на періоды, дало бы намъ слѣдующую фразу: *Κ. ἦν οὖτος μὲν Ἀ., γένος δὲ Ἀ., τύραννος δὲ τῶν ἐντὸς Ἀλίου ποταμοῦ ἑθνέων*. Онъ и тутъ вводитъ еще нѣкоторый отгѣнокъ натынутости и неестественности. Аттическіе риторы, какъ видно изъ примѣра тирана Критія въ 25 отр. его «Лакедемонск. государства», подражали по временамъ этому легкому и непринужденному стилю.

между заговорщиками, товарищами Дарія ⁵³⁾, о лучшей формѣ правленія; въ нихъ онъ обнаруживаетъ значительное знакомство съ риторическими приёмами той эпохи, и періоды этихъ рѣчей отличаются искусственностью и сложностью. Эта переходная манера составляетъ историческій періодъ въ противоположность періоду строго риторическому или логическому. Рѣчи эти, являющіяся общою принадлежностью всѣхъ классическихъ историковъ, далеко не такъ слабы, какъ риторическія словоизверженія позднѣйшей литературы; рѣчи Геродота, въ противоположность тѣмъ, что встрѣчаются у Фукидида, составляютъ драматическій элементъ и введены такъ естественно, что являются рядомъ живыхъ сценъ и характеровъ ⁵⁴⁾. Я укажу здѣсь еще на одну рѣчь, которая, по своему фукидидовскому тону, кажется мнѣ весьма своеобразною и доказываетъ, какъ глубоко сочувствовалъ Геродотъ предпріятію царственныхъ Аѳинъ, изложенному въ рѣчахъ Фукидида ⁵⁵⁾.

⁵³⁾ III, 80 и слѣд.

⁵⁴⁾ Критики строго осуждали только что упомянутый мною наиболѣе разительный образецъ подобнаго приёма, находя крайне страннымъ, что знатные Персы толкуютъ объ аристократіи и демократіи точно греческіе софисты. Несмотря, однако, на недо вѣріе своихъ согражданъ, Геродотъ положительно утверждаетъ, что эти разсужденія дѣйствительно происходили. Мнѣ кажется большою смѣлостью прямо отрицать достоверность заявленія, которое Геродотъ, человѣкъ несомнѣнно честный и умный, дѣлаетъ вопреки враждебнымъ ему критикамъ, но даже и безъ столь вѣской причины я не рѣшился бы не повѣрить Геродоту. Гобино ясно обнаружилъ всѣ элементы истины въ этомъ разсказѣ и показалъ намъ, какимъ образомъ историкъ облекъ въ греческую форму самый жизненный вопросъ персидской монархіи. Принято смотрѣть на нее, какъ на центръ восточнаго деспотизма, что и было по временамъ, когда центральная власть доставалась въ сильныя руки; но это вообще вполнѣ ошибочный взглядъ. Иранскіе знатные люди составляли феодальную аристократію, раздѣленную на классы, каждый членъ которыхъ былъ совершенно независимъ, хотя и принужденъ незапамятными обычаями оказывать главамъ государства нѣкоторую дань уваженія и услугъ. Независимость этихъ классовъ и семей составляла зерно демократіи, конечно, не городской, съ агорою и публичными преніями, а сельской, свободной и равноправной, и эту-то конституціонную форму приняла Персія при Арзакнидахъ, послѣ того, какъ центральная власть царя царей оказалась слишкомъ отяготительной. Камбизъ, унаслѣдовавшій богатства Кира и всѣ его завоеванія, конечно, не принадлежавшія родовымъ иранскимъ аристократамъ, началъ тираннически давить ихъ. Отсюда произошло совѣщаніе заговорщиковъ: поддерживать-ли имъ эту величавую, но опасную монархію? Могутъ-ли семь знатныхъ членовъ совѣта обуздать остальныхъ феодаловъ и поддержать имперію, или должны они вернуться къ естественному состоянію иранскаго общества и предоставить всѣмъ классамъ право жить по стародавнимъ обычаямъ? Замѣчательно, что они останавливаются на монархіи, лишь ограничивъ ее обезпеченіемъ за собою нѣкоторыхъ родовыхъ правъ, изъ чего видно, какъ хорошо они понимали опасность. Я опять сослался въ этомъ случаѣ на Гобино. Histoire des Perses, I, 583.

⁵⁵⁾ VII, 50. Ἀρείβηται ἑρῆς τοῖσιδε. Ἀρταβανς, οἰκῶτως μὲν σὺ γε τούτων ἔχαστα διαίρεαι· ἀτὰρ μήτε πάντα φοβέο, μήτε πᾶν ὁμοίως ἐπιλέγεο. Εἰ γὰρ δὴ βούλοιο

Но общій складъ его сочиненій, съ ихъ многорѣчивыми повтореніями (ἐπαναλήψεις) и непринужденною безвязностью предложеній (столь цѣнившееся въ старину знатоками грамматики), отличается своеобразно-легкимъ и безыскусственнымъ тономъ, болѣе похожимъ на милую бесѣду, чѣмъ на правильное сочиненіе; особенно характеренъ постоянный переходъ отъ повѣствованія къ діалогу, переходъ, совершающійся до того непринужденно, что часто остается незамѣтнымъ. Есть основаніе думать (см. выше, стр. 14), что Гекатей держался того же приѣма, быть можетъ, составлявшаго типическую черту исторической прозы Іоніи. Весьма невѣроятно, однако, чтобы многіе писатели достигли этого искусства въ такомъ совершенствѣ, какъ Геродотъ. Онъ постоянно употребляетъ этотъ приѣмъ для обрисовки характеровъ, которыхъ никогда не описываетъ, но какъ бы живьемъ выводитъ на сцену. Было, однако, весьма основательно замѣчено, что Геродотъ удачнѣе изображалъ типы, чѣмъ личности, болѣе вѣрно схватывалъ національныя, чѣмъ личныя черты. Его Персы, Лидійцы и Спартанцы весьма характерны, но его Крезъ становится въ плѣну настоящимъ Солономъ, а всѣ его восточныя гранды отзываются о невѣдомыхъ Эллинахъ запада въ одинаково трезрительныхъ выраженіяхъ. Это однообразіе несомнѣнно поддерживалось тѣмъ покорнымъ фатализмомъ, которымъ проникнута вся ранняя греческая литература, и который нашелъ свое высшее выраженіе въ діалогахъ Артабана и Ксеркса ³⁶⁾. Но то же сознаніе

ἐπὶ τῷ αἰεὶ ἐπεσφαιρομένῳ πρήγματι τὸ πᾶν ὁμοίως ἐπιλέγεσθαι, ποιήσεαι ἂν οὐδαμᾶ οὐδέν· κρέσσον δὲ πάντα θαρσύνοντα ἡμῖσι τῶν δεινῶν πάσχειν μᾶλλον, ἢ πᾶν χρήμα προδειμαίνοντα μηδαμᾶ μῆδεν παθεῖν. εἰ δὲ ἐρίζων πρὸς πᾶν τὸ λεγόμενον μὴ τὸ βέβαιον ἀποδέξεις, σφάλῃσθαι ὀφείλεις ἐν αὐτοῖσι ὁμοίως καὶ ὁ ὑπεναντία τούτοις λίσσας. τοῦτο μὲν νυν ἐπ' ἴσῃς ἔχει· εἰδέναι δὲ ἄνθρωπον ἐόντα κῶς χρή τὸ βέβαιον; δοκέω μὲν οὐδαμῶς. τοῖσι τοῖνυν βουλομένοις ποιέειν ὥς τὸ ἐπίπαν φιλέει γίνεσθαι τὰ κέρδεα, τοῖσι δὲ ἐπιλεγόμενοις τε πάντα καὶ ὀκνεῖσι οὐ μᾶλα ἐθέλει. Ὅρᾳς τὰ Περσέων πρήγματα ἐς τὸ δυνάμιος προκεχώρηκε· εἰ τοῖνυν ἐκεῖνοι οἱ πρὸ ἐμεῦ γενόμενο βασιλεῖς γνώμησι ἐχρέοντο ὁμοίῃς· καὶ σύ, ἢ μὴ χρεόμενοι γνώμησι τοιαύτῃσι ἄλλους συμβούλους εἶχον τοιούτους, οὐκ ἂν κοτε εἶδες αὐτὰ ἐς τοῦτο προελθόντα· νῦν δὲ κινδύνους ἀναρρίπττοντες ἐς τοῦτο σφεα προηγάγοντο. μεγάλα γὰρ πρήγματα μεγάλοις κινδύνοις ἐθέλει καταρῆσθαι.

³⁶⁾ VI, 10 и слѣд., а въ 46 и слѣд. такимъ образомъ: Μαθὼν δὲ μιν Ἀρτάβανος ὁ πάτερς, ὅς τὸ πρῶτον γνῶμην ἀπεδέξατο ἐλευθέρως οὐ συμβουλευῶν Ξέρῃ στρατεύεσθαι ἐπὶ τὴν Ἑλλάδα, οὗτος ὠνὴρ φρασθεὶς Ξέρῃα θαυρῶσαντα εἶρετο ταδε. Ὁ βασιλεῦ, ὥς πολλὸν ἀλλήλων κεχωρισμένα ἐργάσαι νῦν τε καὶ ὀλίγῳ πρότερον; μακαρίσας γὰρ σεμυτὸν θαυρῶεις. Ὁ δὲ εἶπε· Ἐσῆλθε γὰρ με λογισάμενον κατοικτεῖραι ὥς βραχὺς εἴη ὁ πᾶς ἀνθρώπινος βίος, εἰ τούτων γε ἐόντων τσοῦτων οὐδεὶς ἐς ἑκατοστὸν ἔτος περιέσται. Ὁ δὲ ἀμείβετο λέγων· Ἔτερα τούτου παρὰ τὴν ζῆν πεπὸνθαμεν οἰκτρότερα. ἐν γὰρ οὕτω βραχεῖ βίῳ οὐδεὶς οὕτω ἄνθρωπος ἐὼν εὐδαίμων πέφυκε, οὔτε τούτων, οὔτε τῶν ἄλλων, τῷ οὐ παρστήσεται πολλάνικς, καὶ οὐκ

эфемерного ничтожества жизни, τὸ μὴδὲν εἰς οὐδὲν βέβαιον Еврипида, помогло, быть может, чистосердечной натурѣ Геродота достигнуть справедливого и безпристрастного взгляда на людскіе пороки и добродѣтели. Его часто обвиняли, никогда, впрочемъ, не уличая, въ несправедливости и искаженіи фактовъ. Напротивъ того онъ весьма точенъ въ указаніи хорошихъ сторонъ тѣхъ самыхъ людей, которые подвергаются его строжайшей критикѣ. Быть можетъ, наименѣе симпатичнымъ характеромъ во всей его исторіи является божество, «которое не дозволяетъ гордиться никому, кромѣ себя» ⁵⁷). Это какое-то странное, безличное провидѣніе, руководящею чертою котораго является ревность, любопытное и раннее отраженіе самаго коренного порока Грековъ, со временъ Гомера до настоящей поры. Загадочныя предостереженія этого провидѣнія, совершавшіяся посредствомъ словъ и изреченій оракула, занимаютъ, бесспорно, слѣшкомъ выдающееся мѣсто среди причинъ, порождавшихъ, по мнѣнію Геродота, великія событія; тѣмъ не менѣе, они даютъ намъ гораздо болѣе точное понятіе о чувствахъ греческой публики, чѣмъ неуклонный позитивизмъ Фукидида. Если, далѣе, онъ приписываетъ великимъ результатамъ тривиальныя причины, въ родѣ того, напирѣ, какъ онъ относитъ бѣдствія цѣлаго рода къ эгоизму Демокда, то мы должны вспомнить, какъ смягчающее обстоятельство, что капризы деспотовъ, какъ ни презрѣнны они сами по себѣ, могутъ имѣть столь же важныя послѣдствія, какъ и самая раціональная политика совѣщательныхъ собраній.

Та же тенденція дѣлаетъ Геродота внимательнымъ къ женскимъ характерамъ и къ косвенному вліянію женщинъ на общественныя дѣла. Его очерки характера царицы Артемизии и спартанки Горго, Аместрисы и Лабды полны жизни и чувства; но, подобно трагическому поэту, онъ и здѣсь рисуетъ скорѣе типы, чѣмъ извѣстныя личности. Если ему гдѣ-либо особенно удалось изображеніе индивидуальныхъ чертъ, такъ именно въ такихъ сценахъ, какъ пиръ у

ἀπαξ, τεθνᾶναι βούλεσθαι μᾶλλον ἢ ζῶειν. αἱ τε γὰρ συμφοραὶ προσπίπτουσαι, καὶ αἱ νόσοι συνταρᾶσθαι καὶ βραχὺν ὄντα μακρὸν δοχεῖν εἶναι ποιεῖσι τὸν βίον. οὕτω ὁ μὲν θάνατος μοχθηρῆς εὐσεψς τῆς ζῆς καταφυγὴ αἰρετωτάτη τῷ ἀνθρώπῳ γέγονε· ὁ δὲ θεὸς γλυκὺν γεύσας τὸν αἰῶνα φθονερὸς ἐν αὐτῷ εὐρίσκειται εὖν. Авторъ «Эпитафій» припис. Лизію, воспользовался этимъ мѣстомъ съ большимъ успѣхомъ и не подражая рабски Геродоту, въ превосходномъ своемъ воззваніи, §§ 77—78.

⁵⁷) VII, 10. Справедливо будетъ одною сказать, что боги, (θεοί) получили свое имя, по его мнѣнію, отъ приведенія въ порядокъ (κόσμος θεντες) и что онъ часто признаетъ мудрый и благой промыселъ ихъ. Такъ, III, 108, καὶ κως τοῦ θεοῦ ἡ προνοία, ὥσπερ καὶ οἶκός ἐστι, εὖσα σοφὴ дѣлаетъ полезныхъ и безвредныхъ животныхъ плодотыими, а хищныхъ птицъ наоборотъ.

Кипсела для жениховъ Агаристы, или покушеніе противъ этого тирана въ его младенчествѣ. Въ этомъ случаѣ извѣстный видъ юмора, который можно бы, пожалуй, принять за наивность, побуждалъ Геродота изобразить мелкія и комическія подробности и наполнить, такимъ образомъ, опредѣленными и своеобразными красками контуры тѣхъ общихъ типовъ, которые встрѣчаются обыкновенно на его страницахъ. Естественно, мы сопоставляемъ этотъ юморъ съ его противоположностью, патетическимъ элементомъ, такъ какъ и то, и другое проистекаетъ изъ живой и тонко-прочувствованной симпатіи къ предмету занятій. Намъ не приходится нигдѣ разочаровываться въ Геродотѣ, чей глубокой пафосъ не былъ никогда превзойденъ ни однимъ трагическимъ поэтомъ. Легенда объ Атисѣ, исторія невзгодъ семьи Періандра и драматическія предчувствія великой катастрофы, сказавшіяся въ сновидѣніяхъ и признаніяхъ Ксеркса и Артабана, особенно выпукло выступаютъ среди многихъ примѣровъ этого рѣдкаго и блестящаго качества, свойственнаго повѣствованію Геродота.

§. 320. Обратившись къ нарѣчію его, мы встрѣчаемся съ затрудненіемъ, выставленнымъ кропотливой критикой нашего времени и, по-видимому, не имѣющимъ шансовъ для удовлетворительнаго разрѣшенія. Изъ тщательныхъ замѣчаній автора ³⁸⁾ по поводу четырехъ подраздѣленій іоническаго нарѣчія Малой Азіи видно, что онъ изучалъ этотъ вопросъ, и что языкъ его не безсознательно опредѣлился случайностями воспитанія, а былъ заботливо-избранной и очищенной формою, въ которую онъ рѣшился воплотить свои мысли ради эстетическихъ причинъ. Это вполне согласуется съ неоднократнымъ замѣчаніемъ греческихъ грамматиковъ, утверждавшихъ, что его нарѣчіе было смѣшанное или неоднородное, въ противоположность чисто-іоническому діалекту Гекатея и Гиппократа; вполне странно доказывать, поэтому, что историческій трудъ Геродота является образцомъ самосской или какой-либо другой мѣстной рѣчи.

Но, помимо этого, замѣчанія такихъ критиковъ, какъ Гермогенъ и Діонисій, ограничиваются, къ несчастію, общими фразами относительно того, что Геродотъ былъ мастеромъ іонической, а Фукидидъ — аттической прозы. Они совершенно не входятъ въ подробное разсмотрѣніе того, какія сочетанія или измѣненія были допущены Геродотомъ. Это умалчиваніе произошло, по всему вѣроятію, вслѣдствіе отсутствія спеціальнаго изученія сочиненій Геродота александрійскими критиками, оставившими намъ такой обильный мате-

³⁸⁾ I, 142.

ріаль замѣчаній о Гомерѣ и аттическихъ писателяхъ.⁵⁹⁾ Естествен-
но, что при разборѣ нашихъ рукописей никто не руководился,
повидимому, какими-либо опредѣленными правилами, такъ что до-
пускались не только всевозможныя нарѣчія, но то же самое слово
появляется даже въ нашихъ лучшихъ рукописяхъ въ различныхъ
формахъ. Хотя и существуютъ эти трудности относительно перво-
начальной формы отдѣльныхъ словъ, трудности, которыя, по всему
вѣроятію, останутся не разрѣшенными, мы можемъ однако указать
на два несомнѣнные источника разногласія.

Первымъ такимъ источникомъ было развитіе эпического языка,
которымъ, по общему признанію, Геродотъ всегда увлекался. Эта
сильная окраска, заключающаяся въ воспринятіи не только эпическихъ
фразъ, но и мыслей, была, какъ кажется, результатомъ его ранняго
общенія съ Паниазіемъ, большимъ знатокомъ эпического слога, быть
можетъ, воспитавшимъ своего племянника и пытавшимся увлечь
его по собственнымъ слѣдамъ. Если это такъ, то, зная, что Па-
ниазій непременно долженъ былъ критически изучать эпическую
рѣчь, мы имѣли бы достаточное объясненіе этого оттѣнка геродо-
това діалекта. Но надо помнить, что всѣ позднѣйшія изслѣдованія
гомеровскаго языка клонятся къ установленію теоріи появленія
старо-аттической редакціи поэмъ, слѣдовательно, къ признанію
древне-аттического характера нарѣчія ихъ въ томъ видѣ, въ ка-
комъ онѣ достались намъ. Почти несомнѣнно, что древне-аттическое
нарѣчіе и іоническіе діалекты Малой Азіи находились въ тѣсной
связи, такъ что многія изъ очевидно эпическихъ формъ могли
быть просто древними словами того языка, на которомъ го-
ворили родители Геродота. Теорія, признающая передѣлку поэмъ
Гомера въ дни нашего историка, вслѣдствіе чего онѣ были при-
ведены въ гармонію съ его языкомъ, составляетъ часть выше
отвергнутой мною доктрины Пэли относительно поздняго появле-
нія нашей Іліады и Одиссеи (§ 48).

Вторымъ источникомъ разнообразія у Геродота кажется мнѣ при-
нятіе нѣкоторыхъ аттическихъ формъ и нѣкоторыхъ дорическихъ,
которыя, впрочемъ, почти всѣ употреблялись аттическими писате-
лями. Сомнительно даже, было ли галикарнасское нарѣчіе временъ
Геродота дорическимъ; его устраненіе изъ Шестиградія, о чемъ онъ
упоминаетъ, и открытіе Ньютономъ, во время его изслѣдованій,
многаго вѣдѣнаго дорическаго языка, и нѣкоторыхъ дорическихъ
формъ, въ аттическомъ нарѣчіи, въ нѣкоторыхъ дорическихъ
формъ, въ аттическомъ нарѣчіи, въ нѣкоторыхъ дорическихъ

⁵⁹⁾ Абихтъ, I, стр. 9, говоритъ, что александрийцы много занимались Геродотомъ, и
что имъ-то мы обязаны раздѣленіемъ его труда на девять книгъ. Если это такъ, то
почему же не имѣемъ мы достаточнаго числа схолій?

ранней іонической надписи, дѣлають этотъ вопросъ весьма сомнительнымъ.

Что же касается аттическихъ формъ, неизвѣстно, насколько согласовались между собою старо-аттическія и іоническія формы, и насколько дошедшія до насъ рукописи могли быть искажены аттическими переписчиками. Тѣмъ не менѣе, цѣлый рядъ ученыхъ, начиная съ Струве, который въ 1828 году старался на основаніи рукописей изучить нѣсколько, весьма часто встрѣчающихся, формъ, въ родѣ склоненія слова *Βασιλεύς*, пытался разрѣшить трудную задачу опредѣленія нарѣчія Геродота. За нимъ послѣдовалъ Диндорфъ въ своемъ предисловіи къ изданію Дидо (1844 г.); потомъ Бредо (1846 г.) и наконецъ новѣйшіе нѣмецкіе издатели текста. Исходная точка ихъ, по моему, правильная; они полагають, что Геродотъ не измѣнялъ правописанія одного и того же слова, и что, слѣдовательно, перевѣсъ рукописныхъ показаній въ пользу одной формы долженъ побудить насъ исправить менѣе подлинныя варианты того же самаго выраженія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ свидѣтельства рукописей дѣлятся настолько равномерно, что никакое рѣшеніе вопроса не кажется возможнымъ. И теперь еще есть издатели, не признающіе этого принципа и полагающіе, что Геродотъ доходилъ въ своемъ подражаніи эпосу такъ далеко, что употреблялъ различныя формы ради созвучія. Вопросъ этотъ останется, по всему вѣроятію, открытымъ; хорошо, по крайней мѣрѣ, что онъ почти не мѣшаетъ намъ въ пониманіи текста. Вѣкъ, слѣдовавшій за эпохою Геродота, такъ быстро отдалился отъ склада его мыслей и слога, что онъ скоро утратилъ свою популярность. Фукидидъ и Ктезій все еще считаютъ его стоящимъ критическаго разбора, но остальные уже смотрять на него, какъ на простаго рассказчика, а въ дни Теопомпа, т. е. столѣтіе спустя, его дотога забыли, что этотъ риторическій писатель издалъ два тома извлеченій изъ его труда ⁶⁰).

§ 321. Какъ было замѣчено выше, нѣтъ никакихъ признаковъ, чтобы текстъ Геродота привлекалъ вниманіе александрійскихъ критиковъ, подобно текстамъ Гомера и Аристофана. Но римскіе риторы, въ особенности Діонисій Галикарнасскій, вполне цѣнили совершенство его слога, хотя и приписывали это, конечно, сознательной теоріи, а не естественному состоянію ранней прозы. Только въ эпоху Адріана, когда національный вкусъ обратился отъ изысканной утонченности и лоска къ наивной простотѣ, Отецъ исторіи снова ожилъ во всеобщемъ уваженіи и сдѣлался предметомъ комментарі-

⁶⁰) Аристотель въ своей Риторикѣ говоритъ о немъ, какъ о типическомъ историкѣ.

евъ и восторговъ. Такимъ образомъ, мы обязаны вкусу развращенной и искусственной эпохи сохраненіемъ этого роскошнаго памятника ранней геніальности. Порфирій упоминаетъ о книгѣ: Замѣтки объ исправленіи Геродота, грамматика Филемона, уже тогда подмѣтившаго многія изъ искаженій текста. Мнѣ кажется, что во всей греческой литературѣ не найдется ничего, до такой степени похожаго на хлесткій и враждебный критическій разборъ нашего времени, какъ статья О Злопамятствѣ Геродота, дошедшая до насъ съ именемъ Плутарха. Авторъ раздираетъ на части всю исторію, въ особенности эллинскую, и обнаруживаетъ на каждомъ шагу такое враждебное и несправедливое отношеніе къ дѣлу, которое доходитъ въ своей интенсивности до противорѣчій и непоследовательности. Нѣкоторые изъ доводовъ, въ особенности тѣ, что касаются Коринѳянъ, кажутся мнѣ недурно придуманными, и нападеніе это не принималось, быть можетъ, достаточно въ расчетъ; но хлесткость тона всей статьи весьма поражаетъ въ греческомъ критикѣ ⁶¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ особенно останавливается на прелести слога Геродота, отдавая, такимъ образомъ, дань его популярности въ свое время. Вслѣдствіе этого, Геродотъ нашелъ много подражателей въ позднѣйшую римскую и византійскую пору ⁶²⁾. Но ни одно собраніе схолій не дошло до насъ въ какой либо изъ уцѣлѣвшихъ рукописей. Изъ нихъ извѣстно до тридцати, древнѣйшею и лучшею изъ которыхъ считается медицинскій кодексъ десятаго вѣка. Есть также въ Римѣ хорошіе тексты одиннадцатаго и двѣнадцатаго столѣтій. Но, со времени появленія въ свѣтъ изданія Гайсфорда, открытый имъ особый кодексъ S (Sangroffianus) считается высшимъ авторитетомъ и былъ основою всѣхъ рецензій вплоть до Штейна, между тѣмъ, какъ въ наше время Абихтъ успѣшно полемизировалъ противъ этого взгляда и снова установилъ медицинскую рукопись, какъ настоящую основу для критическаго текста. Этотъ взглядъ принятъ Штейномъ въ болѣе обширномъ критическомъ изданіи его, а также въ третьемъ изданіи его комментаріевъ.

Исторія Геродота была впервые напечатана въ латинскомъ переводѣ Лавр. Валла въ Венеціи, въ 1474 г. Editio princeps грече-

⁶¹⁾ Вотъ образцы этой манеры, гл. 33: Θηβαίους δὲ καὶ μηδικόντας λέγων ἐν Θερ, ποτόλοις στίχθηναι, καὶ στίχθέντας αἰθρὶς ἐν Πλάταιας μηδικὴν προθύμως, δοκεῖ μοι καθάπερ Ἰπποκλείδης ὁ τοῖς σκέλεσι χειρονομῶν ἐπὶ τῆς τραπέζης, εἰπεῖν ἂν, ἐξορχούμενος τὴν ἀλήθειαν, οὐ φροντὶς Ἡρόδοτον. Онъ намекаетъ на его рассказъ о бракѣ Агаристы (IV, 129).

⁶²⁾ Ср. любопытныя ссылки у Николая, L. G., I, стр. 271.

скаго текста принадлежит Альду (1502), но оно основано на парижской рукописи не высокаго достоинства. Гроновій (1715 г.) впервые изучил лавренціанскій кодексъ, но Весселингъ (1763 г.) положилъ первое основаніе истинно-критическому изслѣдованію текста болѣе обширнымъ сличеніемъ различныхъ рукописей. Въ самомъ началѣ настоящаго столѣтія появились два тщательныя и ученые изданія Швейггейзера и Гайсфорда, за которыми послѣдовало изданіе Бера (второе изд. 1856 г.). Блэксли (Bib. Class. 1854 г.) не сообщаетъ никакихъ новыхъ взглядовъ, но обнаруживаетъ большую проницательность въ своихъ приложеніяхъ, посвященныхъ различнымъ историческимъ вопросамъ. Лучшими критическими трудами новѣйшей школы считается изданіе Абихта и Штейна, съ нѣмецкими примѣчаніями. Первый написалъ также весьма цѣнныя монографіи о текстѣ ⁶³⁾, послѣдній напечаталъ большое критическое изданіе (Берлинъ, 1869 г.), гдѣ онъ разбираетъ, классифицируетъ рукописи и знакомитъ насъ съ отрывками лексикографіи и немногими схоліями, приложенными къ дошедшимъ до насъ экземплярамъ. Въ третьемъ томѣ онъ обѣщаетъ дать намъ полный геродотовскій словарь. Какъ Абихтъ, такъ и Штейнъ приложили въ концѣ предисловія къ своимъ изданіямъ прекрасный конспектъ своеобразныхъ формъ, употреблявшихся Геродотомъ. Геродотовскій словарь Швейггейзера—весьма добросовѣстная книга, но она была издана имъ раньше позднѣйшей разработки текста. Къ тому же всѣ толкованія, вышедшія до 1850 г., вполнѣ устарѣли послѣ открытія клинообразныхъ надписей, бросившихъ яркій свѣтъ на исторію Персіи и Ассиріи. То же самое можно сказать и относительно результатовъ египтологіи, которые отразились на второй книгѣ Геродота въ изданіи Штейна, благодаря учености Бругша. Кромѣ стариннаго перевода Валлы, есть еще прекрасный французскій переводъ Zacher'a, и превосходное англійское изданіе профессора Джорджа Роулинсона, обогащенное ученостью сэра Генри Роулинсона и сэра Д. Вилькинсона; это единственное изданіе, удовлетворяющее современнымъ требованіямъ относительно комментариевъ. Предисловіе Вуда къ его школьному изданію первой книги даетъ хорошій обзоръ всей новѣйшей полемики нѣмецкихъ критиковъ.

§ 322. Главнѣйшимъ соперникомъ Геродота, какъ историческаго прозаика Іонія, былъ Гелланикъ Митиленскій, старше Геродота по возрасту, какъ думаетъ Памфилъ, и его предшественникъ, согласно Діонисію. Гелланикъ упоминаетъ однако обстоятельства, касающіяся битвы

⁶³⁾ Въ особенности въ *Philologus*, XXI, стр. 79 и слѣд.

при Аргинузахъ (408 г. до Р. Х.) ⁶⁴), вслѣдствіе чего его надо считать писателемъ позднѣйшей эпохи. Тѣмъ не менѣе, онъ не былъ, повидимому, такимъ совершеннымъ художникомъ, какъ Геродотъ, и потерпѣлъ неудачу въ своей попыткѣ сдѣлать сводъ всѣмъ своимъ разнообразнымъ изслѣдованіямъ. Въ различныхъ цитатахъ упоминается до тридцати заглавій его сочиненій и, хотя многія изъ нихъ слились, быть можетъ, между собою, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что онъ былъ авторомъ многихъ отдѣльныхъ книгъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были даже изложены въ поэтической формѣ. Карлъ Мюллеръ усматриваетъ въ нихъ что-то похожее на планъ сочиненія Геродота, который также изучалъ сперва Персовъ и другихъ варваровъ, а затѣмъ перешелъ къ Греціи. Легендарная греческая исторія Арголиды, Фессаліи, Аркадіи и Аттики относится къ отдѣламъ, озаглавленнымъ именами Форонея, Деикаліона, Атласа и Кекропса, чьи родословныя были обработаны, какъ мы полагаемъ, тѣмъ же способомъ, по которому ранняя ирландская исторія обработана была въ «Лѣтописи о четырехъ Властителяхъ»; аттическая же исторія была доведена до эпохи современной самому историку. Позднѣйшія судьбы другихъ греческихъ государствъ были, быть можетъ, описаны въ связи съ спискомъ аргивскихъ жрицъ и карнейскихъ побѣдителей. Этотъ приемъ былъ бы весьма остроуменъ и имѣетъ большую вѣроятность, самъ по себѣ, хотя доказать его достовѣрность на основаніи имѣющихся скудныхъ и косвенныхъ цитатъ врядъ ли возможно. Но одно кажется очевиднымъ, — подобно Геродоту, Гелланикъ также занимался одновременно и историческими и географическими изысканіями. Въ своемъ историческомъ трудѣ онъ не избѣгнулъ однако, какъ это удалось сдѣлать Геродоту, продолжительныхъ остановокъ на мнѣйскомъ періодѣ, изъ котораго трудно было что-либо извлечь, кромѣ родословныхъ. Эти мнѣйскіе рассказы старыхъ поэтовъ не только передавались въ прозѣ, но, повидимому, сличались съ мѣстными преданіями и исправлялись на основаніи ихъ. Быть можетъ, географія изучалась первоначально только для расширенія и усовершенствованія этихъ мѣст-

⁶⁴) Это видно изъ схол. къ Аристофу. *Лягушкамъ*, 706, τοὺς συνναυαρχήσαντας δούλους Ἑλληνικὸς φησὶν ἐλευθερωθῆναι, καὶ ἐγγραφέντας ὡς Πλαταιεὺς συμπόλιτες εἶναι αὐτοῖς (стр. 80, Мюллеръ). Схолиастъ къ Филотету Софокла, 201, заставляетъ Гелланика пользоваться произведеніемъ Геродота, т. е. признаетъ въ немъ значительно позднѣйшаго писателя. У Плутарха и въ жизнеописаніи Андокида Гелланикъ упоминается, какъ лицо, доказывавшее происхожденіе этого оратора отъ Гермеса. Это опять таки приводитъ насъ къ послѣднему десятилѣтію вѣка, раньше чего Андокидъ едва ли могъ быть извѣстнымъ. Тѣмъ не менѣе, въ трактатѣ о Заповѣдствѣ Геродота (гл. 36) Гелланикъ явно считается старше его годами.

ныхъ свѣдѣній, къ чему присоединялись еще и торговыя соображенія. Такимъ образомъ, географія и миѣическая исторія соединились въ однихъ и тѣхъ же рукахъ, а у Геродота стараніе избѣжать миѣовъ и переходъ къ настоящей исторіи придавали этому сочетанію естественность и художественность. Хотя намъ и извѣстно, что Гелланикъ писалъ на іоническомъ діалектѣ, тѣмъ не менѣе 179 намековъ, собранныхъ Мюллеромъ, не содержатъ въ себѣ никакого матеріала для критическаго анализа его слога или для оцѣнки его литературныхъ достоинствъ.

Діонисій и Гермогенъ ставятъ Гелланика ниже Геродота, что несомнѣнно справедливо. Для насъ безразлично, писалъ ли онъ за нѣсколько лѣтъ до или послѣ Геродота, но ужъ тотъ фактъ, что выдающійся соперникъ его въ той же области литературы игралъ столь различную роль, только усиливаетъ наше уваженіе къ Отцу исторіи и нашу увѣренность, что трудъ его не былъ естественнымъ результатомъ общаго успѣха прозаической литературы, а скорѣе проявленіемъ оригинальнаго и исключительнаго дарованія. Что касается изслѣдованій въ точномъ смыслѣ слова, то весьма возможно, какъ утверждаетъ Мьюръ ⁶⁵⁾, что Гелланикъ превосходилъ въ этомъ отношеніи Геродота, такъ какъ онъ имѣлъ нѣкоторое знакомство съ латинскимъ языкомъ и упоминалъ о Спинѣ, Кортонѣ и Римѣ, находившихся въ такой части Италіи, которая была почти неизвѣстна Грекамъ его эпохи. Но эти свѣдѣнія и другія, касающіяся Италіи и Сициліи, могли быть заимствованы у Гиппія Регіонскаго или Антіоха Сиракузскаго, на котораго Діонисій Галикарнассскій указываетъ за его упоминанія о Римѣ. Всѣ эти, нынѣ погибшіе, авторы не принадлежатъ прямо къ исторіи извѣстной намъ классической литературы; ихъ мнѣнія, сообщаемыя изъ вторыхъ рукъ и въ измѣненной формѣ, важны для историка, изучающаго эпоху и свойство различныхъ авторитетовъ для того, чтобы отыскать какой-нибудь прочно установленный фактъ, но ихъ дѣятельность не имѣетъ рѣшительно никакихъ правъ называться литературою. Тѣхъ, кто интересуется полнымъ спискомъ именъ этихъ писателей и догадками о нихъ различныхъ ученыхъ, я позволю себѣ отослать къ четвертому тому Мьюра или къ первому тому неопѣнимыхъ *Fragmenta Historicorum Graecorum*, Карла Мюллера.

§ 323. Я не хочу идти далѣе, не сказавъ нѣсколько словъ о двухъ другихъ современникахъ, входившихъ въ число іоническихъ прозаиковъ (хотя они пріобрѣли знаменитость помимо этого), такъ какъ они создали, повидимому, новую отрасль литературы и именно

такую, которая была оценена лишь долгое время послѣ ихъ первыхъ усилій. Я говорю о личныхъ мемуарахъ Стезимброта Фазосскаго и Іона Хиосскаго. Съ послѣднимъ мы уже встрѣчались въ спискѣ менѣе извѣстныхъ трагическихъ поэтовъ (§ 228), и онъ могъ бы стяжать въ области трагедіи неувядающую славу, еслибъ не чрезмѣрный блескъ его соперниковъ. Онъ былъ, быть можетъ, хорошимъ поэтомъ, «но не возвысился до уровня первыхъ трехъ». Въ числѣ историковъ объ немъ упоминають, какъ объ авторѣ двухъ сочиненій—одного о Хиосскомъ поселеніи, гдѣ онъ описывалъ древности и раннюю исторію своего родного острова,—и другого, называемаго различно, его *στομνήματα* или *ἐπιδημιαί*, мемуарами или странствіями по чужимъ землямъ т. е., его путешествіями въ Аѣины и въ другіе знаменитые города. Онъ записывалъ, повидимому, замѣтки о встрѣчавшихся ему великихъ людяхъ и ихъ свойствахъ, и сопоставлялъ ихъ въ бойко написанныя главы, упоминаемыя, при случаѣ, Аеенеємъ и Плутархомъ. Весьма любопытенъ длинный отрывокъ о Софоклѣ (отр. I), точно такъ же, какъ и замѣтки о Кимонѣ и Периклѣ; но полное молчаніе всѣхъ раннихъ писателей о его трудѣ и нѣкоторыя хронологическія неясности, касающіяся похода Софокла, побудили Риттера подозрѣвать во всемъ этомъ изслѣдованіи позднѣйшую поддѣлку. Если вспомнить малое развитіе греческой прозы вплоть до 421 г. до Р. Х., когда объ Іонѣ говорить уже, какъ о лицѣ умершемъ, то, дѣйствительно, кажется нѣсколько страннымъ, чтобы въ то время писались личные мемуары, а еще страннѣе, чтобы такая отрасль литературы не создала себѣ школы послѣдователей, такъ какъ Стезимбротъ Фазосскій, современный софистъ, писавшій о Гомерѣ и мистеріяхъ, упоминается Плутархомъ въ подобномъ же случаѣ по поводу его анекдотическихъ сплетенъ, а между тѣмъ онъ былъ, очевидно, неизвѣстенъ въ лучшіе дни греческой литературы. Написалъ онъ книгу оThemistocle, Θουκιδιδѣ (сынѣ Мелезія) и Периклѣ, изъ которой встрѣчается у разныхъ писателей много цитатъ, относящихся до Кимона, и ни одной, говорящей о Θουκιδидѣ. Но, судя даже по нашимъ скуднымъ отрывкамъ, мемуары эти были, какъ кажется, совершенно иного свойства, чѣмъ симпатичные бытовые очерки Іона. Плутархъ отводитъ Стезимброту мѣсто среди комическихъ поэтовъ за его дикіе нападки на Перикла; даже Кимона онъ не изобразилъ въ такихъ симпатичныхъ чертахъ, какъ это сдѣлалъ Іонъ. Онъ выступаетъ яркимъ защитникомъ аристократической партіи, которому хочется оклеветать политику и очернить жизнь вождя враждебной стороны. Намъ неизвѣстно, писалъ ли Стезимбротъ, безъ сомнѣнія, говорившій въ Фазосѣ на іоническомъ нарѣчій, но прожившій большую часть своей жизни въ Аѣинахъ,

на мѣстномъ діалектѣ; но чисто-іоническій характеръ отрывковъ Іона заставляетъ насъ предположить, что этотъ непринужденный видъ прозы не отличался строго-аттической чистотою, но усвоилъ себѣ легкую форму геродотовыхъ правильно согласованныхъ между собою періодовъ, и его наполовину-поэтического склада рѣчи. Дни іонической прозы были однако сочтены; ни блескъ, ни разнообразіе знаменитой исторіи Геродота не могли противоdѣйствовать вліянію аттического вкуса, аттической риторики и точности изложенія, которыя наводнили греческую литературу того времени и возобладали надъ всѣми другими направленіями. Быть можетъ, именно та форма, которую они избрали, осудила этихъ двухъ анекдотистовъ, Стезимброта и Іона, на вѣковое забвеніе. Риторическая проза стала единственно-терпимою, даже повѣствовательная форма начала считаться видомъ краснорѣчія, и такимъ образомъ непринужденная простота и безыскусственная прелесть хронистовъ уступили мѣсто политическимъ рѣчамъ и политической исторіи. Весьма возможно, что Стезимбротъ былъ какъ бы связующимъ звеномъ и что, подъ предлогомъ составленныхъ имъ мемуаровъ, онъ написалъ фдкій политическій памфлетъ противъ либеральной политики его эпохи. Его роль софиста и рѣзкій протестъ Плутарха противъ его недобросовѣстности убѣждаютъ насъ въ томъ, какъ сильно удаляемся мы отъ искренности и широты взглядовъ Геродота.

§ 324. Даже самъ Геродотъ встрѣтилъ съ раннихъ поръ опаснаго противника, обдуманно принявшагося опровергать рассказы нашего историка о Персіи и Ассиріи и доказывать ихъ общую недостоверность. Такъ какъ этотъ человекъ, Ктезій, личный врачъ Артаксеркса во время битвы при Кунаксѣ, писалъ іоническою прозою и въ стилѣ раннихъ историковъ, то полезно будетъ внести его въ настоящую главу, хотя сочиненіе этого писателя могло появиться лишь послѣ 400 года до Р. Х. Но, какъ его оппозиція Геродоту, такъ и весь его образъ дѣйствій, который, благодаря его долготѣнному пребыванію въ Персіи, не поддался вліянію измѣнившагося аттического вкуса, ставятъ его въ логическую связь съ раннею малоазійскою прозою.

Намъ извѣстно, что онъ былъ сыномъ Ктезіоха Книдскаго, и Галенъ упоминаетъ о немъ, какъ о родственникѣ врача Гиппократа, такъ что онъ могъ быть знаменитымъ медикомъ, привлеченнымъ общаніями большою наградою ко двору Оха, гдѣ онъ и остался въ теченіе четырнадцати лѣтъ (415—1 до Р. Х.) и въ продолженіе первыхъ трехъ лѣтъ царствованія Артаксеркса. Онъ говорилъ о себѣ, какъ о лицѣ весьма вліятельномъ при этомъ дворѣ и какъ о послѣ, отправленномъ не только къ Грекамъ послѣ кунакской битвы, но и къ Эвагору, владѣтелю Кипра, а впоследствии и въ

Спарту. Его два главные сочиненія, *Persica*, заключавшее въ себѣ ассирійскую и лидійскую исторію и переходящее потомъ къ персидской лѣтописи, и *Индика* или описаніе чудесъ Индіи, были написаны имъ уже по возвращеніи на родину. Упоминаются еще заглавія двухъ его сочиненій, *Перипла*, и трактата о *Горахъ и Рѣкахъ*. До насъ не дошло ни одной прямо взятой цитаты изъ нихъ и всѣ наши свѣдѣнія о Ктезій ограничиваются многословными перифразами Фотія, сообщающаго намъ заимствованные имъ факты своими словами. Вслѣдствіе этого мы можемъ только принять на вѣру сообщенія древнихъ грамматиковъ, утверждавшихъ, что Ктезій писалъ на хорошемъ іоническомъ нарѣчій и весьма изящно, но безъ той простоты, которою отличался Геродотъ,—такъ какъ постоянно гонялся за неожиданными и поразительными эффектами и за патетическими противоположностями. Черты эти проявляются иногда даже въ холодной передачѣ Фотія. Ктезій сознательно принялся разрушать авторитетъ Геродота въ исторіи Востока, утверждая, что имѣлъ личный доступъ къ царскимъ документамъ, *Βασιλικαὶ διαθήραι*, архивовъ Артаксеркса; онъ принялся передѣлывать всю мидійскую исторію, измѣнять имена союзниковъ или враговъ Дарія, и во всѣхъ отношеніяхъ считалъ долгомъ выставить Геродота лжецомъ. Хотя Ктезій и имѣлъ успѣхъ въ теченіе нѣкотораго времени и даже былъ до извѣстной степени причиною небреженія, оказаннаго Геродоту, тѣмъ не менѣе онъ не удовлетворилъ такихъ критиковъ, какъ Аристотель или даже Плутархъ; послѣдній въ своемъ *Жизнеописаніи* Артаксеркса усомнился въ его авторитетности. Но зато псевдо-Плутархъ пошелъ по его стопамъ въ своемъ трактатѣ о *Коварствѣ Геродота*⁶⁶⁾; то же самое дѣлаетъ и Діодоръ, а въ позднѣйшую классическую пору смѣлость его склонила въ его пользу даже мнѣніе критиковъ.

Отрывки его произведеній были впервые изданы въ 1566 году Стефаномъ, который старался доказать достовѣрность его показаній; въ томъ же духѣ составлены два ученые изданія Диндорфа (*Геродотъ Дидо*) и Бэра, вышедшія оба еще до той поры, когда только что разобранныя клинообразныя надписи пролили новый свѣтъ на данный вопросъ. Ученые аргументы и строгость этихъ критиковъ, настаивавшихъ на большей достовѣрности источ-

⁶⁶⁾ Послѣдній сообщаетъ намъ (XIV, 16), что Ктезій довѣлъ свою исторію Персовъ до года объявленія сицилійцевъ войны Карфагенинамъ (398 г. до Р. Х.). Однако Эліанъ, Арріанъ и Лувіанъ подозрѣваютъ его во лжи. Ср. ссылки въ Fasti. Клинтона, sub. an. 398.

никовъ Ктезія и на невозможности не вѣрить ему тамъ, гдѣ онъ упорно защищаетъ другой складъ разсказа, кажутся намъ забавными съ той поры, когда изученіе надписей доказало, что Геродотъ былъ почти всюду правъ, и что колоссальныя заблужденія Ктезія произошли лишь изъ преднамѣреннаго желанія обмануть читателя.⁶⁷⁾ Съ этой точки зрѣнія его произведеніе является литературнымъ курьезомъ; надо надѣяться, что какой-нибудь ученый нѣмецъ потщится вновь издать эти отрывки съ приложеніемъ всѣхъ доказательствъ, представляемыхъ надписями на памятникахъ, съ тѣмъ, чтобы мы могли узнать, какой остатокъ истины еще уцѣлѣлъ въ нихъ, и стоитъ ли спорить объ ихъ авторитетности въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они противорѣчатъ одному только Геродоту и не опровергаются, въ свою очередь, свидѣтельствомъ памятниковъ. Что касается меня, то я не полагаю, чтобы можно было лгать постоянно, и думаю, что въ каждой подобной поддѣлкѣ должны быть нѣкоторыя доли истинно-историческаго разсказа.

§ 325. Но любопытно замѣтить, что въ то самое время, какъ іоническое нарѣчіе не пользовалось болѣею популярностью въ области исторіи или въ какомъ-либо видѣ поэзіи, и возобновленіе древне-эпической формы встрѣчало болѣе успѣха, чѣмъ чисто повѣствовательный слогъ Геродота, нарѣчіе это господствовало въ сферѣ чистой науки, гдѣ оно удержалось долго, войдя далеко въ глубь слѣдующаго столѣтія. Ранніе іоническіе философы, и ихъ потомки-Элеаты употребляли эпическій гексаметръ для воплощенія своихъ умозрѣній. Со временъ глубокомысленнаго Гераклита іоническая проза и, по всему вѣроятію, и милетское нарѣчіе вошли въ болѣе употребленіе, и во второй половинѣ четвертаго столѣтія мы видимъ не только Самосца Мелисса⁶⁸⁾ и уроженца

⁶⁷⁾ Ср. убѣдительное рѣшеніе стараго спора между историками въ изданіи о Геродота, Роулинсона (I. 77), гдѣ впервые введены въ дѣло свидѣтельства, добытыя изъ надписей.

⁶⁸⁾ Хотя, повидимому, Элеаты Зенонъ, сотоварищъ Мелисса по занятіямъ философіею, усвоилъ себѣ, подобно ему, прозаическую форму, вмѣсто эпическаго стиха своего наставника Парменида, для передачи своей тонкой діалектики, мы не имѣемъ однако никакихъ доказательствъ, чтобы онъ писалъ іоническою прозою. Цитаты изъ его книги всѣ написаны на аттическомъ нарѣчій, но онъ могъ, конечно, быть передѣланъ Аристотелемъ, Симилиемъ и Диогеномъ. Умолчаніе современниковъ о его нарѣчій отрицательнымъ образомъ подтверждаетъ, однако, мнѣніе, будто онъ писалъ на старо-аттическомъ языкѣ. Блассъ (Att. Ver., I, 52) говоритъ о Горгіѣ почти съ такимъ же основаніемъ, какъ о первомъ аттическомъ ораторѣ. Но, если сицилійскій риторъ, посѣтившій Аѣны лишь въ преклонныхъ лѣтахъ, могъ писать на аттическомъ діалектѣ, то и Зенонъ, прибывшій туда въ среднемъ возрастѣ, могъ сдѣлать то же самое, не бывъ ораторомъ по профессіи.

Клазомень Александра, но и Фракійца Демокрита, Критянину Аполлонія и космополита Протагора⁶⁹⁾, пишущими на этомъ модномъ философскомъ нарѣчій. Замѣчательно также, какъ показываютъ многія подлинныя цитаты изъ сочиненій этихъ писателей, что они въ совершенствѣ достигли сжатости и силы выраженія на томъ самомъ языкѣ, который кажется намъ такимъ многорѣчивымъ и легкимъ у Геродота. Быть можетъ, самый блестящій образецъ этой рѣзкой, превосходящей слогъ Фукидида, силы и краткости встрѣчается въ подлинныхъ сочиненіяхъ Гиппократѣ, который, хотя и подражалъ, быть можетъ, этому историку, писалъ однако чистѣйшимъ іоническимъ языкомъ и гораздо больше приближался къ слогу Гераклита, чѣмъ къ слогу атическаго политика. Многіе трактаты позднѣйшаго происхожденія, дошедшіе до насъ съ именемъ Гиппократѣ, написаны на томъ же нарѣчій, очевидно, ставшемъ обще-принятымъ языкомъ косской школы или медицинскаго сословія. Такіе профессиональные союзы весьма упорны въ сохраненіи языка, и медицинская латынь не болѣе свойственна докторскимъ рецептамъ нашей эпохи, чѣмъ былъ дорическій языкъ въ слѣдующемъ столѣтіи въ Аѣинахъ, гдѣ дорическія медицинскія школы пользовались большимъ почетомъ.

Научное развитіе греческой мысли этого времени не относится къ нашему предмету; я указалъ на преобладающее распространеніе іонической прозы среди серьезныхъ мыслителей и поверхностныхъ анекдотистовъ лишь съ тѣмъ, чтобы уяснить, какъ легко можно придти къ неосновательнымъ заключеніямъ относительно греческихъ нарѣчій и говорить о мягкости и слабости іонической рѣчи, какъ о доказательствѣ изнѣженности и умственной вялости, между тѣмъ, какъ вся истинно серьезная наука того времени—я устранию здѣсь притязанія софистовъ—воплотилась именно въ это нарѣчье и отличалась такою силою и сжатостью выраженій, которая похожа скорѣе на рѣзкость и темноту, чѣмъ на простую, безыскусственную ясность.

§ 326. Жизнь Гиппократѣ окружена страннымъ мракомъ, если принять въ соображеніе необычайную репутацію этого чловѣка. Въ дошедшихъ до насъ позднихъ біографіяхъ его слѣдующіе факты заслуживаютъ упоминанія. Нѣкто Соранъ Косскій, неизвѣстный въ остальныхъ отношеніяхъ, занимался, по слухамъ, специальнымъ изученіемъ документовъ врачебной гильдіи Асклепіадовъ, по которымъ Гиппократъ числился семнадцатымъ по происхожденію отъ бога Асклепія; родился онъ, будто бы, 26 числа мѣсяца Агріана, въ 460 г. до Р. Х. Жители все еще чествовали его въ ту пору, какъ героя.

⁶⁹⁾ Целлеръ, Phil. der Griechen, 1020, прим.

Онъ много странствовалъ, повидимому, въ особенности въ краяхъ, прилегающихъ къ сѣверной части Егейскаго моря, и умеръ, будто бы, въ глубокой старости въ тессалійскомъ городѣ Лариссѣ, оставивъ двухъ сыновей, Тессала и Дракона. Многіе изъ потомковъ и послѣдователей его по косской школѣ получали потомъ его имя. Свидѣ насчитываетъ семерыхъ изъ ихъ числа, — такъ что это придало новую неопредѣленность авторитету многихъ изъ приписываемыхъ Гиппократу сочиненій. Большинство статуй одинаково изображаетъ его съ покрытою головою, что вызвало много неосновательныхъ и нѣсколько даже нелѣпыхъ предположеній. Оставивъ тщательно въ сторонѣ многочисленныхъ Гиппократовъ, упоминавшихся въ аттической литературѣ того времени, мы встрѣчаемся у Платона съ двумя достовѣрными ссылками на великаго косскаго медика ⁷⁰⁾ и съ однимъ намекомъ у Аристофана ⁷¹⁾; оба писателя прочно устанавливають эпоху, указанную въ его біографіяхъ. Увѣряютъ, что онъ учился у Геродика Селемврійскаго и Горгія Леоптинскаго; легенда эта возникла изъ смѣшенія этого Геродика съ другимъ медикомъ, братомъ Горгія. Въ уцѣлѣвшихъ изслѣдованіяхъ нашего автора нѣтъ слѣда ни практической дѣятельности Геродика, ни риторики Горгія; но несомнѣнно, что Гиппократъ, подобно Периклу, подготовлялъ себѣ глубокое ознакомленіе съ своимъ спеціальнымъ предметомъ, изучая современную метафизику. Приписываемое ему изслѣдованіе великой аѳинской чумы не подтверждается изъ саichenія съ разсказомъ Фукидида. Изъ многихъ уцѣлѣвшихъ произведеній Гиппократа слѣдующія Литтрѣ призналъ подлинными: трактаты о Древней медицинѣ, о Прогностіяхъ (гдѣ излагается наша діагностика въ самомъ обширномъ смыслѣ слова), Афоризмы, трактаты о Климатѣ (воздухъ, водѣ и мѣстоположеніи), объ Эпидеміяхъ (I и III), о Леченіи острыхъ недуговъ, о суставахъ, переломахъ и хирургическихъ инструментахъ, употребляемыхъ при нихъ, о головныхъ ранахъ и наконецъ Клятвы и Законы врачебнаго цеха.

Нечего говорить, что подлинность многихъ изъ этихъ сочиненій оспаривается болѣе скептическими критиками; но нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, изслѣдованіе о Климатѣ и Эпидеміяхъ, несомнѣнно подлинныя и доказываютъ, что Гиппократъ былъ не только великимъ медикомъ и философомъ, но и первокласснымъ литературнымъ талантомъ. Конечно, было бы ошибочно утверждать, что онъ былъ основателемъ греческой медицины; до

⁷⁰⁾ Протагоръ, 311, А.; Федръ, 270, С.

⁷¹⁾ Тессефоръ, 274.

него уже существовала цѣлая масса записанныхъ фактовъ и противоположныхъ теорій; было уже собрано много практическихъ свѣдѣній, руководившихъ его предшественниками при излеченіи болѣзней. Въ Асклеіяхъ или храмовыхъ госпиталяхъ, учрежденныхъ въ Аѣинахъ, Эпидаврѣ, Книдѣ, Косѣ, Киренѣ и въ другихъ мѣстахъ, записывалось эмпирическимъ способомъ много случаевъ заболѣваній. Съ другой стороны, знатоки природы, въ родѣ Эмпедокла, Демокрита и Анаксагора, постоянно составляли теоріи о природѣ человѣка и тѣхъ элементахъ, изъ которыхъ слагается его тѣло. Но еще важнѣе было тщательное изученіе физическаго состоянія человѣка руководителями на палестрахъ. Эти люди дѣлали изъ системы питанія и діеты вопросъ первой важности, и, какъ они, такъ и философы изгоняли суевѣріе изъ науки о здоровьѣ и вводили въ нее тотъ чисто человѣчный и рациональный методъ изслѣдованія, которымъ такъ отличался Гиппократъ и который придавалъ его разсужденіямъ такое сходство съ разсужденіями его современника Фукидида ⁷²⁾. Изъ всего этого мы видимъ, какъ собирались и складывались матеріалы въ широкую и обширную медицинскую систему.

Пренебрегая всѣми предположеніями объ абстрактныхъ стихіяхъ и различныхъ феноменахъ, происходящихъ изъ одного и того же вещества, Гиппократъ считалъ, повидимому, природу человѣка такою, какою она является намъ изъ опыта, и устанавливалъ законы здравого и болѣзненнаго состоянія, прилагая точный индуктивный методъ къ особымъ случаямъ. Гимнасты научили его придавать

⁷²⁾ Вотъ образецъ его слога: (De aëre, aquis, locis, cap. 29). Οἱ μὲν οὖν ἐπιχώριοι τὴν αἰτίαν προστιθέας θεῶν, καὶ σέβονται τούτους τοὺς ἀνθρώπους καὶ προσκυνέουσι, δεδοικότες περὶ γε ἐωυτῶν ἕκαστοι. Ἐμοὶ δὲ καὶ αὐτῷ δοκεῖ ταῦτα τὰ πάθεα θεῖα εἶναι καὶ ἅλλα πάντα, καὶ οὐδὲν ἕτερον ἑτέρου θεϊότερον, οὐδὲ ἀνθρωπινώτερον, ἀλλὰ πάντα ὁμοῖα καὶ πάντα θεῖα ἕκαστον δὲ ἔχει φύσιν τῶν τοιούτων καὶ οὐδὲν ἀνευ φύσιος γίγνεται. Καὶ τοῦτο τὸ πάθος ὥς μοι δοκεῖ γίγνεσθαι φράσω. Ὑπὸ τῆς ἱππασίης αὐτοὺς κέδματα λαμβάνει, ἅτε αἰεὶ χρεμαμένων ἀπὸ τῶν ἵππων τοῖς ποσὶ ἔπειτα ἀποχωλοῦνται καὶ ἐλκοῦνται τὰ ἰσχία οἱ ἂν σφόδρα νοσήσωσι. Τοῦτο δὲ πάσχουσι Σκυθέων οἱ πλοῦσιοι, οὐχ αἱ κάκιστοι, ἀλλ' οἱ εὐγενέστατοι καὶ ἰσχνὴν πλείστην κεκτημένοι, διὰ τὴν ἱππασίην οἱ δὲ πένητες ἦσαν, οὐ γὰρ ἱππάζονται. Καίτοι ἔρχην, ἐπεὶ θεϊότερον τοῦτο τὸ νόσευμα τῶν λοιπῶν ἐστὶ, οὐ τοῖς γενναϊοτάτοις τῶν Σκυθέων καὶ τοῖς πλουσιωτάτοις προσπίπτειν μούνοις, ἀλλὰ τοῖς ἅπασιν ὁμοίως καὶ μᾶλλον τοῖς ὀλίγα κεκτημένοις· εἰ δὴ τιμώμενοι χαίρουσι οἱ θεοὶ καὶ θαυμαζόμενοι ὑπ' ἀνθρώπων καὶ ἀντὶ τούτων χάριτας ἀποδίδουσι. Εἰκὸς γάρ τοὺς μὲν πλουσίους θθεῖν πολλὰ τοῖς θεοῖς, καὶ ἀνατιθέαι ἀναθήματα, ὄντων χρήματων, καὶ τιμᾶν τοὺς δὲ πένητας ἦσαν, διὰ τὸ μὴ ἔχειν, ἔπειτα καὶ ἐπιμεφομένους, ὅτι οὐ διδῶσι χρήματα αὐτοῖσι. ὥστε τῶν τοιούτων ἁμαρτιῶν τὰς ζημίας τοὺς ὀλίγα κεκτημένους φέρειν μᾶλλον ἢ τοὺς πλουσίους. Ἀλλὰ γάρ, ὥσπερ καὶ πρότερον ἔλεξα, θεῖα μὲν καὶ ταῦτά ἐστι ὁμοίως τοῖς ἄλλοις· γίγνεται δὲ κατὰ φύσιν ἕκαστα καὶ ἡ τοιαύτη νοῦσος ἀπὸ τοιαύτης προφασίος τοῖς Σκυθαῖς γίγνεται οἷαν εἶρηκα. Ἐχει δὲ καὶ κατὰ τοὺς λοιποὺς ἀνθρώπους ὁμοίως.

значеніе гигиенѣ, и онъ утверждалъ, что точный анализъ здороваго состоянія является самымъ существеннымъ пособіемъ для распознаванія настоящихъ признаковъ болѣзни. Исходя такимъ образомъ отъ частныхъ и основывая на нихъ свои выводы, онъ заимствовалъ у философовъ ту широту взглядовъ, которая какъ бы пренебрегаетъ мѣстными явленіями, старается свести каждый отдѣльный случай къ общимъ условіямъ болѣзни, обнаруживаетъ одинаково свойственныя имъ всѣмъ черты и сличаетъ ихъ съ общимъ нормальнымъ состояніемъ здороваго человѣка. Вслѣдствіе этого онъ обращалъ особое вниманіе на климатъ и мѣстоположеніе; наиболѣе интересное изслѣдованіе его именно то, гдѣ онъ касается дѣйствія воздуха, воды и природы, сравниваетъ азіатскія и европейскія расы и наводитъ Платона и Аристотеля на мысль о знаменитомъ политическомъ раздѣленіи человѣческаго рода, такъ часто приводимомъ при посредствѣ Политики. Мелочное записываніе случаевъ въ его книгѣ объ Эпидеміяхъ указываетъ на другую сторону его ума; къ нѣкоторымъ вопросамъ діагностики («прогностики», какъ онъ ее называетъ) не могли бы ничего добавить даже современные намъ медики.

Переходя отъ подробностей къ общимъ свойствамъ этого человѣка, поскольку мы можемъ распознать ихъ изъ различныхъ изслѣдованій, мы поражаемся честнымъ, серьезнымъ и строго-научнымъ духомъ его изысканій. Онъ страшный врагъ всякаго шарлатанства, неожиданныхъ эффектовъ и сюрпризовъ, безъ сомнѣнія, весьма распространенныхъ среди медиковъ того времени, еще такъ недавно отдѣлившихся отъ жрецовъ и прорицателей, словомъ, отъ тѣхъ «врачующихъ людей», которые обманывали древнее суевѣрное общество.

Знаменитая вступительная фраза Афоризмовъ является знаменательнымъ манифестомъ противъ этого духа ⁷³⁾, и въ сотнѣ различныхъ мѣстъ онъ предостерегаетъ людей противъ чванства, превозноситъ простоту и терпѣніе, съ истинной и глубокой скромностью сознавая въ своихъ собственныхъ заблужденіяхъ и неудачахъ. Здѣсь опять намъ приходится вспомнить еукидидово описаніе своего труда, который не ἀγωνισμα ἐς τὸ παραχρῆμα, но κτήμα ἐς αἰεί. Дѣйствительно, какъ замѣтилъ Литтре, полемика Гиппократъ съ шарлатанами столь же серьезна и упорна, какъ борьба Сократа съ софистами.

§ 327. Слогъ Гиппократъ нервный, чрезвычайно сжатъ, по временамъ неясенъ, вслѣдствіе его краткости, но, съ другой стороны,

⁷³⁾ ὁ βίος βραχύς, ἡ δὲ τέχνη μακρή, ὁ δὲ καὶρὸς θεός, ἡ δὲ πείρα σφαλερὴ, ἡ δὲ χρεία χαλεπή.

весьма выразителенъ, живописенъ, полонъ силы и пафоса. Гиппократъ щедро употреблялъ поэтическіе слова и образы, но всегда только съ тѣмъ, чтобы усилить смыслъ, никогда не приводя ихъ для одной только красоты. Мысль его гораздо болѣе сосредоточена, чѣмъ у Фукидида, хотя они и похожи другъ на друга по краткости выраженій; въ самомъ дѣлѣ, какъ я уже говорилъ раньше, Гиппократъ болѣе сходенъ съ Гераклитомъ, чѣмъ съ кѣмъ-либо изъ другихъ греческихъ прозаиковъ.

Что касается употребляемаго имъ нарѣчія, то мы встрѣчаемся здѣсь съ тѣми же вопросами, какъ и по поводу текста Геродота. Живя въ дорическомъ поселеніи Косѣ, Гиппократъ, тѣмъ не менѣе, написалъ на іоническомъ нарѣчіи. Однако не только изъ самаго текста, но и изъ замѣчаній древнихъ критиковъ видимъ, что языкъ его ближе подходилъ къ старо-аттическому нарѣчію, чѣмъ языкъ Геродота, и намъ неизвѣстно, былъ ли это одинъ изъ различаемыхъ имъ четырехъ діалектовъ, или искусственно-созданный языкъ, съ введенными въ него аттицизмами. Рукописи наши безнадежно колеблются между разнообразными начертаніями одного и того же слова; и въ этомъ случаѣ, какъ у Геродота, невѣжество переписчиковъ, замѣнявшихъ провинціальную форму болѣе знакомою имъ, уничтожило всѣ свѣдѣнія, которыя мы могли имѣть относительно нарѣчій Малой Азіи.

Исторія текста Гиппократа преисполнена сомнѣній и затрудненій. Розысканія Литтре уяснили слѣдующіе факты. Ктезій Книдскій, хотя и связанный, какъ говорятъ, съ Гиппократомъ узами родства, принадлежалъ къ враждебной ему школѣ и, по словамъ Галена, порицалъ нѣкоторые изъ практическихъ приемовъ, рекомендованныхъ Гиппократомъ. Такъ какъ эти два человека были современниками, то Ктезій не могъ имѣть въ виду какихъ-либо позднѣйшихъ или подложныхъ сочиненій. Но такія писанія вскорѣ проявились. Сыновья и зятья Гиппократа, равно какъ и другіе члены его школы, издавали, дополняли и пускали въ обращеніе его труды. Нѣкоторые изъ нихъ были, очевидно, просто неотдѣланными замѣтками, которымъ они придавали литературную форму; такимъ образомъ возникла масса мнимыхъ сочиненій Гиппократа, схожая съ коллекціею аристотелевыхъ сочиненій, гдѣ подлинное и подложное почти до неузнаваемости перепутано. Аристотель, у котораго замѣчаются многіе слѣды близости съ Гиппократомъ, упоминаетъ объ одномъ изъ дошедшихъ до насъ трактатовъ (О природѣ человека), приписывая его Полибію, зятю его. Въ слѣдующихъ поколѣніяхъ мы видимъ въ лицѣ Діокла Каристскаго, Аполлонія и Дексиппа Косскаго комментаторовъ его ученія. Настоящая критика текста началась, повидимому, съ Герофила, основателя знаменитой школы въ Александріи; списки гиппократовыхъ сочиненій измѣнялись, и ученые, носившіе названіе «из-

слѣдователей» (χωρίζοντες), составляли краткіе перечни того, что считали подлиннымъ. Ни одинъ авторъ не подвергался такой массѣ комментаріевъ въ отношеніи слога и содержанія, какъ Гиппократъ. Въ то время, какъ школа Герофила яростно полемизировала изъ-за его принциповъ и подлинности нѣкоторыхъ изъ его сочиненій, устные критики, въ родѣ Аристарха, обсуждали его нарѣчіе и слогъ. Я отошлю читателя къ пятой главѣ сочиненія Литтре, гдѣ онъ найдетъ полный списокъ именъ всѣхъ этихъ критиковъ вплоть до Галена, нашего лучшаго авторитета по Гиппократу, хотя отъ него остались только критическія статьи по медицинѣ; изслѣдованіе о подлинности различныхъ трактатовъ и другое сочиненіе о заключающихся въ нихъ историческихъ намекахъ, къ несчастію, потеряны. Мы можемъ обойти молчаніемъ нѣкоторыя изъ позднѣйшихъ именъ, слѣдовавшихъ за Галеномъ, послѣднимъ великимъ греческимъ врачомъ. Мы находимъ три Ж из не описанія: одно у Свида (весьма полное), у Тцетца, и одно, приписываемое Сорану,—но не соименнику его, уроженцу Косскому.

Библиографія. Извѣстно множество рукописей гиппократовыхъ сочиненій, но все еще нѣтъ полного каталога ихъ. Парижскія рукописи были собраны Литтре съ рѣдкою тщательностью и трудолюбіемъ; онъ открылъ, что одна изъ нихъ (№ 2253), относящаяся къ десятому вѣку, содержитъ текстъ, значительно превосходящій всѣ остальные, и что она заимствована изъ гораздо болѣе чистаго первоначальнаго источника. Онъ доказалъ также, что ни одна изъ нашихъ рукописей не заключаетъ въ себѣ текстовъ Артемидора, Руфа и Сабина, составленныхъ въ дни Адриана и за заключавшіеся въ нихъ новшества вызывавшихъ неодобреніе Галена, который уже въ то время указывалъ на различія между рукописями. Относительно вѣнскаго, венеціанскаго или ватиканскаго списковъ я не могу сказать ничего достовѣрнаго. Текстъ впервые появился въ латинскомъ переводѣ Фабія Кальва, друга Рафаеля, въ 1525 году (у Альда); греческій текстъ—въ 1526 г. (ibid.) За этимъ слѣдовали большое базельское и голландское изданія Корнарія и Фоэса (Foës). Изъ новѣйшихъ изданій единственное замѣчательное принадлежитъ Литтре (4 тома, Парижъ, 1839); оно основано на парижскихъ рукописяхъ, на голландскомъ изданіи Эрмерина (1859—64), въ которомъ сопоставлены двѣ весьма небрежныя лейденскія рукописи, и на многихъ замѣткахъ Кобе къ кодексу бібліотеки св. Марка. Исторіи медицины, въ родѣ трудовъ Шпренгеля и Дарамбера, могутъ дать читателю болѣе подробныя свѣдѣнія.

ГЛАВА III.

Развитіе философіи и начало технического образованія въ пятомъ столѣтіи.—Софисты и Сократъ.

§ 239. Мы перейдемъ теперь къ обзору умозрѣній и ученій греческой философіи (области обширной и заслуживающей особаго изученія), насколько они прямо вліяли на литературу. Было время, когда греческая философія воплощалась въ формахъ эпической поэзіи и, новая по сюжету, не измѣняла принятаго ею облика и не создавала новаго вида или отрасли литературы. Я уже упоминалъ о Ксенофанѣ, Парменидѣ и Эмпедоклѣ, какъ о самыхъ замѣчательныхъ представителяхъ этой эпохи греческой мысли. Наступила пора, когда проза уже долгое время считалась установленнымъ органомъ серьезнаго мышленія, когда философія, съ величайшимъ равнодушіемъ къ формѣ, пользовалась этимъ общепринятымъ органомъ, не внося въ литературу ни одной новой черты, кромѣ серьезности тона и нѣкоторыхъ техническихъ выраженій. Такова была, напримѣръ, проза Хрисиппа и Аристотеля. Но въ эпоху кризиса, наступившаго въ греческомъ мышленіи въ половинѣ пятаго вѣка, въ пору бурной тревоги въ политикѣ и умозрѣніи, религіознаго скептицизма и шаткой, неоформившейся еще теоріи нравственности, философія естественно должна была сдѣлаться важною руководящею нитью въ той нестройной массѣ, которую старается распутать историкъ. Образованіе новаго оттѣдка въ греческой литературѣ подъ вліяніемъ этихъ факторовъ произошло, конечно, постепенно, не отдѣленное вовсе пропастью отъ всего предшествовавшаго; естественно было бы думать, что этотъ новый оттѣнокъ долженъ будетъ различно вліять даже на современниковъ, изъ которыхъ одни останутся приверженцами старины, другіе примкнуть къ новымъ идеямъ. Но, по счастливой случайности, мы все еще имѣемъ двѣ замѣчательныя группы писателей, бывшихъ почти всю свою жизнь современниками и доказавшихъ, какая бездна можетъ раздѣлять слогъ и чувства людей, отдаленныхъ другъ отъ друга на небольшое число лѣтъ. Между возрастомъ Софокла и Еврипида не было даже двадцати лѣтъ разницы, между Геродотомъ и Фукидидомъ—не болѣе двадцати, а между тѣмъ мягкость, уступчивость и ясность стараго направленія и рѣзкость, скептицизмъ и глубина новаго сказались въ нихъ такъ, какъ будто ихъ отдѣляло цѣлое

столѣтіе. Закончивъ нашъ обзоръ дѣятельности Геродота и Софокла, этихъ послѣднихъ и наиболѣе совершенныхъ представителей іонической и старо-аттической культуры, мы, именно по этой причинѣ, не можемъ логически перейти къ ихъ соперникамъ и младшимъ современникамъ, Еврипиду и Ѳукидиду, не остановившись на тѣхъ замѣчательныхъ умственныхъ силахъ, которыя начали проявляться во всей Греціи и нашли въ нихъ своихъ первыхъ и величайшихъ выразителей. Еслибъ не обособленіе поэзіи отъ прозы въ настоящемъ моемъ трудѣ, я отвелъ бы въ немъ софистамъ мѣсто, которое могло бы казаться своеобразнымъ въ исторіи литературы ⁷⁴⁾.

Въ жизни человѣка бываютъ періоды, когда небольшое число лѣтъ дѣлаетъ мало разницы въ умственномъ отношеніи. Если новая теорія или новый видъ мышленія доводятся до свѣдѣнія людей сорока или шестидесяти лѣтъ, то, по всему вѣроятію, первые такъ же мало примутъ эти свѣдѣнія, какъ и послѣдніе. Совершенно не то видимъ мы, если сличить людей двадцати лѣтъ съ людьми уже имѣющими зрѣлыя и установившіяся убѣжденія. Въ пору начинающейся возмужалости и умственного развитія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ умъ бываетъ необычайно чутокъ и воспримчивъ и страстность усиливаетъ жажду знанія и энтузіазмъ, такъ что главные наставники наши въ эпоху ранней возмужалости, будутъ ли они проповѣдниками, поэтами или политическими дѣятелями, имѣютъ на насъ вліяніе, которое кажется страннымъ для людей болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, все еще указывающихъ на вождей ихъ юношескаго возраста, какъ на идеалы для нашего воображенія. Такимъ образомъ въ весьма немного лѣтъ разверзается бездна между нашими умственными симпатіями, — и этимъ, по всему вѣроятію, всего естественнѣе объясняется разладъ въ возрѣніяхъ Еврипида и Софокла. Софоклъ слушалъ тѣхъ же философовъ или софистовъ, какъ и Еврипидъ, но они вошли въ Аѳинахъ въ моду лишь тогда, когда его воспитаніе было уже окончено, и его карьера и художественный стиль опредѣлились ⁷⁵⁾. Такимъ образомъ они мало вліяли на него сравнительно съ эффектомъ, произведеннымъ ими на только что выдвигавшагося Еврипида, который, быть можетъ, встрѣтился съ Зено-

⁷⁴⁾ Именно между гл. XVI и XVII первого тома.

⁷⁵⁾ Эпоху, когда дѣйствовали самые ранніе изъ выдающихся софистовъ, трудно установить опредѣленно, но мнѣ кажется, что перевѣсъ будетъ на сторонѣ показаній, заключающихся въ самомъ текстѣ и имѣющихъ, кромѣ того, за себя и общія причины. Таковъ результатъ тщательнаго и обстоятельнаго изученія данъ въ примѣчаніяхъ къ послѣднему изданію книги Деллера о Софистахъ (*Phil. der Griechen*, томъ I, отд. III). Понятно, что я не отношу, какъ это дѣлаетъ Свидя, Диалога Мелосскаго къ олимп. 78, но къ олимп. 98. Относительно этого ср. статью Мейера о Диогорѣ въ *Ersch und Gruber's Encyclop.*

номъ и Анаксагоромъ прежде, чѣмъ нашелъ воплощеніе для своего дарованія или, по крайней мѣрѣ, прежде, чѣмъ усвоилъ себѣ философскія вѣрованія.

§ 330. Если мы примемся разслѣдовать, какія силы дѣйствовали въ Аѣинахъ, когда устанавливалось ихъ преобладаніе въ литературѣ и политикѣ, и когда каждый руководящій мыслитель, гдѣ бы ни была его отчизна, являлся въ Аѣины, какъ въ настоящій умственный центръ, для провозглашенія своей системы, мы увидимъ нѣсколько, отдѣльныхъ школъ—Гротъ насчитываетъ ихъ двѣнадцать—главная цѣль которыхъ были размышленія о строеніи природы, подкрѣпленныя до нѣкоторой степени наблюденіями, но, большею частью, основанныя на выводахъ изъ извѣстныхъ метафизическихъ гипотезъ. Однимъ изъ позднѣйшихъ было ученіе Эмпедокла о четырехъ разнообразныхъ элементахъ и ихъ смѣшеніи, производимомъ Любовью и Ненавистью; существовала также Левкиппова и Демокритова теорія атомовъ и теорія однородности и недѣлимости частицъ матеріи механически соединенныхъ въ пространствѣ. Но были еще двѣ теоріи, по всему вѣроятію, имѣвшія гораздо болѣе глубокое вліяніе на такихъ людей, какъ Еврипидъ,—одна, влѣдствіе своего необычайнаго и плодотворнаго догмата, другая, благодаря новому методу, подкрѣпляющему его положенія.

Анаксагоръ, соглашаясь съ элеатами относительно невозможности создавать или уничтожать матерію, а со многими изъ остальныхъ своихъ предшественниковъ и относительно свойствъ составныхъ частей этой матеріи, не могъ объяснить строенія и гармоніи вселенной, не признавъ главною причиною движенія Νοῦς или духъ. Допущеніе особой не-матеріальной причины для объясненія гармоніи, порядка и строенія видимой природы, хотя высказанное весьма робко и съ тѣмъ лишь, чтобы приготовить естественно-историческія объясненія, было однако, капитальнымъ нововведеніемъ и прокладывало путь философскому признанію единства ⁷⁶⁾ Божія и общему понятію о благомъ Провидѣніи, съ которымъ, въ популярной формѣ, мы встрѣтились уже въ исторіи Геродота. Кромѣ того, предположеніе это повело къ постепенному удаленію Грековъ отъ привычки олицетворять естественные предметы, составлявшей общую черту неразвитаго греческаго ума; хотя современники Анаксагора считали страшнымъ богохульствомъ называть солнце массою до-бѣла накаливаемаго металла, тѣмъ не менѣе взгляды эти должны были неизбѣжно получить преобладаніе,

⁷⁶⁾ Читатель замѣтитъ, что этимъ не обуславливалось неперемѣнно понятіе о Богѣ, какъ объ опредѣленномъ существѣ.

лишь только было серьезно признано единство божества и его вліяніе стало считаться необходимымъ для объясненія хода жизни вселенной.

Среди метафизическихъ ученій того времени мы видимъ, далѣе, теорію элеатовъ въ рукахъ Зенона, который не прибавилъ ничего къ ученію о единствѣ бытія и о нереальности измѣненій и разнообразія въ природѣ, но только подрѣпилъ эту теорію полемическимъ способомъ мышленія, имѣвшимъ громадное вліяніе на слогъ и мысль его эпохи. Зенонъ поддерживалъ нѣсколько неясный и отвлеченный свой догматъ тѣмъ, что нападалъ на мнѣнія противниковъ и доказывалъ, что все, что они считаютъ очевиднымъ, т. е. такія понятія, какъ разнообразіе и перемѣна въ природѣ, заключаетъ въ себѣ больше нелѣпостей и противорѣчій, чѣмъ проповѣдуемые имъ самимъ взгляды. Эта отрицательная діалектика, эта привычка посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ раздроблять на части мнѣнія противника, была доведена до высшаго совершенства Сократомъ, сдѣлавшимъ изъ нея самое могущественное орудіе философскаго ученія, когда либо встрѣчаемое въ исторіи человѣческой мысли. Необходимо не терять изъ виду, что Зенонъ не пользовался этимъ діалектическимъ приѣмомъ съ цѣлью распространять скептицизмъ; онъ не былъ софистомъ или профессиональнымъ риторомъ; тѣмъ не менѣе его метода была легко усвоена софистами и служила имъ образцомъ.

§ 331. Это приводитъ насъ къ рассмотрѣнію того вліянія, которое имѣли на литературу софисты, эти практическіе распространители образованія въ пятомъ вѣкѣ, вызванные внезапною и настоятельною потребностью и готовые за деньги, каждый по своему, безъ всякаго единства въ планѣ или системѣ, поучать юношество любого города тѣмъ политическимъ и литературнымъ свѣдѣніямъ, которыя считались необходимыми для пріобрѣтенія и удержанія виднаго мѣста въ обществѣ. Только одинъ изъ этихъ знаменитыхъ людей, Леонтинаецъ Горгій, дѣйствительно вошелъ въ исторію греческой литературы, да и то лишь благодаря риторической сторонѣ своей дѣятельности, въ которой являлся прямымъ предшественникомъ аттическаго краснорѣчія. Эта риторическая сторона дѣятельности софистовъ и ихъ изслѣдованія по грамматикѣ и языковѣдѣнію будутъ основательно рассмотрѣны мною въ другомъ отдѣлѣ греческой прозаической литературы. Здѣсь я имѣю дѣло только съ ихъ косвеннымъ вліяніемъ на словесность, и въ особенности на исторію и трагическую поэзію, благодаря ихъ метафизическимъ и этическимъ умозрѣніямъ. Отдѣлить это отъ ихъ риторики, правда, нелегко; такъ какъ форма казалась имъ всегда важнѣе содержанія, а непосредственное слѣдствіе — важнѣе прочихъ пріоб-

рѣтений, они обращали постоянно философію въ риторикѣ, а риторикѣ возводили на степень философіи. 77).

Гротъ первый разсѣялъ мракъ непониманія, которымъ въ старое время клевета, а въ новѣйшее тупость окутали софистовъ, и ни одна изъ частей его прекрасной исторіи Греціи не имѣетъ такого прочнаго значенія, какъ его знаменитыя шестьдесятъ седьмая и шестьдесятъ осьмая главы, касающіяся именно этого вопроса. Тогда какъ всѣ произведенія софистовъ погибли, до насъ дошли самыя мѣткія и систематическія нападенія, когда-либо направленные противъ нихъ, и притомъ съ разныхъ сторонъ. Аристофанъ, представитель старой консервативной партіи, ненавидѣвшей просвѣтительное движеніе и всякій прогрессъ, нападаетъ на нихъ въ своихъ Облакахъ, гдѣ представителемъ ихъ является Сократъ, какъ наиболѣе извѣстный въ Аѣинахъ софистъ; комикъ приписываетъ ему въ то же время много такихъ положеній, противъ которыхъ Сократъ заведомо возставалъ. Тѣмъ не менѣе, хотя Сократъ и шелъ противъ софистовъ, осмѣливалъ ихъ, не разсѣяжалъ по странѣ, и не бралъ платы подобно имъ, онъ все-таки былъ въ сущности однимъ изъ нихъ. Онъ былъ воспитателемъ по профессіи, ниспровергалъ старинныя предразсудки, выслушивалъ мнѣнія, упражнялся въ діалектикѣ, научалъ людей думать и говорить точно, такъ что могъ по справедливости сдѣлаться въ рукахъ комическаго поэта орудіемъ для бѣшеннаго нападенія на слабыя и безнравственныя черты софистическаго воспитанія,—хотя именно Сократъ и преобразовалъ это воспитаніе и сдѣлалъ его благороднѣйшимъ выраженіемъ духа того вѣка. Съ другой стороны Платонъ, представитель крайне-радикальной партіи, требовавшей не преобразованія только, а пересозданія общества, нападалъ на софистовъ за совершенно противоположный недостатокъ,—за отсутствіе основательности, за то, что они научали только зауряднымъ уверткамъ и не имѣли систематическихъ правилъ въ основѣ своей неряшливой философіи. Съ этой стороны Платонъ въ своихъ Діалогахъ изображалъ такихъ людей, какъ Калликлъ, Полъ и Евдемъ, наглыми защитниками себялюбивой морали или просто умственными скоморохами, которые ниспровергнуты и припущены благодаря еленхусу Сократа. Но даже самъ Платонъ, открытый врагъ софистовъ, не осмѣливается позорить великихъ вождей, начавшихъ движеніе и сдѣлавшихъ его популярнымъ и прибыльнымъ. Протагоръ, Горгій и Продикъ называются даже въ

77) Такъ Филостратъ въ началѣ своего Жизнеописанія Софистовъ говорить: τὴν ἀρχαίαν σοφιστικὴν ῥητορικὴν ἡγεῖσθαι χρὴ φιλοσοφίαν, и эта теорія строго примѣнялась вплоть до времени Исократы и проповѣдывалась имъ.

платоновыхъ Діалоговъ знаменитыми и почтенными мыслителями, которые хотя и не могутъ помѣриться съ Сократомъ въ аргументаціи, тѣмъ не менѣе защищаютъ разумныя, нравственныя теоріи и отстаиваютъ ихъ искусно. Но всѣ эти обстоятельства, выведенныя Протомъ на свѣтъ божій, были скомканы прежними издателями Платона и большинствомъ историковъ философіи въ нелѣпныя тирады противъ всѣхъ софистовъ, съ которыми не соглашался Платонъ. Критики придавали имъ самыя низкія и невозможныя побужденія и приписывали ихъ вліянію полное разложеніе греческаго общества, — фактъ исторически невѣрный, и который, даже еслибъ онъ и былъ точенъ, не могъ бы быть вызванъ нѣсколькими бродячими проповѣдниками открытой безнравственности. Драматическіе пасквили старой комедіи и не менѣе драматическія картины платоновыхъ Діалоговъ безразлично употребляются, какъ окончательный аргументъ противъ софистовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они считаются совершенно недостоувѣрными или просто ироническими, когда сообщаютъ что-либо въ ихъ пользу. Мы не имѣемъ болѣе разительнаго примѣра несправедливой оцѣнки свидѣтельствъ, весьма распространенной между почтенными учеными классиками, чѣмъ тотъ, который мы видимъ въ нѣмецкой литературѣ; весьма любопытно также, какъ доказательство или предубѣжденія, или медленности, съ которою дѣйствуютъ разъясненія, высказанныя на чужомъ языкѣ, что хотя большинство критиковъ ссылается на Грота, они какъ бы не видятъ силы его доводовъ и приписываютъ его логику демократическому духу партіи.⁷⁸⁾

§ 332. Софисты, отзывавшіеся на нужды своего вѣка и бывшіе въ нравственномъ отношеніи не лучше и не хуже той публики, къ которой обращались, давали практическіе совѣты по философіи, политикѣ и нравственности всѣмъ, кто этого требовалъ. Они не составляли секты или школы, походили однако другъ на друга въ нѣкоторыхъ важныхъ чертахъ, которыя, замѣтимъ, были у нихъ общими съ древнѣйшими и глубокомысленными философами, въ родѣ Ксенофана, а въ особенности Эмпедокла. Софисты странствовали изъ города въ городъ, потому что въ эту пору, когда отдѣльные города были и государствами, было бы неудобно посылать юношей въ тѣ или другіе особые университетскіе города, гдѣ они должны бы жить, какъ чужіе. Такъ какъ молодые люди не могли идти сами за университетскимъ образованіемъ, оно должно было придти къ нимъ; преподаваніе софистовъ очень близко под-

⁷⁸⁾ Онкенъ и Целлеръ въ послѣднемъ изданіи его Исторіи греческой философіи являются въ этомъ случаѣ почтенными исключениями.

ходило въ тому, что мы называли бы преподаваніемъ университетскимъ; даже въ позднѣйшую пору объ «ученикѣ Псократѣ» говорили такъ, какъ мы говоримъ объ «оксфордскомъ студентѣ». Кромѣ того, существовало мнѣніе, что софисты пріобрѣтали своей профессіею весьма значительное состояніе. Оспаривая это, Псократъ приводилъ весьма неправильное доказательство, напоминая, что Горгій, богатѣйшій изъ нихъ, оставилъ лишь небольшое состояніе. Хотя софистами были все люди съ хорошою нравственностью и привычкою къ трезвости, мы замѣчаемъ въ нихъ однако нѣкоторую склонность къ расточительности въ одеждѣ и образѣ жизни, которую они, по всему вѣроятію, считали необходимою для поддержанія своего значенія и которая несомнѣнно поглощала всѣ ихъ доходы.

Эти внѣшніе признаки, въ связи съ энциклопедическими притязаніями и практической системой преподаванія софистовъ, справедливо вызывали желаніе придать имъ особое родовое имя. Уважаемые и чествуемые наиболѣе богатыми юношами, большею частью презираемые и подозрѣваемые людьми положительными и зрѣлыми, занимаясь блестящею, но вмѣстѣ съ тѣмъ второстепенною профессіею, софисты очень напоминаютъ положеніе артистовъ нашего времени. Я говорю въ особенности о пѣвцахъ и актерахъ, странствующихъ по свѣту съ величайшею роскошью, встрѣчаемыхъ съ большимъ почетомъ молодежью высшихъ сословій, и между тѣмъ проживающихъ громадныя состоянія и пріобрѣтающихъ блестящую репутацію, не достигнувъ никогда того общественнаго положенія, которое составляетъ принадлежность людей высшихъ классовъ ⁷⁹⁾. Аѳинскій аристократъ, чей сынъ сдѣлался бы софистомъ, хотя бы и самымъ знаменитымъ, испыталъ бы то же чувство, какъ и англійскій сквайръ, сынъ котораго пошелъ бы въ оперныя пѣвцы. Поклоненіе этимъ артистамъ, дѣйствующимъ въ чисто-матеріальной области, т. е. актерамъ и танцовщикамъ, также развилось въ Греціи въ позднѣйшую пору ея упадка; въ классическое же время даже подобное общественное положеніе было доступно лишь художникамъ, дѣйствовавшимъ въ чисто духовныхъ сферахъ.

§ 333. Но, какъ и можно было ожидать отъ людей съ нѣскольکو поверхностнымъ характеромъ, естественно сложившимся подъ вліяніемъ многочисленности предметовъ, ими преподаваемыхъ, софисты нашли скептицизмъ весьма удобнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда положительныя теоріи отличались отвлеченностью, и оспаривались, или

⁷⁹⁾ Было бы нелѣзностью утверждать, что нѣтъ вполне образованныхъ людей между артистами. Это однако отнюдь не составляетъ правила, и можно быть знаменитымъ артистомъ, не занимаясь ничѣмъ, кромѣ развитія какого-нибудь спеціальнаго дарованія.

же когда противъ чисто-умственного развитія предъявлялись нравственныя возраженія.

Протагоръ изъ Абдеры, самый ранній и, быть можетъ, величайшій изъ софистовъ, заявлялъ во вступленіи къ своей книгѣ: «что касается боговъ, мнѣ неизвѣстно, существуютъ ли они, и каковы ихъ свойства; недостовѣрность самаго предмета, краткость жизни и многія другія причины лишаютъ меня этихъ свѣдѣній». Это заявленіе, не подтверждаемое никакими намеками въ Платоновомъ изображеніи этого человѣка, до такой степени оскорбило правовѣрную аѳинскую публику, что Протагоръ былъ изгнанъ, и книга его публично сожжена. Его другая теорія, что «человѣкъ является мѣриломъ для всего остального», другими словами, что все знаніе относительно и зависитъ отъ способности познаванія, является болѣе достовѣрною; взгляды этотъ имѣетъ громадное значеніе и служатъ основаніемъ для всего идеализма и большинства скептическихъ ученій съ той поры вплоть до нашихъ дней. Какъ ни глубокими кажутся эти догматы сами по себѣ, они были особенно удобны для наставника, желающаго отвлечь своихъ учениковъ отъ богословскихъ и нравственныхъ умозрѣній къ болѣе положительному и практическому занятію риторикою и политикою. Если каждая отдѣльная личность составляетъ мѣрило того, что она можетъ познать или должна совершить, то нравственные результаты этого положенія являются несомнѣнно серьезными; въ послѣдствіи они стали даже весьма стѣснительными. Но первые софисты не проповѣдывали еще этихъ теорій.

Точно также и Горгіій, какъ философъ, написалъ книгу, отвергавшую всякую возможность научнаго знакомства съ природою, повидимому, въ положительномъ смыслѣ. Книга эта называлась: «О Несуществующемъ или о Природѣ (περί τοῦ μὴ ὄντος ἢ περὶ φύσεως) ⁸⁰⁾ и доказывала, во первыхъ, что ничего не существуетъ; во вторыхъ, если что либо и существуетъ, оно не можетъ быть извѣстно, а наконецъ, если оно даже и извѣстно, оно не можетъ быть передано другимъ. Положенія эти доказывались съ помощью отрицательной діалектики, схожей съ Зеноновою; противнику предлагалось два мнѣнія на выборъ, послѣ чего они разбивались оба. Въ области нравственности эти два софиста не проповѣдывали, какъ кажется, ничего особаго, хотя логическіе выводы изъ ихъ психологическаго скептицизма и не могли быть сомнительными. Напротивъ того, Продикъ Кеосскій, которому приписываютъ апологъ

⁸⁰⁾ Заглавіе это, быть можетъ, нарочно придумано, какъ народія на титулъ сочиненія Протагора, носившаго, повидимому, названіе περὶ ἀληθείας ἢ περὶ τοῦ ὄντος. Мнѣ кажется, что это замѣчательное сходство не было еще отмѣчено историками.

о Выборъ Геракла между добродѣтелью и порокомъ, былъ, повидимому, учителемъ изъ числа правовѣрныхъ, и только скрашивалъ цвѣтами риторическаго слога правила ходячей нравственности. Я не стану слѣдить здѣсь подробнѣе за исторіею или списками софистовъ. Но, за отсутствіемъ какихъ-либо философскихъ изслѣдованій, ими написанныхъ, или ближайшихъ свѣдѣній о ихъ методѣ преподаванія, кромѣ простыхъ заглавій, мы скажемъ здѣсь нѣсколько словъ объ отрывкахъ, оставшихся послѣ самаго безвѣстнаго изъ нихъ, и сохраненныхъ въ весьма значительномъ числѣ.

§ 334. Софистъ Антифонъ, прозванный также *тератосхότος* и *δυσειροχρίτης*, и часто смѣшиваемый съ его современникомъ-риторомъ, выведенъ у Ксенофонта въ спорѣ съ Сократомъ; ⁸¹⁾ онъ не высказываетъ однако при этомъ никакихъ взглядовъ, кромѣ презрѣнія къ аскетизму, и является защитникомъ людскихъ удовольствій и поборникомъ преподаванія за плату. Гермогенъ порицаетъ только его слогъ; такимъ образомъ намъ остаются лишь отрывки, чтобы судить о сущности его ученія. Онъ написалъ сочиненіе въ двухъ томахъ объ Истинѣ—что у него, какъ и въ изслѣдованіи Протагора, означало Бытіе или Сущность; въ этотъ трудъ онъ включилъ большинство свѣдѣній о природѣ, извѣстныхъ въ его эпоху. Направленіе этого сочиненія было скептическое, такъ какъ въ немъ отвергалось Провидѣніе; встрѣчались и научныя (въ противоположность богословскимъ) объясненія астрономическихъ явленій. Въ этому естественно-научному изслѣдованію Антифонъ присовокупилъ нравственныя разсужденія, какъ видно изъ изыщно написанныхъ отрывковъ, приводимыхъ Стобеемъ безъ прямыхъ ссылокъ на него.—гдѣ житейская мудрость и людское счастье прославляются въ граціозныхъ, поэтическихъ образахъ, съ прибавленіемъ анекдотовъ, быть можетъ, нѣсколько въ стилѣ Продика. Но весь складъ этого сочиненія напоминаетъ не проповѣдника, а скорѣе простого живописца нравовъ. Я укажу въ особенности на отрывокъ 131 ⁸²⁾, очень схожій съ рѣчью Медеи у Еврипида ⁸³⁾, но дополненный весьма недурными размышленіями о мѣрѣ счастья и несчастія въ бракѣ ⁸⁴⁾. Была еще третья книга Антифона, озагла-

⁸¹⁾ Mem. I, 6.

⁸²⁾ Ed. Blass.

⁸³⁾ Медея, ст. 200 и слѣд.

⁸⁴⁾ Онъ кончается словами *τὰς δὲ καὶ παῖδας γενεσθώσαν φροντίδων ἢ οὐ παύσει καὶ ἐξοίχεται τὸ νεώτατον σκίρτημα ἐκ τῆς γυναικὸς καὶ τὸ πρόσκον οὐκέτι τὸ αὐτό*. Блассъ полагаетъ, что этотъ отрывокъ взятъ изъ его книги *περὶ ὁμοιοῦς*, цитаты изъ которой доказываютъ, что въ ней заключался призывъ къ гармоніи между гражданами.

ленная Politicus, служившая, по всему вѣроятію, руководствомъ для молодыхъ гражданъ, желающихъ подготовить себя къ общественной дѣятельности. Отрывки эти достаточно полны для того, чтобы обнаружить передъ нами энциклопедическіе вкусы и поверхностность этого челоѣка, предпочитавшаго облечь знаніе въ привлекательную форму, чѣмъ возбуждать въ читателѣ вкусъ къ серьезному изслѣдованію. Изъ этого мы можемъ убѣдиться въ правильности его прозвища *λογοράφειρος*, сохраненнаго намъ Свидоу. Если онъ воспѣвалъ веселье и совѣтовалъ ловить счастливую минуту, посылаемую судьбою, то его картины людского горя и труда могли имѣть цѣлью именно подкрѣпленіе этого взгляда и отрицаніе Провидѣнія, въ чемъ его обвиняють. Тѣмъ не менѣе правоучительные отрывки его изыщны по формѣ и выказываютъ утонченность чувства, такъ что мы можемъ быть увѣрены, что этотъ предшественникъ Аристиппа не стремился къ иной репутациі, кромѣ извѣстности нравственнаго и достойнаго уваженія наставника. Изучать его отрывки можно всего лучше въ Блассовомъ изданіи сочиненій оратора Антифона и въ тѣхъ разсужденіяхъ, въ которыхъ онъ разсматриваетъ противоположность между ними и рѣчами его одноименника ⁸⁵⁾).

§ 335. Несомнѣнно, кажется, что преемники этихъ людей мало-по-малу выродились въ многознаекъ и шарлатановъ по части воспитанія и вскорѣ утратили всякое значеніе. Еще прежде, чѣмъ Платонъ написалъ свои послѣдніе Діалоги, софисты стали уже слишкомъ незначительны, чтобы заслуживать опроверженіе, а въ слѣдующемъ поколѣніи ⁸⁶⁾ они исчезаютъ совершенно, какъ замкнутое сословіе. Это слѣдуетъ, конечно, приписать не только противодѣйствию Сократа въ Аѣнахъ, но и различнымъ развѣтвленіямъ въ самой профессіи воспитанія. Ея наиболѣе любимая и выдающаяся отрасль, риторика, перешла въ руки специалистовъ, въ родѣ оратора Антифона, и развилась въ строго-опредѣленную науку. Философія, которой софисты касались, не углубляясь въ ея тайники, сдѣлалась достояніемъ сократовыхъ школъ и считалась руководительницей всей жизни. Политика, преподававшаяся софистами, ока-

⁸⁵⁾ Att. Ber., I, 99.

⁸⁶⁾ Исократъ въ своей рѣчи περί ἀντιδοκασίας (въ особенности въ §§ 198 и слѣд.), произнесенной не ранѣе 353 года до Р. Х., много говоритъ о всеобщемъ недоброжелательствѣ къ нему и софистамъ, — сословію, къ которому его причисляли. Но я думаю, что онъ повторялъ только аргументы, высказанные имъ въ юности, которые были достаточно важны въ то время, когда онъ основывалъ свою школу, около 408 г. до Р. Х., но вполне устарѣли съ годами. Исократъ показываетъ намъ образецъ особаго упорства, съ которымъ челоѣкъ ограниченный повторяетъ разъ усвоенныя имъ мысли.

залась, по всему вѣроятію, слишкомъ общаго свойства, да эти страстующіе люди, не имѣвшіе определенной осядлости или знакомства съ хитросплетеніями различныхъ конституцій, врядъ ли могли преподавать греческимъ гражданамъ практическіе уроки въ искусствѣ государственнаго управленія. Такимъ образомъ они исчезли почти такъ же быстро, какъ и выдвинулись, отбѣивъ собою только внезапный фазисъ умственнаго пробужденія Греціи, подобно французскимъ энциклопедистамъ ⁸⁷⁾.

Таковы были люди, внесшіе тревогу въ умственный строй греческаго общества и обнаружившіе свое вліяніе на поэзію въ ту пору, когда Еврипидъ коснулся задачъ драмы. Невозможно было бы утверждать, что вопросы нравственности и метафизики не были уже затронуты болѣе ранними поэтами. Столкновение между обязанностью мстить за убійство отца и привязанностью къ убійцѣ матери могло бы заставить колебаться самаго вдумчиваго человѣка. Столкновение между повиновеніемъ долгу и самой святою привязанностью въ Антигонѣ составляетъ антиномію, гораздо болѣе глубокую и интересную, чѣмъ антиноміи Зенона. Но трагическіе поэты не требовали общаго рѣшенія вопроса или полнаго изложенія мнѣній и аргументовъ обѣихъ сторонъ; они преподавали по своему философію, а не діалектику. Еврипидъ не могъ долѣе избѣгать этихъ навязчивыхъ спорныхъ вопросовъ. Естественна-научныя теоріи Анаксагора и его богословскія проблемы были въ ходу у аѳинскихъ мыслителей и нуждались въ популярномъ изложеніи, а не въ сухихъ прозаическихъ трактатахъ. Если человѣкъ дѣйствительно является мѣриломъ всего, то страсти и бѣдствія его должны найти себѣ мѣсто въ философіи и имѣютъ право на изложеніе и анализъ наряду съ его высшими принципами. Существа слабыя и невѣжественныя, женщины и рабы, имѣютъ, главнымъ образомъ, право на вниманіе въ демократическомъ обществѣ, въ которомъ мужчины уже уравнены между собою, а ихъ мудрость, твердость и умѣренность должны не менѣе возбуждать въ насъ чувство ужаса и состраданія, чѣмъ несчастія героевъ. Таково было измѣненное состояніе трагедіи въ рукахъ Еврипида.

§ 336. Я долженъ прибавить еще нѣсколько словъ, чтобы не дать повода думать, будто великіе поэты и прозаики, которые появились, какъ я говорилъ, передъ самымъ началомъ движенія, остались совершенно чужды ему. И Софокль, и Геродотъ были слишкомъ прозорливы и отзывчивы для того, чтобы оставаться незатронутыми теченіемъ мысли въ болѣе зрѣлую ихъ пору. Вслѣд-

⁸⁷⁾ Ср. Целлера, *Phil. der Griechen*, I, стр. 1027 и слѣд.

ствіе этого у Софокла въ такъ называемыхъ Спорныхъ рѣчахъ, напримѣръ, въ ссорѣ Тевкра съ Атридами (въ Аяксѣ), и у Геродота мы встрѣчаемъ скептицизмъ, у обоихъ находимъ риторическое искусство, которое, хотя и скрывалось въ формѣ поэзіи или разговора, все-таки доказывало, что ни одинъ изъ нихъ не былъ нечувствителенъ къ прелести новаго художественнаго изученія слога. Слѣды разрыва съ старинными вѣрованіями у Геродота и требованія съ его стороны личныхъ свидѣтельствъ заслужили ему несправедливое прозвище софиста греческой исторіи. Софокль приближается даже къ сжатости и неясности Фукидида, что свидѣлствуетъ, какъ мнѣ кажется, о реакціи Антифона и его школы противъ многословныхъ и водянистыхъ періодовъ Горгія. Тѣмъ не менѣе, принявъ все это въ должное соображеніе, остается однако несомнѣннымъ, что Софокль и Геродотъ принадлежали къ иному поколѣнію и складу мысли, чѣмъ Еврипидъ и Фукидидъ. Поэтому не только извинительно, но даже необходимо разсматривать ихъ отдѣльно, хотя они и стоятъ почти рядомъ въ хронологическомъ порядкѣ.

§ 337. Еслибъ книга наша была исторіею греческой философіи, мы отвели бы Сократу мѣсто не съ софистами, а во главѣ новаго движенія, какъ отцу нравственной философіи и критическаго метода послѣдующаго столѣтія. Но не слѣдуетъ забывать, что, съ литературной точки зрѣнія, онъ былъ человѣкомъ периклова вѣка и современникомъ тѣхъ людей, которые сдѣлали пятое столѣтіе самымъ блестящимъ во всей греческой литературѣ. Мы можемъ однако прослѣдить его вліяніе на произведенія его эпохи лишь по нападкамъ на него старой комедіи и по многимъ традиціямъ, дѣлающимъ его другомъ и поклонникомъ Еврипида. Только послѣ его смерти имя его прогремѣло по всей Элладѣ. Поэтому, мы можемъ поставить его въ связь или съ тѣмъ вліяніемъ, которое выдвинуло его самого впередъ, или съ тѣмъ, которое проистекло отъ него. Я предпочитаю первый, хотя и менѣе распространенный, приѣмъ, такъ какъ онъ лучше всего показываетъ положеніе Сократа въ исторіи греческой литературы.

Необходимо помнить, что Сократъ никогда ничего не писалъ, и что его литературное значеніе исключительно основано на томъ необыкновенномъ вліяніи, которое онъ имѣлъ на другихъ. Онъ не только внушилъ философскія мысли, зародившіяся въ послѣдующіе вѣка, но, дѣйствительно, основалъ новую форму аттической прозы, именно философскій діалогъ, который въ рукахъ Платона затмилъ всѣ остальные формы греческой письменности въ пятомъ столѣтіи, за исключеніемъ развѣ рѣчей Демосоена. Разсмотримъ сперва, чѣмъ онъ былъ обязанъ своимъ предшественникамъ, и въ чемъ

заключались своеобразныя черты, которыми онъ отличался отъ нихъ.

§ 338. Врядъ ли справедливо было бы сказать, что Сократъ первый низвелъ философію съ неба—изъ области отвлеченныхъ умозрѣній о природѣ—на землю, къ нравственнымъ вопросамъ, касающимся законовъ человѣческой жизни. Немало выдающихся софистовъ, въ родѣ Продика, занимались вопросами этики и пытались проповѣдовать добродѣтель. Не менѣе неточно было бы утверждать, что Сократъ былъ изобрѣтателемъ отрицательной діалектики или того метода, который заключался въ возбужденіи во время спора съ противникомъ всевозможныхъ трудностей и въ доказываніи самыхъ недѣльныхъ послѣдствій извѣстнаго положенія; въ этой области Зенонъ достигъ еще до него замѣчательныхъ результатовъ. Но Зенонъ примѣнялъ свою діалектику къ чисто-умозрительной метафизикѣ, да и вообще софисты признавали въ нравственныхъ поученіяхъ лишь незначительную часть всего круга практическаго воспитанія. Нововведеніемъ у Сократа было примѣненіе научнаго діалектическаго метода къ практическимъ вопросамъ и полное отчужденіе ихъ и нравственныхъ изслѣдованій отъ естественно-научныхъ и богословскихъ умозрѣній болѣе древнихъ философовъ. Это было, слѣдовательно, лишнимъ шагомъ къ обособленію различныхъ отраслей воспитанія; это обособленіе, быть можетъ, началось съ исключительнаго пристрастія Антифона къ риторикѣ, которой именно Сократъ тщательно избѣгалъ и противъ которой возставалъ, изучая чисто нравственные вопросы. Онъ настаивалъ на необходимости постоянныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, поддержанія внимательности ученика, привлекая его къ участию въ изслѣдованіи на правахъ равенства и товарищества, и старался отъ изученія спеціальнаго употребленія какого-либо термина придти къ общему опредѣленію, которое соединило бы въ себѣ все и дало бы такимъ образомъ ясное понятіе тѣмъ, кто употреблялъ данное выраженіе. Этимъ онъ не только положилъ основаніе научной этикѣ, но побуждалъ своихъ послѣдователей правильно употреблять отвлеченныя выраженія и облекать свои изслѣдованія въ форму вопросовъ и отвѣтовъ; другими словами, философская точность и разговорная форма составляютъ его положительный вкладъ въ исторію литературы.

Отрицательное значеніе его заключалось въ трезвой борьбѣ противъ склонности къ риторикѣ, многословнымъ періодамъ и заявленію сомнительныхъ, спорныхъ положеній, которая заполонила и почти совершенно заразила аттическую литературу конца этой эпохи. Вся его жизнь была протестомъ противъ риторики, какъ орудія воспитанія или самообразованія. Красиво разглагольствовать на какую-либо тему значило, по его мнѣнію, скрывать свое невѣ-

жество отъ себя и другихъ. Истинно полезнымъ дѣломъ было разслѣдовать каждый вопросъ и обсудить каждое заявленіе. Настолько глубоко сознавалъ Сократъ необходимость уяснять себѣ свое умственное состояніе, что считалъ каждую добродѣтель особымъ знаніемъ и что, по его убѣжденію, порокъ происходитъ не отъ страстей, а отъ невѣжества, или, скорѣе, отъ смѣшенія понятій. Эта часть его ученія была, правда, какъ-бы наслѣдіемъ, оставшимся послѣ софистовъ, противъ которыхъ онъ боролся всю жизнь; они также думали, что образуютъ хорошихъ гражданъ своими поученіями; если же добродѣтель можетъ преподаваться, значитъ, она ничто иное, какъ извѣстный видъ знанія. Но весь духъ сократова ученія былъ тѣмъ не менѣе прямо противоположенъ духу его соперниковъ-воспитателей, съ которыми его часто ставили рядомъ. Софисты отличались блескомъ и поверхностностью, онъ былъ простъ и основателенъ; они остановились на скептицизмѣ, онъ достигъ при помощи его болѣе глубокихъ и здоровыхъ вѣрованій; они скитались и не были отвѣтственны за свои поступки, онъ же жилъ постоянно въ Афинахъ и своею жизнью скрѣплялъ исповѣдуемые имъ ученія.

§ 339. Но я не хочу отвлекаться здѣсь сократовой философіею или изученіемъ его жизни. Все это подробно разсматривается не только въ философской, но и въ политической исторіи Греціи. Достаточно будетъ сказать, что Сократъ былъ сыномъ скульптора Софрониска и Фенареты (повивальной бабки), и что, занявшись нѣкоторое время ремесломъ своего отца (образецъ его работы сохранялся, говорятъ, въ Акрополѣ, гдѣ его видѣлъ Павзаній), онъ перешелъ къ нравственнымъ умозрѣніямъ. Началъ онъ съ самоизученія и отвергалъ всѣ поверхностныя рѣшенія вопросовъ; вскорѣ онъ принялся провѣрять свои изслѣдованія, изучая тѣхъ, кто его окружалъ, и ища у нихъ отвѣтовъ на смущавшія его нравственныя проблемы. Общественныя обязанности, выпадавшія на его долю, исполнялись имъ съ постоянствомъ и мужествомъ; онъ невозмутимо переносилъ крайнюю бѣдность—*πορὴ πείρα*,—бывшую результатомъ его преданности дѣлу обученія другихъ. Но, такъ какъ всѣ передовые афинскіе юноши, Алкивиадъ, Критій, Хармидъ, посѣщали его, то послѣ реставраціи онъ сдѣлался предметомъ нападеній со стороны правовѣрной и демократической партіи, обвинявшей его въ развращеніи молодежи и въ распространеніи культа чужеземныхъ боговъ. Защитительная рѣчь его, которую мы не должны смѣшивать съ знаменитой Апологіей Сократа, написанной его ученикомъ Платономъ, оправдала его образъ дѣйствій и отличалась такимъ смѣлымъ и покровительственнымъ тономъ относительно присяжныхъ, что онъ былъ осужденъ незначительнымъ большинствомъ и казненъ въ 399 г. до Р. Х. Истинныя причины и значеніе

этого приговора много занимали новѣйшихъ критиковъ, но онѣ не касаются нашего настоящаго предмета. Такимъ образомъ Аѳины лишились замѣчательной и близко знакомой имъ личности, въ теченіе полувѣка посѣщавшей торговую площадь; но духъ Сократа продолжалъ жить въ тѣхъ школахъ, которыя возникли изъ его ученія.

§ 340. Многочисленные бюсты его подтверждаютъ указанія платона Пира на весьма некрасивый типъ его лица: круглые глаза, курносый носъ и толстыя, выпятившіяся губы. Но, если типъ этотъ и напоминаетъ черты любого Силена, въ немъ было много добродушія и жизненности, соединенныхъ съ большою физическою силою и выносливостью. Мы имѣемъ два подробныхъ описанія его жизни и бесѣдъ въ діалогахъ Платона и у Ксенофонта, также написавшаго воспоминанія о своемъ учителѣ. Послѣдніе діалоги признаются новѣйшими учеными за менѣе идеализованный портретъ Сократа, но во многихъ чертахъ они вполне согласуются съ болѣе обработаннымъ и величественнымъ изображеніемъ въ платоновыхъ діалогахъ. Особая группа этихъ разговоровъ специально посвящена точному изображенію Сократа въ его послѣдніе дни: Эвтифронъ излагаетъ взгляды Сократа на набожность въ ту минуту, когда Мелеть обвинялъ его въ безбожии; Апологія изображаетъ его защиту передъ судомъ; въ Критонѣ онъ отказывается спастись бѣгствомъ и указываетъ на обязанность строгаго подчиненія закону, какъ на великую гражданскую добродѣтель. Этотъ послѣдній діалогъ весьма ясно обнаруживаетъ передъ нами какъ бы ксенофоновскую сторону характера этого человѣка, который вмѣстѣ съ умственнымъ скептицизмомъ внушалъ на практикѣ простую правотѣрную мораль. Федонъ, завершающій эту драматическую картину и описывающій послѣдніе часы тюремной жизни Сократа, похожъ на сочиненіе позднѣйшей поры и приписываетъ ему метафизическія теоріи скорѣе платонова, чѣмъ сократова пошиба. Но обстановка, по всему вѣроятію, описана съ достаточной точностью. Затѣмъ, группа этихъ діалоговъ изображаетъ намъ Сократа въ минуту смерти. Лучшій платоновскій портретъ Сократа при его жизни находится во введеніи къ Лизію и Хармиду и въ послѣдней части Пира, гдѣ пьяный Алкивиадъ дѣлаетъ странную, смѣлую, ни съ чѣмъ несравненную характеристику Сократа въ самыя сокровенныя минуты его жизни.

Подозрѣваютъ, что Платонъ поставилъ многія изъ своихъ собственныхъ теорій подъ эгиду сократова имени. Это весьма правдоподобное предположеніе страннымъ образомъ опровергается свидѣтельствомъ Аристотеля, постоянно приводящаго въ своихъ сочиненіяхъ мнѣнія Сократа, передавая ихъ со словъ, сказанныхъ имъ въ платоновыхъ діалогахъ, ни одного раза (насколько мнѣ извѣ-

стно) не намекая даже, что платоновъ Сократъ — портретъ идеализованный. Никогда не упоминаетъ онъ и о томъ Сократѣ, который изображенъ Ксенофонтомъ или какимъ-либо другимъ изъ многочисленныхъ авторовъ сократическихъ діалоговъ.⁸⁸⁾ Есть еще третье изображеніе Сократа въ отрывкахъ Аристоксена, который, со словъ своего отца, рассказываетъ, что Сократъ былъ человѣкъ съ сильными страстями, раздражительнаго характера, бравшій деньги за свои поученія, принадлежавшій вообще къ низшему типу, чѣмъ можно бы предположить на основаніи болѣе обстоятельныхъ рассказовъ о немъ. Это доказываетъ во всякомъ случаѣ, что у Сократа было много противниковъ и завистниковъ, которые никакъ не могли смотрѣть на него, какъ на великаго нравственнаго и общественнаго реформатора.

§ 341. Не трудно, правда, разгадать тѣ опасныя тенденціи, которыя, могли быть навѣяны его ученіемъ и которыя могли встревожить даже мыслителей болѣе серьезныхъ, чѣмъ старые консерваторы, боявшіеся только, что онъ потрясетъ всѣ основы традиціонной морали и религіи. Несомнѣнно, что, возставая противъ занятій практической политикой, ораторскимъ искусствомъ и естественными науками, пока люди не уяснятъ себѣ, путемъ пространныхъ бесѣдъ, основные принципы, Сократъ поощрялъ сильную и весьма пагубную склонность, свойственную общительнымъ народамъ, именно, склонность растрачивать попусту время въ разговорахъ, *λέσχης τέκνον κακόν* Еврипида. Конечно, можно утверждать, что эти діалектическія упражненія имѣли всеобъемлющую важность. Но даже въ платоновыхъ діалогахъ, которые, безъ сомнѣнія, гораздо совершеннѣе настоящихъ бесѣдъ, есть много разглагольствій, много пустой траты времени и искусства. Слѣдовательно, обвиненіе Сократа въ томъ, что онъ научалъ молодежь праздно бесѣдовать о томъ, что ей слѣдовало бы дѣлать — *ἀδολεσχέιν*, какъ называли это Греки — не лишено основанія. Съ другой стороны, доктрина, устанавливающая, что первая абсолютная обязанность каждаго человѣка заключается въ очищеніи его собственной души отъ нравственнаго невѣжества и въ достиженіи знанія, которое и составляетъ добродѣтель, — эта доктрина провозглашала безпредѣльное значеніе личной пользы человѣка, въ противоположность пользѣ ближняго и государства. Благодаря этой доктринѣ, Сократъ проповѣдовалъ то, что нѣмцы называютъ абсолютной субъективностью, которая привела подъ конецъ къ разрушенію древняго понятія о государствѣ. Хотя самъ Сократъ и былъ примѣрнымъ гражданиномъ, можно смѣло утверждать, что ни одинъ

⁸⁸⁾ Я еще вернусь къ этому вопросу въ главахъ о Платонѣ и Ксенофонтѣ.

изъ его учениковъ никогда не сдѣлался даже сколько-нибудь сноснымъ патриотомъ. Юные аристократы, въ родѣ Алкивіада, Критія и Хармида, ставили свою «абсолютную субъективность» выше закона и старались превратить другихъ людей въ рабовъ или игрушку для себя. Люди эпикурейскаго пошиба, въ родѣ Аристиппа, одинаково эксплуатировали изъ личныхъ выгодъ, и добродѣтельныхъ и порочныхъ людей, и спасались добровольнымъ изгнаніемъ отъ нестерпимой для нихъ обязанности содѣйствовать благу соотечественниковъ и хорошему способу управленія ими. Наконецъ циники, въ родѣ Антисѣена и Діогена, окончательно порывали всѣ связи съ обществомъ, жили какъ чужіе подъ покровительствомъ законовъ, которыхъ презирали, и оскорбляли и возмущали своихъ согражданъ крайнею грубостью и безстыднымъ неприличіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти люди пародировали Сократа. Они были лишены его утонченности и рѣдкой привлекательности, которыхъ не могли умалить ни его изношенный плащъ, ни его босыя ноги, — преувеличивали нѣсколько прозаическую непритязательность его разсужденій о мѣдникахъ, портныхъ, мастеровыхъ, починовающихъ старую обувь, какъ о самыхъ подходящихъ предметахъ для нравственныхъ изслѣдованій. Его благородное презрѣніе къ ложному и несправедливому общественному мнѣнію извратили они въ наглое пренебреженіе всѣми установленными приличіями общественной жизни. Тѣмъ не менѣе они все-таки были пародіями на него и дополняли его отрицаніе заурядной культуры софистическаго воспитанія отрицаніемъ всякой культуры. Такимъ образомъ впервые расторглась самая тѣсная связь всей греческой общественной жизни. Къ несчастію, а быть можетъ, и къ счастью, писанія всѣхъ философовъ сократовой школы, за исключеніемъ сочиненій Платона и Ксенофонта, погибли. Весь обширный списокъ ихъ, сообщенный Діогеномъ Лаэртіемъ въ его жизнеописаніи Евклида Мегарскаго, Стилпона, Антисѣена, Діогена, Аристиппа и другихъ *virī socratīci*, исчезъ для насъ, почти не оставивъ слѣда. Но, хотя мы, благодаря этому, избавлены отъ необходимости комментировать ихъ слогъ и методъ, необходимо было сказать вскользь нѣсколько словъ о необычайной революціи, которую произвелъ Сократъ въ области греческаго мышленія. Еслибъ люди эти жили однимъ вѣкомъ раньше, они безспорно были бы софистами. Въ четвертомъ же столѣтіи они развивались подъ вліяніемъ антагонизма съ отличительными чертами софистовъ.

§ 342. Но мы должны рассмотретьъ теперь другую нить этой сложной ткани и показать появленіе въ Аѳинахъ, наряду съ софистами, поэтами и историками, великихъ людей совершенно иного пошиба. Въ послѣднихъ главахъ мы видѣли, какъ изъ составленія трактатовъ и записей зародилась первая мысль сначала излагать

въ непринужденной или прозаической формѣ миѳическія сказанія, а затѣмъ вести и лѣтописи. Это былъ весьма важный и поздній шагъ въ такомъ обществѣ, гдѣ поэзія уже давно достигла блестящей литературной формы и примѣнялась къ политикѣ и философіи, точно такъ же, какъ и къ болѣе чувствительнымъ и романтическимъ сюжетамъ. Эти нехитрыя и сжатые по формѣ попытки постепенно выработались, благодаря Гекатею, въ повѣствованіе и были усовершенствованы великимъ геніемъ Геродота, введшаго въ нихъ драматическіе элементы, юморъ и наѳосъ, и смѣшеніе діалога съ повѣствовательною формою. Съ Геродотомъ эта отрасль греческой литературы достигла апогея. Позднѣйшіе опыты въ области іонической исторической прозы, въ родѣ попытокъ Ктезія, стремились лишь усилить результаты, добытые Геродотомъ, и не имѣли вовсе прочнаго вліянія на свою эпоху. Замѣчательно, какъ рѣдко даже грандіозное произведеніе самаго Геродота упоминается его современниками, и какъ люди его вѣка увлекались въ прозаическомъ творчествѣ совершенно инымъ стилемъ и иными идеалами. Даже вся масса греческихъ умозрительныхъ произведеній, писанныхъ іоническою прозою и заключающихъ въ себѣ глубочайшія мысли наиболѣе сосредоточенныхъ мыслителей, — Гераклита, Демокрита, Анаксагора — не могли остановить теченія, устремившагося въ совершенно новое направленіе.

Г Л А В А IV.

Начало ораторскаго искусства и возникновеніе аттической прозы. — Горгій, Антифонъ.

§ 343. Новое направленіе было вызвано двумя важными причинами, — распространеніемъ образованности въ массѣ и размноженіемъ демократическихъ учреждений во всемъ греческомъ мірѣ. Поднявшееся вслѣдствіе этого значеніе устной рѣчи и преній поставило краснорѣчіе выше всѣхъ другихъ отраслей литературы, и не успѣли критики подмѣтить его силу и прелесть, какъ немедленно показалось возможнымъ построить теорію, пригодную для преподаванія, и притомъ въ такихъ предѣлахъ, которые были немыслимы въ области поэзіи. Это составляло доступный изученію или искусственный элементъ краснорѣчія, благодаря которому ораторъ, къ своимъ природнымъ дарованіямъ, и изяществу своей рѣчи, присово-

куплялъ техническую ловкость, основанную на урокахъ риторики или τέχνη, какъ называли эту науку ея изобрѣтатели.

Въ болѣе безхитростномъ смыслѣ слова краснорѣчіе всегда существовало между Греками. Гомерическія поэмы считаютъ это свойство весьма важнымъ преимуществомъ своихъ героевъ, отнюдь не всегда имъ принадлежащимъ. Одиссей, Несторъ и Фениксъ были ораторами героическаго вѣка, и обращения ихъ убѣдительныхъ рѣчей, встрѣчающіеся въ поэмахъ, доказываютъ, какъ глубоко цѣнили сами рапсоды и ихъ слушатели этотъ высокій даръ. У Гезіода краснорѣчіе является въ видѣ вдохновенія царей, посылаемаго музами. Недостатокъ краснорѣчія въ спартанцѣ Менелай кажется намъ порожденіемъ скорѣе дорической, чѣмъ ахейской Спарты. Поразительно, однако, какъ рѣдко упоминается о немъ въ раннія историческія времена. Ни объ одномъ изъ первыхъ тирановъ, даже о самомъ Пизистратѣ, не слыхать, чтобы они были обязаны своею властью именно этому качеству, хотя Пизистратъ обладалъ литературнымъ образованіемъ и, быть можетъ, даже былъ краснорѣчивъ. Въ повѣствованіи Геродота мы находимъ одного только Аелиянина, Гиппоклеида, во время пира затмившаго всѣхъ другихъ жениховъ Агаристы своимъ краснорѣчіемъ, — и Ѳемистокла (первый, завѣдомо историческій примѣръ, подтвержденный свидѣтельствомъ Ѳукидида). Хотя Геродотъ и не поясняетъ этого факта, тѣмъ не менѣе его драматическій рассказъ не оставляетъ въ насъ никакого сомнѣнія относительно того, въ чемъ именно заключалась тайна Ѳемистоклова вліянія. Достоверно однако, что его рѣчь такъ же мало основывалась на техническихъ свѣдѣніяхъ, какъ и рѣчи ораторовъ Иліады, и что, подобно многимъ другимъ лицамъ у Геродота, онъ ожидаетъ эффекта только отъ своей убѣдительной манеры и значенія самихъ фактовъ. Мы уже обсуждали періодъ, слѣдовавшій за персидскими войнами, въ связи съ трагедіею и развитіемъ философіи и софистики. Всюду проглядываетъ демократическое право свободной рѣчи и страсть къ разговорамъ и спорамъ, столь милымъ для Грековъ во всѣ времена. Трагедія является поэтизировать аргументацію и краснорѣчіе, соперничающія философскія системы служатъ ареной для полемики и изложенія взглядовъ; софистика ни что иное, какъ возведеніе этой внѣшней ловкости въ кругъ высшихъ, наиболѣе совершенныхъ даровъ человѣка. Но гораздо важнѣе всей этой роскоши въ дѣлѣ воспитанія является практическое примѣненіе краснорѣчія не только къ общественнымъ преніямъ, но и къ защитительнымъ рѣчамъ на демократическихъ собраніяхъ или передъ судилищами. Такимъ образомъ потребности вѣка должны были породить учителей краснорѣчія по всѣмъ названнымъ мною отраслямъ.

§ 344. Практическое развитіе впервые было дано ораторскому искусству Сицилійцами, повидимому, всегда отличавшимися среди Грековъ своими аттическими качествами, быстротою ума и страстіемъ къ остроумнымъ рѣчамъ. Слѣды этого дарованія замѣчаются даже въ скудныхъ остаткахъ произведеній Эпихарма и Софрона; оно не угасало вплоть до дней Цицерона, прямо указавшаго на это въ разныхъ мѣстахъ своихъ рѣчей о Верресѣ и риторическихъ сочиненій. Но введеніе демократическихъ учрежденій въ Сиракузахъ въ 488 году до Р. Х. и въ Агригентѣ, нѣсколько лѣтъ спустя, дало сильный толчокъ изученію ораторскаго искусства. Такимъ образомъ, если Аристотель, говоря вскользь, и упоминаетъ объ Эмпедоклѣ изъ Агригента, какъ объ учителѣ Горгія и отцѣ риторики, Сиракузы безспорно выставили въ лицѣ Коракса основателя искусства писать судебныя рѣчи, цѣлью которыхъ было убѣждать судей ловкими нападеніями и защитою. Говорятъ, что изгнаніе тирановъ дало поводъ къ такой массѣ заявленій относительно неправильно захваченнаго ими и переданнаго въ другія руки имущества, что Кораксъ писалъ свою *téschne* и, по всему вѣроятію, приготовлялъ и рѣчи за плату для удовлетворенія общественной потребности въ тяжбахъ. Но отличительною чертою, какъ его, такъ и его преемника Тизія, было пренебреженіе къ ремеслу софистовъ и строгое ограниченіе своей дѣятельности практическою стороною профессіи ратора. Въ Жизнеописаніяхъ ораторовъ, приписываемыхъ Плутарху, мы читаемъ, что Тизій давалъ уроки Лизію въ Оуріи и Исократу въ Аѣинахъ. Павзаній утверждаетъ даже, будто онъ сопровождалъ Горгія во время его знаменитаго посольства въ Аѣины (въ 427 г. до Р. Х.). Всѣ эти анекдоты мало достовѣрны. Нѣтъ никакого вѣрнаго свидѣтельства, чтобы Кораксъ, поучавшій въ раннюю, а Тизій—въ позднюю пору пятого вѣка, странствовали подобно Горгію. Достовѣрно также, что они писали свои рѣчи для Сиракузянъ на дорическомъ діалектѣ, благодаря чему онѣ были непригодными образцами для аттическихъ ораторовъ. Въ древнія времена извѣстно было *téschne* или риторическое изслѣдованіе Тизія, гдѣ онъ объяснялъ важное значеніе *éikos* или отгадыванія вѣроятныхъ обстоятельствъ дѣла, вопросъ, затронутый и развитый впоследствии Платономъ въ его *Федръ*. Ясно, что, подобно софистамъ, и эти риторы нисколько не заботились о правдѣ и лжи, а желали только убѣждать. Это называлось въ просторѣчій «заставлять худшій аргументъ казаться лучшимъ» и вызывало нападки со стороны Платона и Аристофана, какъ будто вся адвокатская профессія не основана неизбѣжно на правилѣ предоставлять судѣ самому доискиваться правды, между

тѣмъ какъ адвокатъ ограничивается поддержкою той стороны, защищать которую призванъ. Это обвиненіе противъ софистовъ, усердно повторяемое и всеми нѣмецкими учеными, могло бы съ такою же справедливостью и непоследовательною быть произнесено и противъ столь важной судебной профессіи нашего времени. Когда Макіавелли примѣнялъ это научное пренебреженіе нравственными внушеніями не къ какому нибудь частному случаю, а къ политикѣ вообще, это возбудило противъ него подобное же обвиненіе, только заявленное съ большою силою.

Какъ мы уже говорили выше, нѣтъ доказательствъ вліянія Корака и Тизія на судебное краснорѣчіе Атики, а между тѣмъ почти несомнѣнно, что Антифонъ долженъ былъ изучать ихъ произведенія, такъ какъ онъ былъ ихъ прямымъ послѣдователемъ, а не приверженцемъ софистовъ въ строгомъ смыслѣ слова, поучавшихъ Аѳинянъ въ пятомъ вѣкѣ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, Протагоръ ввелъ, правда, усовершенствованія въ риторику, но только не по части судебного краснорѣчія, а въ отношеніи употребленія діалектовъ въ рѣчахъ. Онъ разбиралъ точный смыслъ и примѣненіе словъ и отмѣчалъ грамматическія неправильности, ихъ, объяснялъ поэтовъ и обсуждалъ политическіе вопросы, словомъ, дѣлалъ все, только не устанавливалъ точныхъ законовъ для судебного краснорѣчія. Тѣмъ не менѣе, его общія изслѣдованія должны были сильно вліять на современный слогъ; и, если Периклъ счелъ полезнымъ провести съ нимъ цѣлый день въ преніяхъ обь истинныхъ причинахъ какаго-то случая, то это доказываетъ, что Протагоръ никакъ не могъ быть зауряднымъ, ничего не говорившимъ уму, мыслителемъ. Но ни онъ, ни Продикъ, ни Гиппій Элійскій не могутъ считаться особыми знатоками искусства аттической прозы, хотя Продикъ и восхвалялъ добродѣтель изящнымъ слога, а Гиппій внесъ въ свои чтенія цѣлую энциклопедію свѣдѣній. Весьма возможно, что всѣ они, подобно Протагору, продолжали употреблять іоническое нарѣчіе.

§ 345. Въ то время, какъ эти люди внѣшнимъ образомъ содѣйствовали развитію точности слога и его изящества, болѣе постепенное политическое краснорѣчіе, въ родѣ того, которымъ обладалъThemistocles, быстро развивалось, благодаря усиліямъ Перикла. Относительно поразительнаго эффекта его публичныхъ рѣчей не можетъ быть никакого сомнѣнія. Даже тѣ комическіе поэты, которые поносили его политику и нападали на его мотивы, не отрицаютъ этого обстоятельства. Они говорятъ о немъ, какъ объ Олимпійцѣ, краснорѣчіе котораго уподоблялось грому и молніи, какъ о человѣкѣ, очаровывавшемъ слушателей своей магической силою, и какъ о единственномъ изъ ораторовъ того времени, который вы-

зывает сильное впечатлѣніе въ душѣ слушателя⁸⁹⁾. А между тѣмъ намъ извѣстно, что онъ не оставилъ послѣ себя никакихъ письменныхъ декретовъ, что ему никогда и въ голову не приходило издавать свои рѣчи, и что чудное дѣйствіе, производимое имъ, происходило не отъ рѣзкой и страстной манеры, а отъ силы его личнаго характера, отъ достоинства и спокойствія его пріемовъ, вѣскости и убѣдительности аргументовъ. Немногія, сохранившіяся изреченія его замѣчательны по своей силѣ и глубинѣ поэтическаго чувства, и намъ извѣстно, что, кромѣ его политическихъ рѣчей, онъ произносилъ во время общественныхъ похоронъ воззванія, на половину политическаго свойства, которыя имѣли характеръ эффектной, показной рѣчи и возбуждали неудержимый энтузіазмъ въ присутствовавшихъ на похоронахъ аѣнскихъ женщинахъ, затворническая жизнь которыхъ мѣшала имъ слышать гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ великаго оратора. Но, хотя до насъ и не дошло ни одного отрывка изъ произнесенныхъ имъ рѣчей, мы можемъ быть вполне увѣрены, что тѣ слова, которыя вкладывалъ ему въ уста Фукидидъ, похожи на его рѣчи только по политическимъ вопросамъ, ими затронутымъ. Риторическія антитезы и словесныя ухищренія Фукидида были вполне чужды гению Перикла, несомнѣнно обязаннаго своимъ могуществомъ глубинѣ мыслей, облеченныхъ въ поэтическій и образный, но вполне ясный слогъ. Это чисто-политическое краснорѣчіе, презиравшее стѣсненія риторическихъ формъ, было, по всему вѣроятію, тѣмъ видомъ искусства, къ которому стремились такіе демократическіе ораторы, какъ Клеонъ, Лизиклъ и Гиперболъ, хотя мы и знаемъ, что первый дополнялъ ихъ тривіальнымъ и эксцентричнымъ актерствомъ, совершенно несогласнымъ съ греческимъ вкусомъ. Въ послѣдующее время могли встрѣчаться немногіе гордые и небрежные аристократы, довѣрявшіеся своимъ природнымъ дарованіямъ при произнесеніи рѣчей; такъ поступалъ, повидимому, и Фокіонъ; даже политическое краснорѣчіе не могло вообще избавиться отъ вліянія риторики, и мы видимъ въ Демосѣенѣ высшее сочетаніе ея съ ораторскимъ искусствомъ, но, по всему вѣроятію, политическое краснорѣчіе Демосѣена уступало болѣе содержательной и поэтической, хотя и менѣе обработанной элоквенціи Перикла.

Въ эпоху величія Перикла, какъ политическаго оратора, судебное краснорѣчіе, какъ мы сейчасъ увидимъ, складывалось въ точную науку благодаря Антифону. Но въ то же самое время третья, выдающаяся въ Греціи, отрасль эпидиктическаго краснорѣчія, или

⁸⁹⁾ См. томъ I, стр. 398, прим.

показного краснорѣчія, быстро развивалась въ рукахъ Горгія. Невозможно было, конечно, чтобы эти три отрасли развивались вполне независимо другъ отъ друга, и превосходство въ какой-либо изъ нихъ должно было естественно повести къ сближенію съ другою, такъ что Периклъ былъ иногда вынужденъ произносить панегирики, а Антифонъ — защитительныя политическія рѣчи. Тѣмъ не менѣе, преемственная связь «аттическихъ ораторовъ» съ Антифономъ и Антифона съ Коракомъ вполне послѣдовательна и несомнѣнна, точно такъ же, какъ и связь Исократа съ школой Горгія. Столь же достовѣрно, что въ рѣчахъThemistocles, Перикла, Алкивиада и Фокіона мы видимъ образецъ публичнаго краснорѣчія практическаго свойства, не нисходившаго до риторическихъ фокусовъ и, по всему вѣроятію, ближе подходящаго къ лучшимъ рѣчамъ англійской палаты Общинъ, чѣмъ все, на что бы я могъ указать. Но изъ самаго свойства этихъ рѣчей, никогда не записывавшихся ораторами или репортерами (занятіе, совершенно неизвѣстное въ Греціи), становится понятнымъ, почему мы не можемъ прослѣдить въ нихъ никакого развитія или естественнаго прогресса.

§ 346. Вслѣдствіе этого мы сразу обратимся къ Горгію, о которомъ только вскользь упомянули, говоря о философской сторонѣ ученія софистовъ, такъ какъ истинное значеніе его связано съ исторіею ораторскаго искусства. Аристотель называетъ Эмпедокла его предшественникомъ, но не хочетъ сказать этимъ, чтобы Эмпедоклъ фактически подготовилъ развитіе τέχνη, или посвятилъ себя риторикѣ, а только, что его извѣстность въ этомъ направленіи сложилась, какъ на основаніи блестящаго слога, которымъ онъ излагалъ свои физическія теоріи, такъ и благодаря его демократическому образу дѣйствій въ Агригентѣ. Если Эмпедоклъ былъ наставникомъ Горгія въ философіи⁹⁰⁾, то это могло только послужить лишней причиною для подобнаго замѣчанія. Но, по словамъ Бласса, незначительная разница лѣтъ между этими двумя людьми, точно такъ же, какъ и между Протагоромъ и Тизіемъ, дѣлаетъ сомнительнымъ, чтобы между кѣмъ-либо изъ нихъ существовали отношенія наставника къ ученику. Эмпедоклъ пріобрѣлъ, повидимому, значеніе около 470 года до Р. Х.; Горгій же, жившій въ продолженіе всего пятаго столѣтія, не могъ родиться много позднѣе 490 года. Всѣ наиболѣе авторитетные писатели согласны съ тѣмъ, что онъ прожилъ болѣе ста лѣтъ и, пользуясь уже громкою славою, прибылъ въ Аѳины

⁹⁰⁾ Свидѣтельство Платона (Менонъ, 76. С) категорически устанавливаетъ, что Горгій и Эмпедоклъ были защитниками однихъ и тѣхъ же доктринъ, такъ что между ними существовала, несомнѣнно, какая-нибудь связь.

въ 427 г., очевидно, въ первый разъ, такъ какъ краснорѣчіе его произвело тамъ такое сильное впечатлѣніе. Родился онъ въ Леонтинѣ, былъ сыномъ Харамантида и имѣлъ брата Геродида, врача, упоминаемаго Платономъ, и сестру, чьи потомки соорудили въ честь нашего ритора въ Олимпіи статую, описанную Павзаніемъ. Другія замѣчанія Павзанія по этому поводу ⁹¹⁾ весьма любопытны, но не вполне надежны. Хотя Горгія справедливо причисляютъ къ софистамъ, и хотя онъ издалъ знаменитый скептическій трактатъ, онъ предпочиталъ, кажется, называть себя риторомъ. Онъ много путешествовалъ по Греціи и скопилъ, какъ тогда полагали, большія богатства, но оставилъ, однако, только весьма незначительное состояніе, хотя и не былъ женатъ и отличался большой воздержностью. Но воздержность въ одномъ отношеніи совмѣстима съ роскошью и даже расточительностью въ другомъ, какъ я говорилъ уже выше (§ 332). Умеръ онъ, насколько извѣстно, въ Фессаліи, куда стекалось столько знаменитыхъ писателей.

Въ числѣ его учениковъ называютъ множество выдающихся именъ, наприм., Менона и Аристиппа изъ Фессаліи, о которыхъ говоритъ Ксенофонтъ въ своемъ *Анабасисѣ*; называютъ также съ полнымъ основаніемъ ораторовъ Ликимнія, Пола, Алкидама, Исократъ, наконецъ и Фукидида, Критія и Алкивиада, относительно которыхъ указанія сомнительны. Хотя и Горгія, наравнѣ съ другими софистами, хвасталъ тѣмъ, что могъ заставить слабое казаться сильнымъ, и что ни одинъ специалистъ не могъ спорить даже по своему предмету съ нимъ, диалектикомъ по профессіи, онъ былъ, какъ кажется, человекомъ хорошей нравственности и возвышенныхъ стремленій, и обозвалъ пасквилемъ, произведеніемъ какого-нибудь юнаго Архилоха, тотъ знаменитый диалогъ (Горгія), въ которомъ Платонъ нападалъ на его теорію риторики. Онъ оставилъ также нѣсколько теоретическихъ изслѣдованій, но думаютъ, что это былъ скорѣе сводъ ходячихъ общихъ мѣстъ, чѣмъ ученое изложеніе принциповъ. Полагаютъ, что онъ писалъ, кромѣ того, политическія рѣчи и воззванія; первыя, по всему вѣроятію, только случайно отличались политическимъ характеромъ и принадлежали, собственно, къ эпидиктическому роду, т. е. къ категоріи воззваній, истиннымъ творцомъ которыхъ онъ и былъ, — въ чемъ заключается его великая заслуга.

§ 347. Сюжеты этихъ ораторскихъ упражненій извѣстны намъ. Два изъ нихъ, *Olympicus* и *Pythicus*, должны были, какъ и Исократовъ *Панегирикъ*, играть роль политическихъ памфлетовъ, съ той разницей, что Исократъ былъ неспособенъ произнести ихъ

⁹¹⁾ VI, 17, 8.

эффектно, въ то время, какъ Горгій рассчитывалъ, повидимому, на силу и привлекательность своего голоса и всей своей личности. Содержаніемъ нѣкогда знаменитаго Олимпика было воззваніе къ Грекамъ, убѣждавшее ихъ прекратить внутреннія распри и соединиться для нападенія на владѣнія варваровъ и для завоеванія ихъ. Тема эта была излюблена риторамъ и давала имъ случай льстить Грекамъ по поводу ихъ національныхъ преимуществъ въ сравненіи съ окружающими ихъ варварами; но весьма ошибочно было бы смѣшивать этотъ панэллинизмъ Горгія или Исократы съ эллинизмомъ позднѣйшей эпохи, стремившимся къ распространенію греческой культуры въ окрестныхъ государствахъ. Извѣстна еще Эпитафія Горгія, по всему вѣроятію, служившая образцомъ позднѣйшимъ ораторамъ, такъ какъ, кромѣ недошедшихъ до насъ эпитафій, произнесенныхъ Перикломъ и другими руководящими аѳинскими гражданами, намъ извѣстны пять эпитафій: Фукидидова, въ Менексенѣ Платона, Гиперидова, и, кромѣ того, еще двѣ, которыя приписываются Лизію и Демосѳену и являются запоздалыми и скудными по содержанію ⁹²⁾. Изъ нихъ мы видимъ, какъ стереотипна была форма подобныхъ воззваній болѣе чѣмъ вѣроятно, что мы обязаны Горгію возникновеніемъ этого жанра. Былъ еще панегирикъ Элидѣ, начинавшійся, какъ говорятъ, безъ предисловія, прямо со словъ *Ἦλις πόλις εὐδαίμων*. Позднѣйшіе намеки въ аристотелевой Риторикѣ на привычку Горгія вводить отступленія въ эти воззванія заставляютъ насъ представить ихъ себѣ чѣмъ-то въ родѣ пиндаровыхъ одъ въ прозаической формѣ, гдѣ доблести мѣстическихъ предковъ и прежнее величіе семьи побѣдителя являлись главнымъ украшеніемъ панегирика.

§ 348. Слогъ Горгія былъ гораздо болѣе цвѣтистъ и поэтиченъ, чѣмъ то, что утонченный вкусъ послѣдующихъ поколѣній могъ допустить даже въ показномъ краснорѣчьи, такъ какъ тѣ ораторы, которые говорили на судѣ и съ опредѣленной цѣлью убѣдить присяжныхъ, должны были съ самаго начала держаться болѣе простаго языка и быть болѣе умѣренными въ своихъ разсужденіяхъ. Но, кромѣ вольности темъ Горгія и поводовъ, вызывавшихъ его рѣчи, въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ замѣтно стремленіе къ аллитераціи, рифмовкѣ звуковъ и къ антитезамъ въ самомъ смыслѣ рѣчи, изъ чего видно, какъ его проза все еще страшилась

⁹²⁾ Исократъ также усвоить, что сюжетъ его Панегирика, поскольку онъ касался прославленія Аѳинъ, ставилъ его въ соперничество съ этими панегириками. Его Эвагора часто называли, хотя и неправильно, эпитафією, такъ какъ онъ раскрывалъ добродѣтели усопшаго монарха.

отступать отъ тѣхъ средствъ, которыми поэзія ласкала слухъ. Замѣтно слишкомъ большое вниманіе къ формѣ, а избирѣтельность въ этомъ отношеніи отличается такою искусственностью, такими преувеличеніями, что Греки сочли произведенія Горгія слишкомъ ребячливыми и оставили ихъ безъ вниманія до той поры, когда римскіе риторы принялись за нихъ и стали изучать ихъ вновь. Знатоки грамматики, писавшіе о слогѣ, серьезно порицають Горгія за употребленіе имъ во зло *πάρισα* и *ὁμοιοτέλευτα*, точно такъ же, какъ Плутархъ осуждалъ Аристофана за пользованіе ими, и противопоставлялъ его Менандру. Метафоры его многочисленны до монотонности. Большинство этихъ весьма поверхностныхъ измышлений носили названіе горгіевыхъ риторическихъ фигуръ. Я привожу здѣсь главный отрывокъ, сообщаемый Діонисіемъ, такъ какъ онъ доступенъ публикѣ только въ *Fragmenta* Муллаха или въ *Fasti* Клинтонa, хотя онъ и является весьма любопытнымъ и раннимъ образкомъ аттической прозы⁹³⁾. Горгіи усвоилъ себѣ, повидимому, этотъ діалектъ, создавъ такимъ образомъ еще въ одномъ важномъ отношеніи эпоху въ исторіи греческаго краснорѣчія.

Двѣ рѣчи, дошедшія до насъ съ его именемъ, Похвальное слово Еленѣ и Защита Паламеда, много изощрили догадливость критиковъ относительно ихъ подлинности. Послѣ тщательнаго разбора этихъ рѣчей въ своемъ первомъ томѣ, Блассъ не рѣшается признать ихъ подлинными, хотя въ нихъ и замѣтно большое сходство съ вполне признанными имъ отрывками, и ни-

⁹³⁾ *Scholія ad Harmoz.*, 412: *Τί γάρ ἀπὴν τοῖς ἀνδράσι τοῖσις, ὧν δεῖ ἀνδρᾶς προσεῖναι; τί δὲ καὶ προσῆν, ὧν οὐ δεῖ προσεῖναι; εἰπεῖν δυνάμην ἢ βούλομαι, βουλοίμην δὲ ἢ δεῖ, λαθὼν μὲν τὴν θεῖαν νέμεσιν, φυγὼν δὲ τὸν ἀνθρώπινον φθόνον. Οὗτοι γὰρ ἐκέκτηντο ἔνθεον μὲν τὴν ἀρετὴν, ἀνθρώπινον δὲ τὸ θνητόν. πολλὰ μὲν δὴ τὸ παριέν ἐπιεικὲς τοῦ αὐθάδους δικαίου προκρίνοντες, πολλὰ δὲ νόμου ἀκριβείας λόγων ἐρῶσιν. ταῦτο νομίζοντες θεοτάτων καὶ κοινότατον νόμον, τὸ δέον ἐν τῷ δέοντι καὶ λέγειν καὶ σιγᾶν καὶ ποιεῖν καὶ διασᾶ ἀσκήσαντες μάλιστα ὧν δεῖ, γνῶμην καὶ ῥῶμην, τὴν μὲν βουλευόντες, τὴν δὲ ἀποτελοῦντες. θεράποντες μὲν τῶν ἀδίκως δυστυχούντων, κολασταὶ δὲ τῶν ἀδίκως εὐτυχούντων, αὐθάδεις πρὸς τὸ συμφέρον, ἀόργητοι πρὸς τὸ πρέπον, τῷ φρονίμῳ τῆς γνῶμης παύοντες τὸ ἄφρον, ὕβρισται εἰς τοὺς ὕβριστάς, κόσμιοι εἰς τοὺς κοσμίους, ἄφοβοι εἰς τοὺς ἄφόβους, δεινοὶ ἐν τοῖς δεινοῖς. Μαρτύρια δὲ τούτων τροπαῖα ἐστῆσαντο τῶν πολεμίων, Διὸς μὲν ἀγάλματα, τούτων δὲ ἀναθήματα οὐκ ἄπειροι οὔτε ἐμφύτου Ἀρεῶς, οὔτε νομίμων Ἑρώτων, οὔτε ἐνοπλίου Ἑρίδος, οὔτε φιλοκάλου Εἰρήνης. σεμνοὶ μὲν εἰς τοὺς θεοὺς τῷ δικαίῳ, ὅσοι δὲ πρὸς τοὺς τοκέας τῇ θεραπείᾳ, δίκαιοι πρὸς τοὺς ἀστούς τῷ ἴσῳ, εὐσεβεῖς δὲ πρὸς τοὺς φίλους τῇ πίστει. Τοιγαροῦν αὐτῶν ἀποθανόντων ὁ πόθος οὐ συναπέθανεν, ἀλλ' ἀθάνατος οὐκ ὁσμάτως σώμασι ξῆ' οὐ ζώντων.*

Σεμνάς γάρ (говоритъ Діонисій), ἐνταῦθα συμφορῆσας λέξεις ὁ Горгіας, ἐννοίας ἐπιπολαιότερας ὑπεξαγγέλλει, τοῖς τε παρίοις καὶ ὁμοιοτελεῦτοις καὶ ὁμοιοκατάρχοις καλλωπίζων δι' ὅλοι πρὸς κόρον τὸν λόγον.

одинъ положительный анахронизмъ въ слогѣ или сюжетѣ не изобличаетъ ихъ подложности; но, дойдя до обсуждения Елены Исократ⁹⁴⁾, Блассъ такъ пораженъ доводами, доказывающими, что это ничто иное, какъ отвѣтъ на Похвальное слово и на одну изъ рѣчей Горгія, что склоняется въ пользу признанія подлинности этого произведенія. Ничто не въ состояніи лучше убѣдить насъ въ трудности рѣшенія этого вопроса, какъ эти колебанія и измѣненія взглядовъ въ такомъ критикѣ, какъ Блассъ, не отличающемся, подобно большинству нѣмцевъ, преувеличеннымъ скептицизмомъ и не склонномъ пренебрегать всякою очевидностью, если она противорѣчитъ его личнымъ взглядамъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ всѣ ранніе критики игнорируютъ, повидимому, эти произведенія, надо думать, что они не болѣе, какъ ловкія поддѣлки; по крайней мѣрѣ, на меня они производятъ это впечатлѣніе, какъ и на большинство нѣмецкихъ критиковъ⁹⁵⁾. Рѣчи эти напечатаны теперь въ Антифонѣ Тейбнера (изд. Бласса), но, къ несчастію, онъ не присовокупилъ къ нимъ отрывковъ, которые приходится отыскивать въ II томѣ *Fragmenta Philosophorum* Муллаха. Рукописи Елены весьма многочисленны и встрѣчаются обыкновенно вмѣстѣ съ рѣчами Антифона. Значеніе ихъ оцѣнено Блассомъ въ его предисловіи къ Антифону, стр. XI и слѣд.

§ 349. Въ настоящемъ случаѣ будетъ совершенно достаточно бѣгло упоминанія о Полѣ изъ Агригента и о Ликимнѣ, которые извѣстны намъ, со словъ Платона, какъ ученики и послѣдователи Горгія. Послѣ нихъ не осталось никакихъ слѣдовъ, и древніе не упоминаютъ ни объ одномъ сочиненіи Пола, кромѣ одного риторическаго изслѣдованія. Личность этого человѣка, какою она изображена въ платоновомъ Горгіѣ, отталкивающая, дерзкая и назойливая; но, быть можетъ, и здѣсь Платонъ разыгралъ роль Архилоха. Ликимній извѣстенъ еще менѣе Пола и только упоминается въ бѣглыхъ намекахъ Аристотеля и Діонисія, какъ авторъ «ликимніевыхъ словъ» болѣе звучныхъ, чѣмъ богатыхъ смысломъ. Болѣе знаменитые ученики Горгія, Алкидамъ и Исократъ принадлежать къ позднѣйшему поколѣнію. и къ болѣе поздней литературной эпохѣ, чѣмъ та, которою мы занимаемся въ настоящее время.

⁹⁴⁾ Att. V., II, стр. 222.

⁹⁵⁾ Въ предисловіи къ своему Антифону (Тейбнеръ, 1870 г.) Блассъ, говоря о своемъ измѣнившемся взглядѣ на обѣ рѣчи (послѣ Рейске), признаетъ Паламедо цѣннымъ образцомъ ранняго судебного краснорѣчія Атики, что вполне достоверно во всемъ, что касается точнаго анализа дѣла. Рѣчи эти, даже если онѣ поддѣльны, приближаетъ онъ, даютъ намъ столь же хорошее понятіе о настоящемъ Горгіѣ, какъ римскія копіи — о древней греческой скульптурѣ.

§ 350. Обратимся теперь къ болѣе извѣстной и крупной личности Антифона—оратора, истиннаго родоначальника аттического судебного краснорѣчія, человѣка, который, быть можетъ, и слыхалъ рѣчи Горгія, но былъ тѣмъ не менѣе основателемъ совершенно иной и гораздо болѣе существенной отрасли аттической прозы. Платонъ въ своемъ *Федръ* (257 D.) говоритъ, что выдающіеся государственные люди Греціи стыдились записывать и оставлять послѣ себя рѣчи изъ опасенія, какъ бы ихъ впослѣдствіи не прозвали софистами. Хотя свидѣтельство Платона всегда сомнительно, когда дѣло идетъ о софистахъ, тѣмъ не менѣе не лишено вѣроятности, что этотъ видъ ученія первоначально стоялъ на одномъ уровнѣ съ другими видами преподаванія, и что должность школьнаго учителя или педагога, въ нашемъ смыслѣ слова, никогда не занимала высокаго мѣста на общественной дѣйствицѣ. Изъ нѣкоторыхъ выраженій Фукидида становится вѣроятнымъ (хотя не столь несомнѣннымъ, какъ это утверждаетъ Блассъ), что аттическіе адвокаты, не имѣвшіе права говорить въ защиту своихъ кліентовъ, помогали имъ устными совѣтами. Но необходимо допустить, что они записывали свои рѣчи сполна и научали кліентовъ произносить ихъ, такъ что этотъ видъ ораторскаго искусства вскорѣ опередилъ политическія рѣчи съ подмостковъ, долгое время остававшіяся достояніемъ политиковъ-практиковъ. Поэтому-то, если профессиональному ритору, въ родѣ Антифона, случалось во время судебныхъ преній произносить политическую рѣчь, эффектъ ея былъ необычайный. Нѣмецкіе ученые полагаютъ, что привычка тяжущихся брать себѣ защитникомъ адвоката по профессіи происходила изъ того, что теперь называютъ охлократіею,—явленія, завладѣвавшего всей аттической политикой около 420 г. до Р. Х. и, по мнѣнію Нѣмцевъ, быстро внесшаго разложеніе въ нравственность государства и въ его принципы. Но этотъ взглядъ, какъ давно уже доказано Гротомъ, ничто иное, какъ рабское подчиненіе мнѣніямъ комиковъ-аристократовъ, всячески чернившихъ и поносившихъ сложившуюся въ то время демократію. Никакого особаго измѣненія въ общественныхъ воззрѣніяхъ или упадка ихъ не требовалось, чтобы побудить къ сочиненію писанныхъ судебныхъ рѣчей,—разъ уже обычай приглашать защитниковъ былъ установленъ.

§ 351. Антифонъ, сынъ Софила, изъ Рамна⁹⁶⁾ на сѣверѣ Аттики, родился въ началѣ пятаго столѣтія, около 480 года. Дѣдъ его считался приверженцемъ тирановъ, такъ что происхожденіе его

⁹⁶⁾ См. живописное изображеніе этого округа въ *Eloquence politique et judiciaire à Athènes*, G. Perrot, томъ I, стр. 106.

было, вѣроятно, аристократическое, что видно и изъ его политическихъ взглядовъ. Авторы различныхъ біографій Антифона противѣчатъ другъ другу по вопросу о его воспитаніи, о которомъ, очевидно, не знаютъ ровно ничего. Слогъ его, какъ и понятно, носить на себѣ явные слѣды вліянія Тизія и Горгія; основательныя предположенія (εἰκότα) Тизія и антитезы Горгія играютъ важную роль въ его рѣчахъ. Очевидно, онъ пользовался извѣстностью, какъ преподаватель риторики; это видно изъ одного указанія въ платоновомъ Менексенѣ, а изъ свидѣтельства Фукидида мы узнаемъ, что онъ былъ моднымъ адвокатомъ въ Аѣнахъ. Но изъ намека на него, какъ на самоучку, изъ того обстоятельства, что его прозвали Несторомъ, и изъ другихъ подробностей; встрѣчающихся въ его жизнеописаніяхъ, можно догадаться, что онъ прославился, какъ практическій ораторъ или политикъ, лишь въ зрѣломъ возрастѣ. У насъ нѣтъ ни одной изъ его рѣчей, которая относилась бы къ эпохѣ, предшествовавшей 420 г. до Р. Х., за исключеніемъ развѣ о б в и н и т е л ь н а г о а к т а м а ч и х и, по моему, впрочемъ, не подлиннаго. На основаніи родовыхъ его традицій, а, быть можетъ, и вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ молодыми аристократами въ качествѣ учителя, Антифонъ проникся, повидимому, глубокой ненавистью къ аѣнскому демосу; онъ писалъ рѣчи для союзныхъ городовъ, спорившихъ изъ-за дани, и составилъ яростное нападеніе на Алкивіада, котораго аристократическая партія особенно сильно ненавидѣла, какъ ренегата. Весьма вѣроятно, однако что эта рѣчь была произнесена кѣмъ-нибудь изъ его кліентовъ, потому что въ продолженіе всей своей жизни этотъ хитроумный и ловкій человѣкъ оставался постоянно на заднемъ планѣ и руководилъ нитями общественныхъ дѣлъ при посредствѣ болѣе слабыхъ людей, которыхъ выдвигалъ впередъ. Словомъ, онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ аѣнскаго барона Штокмара, дѣлавшаго набѣги изъ области педагогіи въ область политики, или, быть можетъ, скорѣе чѣмъ-то въ родѣ Рихарда Вагнера, совершавшаго подобные же набѣги изъ сферы искусства. Таковъ портретъ его, оставшійся въ одномъ, знаменитомъ отрывкѣ Фукидида, бывшаго, какъ гласитъ общепринятая традиція, его ученикомъ и другомъ и, повидимому, относившагося къ нему съ необычайнымъ восторгомъ.

Обстоятельства, при которыхъ Антифонъ сдѣлался вліятельною личностью, играютъ важную роль въ греческой исторіи. Послѣ сицилійскаго погрома, достигнувъ уже преклонныхъ лѣтъ, онъ взялъ на себя устройство олигархической революціи, результатомъ которой было установленіе въ Аѣнахъ власти Четырехъ сотъ. Изъ живого описанія этого событія у Фукидида мы узнаемъ, что это совершилось благодаря громадному заговору, дѣйствовавшему при помощи аристокра-

тических афинскихъ клубовъ. Клубы эти, носившіе названіе *ἐταῖραι*, имѣли чисто-политическій характеръ; ихъ можно, пожалуй, сравнить съ оранжистскими обществами въ сѣверной Ирландіи, которыя, высказывая преданность къ конституціи, въ благопріятномъ имъ смыслѣ слова, и къ излюбленному ими порядку вещей, едва скрываютъ ненависть къ своимъ политическимъ противникамъ, даже въ самомъ формулированіи догматовъ партіи. Намъ извѣстно, что эти клубы осуществляли свои замыслы съ помощью политическихъ убійствъ и нагоняли страхъ на населеніе быстротою и отважностью преступленій. Фукидидъ дѣлаетъ Антифона отвѣтственнымъ за эти политическія убѣжденія и, еслибъ онъ дѣйствительно назвалъ его далѣе «неуступающимъ ни одному современнику въ добродѣтели», мы имѣли бы полное право заподозрить, какъ нравственность, такъ и правдивость самаго историка. Но, конечно, Фукидидъ имѣлъ въ виду только умственные качества Антифона, составлявшія, по его мнѣнію, главное достоинство человѣка. Кони или собаки, удовлетворительно исполняющіе присужденныя имъ обязанности, обладаютъ совершенно тождественною, и свойственною, имъ *ἀρετή*. Описавъ планы и убійства, приведенные въ исполненіе олигархическими заговорщиками, Фукидидъ говоритъ далѣе ⁹⁷⁾, что Пизандръ былъ, повидимому, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и руководителемъ движенія; но «тѣмъ человѣкомъ, который обдумалъ все дѣло такъ, чтобы довести его до этой точки совершенства, и который долѣе всѣхъ слѣдилъ за нимъ,—этимъ человѣкомъ былъ Антифонъ, не уступавшій ни одному современному Аѣинянину въ ловкости (*ἀρετή*), болѣе всѣхъ способный задумать планъ и выразить свои мысли, никогда не появившійся передъ (собравшимся) народомъ, не вступавшій, насколько это было въ его власти, ни въ какія пренія, но, тѣмъ не менѣе, казавшійся подозрительнымъ массѣ, благодаря своей репутаціи ловкаго человѣка. И, дѣйствительно, болѣе всѣхъ остальныхъ согражданъ Антифонъ могъ помогать совѣтами тѣмъ, кто вступалъ въ пренія передъ судомъ или народнымъ собраніемъ».

Не наше дѣло описывать судьбу вождей Четырехъ сотъ, рассказывать, какъ они отрядили въ Спарту депутацію, въ которой участвовалъ Антифонъ, съ цѣлью совершенно предать Аѣины въ руки Лакедемонянъ, какъ, по ихъ возвращеніи изъ этой неудачной поѣздки, умѣренная партія, съ Тераменомъ во главѣ, одержала верхъ, и большинство заговорщиковъ бѣжало въ Делеклію. Антифонъ и Архепто-

⁹⁷⁾ VIII, 69. Согласно параллельнымъ мѣстамъ, приведеннымъ Классеномъ въ его введеніи (стр. LXVII), *ἀρετή* предполагаетъ также отсутствіе эгоизма.

лемъ остались въ Аѣинахъ по неизвѣстнымъ причинамъ. Ихъ немедленно предали суду за измѣнническіе переговоры съ врагами столицы, и мы, къ счастью, обладаемъ текстомъ обвиненія и приговора, списаннымъ Плутархомъ въ его Жизнеописаніи у ритора Цецилія, нашедшаго этотъ текстъ въ сборникѣ государственныхъ документовъ Кратера⁹⁸⁾. Кажется, что Антифонъ употребилъ всѣ усилія въ дѣлѣ своей собственной защиты. Ветеранъ-риторъ, столько лѣтъ слышій признаннымъ мастеромъ судебного краснорѣчія, оказался, наконецъ, въ необходимости примѣнить къ собственному дѣлу приемы и аргументы, которыми снабжалъ своихъ кліентовъ. Утрата его рѣчи, прогрѣвшейся въ древности, для насъ незамѣнима, такъ какъ онъ не прибѣгнулъ въ ней къ чисто техническому или узкому способу защиты, а обозрѣлъ въ своей рѣчи о *coup d'état* (περί τῆς μεταστάσεως) все возстаніе Четырехъ сотъ и, по всему вѣроятію, и свою собственную политическую жизнь. Фукидидъ, описывая, какъ выше сказано, его характеръ, говоритъ, что эта защитительная рѣчь была лучшимъ образцомъ ораторскаго искусства, извѣстнымъ вплоть до его времени. Рассказываютъ, что Агаѣонъ особенно хвалилъ эту рѣчь въ разговорѣ съ самимъ ораторомъ, на что тотъ отвѣчалъ, что одобреніе одного компетентнаго судьи вознаграждаетъ его за неудачу рѣчи передъ массою. Но нѣтъ сомнѣнія, что положеніе дѣла было слишкомъ ясно, и что общее недовѣріе къ опасному ритору вполне оправдалось несомнѣнными доказательствами его анти-демократической политики⁹⁹⁾. И онъ, и Архептолемъ были приговорены къ смерти, потомство ихъ—къ лишенію гражданскихъ правъ; трупамъ ихъ отказали въ погребеніи на аттической почвѣ, и дома ихъ были скрыты до основанія.

§ 352. Событія эти совершились въ 411 или 410 г. до Р. Х. (ол. 92, 2). Никакого иного свидѣтельства о личномъ характерѣ этого замѣчательнаго человѣка мы не имѣемъ. Греческія жизнеописанія старались пополнить этотъ пробѣлъ, смѣшивая Антифона со многими другими лицами того же имени и прежде всего съ демократомъ Антифономъ, чьи заслуги на войнѣ и въ области политики навлекли на него въ Аѣинахъ смертный приговоръ со стороны Тридцати, политическихъ преемниковъ Четырехсотъ. Былъ еще Антифонъ, трагическій поэтъ, умерщвленный Діонисіемъ Сиракузскимъ за анти-тиранническую шутку, и наконецъ (минуя нѣсколько мало-извѣстныхъ именъ) софистъ Антифонъ, уже мною

⁹⁸⁾ Обѣ цитаты приведены у Блаасса, А. В., I, стр. 88—9, прим.

⁹⁹⁾ См. прекрасное описаніе настроенія духа и чувствъ аѣинскаго народа въ то время у G. Perrot, Eloquence, I, стр. 117 и слѣд.

упомянутый. Дидимъ приписывалъ ритору Антифону только рѣчи объ убійствахъ, софисту же—не только разсужденіе о правдѣ и согласіи, но даже и то, что онъ называлъ *δημηγορικῶι* и *πολιτικῶς*—именно политическія воззванія. Это мнѣніе, которое Гермогенъ приводитъ со словъ Дидима, оказалось правильнымъ послѣ тщательнаго изученія Блассомъ отрывковъ названныхъ произведеній¹⁰⁰⁾, вслѣдствіе чего они и напечатаны имъ въ видѣ приложенія, съ именемъ софиста, въ изданіи трудовъ Антифона. Объ этихъ отрывкахъ я говорилъ уже въ связи съ софистами. Если риторъ не оставилъ послѣ себя политическихъ рѣчей, то Фукидидъ хотѣлъ, вѣроятно, сказать, что совѣты его по этому предмету давались устно, а не письменно,—предположеніе, весьма правдоподобное, такъ какъ тяжущіеся могли быть людьми темными, политики же были уже до извѣстной степени опытными ораторами.

§ 353. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію приписываемыхъ ему рѣчей. Ихъ можно удобно раздѣлить на двѣ категоріи,—на теоретическія упражненія и на практическія или прямо судебныя рѣчи. Первые особенно интересны, какъ ранніе образцы пріемовъ преподаванія риторовъ, отличавшагося чисто положительной и практической тенденціею, весьма разнившейся отъ празднои декламациі о невозможныхъ судебныхъ дѣлахъ, которая была въ модѣ въ позднѣйшихъ школахъ. Съ другой стороны, рѣчи эти явно обнаруживаютъ тотъ профессиональный духъ, которымъ были проникнуты софисты, защищавшіе теорію, естественно симпатичную черезчуръ хитроумнымъ и не слишкомъ добросовѣстнымъ Грекамъ, и гласившую, что риторика что-то въ родѣ магическаго искусства, проникнувъ тайны котораго человѣкъ можетъ навѣрно заручиться повиновеніемъ и согласіемъ своихъ слушателей. Въ наше время, когда вся сила краснорѣчія заключается, главнымъ образомъ, въ глубинѣ нашего чувства по какому-нибудь вопросу и въ воплощеніи его въ самую простую и естественную форму, намъ нелегко поставить себя въ такое изумительно-искусственное положеніе, въ которомъ убѣжденіе оратора въ правотѣ собственнаго дѣла почти не идетъ въ счетъ, и гдѣ краснорѣчіе не болѣе какъ результатъ умственной ловкости. Но таковъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, порядокъ вещей въ дни Антифона. Его упражненія, носившія названіе *тетралогій*, такъ какъ въ нихъ заключалось какъ бы двойное нападеніе и отвѣтъ на каждый случай, всѣ касаются убійствъ, какъ это мы видимъ, впрочемъ, и въ остальныхъ изъ его уцѣлѣвшихъ рѣчей; но, хотя этотъ видъ краснорѣчія и пользовался въ то время наибольшимъ значеніемъ,

¹⁰⁰⁾ Att. Ber., I, 97 и слѣд.

тѣмъ не менѣе, единство содержанія всѣхъ оставшихся послѣ Антифона отрывковъ должно быть скорѣе приписано случайному сохраненію той части собранія его рѣчей, въ которой была сгруппирована именно эта категорія случаевъ. Онѣ должны служить доказательствомъ того, какъ мастеръ ораторскаго искусства могъ съ одинаковой убѣдительною приводить аргументы за данный случай и противъ него.

Двухъ рѣчей изъ первой тетралогіи будетъ достаточно для приѣра. Знатное лицо было найдено на дорогѣ убитымъ ночью, но не ограбленнымъ. Сопровождавшій его рабъ найденъ лежащимъ около него, раненымъ на-смерть. Передъ кончиною своею онъ заявилъ, что узналъ одного изъ убійцъ, именно того человѣка, котораго теперь обвиняли въ преступленіи и который, къ тому же, находился, какъ извѣстно было, во враждѣ съ умершимъ и велъ съ нимъ личную тяжбу. Въ виду того, что обвиненный положительно отрицалъ взведенное на него преступленіе, дѣло должно разбираться ареопагомъ. Необходимо помнить, что такъ какъ все дѣло вымышленное, то въ рѣчи не тратится много времени на изложеніе фактовъ, которые считаются признанными обѣими сторонами. Вся задача сводится къ тому, чтобы наилучшимъ образомъ сдѣлать выводы изъ нихъ.

Обвинитель, родственникъ убитаго, напоминаетъ прежде всего суду, что ловкій и опытный преступникъ непременно совершить преступленіе такъ, чтобы избѣгнуть прямыхъ уликъ; слѣдовательно, такъ какъ очевидныя доказательства почти навѣрно будутъ отсутствовать, необходимо придавать высшее значеніе *εἰκότι* или вѣроятнымъ выводамъ. Онъ напоминаетъ далѣе о томъ пятнѣ, которое тяготѣетъ надъ государствомъ, пока убійца не обвиненъ и не наказанъ. Таково вступленіе. Аргументація начинается съ послѣдовательнаго опроверженія всѣхъ причинъ преступленія, за исключеніемъ преднамереннаго убійства, и доказываетъ, что въ этомъ случаѣ обвиненный имѣлъ сильнѣйшіе побудительные мотивы совершить свое дѣяніе, во первыхъ — старинную антипатію, а во вторыхъ, опасеніе быть осужденнымъ въ ранѣе начавшемся противъ него процессѣ. Далѣе, есть еще одно единственно-возможное свидѣтельство, именно показаніе умиравшаго раба. На основаніи всего этого, ораторъ настаиваетъ на обвинительномъ приговорѣ, выставляя, въ заключеніе, на видъ религіозную сторону вопроса и рисуя картину поруганія всѣхъ храмовъ и алтарей, посѣщаемыхъ запятаннымъ кровью преступникомъ.

Противъ этого сильнаго обвиненія отвѣтчикъ возражаетъ горькими жалобами на свое странное несчастіе. Въ то время, какъ другіе люди избавляются отъ угрожавшей имъ опасности благодаря какому-

нибудь наступившему измѣненію въ дѣлѣ или перерыву его, отвѣтчикъ, разоренный преслѣдованіями умершаго, и теперь еще не можетъ избавиться отъ него; напротивъ того, жизнь его все еще подвергается опасностямъ и всевозможнымъ непріятностямъ, до такой степени, что ему уже недостаточно установить свою собственную добрую славу, но онъ подвергается опасности быть обвиненнымъ, если не сѹмѣетъ открыть и уличить убійцъ другого человека. Допуская свою вражду къ умершему, онъ старается доказать, что увѣренность, что его будутъ подозрѣвать, всего сильнѣе побуждала его воздержаться, изъ мотивовъ осторожности, отъ всякой подобной попытки. Но онъ постарается опровергнуть тѣ доводы, которые, по всему вѣроятію, будутъ выставлены противъ него. Во первыхъ, покойный могъ быть убитъ ворами, не обобравшими его лишь потому, что кто нибудь имъ помѣшалъ, или какимъ нибудь преступникомъ, котораго покойный накрылъ во время совершенія имъ другого преступленія, или, наконецъ, какимъ нибудь инымъ личнымъ врагомъ. Показаніе раба также не надежно, такъ какъ его возбужденное состояніе могло помѣшать ему узнать убійцъ, и онъ естественно готовъ былъ назвать каждое лицо, указанное родными его господина. Къ тому же, показанія рабовъ всегда сомнительны, такъ какъ они никогда не принимаются безъ предварительной пытки.

Что же касается вѣроятностей дѣла, то всё онъ явно направлено противъ обвинителя; могъ ли человѣкъ, подвергающійся опасности быть приговореннымъ къ простой пенѣ, рисковать жизнью и свободою, лишь бы избавиться отъ нея? А еслибъ онъ и пошелъ на это дѣло, то, конечно, совершилъ бы преступленіе при посредствѣ другого лица, а не подвергнулъ бы себя прямымъ уликамъ. Вѣскія для него причины совершить преступленіе доказываютъ скорѣе, что онъ потерпѣлъ напраслину со стороны умершаго; печально было бы, еслибъ эта несправедливость повлекла за собою еще большую несправедливость смертнаго приговора. Отвѣтчикъ въ заключеніе обращаетъ обвиненіе въ нечестіи противъ тѣхъ, кто оставляетъ истиннаго преступника ненаказаннымъ и старается обвинить человѣка не только невиннаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ пользующагося общественнымъ уваженіемъ и извѣстнаго своей безупречной жизнью.

Таковы двѣ рѣчи, которыми открываются пренія, продолжающіяся во время вторичнаго обвиненія и встрѣчныхъ рѣчей ораторовъ. Всѣ онѣ очень кратки; это, собственно говоря, только осто́вы рѣчей, которые должны быть наполнены содержаніемъ, смотря по обстоятельствамъ, но они такъ ловко и хитро составлены, что мы понимаемъ, какъ естественно было недовѣріе къ такому искусству со сто-

ропы афинской публики, и какъ неоцѣнима должна была быть помощь такого адвоката, если противная сторона не запаслась подобными же орудіями.

§ 354. Вторая тетралогія касается случайнаго убійства на палестрѣ, гдѣ юноша, метавшій дротикъ согласно всѣмъ правиламъ школы, попалъ въ другого юношу, бѣжавшаго мимо него какъ разъ въ эту минуту. Случай этотъ любопытенъ, какъ характеристика чувствъ Грековъ относительно виновности или запятанности какого либо человѣка или предмета, явившагося преднамѣренною или невольною причиною чьей-нибудь смерти. Отсюда проистекаютъ тѣ хитроумныя догадки относительно истинной причины событія, которыя мы видимъ и въ настоящемъ случаѣ, и въ рѣчи по дѣлу о хористѣ, и которыя поглотили, говорятъ, вниманіе Протагора и Перикла въ теченіе многихъ часовъ. Третья тетралогія касается спора объ убійствѣ во время ссоры. Слѣдовало доказать, что обвиненный только защищался противъ нападений умершаго, бывшаго такимъ образомъ виновникомъ собственной смерти, и что, кромѣ того, такъ какъ раны его были несмертельныя, то онъ преднамѣренно и вопреки совѣту медика-спеціалиста поручилъ себя леченію неопытнаго врача, виновника рокового исхода. Всѣ эти интересныя риторическія упражненія принадлежать, очевидно, одной рукѣ, и не было недостатка въ попыткахъ доказать ихъ позднѣйшее происхожденіе и принадлежность менѣе знаменитому автору, чѣмъ Антифонъ. Но для подобнаго скептицизма нѣтъ разумнаго основанія. Черезмѣрное хитроуміе и нѣкоторая грубоватость приема, въ которыхъ обвиняются эти произведенія, вполне свойственны вѣку и характеру Антифона, а сходство ихъ слога, несмотря на нѣкоторую его своеобразность, съ достовѣрными рѣчами Антифона и съ исторіей Фукидида служить убѣдительнымъ доказательствомъ ихъ подлинности.

§ 355. Я имѣю гораздо болѣе сомнѣній относительно Обвиненія мачихи въ отравленіи, помѣщеннаго въ самомъ началѣ нашихъ рукописей. Рѣчь эта, безспорно, очень похожа во многихъ чертахъ на признанныя произведенія Антифона; мы укажемъ на примѣръ, на *τροχάτασχευή* или краткій обзоръ дѣла до подробнаго изложенія фактовъ,—пріемъ свойственный Антифону, и на искусственныя антитезы и созвучія. Но достовѣрно, что эти приемы употреблялись и другими риториками того времени. Съ другой стороны, изложеніе фактовъ въ этой рѣчи отличается пространностью и живописностью, чуждою, насколько мнѣ извѣстно, Антифону, между тѣмъ какъ аргументація не имѣетъ убѣдительности и ловкости, которыми обыкновенно отличаются его доводы. Кромѣ того, въ этой рѣчи преобладаетъ пафосъ, не свойственный, какъ мнѣ кажется,

Антифону. Однако лучший изъ современныхъ намъ критиковъ, Блассъ, не соглашается отвергнуть рѣчь на этомъ основаніи, и читатель можетъ поэтому считать мое мнѣніе имѣющимъ противъ себя вѣскій авторитетъ.

§ 356. Подобно тому, какъ рѣчь о христѣ касается сюжета, уже обработаннаго во второй тетралогіи, такъ и рѣчь Объ убійствѣ Ирода очень похожа по содержанію на рѣчь изъ первой тетралогіи. Иродъ былъ Аѳинянинъ и родственникъ обвинителя, сдѣлавшійся въ Митиленѣ клерухомъ, послѣ взятія ея въ 427 г. до Р. Х. На пути въ Эносъ, очевидно, находясь въ состояніи опьяненія, онъ покинулъ ночью близъ Меоимны свой корабль, никогда не вернулся къ нему болѣе, и даже тѣло его не могло быть найдено. Родственники обвинили въ его убійствѣ единственного товарища его морскихъ странствованій, одного Митиленца, подстрекателя, какъ думали, врагомъ Ирода, по имени Ликиномъ, также жившимъ въ Митиленѣ. Въ добавленіе были предъявлены, во первыхъ, письмо, написанное, какъ полагали, къ Ликину обвиненнымъ, а во вторыхъ, показаніе корабельнаго раба, котораго родственники убитаго подвергли пыткамъ; онъ обвинялъ Митиленца, но вслѣдъ за тѣмъ былъ казненъ смертію, такъ какъ взялъ назадъ свои показанія, видя, что ему не было отъ нихъ никакой пользы. Говорятъ, будто Антифонъ сочинилъ свою замѣчательную рѣчь именно по поводу подобнаго интереснаго дѣла и для гражданина вассальнаго города, обвиненнаго въ умерщвленіи аѳинскаго гражданина. Мы видимъ, что съ обвиненнымъ обошлись сурово и несправедливо. По его прибытіи въ Аѳины, его немедленно заключили въ тюрьму; ему было отказано въ просьбѣ представить поручительство въ своемъ появленіи передъ судомъ или перенести дѣло на вторичное разсмотрѣніе по аппеляціи, хотя подобный отказъ былъ незаконнымъ. Оратору предстояло поэтому не только отразить обвиненіе, но и поборотъ сильное предубѣжденіе присяжныхъ, сложившееся подъ вліяніемъ его низменнаго общественнаго положенія, а также и вражды къ Митиленѣ, вражды, не угасшей со времени достопамятнаго кризиса, описаннаго Фукидомъ. Не стану слѣдить здѣсь за всѣми изгибами доводовъ оратора, въ которыхъ, по обыкновенію, мы видимъ мало содержанія, а скорѣе хитросплетенное обсужденіе всѣхъ вѣроятностей дѣла. Слѣдствіе это любопытно, какъ изображеніе безсмысленнаго и постояннаго употребленія пытки, и той малой вѣры, которую придавали показаніямъ рабовъ, несмотря даже на эту предосторожность. Къ тому же пытка была распространена и на свободнаго человѣка, находившагося на кораблѣ, что весьма странно, и одинъ изъ доводовъ оратора заключался именно въ томъ, что въ то время, какъ рабъ дѣлалъ признанія и обвинялъ его, свободный человѣкъ не хотѣлъ признаться ни въ чемъ.

§ 357. Въ особенности любопытенъ доводъ, доказывающій, что правдоподобность фактовъ весьма опасный руководитель, въ особенности въ уголовныхъ дѣлахъ; въ подтвержденіе приводится много случаевъ неправильныхъ приговоровъ, гдѣ истина обнаружилась впоследствии¹⁰¹⁾. Весьма характерно также заключеніе рѣчи, какъ доказательство религіознаго характера аѳинской публики, къ которой постоянно обращался Антифонъ. Ораторъ настаиваетъ на томъ, что, еслибъ онъ былъ виновенъ, то боги выразили бы свое неудовольствіе дурною погодой во время его плаванія, или какими нибудь неблагоприятными признаками во время его совмѣстнаго съ другими жертвоприношенія, между тѣмъ какъ случилось совершенно обратное¹⁰²⁾. Блассъ весьма простодушно усматриваетъ въ этихъ и другихъ подобныхъ же обращеніяхъ, встрѣчаемыхъ въ рѣчахъ Антифона¹⁰³⁾, доказательство того, что ораторъ былъ человѣкъ старинной набожности, защитникъ національной и установленной религіи. Мы можемъ быть увѣрены, что послѣдователь великихъ софистовъ и наставникъ Ѳукидида не придерживался подобныхъ взглядовъ. Его политическая карьера и обычай замѣнять ловкими аргументами правоту дѣла, въ особенности при возникновеніи этого обычая, отнюдь не служатъ признаками старомодной и консервативной набожности. Но понятно, что Антифонъ, какъ ловкій риторъ, зная ту аудиторию, къ которой обращался, а въ случаѣ убійства религіозное суевѣріе народа было очень сильно и опиралось на здоровый инстинктъ. Вслѣдствіе этого, Антифонъ тщательно заботился о томъ, чтобы не загубить своего дѣла проявленіемъ малѣйшаго неуваженія къ религіи или скептицизма, ничтожнѣйшій проблескъ которыхъ послужилъ бы въ глазахъ всякаго пожилого и степеннаго присяжнаго самымъ сильнымъ доказательствомъ виновности оратора и его презрѣнія къ закону.

¹⁰¹⁾ § 69 и слѣд.: *Νῶν δ' ἔγωγε καὶ πρότερον ἀκοῇ ἐπιστάμαι γεγονός, τοῦτο μὲν τοὺς ἀποθανόντας τοῦτο δὲ τοὺς ἀποκτείναντας οὐκ εὐρήντας..... αὐτίκα Ἐφιάλτην τὸν ὑμέτερον πολιτὴν οὐδέπω νῦν εὐρήνται οἱ ἀποκτείναντες.... τοῦτο δ' ἐντός οὐ πολλοῦ χρόνου παῖς ἐζητήσεν οὐδὲ δώδεκα ἔτη γεγονός τὸν δεσπότην ἀποκτείνειν καὶ εἰ μὴ φοβηθείς, ὥς ἀνεβόησεν, ἐγκυαλιπὼν τὴν μάχαιραν ἐν τῇ σφαγῇ φησὶ φεύγων ἀλλ' ἐτόλμησε μένειν, ἀπώλοντ' ἂν οἱ ἔνδον ὄντες ἀπαντες οὐδεὶς γὰρ ἂν φέτο τὸν παῖδα τολμήσαι ποτε τοῦτο. Онъ кончаетъ любопытнымъ порицаніемъ всѣхъ эллиновъ на основаніи ложныхъ обвиненій, когда лишь одно лицо спаслось благодаря промедленію въ исполненіи приговора.*

¹⁰²⁾ Изъ того обстоятельства, что Андокидъ (*De Myst.*, §§ 137—9) приводилъ подобные же факты въ подзуду своей невиновности, я вывожу заключеніе, что ссылаться на хорошую погоду, какъ на доказательство благорасположенія боговъ, было въ Аѳинахъ общимъ мѣстомъ, и что морское плаваніе считалось самымъ удобнымъ случаемъ для наказанія богами виновнаго.

¹⁰³⁾ А. В., I, 135. Ср. также *Attic Orators*, I, стр. 40, профессора Жебба.

§ 358. Хотя самый сюжет рѣчей Антифона не лишенъ интереса, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что наиболѣе важною чертою его произведеній, въ особенности для историка греческой литературы, была форма ихъ. Антифонъ самый ранній представитель той искусственной, чисто-технической прозы, которая достигла высшей точки своего развитія у Демосеена и можетъ считаться самымъ замѣчательнымъ проявленіемъ творческаго духа того времени. Во всей греческой литературѣ нѣтъ ни одной области, болѣе чуждой современному намъ вкусу или новѣйшимъ взглядамъ. Мы съ удовольствіемъ приписали бы весь мелочной анализъ фразъ въ греческихъ рѣчахъ бесплодному хитроумію риторовъ римской эпохи и повѣрили бы, что древніе ораторы презирали творчество несвободное, скованное, и не имѣли никакого желанія считать слоги въ своихъ періодахъ и соблюдать ихъ просодію, точно они писали стихи. Но всѣ эти подробности переданы потомству въ тѣхъ *τέχαι*, которыя составлялъ каждый изъ ораторовъ, а Антифонъ въ этомъ отношеніи не менѣе другихъ былъ извѣстенъ. Каждая фраза должна была, по видимому, взвѣшиваться и измѣряться въ этихъ рѣчахъ, не длинныхъ, правда, но зато очень сложныхъ и написанныхъ съ такимъ строгимъ соблюденіемъ правилъ относительно сюжета и формы, что ничто подобное немыслимо въ наши дни. Даже французская проза, этотъ наиболѣе отдѣланный и искусственный органъ мысли въ современной Европѣ, не можетъ сравниться въ этомъ отношеніи съ греческой риторикой. Греческіе ораторы писали періодами, которые распадалась на извѣстное число *κῶλα* или членовъ, но не болѣе, какъ на четыре. Эти части обуславливались одна другою по своей конструкціи и повторялись вкратцѣ въ послѣднемъ періодѣ, болѣе длинномъ и звучномъ, чѣмъ всѣ остальные, которымъ они и дополнялись. Вотъ въ чемъ заключалось *κατεστραμμένη λέξις*, самымъ раннимъ официальнымъ представителемъ котораго считается Антифонъ, хотя творцомъ этого рода изложенія былъ, по всему вѣроятію, Горгій, и образцы его встрѣчаются и у Геродота. Относительная длина *κῶλα*, ихъ размѣръ и конечные слоги, — все это было подчинено правиламъ. Антифонъ, жившій при самомъ возникновеніи этого своеобразнаго вида творчества, далеко не усвоилъ себѣ всѣхъ его тонкостей; онъ часто грѣшитъ противъ уставовъ римскихъ критиковъ, увлекаясь естественнымъ способомъ выраженія. Но это вѣрно лишь по сравненію его рѣчей съ позднѣйшимъ аттическимъ краснорѣчіемъ. Сравнивъ же ихъ съ нашимъ, мы сейчасъ замѣтимъ у Антифона искусственный, чопорный тонъ, усиленный еще ароматомъ старины его слога, въ которомъ и онъ, и *Θυκιδίδης* прибѣгали къ устарѣвшимъ и страннымъ формамъ, въ противоположность прелестному аттическому разговорному слогу

ихъ эпохи ¹⁰⁴). Я не стану утомлять читателя мелочнымъ изученіемъ теоретическихъ подробностей, которыя скорѣе вредятъ, чѣмъ содѣйствуютъ нашему наслажденію аттическою прозой; я укажу для этого на полное обсужденіе предмета въ главѣ, посвященной Блассомъ Антифону, и на спеціальныя изслѣдованія, на которыя онъ ссылается. Въ официальной исторіи греческаго краснорѣчія подробности эти крайне существенны, какъ ни сухи и малоинтересны онѣ покажутся читателю не-спеціалисту.

Для насъ, людей новѣйшей эпохи, вся сила Антифона заключается, быть можетъ, въ томъ, что онъ не привелъ своего слога въ полное согласованіе съ этими правилами. Суровая гармонія, которую мы встрѣчаемъ у него и у Фукидида, производитъ на насъ гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ ровная гармонія Исократы ¹⁰⁵). Это свойство поддерживается у него выборомъ словъ, полныхъ достоинства и нерѣдко поэтическихъ, безъ преувеличенныхъ метафоръ, которыя мы осуждаемъ у Горгія. Онъ пользуется болѣе древнимъ σσ, хотя оно уже было замѣнено ττ, и выраженіемъ τοῦτο μὲν—τοῦτο δέ, столь обыкновеннымъ у Геродота, но не употреблявшимся въ позднѣйшей аттической прозѣ. Что касается метода его рѣчей, то мы замѣчаемъ въ нихъ простоту и естественность. Вслѣдъ за введеніемъ, онъ вставляетъ что-то въ родѣ προαπαιτεσμένη, чтобы подготовить умы къ слѣдующему за тѣмъ изложенію фактовъ. Но въ этомъ отношеніи онъ нѣсколько слабоватъ, въ особенности въ сравненіи съ Лизіемъ, между тѣмъ какъ главная сила его кроется въ искусной аргументаціи, въ умѣннѣ останавливаться на правдоподобныхъ а priori доказательствахъ и опровергать ихъ. Однако онъ часто повторяется и снова возвращается къ разобраннѣмъ уже вопросамъ. Рядомъ съ слоговыми фигурами, какъ называли ихъ риторы, т. е. съ правильно уравновѣшенными антитезами, аллитераціею въ концѣ членовъ періода и т. д., Антифонъ рѣдко употреблялъ фигуры мысли, т. е. полные негодованія вопросы, призывы

¹⁰⁴) Такимъ образомъ, въ то время, какъ такіе писатели, какъ Діонисій и Деметрій, постоянно придерживаются привычки несогласованія въ употребленіи частицъ (повтореніе μὲν, или отсутствіе δέ, или обратно, и т. д.), насъ поражаютъ такіа фразы, какъ: ἐγὼ δ' ἡγοῦμαι πολὺ ἀναισώτερον εἶναι ἀψείτα τοῦ τεθνεώτος τὴν τιμωρίαν, ἄλλως τε καὶ τοῦ μὲν ἐκ προβούλης ἀκούσιως ἀποθάνοντος, τῆς δὲ ἐκούσιως ἐκ προνοίας ἀποκτηνύσσης (I, 5),—или: οὐ γὰρ δίκαιον οὐτ' ἔργῳ ἀμαρτάνοντα διὰ ῥήματα σωθῆναι, οὐτ' ἔργῳ ὁρθῶς πράξαντα διὰ ῥήματα ἀπολέσθαι: τὸ μὲν γὰρ ῥῆμα τῆς γλώσσης ἀμαρτηρῆς ἐστί, τὸ δὲ ἔργον τῆς γνώμης. А между тѣмъ послѣдняя фраза не одобряется критиками за краткость конца періода и за то, что въ ней ничто не соответствуетъ ἀμαρτηρῆς ἐστί!

¹⁰⁵) Для греческаго ἀρμονία мы не имѣемъ болѣе близкаго слова, чѣмъ гармонія, хотя смыслъ этихъ выраженій далеко не тождественъ.

къ богамъ и такія проявленія эмоцій, которыя мы предоставили бы, конечно, самой природѣ, но на которыя эти строгіе теоретики смотрѣли, какъ на простыя риторическія украшенія. Замѣчено, что пять изъ этихъ риторическихъ фигуръ, *aposisis*, напускное колебаніе (*διαπύρσις*), выразительное повтореніе слова (*ἀναδιπλώσις*), постепенное усиленіе интереса и употребленіе ироніи были будто бы неизвѣстны Антифону. Но это замѣчаніе неточно относительно ироніи, достаточно проглядывающей въ рѣчи объ Иродѣ; ораторъ опровергаетъ тамъ мнѣніе, что, такъ какъ убійца еще не открытъ, то онъ обязанъ снять съ себя подозрѣніе, сдѣлавъ самъ это открытіе.

Всѣ эти замѣчанія приводятъ насъ къ тому заключенію, что, если неполное развитіе ораторскаго искусства въ эту раннюю пору и побуждало Антифона ближе придерживаться опредѣленнаго и симметрическаго плана, чѣмъ это дѣлали его болѣе утонченные и разнообразно-развитые преемники, его нельзя сравнить съ ними въ отношеніи гладкости и изящества построенія рѣчей или по искусственной простотѣ изложенія фактовъ. Тѣмъ не менѣе, онъ производилъ впечатлѣніе величаваго и горделиваго человѣка даже тогда, когда велъ защиту отъ лица другихъ. Тонъ его рѣчи суровъ и полонъ достоинства, языкъ строгъ и ясенъ, безъ пылости и страстности, и онъ является передъ нами не только, какъ вполне подходящий организаторъ анти-демократической революціи, но и какъ наставникъ историка Фукидида, которому вмѣстѣ съ тѣмъ послужилъ и образцомъ.

§ 359. Переходя къ виѣшней исторіи дѣятельности Антифона, мы замѣчаемъ, что, хотя его и высоко цтили современники, но что вскорѣ онъ былъ затмненъ послѣдующими ораторами, чье изящество было пріятнѣе для публики, чѣмъ суровая гармонія античнаго ритора. Высказываемыя имъ общія мысли Аристотель относитъ къ той же категоріи, какъ и горгіевы; весьма вѣроятно, что Аристотель ссыался на его уцѣлѣвшія тетралогіи, быть можетъ, составлявшія часть хорошо извѣстной тогда *τέχνη*. Но прочіе ранніе изслѣдователи риторики не обращали, повидимому, на Антифона никакого вниманія. Его сочиненія не служили образцомъ ни для аттическаго, ни для римскаго позднѣйшаго краснорѣчія. Діонисій часто говорилъ о немъ и о Фукидидѣ, какъ о писателяхъ стариннаго, нѣсколько грубоватаго пошиба; онъ называлъ Антифона, какъ и Лизія съ Исократомъ, руководящимъ ораторомъ временъ Фукидида и хорошимъ, но не особенно симпатичнымъ писателемъ. Цецилій изъ Калакты первый, кажется, спеціально изучалъ его, и мы находимъ много любопытныхъ цитатъ изъ его критическихъ работъ въ особомъ изслѣдованіи Цецилія объ Антифонѣ и въ его Жизнеописаніяхъ ораторовъ. Гермогенъ относится къ нему

столь же добросовѣстно и сочувственно. Біографія его, помѣщенная въ плутарховомъ Жизнеописаніи десяти ораторовъ, греческія объясненія и много цитатъ цѣлыхъ фразъ его въ лексиконахъ доказываютъ, что произведенія Антифона были въ позднѣйшую греческую пору предметомъ, если не всеобщаго чтенія, то хоть изученія. Была даже особая книга, посвященная Кайемъ Гарпократіемъ изученію фигуръ Антифона, и мы имѣемъ отрывки изъ его рѣчей, сохраненные Фотіемъ.

§ 360. Библіографія. Что касается рукописей, то Альдъ сообщаетъ намъ въ предисловіи къ своему editio princeps, что Ласкарисъ былъ отправленъ на востокъ за греческими книгами и привезъ съ Аѳонской горы одну книгу, содержащую въ себѣ произведенія греческихъ ораторовъ. Эта рукопись отличалась, очевидно, отъ всѣхъ нынѣ извѣстныхъ, но не была, я полагаю, выше лучшихъ изъ рукописей, намъ теперь принадлежащихъ, хотя въ ней одной правильно записаны нѣкоторые отрывки. Во главѣ всѣхъ стоитъ рукопись Крипсиана (А), тринадцатаго столѣтія, положенная Беккеромъ въ основу текста и находящаяся нынѣ въ Британскомъ музеѣ. Но когда Мейнеръ провѣрилъ оксфордскую рукопись N, приблизительно того же времени, то послѣ продолжительныхъ споровъ оказалось, что это лучшая копія того же первоначальнаго типа, какъ и рукопись А ¹⁰⁶). Далѣе мы имѣемъ еще рукописи лавренціанскую и библ. св. Марка (В и L) и бреславльскій списокъ (Z). Послѣ Ed. Princeps (1513 г.), заключающаго въ себѣ всѣхъ ораторовъ, кромѣ Демосѳена, равно какъ и рѣчи, приписываемыя Горгію и Алкидаму, и составляющаго первое изданіе всѣхъ этихъ ораторовъ, кромѣ Исократа, мы имѣемъ еще тексты Стефана и другихъ; но высшимъ авторитетомъ пользуются въ наши дни тексты Беккера, Байтера, Зауппе (Цюрихское изд.), Мейнера и Бласса (Тейбнеръ, 1871 г.). Если эти книги не являются прямыми комментаріями къ нашему автору, то взамѣнъ этого мы имѣемъ цѣлую массу критическихъ монографій Зауппе, Франке, Бриглебе, Шпенгеля и другихъ, и повременные проблески свѣта въ Мнемозинѣ Кобе. Обстоятельныя свѣдѣнія объ Антифонѣ и его произведеніяхъ находятся у Бласса ¹⁰⁷) и въ Аттическихъ ораторахъ Джебба.

§ 361. Въ связи съ техническимъ развитіемъ риторики, произведеннымъ усиліями Антифона, полезно будетъ сказать нѣсколько словъ

¹⁰⁶) Ср. разсужденія Бласса въ предисловіи къ его тексту Антифона, которыя расходятся въ нѣкоторыхъ частностяхъ съ его же ранѣе изданною исторіею аттическаго красноречія.

¹⁰⁷) А. В., I, глава III.

о некоторых из его современников и непосредственных последователей, чья главная деятельность относится ко времени, предшествовавшему архонтству Евклида; они особо упомянуты в платоновых диалогах, в риторических трудах Цицерона и у Дионисия, как люди, отмѣтившіе собою эпоху в исторіи аттического краснорѣчія. Благодаря тому, что сочиненія ихъ почти всецѣло утрачены, они лишены права занять сколько нибудь обширное мѣсто въ краткой исторіи литературы. Впереди всѣхъ стоитъ Фразимахъ Халкедонскій, процвѣтавшій, насколько можно судить по дошедшимъ до насъ замѣткамъ, въ послѣдніе годы пелопоннесской войны. Онъ играетъ выдающуюся роль въ платоновой Республикѣ, гдѣ появляется не какъ риторъ, а какъ бойкій и вульгарный софистъ, отличающійся хвастливыми приемами и низкимъ нравственнымъ уровнемъ. Весьма сомнительно однако, былъ ли этотъ портретъ вполне вѣренъ. Въ Федръ Фразимахъ названъ, вмѣстѣ съ Θεοδορῷ, хитрымъ риторомъ, и это сужденіе болѣе согласуется съ остальными нашими свѣдѣніями о немъ. Есть ссылки на его теоретическія изслѣдованія, какъ на *ἀφορισμὰ ῥητορικὰ* (по всему вѣроятію не отличавшіяся отъ его обширной *τεχνῆς*), и какъ на *ἐπιδείκτικοί* и *παίγνια*. Его разсужденія въ формѣ рѣчей, отъ которыхъ остался отрывокъ, также были, быть можетъ, лишь слоговыми образцами. Изъ его *ἀφορισμὰ* дошли до насъ цитаты изъ различныхъ, однообразно построенныхъ вступленій, *ὑπερβάλλοντες*, или усиленій интереса, и *ἔλεος*, или призывовъ къ состраданію. Платонъ ¹⁰⁸⁾ говоритъ о немъ, какъ о человѣкѣ, способномъ возбуждать умы слушателей до бѣшенства и снова успокаивать ихъ, и эта хвала его не звучитъ пронию. Вообще же, какъ доказалъ Блассъ ¹⁰⁹⁾ изъ сличенія древнихъ авторитетовъ по этому вопросу, Фразимахъ считался истиннымъ родоначальникомъ новѣйшаго аттического краснорѣчія, такъ какъ избралъ въ своемъ слогѣ золотую середину между поэтически-искусственной дикцію съ одной стороны, и тривиальнымъ діалогомъ съ другой. Во вторыхъ, онъ ввелъ болѣе точное опредѣленіе риторическихъ періодовъ и правильное округленіе фразъ для достиженія надлежащаго эффекта, такъ что все подчинялось и соответствовало у него главной мысли, и никакія безсвязныя или лишнія части періодовъ не допускались. Въ третьихъ, по словамъ Аристотеля, онъ первый ввелъ въ употребленіе пѣоническій размѣръ, начиная свой періодъ съ перваго пѣона и кончая первымъ или четвертымъ; этотъ искусственный приемъ, представляющій въ настоящее время

¹⁰⁸⁾ Федръ, 266—7.

¹⁰⁹⁾ А В., I, 246.

мало интереса и, какъ доказаль Блассъ, даже не вполнѣ подтверждаемый уцѣлѣвшими отрывками, свидѣтельствуеъ однако о томъ, какъ искусственно было греческое краснорѣчіе въ сравненіи съ нашимъ. Но и Цицеронъ замѣтилъ у Фразимаха это точное соблюденіе ритма. Такимъ образомъ онъ былъ, очевидно, уважаемымъ руководителемъ Лизія и другихъ практическихъ ораторовъ слѣдующаго поколѣнія. Изъ его произведеній уцѣлѣло только два краткихъ отрывка.

Ту же похвалу встрѣчаемъ мы въ платоновомъ Федрѣ ¹¹⁰⁾ и относительно Теодора Византійскаго и Эвена Паросскаго, изощрявшихся, кажется, въ раздробленіи каждой части ораторскаго произведенія на подраздѣленія, въ родѣ *πρὸς ἑνὸς, διῆγησις* и *ἐπιδίηγησις*, *πίστωσις* и *ἐπιπίστωσις*; Эвенъ ввелъ также въ употребленіе косвенные, какъ бы случайные эффекты, которые онъ называлъ *παραπλοῖαι*, *παράφωροι*, и т. д. Но всѣ эти тонкости принадлежать, строго говоря, къ исторіи греческой риторики и не имѣютъ права на особое изученіе въ общей исторіи литературы.

ГЛАВА V.

Θουκιδίδης.—Андокидъ, Критій.

§ 362. По свидѣтельству позднихъ и сомнительныхъ показаній, Θουκιδίδης родился въ 471 г. до Р. X. и былъ, слѣдовательно, при началѣ пелопоннесской войны сорока лѣтъ отъ роду. Это ¹¹¹⁾ до извѣстной степени согласуется съ двумя отрывками изъ его сочиненія, гдѣ онъ говоритъ, что началъ изученіе войны съ самаго ея начала, находясь уже въ зрѣломъ возрастѣ и понявъ ея значеніе; что онъ записывалъ событія, по мѣрѣ ихъ совершенія, и жилъ во все время войны, до ея окончанія. Что касается ранней поры жизни историка, то мы только можемъ утверждать, что, не принимая, насколько намъ извѣстно, активнаго участія въ политическихъ событіяхъ, и имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно средствъ, чтобъ пользоваться полнымъ досугомъ, онъ долженъ былъ тщательно заниматься въ риторическихъ школахъ Горгія, а еще болѣе у Антифона, и въ софи-

¹¹⁰⁾ 266 E.

¹¹¹⁾ I, 1, и V, 26.

стическихъ школахъ философскаго скептицизма. Онъ сообщаетъ намъ далѣе, что былъ сыномъ Олора, что самъ пострадалъ отъ аѳинской чумы, которую описалъ такъ живо ¹¹²⁾; что былъ назначенъ полководцемъ для охраненія аѳинскихъ интересовъ во Фракіи и былъ вызванъ изъ Фазоса своимъ товарищемъ Евкломъ для спасенія Амфиполиса, но, что, потерпѣвъ неудачу въ этомъ отношеніи, благодаря поспѣшности Бразиды, онъ отстоялъ Эйонъ ¹¹³⁾. Онъ рассказываетъ далѣе, что, благодаря принадлежавшимъ ему на Фазосѣ и на противолѣжавшемъ фракійскомъ берегу золотымъ приискамъ, онъ пользовался большимъ влияніемъ въ этой странѣ ¹¹⁴⁾, но что послѣ дѣла при Амфиполисѣ (424 г. до Р. Х.) былъ изгнанъ оттуда въ теченіе двадцати лѣтъ, благодаря чему имѣлъ возможность изучать противоположную сторону борьбы, и въ особенности пелопоннесскія дѣла.

Такова сущность неоспоримыхъ фактовъ, которыми мы обязаны собственнымъ показаніямъ Фукидида; кромѣ того, мы можемъ еще придти къ заключенію, что онъ пережилъ на нѣкоторое время взятіе Аѳинъ Лизандромъ въ 405 г. до Р. Х., такъ какъ рассказъ объ этомъ событіи появился въ началѣ пятой книги и мы должны положить нѣкоторое время на окончаніе остального труда. Съ другой стороны, его заявленіе, что онъ видѣлъ и описалъ всю войну, не подтверждается концомъ его исторіи, обрывающейся внезапно и какъ бы указывающей на перерывъ работы за смертью автора или по какимъ нибудь другимъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ. Въ самомъ дѣлѣ, замѣчаніе Фукидида ¹¹⁵⁾, будто изверженіе Этны въ 426 г. было третьимъ по счету и послѣднимъ, извѣстнымъ въ ту пору, когда писалась эта страница, какъ-бы относитъ годъ его смерти или эпоху пересмотра имъ своего труда ко времени, предшествовавшему 396 году до Р. Х., когда случилось новое изверженіе. Но его долгое отсутствіе изъ Аѳинъ, вмѣстѣ съ суровымъ, быть можетъ, и угрюмымъ нравомъ его, не дали ему подчиниться тѣмъ быстрымъ перемѣнамъ въ слогъ и вкусъ, которыми отмѣчены послѣдніе годы пятаго столѣтія. Вслѣдствіе этого, хотя историческій трудъ его былъ, по крайней мѣрѣ, хоть частью, написанъ уже послѣ развитія новой аттической прозы, когда Лизій очаровывалъ присяжныхъ своей ясностью и простотою, Фукидидъ все еще удер-

¹¹²⁾ II, 48.

¹¹³⁾ IV, 104—6.

¹¹⁴⁾ Это обстоятельство могло быть причиною его назначенія на должность стратега въ этой мѣстности, безъ всякихъ военныхъ полномочій.

¹¹⁵⁾ III, 116.

живаль старинную строгость слога, выдѣлявшую его и Антифона изъ толпы прозаическихъ писателей того времени.

По общераспространенной традиціи, онъ былъ убитъ во Фракіи, гдѣ жилъ уединенно въ своемъ имѣніи, и неоконченный трудъ его, перешедшій въ руки дочери, былъ изданъ либо ею, либо Ксенофонтомъ, которому она его довѣрила. Мы сейчасъ увидимъ, что въ послѣдней и неоконченной книгѣ есть нѣкоторыя стилистическія подробности, которыя указываютъ на Ксенофонта, какъ на возможнаго издателя. Яростные споры ведутся нѣмецкими учеными по поводу взглядовъ Фукидида; одни полагаютъ, что онъ считалъ войну завершевною. Никіевымъ миромъ и уже написалъ первыя четыре съ половиною книги, когда увидалъ, что ему приходится продолжать свой трудъ; онъ опять приступилъ къ нему ¹¹⁶⁾, начавъ съ новаго введенія. Другіе, и между ними новѣйшій издатель Фукидида, Классенъ, утверждаютъ, что такъ называемыя непослѣдовательности его труда, на которыхъ Ульрихъ построилъ эту теорію, могутъ быть объяснены, и что есть несомнѣнные признаки того, что исторія Фукидида была результатомъ единого, строго-обдуманнаго плана, не приведеннаго въ исполненіе до окончанія войны, хотя свидѣтельскія показанія собирались и замѣтки заносились авторомъ во все ея продолженіе. Споръ этотъ не представляетъ однако ни интереса, ни пользы; если мы станемъ измѣнять наше чисто-субъективное мнѣніе относительно степени законченности раннихъ книгъ до возникновенія позднѣйшихъ, мы до безконечности можемъ приравливать одну гипотезу къ другой ¹¹⁷⁾.

Изъ исторіи Фукидида критики сдѣлали два другіе, еще болѣе фантастическіе выводы. Когда онъ противопоставляетъ свой трудъ тѣмъ сочиненіямъ, которыя назначались для немедленнаго выхода

изъ пера, то онъ, очевидно, предполагаетъ, что эти сочиненія были написаны въ то же время, что и его трудъ, и что онъ считалъ ихъ за образецъ, къ которому долженъ былъ стремиться.

¹¹⁶⁾ Гл. 26.
¹¹⁷⁾ Легенды, касающіяся Фукидида, недавно были рассмотрѣны (помимо введенія Классена) Петерсеномъ (De vita Thucyd., Бергъ, 1873 г.), Вилламовицъ-Меллендорфомъ въ Hermes (XII, стр. 326 и слѣд.), О. Гильбертомъ (Philol., 38, 2) и Фирмани, Revista di Filologia за 1877 годъ, стр. 149 и слѣд. Но ни одинъ неизвѣстный до той поры фактъ не выясненъ. Новѣйшія брошюры, касающіяся способа писанія Фукидомъ его исторіи, и отношенія болѣе раннихъ частей къ позднѣйшимъ, перечислены Гербстомъ въ первой части его обстоятельнаго Jahresbericht (Philologus, 38, стр. 504). Эти весьма мелочныя и сложныя пренія должны доказать, что въ то время, какъ Фукидидъ считалъ первыя десять лѣтъ войны какъ бы за отдѣльную войну и говорилъ о ней въ такомъ смыслѣ, онъ не писалъ исторіи этой войны, ни даже своего общаго введенія къ ней, до знакомства со всѣми 27 годами ея продолженія. Находились ли намеря, подтверждающіе это мнѣніе, въ первоначальномъ повѣствованіи, или были ввлечены въ него послѣ пересмотра, — этого не докажетъ никто.

въ свѣтъ и говорить о нихъ ¹¹⁸⁾ какъ о трудахъ логографовъ, предназначенныхъ доставлять слушателямъ скорѣе удовольствіе, чѣмъ пользу, то полагають, что онъ имѣлъ въ виду ораторскія упражненія Геродота въ Аѣинахъ. Самымъ раннимъ періодомъ подобныхъ публичныхъ исполненій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возникновенія нѣкоторыхъ частей труда Фукидида долженъ считаться 446 годъ до Р. Х.,—эпоха, когда оба историка впервые встрѣтились. Это случилось не тогда, когда Фукидидъ, согласно ходячему анекдоту, былъ еще ребенкомъ, а во время его возмужалости и полной способности къ критическому анализу. Все это однако еще окружено сомнѣніемъ, но еще болѣе сомнительно мнѣніе Ульриха, будто замѣчаніе Фукидида, высказанное имъ по поводу самозащиты Антифона, именно, что его рѣчь лучшая изъ всѣхъ извѣстныхъ τῶν μέγχι ἐμοῦ, намекаетъ на защитительную рѣчь Сократа. Это предположеніе какъ бы указываетъ, что защита Сократа считалась простымъ ораторскимъ упражненіемъ, чѣмъ она никогда не была.

Въ плутарховомъ жизнеописаніи Кимона есть болѣе цѣнная и, повидимому, достовѣрная замѣтка автора. Поговоривъ о происхожденіи Кимона, по матери, отъ Фракійскаго царя Олора, онъ при-совокупляетъ: «Вслѣдствіе этого историкъ Фукидидъ, какъ родственникъ кимоновой семьи, былъ сыномъ нѣкоего Олора, названнаго такъ въ честь своего предка, и обладалъ золотыми прінсками во Фракіи. Говорять, что онъ былъ убитъ въ Скаптезилѣ (во Фракіи), но памятникъ, воздвигнутый надъ его останками, перевезенными въ Аттіку, находится среди могилъ семьи Кимона, рядомъ съ могилою его сестры Эльпиники. Фукидидъ былъ однако Галимузійцемъ по общинѣ, тогда какъ родственники Мильтіада были Лагіадами». У Павзанія мы также встрѣчаемъ весьма обстоятельный и правдоподобный рассказъ о томъ ¹¹⁹⁾, что возвращеніемъ своимъ изъ изгнанія Фукидидъ былъ обязанъ Энобію, сыну Евкла (повидимому, его старшаго товарища по житію во Фракіи), который добился декрета, постановившаго возвращеніе Фукидида въ Аѣны, но, такъ какъ онъ былъ умерщвленъ на возвратномъ пути, то въ честь его была сооружена статуя въ Акрополѣ и воздвигнутъ памятникъ неподалеку отъ Мелитейскихъ воротъ.

§ 363. Въ неаполитанскомъ музеѣ мы видимъ двойной бюстъ, изображающій Фукидида и Геродота, и перваго именно подъ видомъ нѣсколь-ко вульгарнаго и угрюмаго человѣка; вмѣстѣ съ тѣмъ типъ этотъ

¹¹⁸⁾ I. 21; ἀγωνιστὰ ἐς τὸ παρχοῦρμα ἀκροῖεν.... ὡς λογογράφοι ἐνέθεσαν ἐπὶ τῇ προαχυσῶτερῳ τῇ ἀκροᾶσι· ἢ ἀληθεστέρον.

¹¹⁹⁾ I, 23, 9.

до такой степени непохожъ на идеальную греческую голову, до такой степени индивидуаленъ, что за нимъ всегда признавали нѣкоторую авторитетность. Изданіе въ маѣ 1878 г., графомъ Лейстеромъ фотографій съ роскошнаго бюста, находящагося въ Голькхемѣ (Holkham), вмѣстѣ съ переводомъ статьи профессора Михаэлиса объ этихъ портретахъ¹²⁰⁾, доказали, что неаполитанское изображеніе является лишь жалкою и ничтожною копіею съ того же (по всему вѣроятію, бронзоваго) подлинника, съ котораго снятъ и голькхемскій бюстъ. Этотъ послѣдній превосходно сохранился и выражаетъ всю суровость и силу, и весь тотъ отпечатокъ новой поры, который отличалъ характеръ Фукидида. Я, конечно, далекъ отъ мысли, что бюстъ, въ которомъ не отразились бы эти свойства, не могъ бы быть подлиннымъ; есть люди съ досадно-разочаровывающей внѣшностью. Но весьма пріятно, когда портретъ соответствуетъ нашему идеалу и не только въ чисто условномъ отношеніи. Отто Гильбертъ полагаетъ¹²¹⁾, что бюстъ этотъ былъ копіею со статуи, воздвигнутой Энобіемъ.

§ 364. Переходя теперь къ разсмотрѣнію трудовъ Фукидида, какими мы видимъ ихъ передъ собою, мы должны придерживаться принятаго въ настоящее время раздѣленія ихъ на восемь книгъ, хотя на это нѣтъ никакихъ указаній со стороны автора, и мы находимъ свѣдѣнія объ извѣстномъ въ древности раздѣленіи исторіи Фукидида на девять или даже на тринадцать книгъ. Нынѣ принятый методъ удобенъ и недурно придуманъ. Фукидидъ же далъ, чтобъ его трудъ былъ военною исторіею пелопоннесской борьбы, компилированную изъ подлинныхъ документовъ, изъ тщательныхъ отмѣтокъ личныхъ наблюденій и изъ провѣрки свѣжихъ показаній очевидцевъ. Нельзя отрицать, что онъ въ совершенствѣ осуществилъ свой планъ, и что его книга является самымъ тщательнымъ и полнымъ повѣствованіемъ обо всѣхъ подробностяхъ долгой войны. Произведеніе это гораздо болѣе сложное и трудное, чѣмъ рассказъ Ксенофонта о его отступленіи отъ Кунаксы, но оба труда похожи между собою въ томъ отношеніи, что въ нихъ описываются событія изъ современной авторамъ исторіи. Вмѣсто обычнаго лѣтосчисленія по архонтствамъ и жрецамъ, Фукидидъ предпочитаетъ и постоянно превозноситъ счисленіе по лѣтамъ и зимамъ, какъ лучший методъ¹²²⁾. Тѣмъ не менѣе, точка отправленія его труда¹²³⁾

¹²⁰⁾ Я считаю долгомъ выразить здѣсь благодарность графу Лейстеру за присылку мнѣ экземпляра этого драгоценнаго вклада въ археологію.

¹²¹⁾ Philologus, 38, 2, стр. 259.

¹²²⁾ V, 20.

¹²³⁾ II, 1.

поневоѣ опредѣляется стариннымъ способомъ, а строгая приверженность къ счисленію по лѣтамъ и зимамъ заставляетъ его прерывать по временамъ послѣдовательный отчетъ о какихъ либо военныхъ дѣйствіяхъ, для того чтобы упомянуть объ отдаленномъ и мало-важномъ, но одновременно-случившемся событіи. Этотъ недостатокъ въ распредѣленіи матеріала былъ замѣченъ Мьюромъ и другими критиками. Къ несчастью, благодаря этому методу, авторъ занесъ въ свой трудъ описаніе массы ничтожныхъ набѣговъ и мелкихъ волненій въ отдаленныхъ частяхъ Греціи, въ то время, какъ совершенно выпустилъ изъ виду всю литературную и художественную и почти всю социальную и политическую исторію великой эпохи, о которой писалъ. Это тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что многія отступленія его въ область археологіи или политики составляютъ (принявъ во вниманіе ихъ размѣры) самую цѣнную и интересную часть всего труда.

§ 365. Но самъ авторъ далеко не раздѣляетъ этого мнѣнія. Вступленіе его начинается заявленіемъ, что пелопоннесская война, какъ онъ и ожидалъ съ самаго ея начала, оказалась наиболѣе важнымъ кризисомъ въ эллинской, а, слѣдовательно, и въ общечеловѣческой исторіи. Почти невозможно, чтобы, говоря это, Фукидидъ не имѣлъ въ виду обширнаго труда Геродота, въ особенности если, какъ утверждаютъ многіе критики, онъ началъ писать свою исторію лишь по окончаніи войны. Какъ бы то ни было, доказательство, приводимое имъ въ подтвержденіе его смѣлаго заявленія о важности избраннаго сюжета, отличается странными софизмами. Онъ обращается сперва къ весьма отдаленнымъ временамъ и обзорѣваетъ въ той части которую называютъ его Археологіей, состояніе ранней Греціи и въ особенности тѣ средства, которыми она располагала въ троянскую войну, и которыя онъ считаетъ весьма незначительными, такъ какъ въ нихъ недоставало истиннаго нерва всякой народной силы, χρῆματα καὶ ναυτικόν, денегъ и флота. То же самое, хотя и въ меньшей степени, замѣчалось и въ другихъ государствахъ, которыя прославились подъ властью тирановъ, начиная съ упомянутой эпохи и кончая персидскими войнами, какъ доказываетъ Фукидидъ посредствомъ цѣлаго ряда самыхъ любопытныхъ замѣчаній.

(Но, дойдя до этого кризиса ¹²⁴), онъ избѣгаетъ правильной оцѣнки его значенія въ сравненіи съ избраннымъ сюжетомъ; онъ сообщаетъ намъ весьма скудныя свѣдѣнія о немъ, и то лишь для того, чтобы показать воздѣйствіе этого кризиса на Спарту и Аѣины,

¹²⁴) Гл. 18.

и говорить въ заключеніе о томъ, какъ трудно лично изслѣдовать дѣла минувшихъ дней, благодаря лишенному всякой критики способу передачи традиціи ¹²⁵⁾ Въ подтвержденіе этого мнѣнія онъ приводитъ три примѣра: во первыхъ ошибочный взглядъ Аѳинянъ на Гармодія и Аристоклѣона, къ которому онъ въ послѣдствіи возвращается подробнѣе ¹²⁶⁾; далѣе, распространенныя въ Греціи заблужденія относительно двухъ маловажныхъ вопросовъ, еще не забытыхъ, именно: λόχος Питанάτης и двойного голосованія спартанскихъ царей, въ одномъ, по крайней мѣрѣ, противорѣча мнѣнію Геродота. «Такъ мало прилагаютъ люди старанія, чтобъ изыскать истину, предпочитая обращаться къ тому, что находится у нихъ готовымъ подъ рукою!» ¹²⁷⁾ Въ 23 главѣ Фукидидъ возвращается къ мидійскимъ дѣламъ и замѣчаетъ, что они были рѣшены четырьмя битвами, между тѣмъ какъ позднѣйшая война была продолжительнѣе, суровѣе и ужаснѣе. Онъ говоритъ о городахъ, разоренныхъ въ то время варварами, между тѣмъ какъ намъ извѣстенъ лишь одинъ незначительный случай въ этомъ родѣ (съ Микалессомъ). Онъ утверждаетъ также, что эта война сильно вліяла не только на Грековъ, но и на варваровъ. Исторически этого доказать нельзя, но Фукидидъ, по всему вѣроятію, полагалъ, что каждая война между Греками, какъ бы она ни была ничтожна, значительно превосходила по своему значенію самую важную борьбу съ варварами. Вотъ въ чемъ заключается истинная причина

¹²⁵⁾ Гл. 20.

¹²⁶⁾ VI, 54.

¹²⁷⁾ Въ весьма подробномъ разборѣ этого введенія (Philologus, 38, стр. 534—45). Гербстъ даетъ совершенно новое объясненіе и защищаетъ Фукидидъ отъ обвиненія въ желаніи умалить значеніе, приданное персидской войнѣ въ исторіи Геродота. Онъ находитъ, что Фукидидъ раздѣлил свой обзоръ старины на двѣ части, на παλαιά, отъ мидійскихъ временъ до маратонской битвы, и на Μῦθικα. — παλαιά, обозначаемая имъ въ 2—17 главахъ, заключаетъ въ себѣ Troica, страдающую преувеличеніями благодаря примѣси различныхъ басенъ, и періодъ тирановъ, въ которомъ тщательная проверка фактовъ обнаруживаетъ недостаточность военныхъ средствъ у Грековъ. Въ главахъ 18, 19 онъ описываетъ Μῦθικα. Критическія замѣчанія, высказанныя вслѣдъ за тѣмъ въ гл. 20—2 и заключающія въ себѣ непочтительные отзывы о логографѣхъ и объ общей ненадежности старинныхъ традицій, направлены всецѣло, по мнѣнію Гербста, противъ историковъ παλαιά, — поэтовъ и поэтическихъ логографовъ, — и отнюдь не относятся къ Геродоту. Въ 23 главѣ Фукидидъ переходитъ къ параллельной критикѣ дѣйствительно-важныхъ Μῦθικα и, допуская ихъ значеніе, отстаиваетъ тѣмъ не менѣе большую важность своей собственной эпохи, какъ по непродолжительности персидской войны, такъ и по меньшему числу участвовавшихъ въ ней Грековъ. Но для этого слѣдуетъ предположить, что онъ сравнивалъ Μῦθικα со всею двадцати семилѣтнею войною, а не съ одной только архидамевою. Я думаю, что вложить этотъ смыслъ въ отрывокъ — можно, но что онъ отнюдь не очевиденъ, и сильно сомнѣваюсь, желалъ ли Фукидидъ избѣгнуть необходимости порицать геродотовъ историческій методъ, въ отличіе отъ раннихъ логографовъ.

его преувеличенной оцѣнки пелопоннесской войны, имѣвшей, быть можетъ, меньшее историческое значеніе, чѣмъ всякая другая, столь же продолжительная борьба, потому что тутъ не было столкновѣнія противоположныхъ расъ, религій или великихъ идей, такъ что, еслибъ даже исходъ борьбы былъ и иной, то и это не повліяло бы существенно на общій ходъ исторіи человѣчества. Но преувеличенное понятіе о значеніи избраннаго имъ сюжета должно считаться въ авторѣ почтенною ошибкою и заслуживаетъ порицанія лишь тогда, когда доводитъ его до недобросовѣстнаго отношенія къ соперникамъ. Съ двадцать четвертой главы начинается настоящая исторія войны, и въ прекрасномъ повѣствованіи Фукидидъ описываетъ ссору между Коринѳомъ и Коркирою изъ за Эпидамна, за которой послѣдовали другія подготовительныя движенія и наконецъ споры въ Спартѣ ¹²⁸). Но прежде, чѣмъ приступить къ описанію настоящей войны, онъ снова возвращается къ прошлому и къ характеристикѣ греческой исторіи (на этотъ разъ аѳинской), начиная со взятія Лесбоса вплоть до объявленія войны ¹²⁹). За этимъ слѣдуетъ дальнѣйшее описаніе подготовленій къ войнѣ, прерываемое эпизодами о Павзаніѣ иThemistocle ¹³⁰); книга останавливается на окончаніи подготовительнаго періода.

§ 366. Замѣчательно, что въ послѣднихъ главахъ Фукидидъ обнаруживаетъ не только знакомство съ Геродотомъ, но даже и нѣкоторое уваженіе къ нему. Его второе ретроспективное описаніе начинается со взятія Сестоса, на которомъ остановился Геродотъ; онъ говоритъ, что въ то время, какъ мидійскія дѣла удостоились всесторонняго обсужденія, послѣдующему періоду оказывалось пренебреженіе даже со стороны Гелланика, неточнаго въ хронологическомъ отношеніи ¹³¹) въ своихъ разсужденіяхъ о Павзаніѣ и Themistocle; Фукидидъ преднамѣренно пополняетъ пробѣлы, оставленные Геродотомъ. Это указываетъ, по моему, на разность эпохъ, когда онъ писалъ свое раннее предисловіе и эти позднѣйшія части первой книги. Мы видимъ однако, что книга эта полна отступленій и какъ бы предварительныхъ подробностей, крайне необходимыхъ, по мнѣнію автора, для уразумѣнія пелопоннесской войны. Я не упомянулъ также ни однимъ словомъ о рѣчахъ, составляющихъ своеобразную и какъ будто даже чужеземную черту въ исторіи Фукидида; мы вскорѣ вернемся къ нимъ болѣе подробно.

¹²⁸) Гл. 24—55, 56—88. М. — см. вступит. главу отъ Фукидида въ ист. войнъ.

¹²⁹) Гл. 89—118. Это было извѣстно стариннымъ критикамъ подъ названіемъ *Προλεγόμενα* Фукидида. М. — см. вступит. главу отъ Фукидида въ ист. войнъ.

¹³⁰) Гл. 128—38. М. — см. вступит. главу отъ Фукидида въ ист. войнъ.

¹³¹) Гл. 97.

Переходя къ слѣдующимъ книгамъ, мы видимъ въ каждой изъ нихъ нѣсколько блестящихъ разсказовъ; въ самомъ дѣлѣ, всюду, гдѣ только сюжетъ достоинъ самаго писателя, его способность къ первымъ и живымъ описаніямъ всегда соотвѣтствуетъ высотѣ положенія. Такъ, во второй книгѣ (въ началѣ) мы имѣемъ описаніе ночной атаки на Платею, потомъ живой и потрясающій разсказъ о чумѣ ¹³²⁾; послужившій образцомъ для столькихъ послѣдующихъ писателей, наконецъ морскія эволюціи Форміона изъ Навпакта ¹³³⁾. Въ третьей книгѣ ¹³⁴⁾ мы видимъ ночное бѣгство Платейцевъ изъ города, воспроизведенное въ наши дни сэромъ Е. Кризи въ его греческомъ романѣ, Старая и Новая любовь; грозныя волненія въ Коркирѣ съ размышленіями историка ¹³⁵⁾ и весьма интересную главу о Делосѣ ¹³⁶⁾. Четвертая книга начинается описаніемъ блестящихъ афинскихъ успѣховъ въ Сфактеріи и вмѣщаетъ въ себѣ не только разсказъ о столь же великой неудачѣ при Деліонѣ ¹³⁷⁾, но и о дѣятельныхъ движеніяхъ Бразиды въ Эракіи и о собственной, недостигнутой цѣли, попыткѣ нашего историка спасти Амфиполисъ ¹³⁸⁾.

Отрывокъ этотъ, краткій и скудный подробностями, вызвалъ много преній между критиками. Большинство Нѣмцевъ, чье восторженное поклоненіе Фукидиду не позволяетъ имъ видѣть никакого пятна на его характерѣ, утверждаютъ, что онъ сдѣлалъ все, что могло быть сдѣлано, для спасенія Амфиполиса, и что его изгнаніе, на которое онъ случайно намекаетъ въ другомъ мѣстѣ, было результатомъ несправедливаго приговора, вызваннаго досадою Афинянъ на успѣхъ Бразиды. Наиболѣе выдающимися защитниками этого воззрѣнія являются Классенъ въ его Комментаріяхъ и Эрнстъ Курциусъ въ своей Исторіи. Съ другой стороны, сдержанность историка въ показаніяхъ о времени и свойствѣ его назначенія на должность и не скрываемое имъ презрѣніе и ненависть къ Клеону, вѣроятному виновнику его изгнанія, заставляли англійскихъ ученыхъ критиковъ, — въ родѣ Мьюра въ его главѣ о жизни Фукидида, и Грота въ его Исторіи, за которыми, какъ всегда, слѣдовалъ Огкенъ, — заявить, что историкъ нашъ былъ неравдивъ и медлителенъ вплоть до послѣдней минуты и, по всему

¹³²⁾ Гл. 47 и слѣд.

¹³³⁾ Гл. 83, и слѣд.

¹³⁴⁾ Гл. 20 и слѣд.

¹³⁵⁾ Гл. 75 и слѣд.

¹³⁶⁾ Гл. 104.

¹³⁷⁾ Гл. 77 и слѣд.

¹³⁸⁾ Гл. 104—6.

вѣроятію, заслужилъ свое наказаніе. Мы не имѣемъ достаточныхъ свидѣтельствъ, чтобы съ достовѣрностію рѣшить вопросъ. Мнѣ кажется, что историкъ искренно вѣрилъ въ свою невиновность, но что Аѳиняне, быть можетъ, столь же искренно не раздѣляли его взгляда. Его молчаніе по поводу произнесеннаго противъ него приговора совершенно согласуется съ его обычной сдержанностію въ виду исчезновенія съ общественной арены руководящихъ людей. Такъ онъ только говорить намъ, что Периклъ жилъ два года послѣ начала войны; лишь случайно проговаривается онъ о смерти Форміона, рассказывая, что Акарняне потребовали присылки къ нимъ его сына для начальствованія надъ ними.

§ 367. Возвращаясь къ нашему списку замѣчательныхъ отрывковъ, мы видимъ знаменитыя разсужденія автора по поводу конца архидамовой войны и новое вступленіе его къ остальной части своего труда, помѣщенное въ пятой книгѣ, ¹³⁹⁾ наконецъ далѣе, послѣ разсказа о долгихъ и сложныхъ интригахъ Алкивіада въ Пелопоннезѣ, намъ встрѣчается описаніе мантинейской битвы, возникшее, по всему вѣроятію, подъ вліяніемъ личныхъ наблюденій. ¹⁴⁰⁾ Шестая и седьмая книги, лучшія во всемъ сочиненіи, исключительно посвящены описанію приготовленія и снаряженія сицилійской экспедиціи, ея приостановки вслѣдствіе оскверненія Гермъ, постепеннаго развитія и наконецъ злополучнаго окончанія ея. Въ самомъ дѣлѣ, непрерывный блескъ повѣствованія въ седьмой книгѣ лишаетъ насъ возможности указать на отдѣльныя мѣста. Восьмая книга, гдѣ мы не видимъ уже отдѣлки рукою самого автора, интересна только своимъ точнымъ отчетомъ объ олигархической революціи въ Аѳинахъ въ 411 году до Р. Х., политическомъ кризисѣ, такъ тѣсно связанномъ съ войною, что онъ составлялъ часть ея, благодаря чему и нашелъ себѣ, къ счастью, доступъ въ повѣствованіе.

Но не слѣдуетъ забывать, что эти замѣчательныя мѣста прерываются отчетами о мелкихъ нашествіяхъ и непроезжихъ походахъ, сообщаемыми съ добросовѣстными подробностями, — равно какъ и политическими рѣчами, вставленными періодически, для характеристики чувствъ и страстей, составлявшихъ атмосферу, въ которой разыгрались сообщаемые факты. Въ то время, какъ первыя подробности возникли изъ слишкомъ мелочного и тщательнаго записыванія событій, значеніе которыхъ Фукидидъ, безъ сомнѣнія, преувеличивалъ, вторыя — совершенно ино-

¹³⁹⁾ Гл. 26.

¹⁴⁰⁾ Гл. 64—75.

то свойства и являются скорѣе нарушеніемъ исторической вѣрности, чѣмъ рабскимъ подчиненіемъ ей. О первыхъ я скажу лишь нѣсколько словъ. Всевозможныя стычки происходившія, въ окрестностяхъ Этоліи и Акарнаніи и сицилійскихъ городовъ до прибытія великой аѳинской рати, или въ Пелопоннѣзѣ послѣ Никіева мира, хотя онѣ и маловажны и въ настоящее время оставляются безъ вниманія большинствомъ читателей, тѣмъ не менѣе рисуютъ передъ нами весьма живую картину греческихъ войнъ и греческой политики, съ ихъ постоянно мѣняющимися интригами и разнообразіемъ положеній; и хотя мы съ радостью отдали бы эти описанія за нѣсколько лишннихъ неопѣнимыхъ разсужденій Фукидида объ археологій или о конституціонныхъ вопросахъ, мы должны сознаться, что они придаютъ всему повѣствованію большую полноту. Только въ одномъ случаѣ онъ обнаруживаетъ какъ-бы утомленіе отъ необходимости описывать эти мелкія передвиженія и заявляетъ, что будетъ говорить о нихъ по поводу сицилійскихъ дѣлъ лишь тогда, когда Аѳиняне прямо въ нихъ участвовали.

§ 368. Но лишь только событія получаютъ большую важность, повѣствованіе Фукидида выходитъ изъ рамки простой хроники; онъ сообщаетъ намъ мотивы дѣйствующихъ лицъ, описываетъ ихъ самыя сокровенныя мысли, словно лично ихъ подслушивалъ. Въ особенности замѣчательна эта обрисовка характеровъ, основанная на выводахъ изъ самихъ фактовъ, въ восьмой книгѣ, гдѣ нѣтъ тщательно составленныхъ рѣчей; мы видимъ тутъ поразительный образецъ того драматическаго приѣма, съ помощью котораго греческіе историки отождествляли себя съ своимъ сюжетомъ. Мы, люди нашего времени, привыкли разсуждать сознательно и отдѣлять наши разсужденія отъ самаго разсказа. Фукидидъ поступаетъ такъ весьма рѣдко, но даетъ своимъ субъективнымъ взглядамъ высказываться при обрисовкѣ характеровъ и раскрываетъ мотивы, сообщая историческіе факты. Такъ какъ у него все основано на человѣческихъ мотивахъ въ противоположность божественному элементу, такъ часто допускаемому Геродотомъ, то эти мотивы болѣею частью оправдываются результатами и никогда не бываютъ неправдоподобными; тѣмъ не менѣе это не исторія въ нашемъ смыслѣ слова.¹⁴¹⁾ Еще опредѣленнѣе сказывается явленіе это въ рѣчахъ, гдѣ Фукидидъ положительно покидаетъ область исторіи, какъ мы ее понимаемъ, и вступаетъ въ область риторики, благодаря чему онъ вызывалъ справедливое порицаніе со стороны всѣхъ свѣдущихъ и истинныхъ знатоковъ аттическаго краснорѣчія. Его великій примѣръ, по всему

¹⁴¹⁾ Ср. прекрасныя замѣчанія Гербста, *Philologus*, 38, стр. 556—9.

вѣроятію, побудилъ послѣдующихъ классическихъ историковъ вводить въ свое повѣствованіе воображаемыя обращенія къ массѣ, чѣмъ они придали греческой и римской исторіи тотъ оттѣнокъ, который Мюръ считаетъ главнымъ недостаткомъ аттической прозы. По обще-принятому мнѣнію, рѣчи эти не имѣютъ никакого права считаться точными, и хотя большинство историковъ страстно желаетъ признать, по крайней мѣрѣ, надгробную рѣчь Перикла во второй книгѣ, подлинною, Мюръ доказалъ, что манера нашего историка особенно замѣтна именно въ этой рѣчи, и что онъ употреблялъ въ ней аргументы, которые никакъ не могли быть произнесены греческимъ политическимъ вождемъ, обладавшимъ тайною очаровывать слушателей.

Въ этихъ рѣчахъ замѣчается даже весьма мало усилій для сохраненія вѣрности изображаемыхъ характеровъ. Лакедемонскіе ораторы, напримѣръ, такъ же многорѣчивы и обстоятельны, какъ и всѣ остальные, и ихъ дорическое нарѣчіе замѣнено древне-аттическимъ языкомъ, на которомъ написано все сочиненіе. Самъ Фукидидъ указываетъ на трудность сохранять точность въ этихъ рѣчахъ ¹⁴²⁾, заявляя что старался воспроизвести общій смыслъ того, что говорилось, т. е. что говорилось именно по его мнѣнію, но мы можемъ быть совершенно увѣрены въ одномъ, что никогда подобныя рѣчи не могли бы имѣть вліянія на большую аудиторію. Вслѣдствіе этого онъ облекъ ихъ въ однообразную форму, требовавшуюся его исторіею какъ художественнымъ произведеніемъ, и мы видимъ проблески нѣкоторыхъ своеобразныхъ чертъ въ краткой и грубоватой рѣчи ээора Сеенелаида ¹⁴³⁾, въ болѣе живомъ слогѣ Аевенгора ¹⁴⁴⁾ или въ эгоизмѣ Алкивіада. Но большая часть его рѣчей такъ безлична и отличается такимъ общимъ характеромъ, что ихъ приписываютъ «посламъ» или «представителямъ» какого-нибудь города или политической фракціи. Лучшій разборъ рѣчей сдѣланъ Блассомъ, въ первомъ томѣ его сочиненія объ аттическомъ краснорѣчіи, гдѣ онъ близко придерживается известной критикѣ Діонисія Галикарнасскаго.

§ 369. За исключеніемъ діалоговъ, которые мы рассмотримъ въ скорѣ, въ первыя семь книгъ вставлено до сорока одной рѣчи различнаго объема; отличіе восьмой книги состоитъ въ томъ, что она не заключаетъ въ себѣ ни одной рѣчи. Подраздѣлить ихъ можно на панегирическія, единственнымъ образомъ которыхъ является

¹⁴²⁾ I, 32.

¹⁴³⁾ I, 86.

¹⁴⁴⁾ VI, 36.

знаменитая рѣчь Перикла ¹⁴⁵); на юридическія, какъ на примѣръ, протестъ Платейцевъ и отвѣтъ Фиванцевъ ¹⁴⁶), и на тридцать восемь воззваній. Изъ нихъ четырнадцать заключаютъ въ себѣ обращенія полководца къ воинамъ и отличаются краткостью и мѣткостью. Остается двадцать четыре рѣчи съ характеромъ настоящихъ разсужденій, большею частью помѣщенные попарно или по три, а иной разъ и такъ построенныя, что отвѣтъ встрѣчается долгое время послѣ первой рѣчи и не возражаетъ прямо на нее. Тщательное изученіе этихъ рѣчей покажетъ намъ постепенное усиленіе ихъ ясности по мѣрѣ того, какъ разрастается сборникъ, такъ что рѣчи шестой книги гораздо болѣе мѣткі и удобопонятны, чѣмъ раннія, а рѣчи Гермократа могутъ даже считаться весьма хорошими образцами подобнаго слога. Не лишено вѣроятности, что во время своего изгнанія Фукидидъ познакомился съ великимъ Сиракузяниномъ, къ которому всюду относится весьма благосклонно и отъ котораго, быть можетъ, заимствовалъ общія очертанія своей политики. Мюръ, полагаетъ, что изъ обстоятельнаго описанія тайныхъ политическихъ замысловъ Алкивиада можно вывести заключеніе о подобныхъ же сношеніяхъ Фукидида съ нимъ во время его изгнанія. Тоже самое думаетъ относительно Аенaгoра О. Мюллеръ, а большинство критиковъ — относительно Перикла и Никія. Эти предположенія только доказываютъ, сколько характерныхъ чертъ удалось Фукидиду провести въ рѣчи, написанныя имъ въ лично ему свойственной формѣ и чисто объективнымъ слогомъ.

§ 370. Діонисій, чье сужденіе, какъ ритора, имѣетъ значеніе, сколько бы ученые нашего времени ни презирали его взгляды на способъ писанія исторіи, — оставилъ весьма полную критику многихъ изъ этихъ рѣчей, съ очень правильною оцѣнкою тѣхъ рѣзкихъ недостатковъ, которые могла нѣсколько ослабить даровитость автора. Главный изъ нихъ заключается въ неясности, которую большинство критиковъ считаютъ естественнымъ и неизбежнымъ слѣдствіемъ ранняго, еще неразвившагося состоянія аттической прозы и постоянного желанія автора сдѣлать свои изреченія возможно болѣе содержательными. Вслѣдствіе этого даже противники Фукидида постоянно восхищались его рѣдкой способностью вмѣщать въ самое ничтожное число словъ много сущности и предлагать читателю новую мысль прежде, чѣмъ вполне ясно выражена предшествующая. Рядомъ съ этой сжатостью и неизбежно-проистекающею изъ нея неясностью, историка справедливо осуждали за его софистическую манерность, въ родѣ, напри-

¹⁴⁵) II, 35—46.

¹⁴⁶) III, 53—9; 61—7.

мѣръ, постоянного противопоставленія словъ: номинально и въ действительности (λόγῳ и ἔργῳ), встречающагося въ Надгробной рѣчи шестнадцать разъ, а во всемъ сочиненіи — около ста. Есть также ненужныя разьясненія весьма понятныхъ словъ и хитроумныя опредѣленія различныхъ оттѣнковъ ихъ, не говоря уже объ аффектаціи въ употребленіи прилагательныхъ среднего рода вмѣсто существительныхъ, — приемъ, для объясненія котораго позднѣйшіе нѣмецкіе комментаторы (Букидида находятъ причины, которыя покажутся всякому, кто не зараженъ педантизмомъ, придуманными въ защиту неправаго дѣла. Мьюръ и Блассъ также подмѣтили замѣчательно не идущіе къ дѣлу аргументы въ такихъ мѣстахъ, гдѣ всякій ораторъ съ здравымъ смысломъ никакъ не могъ бы вдаваться въ такіа разсужденія. Таковы вступительныя слова перикловой Эпитафіи, въ которыхъ онъ приписываетъ слушателямъ духъ уничиженія, и рѣчь къ Коринѣянамъ, гдѣ всѣ шансы и случайности войны упорно разбираются именно тѣми, которымъ надлежало настаивать на ея необходимости, а не отговаривать отъ нея.

Къ этимъ замѣчаніямъ, по моему основательнымъ, я прибавлю отъ себя еще два. Во-первыхъ, когда Блассъ и другіе говорятъ о неразвитомъ состояніи аттической прозы и о трудностяхъ выражать правильно мысли великія и полныя содержанія на несложившемся еще нарѣчіи, они, усиливаясь отстоять Букидида, очень преувеличиваютъ значеніе вопроса. Еврипидъ и Кратинъ уже усовершенствовались въ драматическомъ діалогѣ употребленіе аттическаго нарѣчія. Кромѣ того, не только можно было переложить на аттическій діалектъ превосходные образцы іонической прозы, уже существовавшіе въ то время, но и въ самой аттической прозѣ Антифонъ уже достигъ большой ясности, какъ мы видимъ это изъ его уцѣлѣвшихъ рѣчей. Быть можетъ, благодаря его примѣру, рѣчь Платейцевъ и отвѣтъ на нее Фиванцевъ, принадлежащіе исключительно къ разряду судебныхъ рѣчей, стали лучшими изъ всѣхъ, встречающихся у Букидида. Но, не говоря уже о драматической поэзи и объ ораторскомъ искусствѣ, мы, какъ будто, постоянно забываемъ, что трактатъ объ аѳинскомъ государствѣ, находящійся въ числѣ ксенофоновыхъ произведеній, долженъ былъ выйти въ свѣтъ раньше 415, а еще вѣроятнѣе около 423 года до Р. Х., слѣдовательно, за много лѣтъ до появленія исторіи Букидида, и что какіе бы недостатки въ немъ ни замѣчались, онъ отличается легкостью языка и доказываетъ, что авторъ его вполнѣ овладѣлъ аттической прозою ¹⁴⁷⁾.

¹⁴⁷⁾ Дионисій дѣлаетъ то же самое замѣчаніе по поводу прозы Критія, котораго онъ относитъ къ новой аттической школѣ, хотя онъ писалъ раньше Букидида.

что каждый человекъ видѣлъ и слышалъ, всёхъ измѣненій чувствъ и жестовъ, вплоть до перваго покачиванія и наклоненія головъ и туловищъ, вторившаго критическимъ минутамъ борьбы — все это передано въ излишествѣ, доведенномъ до тривіальности». Въ примѣчаніи Мьюръ также указываетъ на преобладаніе въ этой части повѣствованія шумныхъ антитезъ какъ въ строеніи фразъ, такъ и въ звуковомъ отношеніи. Я укажу далѣе для иллюстраціи моего мнѣнія на другое, столь же извѣстное мѣсто, какъ на хорошій образецъ слога Фукидида; я говорю объ изображеніи афинскаго характера въ противоположность спартанскому, сдѣланномъ коринфскими послами ¹⁴⁹). Въ этомъ отрывкѣ замѣчается не только большая натяжка въ контрастахъ (ихъ нѣсколько не разъясняютъ случаи, бывшіе съ Бразидомъ и Никіемъ), но все описаніе вращается вокругъ той единственной мысли, что Афиняне—народъ весьма предприимчивый, а спартанцы—консервативный. Въ прекрасной рѣчи, произнесенной Платейцами въ защиту своей жизни, обращенія къ великодушію Спарты повторяются все время, пока наконецъ становятся утомительными. Безконечный рядъ подобныхъ же примѣровъ и повторенія однѣхъ и тѣхъ же мыслей и фразъ даже въ различныхъ рѣчахъ указываютъ скорѣе на скудость, чѣмъ на богатство содержанія ¹⁵⁰).

Наиболѣе полною и содержательною должна, быть можетъ, считаться не периклова Эпитафія, хотя и въ ней встрѣчаются по-

¹⁴⁹) I, 70: οἱ μὲν γὰρ νεωτεροποιοὶ καὶ ἐπινοῆσαι ἐξείς καὶ ἐπιτελεῖσαι ἔργῳ ὃ ἂν γνῶσιν ὑμεῖς δὲ τὰ ὑπαρχόντα τε σῶζειν καὶ ἐπιγνώσκειν μὴδὲν, καὶ ἔργῳ οὐδὲ ταναγκαῖα ἐκτελεῖσθαι. αὐτοὶ δὲ οἱ μὲν καὶ παρὰ δύναμιν τολμηταί, καὶ παρὰ γνῶμην κινδυνεύουσι, καὶ ἐν τοῖς δεινοῖς εὐέλπιδες· τὸ δὲ ὑμέτερον τῆς τε δυνάμεως ἐνδεὰ πράξει, τῆς τε γνῶμης μὴδὲ τοῖς βεβαίοις πιστεῦσαι, τῶν τε δεινῶν μηδέποτε οἶσθαι, ἀπολυθῆναι. καὶ μὴν καὶ ἄσχοι πρὸς ὑμᾶς μελλήτας, καὶ ἀποδημηταί πρὸς ἐνδημοτάτους οἴονται· γὰρ οἱ μὲν τῇ ἀπουσίᾳ ἂν τι κτᾶσθαι, ὑμεῖς δὲ τῷ ἐπελθεῖν καὶ τὰ ἐτοῖμα ἂν βλάψαι. κρατοῦντές τε τῶν ἐχθρῶν ἐπὶ πλείστον ἐξέρχονται, καὶ νικώμενοι ἐπ' ἐλάχιστον ἀναπίπτουσι. ἔτι δὲ, τοῖς μὲν σώμασιν ἁλλοτριωτάτοις ὑπὲρ τῆς πόλεως χρῶνται, τῇ γνῶμῃ δὲ οἰκειοτάτῃ ἐς τὸ πρᾶσσειν τι ὑπὲρ αὐτῆς. καὶ ἂν μὲν ἂν ἐπινοήσαντες μὴ ἐξελεῖσθαι, οἰκεία στέρεσθαι ἡγοῦνται, ἃ δ' ἂν ἐπελθόντες κτήσωνται, ὀλίγα πρὸς τὰ μέλλοντα τυχεῖν πρᾶξαντες, ἣν δ' ἄρα πού καὶ πείρα σφαλῶσι, ἀνελπίσαντες ἄλλα ἐπλήρωσαν τὴν χρεῖαν. μόνοι γὰρ ἔχουσι τε καὶ ὁμοίως ἐλπίζουσι ἃ ἂν ἐπινοήσωσι, διὰ τὸ ταχεῖαν τὴν ἐπιχείρησιν ποιεῖσθαι ὣν ἂν γνῶσι. καὶ ταῦτα μετὰ πόνων πάντα καὶ κινδύνων δι' ὅλου τοῦ αἰῶνος μοχλοῦσι, καὶ ἀπολαύουσιν ἐλάχιστα τῶν ὑπαρχόντων διὰ τὸ ἀεὶ κτᾶσθαι, καὶ μήτε εὐρὴν ἄλλο τι ἡγεῖσθαι ἢ τὰ τὰ δέοντα πράξει, εὐμφορὰν τε οὐχ ἥσασιν ἡσυχίαν ἀπράγμονα, ἢ ἀσυχλίαν ἐπίπονον· ὥστε εἰ τις αὐτοὺς εὐνελῶν φαίη πεφικέναι ἐπὶ τῷ μὴτε αὐτοὺς ἔχειν ἡσυχίαν μὴτε τοὺς ἄλλους ἀνθρώπους ἔσθαι, ὀρθῶς ἂν εἴποι.

¹⁵⁰) Ср. напримѣръ, послѣднюю половину III, 37, III 44, и приложения къ пятому тому Мьюра о риторической манерности Фукидида.

вторенія антитезъ на словахъ и на дѣлѣ; но и здѣсь мы видимъ важную причину той неясности и постоянного игранія одними и тѣми же мыслями, которымъ отличаются почти все Оукидидовы воззванія. Историкъ задался опредѣленною цѣлью придать имъ чисто-общій характеръ, вълѣдствіе чего тщательно избѣгаетъ тѣхъ подробностей и особенностей, которыя придаютъ мѣткость и извѣстную окраску каждой великой рѣчи истиннаго оратора. Такъ намеки Перикла на художественное воспитаніе и на эстетическія удовольствія Афинянъ лишены по большей части мѣткости вълѣдствіе отсутствія всякихъ подробностей о великихъ художникахъ или ихъ великихъ твореніяхъ, о которыхъ долженъ былъ думать каждый изъ его воображаемыхъ слушателей. Дѣйствительно, во всемъ сочиненіи не названо имя ни одного современнаго художника, или поэта, или писателя, кромѣ Гелланика, и тотъ только упомянутъ за свою ненадежность; не упоминается ни объ одномъ общественномъ сооруженіи или памятникѣ, кромѣ Пропилей, да и о нихъ, быть можетъ, говорится лишь потому, что они представляли собою бесполезную затрату на исключительно декоративныя цѣли, не извиняемыя религіозными мотивами. Но, если это пристрастіе къ общимъ характеристикамъ и вредило риторическимъ эффектамъ рѣчей, оно вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлало изъ нихъ самый лучшій и прочный памятникъ философіи исторіи, въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ ее авторъ.

Наконецъ, что касается формы рѣчей, то, по замѣчанію риторическихъ критиковъ, при всемъ внѣшнемъ соблюденіи правилъ, предписываемыхъ первыми руководствами къ риторикѣ, при сохраненіи въ большинствѣ случаевъ опредѣленнаго вступленія, протезиса, т. е. изложенія фактовъ, и формальнаго заключенія, здѣсь нѣтъ такого рабскаго подчиненія этимъ правиламъ, какого мы ожидали бы скорѣе отъ профессиональных судебныхъ рѣчей, чѣмъ отъ воззваній политическихъ вождей. Въ то время, какъ фигуры слѣга, въ родѣ рѣимованныхъ окончаній, искусственныхъ антитезъ и проч., попадаются весьма часто, фигуры мыслей, въ родѣ негодующихъ вопросовъ, пропіи, умолчаній и т. д., весьма рѣдки, точно все это ниже достоинства историка; и мы видимъ ихъ главнымъ образомъ въ воззваніи демагога Аэенатора¹³¹⁾, между тѣмъ какъ даже въ рѣчахъ Клеона, котораго однако авторъ ненавидѣлъ и презиралъ, незамѣтно никакой попытки отбѣнить его вульгарность въ его говорѣ.

¹³¹⁾ Онъ встрѣчается однако гораздо чаще, чѣмъ можно бы предположить изъ словъ Бласса, который говоритъ о рѣчахъ Аэенатора, какъ о единственномъ примѣрѣ этого рода.

§ 372. Переходимъ къ діалогамъ. Первый, на которомъ стоить остановиться по его размѣру и значенію, это такъ называемый Меличскій діалогъ въ концѣ пятой книги. Отрывокъ этотъ имѣетъ форму судебной рѣчи, прерываемой отвѣтами на каждый вопросъ и представляетъ образецъ искуснаго изображенія, подъ видомъ частной бесѣды, жестокой и грубой афинской политики. Гротъ высказалъ особые возраженія противъ историческаго значенія этого отрывка и считаетъ его скорѣе чѣмъ-то въ родѣ трагически преувеличенной дерзкой выходки, преднамѣренно облеченной въ драматическую форму передъ началомъ злополучныхъ перипетій сицилійской экспедиціи. Вполнѣ соглашаясь съ этимъ возраженіемъ, я нахожу, однако, что Гротъ напрасно противопоставляетъ діалогъ этотъ рѣчамъ, какъ нѣчто менѣе подлинное, — большинство рѣчей имѣетъ столь же мало достовѣрности или внутренней правдоподобности. Во всякомъ случаѣ неясность выраженій и искаженіе ихъ въ этомъ діалогѣ на чужеземный ладъ поражали всѣхъ комментаторовъ и вызвали особое порицаніе со стороны Діонисія. Діалогъ этотъ правильно отнесенъ къ категоріи рѣчей вслѣдствіе его риторическаго и софистическаго тона и можетъ считаться одною изъ наиболѣе слабыхъ частей великаго историческаго труда Фукидида. Два другіе примѣра, діалогъ Архидамы съ Платейцами ¹³²⁾ и амвракійскаго вѣстника съ акарнанскими воинами Демосеена ¹³³⁾ одинаково превосходны; первый отличается строгою формой и величавостью, второй очень кратокъ и драматиченъ. Остается только пожалѣть, что такихъ мѣстъ мало въ этомъ сочиненіи ¹³⁴⁾. Вообще, послѣ картинныхъ описаній Геродота, насъ поражаетъ у Фукидида отсутствіе драматическихъ достоинствъ; высокая даровитость Отца исторіи не нашла равнаго преемника въ лицѣ его великаго аттическаго соперника.

§ 373. Отсутствіе рѣчей и діалоговъ въ восьмой книгѣ вызвало много преній, какъ въ старину, такъ и въ наше время; обыкновенно полагали, что это произошло случайно вслѣдствіе того, что трудъ былъ неоконченъ, когда смерть постигла автора. Во всей этой книгѣ попадаются краткіе конспекты мнѣній и взглядовъ, которые, какъ многіе думаютъ, были бы разработаны и превращены въ рѣчи, еслибъ Фукидидъ жилъ достаточно долго для того, чтобы пересмотрѣть и дополнить свой трудъ. Современникъ его, Кратиппъ, утвер-

¹³²⁾ II, 71—4.

¹³³⁾ III, 118.

¹³⁴⁾ Быть можетъ, сюда слѣдуетъ еще отнести и I, 58, но тутъ мы находимъ только протестъ и отвѣтъ.

ждалъ, говорятъ, что Фукидидъ нарочно выпустилъ изъ этого тома рѣчи, видя, что онѣ не удовлетворяютъ господствующему вкусу. Но это значило бы, что раннія книги были выпущены въ свѣтъ самимъ авторомъ, — если мы не объяснимъ словъ Кратиппа въ томъ смыслѣ, будто Фукидидъ замѣтилъ такую значительную перемену въ аттическомъ краснорѣчии послѣ появленія Лизія, что почувствовалъ, какъ уже устарѣло все, имъ раньше написанное. Съ другой стороны, Ксенофонтъ вставляетъ въ первыя двѣ книги *Ellenica*, — заведомаго продолженія труда Фукидида, нѣсколько рѣчей, ясно доказывающихъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, не считалъ восьмую книгу результатомъ преднамѣреннаго измѣненія слога автора. Позднѣйшія книги *Ellenica*, написанныя годъ спустя, не заключаютъ въ себѣ никакихъ рѣчей, такъ что кажется, будто въ самомъ дѣлѣ произошло измѣненіе въ модѣ, но только не во времена Фукидида.

Въ восьмой книгѣ встрѣчается, кромѣ того, много своеобразнаго, много словъ, не попадающихся нигдѣ во всемъ трудѣ, по свойственнымъ Ксенофонтъ; въ ней преобладаютъ также выраженія собственныхъ взглядовъ автора; послѣдняго обстоятельства было достаточно, чтобы дать древнимъ критикамъ поводъ считать книгу подложною, и оно навело нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ ученыхъ на мысль, что издатель, по всему вѣроятію Ксенофонтъ, до нѣкоторой степени содѣйствовалъ присвоенію книгѣ ея настоящей формы. Большую часть своеобразныхъ фразъ читатель найдетъ въ приложеніи къ пятому тому Мюра. Съ своей стороны я указалъ бы на рѣзкое сужденіе о Гиперболѣ ¹⁵⁵⁾, которое настолько отличается отъ того, что нашъ историкъ говоритъ даже о Клеонѣ, и настолько ложно и сбивчиво въ историческомъ отношеніи, если вспомнить настоящія обстоятельства, сопровождавшія ostracismъ Гипербола по разсказу Плутарха, что удивительно, какъ Гротъ могъ привести эту цитату въ подстрочномъ примѣчаніи ¹⁵⁶⁾, не замѣтивъ, что она или разрушитъ его собственную теорію объ ostracismѣ, либо набросить тѣнь сомнѣнія на непогрѣшимость его авторитета. Точно также и напыщенное восхваленіе аѳинскихъ Пяти тысячъ ¹⁵⁷⁾ отличается, по моему, слишкомъ личнымъ характеромъ и черезчуръ опредѣленно выражено для нашего историка.

Новѣйшій разборъ этого вопроса мы находимъ въ введеніи Классена къ восьмой книгѣ, гдѣ онъ признаетъ, конечно, ту теорію,

¹⁵⁵⁾ Гл. 73: καὶ Ὑπερβολὸν τέ τινα τῶν Ἀθηναίων, μοχθηρὸν ἄνθρωπον, ὠστρακισμένον οὐ διὰ δυνάμεως καὶ ἀξιώματος φόβον, ἀλλὰ διὰ πονηρίαν καὶ αἰσχύνην τῆς πόλεως, ἀποκτείνουσι μετὰ Харμίνου (стратегъ).

¹⁵⁶⁾ VII, 145.

¹⁵⁷⁾ Гл. 97.

которая всего выгоднѣе для Фукидида и наиболѣе возвеличиваетъ достоинство сочиненія, изучавшагося критикомъ въ теченіе столѣтій дѣтъ его жизни. Онъ указываетъ на своеобразную рецензію текста этой книги въ ватиканской рукописи В, въ которой проглядываетъ рано-установившееся сознаніе, что книга эта не была окончательно пересмотрѣна авторомъ. Рецензію эту Классенъ относитъ не ранѣе, чѣмъ ко времени какого нибудь александрійскаго грамматика, хотя и признаетъ вмѣстѣ съ Беккеромъ, что она приближается къ тому, что сдѣлалъ бы самъ Фукидидъ, еслибъ его трудъ не былъ прерванъ смертію. Заключение это довольно основательно, но, когда Классенъ (стр. X и слѣд.) утверждаетъ, что историкъ преднамѣренно выпускалъ рѣчи изъ этой и изъ большей части пятой книги (которая, мимоходомъ сказать, обнаруживаетъ тѣже признаки отсутствія окончательнаго пересмотра), то этимъ онъ не убѣдитъ ни одного безпристрастнаго человѣка. Можно говорить, что угодно, о томъ, что политическія волненія были слишкомъ мимолетны и сложны, чтобы дать возможность высказать опредѣленные мнѣнія о нихъ, но нигдѣ во всемъ сочиненіи не найдемъ мы лучшаго случая для произнесенія пространнаго воззванія, какъ именно въ ту минуту, когда рѣчь идетъ о потрясающихъ событіяхъ на Самосѣ (гл. 76), гдѣ флотъ превратился *de facto* въ аѣнскую демократію. Классенъ полагаетъ, что Фукидидъ вставлялъ рѣчи лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ дѣйствительно произносились. Я не допускаю, чтобы Фукидида сдерживали подобныя соображенія, но, даже ставъ на эту точку зрѣнія, неужели Классенъ воображаетъ, что аѣнскія и самосскія событія совершились, не вызывая на каждомъ собраніи энергическихъ и мѣткихъ рѣчей? Для подобной непроизводительной и субъективной критики открывается, конечно, безпредѣльный просторъ.¹⁵⁸⁾

§ 374. Остается теперь сдѣлать сводъ всѣхъ подробностей и произнести общую оцѣнку таланта и личнаго характера великаго историка. Какими бы недостатками слога, какимъ бы зависящимъ отъ прихоти моды способомъ воплощенія мыслей онъ ни былъ обязанъ своему софистическому воспитанію и желанію проявлять глубину и проницательность взглядовъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что подъ руками Фукидида искусство историческаго бытописанія сдѣлало громаднѣйшій шагъ впередъ и достигло такого совершенства, до котораго не доходилъ ни одинъ изъ послѣдующихъ эллинскихъ писателей, — и до котораго вознеслись лишь весьма немногіе изъ новѣйшихъ историковъ. Если избранный имъ сюжетъ

158) Ср. другую остроумную попытку Цвиглинскаго въ *Herms*, XII, стр. 23—87.

дѣйствительно былъ весьма узокъ, а многія изъ приводимыхъ имъ подробностей крайне ничтожны, то выполненіе задачи представляло, тѣмъ не менѣе, громадныя трудности, такъ какъ писать современную исторію всегда не легко, а тѣмъ болѣе въ такой вѣкъ, когда изданные документы составляли рѣдкость и искусство книгопечатанія не было извѣстно. Къ тому же, какъ ни мелки подробности ничтожныхъ военныхъ набѣговъ, обзорѣніе которыхъ было однако же нужно для полноты лѣтописи, мы не можемъ не подивиться тому высокому чувству достоинства, съ которымъ Фукидидъ относился къ каждой части своей задачи. Во всей книгѣ нѣтъ ни одной комической черты, ни одного сатирическаго намека или вульгарнаго слова; мы все время находимся лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, который поражаетъ насъ своимъ страннымъ, не аттическимъ, суровымъ и торжественнымъ характеромъ.

Эта высота характера еще сильнѣе, быть можетъ, сказалась въ сдержанности Фукидида относительно тѣхъ сторонъ жизни, которыя возбуждали тогда интересъ и наполняли мысли большинства людей. Мы врядъ ли можемъ повѣрить, чтобы онъ презиралъ блестящую художественную и литературную жизнь Аѣинъ, столь дорогую его идеальному герою, Периклу; тѣмъ не менѣе, какъ уже сказано выше, онъ не сдѣлалъ ни одного отступленія, развѣ въ видѣ мимолетнаго замѣчанія, для изображенія этой жизни, или для описки тѣхъ великихъ, соперничествовавшихъ умовъ, которые очаровывали аѣинскую публику того времени. Было бы весьма кстати, говоря объ энергіи и эластичности духа, впечатлительности Аѣинянъ и способности ихъ не унывать, которыми они поражали даже враговъ, указать на то, что во все время непріятельскаго нашествія на страну, долгаго томленія осады и болѣзней, не только Софокль, Еврипидъ и многіе изъ соперниковъ ихъ, трагическихъ поэтовъ, продолжали приковывать къ себѣ вниманіе и интересъ аттической публики, но что даже шутовской и безцеремонный фарсъ старой комедіи находилъ въ войнѣ и прочихъ бѣдствіяхъ народа сюжеты для смѣха и каррикатуры, находилъ и публику, готовую наслаждаться этими изображеніями и приходить отъ нихъ въ восторгъ. Все это служило бы только подкрѣпленіемъ доводовъ Фукидида; тѣмъ не менѣе онъ упоминаетъ объ этой сторонѣ аѣинской жизни лишь вскользь и то устами Перикла, навѣрно совершенно иначе относившагося къ столь сложному и богатому содержанію вопросу.

§ 375. Еще яснѣе и очевиднѣе проявляется его презрѣніе къ общественнымъ сплетнямъ и скандаламъ, которые окутывали двухъ наиболѣе выдающихся Аѣинянъ того времени, Перикла и Алкивиада, какимъ-то анекдотическимъ туманомъ. Древнѣйшіе

комики были аристократами и консерваторами (отголоски этого замѣчаются у Плутарха и Аеенея) и неустанно нападали на Перикла, на его политическую и частную жизнь. Нападки на Алкивиада, повидимому или раздражавшаго комическихъ поэтовъ, или льстившаго имъ, дошли до насъ въ формѣ рѣчей, заключающихъ въ себѣ умышленно неприглядное описаніе его частной жизни, подтверждаемое однако намеками Фукидида и другихъ вѣскихъ авторитетовъ. Позднѣйшіе аристократическіе мыслители также относились враждебно къ перикловой политикѣ, и мнѣ кажется, что Фукидидъ, принимаясь за свой историческій трудъ, имѣлъ, между прочимъ, въ виду защитить отъ этихъ нападковъ того государственнаго человѣка, котораго онъ считалъ идеальнымъ вождемъ Аѣины. Но относительно отдѣльныхъ скандальныхъ слуховъ, распространявшихся о жизни Перикла, роли Аспазіи, ереси Дамона и Анаксагора и преслѣдованій, которымъ они подвергались, какъ приверженцы Перикла, — относительно всего этого Фукидидъ хранить презрительное, быть можетъ, даже негодующее молчаніе. Дѣйствительно, по отношенію къ женщинамъ Фукидидъ какъ бы выразилъ всѣ свои взгляды въ одной фразѣ въ концѣ перикловой рѣчи, гдѣ онъ находитъ, «что лучшая изъ женщинъ та, о которой мужчины всего менѣе говорятъ, въ добромъ ли или худомъ смыслѣ». Не лишено вѣроятности, что сознательный антагонизмъ противъ Геродота довель Фукидида до ошибочной сдержанности въ этомъ отношеніи, и мы не можемъ не винить его въ ложномъ чувствѣ собственнаго достоинства, когда онъ заставляетъ насъ догадываться изъ позднѣйшей эпиграммы Агаѣи, что присяжные того же аѣинскаго собранія, которое приговорило къ смерти все населеніе Митилены, принудили Паха къ самоубійству за оскорбленіе чести двухъ женщинъ, приговоренныхъ тѣмъ же декретомъ къ рабству. Онъ не имѣетъ, правда, обыкновенія распространяться о смерти кого либо изъ вліятельныхъ людей, если они не пали на полѣ сраженія, но, какъ безпристрастный наблюдатель, ненавидѣвшій демократію и часто сообщавшій факты, неблагоприятные для нея, онъ былъ обязанъ указать на это проявленіе справедливаго и честнаго чувства¹³⁹). Принято прославлять Фукидида за поразительное безпристрастіе въ изложеніи сообщаемыхъ имъ фактовъ; но далеко не такъ вѣрно, чтобы онъ былъ строго безпристрастенъ и въ своемъ умолчаніи. Вопросъ этотъ весьма остроумно былъ разобранъ Мюллеръ-Штрюбингомъ въ его сочиненіи объ Аристофанѣ, и мнѣ кажется, что у

¹³⁹) Я долженъ сознаться, что съ той поры Бюри заставилъ меня смотрѣть на весь рассказъ Агаѣи, какъ на позднѣйшій вымыселъ.

него составилъ настоящий обвинительный актъ противъ историка ¹⁶⁰). § 376. Рядомъ съ этою, полной достоинства, сдержанностью Фукидида по отношенію къ общественнымъ вопросамъ и политическимъ скандаламъ, мы замѣчаемъ въ немъ пренебреженіе къ религіознымъ вопросамъ, выражающееся въ презрительныхъ намекахъ на изреченія оракуловъ и на другія проявленія божественнаго промысла. Это можно объяснить чисто современнымъ характеромъ его исторіи, которымъ она отличается не только отъ исторіи Геродота, но и отъ позднѣйшихъ трудовъ Ксенофонта и другихъ писателей, снова вернувшихся къ религіозному настроенію. Въѣтъ и общество, среди которыхъ развился Фукидидъ, были, по всему вѣроятію, наиболѣе скептическими во всей греческой исторіи; эпоха эта напоминаетъ настроеніе конца восемнадцатаго столѣтія во Франціи, отъ котораго въ послѣдствіи отшатнулось общество, вернувшееся къ болѣе естественному отношенію къ вѣрѣ, или искренно раздѣляя съ народомъ его религію, или примиряясь съ нею. Но Фукидидъ допускаетъ религію лишь тамъ, гдѣ страхъ или надежды, ею возбуждаемыя, становятся пружинами человѣческихъ дѣйствій; въ его исторіи нѣтъ и слѣда положительной вѣры, никакого намека на какую либо силу, руководящую міромъ, кромѣ человѣческаго разума. Обращенія къ божественной помощи онъ считаетъ свойственными лишь слабой сторонѣ, не имѣющими за собой никакого солиднаго оправданія; ихъ презрительно отвергаютъ, какъ нѣчто праздное, тѣ, кто считаетъ мотивы самосохраненія и личнаго интереса истинными руководящими принципами общества. Фукидидъ часто употребляетъ выраженіе *ἀρετή*, повидимому, для обозначенія извѣстнаго нравственнаго качества въ людяхъ или, по крайней мѣрѣ того, великодушія и безкорыстія ¹⁶¹), которые пользуются доброю славою въ обществѣ; а иногда (какъ мнѣ кажется) и самой этой доброй славы. Но, когда онъ примѣняетъ это выраженіе къ сознательному политическому убійцѣ, Антифону, мы чувствуемъ, что онъ навѣрно понималъ это слово въ иномъ значеніи, совер-

¹⁶⁰) Отвага этого писателя, который увѣряетъ, что усвоилъ себѣ политическое сознаніе, благодаря долгому пребыванію въ Англіи, но во всемъ остальномъ отличается далеко не англійскими свойствами, вызвала со стороны Классена въ его введеніи въ комментаріямъ пятой книги Фукидида рѣзкое возраженіе. Но всякое нападеніе на Фукидида кажется Классену такимъ тяжкимъ преступленіемъ, что самый вѣскій аргументъ въ этомъ случаѣ не могъ бы имѣть на него никакого вліянія. Однако его возраженіе, хотя и кратко, весьма цѣнно и, конечно, разрушаетъ или хотя колеблетъ нѣкоторыя изъ наиболѣе смѣлыхъ заявленій Штрибинга.

¹⁶¹) Ср. у Классена списокъ отрывковъ, I, стр. LXVII.

шенно отличномъ отъ его позднѣйшаго смысла, и что оно должно быть примѣняемо къ умственному свойству и означаетъ вообще ловкость или приобрѣтенную репутацію. Конечно, ни одинъ человѣкъ не могъ никогда изгнать изъ своей рѣчи или своихъ мыслей понятіе о добрѣ и злѣ, и съ словомъ ἀρετή¹⁶² случилось, быть можетъ, тоже самое, что и съ выраженіями εὐδοκία и κακία, которыя, какъ утверждаетъ Гротъ, имѣли сначала одно только политическое значеніе, въ то время, какъ именно нравственный ихъ смыслъ былъ истиннымъ основаніемъ ихъ примѣненія къ политикѣ. Какъ бы то ни было, болѣе чѣмъ правдоподобно, что вмѣстѣ съ вѣрою въ сущность религіи его эпохи, въ наказанія и награды свыше, Ѳукидидъ отрѣшился и отъ вѣры въ дѣйствительное значеніе нравственнаго совершенства, и что онъ нарочно ссылался на судьбу Никіа, какъ на доказательство, что всѣ качества ничего не значатъ, когда отсутствуетъ въ человѣкѣ энергія и дѣловыя способности. Отсюда проистекаетъ та ясность, съ которою онъ анализируетъ мотивы дѣйствій и объясняетъ политику исключительно соображеніями эгоизма и расчета на матеріальную выгоду. Классену, его новѣйшему комментатору, было предназначено открыть въ Ѳукидидѣ явную бездну скрытой набожности и добродѣтели, благодаря которой онъ выставлялъ на показъ печальныя послѣдствія страстей и эгоизма и изображалъ роковыя результаты невѣрія и пренебреженія къ богамъ. Было бы бесполезно спорить съ человѣкомъ, который, послѣ долгихъ и тщательныхъ изслѣдованій, а, быть можетъ, именно благодаря имъ, усвоилъ себѣ подобные взгляды. Но обстоятельство это служить новымъ подтвержденіемъ того малого развитія такта и отсутствія способности оцѣнивать явленія, которыя отличаютъ Нѣмцевъ не менѣе, чѣмъ трудолюбие и энтузіазмъ. Я надѣюсь, что, отвергая это неумѣренное прославленіе любимого Классеномъ автора, я не умалилъ великихъ и истинныхъ заслугъ историка, болѣе познакомившаго насъ съ политическою жизнью Грековъ, чѣмъ всѣ остальные греческіе писатели вмѣстѣ взятые. По мѣткости наблюдений, силѣ и широтѣ ума, безпристрастію сужденій и благородству слога нѣтъ историка выше Ѳукидида.

§ 377. Что касается достовѣрности его сообщеній, то ее до такой степени постоянно превозносятъ, что пора наконецъ указать, насколько сообщаемыя имъ данныя должны приниматься за абсолютную истину. Мнѣ кажется, что относительно современныхъ ему событій

¹⁶² Свидѣ прямо указываетъ на то, что Ѳукидидъ и Андокидъ употребляли слово ἀρετή въ смыслъ εὐδοκία, и это кажется мнѣ во многихъ мѣстахъ вѣрнымъ относительно обоихъ авторовъ.

мы можем считать его авторитетъ весьма вѣскимъ, и въ этомъ отношеніи его не учили еще ни въ одной неточности. Открытіе, три года тому назадъ, первоначальнаго текста договора, который онъ воспроизводитъ въ V, 47, доказало, правда, что наши рукописи значительно расходятся съ подлинными словами оригинала. Я согласенъ съ Классеномъ, что эти варианты возникли, по всему вѣроятію, вслѣдствіе первоначально неаккуратнаго списыванія документа, и не раздѣляю мнѣнія Кирхгофа, будто они доказываютъ значительное искаженіе нашихъ текстовъ. Но для насъ всего важнѣе, что варианты эти, хотя они и многочисленны (ихъ всего 31), за то весьма ничтожны и ни въ одномъ случаѣ не измѣняютъ смысла текста. Таковъ результатъ, добытый Кирхгофомъ послѣ тщательнаго обсужденія вопроса въ двѣнадцатомъ томѣ *Hermsa* ¹⁶³⁾. И такъ до сихъ поръ репутація Фукидида остается незатронутою. Но, когда онъ вдается въ археологію, дѣло принимаетъ совершенно иной оборотъ. Почитатели его не отваживались, правда, установить на основаніи его авторитета подлинность троянской войны, но всѣ они предполагаютъ, что его сицилійская исторія такъ же точна, какъ и его описаніе современной ему войны, хотя событія и происходили за триста лѣтъ назадъ, «даже за триста лѣтъ до появленія тамъ Грековъ». Лишь въ недавнее время были рассмотрѣны источники, которыми онъ пользовался для этой древней части своего труда, и оказалось, что онъ списывалъ у Діонисія Сиракузскаго, одного изъ *δορυτοίς* въ родѣ предшественниковъ Геродота. Такимъ образомъ въ этой части его исторіи Фукидидъ не болѣе авторитетенъ, чѣмъ самъ Діонисій, и все это преданіе требуетъ тщательной провѣрки. Но это однако слишкомъ отвлекло бы меня отъ моего предмета, и я укажу читателю на второе приложеніе къ первому тому настоящаго труда, гдѣ я разсматривалъ вопросъ въ связи съ свѣдѣніями по западной географіи, обнаруженными въ Одиссѣѣ Гомера.

§ 378. Переходя къ изученію внѣшней исторіи текста, мы увидимъ, что хотя ни одинъ изъ писателей слѣдующаго за Фукидидомъ

¹⁶³⁾ Кирхгофъ не раздѣляетъ этого мнѣнія. Онъ ни одну минуту не вѣрилъ, чтобы такой человѣкъ, какъ Фукидидъ, могъ сдѣлать «неряшливый» списокъ съ документа, или включить его въ свой трудъ. Мнѣ кажется, что въ этомъ-то и заключается разница между самыми точными изъ древнихъ историковъ и новѣйшими. По моему мнѣнію, Фукидидъ, чьи рѣчи бесспорно сильно уклоняются отъ цѣли и весьма неопредѣленно передавали то, что дѣйствительно говорили различные ораторы, навѣрно нисколько не безпозволился относительно мелкихъ подробностей въ копіи документа, и мнѣ кажется, что мы должны быть благодарны за то, что самъ онъ или лицо, доставившее ему свѣдѣнія, были еще настолько аккуратны.

поколѣнія не упоминаетъ о немъ, онъ сразу достигъ, вѣроятно, громкой извѣстности, такъ какъ нѣсколько историковъ, Ксенофонтъ, Кратиппъ и Теопомпъ, принялись продолжать, или дополнять его трудъ, не отваживаясь переработывать рассказъ объ эпохѣ, написанный рукою мастера. Позднѣйшіе энциклопедисты греческой исторіи ссылаются на Фукидида, какъ на свой лучший авторитетъ. Въ римскую пору въ очевидныхъ подражаніяхъ Саллюстія, въ похвалахъ Цицерона и Квинтилиана, мы ясно видимъ, что они восторгались Фукидидомъ и огорчались встрѣчающимися у него неясностями, совершенно такъ же какъ и мы ¹⁶⁴). Но александрійскіе критики провозгласили его трудъ высшимъ образцомъ древнѣйшаго аттическаго діалекта и въ изобиліи комментировали его. Точно также обратили на него вниманіе и римскія риторическія школы, и мы уже неоднократно указывали на сужденія Діонисія Галикарнасскаго, чьи замѣчанія относительно нашего автора отличаются мѣткостью, часто весьма вѣрны, хотя онъ и судить съ риторической точки зрѣнія и не можетъ, слѣдовательно, понять вышихъ заслугъ Фукидида, какъ перваго философа въ области историографіи.

§ 379. Библіографія. Собраніе схолій къ Фукидиду, которыми мы располагаемъ и которыя, въ противоположность схоліямъ къ Геродоту, отличаются часто большою полнотою, заимствованы, по видимому, изъ различныхъ комментариевъ (ἐξηγήσεις) Асклепія, Антилла, Эвагора, Фебаммона, Сабина, и Дидима; время ихъ происхожденія болѣею частью неизвѣстно, но нѣкоторыя изъ нихъ отличаются большою древностью и цѣнностью. Мы имѣемъ изъ этихъ схолій извлеченія различнаго достоинства, часто противорѣчащія другъ другу, такъ что изученіе ихъ представляетъ немало трудностей. Найти ихъ можно въ большинствѣ рукописей, весьма многочисленныхъ, достоинство которыхъ, однако, далеко не удостовѣрено. Поппо, Беккеръ и Арнольдъ расходятся въ своихъ мнѣніяхъ объ ихъ относительномъ значеніи. Къ тому же, сличеніе рукописей все еще, кажется, не вполне окончено, и мы можемъ ждать новыхъ результатовъ отъ критическаго приложенія къ изданію Классена, которое будетъ настоящимъ завершеніемъ этого труда. Гаазе (въ изданіи Didot, 1842 года) говорить, что списокъ двѣнадцатаго столѣтія съ хорошими схоліями былъ приобрѣтенъ кѣмъ-то въ то время въ Парижѣ, но слишкомъ поздно для его изданія. Лично я видѣлъ въ Монте-Кассино прекрасную и древнюю рукопись, не упоминаемую, на сколько мнѣ извѣстно, ни въ одномъ изъ нашихъ изданій. По моему мнѣнію, лавренціанскій кодексъ (69, 2) принад-

¹⁶⁴) Плутархъ, De gloria Ath., даетъ полную и пространную оцѣнку его заслугъ.

лежить къ числу самыхъ раннихъ сборниковъ; лучшимъ же долженъ считаться ватиканскій (В). Утраченный въ настоящее время «*Italus*» (А Беккера), кассельская рукопись, аугсбургская (*Augustanus*) нынѣ находящаяся въ Мюнхенѣ, и кларендонская въ Кембриджѣ — всё относится приблизительно къ двѣнадцатому столѣтію и имѣютъ значеніе для рецензій текста. Ватиканская рукопись (В) въ особенности замѣчательна своей рецензіею восьмой книги, гдѣ она постоянно расходится съ прочими списками; но обязаны ли мы этими вариантами раннимъ и остроумнымъ поправкамъ или тексту первоначально болѣе чистому, опредѣлить трудно. Классенъ и вообще нѣмецкіе критики придерживаются перваго мнѣнія. Благодаря этому Шене все еще предлагаетъ считать лавренціанскую рукопись (С) основою текста; Классенъ предпочитаетъ ватиканскую рецензію.

Изданія сочиненій Фукидида весьма многочисленны. *Editio princeps* принадлежитъ Альду (1502 г.); есть еще изданіе Джунто съ схоліями (1526), но онѣ были уже напечатаны Альдомъ вмѣстѣ съ сочиненіями Ксенофонта въ 1503 году. Изданіе Стефана (1564 года, часто перепечатаваемое) помѣщаетъ схоліи вокругъ текста и заключаетъ въ себѣ ранній переводъ Валлы. Фоліантъ Гудсона 1696 года (Оксфордъ) представляетъ собой роскошную книгу. Кромѣ того мы имѣемъ еще изданія Дукера, Поппо, Гэллера, Гаака, а въ наше время Беккера, Арнольда, Гаазе (*Didot*) и Шталя (Таухницъ, 1874 года). Новѣйшій комментарий принадлежитъ Классену; трудъ этотъ отличается добросовѣстностью и ученостью, но сильно нуждается въ указателѣ и въ критическомъ предисловіи къ рукописямъ и древнѣйшимъ изданіямъ. Примѣчанія большей частью касаются грамматики. Биггъ и Симкоксъ помѣстили въ *Catena Classica* четыре книги. Знакомиться съ схоліями всего удобнѣе въ изданіи Дидо.

Весьма любопытный предметъ изученія представляютъ собою переводы трудовъ Фукидида. Самый ранній латинскій переводъ, исправленный Портусомъ въ 1594 г., принадлежитъ Валлѣ (1485 г.); за нимъ слѣдуютъ переводы Саа (Флоренція, 1564 г.) и барона Ноженекъа (1614). Мы имѣемъ два весьма раннихъ перевода на англійскомъ языкѣ; одинъ принадлежитъ Никкольсу, «лондонскому гражданину и золотыхъ дѣлъ мастеру», и относится къ четвертому году царствованія Эдуарда VI (1550; въ немъ упоминается о еще болѣе старинномъ французскомъ изданіи Клода де Сейселля, архіепископа туринскаго), и еще переводъ Томаса Гоббса, сдѣланный около 1670 г. Съ той поры вышли переводы Смита (1753 г.), Блумфильда (1829), Дэля (изд. Бона, 1848, весьма хорошая книга), Кроулея (1874), и переводъ однѣхъ рѣчей Уильямса. Есть итальянскіе переводы Челларіо (Верона, 1735) и Строщи (Венеція,

1735); послѣдній, какъ и можно ожидать отъ Венеціанца того времени, назвалъ свой трудъ «войною жителей Морей съ Аѳинянами». Я не упоминаю здѣсь еще о многихъ другихъ полныхъ и частныхъ переводахъ. Словарь къ Ѳукидиду (Лондонъ, 1824) имѣетъ, по моему, мало значенія ¹⁶³), но словарь Bétant (Женева, 1843—57) довольно полонъ.

§ 380. Мнѣ кажется, умѣстнымъ завершить обзоръ блестящей эпохи аттической литературы, такъ долго занимавшей насъ, двумя, весьма противоположными и характерными именами; одно принадлежитъ человѣку, въ которомъ слились почти все литературныя направленія вѣка, но который былъ слишкомъ честолюбивъ и энергиченъ для того, чтобы удовлетвориться подобною славой, — и жилъ, и умеръ, вслѣдствіе этого, среди бурныхъ волненій политическихъ партій; я говорю о пресловутомъ Критіѣ. Второй, Андокидъ, былъ, повидимому, вовлеченъ въ общественныя дѣла совершенно иною причиной, нѣкоторой слабостью и шаткостью характера, которыя не давали ему возможности удовлетвориться преимуществами стариннаго имени и хорошаго состоянія, но увлекали его во всевозможныя затрудненія и скитанія и доставили ему наконецъ дурную славу ненадежнаго друга, превращающагося подъ давленіемъ обстоятельствъ въ предателя своей партіи. Но, съ другой стороны, онъ являлъ собою результатъ аттической культуры, такъ какъ ему удалось, при данныхъ условіяхъ, занять мѣсто среди аттическихъ Десяти, извѣстныхъ образцовымъ логическимъ краснорѣчіемъ, — и хотя онъ считался, подобно Критію, дилеттантомъ среди истинныхъ ораторовъ, былъ однако среди любителей первокласснымъ специалистомъ въ своемъ дѣлѣ. Жизнь Критія окончилась въ эпоху вторичнаго возстановленія демократіи, точно также, какъ жизнь Антифона завершилась во время ея первой реставраціи, но, какъ подобало болѣе пылкому характеру Критія, онъ палъ въ бою, а не жертвою судебнаго приговора. Андокидъ, чья дѣятельность и краснорѣчіе относятся къ тому же періоду, влачилъ безславное существованіе и послѣ реставраціи. Но онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ считаться связующимъ звеномъ между старой эрою и новой. Онъ не былъ, подобно Ѳразимену, звеномъ, ведущимъ отъ Антифона къ Лизію, а, скорѣе, слабымъ отголоскомъ антифоновой школы, измѣнившейся, благодаря тѣмъ вопросамъ, которыхъ онъ касался, быть можетъ также, именно вслѣдствіе этихъ вопросовъ

(163) Обзоръ литературы о Ѳукидидѣ влѣзъ въ 1877 года, предположенный въ Jahresbericht Бурсіана и принадлежащій Ар. Шене, долгое время откладывался, и по сию пору я еще не имѣю его.

онъ утратилъ сходство съ Антифономъ и сталъ интересенъ для насъ, лишь какъ самый ранній (наряду съ Фукидидомъ) образецъ умѣнья систематически обсуждать предметъ въ противоположность судебному слогу аттического краснорѣчія.

Но соберемъ сперва факты, извѣстные намъ относительно жизни Андокида. Въ этомъ случаѣ у насъ нѣтъ недостатка въ полныхъ свѣдѣніяхъ, по крайней мѣрѣ о важныхъ минутахъ его карьеры; но, къ сожалѣнію, свѣдѣнія эти лишены достовѣрности, благодаря тому, что они почерпаются нами или изъ желчныхъ нападокъ, хранившихся въ рѣчахъ Лизія, или изъ страстной самозащиты нашего оратора. Въ обоихъ случаяхъ мы и теперь еще можемъ подмѣтить неточности и преувеличенія, такъ что трудно сказать не столь-ли сбивчиво и неопредѣленно все остальное. Такъ, напримѣръ, Фукидидъ не утверждаетъ многого, что Андокидъ считаетъ вполне доказаннымъ. Нижеслѣдующій біографическій очеркъ былъ, следовательно, скомпилированъ новѣйшими историками на основаніи нѣсколькихъ противорѣчивыхъ показаній живыхъ или хотя, по крайней мѣрѣ, предубѣжденныхъ свидѣтелей.

§ 381. Андокидъ былъ аристократомъ древняго рода, происходившаго, какъ утверждаетъ генеалогія Гелланика, отъ бога Гермеса чрезъ Одиссея и принадлежавшаго къ видаоенейской общинѣ и къ племени Пандіоніискому. Ораторъ самъ утверждаетъ, что его прадѣдъ Леогоръ предводительствовалъ нападеніемъ на Пизистратидовъ, — показаніе, которое намъ очень трудно провѣрить. Сынь этого человѣка, старшій Андокидъ, исправлялъ вмѣстѣ съ Перикломъ и Софокломъ въ войнѣ противъ Самоса должность стратега, дѣйствовалъ также противъ Коркиры и участвовалъ въ переговорахъ о заключеніи тридцатилѣтняго мира, предшествовавшихъ занимающей насъ эпохѣ. Эти факты подтверждаются Фукидидомъ¹⁶⁶). Старшій Андокидъ имѣлъ сына Леогора (младшаго), извѣстнаго своею роскошной и гостепріимной жизнью. Отъ него родились нашъ ораторъ и дочь, вышедшая замужъ за Каллія, сына Телекла. Этимъ до извѣстной степени оправдывается хвастливое показаніе оратора, что его семья славилась и въ военное, и въ мирное время и пользовалась въ Аѣнахъ извѣстностью и почетомъ. Въ псевдо-лизіевыхъ нападкахъ на него, представляющихъ какъ кажется, подлинную рѣчь, произнесенную въ 399 году до Р. Х., сказано, что хотя ему было уже съ небольшимъ сорокъ лѣтъ, онъ не участвовалъ еще ни въ какой общественной или государственной службѣ. Это заявленіе, приписывая ему характеръ, который

онъ могъ унаслѣдовать скорѣе отъ отца, чѣмъ отъ болѣе отдаленныхъ предковъ, противорѣчить датѣ его рожденія (467 годъ до Р. X.), сообщенной въ греческомъ Жизнеописаніи (компиляціи самаго ненадежнаго свойства) и смѣшиваетъ, по всему вѣроятію, старшаго и младшаго Андокида. Ораторъ родился, скорѣе, около 440 года до Р. X. Намъ ничего неизвѣстно о его воспитаніи, но трудно повѣрить, чтобы онъ ничѣмъ не позаимствовался у Антифона, главы софистовъ этого времени, который былъ извѣстенъ, къ тому же, своими аристократическими симпатіями. Примкнувъ къ политическому клубу Евфилета, онъ былъ замѣшанъ въ дѣло о Гермахъ и вовлеченъ въ бездну затрудненій, длившихся въ продолженіе почти всей его жизни. Подробности этого дѣла относятся скорѣе къ области греческой исторіи, чѣмъ къ сферѣ литературы. Достоверно, что послѣ того, какъ давали показанія многія второстепенныя личности, рабы и метэки, нѣкій Діоклидъ свидѣтельствовалъ противъ семьи и друзей Андокида, которые были брошены въ тюрьму и подвергались опасности немедленной казни. При этихъ обстоятельствахъ Андокидъ, побуждаемый родными и получивъ обѣщаніе полного прощенія, далъ такія показанія, которыя удовлетворили публику и возвратили обществу спокойствіе ¹⁶⁷⁾. Наши свѣдѣнія весьма разнообразны относительно объема этихъ показаній и степени ихъ надежности. Противники Андокида утверждаютъ, будто онъ оговорилъ своего собственнаго отца и себя самаго. Ораторъ свидѣтельствуешь, что это ложно, и что онъ присоединилъ всего только четыре имени къ тѣмъ, которыя были уже извѣстны, и которыя онъ ясно обозначаетъ. Онъ признается, что зналъ о заговорѣ, но говорить, что препятствовалъ ему, и этимъ объясняетъ неприкосновенность статуи, стоявшей передъ его собственною дверью, и которую, по увѣренію, данному Евфилетомъ заговорщикамъ, долженъ былъ уничтожить самъ Андокидъ, между тѣмъ, какъ онъ лежалъ въ то время въ постели съ переломленною ключицею, неспособный пошевелиться, и съ самаго начала относился враждебно въ заговору. По показаніямъ Фукидида ¹⁶⁸⁾, истина никогда не была открыта, но, какъ замѣчаютъ многіе комментаторы, онъ писалъ это прежде, чѣмъ могъ ознакомиться съ рѣчами Андокида и, такимъ образомъ, зналъ меньше объ этомъ дѣлѣ, чѣмъ мы. Понятно, что признанія Андокида сдѣлали его ненавистнымъ его товарищамъ и, немедленно, декретомъ Исотимида, входъ въ агору и храмы былъ запрещенъ всѣмъ, кто совершилъ святотатство, хотя бы эти люди и были освобождены отъ наказанія по дѣлу о Гермахъ.

¹⁶⁷⁾ См. нижеприведенную цитату.

¹⁶⁸⁾ VI, 60.

Ясно, что лишь только стали выдаваться значительныя награды за показанія по этому дѣлу, какъ возникла совершенно особая отрасль доносовъ о нарушеніи элевзинскихъ таинствъ; въ это замѣшали Алкивіада, послѣ того какъ его врагамъ не удалось никакими средствами обвинить его въ изуродованіи Гермъ. Оба обвиненія были въ этихъ видахъ предумышленно слиты воедино, и человѣка, избавившагося отъ одного изъ нихъ, немедленно обвиняли въ другомъ. Такъ напримѣръ, Андокидъ, сознавшійся только въ томъ, что имѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія о послѣднемъ изъ названныхъ преступленій, былъ сочтенъ своими противниками какъ бы сознавшимся въ виновности относительно перваго дѣла. Это онъ упорно отрицалъ; декретъ Исотимида принудилъ его однако покинуть Аѣины и удалиться за границу, гдѣ онъ и жилъ, занимаясь торговыми предпріятіями. Противники его распространяли гнусные слухи о его приключеніяхъ на Кипрѣ и объ опасностяхъ, которымъ онъ тамъ подвергался. Въ 412 году, до Р. Х. онъ доставилъ аѣинскому войску подъ Самосомъ различные припасы въ надеждѣ заслужить возвращеніе на родину тѣми важными услугами, которыя онъ оказывалъ соотечественникамъ, но, рискнувъ появиться въ Аѣинахъ, былъ схваченъ по распоряженію совѣта Четырехъ-сотъ и избѣгнувъ смерти, лишь благодаря ихъ собственному паденію. Послѣ этого онъ снова вернулся на Кипрѣ, гдѣ былъ, говорятъ, заключенъ въ тюрьму Эвагоромъ, но, отправивъ въ Аѣины суда, нагруженныя хлѣбомъ, онъ рѣшился вернуться туда около 400 года до Р. Х. и произнесъ дошедшую до насъ рѣчь, касающуюся его возвращенія. Не достигнувъ однако цѣли, онъ опять удалился въ ссылку и, по заявленію его обвинителя, посѣтилъ почти всѣ эллинскія страны; самъ онъ сознается, что дружилъ со многими царями и иноземцами и приобрѣлъ, по всему вѣроятію, торговлею, значительное состояніе. Послѣ взятія Аѣинъ Лизандромъ Андокидъ возвратился на родину вмѣстѣ съ другими изгнанниками, около 402 года до Р. Х., и нашелъ все свое отцовское наслѣдіе расхищеннымъ, а домъ свой, занятый по смерти отца демагогомъ Клеофономъ, по всему вѣроятію, пустымъ. Онъ началъ тогда карьеру богатаго гражданина, исполнялъ общественныя должности, о чемъ долгое время свидѣтельствовалъ треножникъ, воздвигнутый въ память побѣды, которую онъ одержалъ съ циклическимъ хоромъ. Но три года спустя онъ подвергся нападкамъ со стороны демагога Кефисія за свое прежнее участіе въ дѣлѣ оскорбленія мистерій. Псевдолизіева рѣчь, произнесенная противъ него, принадлежала, повидимому, одному изъ кефисіевыхъ товарищей—обвинителей, Милету или Эпихару. Поддерживаемый уважаемыми демократами Анитомъ и Кефаломъ, Андокидъ выигралъ дѣло.

Снова появился онъ на политической аренѣ. Рѣчь о мирѣ, если только она подлинная, доказываетъ, что во время коринѣской войны онъ былъ отправленъ въ Спарту съ обширными полномочіями для переговоровъ о мирѣ. Онъ вернулся оттуда съ мирными условіями въ сопровожденіи пословъ отъ Спарты и убѣждалъ народъ принять тѣ условія, которыхъ добился; но все было тщетно. Въ Жизнеописаніи сказано, что онъ былъ снова изгнанъ послѣ своей неудачи (около 391 года до Р. Х.), но весь рассказъ объ этихъ переговорахъ, о которыхъ умалчиваютъ Ксенофонтъ и Діодоръ, весьма сомнителенъ. Блассъ вѣрить въ него на томъ основаніи, что во вступленіи къ рѣчи приводятся слова Филохора, который говоритъ о недавнемъ неудачномъ пріѣздѣ спартанскаго посольства. О смерти или потомствѣ Андокида намъ ничего неизвѣстно. Такимъ образомъ этотъ длинный перечень фактовъ изъ жизни оратора обличаетъ въ немъ аристократа, вращавшагося въ политическихъ кружкахъ и произносившаго рѣчи по поводу общественныхъ или личныхъ дѣлъ, но не писавшаго ихъ для другихъ лицъ и не преподававшего риторику по профессіи.

§ 382. Рѣчи и отрывки, оставшіеся послѣ Андокида, могутъ почти съ достовѣрностью быть приведены въ хронологическій порядокъ и распадаются такъ: 1) Отрывокъ *πρὸς τοὺς ἑταίρους*, до 415 года передъ Р. Х.; почти тождественъ съ нимъ *συμβουλευτικός*, отъ котораго мы имѣемъ два отрывка. 2) Рѣчь на его Возраженіе, называемая иногда *περὶ τῆς ἀδείας*, 409 до Р. Х. 3) Рѣчь о мистеріяхъ, извѣстная также подъ названіемъ *περὶ τῆς ἐνδείξεως* 399 г. до Р. Х. 4) Рѣчь о мирѣ съ Лаккедемонянами, 390 до Р. Х. Рѣчь съ нападками на Алкивіада, хотя и дошедшая до насъ съ именемъ Андокида и произнесенная отъ лица Феака, теперь почти единогласно считается произведеніемъ позднѣйшаго софиста, что видно изъ незнакомства автора съ исторіею и изъ гладкости слога. Врядъ ли нужно разбирать отдѣльно эти рѣчи, такъ какъ онѣ не представляютъ важныхъ образцовъ греческаго краснорѣчія, а шаткая и безсвязная конструція ихъ дѣлаетъ краткое извлеченіе невозможнымъ.

Если мы обратимся къ рѣчи о мистеріяхъ, самой длинной и наиболѣе характерной изъ всѣхъ, мы получимъ возможность составить себѣ вполнѣ точное понятіе о слогѣ Андокида, менѣе оригинальномъ и эффектнымъ въ другихъ рѣчахъ, хотя вообще и однородномъ. Начинается рѣчь съ введенія, повторяющагося въ девятнадцатой рѣчи Лизія, и, повидимому, заимствованнаго обоими ораторами изъ какого нибудь сборника готовыхъ сентенцій, принадлежавшаго болѣе раннему софисту. Но, сравнивъ оба вступленія, мы увидимъ, что Андокидъ вводилъ лично ему принадлежащія подробности, послѣ чего

снова возвращался къ своему образцу, въ то время какъ Лизій пользовался имъ, повидимому, почти безъ измѣненія. Въ текстѣ Бласса (Тейбнеръ, 1871) цитаты изъ введенія напечатаны особымъ шрифтомъ, такъ что читатель легко можетъ прослѣдить употребленіе, сдѣланное изъ него нашимъ ораторомъ. Выразивъ недоумѣніе относительно того, какого образа дѣйствій ему слѣдуетъ придерживаться, Андокидъ приступаетъ къ подробному описанію своего участія въ дѣлѣ о Гермахъ и различныхъ показаній, дававшихся относительно этого событія. Онъ доказываетъ, что его показанія касались только Гермокопидовъ и вовсе не относились до оскорбленія мистерій, въ которомъ онъ теперь обвиняется. Весь рассказъ весьма оживленный, живописный, и полонъ непринужденной прелести, рѣдко встрѣчающейся въ искусственномъ слогѣ греческихъ ораторовъ. Сцена въ тюрьмѣ (§ 48) полна паѳоса и заслуживаетъ особаго вниманія ¹⁶⁹). Андокидъ употребляетъ всѣ усилія для опроверженія тяготѣвшаго надъ нимъ обвиненія, будто онъ сознался въ своей виновности и уличилъ въ чемъ бы то ни было своего отца или родственниковъ, спасенныхъ имъ, напротивъ того, по его словамъ, отъ несправедливаго приговора. Юридическія части его рѣчи, гдѣ онъ обсуждаетъ различные виды ἀτιμία и не только возстановленіе ἀτιμοί, но и возвращеніе изгнанниковъ, менѣе ясны и, очевидно, не такъ интересовали самаго оратора. Но, когда онъ снова возвращается къ собственному дѣлу и нападаетъ на мотивы и личный характеръ своихъ обвинителей, въ особенности Каллія, сына Гиппоника, онъ становится весьма живымъ и мѣткимъ. Блассъ сдѣлалъ очень полный и точный разборъ, какъ этой, такъ и другихъ рѣчей ¹⁷⁰).

§ 383. Критика слога Андокида основана только на формальныхъ и чисто-техническихъ взглядахъ риторовъ и, какъ мнѣ кажется, не воздастъ полной справедливости оратору. Критики называютъ его

¹⁶⁹) ἐπειδὴ δὲ ἐδεδέμεθα πάντες ἐν τῷ αὐτῷ καὶ νῦν τε ἦν καὶ τὸ δεσμοπτήριον συνετέλειστο, ἦχον δὲ τῷ μὲν μητρὶ τῷ δὲ ἀδελφῇ τῷ δὲ γυνὴ καὶ παῖδες, ἦν δὲ βροχὴ καὶ οἶκτος κλαίωντων καὶ δρορομένων τὰ παρόντα κακὰ, λέγει πρὸς με Харμίδης, ὦν μὲν ἀνεψιός, ἡλικιωτής δὲ καὶ συνεκτραφεὶς τῇ οἰκίᾳ τῇ ἡμετέρᾳ ἐκ παιδός, ὅτι Ἀνδοκίδῃ, τῶν μὲν παρόντων κακῶν ὁρᾷς τὸ μέγεθος, ἐγὼ δ' ἐν μὲν παρελθόντι χρόνῳ οὐδὲν ἐδεόμην λέγειν οὐδὲ σε λυπεῖν, νῦν δὲ ἀναγκάζομαι διὰ τὴν παρούσαν συμφορὰν. οἷς γὰρ ἐχρῶ καὶ οἷς συνῆστα ἄνευ ἡμῶν τῶν συγγενῶν, οὗτοι ἐπὶ ταῖς αἰτίαις δι' ἃς ἡμεῖς ἀπολλύμεθα οἱ μὲν αὐτῶν τελευτᾶσιν οἱ δὲ οἰχονται φεύγοντες, σφῶν αὐτῶν καταγόντες ἀδικεῖν.... εἰ ἤκουσας τι τούτου τοῦ πράγματος, εἶπέ, καὶ πρῶτον μὲν σεαυτὸν σώσον, εὐτε δὲ τὸν πατέρα, ὃν εἰκός ἐστί σε μάλιστα φιλεῖν, κ. τ. λ. λέγοντος δὲ ὧ ἄνδρες τοῦ Харμίδου ταῦτα, ἀντιβολούντων δὲ τῶν ἄλλων καὶ ἰκετεύοντος ἑνὸς ἐκάστου, ἐνεβμήθητι πρὸς ἑμαυτὸν ὧ πάντων ἐγὼ δεινότητὴ συμφορὰ περιπεσῶν, πότῃρα περιῶ τοὺς ἑμαυτοῦ συγγενεῖς ἀπολλυμένους ἀδικῶς, κ. τ. λ. ¹⁷⁰) A. B., I, 300 и слѣд.

слогъ простымъ, неприкрашеннымъ, неправильнымъ и лишеннымъ метода и силы. Они подмѣтили, что періоды его нерѣдко принимаютъ ненормальное построение и кончаются безъ связи съ послѣдующимъ; замѣтили у него частыя отступленія и отсутствіе пропорціональности между различными частями его рѣчей, жаловались, что хотя онъ и употреблялъ языкъ повседневной жизни и нерѣдко бывалъ тривиаленъ и комиченъ въ своихъ изображеніяхъ, тѣмъ не менѣе часто прибѣгалъ къ поэтическимъ приемамъ, несогласнымъ съ строгими правилами аттической прозы. Но, если мы вспомнимъ, что рѣчи его были обнародованы не какъ образцы слога, а какъ памфлеты, защищающіе характеръ и политическіе взгляды автора, не бывшаго ни риторомъ, ни софистомъ, а просто образованнымъ аристократомъ, то большинство этихъ обвиненій падеть само собою. Дѣйствительно, Андокидъ болѣе всѣхъ аттическихъ ораторовъ приближается къ нашимъ понятіямъ о публичномъ краснорѣчіи. Мы не увлекаемся слишкомъ строго-опредѣленною или логической рамкой; мы любимъ языкъ обыденной жизни, украшенный, при случаѣ, цвѣтами поэзіи, наслаждаемся отступленіями и личными нападками, какъ чѣмъ-то, придающимъ жизнь и мѣткость политическимъ преніямъ. Къ тому же признано, что благодаря своей драматической привычкѣ вводить въ рѣчь подлинныя слова другихъ ораторовъ, Андокидъ достигалъ поразительной доли *Ποοσα*, въ смыслѣ обрисовки характеровъ, придающаго его разсказу много прелести. Намъ понятно однако, почему этотъ ораторъ былъ постоянно презираемъ блюстителями формы, писателями-теоретиками, которымъ мы обязаны всѣми нашими свѣдѣніями объ этой отрасли греческой литературы. Но критикамъ нашего времени дѣлается мало чести, что они такъ слѣпо придерживаются подобныхъ взглядовъ и не видятъ весьма интересныхъ, даже какъ будто современныхъ намъ чертъ этого замѣчательнаго человѣка, единственнаго представителя дилеттантскаго, не профессиональнаго краснорѣчія въ высшихъ аѳинскихъ классахъ ¹⁷¹⁾.

§ 384. Внѣшняя исторія текста связана съ исторіею текста Антифона, такъ какъ произведенія обоихъ авторовъ дошли до насъ

¹⁷¹⁾ Мы слѣдуетъ, быть можетъ, указать здѣсь, что въ платоновомъ *Федрѣ* приведена рѣчь дилеттанта объ *Эросѣ* для контраста съ формальной *epideixis*; будто бы приводимой имъ изъ Лизія. Тамъ же находятся пространные нападки на формальную риторику и изложеніе тѣхъ условій, которыя мы сочли бы необходимыми для оратора; впрочемъ уровень Платона вѣскольکو высокъ. Рѣчи Фокіона, еслибъ онѣ дошли до насъ, оказались бы, быть можетъ, подобнымъ же протестомъ противъ искусственной риторики, только съ практической стороны. Но противоѣдѣствіе Сократа и его школы и такихъ людей, какъ Фокіонъ, не въ силахъ было задержать теченіе общественной мысли въ пользу профессиональнаго краснорѣчія.

совмѣстно, съ тѣмъ только исключеніемъ, что изъ прекрасной оксфордской рукописи N выпущены рѣчи Андокида. Въ остальномъ все, что было сказано выше объ Антифонѣ по поводу рукописей и изданія принсера Альда, можетъ относиться и къ Андокиду. А. Г. Беккеръ издалъ переводъ рѣчей вмѣстѣ съ комментариемъ къ нимъ (Кведлинб., 1832 г.). Не предпринимая специальныхъ изданій, Слюйтеръ, Мейеръ, Фатеръ, Кирхгофъ, Гиршитъ и другіе разъяснили многія частности въ текстѣ ¹⁷²⁾. Лучшія изданія принадлежатъ Бейтеру, Зауппе и Бласу.

§ 385. Совершенно противоположнаго съ Андокидомъ характера былъ его современникъ и родственникъ Критій, также происходившій изъ знатной семьи, извѣстной и славившейся еще во времена Солона. Самъ Солонъ и Анакреонъ воспѣвали красоту предковъ Критія. Мы узнаемъ отъ Ксенофонта и Платона, что Критій въ значительной степени предавался умственнымъ занятіямъ и слушалъ поученія Сократа, но не уступилъ его увѣщаніямъ отказаться отъ преслѣдованія безнравственныхъ цѣлей, вслѣдствіе чего поссорился съ философомъ ¹⁷³⁾. Тѣмъ не менѣе замѣчательно, что человѣкъ, сдѣлавшій изъ литературы только ступень къ приобрѣтенію политическаго вліянія, могъ достигнуть такой высокой степени совершенства въ различныхъ отрасляхъ письменности.

Родился онъ, быть можетъ, около 450 года до Р. Х., но мало тѣмъ выделялся вплоть до эпохи господства Четырехъ-сотъ, въ числѣ которыхъ выдающимся членомъ былъ его отецъ Каллехръ. Понятно, что Критій всегда былъ олигархомъ, но, по всему вѣроятію, онъ посвятилъ раннюю часть своей жизни умственнымъ занятіямъ, не видя настоящаго примѣненія для своей энергіи. Замѣчательно, что онъ не особенно сильно держалъ сторону Четырехъ-сотъ, такъ что не только остался послѣ нихъ въ Аѣинахъ, но и предлагалъ декреты о возвращеніи Алкивіада и о произведеніи слѣдствія по поводу смерти Фриниха, изъ чего видно желаніе достигнуть соглашенія съ демократіею. Однако онъ возбудилъ подобную зрительность Клеофона, который добился его изгнанія. Во время ссылки, среди разнузданнаго общества ѳессалійскихъ аристократовъ, въ немъ развилась та ярая ненависть къ демократіи, то неуваженіе къ законности и та необузданность, благодаря которымъ имя его стало поговоркою среди позднѣйшихъ Аѣинянъ. Карьера его, какъ одного изъ числа Тридцати, и смерть его въ битвѣ противъ Фразибула, получили громкую извѣстность. Онъ былъ, очевидно,

¹⁷²⁾ Ср. предисловіе Бласа къ его изданію (Тейбнеръ), стр. VI.

¹⁷³⁾ Ксен., *Memor.*, I, 2, §§ 12; слѣд.

одаренъ ясною и сильною головою, логической послѣдовательностью; въ то же время, по всему вѣроятію, онъ былъ скептикомъ въ нравственныхъ вопросахъ и защитникомъ самыхъ худшихъ теорій софистовъ, которыхъ Платонъ выставляетъ, какъ противниковъ Сократа.

Человѣкъ, высоко образованный въ музыкальномъ и литературномъ отношеніи, прекрасный художникъ въ различныхъ отрасляхъ поэзіи и прозы, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ безжалостнымъ и жестокимъ, и на его природу не имѣла никакого вліянія утонченность аристократическаго происхожденія и хорошаго общества. Однако надо думать, что его политическіе проступки затмили, по всему вѣроятію, его литературныя заслуги, потому что онъ соединялъ всѣ формы и роды аттической словесности и во всѣхъ ихъ достигнулъ нѣкотораго значенія. Мы уже говорили выше (§ 137) о его поэзіи, его элегіяхъ и гексаметрахъ, отличавшихся политическимъ и аристократическимъ тономъ и о его трагедіяхъ (§ 232), въ которыхъ онъ повидимому совершенно затмилъ Еврипида своею проновѣдью скептицизма и презрѣнія къ установленнымъ догматамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, частое приписываніе его пьесъ Еврипиду свидѣтельствуетъ о ихъ высокомъ поэтическомъ достоинствѣ. Въ прозѣ онъ описывалъ политическія учрежденія Спарты, Фессаліи и другихъ государствъ, писалъ біографіи знаменитыхъ людей, въ родѣ Гомера и Архилоха, и философскія разсужденія, изъ которыхъ Галенъ ссылается на трактатъ о сущности любви. Въ области ораторскаго искусства Гермогенъ указываетъ на его *πρόσβασις διηγητορικῆς*. Прозаическія его произведенія считались лучшими, но, подвергшись долгому пренебреженію, вслѣдствіе глубокой ненависти, внушаемой его образомъ жизни, они были впервые вызваны изъ забвенія и оцѣнены Иродомъ Аттикомъ, а послѣ того подверглись строгой критикѣ, наряду съ Десятью, со стороны Гермогена, Филострата и другихъ. Удивительно, что онъ не замѣнилъ Андокида въ канонѣ Десяти ораторовъ. Къ несчастію, до насъ дошло отъ него лишь нѣсколько ничтожныхъ прозаическихъ отрывковъ, такъ что нѣтъ нужды разсматривать мнѣнія о немъ критиковъ. Они хвалятъ его вкусъ и чистоту слога, присовокупляя къ этому, что онъ принадлежалъ скорѣе къ ново-аттическимъ писателямъ, такъ какъ въ немъ вовсе нѣтъ рѣзкости Фукидида, который однако пережилъ его. Онъ былъ, по ихъ словамъ, изворотливъ и ввѣдливъ, но не пылокъ и страстенъ. Политическое рвеніе его, можно думать, было скорѣе результатомъ расчетливаго эгоизма и жестокости, чѣмъ бурной страсти, такъ какъ послѣднее свойство отсутствуетъ даже въ его поэзіи или чрезвычайно сдержано. Но по своей многосторонности и чисто-аристократическому тону Критій

могъ бы быть прекраснымъ представителемъ перикловой культуры и того ранняго процвѣтанія литературы въ Аѳинахъ, которое погнѣло и измѣнилось въ эпоху Реставраціи.

ГЛАВА VI.

Аттическая литература въ пору Реставраціи. Лизій и Изей.

§ 386. Начиная съ этой поры, аристократы, какъ партія, были, повидимому, поглощены другими элементами или уничтожены, и хотя Платонъ, и обнаруживалъ достаточно ясно свою тенденцію, онъ жилъ однако въ сторонѣ отъ народа и отказался отъ всякой надежды вліять на политику своего времени. Обвиненія во враждѣ къ демосу, правда, все еще часто раздаются въ распряхъ того времени; едва ли найдется во всемъ собраніи лизіевыхъ рѣчей хоть одна рѣчь объ общественныхъ дѣлахъ, гдѣ бы ораторъ не уличалъ въ этомъ своего противника, и обратно. Даже самъ Фразибулъ не избѣгнулъ этой участи. Но партіи до такой степени разсѣялись и смѣшались между собою въ то время, благодаря пятнадцатилѣтнимъ смутамъ, приверженцы Четырехъ сотъ такъ часто враждовали съ приверженцами Тридцати, столько аристократовъ подверглось изгнанію за свою умѣренность, столько ловкихъ людей перемѣнило не разъ партію, что мы уже не въ состояніи указать ни одной опредѣленной аристократической группы. Это было время грустныхъ воспоминаній и тяжкихъ сожалѣній; несмотря на амністію, дарованную и довольно честно примѣнявшуюся демосомъ, каждое частное обвиненіе, каждый намекъ на хищеніе или насиліе давалъ поводъ къ воспоминаніямъ о прежнихъ измѣнахъ и къ указаніямъ на то, что чрезмерное снисхожденіе со стороны администраціи могло быть исправлено соразмѣрнымъ наказаніемъ по другому поводу.

§ 387. Нелегко, конечно, провести демаркаціонную линію въ такое время, когда множество разнородныхъ писателей трудилось параллельно, и когда ни одинъ годъ, ни одно десятилѣтіе не могло остаться безъ умственной работы. Тѣмъ не менѣе, по какому-то странному совпаденію кажется, что жизнь большей части самыхъ блестящихъ представителей древней аттической литературы завершилась какъ разъ во время грозныхъ бѣдствій конца пелопоннесс-

ской войны. Начиная съ Антифона, мы можемъ назвать Софокла, Еврипида и Агаѳона въ поэзіи; Критія, Сократа и Фукидида, которые всѣ умерли немного лѣтъ спустя послѣ архонтства Евклида. Нѣтъ никакихъ признаковъ, чтобы среди столькихъ писателей, изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ, болѣе двухъ, именно Аристофанъ и Андокидъ, дѣйствовали и до, и послѣ кризиса. Какъ я уже говорилъ выше, Андокидъ не имѣетъ большаго значенія. Позднѣйшія произведенія Аристофана служатъ, быть можетъ, самымъ сильнымъ доказательствомъ измѣненія всего тона литературы послѣ 399-года до Р. Х. Аттическое общество уже не жило болѣе бурною жизнью тираннической демократіи, правившей обширными владѣніями и занятой государственными интересами; это не было общество умственно развитое и остроумное, но все таки суровое, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ грубое и жестокое. Аѳины временъ Исократы и Платона были городомъ болѣе спокойнымъ и культурнымъ, въ которомъ въ теченіи цѣлаго поколѣнія политическіе интересы занимали второстепенное мѣсто, а умственное и нравственное развитіе выступало на первый планъ. Въ эту-то самую пору и совершился переходъ отъ гражданина эпохи Перикла къ гражданину-современнику Демосфена¹⁷³⁾. Аѳиняне эпохи Реставраціи, лишенные власти, благодаря преобладанію Спарты, стремились къ матеріальнымъ благамъ и къ общественной утонченности; они платили наемникамъ за исполненіе своихъ военныхъ повинностей, которыя не имѣли въ ихъ глазахъ никакого значенія. Всякая предпримчивость, даже въ области искусства, временно приостановилась. Слава Фидія не нашла себѣ соперника до той поры, когда поколѣніе спустя школы Скопаса и Праксителя снова зажгли свѣточъ искусства. Аттическая поэзія пришла въ упадокъ и никогда болѣе не возродилась. Новая комедія достигла своего величія цѣною всѣхъ высшихъ порывовъ фантазіи и имѣетъ столько же права на высшее значеніе, какъ и добропорядочная комедія Шеридана.

Не слѣдуетъ однако думать, чтобы годы, немедленно слѣдовавшіе за дѣятельностью Евклида, были исключительно годами усталости, отдыха; словно для того, чтобы отмѣтить собою эпоху Реставраціи, нѣсколько замѣчательныхъ людей, достигшихъ зрѣлости за немного лѣтъ передъ тѣмъ, выступили теперь на литературное поприще и усовершенствовали развитіе аттической прозы. Изъ нихъ трое возвышаются надъ остальными, — Лизій, Исократъ и Ксенофонтъ. Люди эти, историки, памфлетисты, философы, адвокаты,

¹⁷³⁾ См. исторію Грота, т. XI, стр. 390, и мое сочиненіе *Social Life in Greece*, стр. 264.

удержать за собою поле битвы вплоть до той поры, когда обстоятельства снова дадутъ Аѣинамъ возможность отстаивать общезллінскіе интересы противъ иноземнаго господства; тогда политическое краснорѣчіе опять оживетъ въ лицѣ Демосоена и его товарищей. Болѣе легкій видъ литературы того времени, масса анекдотистовъ на которыхъ ссылаются позднѣйшіе коммилаторы, Средняя комедія, служившая отраженіемъ общества той эпохи, все это, къ несчастію, погибло, и, хотя отрывки комедій уцѣлѣли сотнями, мы не можемъ составить себѣ настоящаго понятія о заслугахъ даже Антифона и Алексиса. Драматическая часть сочиненій Платона и Ксенофонта даетъ намъ возможность бѣгло заглянуть въ аристократическую жизнь эпохи; нѣсколько реалистическихъ картинокъ въ рѣчахъ Лизія указываютъ на отталкивающую параллель къ нимъ въ бытѣ низшихъ классовъ. Но, если социальный строй Аѣинъ того времени извѣстенъ намъ лишь отчасти, умственное развитіе ихъ выступаетъ передъ нами весьма ясно и поучительно, такъ какъ мы имѣемъ обильные образцы слога и образа мыслей всѣхъ великихъ прозаиковъ вѣка.

§ 388. Начнемъ съ Лизія, древнѣйшаго изъ нихъ, чье образованіе было, по всему вѣроятію, окончено въ болѣе раннюю пору, но чья литературная дѣятельность, хотя и поздно развившаяся, открывается съ особой свѣжестью и силой при самомъ началѣ Реставраціи. Съ нимъ, къ тому же, мы вступаемъ въ новый фазисъ ораторскаго искусства, наиболѣе характеризующій древне-греческую мысль и культуру. На предшествующей страницѣ я изобразилъ общее положеніе аттическаго общества послѣ возвращенія Тразибула и рассказалъ, какимъ образомъ внѣшній миръ и вынужденная амністія породили много частныхъ несогласій и ожесточили много новыхъ ссоръ. Прибавлю къ этому, что Аѣиняне, не занятые болѣе управленіемъ обширнаго государства, устремили свое вниманіе на внутреннія дѣла и домашніе финансы. Государство въ то время обѣднѣло, и граждане не могли осилить тяжелыхъ налоговъ; весьма возможно, что многіе люди сомнительнаго свойства, нажившіе состояніе внѣ предѣловъ страны, прибывали въ Аѣины и получали дозволеніе добывать, или вновь возвращать себѣ гражданскія права (напр. Андокидъ) только потому, что соглашались принимать на себя литургіи и другія обременительныя государственныя тягости. Съ другой стороны раздавались постоянныя жалобы на хищенія и растраты среди должностныхъ лицъ; одного обвиняли въ присвоеніи доходовъ при управленіи иноземными сношеніями; другаго — въ томъ, что онъ расхищалъ общественную казну, увеличивая посредствомъ ложныхъ статутовъ число публичныхъ жертвоприношеній и навязывая государству релігіозныя обязанности, которыя оно не

въ силахъ было нести. Такимъ образомъ этотъ періодъ внѣшняго спокойствія въ Аѣинахъ отличался замѣчательнымъ духомъ сутяжничества. Пора эта напоминаетъ сиракузскій кризисъ, породившій, говорятъ, самыхъ раннихъ мастеровъ риторики, Коракса и Тизія.

Но въ Аѣинахъ Антифонъ уже привилъ это искусство. Следовательно, мы имѣемъ право рассчитывать на новое его развитіе при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Это развитіе ясно и выпукло выступаетъ передъ нами въ рѣчахъ Лизія. Вспомнимъ, что по аѣинской теоріи общественной жизни и гражданскихъ обязанностей, каждый человѣкъ долженъ былъ появляться лично въ судѣ и вѣдать свое собственное дѣло; подобно тому, какъ собраніе должно было состоять не изъ выборныхъ представителей, а изъ самихъ свободныхъ гражданъ, такъ и въ судѣ аѣинскимъ понятіямъ о личномъ достоинствѣ и значеніи каждого гражданина противно было, чтобы человѣкъ передавалъ свои дѣла профессиональному защитнику и сидѣлъ самъ, точно нѣмой. Еще менѣе рѣшился бы какой нибудь аѣинскій судья оскорбить или смутить того изъ тяжущихся, который захотѣлъ бы самъ защитить свое дѣло, во избѣжаніе тяжкаго расхода на наемъ защитника по ремеслу. Всѣ тѣ корпоративныя инстинкты, которыми отличаются судьи и адвокатура нашихъ дней, были неизвѣстны въ Аѣинахъ. Въ аѣинскихъ судахъ господствовали скорѣе противоположныя взгляды. Присяжные подозрѣвали и боялись ухищреній, свойственныхъ такому искусству, которое завѣдомо щеголяло умѣньемъ перепутывать правое дѣло съ неправымъ и добивалось побѣды худшей стороны надъ лучшею. Но, такъ какъ необходимо было, чтобы слабые или неопытные тяжущіеся обращались къ помощи лицъ, сдѣлавшихъ законъ предметомъ тщательнаго изученія, мы видимъ, что сословіе наемныхъ адвокатовъ или профессиональныхъ составителей защитительныхъ рѣчей вступило въ Аѣинахъ въ тотъ странный фазисъ, когда стало обязательнымъ для оратора скрывать свою личность, принимать на себя не только дѣло, но и личность довѣрителя, и, защищая его интересы, избѣгать всякаго проявленія силы или искусства, которыя присяжные могли бы счесть слишкомъ совершенными для зауряднаго гражданина.

Такимъ образомъ логографъ временъ Реставраціи былъ, строго говоря, драматическимъ писателемъ, разившимся отъ поэта только тѣмъ, что въ то время, какъ его фабула заимствовалась изъ извѣстнаго дѣла, аргументы, слогъ, наконецъ даже особыя чувства, которыя предстояло выразить, должны были быть придуманы самимъ адвокатомъ и вложены въ уста актера, который при всей скудости своихъ юридическихъ способностей, былъ проникнутъ по крайней мѣрѣ глубочайшимъ интересомъ ко всему про-

исходившему и имѣлъ личное знакомство со всѣми подробностями дѣла. Древніе риторы говорили, что вѣроятное (*εἰκός*) болѣе цѣнно, какъ аргументъ, чѣмъ истинное само по себѣ; принципъ этотъ былъ доведенъ школой Лизія до большой утонченности посредствомъ такъ называемой *ῥητορικῆς* (передачи характера) и *πρόσων*—двухъ свойствъ, трудно различаемыхъ другъ отъ друга¹⁷⁶). Такимъ образомъ, если старые и новѣйшіе критики замѣчали, какъ близко къ комедіи подходили многія изъ подробностей лизіевыхъ рѣчей, то они улавливали лишь отдѣльныя проявленія этихъ «комическихъ прикрасъ», составлявшихъ въ дѣйствительности самую сущность этой художественной логографіи. Всѣ въ одинъ голосъ повторяютъ, что драматическій геній угасъ въ Аѣинахъ послѣ эпохи трехъ великихъ трагическихъ поэтовъ. Быть можетъ, вѣрнѣе было бы сказать, что способность эта захватила болѣе широкое пространство и проникла въ отрасли литературы, повидимому чуждыя ей. Сочиненіе драматическихъ рѣчей и діалоговъ, въ родѣ платоновыхъ, поглощало вниманіе великихъ художниковъ, которые въ болѣе ранній періодъ заняли бы, быть можетъ, первенствующее мѣсто среди сценическихъ писателей. Въ судахъ господствовалъ реализмъ; въ школахъ извѣстная свобода, которая удовлетворяла требованіямъ разнородныхъ умовъ. Но таланты, хотя и замаскированные, все были еще на лицѣ; мы еще имѣемъ передъ собою аттическую мысль и культуру высшаго образца. Послѣ этого предисловія, обратимся къ подробностямъ.

§ 389. Лизій, родомъ изъ Аѣинъ, былъ сыномъ Сиракузянина Кефала, человѣка почтеннаго и богатаго, котораго Периклъ убѣдилъ поселиться, въ качествѣ метека, въ Аѣинахъ, гдѣ онъ съ успѣхомъ принялся за промышленность, главнымъ образомъ, въ качествѣ оружейника. Во вступленіи къ платоновой Республикѣ Кефалъ изображенъ уже весьма престарѣлымъ человѣкомъ, вращающимся въ утонченной и изящной средѣ. Изъ того, что онъ и его сыновья владѣли домами въ Аѣинахъ и въ Пиреѣ, можно заключить, что они принадлежали къ привилегированному классу иностранцевъ, носившему названіе *isoteleis* и исполнявшему тѣ же государственныя обязанности, какъ и остальные граждане, хотя и не пользовавшемуся полными политическими правами. Датой рожденія Лизія, кажется, неправильно указать въ его Жизнеописаніи 458 годъ до Р. Х., такъ какъ въ этомъ случаѣ ему было бы уже почти

¹⁷⁶) Діонисій, говоря о *πρόσων* (соответственности), допускаетъ ее въ трехъ отношеніяхъ: къ личности говорящаго, къ характеру аудиторіи и наконецъ къ самой рѣчи, которая должна измѣняться, смотря по тому, требуется ли только изложеніе, аргументы или призывъ. Первымъ изъ этихъ видовъ будетъ *ῥητορικῆς*.

шестьдесятъ лѣтъ, когда онъ сдѣлалъ первый ораторскій опытъ. На основаніи другихъ критическихъ данныхъ эпоха его рожденія отнесена новѣйшими учеными приблизительно къ 435 году до Р. Х., но мнѣніе это основано не на фактахъ, а на однихъ умозаключеніяхъ, и зависитъ отъ того, отвергаемъ ли мы точность платонова изображенія семьи Лизія въ своихъ діалогахъ. Намъ говорятъ, что мальчикомъ лѣтъ пятнадцати онъ отправился въ Θυρίю вмѣстѣ съ своимъ братомъ; предположеніе, что они поѣхали туда въ числѣ первоначальныхъ поселенцевъ, и послужило первымъ поводомъ отнести день рожденія оратора къ нынѣ отвергнутой, ранней порѣ. Но для этого нѣтъ никакихъ основаній. Въ Θυρίи Лизій сблизился, кажется, съ Тизіемъ и его учениками, и подъ ихъ руководствомъ изучалъ риторику, въ которой прославился, какъ теоретикъ, по всему вѣроятію, въ весьма ранніе годы.

Аристотель рассказываетъ, будто Лизій открылъ собственную школу риторики, но что, видя себя побѣжденнымъ, какъ теоретикъ, Θεодоромъ, принялся за практическое краснорѣчіе, гдѣ не имѣлъ ни одного опаснаго соперника. Разсказъ этотъ, повторенный Цицерономъ, кажется мнѣ сомнительнымъ; такъ какъ Лизій избралъ писаніе рѣчей своей профессією повидимому вслѣдствіе потери состоянія, то нѣтъ нужды придумывать другаго мотива его занятій риторикою, и мы видимъ, что въ немъ сказался великій ораторъ-практикъ немедленно же вслѣдъ за катастрофою, лишившею его всего состоянія. Къ тому же въ своемъ Федръ, который принято считать за разговоръ между Сократомъ и Федромъ, происходившій въ то время, когда Лизій былъ еще молодымъ человекомъ, уже начавшимъ свою карьеру, Платонъ называетъ его знаменитымъ ораторомъ ¹⁷⁷). Какъ бы то ни было, кажется достовернымъ, что Лизій жилъ въ Θυρίи съ пятнадцатилѣтняго возраста вплоть до той поры, когда сицилійскій погромъ губительно разразился надъ демократіею большинства городовъ Великой Греціи; онъ находился въ числѣ 300 гражданъ, изгнанныхъ революціей, заставившей его вернуться въ Аѣины во время архонтства Каллія (412 до Р. Х.). Здѣсь онъ и его братъ, Полемархъ, продолжали начатое ими дѣло, повидимому, не подвергаясь тому всеобщему обѣднѣнію, которое постигло Аѣины въ концѣ пелопоннесской войны; когда совѣтъ Тридцати находился во власти и искалъ подходящихъ лицъ

¹⁷⁷) Гротъ (Платонъ, I, стр. 200, прим.) основываетъ на этомъ намекѣ въ Федръ доказательство того мнѣнія, что разговоръ этотъ былъ написанъ только послѣ 399 г. до Р. Х. Онъ полагаетъ, на основаніи собственнаго указанія Лизія во вступленіи къ рѣчи противъ Эратосѣена на свою неопытность, что онъ не пользовался извѣстностью до этой поры.

для разграбленія ихъ имущества; эти два брата, наряду съ другими иноземцами, жившими въ Афинахъ, были намѣчены, какъ люди, обѣщавшіе наибольшую добычу. Въ эффектной повѣствовательной части своей рѣчи противъ Эратосеена, приверженца Тридцати, Лизій изложилъ ходъ этого жестокаго и насильственнаго поступка, во время совершения котораго былъ умерщвленъ безъ повода и слѣдствія его братъ Полемархъ, имущество обоихъ братьевъ было конфисковано совѣтомъ Тридцати и самъ Лизій спасся изъ ихъ рукъ только благодаря присутствію духа и счастливой случайности. Находясь въ Мегарѣ въ изгнаніи, онъ ревностно трудился, какъ видно, на пользу демократической партіи. Плутархъ, въ Жизнеописаніи Лизія, приводя, повидимому, отрывокъ изъ его утраченной рѣчи о благодѣяніяхъ, имъ оказанныхъ Афинамъ, говорить, что Лизій отдалъ солдатамъ Θразибула весь остатокъ своего состоянія, 2000 драхмъ и 200 щитовъ; по всей вѣроятности состояніе это находилось въ оборотахъ гдѣ нибудь далеко отъ Афинъ. Кромѣ того, Лизій набралъ отрядъ наемниковъ и убѣдилъ Элеата Θразидема, своего большого пріятеля и яраго демократа, пожертвовать двумя талантами на поддержку предпріятія. Вслѣдствіе этого, лишь только одержалъ верхъ Θразибулъ, какъ онъ предложилъ даровать Лизію гражданскія права; предложеніе это, хотя и встрѣтившее поддержку съ нѣкоторой стороны, было объявлено стараніями Архина, товарища, быть можетъ даже соперника Лизія, незаконнымъ, такъ какъ оно было заявлено до надлежащаго избранія совѣта, который долженъ былъ его подготовить; вслѣдствіе этого Лизій остался до конца своей жизни простымъ *isoteles*. Нѣкоторые довольно враждебные Θразибулу намеки въ дошедшихъ до насъ рѣчахъ, смущали критиковъ, полагающихъ, что ораторъ долженъ былъ всегда являться преданнымъ приверженцемъ своего демократическаго друга, какъ будто не было неотъемлемою принадлежностью искусства Лизія принимать на себя личность кліента и, быть можетъ, именно этими намеками усыплять подозрительность присяжныхъ относительно того, что именно онъ самъ, а не простой гражданинъ защищалъ дѣло. Намъ неизвѣстно, до какой степени могла помочь подобная скрытность, и не была ли она столь же прозрачна, какъ и тайна мнимаго авторства, на которую мы указывали въ Старой комедіи предшествующаго поколѣнія. Мы читаемъ, что Лизій, лишившись состоянія и обнаруживъ и передъ самимъ собою и передъ другими во время преслѣдованія имъ убійцъ своего брата свои практическія способности, сдѣлался такимъ популярнымъ составителемъ рѣчей, что отъ него сохранилось ихъ, по меньшей мѣрѣ, двѣсти, не говоря уже о подложныхъ. Изъ числа многихъ соперниковъ его, которые могли написать нѣкоторыя изъ приписываемыхъ ему рѣчей,

ни одинъ не достигъ его репутаціи. О его частной жизни намъ ничего болѣе не извѣстно, кромѣ того, что онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ съ однимъ Метанэйромъ, хотя былъ женатъ на его племянницѣ, дочери его младшаго брата, Брахилла,—явленіе весьма обыкновенное въ Аѣинахъ. Онъ не достигъ, повидимому, преклонныхъ лѣтъ, такъ какъ послѣднія изъ извѣстныхъ намъ рѣчей его относятся, мнѣ кажется, къ эпохѣ не позднѣе 480 года до Р. Х. Эпиграмма или поэма, написанная противъ него Филискомъ, приведенная Плутархомъ въ его Жизнеописаніи, настолько искажена, что не стоитъ упоминанія ¹⁷⁸⁾. Въ неаполитанскомъ музеѣ находится роскошный бюстъ его, имѣющій характеръ подлинности, и отличающійся энергическими, опредѣленными, нѣсколько жесткими чертами.

§ 390. Рѣчи Лизія касаются столь разнообразныхъ сюжетовъ, что классифицировать ихъ весьма трудно. Большинство представляетъ краткую защитительную рѣчь по поводу частныхъ ссоръ, иногда весьма ничтожныхъ, но и въ этомъ случаѣ Лизій всегда затрагиваетъ общественныя дѣла и разбираетъ общія свойства какъ тяжущихся, такъ и государственныхъ дѣятелей эпохи. Но прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этой стороны трудовъ нашего оратора, покончимъ вкратцѣ съ его риторическими и политическими рѣчами (называю ихъ политическими, въ противоположность простымъ судебнымъ преніямъ). О его раннихъ произведеніяхъ, его теоретическомъ изслѣдованіи, на которое есть намеки, и его эротическихъ и панегирическихъ попыткахъ, принимавшихъ форму рѣчей и писемъ, намъ почти ничего неизвѣстно. Но любопытный очеркъ или образецъ его риторическихъ произведеній на эротическія темы сохранился въ платоновомъ Федрѣ, гдѣ Сократъ настаиваетъ на томъ, чтобы Федръ прочелъ ему сочиненіе въ родѣ того, которое только что произнесъ передъ нимъ Лизій, знаменитый ораторъ. Относительно подлинности этого документа велись продолжительные споры; большинство англійскихъ и французскихъ критиковъ, въ родѣ Джоуэтта (Jowett) и Перро ¹⁷⁹⁾ признавали въ немъ просто сатирическое подражаніе оратору, принадлежащее перу Платона; многіе же изъ Нѣмцевъ и въ томъ числѣ Блассъ считали его подлиннымъ спискомъ. Блассъ увлекается до того, что утверждаетъ, будто даже такой стилистъ, какъ Платонъ, не могъ бы столь характерно подражать изящнымъ оборо-

¹⁷⁸⁾ Ср. Бергъ, *Луг. Fragg.* стр. 640.

¹⁷⁹⁾ Гротъ, въ своей превосходной главѣ о Федрѣ (Гротъ, Платонъ, II, XXIV) во все не сомнѣвается, кажется, въ подлинности этого документа. Но онъ вообще поразительно довѣрчивъ относительно авторовъ греческихъ документовъ и въ той же главѣ (стр. 256) обнаруживаетъ свою вѣру и въ подлинность лизіевыхъ Эпитафій.

тамъ Лизія, рѣчь котораго въ этомъ случаѣ, какъ онъ вѣрно замѣчаетъ, въ формальномъ отношеніи далеко превосходитъ отвѣтъ Сократа. Но поддѣлка подъ слогу Агаѳона въ Пирѣ несомнѣнно доказываетъ, какимъ ловкимъ подражателемъ могъ быть Платонъ. Признаюсь, что эти аргументы и другіе, подобные имъ, не убѣждаютъ меня; я не думаю, чтобы даже положительное удостовѣреніе, что рѣчь эта читалась по рукописи, могло помѣшать ей быть сочиненіемъ Платона. Историческія неправдоподобности Діалоговъ ясно показываютъ, какъ широко понималъ Платонъ драматическую вольность, и гораздо вѣроятнѣе, что онъ близко пародировалъ какую-нибудь однородную рѣчь самого оратора, чѣмъ что онъ вводилъ столь объемистыя подлинныя цитаты въ свои собственныя произведенія,—пріемъ, который однако неизмѣримо поднялъ бы ихъ цѣнность для исторіи литературы. Изъ панегириковъ Лизія до насъ дошелъ, напротивъ того, подлинный отрывокъ (у Діонисія); онъ взятъ изъ рѣчи, произнесенной во время девяносто-осьмой олимпіады, когда Діонисій Сиракузскій старшій прислалъ блестящее посольство для состязанія на играхъ. Сюжетъ рѣчи касается увеличивающейся для Греціи опасности отъ великаго царя, съ одной стороны, и сицилійскаго тирана, съ другой; она энергически призываетъ Эллиновъ къ согласію между собою и къ упорному противодѣйствію захватамъ обоихъ враговъ. Вслѣдствіе этого воззванія чернь Олимпіи встрѣтила, какъ говорятъ, поэмы Діонисія шиканьемъ, разграбила его позолоченные и вышитые шатры и оскорбила депутацію; вотъ и весь эффектъ, произведенный этой попыткой. Критикъ Діонисій рассказываетъ, что само воззваніе уступало въ значеніи и достоинствѣ подобнымъ же произведеніямъ Исократа и Демосфена. Самъ же отрывокъ, насколько можно видѣть, вовсе не ниже многорѣчивой риторики Исократа и долженъ былъ дѣйствовать столь же возбуждающимъ образомъ на слушателей, хотя Діонисій и утверждаетъ, что этого не было.

§ 391. Эпитафіи кажутся мнѣ подложными, вслѣдствіе чего я отсрочу разсмотрѣніе ихъ до другаго мѣста и сопоставлю ихъ съ другими однородными произведеніями. Отъ воображаемой рѣчи, произнесенной въ защиту Никія передъ Сиракузцами, мы имѣемъ лишь одну или двѣ фразы и, несмотря на то, что рѣчь эта признавалась Теофрастомъ подлинною, происхожденіе ее все таки весьма сомнительно. Но Діонисій сохранилъ намъ достовѣрный и весьма любопытный отрывокъ *διηγορία* или обсуждающей рѣчи, ⁽¹⁸⁹⁾ въ которой ораторъ настаиваетъ послѣ изгнанія Тридцати на полномъ восстановленіи демократіи, идя противъ

мнѣнія Формизія, требовавшего возвращенія гражданскихъ правъ однимъ землевладѣльцамъ. Въ этихъ, какъ и многихъ другихъ рѣчахъ, Лизій высказывалъ свое собственное, сильное нерасположеніе ко всякому образу правленія, кромѣ владычества всего народа. Этотъ взглядъ практически подтверждается самою длинною и наиболѣе извѣстною изъ его судебныхъ рѣчей, именно рѣчью противъ Эратосеена, сказанною имъ отъ своего лица и считающеюся, на основаніи его вступленія, его первою рѣчью въ судѣ. Мнѣніе это разбивается только что упомянутымъ отрывкомъ, произнесеннымъ, должно быть, въ 403 году до Р. Х. Единственный, еще болѣе ранній документъ всей коллекціи, это рѣчь за Полистрата, относящаяся, быть можетъ къ 406 году, по которую всѣ хорошіе критики единодушно отказываются считать подлинною.

Замѣчу кетати, что подобныя поддѣльныя рѣчи, если онѣ дѣйствительно были произнесены въ извѣстное время, а не принадлежатъ перу позднѣйшихъ софистовъ, служатъ весьма цѣнной характеристикой общаго уровня аттического краснорѣчія, независимо отъ тѣхъ великихъ мастеровъ, которые царили надъ заурядною массою.

§ 392. Рѣчь противъ Эратосеена во всѣхъ отношеніяхъ прекрасна, полна силы и мѣткости, но въ ней выступаютъ только нѣкоторыя стороны достоинствъ Лизія. Разсказъ объ убійствѣ брата и его личномъ спасеніи превосходенъ, и накопленіе уликъ посредствомъ допроса обвиненнаго — неотразимо. Но для насъ гораздо болѣе интересенъ очеркъ политическихъ дѣйствій Өерамена, характеръ котораго нѣсколько искупается его враждою къ Критію и его трагической смертію. Вся рѣчь имѣетъ какъ будто въ виду цѣль болѣе обширную, чѣмъ простое обвиненіе Эратосеена, являющагося слишкомъ презрѣннымъ противникомъ, чтобы стоило разбирать мотивы его дѣйствій или обрисовывать его характеръ во всѣхъ подробностяхъ. Лизій не пытается также дать присяжнымъ понятіе о своемъ личномъ характерѣ, такъ какъ пріемъ этотъ полезенъ, главнымъ образомъ, отвѣтчику, а не истцу, просто желающему выставить обвиненіе противъ враждебной стороны.

Однородною во многихъ чертахъ по характеру является рѣчь противъ Агората, съ тѣмъ исключеніемъ, что, какъ истецъ, такъ и отвѣтникъ стоятъ на низшей общественной ступени, вслѣдствіе чего при меньшемъ числѣ общихъ политическихъ аргументовъ, рѣчь изобилуетъ большими подробностями, въ особенности касающимися низкаго образа дѣйствій Агората, который, сдѣлавшись сначала орудіемъ въ рукахъ Тридцати и умертвивъ множество честныхъ гражданъ, бѣжалъ въ Филы и попытался примкнуть къ демократамъ ¹⁸¹⁾. Хотя и спасенный отъ немедленной смерти Анитомъ,

¹⁸¹⁾ §§ 77 и слѣд.

великодушно напоминавшимъ солдатамъ, что теперь не время и не мѣсто мстить врагамъ, Агорать сдѣлался предметомъ всеобщаго отчужденія, всеми отверженнымъ, такъ что, когда онъ пытался присоединиться къ торжественной процессіи по возвращеніи изгнанниковъ изъ Пирея, онъ былъ обезоруженъ и съ презрѣніемъ прогнанъ Эзимомъ, руководителемъ церемоніи. Такимъ образомъ, если въ этой рѣчи гдѣ нибудь сказалась драматическая сила Лизія при обрисовкѣ характеровъ, то именно въ изображеніи характера противника. Эта черта встрѣчается и во многихъ изъ меньшихъ рѣчей, произнесенныхъ истцами. Я укажу читателю на рѣчь противъ Алкивиада младшаго, молодого развратника, унаслѣдовавшаго, повидимому, одни только пороки отца ¹⁸²), на рѣчь противъ Филона ¹⁸³), въ которой яркими красками изображено низкое, эгоистическое существо, воспользовавшееся несчастіями своего сосѣда; на рѣчь противъ Діогитона ¹⁸⁴), вѣроломнаго опекуна и притѣснителя безпомощныхъ сиротъ, какъ говоритъ его обвинитель; наконецъ на рѣчь противъ Никомаха ¹⁸⁵).

§ 393. Гораздо эффектиѣе и художественнѣе этихъ портретовъ противниковъ являются портреты отвѣтчиковъ, какъ они отразились въ собственныхъ рѣчахъ. Въ этомъ случаѣ изображеніе характера имѣло громадное значеніе, такъ какъ, возражая на увѣренія истца, отвѣтчикъ долженъ былъ познакомить присяжныхъ съ своей прошлою исторіей, съ услугами, оказанными имъ государству и съ общей безупречностью своей жизни. Это и была, въ болѣе точномъ смыслѣ слова, та *ethoroeia*, которою такъ славился ораторъ. Всѣ его отвѣтчики отличаются чертами, столь опредѣленными, что онѣ могли бы годиться для драмы или современнаго намъ романа. Наболѣе выдающіеся примѣры встрѣчаются въ рѣчи за Мантиѳея ¹⁸⁶); особенно отличаются характеръ обвиненнаго, личности политической, въ 25 рѣчи,—характеръ оратора въ 21 (очень схожій съ характеромъ Мантиѳея, но съ весьма тонко проведенными отличіями), наконецъ изображеніе отвѣтника, обвиненнаго въ томъ, что онъ срѣзалъ въ своемъ имѣніи священную оливковую вѣтвь.

Я останавлиюсь на минуту на этой группѣ; она состоитъ изъ людей съ вѣсомъ, говорящихъ въ свою собственную защиту съ

¹⁸²) Авторство этой рѣчи, очевидно, подлинной, подвергается сомнѣнію Блассомъ и другими, главнымъ образомъ потому, что характеристика въ ней кажется имъ недостаточно тонкою для Лизія (Блассъ, I, 406).

¹⁸³) Рѣчь 31.

¹⁸⁴) Рѣчь 32.

¹⁸⁵) Рѣчь 30.

¹⁸⁶) Рѣчь 16.

увѣренностью и чувствомъ собственного достоинства. Наиболѣ замѣчательна рѣчь самого Мантифея, чье имя сохранилось въ заголовкѣ. Это молодой аристократъ, котораго древній родъ и хорошія преданія побудили не только искать опасностей въ авангардѣ войска и отступать еще медленнѣе, чѣмъ могущественный Θразибулъ, но и войти на подмостки, не выжидая обычной санкціи, доставляемой зрѣлымъ возрастомъ, и давать народу совѣты по общественнымъ дѣламъ. Кромѣ того онъ избралъ образъ жизни и одежду, подходящіе къ его аристократическому положенію, хотя никто не видалъ его участвующимъ въ кутежахъ и безнравственныхъ поступкахъ другихъ молодыхъ людей того же сословія. Онъ благодаритъ своего соперника, подвергшаго сомнѣнію его пригодность къ участію въ судогвореніи, за то, что онъ доставилъ ему удобный случай во время судебного слѣдствія (*δοκιμασία*) представить картину своей жизни. Хотя рѣчь нѣсколько заносчива по нашимъ понятіямъ о хорошемъ вкусѣ, она вполнѣ прилична для молодого греческаго аристократа. Остальныя рѣчи той же категоріи, произнесенныя людьми болѣе зрѣлыми, отличаются большимъ спокойствіемъ и меньшей самоувѣренностью, но каждая изъ нихъ передаетъ намъ сильное и ясное впечатлѣніе порядочности, достоинства оратора и его неспособности къ совершенію какого нибудь низкаго преступленія.

§ 394. Переходя къ болѣе низменному классу, мы можемъ указать на рѣчь объ имуществѣ Аристофана, въ которой отецъ оратора, уже умершій, обвинялся въ растратѣ состоянія Аристофана, конфискованнаго по общественному приговору послѣ его казни. Здѣсь ораторъ, слегка коснувшись ужасной судьбы Аристофана (его казнили безъ суда, и даже тѣло его не было выдано родственникамъ), старается доказать, что самъ онъ и его отецъ были люди тихіе, непритязательные, что отецъ его сохранилъ хорошую репутацію до семидесятилѣтняго возраста, когда онъ умеръ, самъ же онъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы участвовать въ такомъ преступленіи. Еще характернѣе первая рѣчь объ убійствѣ Эратосеена, котораго ораторъ засталъ въ комнатѣ жены, о чьей измѣнѣ узналъ онъ черезъ раба и призвалъ многихъ друзей, чтобы засвидѣтельствовать нанесенное ему оскорбленіе. Изображеніе невиннаго и довѣрчиваго мужа, человѣка изъ бѣднѣйшаго класса, тѣхъ предательскихъ обстоятельствъ, которыхъ онъ не замѣчалъ изъ довѣрчивости къ женѣ, внезапнаго открытія ея виновности—все это обставлено мелкими подробностями и изображено съ художественной силой.

Однородными въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, хотя несхожими въ томъ, что въ нихъ нѣтъ доказательствъ полной невинности и оправданія, являются рѣчи: въ отвѣтъ Симону, и въ отвѣтъ на

обвиненіе въ коварномъ нанесеніи ранъ ¹⁸⁷). Ораторы, поспорившіе съ соперниками во время нѣсколько двусмысленныхъ любовныхъ похвощеній, сознаваясь въ своемъ безуміи и въ дѣйствительности произведеннаго шума, удостовѣряютъ о своихъ усиліяхъ сохранить спокойствіе и указываютъ на ярость и неразумительность противниковъ. Всѣ три рѣчи очень интересны, такъ какъ даютъ намъ возможность заглянуть во внутренній бытъ низшихъ аѳинскихъ классовъ. Принимать эти рѣчи за образцы общественной нравственности, какъ это дѣлаетъ большинство Пѣмцевъ и идущіе по ихъ стопамъ англійскіе критики, было бы все равно, что сдѣлать изъ Newgate Calendar (лѣтописей ньюгетской тюрьмы) указатель общественной морали. Такъ какъ послѣднее было сдѣлано въ прошломъ столѣтіи относительно Ирландіи однимъ знаменитымъ историкомъ, то мы должны протестовать противъ повторенія того же самаго относительно Аѳинъ.

§ 395. Изъ числа послѣднихъ рѣчей этой категоріи я упомяну о весьма любопытной рѣчи въ защиту калѣки-бѣдняка; о выдаваемомъ ему, на основаніи аѳинскаго закона о вспоможеніи бѣднымъ, ежедневно оболѣ былъ сдѣланъ запросъ, при чемъ ораторъ доказывалъ, что положеніе бѣдняка даетъ ему по справедливости право на общественную благотворительность. Древніе знатоки грамматики не могли повѣрить, чтобы великій Лизій сталъ защищать такое дѣло, гдѣ исходъ былъ ничтоженъ, а всякое вознагражденіе за трудъ невысказуемо, — поэтому они считали рѣчь эту подложною. Большинство новѣйшихъ критиковъ справедливо держится противоположнаго мнѣнія, но они врядъ ли оцѣнили всѣ обстоятельства дѣла, которыя легко вывести изъ самой рѣчи. Названный бѣднякъ былъ, очевидно, тѣмъ, что мы называемъ «оригиналомъ»; онъ имѣлъ небольшую лавку около самой агоры, куда обыкновенно стекалось множество людей, которые далеко превосходили его своимъ общественнымъ положеніемъ и средствами и которыхъ привлекали, повидимому, его остроуміе и шутки. Люди эти давали ему кромѣ того, какъ оказывается, лошадей для разѣздовъ, и этотъ фактъ, вмѣстѣ съ избраннымъ обществомъ, толпившимся въ его лавкѣ, навелъ обвинителя на мысль, что онъ далеко не былъ ἀδύνατος, неспособнымъ прокормить себя. Въ самомъ дѣлѣ болѣе, чѣмъ вѣроятно, что его вліятельные друзья добились занесенія его имени въ списокъ нуждающихся предпочтительно передъ болѣе достойными состраданія соискателями. Это возбудило противъ него зависть, и онъ рисковалъ потерять свою пенсію. Мы можемъ вообразить себѣ, какъ онъ

187) Рѣчь 3 и 4.

съ комическимъ пафосомъ взывалъ къ Лизію, по всему вѣроятію посѣщавшему его лавку вмѣстѣ съ другими, гуляющими въ агорѣ, и мы можемъ вообразить себѣ также, какимъ образомъ вся компанія присоединялась къ нему, чтобы упросить великаго адвоката помочь столь полезному и популярному лицу. Такимъ образомъ, частью изъ состраданія, частью въ видѣ шутки, Лизій пишетъ ему защитительную рѣчь, которая могла произвести эффектъ лишь въ томъ случаѣ, если ее произносила хорошо извѣстная и оригинальная личность, и которая теряла или выигрывала все, смотря по тому, какъ она была произнесена.

Въ рѣчи встрѣчаются всѣ виды комизма; комическій пафосъ, пародія на серьезную аргументацію, неожиданные обороты; но она должна быть съ играна для произведенія какого-либо эффекта. Большинство доводовъ несерьезны и мы чувствуемъ, что ораторъ вовсе не былъ въ такомъ печальномъ положеніи, какъ онъ это утверждаетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, защитительная рѣчь отличается большой убѣдительностью, если принять въ соображеніе ничтожность требовавшейся суммы, и своимъ остроуміемъ и юморомъ должна была навѣрно увлечь Совѣтъ. Это расположеніе къ юмору бросается въ глаза въ двухъ другихъ рѣчахъ, одной противъ Θεομνηστα¹⁸⁸⁾, который старался снять съ себя обвиненіе тѣмъ, что придерживался буквы закона въ ущербъ его духу, и въ отрывкѣ рѣчи противъ Соκратова Эсхина, гдѣ личность отвѣтника обрисована съ искусствомъ, достойнымъ Аристофана. Въ связи съ этимъ даромъ мы всегда видимъ и силу пафоса, которая, хотя и сдерживалась, уступая вкусу эпохи, и скудно проявлялась въ раннемъ греческомъ краснорѣчии, весьма рельефно выступаетъ въ рѣчи противъ Агората, въ тюремной сценѣ¹⁸⁹⁾, сильно напоминающей ту, на которую мы уже указывали у Андокида (смотри выше стр. 123). Еще прекраснѣе повѣствовательная часть въ рѣчи противъ Διογίτωνα; это единственный въ своемъ родѣ отрывокъ, оставшійся послѣ Лизія, признанный даже Διονισіемъ за образцовый; обращеніе въ немъ матери сиротъ къ своему отцу, ихъ опекуну, не уступаетъ лучшимъ рѣчамъ Еврипида. Я привожу здѣсь этотъ отрывокъ, мало извѣстный большинству людей занимающихся¹⁹⁰⁾.

188) Рѣчь 10.

189) § 39 и слѣд.

190) § 22: ἔπειτα οὐ ἐτόλμησας, ἔφη, εἰπεῖν, ἔχων τσαῦτα χρήματα, ὥς διαχίλιας δραχμὰς ὁ τοῦτων πατήρ κατέλιπε καὶ τριάκοντα στατήρας, ἃ παρ' ἐμοὶ καταλειφθέντα ἐκείνου τελευτήσαντος ἐγὼ σοι ἔδωκα; καὶ ἐκβαλεῖν τοὺτους ἡξιώχας θυγετριδούς ὄντας ἐκ τῆς οἰκίας τῆς αὐτῶν ἐν τριβωνίῳ, ἀνυποδῆτους, οὐ μετὰ ἀκολούθου, οὐ μετὰ στρατῶν, οὐ μετὰ ἱματίων, οὐ μετὰ τῶν ἐπιπλῶν ἃ ὁ πατήρ

§ 396. Я старался сопоставить въ настоящемъ случаѣ эти общія черты, такъ какъ разборъ столькихъ небольшихъ рѣчей, сказанныхъ на такія разнообразныя темы, слишкомъ задержалъ бы читателя и занялъ бы чересмѣрно большое мѣсто. Расположеніе, подлинность и литературныя черты каждой рѣчи подробно разсмотрѣны въ *Attische Beredsamkeit* Бласса и въ *Attic Orators* Джебба, къ которымъ всякій, специально изучающій Лизія, можетъ обратиться за болѣе полными свѣдѣніями. Я долженъ также обойти молчаніемъ многія разясненія политической и соціальной исторіи Аѳинъ, встрѣчающіяся въ намекахъ ораторовъ Лизія; нѣкоторыя изъ нихъ не дѣлаютъ чести общественной нравственности возстановленной демократіи и показываютъ, что неопредѣленные подозрѣнія, политическія перемѣны, наконецъ оскуднѣніе общественной казны дѣлались поводами для тайныхъ доносовъ. Въ связи съ этими отталкивающими чертами замѣчается во всѣхъ рѣчахъ отсутствіе довѣрія къ фактическимъ показаніямъ. Вслѣдъ за вступленіемъ и протезисомъ или первоначальнымъ, краткимъ изложеніемъ дѣла ораторъ переходитъ всюду, гдѣ это только возможно, къ перечню фактовъ и старается въ самомъ наглядномъ порядкѣ и простѣйшимъ языкомъ изобразить точку зрѣнія своего кліента на сущность дѣла. За этимъ слѣдуетъ вызовъ свидѣтелей, клятвенно подтверждающихъ истину всего рассказаннаго. Но вмѣсто того, чтобы удовлетвориться этимъ, ораторъ переходитъ обыкновенно къ общимъ, апіорическимъ доводамъ, основаннымъ на характерѣ или интересахъ тяжущихся. Въ самомъ дѣлѣ личныя свойства играли, повидимому, слишкомъ преобладающую роль въ аѳинскихъ судахъ, какъ и должно быть всюду, гдѣ нѣтъ судьи съ профессиональнымъ образованіемъ для того, чтобы руководить настроеніемъ и чувствами присяжныхъ и обуздывать ихъ.

Нападки на Алкивіада (рѣчи 14, 15) считаются обыкновенно поддѣлкою, принадлежащею однако перу ранняго, если не современ-

αὐτοῖς κατέλειπε, οὐδὲ μετὰ τῶν παρακαταβηκῶν ἅς ἐκεῖνος παρὰ σοὶ κατέθετο. Καὶ νῦν τοὺς μὲν ἐκ τῆς μητρικῆς τῆς ἐμῆς παιδείας ἐν πολλοῖς χρήμασιν εὐδαίμονας ὄντας· καὶ ταῦτα μὲν καλῶς ποιεῖς· τοὺς δ' ἐμοὺς ἀδικεῖς, οὓς ἀτίμως ἐκ τῆς οἰκίας ἐβαλὼν ἀντὶ πλουσίων πτωχοὺς ἀποδείξαι προβομῇ, καὶ ἐπὶ τοιοῦτοις ἔργοις οὕτε τοὺς θεοὺς φοβῇ, οὐτ' ἐμὲ τὴν σὴν θυγατέρα τὴν συνειδυῖαν αἰσχύνῃ, οὕτε τοῦ ἀδελφοῦ μέμνησαι, ἀλλὰ πάντας ἡμᾶς περὶ ἐλόττονος ποιῇ, χρημάτων. τότε μὲν οὖν, ὦ ἄνδρες δικασταί, πολλῶν καὶ δεινῶν ὑπὸ τῆς γυναικὸς ῥηθέντων οὕτω διετέθημεν πάντες οἱ παρόντες ὑπὸ τῶν τούτῳ πεπραγμένων καὶ τῶν λόγων τῶν ἐκεῖνης, δρῶντες μὲν τοὺς παῖδας, οἳ ἦσαν πεπονθότες, ἀναμνησχομένοι δὲ τοῦ ἀποθανόντος, ὡς ἀνάξιον τῆς οὐσίας τὸν ἐπίτροπον κατέλειπε, ἐνθυμούμενοι δὲ ὡς χालεπὸν εἰσερεῖν ὅτῳ χρή περὶ τῶν αὐτοῦ πιστεῦσαι τινά, ὥστε, ὦ ἄνδρες δικασταί, μηδένα τῶν παρόντων δύνασθαι φθεγῆσθαι, ἀλλὰ καὶ δακρύοντας μὴδὲν ἴππον τῶν πεπονθότων ἀπὸντας σῆχεσθαι σιωπῇ.

наго автору писателя, и очень близко подходить къ рѣчи Исократа de Bigis, на которую служатъ какъ бы отвѣтомъ. Но рѣчь, приписываемая Лизію, написана не столь мастерскою рукой, какъ защита Исократа. Другая изъ рѣчей лизіевой коллекціи, направленная противъ Поліоха, носитъ также явные слѣды соотношенія съ этой же защитительной рѣчью, которая, хотя и имѣетъ форму судебной рѣчи, является въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ панегирикомъ Алкивіада и подвергалась, быть можетъ, послѣ своего произнесенія значительнымъ измѣненіямъ передъ своимъ выходомъ въ свѣтъ.

§ 397. Общія достоинства Лизія были уже указаны мною выше при обзорѣннн его рѣчей. Необходимо, быть можетъ, замѣтить здѣсь, что мелочность многихъ изъ защищавшихся имъ дѣлъ и истекающая отсюда краткость и сухость доводовъ, въ особенности, если они служатъ подкрѣпленіемъ главной рѣчи (δευτερολογία), много вредятъ его репутаціи въ глазахъ лицъ, посвящающихъ себя изученію греческой литературы въ наше время. Еслибъ до насъ дошло больше его крупныхъ попытокъ, въ родѣ рѣчей противъ Эратосеена, Агората, Диогитона, мы лучше поняли бы похвалы древнихъ критиковъ.

Съ этою мелочностью нѣкоторыхъ изъ защищавшихся Лизіемъ дѣлъ связано, повидимому, критическое замѣчаніе Платона, отозвавшагося, что Лизій, въ противоположность Исократу или Периклу, изъ своихъ предшественниковъ, не старался извлечь свои аргументы изъ общихъ философскихъ принциповъ. Это было безспорно вѣрно; мы согласны также и съ замѣчаніемъ Платона, что аргументы Лизія не связаны между собою логически и часто повторялись безъ нужды. Съ другой стороны, его привычка близко держаться разсматриваемаго имъ дѣла придавала ему то рѣдкое разнообразіе, которымъ восторгались древніе, замѣтившіе, что въ двухъ-стахъ вполнѣ подлинныхъ рѣчахъ его не отыщется, даже во введеніи, ни одного случая употребленія ходячихъ изреченій. Встрѣчающіяся у него повторенія аргументовъ, по всему вѣроятію, преднамѣренныя и должны были непринужденно указывать суду на важныя мѣста защиты, какъ сдѣлалъ бы человѣкъ простой, неумѣющій придать значеніе или вѣсь какому нибудь отдѣльному заявленію, при помощи высокаго слога или благозвучныхъ періодовъ. Выше всего Лизій стремился къ безыскусственной простотѣ, къ *tenue dicendi genus*, ἀφεγής λόγος критиковъ, въ чемъ онъ всегда считался несравненнымъ мастеромъ. Этого онъ достигалъ употребленіемъ простыхъ словъ и первый замѣтилъ, что изящная и даже высокая проза не нуждается для своего возвеличенія въ поэтическомъ языкѣ, въ чемъ онъ вполнѣ расходился съ преданіями

Горгія. Во вторыхъ, онъ достигалъ этого еще ясностью изложенія, благодаря которой мы почти не встрѣчаемъ у него темныхъ мѣстъ, если только намъ извѣстенъ ходъ дѣла и текстъ не искаженъ. Въ третьихъ, простота эта достигалась еще краткостью; черта эта сильно поражаетъ насъ въ большинствѣ его рѣчей, и оцѣнить ее мы можемъ лишь въ томъ случаѣ, если мы посмотримъ на многія изъ его кратчайшихъ рѣчей только какъ на добавленія къ главному предмету.

§ 398. Понятно, что такой великій писатель, какъ Лизій, не подчинялся рабски подобнымъ правиламъ. У него есть мѣста глубокого почувствованія, гдѣ встрѣчаются необычайныя слова и фразы, болѣе умѣстныя въ подобномъ дѣлѣ, чѣмъ заурядный слогъ. Есть случаи, гдѣ онъ повторяетъ мысль ради напоса и съ большимъ эффектомъ останавливается на ней передъ публикой; въ другихъ случаяхъ онъ прибѣгаетъ для достиженія большей мѣткости къ параллелямъ, къ взвѣшиванію относительнаго значенія различныхъ частныхъ; эти приемы играли такую видную роль въ аттическомъ краснорѣчіи, что избѣгать ихъ показалось бы, быть можетъ, болѣе манернымъ, чѣмъ пользоваться ими. Эти то прикрасы и придаютъ рѣчамъ Лизія тотъ архаическій колоритъ, который сравнивали съ стоячими кудрями и условною улыбкою древнѣйшихъ аттическихъ статуй даже въ эпоху высшаго развитія скульптуры въ рукахъ Каламиса¹⁹¹). Но все это является несомнѣннымъ исключеніемъ изъ его обычнаго правила крайней простоты, которая часто перешла бы въ сухость или скудость, не будь той увлекательной граціи (χάρις), которая составляла самую блестящую черту дарованія Лизія. Это качество, не поддающееся анализу, превозносилось всѣми критиками, и съ Лизіемъ можетъ сравниться въ этомъ отношеніи, въ особенности въ повѣствовательныхъ частяхъ, одинъ только Геродотъ изъ всѣхъ греческихъ прозаиковъ. И дѣйствительно, подобно тому, какъ Антифонъ приближается къ Фукидиду и отличается мастерствомъ аргументаціи или діалектической стороною, такъ Лизій, чья главная сила заключается въ исторической или повѣствовательной сторонѣ его краснорѣчія, подходитъ къ Геродоту. По замѣчанію Діонисія, слогъ его представляется, по первому взгляду, до того простымъ и естественнымъ, что кажется, будто всякій можетъ подражать ему; тогда какъ въ сущности списывать природу художественно и, тѣмъ не менѣе, вполне точно, составляетъ дивное и недостижимое искусство. Для этой цѣли Лизій часто

¹⁹¹). Діонисій ссылается также, въ видѣ иллюстраціи, на древнія необыкновенно простыя картины, не яркія и съ далекой перспективою, въ противоположность болѣе притязательнымъ новѣйшимъ картинамъ. Но для насъ это поясненіе не имѣетъ, къ сожалѣнію, никакого значенія.

оставляетъ закругленные періоды и, подобно Геродоту, употребляетъ легкій и ясный *λέξις εἰρομένη*, дѣлающій его рассказъ поразительно правдоподобнымъ. Такъ, по замѣчанію древнихъ, онъ вкрадывается въ душу слушателей, а не подавляетъ ихъ силою и величіемъ. Онъ оставляетъ также свои періоды и изъ другихъ видовъ, прибѣгая въ мѣстахъ, отличающихся большимъ одушевленіемъ, къ краткимъ, безсвязнымъ предложеніямъ, какъ напримѣръ въ знаменитомъ заключеніи его рѣчи противъ Эратосѣена и въ описаніи матерью своихъ сиротокъ передъ Діогитономъ. Благодаря всѣмъ этимъ особенностямъ, намъ легко понять, почему критики менѣе цѣнили эти панегирическія или описательныя воззванія, гдѣ слогъ, изобилующій періодами, былъ бы особенно эффектенъ. Такъ, напримѣръ, въ наши дни оратору, отличающемуся ясностью и силою, было бы весьма трудно написать поздравительный адресъ, отъ котораго ожидаютъ длинныхъ и округленныхъ фразъ. Понятно, что риторы и знатоки грамматики всегда предпочитали Исократу, но наслѣдіе, оставленное намъ Лизіемъ, всегда будетъ неопѣнимо, хотя бы какъ противоядіе противъ чрезчуръ искусственнаго и воднистаго краснорѣчія.

§ 399. Обращаясь къ внѣшней исторіи сочиненій Лизія, я не могу ничего прибавить къ тому, что уже было сказано относительно критики Платона,—развѣ только замѣчу, что Платонъ подчинялся, быть можетъ, демократическимъ воззрѣніямъ Лизія, вслѣдствіе чего постоянно нападалъ съ большою строгостью на людей, внушавшихъ самому философу большую симпатію, и изобличалъ ихъ. Аристотель весьма рѣдко упоминалъ о Лизіѣ сравнительно съ Исократомъ и Теофрастомъ, и хотя и считалъ его типомъ «genus tenue», но признавалъ однако, что Θразимахъ имѣетъ болѣе значенія для исторіи риторики. О Динархѣ, Харизіѣ и Гегезіѣ онъ говоритъ, какъ о лицахъ подражавшихъ его слогу, въ противоположность слогу Демосѣена. Александрійскіе критики писали изслѣдованія о Лизіѣ, какъ и о другихъ ораторахъ, но, къ сожалѣнію, всѣ эти труды погибли; мы не имѣемъ даже ни одной схоліи къ этому автору. Въ римскую эпоху, когда началась реакція противъ цвѣтистаго восточнаго стиля, Лизій встрѣтилъ многихъ поклонниковъ въ лицѣ ученыхъ, стремившихся къ древне-аттической простотѣ и чистотѣ слога; важѣйшимъ изъ нихъ былъ Кальвъ. Цицеронъ, подвергавшійся нападеніямъ со стороны этой школы, весьма безпристрастно относился къ Лизію и его мнимымъ противникамъ. Онъ признаетъ за Лизіемъ всѣ приписываемыя ему заслуги, но предпочитаетъ имѣть образцомъ Демосѣена, ради его силы.

Въ эпоху Августа, время торжества аттицизма, Лизій встрѣтилъ полную оцѣнку и породилъ пренія со стороны Діонисія и Цецилія,

писавшихъ о немъ особыя розысканія; кромѣ того уцѣлѣло изслѣдованіе Діонисія и многія сужденія, какъ этихъ двухъ писателей, такъ и Гермогена о другихъ ораторахъ. Въ Лексиконахъ встрѣчаются имена разныхъ позднѣйшихъ комментаторовъ, въ родѣ Зосимы Газскаго, Зенона, Павла Гермина (Paulus Hermipus). Словомъ, во всей греческой критикѣ Лизію отведено второе по значенію мѣсто послѣ Демосфена и Исократъ. Изъ всѣхъ 233 рѣчей, признанныхъ Діонисіемъ и Цециліемъ подлинными, изъ всѣхъ комментаріевъ и толкованій до насъ дошли только выше указанныя критическія попытки, разборы довольно большого числа частныхъ вопросовъ у Свиды и Гарпократъ, заглавія около 170 рѣчей, одинъ сборникъ, состоящій изъ 34 рѣчей, изъ которыхъ нѣкоторыя сохраниены не вполне, и наконецъ до сотни меньшихъ отрывковъ.

§ 400. Библіографія. Рѣчи, за исключеніемъ подложной эпитафіи, отъ которой имѣются также и отдѣльные списки, дошли до насъ въ одной рукописи ¹⁹²⁾, палатинской X, сохраняющейся въ Гейдельбергѣ и бывшей основою всѣхъ другихъ списковъ, въ особенности флорентинскаго, нѣкогда пользовавшагося большимъ авторитетомъ. Кодексъ X былъ не только списанъ съ прототипа, уже испорченнаго, но самъ утратилъ нѣсколько страницъ и былъ къ тому же работой небрежнаго и неаккуратнаго переписчика, такъ что текстъ давалъ критикамъ широкое поприще для исправленій и выборовъ. Восемь изъ сохранившихся (частями или въ цѣломъ) рѣчей удостовѣрены самимъ Діонисіемъ, наиболѣе даровитымъ и заботливымъ изъ всѣхъ авторитетовъ по этому вопросу. Пять рѣчей онъ отвергаетъ; остальные сомнительны. Выборъ былъ сдѣланъ, повидимому, изъ двухъ собраній Лизіевыхъ рѣчей, или, быть можетъ, соединены были двѣ выборки изъ всѣхъ его сочиненій. Это заключеніе было выведено изъ помѣщенія рѣчей, объ убійствахъ на первомъ и на двѣнадцатомъ мѣстѣ, при чемъ послѣдняя изъ нихъ (противъ Эратосфена) должна считаться первою по порядку, какъ по времени, такъ и по достоинству. Но болѣе точная классификація является сложною и неудовлетворительною, благодаря разнообразію обсуждаемыхъ ораторомъ дѣлъ, какъ читатель это увидитъ изъ сдѣланнаго Блассомъ анализа этого вопроса ¹⁹³⁾.

Первое изданіе (Альда, 1513 года, вмѣстѣ съ другими ораторами) взято не изъ палатинской рукописи, а изъ аѳонской, привезенной Ласкарисомъ и нынѣ потерянной, но бывшей, очевидно, второсте-

¹⁹²⁾ Написанной въ двѣнадцатомъ столѣтіи и привезенной изъ Никеи въ Европу. См. статью Шелля въ *Гермесѣ*, томъ XI, стр. 202 и слѣд.

¹⁹³⁾ I. 348, 368.

пенной копіею того же первоначальнаго типа. Въ наши дни, кромѣ цюрихскихъ изданій и тейбнеровскаго изданія Шейбе (оба превосходныя), нашъ писатель нашелъ неопѣнимую поддержку въ критическихъ трудахъ Кобе, какъ въ его *Novae lectiones*, такъ и въ его специально учебномъ изданіи (Амстердамъ, 1863 г.), безспорно заключающемъ лучшій текстъ. Есть много хорошихъ изслѣдованій и выборокъ съ примѣчаніями Нѣмцевъ, изъ которыхъ я укажу на Гельшера, Франкена, Фробергера, Раухенштейна. Есть нѣмекіе переводы Фалька (Бреславль, 1842 г.) и Ф. Баура (2 изд., Штутгартъ, 1869 г.). Превосходную общую свѣдку можно встрѣтить (кромѣ трудовъ Бласса и Джебба) въ сочиненіяхъ Перро и Жираро о греческой литературѣ; труды послѣдняго касаются исключительно Лизія ¹⁹⁴).

§ 401. Принято переходить отъ разбора Лизія и его судебного краснорѣчія къ Исократу и его эпидиктическимъ рѣчамъ, а потомъ возвращаться къ Изею, какъ къ прямому предшественнику и учителю Демосфена. Но, такъ какъ указанія на послѣднюю связь не отличаются большой ясностью и относятся, во всякомъ случаѣ, лишь къ особому отдѣлу Демосфеновыхъ рѣчей, именно къ тѣмъ, которыя направлены противъ его попечителей, мнѣ кажется болѣе полезнымъ коснуться трудовъ Изея въ тѣсной связи съ Лизіемъ, съ которымъ онъ имѣетъ много точекъ соприкосновенія и много контрастовъ. Это дастъ намъ возможность составить себѣ лучшее понятіе о судебномъ краснорѣчій Аѳинъ, прежде чѣмъ мы перейдемъ къ философамъ и памфлетистамъ, которые, согласно модѣ того времени, также были ораторами и специально изучали риторику.

§ 402. Мракъ, окутывающій жизнь Изея, врядъ ли дѣло случая. Это скорѣе признакъ, — я чуть было не сказалъ отличительный признакъ, — развитія той профессіи, къ которой онъ принадлежалъ. Въ то время, какъ кажущееся уединеніе жизни Антифона только скрывало дѣятельное и постоянное вмѣшательство въ общественныя дѣла, какъ это ясно обнаружилось, лишь только онъ сбросилъ съ себя маску; въ то время, какъ Лизіевы рѣчи заключаютъ въ себѣ нѣсколько разсужденій, преисполненныхъ общественнаго интереса и касавшихся общихъ дѣлъ, въ которыхъ онъ былъ лично замѣшанъ, — произведенія Изея, не только въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ, но въ какомъ они были извѣстны и древнимъ, являлись λόγοι ἰδιωτικοί, назначенными не только для частныхъ

¹⁹⁴) G. Perrot. *Eloquence politique, etc.*, à Athènes, томъ I; Girard, *De l'Atticisme dans Lysias*.

лицъ¹⁹³), но и для частныхъ исковъ, и въ этомъ случаѣ они ближе подходятъ къ тому, что мы сравнили бы съ дѣятельностью англійскихъ Chancery Courts, чѣмъ къ какому либо другому изъ сохранившихся видовъ аттического краснорѣчія. Подобно тому, какъ адвокаты, причисленные въ Англіи къ этому вѣдомству, никогда не достигаютъ даже той степени извѣстности, какое выпадаетъ на долю защитникамъ, посвятившимъ себя уголовнымъ дѣламъ, или процессамъ такъ называемаго *pisi-prigius*, а тѣмъ менѣе достигаютъ той репутаціи, которая составляетъ принадлежность политическихъ ораторовъ, такъ и личность Изея остается неизвѣстною, даже рѣчи его, несмотря на ихъ достоинства, рѣдко изучались кѣмъ либо, кромѣ специальныхъ изслѣдователей принциповъ аттической юриспруденціи. Вслѣдствіе этого время его рожденія и смерти неизвѣстно. Говорили иногда, хотя и съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, что родъ его происходилъ изъ Халкиды, а отца его звали Діагоромъ. Онъ могъ быть еврейскимъ клерукомъ, вернувшимся въ Аѣины послѣ отнятія у Аѣинъ этого острова или метэкомъ, т. е. иноземцемъ, поселившимся и практиковавшимъ въ Аѣинахъ, не пользуясь однако социальнымъ положеніемъ Кефала и его сына Лизія. Эпоха составленія уцѣлѣвшихъ рѣчей Изея, насколько ее можно опредѣлить, простирается отъ 389 до 352 года до Р. Х. Какъ это, такъ и предполагаемая роль его, какъ наставника Демосфена, доказываютъ, что его дѣятельность распространялась на всю первую половину четвертаго столѣтія до Р. Х. О его воспитаніи извѣстно столь же мало. Его зовутъ послѣдователемъ Лизія, ученикомъ Исократы. Но рѣчи его несутъ слѣды только общаго вліянія, которое эти великіе современники должны были имѣть на челоуѣка съ его способностями. Отсутствіе болѣе близкаго сходства какъ бы указываетъ на то, что воспитательное вліяніе ихъ на него не было непосредственнымъ.

§ 403. Содержаніе одиннадцати рѣчей и значительныхъ отрывковъ, приводимыхъ Діонисіемъ въ видѣ образцовъ, не имѣетъ особаго литературнаго интереса и не заслуживаетъ особаго разбора въ на-

¹⁹³ Въ греческомъ аргументѣ четвертой рѣчи (касающейся Никострата и т. д.) говорится, что Изей былъ родственникомъ Гагіона, племянника завѣщателя, и произнесъ свою рѣчь въ видахъ личной помощи для нихъ. Такъ какъ въ самой рѣчи нѣтъ указаній на это обстоятельство, то оно было, вѣроятно, заимствовано у какого-нибудь древняго авторитета и не представляетъ ничего неправдоподобнаго, хотя Блассъ и полагаетъ (II, стр. 506), что его приводили *wohllediglich aus thörichte Vermuthung*. Но, къ сожалѣнію, люди, которыхъ касается дѣло, весьма темные, а сама рѣчь не бросаетъ свѣта на жизнь и связи Изея. См. тщательный обзоръ фактовъ у Бласса, А. В., II, стр. 454.

стоящемъ сочиненіи ¹⁹⁶). Наиболѣе обработанная и демосееновская по стилю рѣчь—одинадцатая, касающаяся завѣщанія Гагнія. По поводу этого процесса, длившагося многіе годы и подвергшагося различнымъ перипетіямъ, мы имѣемъ рѣчь Демосеена противъ Макартата, произведеніе, стоящее нетолько ниже обыкновеннаго уровня твореній великаго оратора, но уступающее даже рѣчи Изея, гораздо болѣе логичной и лучше построенной. Восьмая рѣчь, касающаяся унаслѣдованія собственности Кирона, также интересна въ томъ отношеніи, что ею въ значительной степени пользовался Демосеенъ въ рѣчахъ противъ своихъ опекуновъ, но непринужденность и независимость, съ которыми онъ измѣняетъ изреченія и цитаты изъ нея, доказываютъ, что онъ уже тогда не былъ простымъ ученикомъ, а оригинальнымъ и даровитымъ риторомъ. Всѣ рѣчи Изея касаются вопросовъ о наслѣдствахъ, о законности завѣщаній, о доказательствахъ, на основаніи которыхъ они признаются или оспариваются, и о правахъ родства. Какъ и рѣчи Лизія, онѣ ясно открываютъ передъ нами серьезные недостатки аѳинской системы суда присяжныхъ. Эти присяжные не были небольшою группою людей, клятвенно-обязавшихся вникать въ фактическіе вопросы, руководимыхъ во всемъ, что касалось закона, судьей по профессіи и предназначенныхъ для защиты частныхъ лицъ противъ административныхъ захватовъ. Напротивъ того присяжные были скорѣе представителями народа-властелина, распавшагося на группы въ 500 человекъ каждая, и вносившаго въ судъ свою царственную власть, неотвѣтственную и безконтрольную. Такимъ образомъ въ то время, какъ многочисленность присяжныхъ фактически дѣлала изъ аттическихъ судебныхъ рѣчей воззванія, обращенныя къ большому собранію (подробность, рѣдко отмѣчаемая надлежащимъ образомъ)—ихъ неограниченная и деспотическая власть побуждала адвокатовъ скорѣе умиловить присяжныхъ, чѣмъ убѣдить ихъ здравыми доводами, дѣйствовать на страсти, а не на разсудокъ, льстить, а не вліять честными средствами.

Все аѳинское судебное краснорѣчіе отравлено ненормальной основою того трибунала, къ которому оно обращалось, и результатъ этого порядка вещей нигдѣ такъ не сказался, какъ въ рѣчахъ Изея, касавшихся вопросовъ, обставленныхъ строгими законами, обычаями, прецедентами, традиціями, столь же древними, какъ и сама арійская цивилизація. Во всемъ, что касается правъ завѣщателей, предѣловъ, ограничивающихъ завѣщанія, строгаго порядка наслѣдованія въ боковыхъ

¹⁹⁶) Изъ шестидесяти-четырехъ рѣчей, изъ которыхъ пятнадцать были отвергнуты критиками, до насъ дошло лишь около одной шестой.

линіяхъ, послѣдствій отсутствія завѣщанія, препятствій, происходящихъ отъ умственного разстройства умершаго, или отъ посторонняго на него вліянія—во всемъ этомъ система аттической юриспруденціи была весьма совершенна и построена заботливо. Но, какъ бы адвокатъ съ легальнымъ складомъ мыслей, отличавшимъ Изея, ни желалъ оставаться въ предѣлахъ законности при разсмотрѣніи дѣла, присяжные не допускали такого трезваго обсужденія. Къ тому же они гораздо менѣ насъ придавали, повидимому, значенія свидѣтельскимъ показаніямъ, по всему вѣроятію, вслѣдствіе лживости афинскаго народа. Мы замѣчаемъ также поразительную небрежность въ составленіи документовъ и въ храненіи ихъ въ надлежащихъ архивахъ. Вслѣдствіе этого, защитникъ не удовлетворяется установленіемъ вопроса посредствомъ прямыхъ свидѣтельскихъ показаній или документовъ, подтверждающихъ его: онъ всегда прибѣгаетъ къ *εἰσός*, или вѣроятностямъ дѣла, такъ что большинство рѣчей Изея состоитъ изъ аргументовъ, направленныхъ противъ прямыхъ показаній, и основано на теоріи вѣроятностей. Разсматриваемое завѣщаніе объявляется поддѣлкою только потому, что завѣщатель былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ своимъ наслѣдникомъ; усыновленіе ребенка отрицается на томъ же основаніи. Правдоподобно ли, чтобъ человѣкъ въ здоровомъ умѣ сдѣлалъ такое дѣло,—вотъ на что особенно напираютъ тяжущіеся. Легко увидать, насколько подобный порядокъ вещей вліялъ на судебное краснорѣчіе; все хитроуміе записнаго ритора было необходимо, чтобы скрасить дѣло, которое должно бы говорить само за себя. Дикасты не задумывались нарушить завѣщаніе, или принять рѣшеніе вопреки клятвеннымъ свидѣтельствамъ. Дѣйствительно, по числу дѣлъ о клятвопреступленіи, извѣстныхъ намъ, можно вывести заключеніе, что присяга произносилась въ аттическихъ судахъ не добросовѣстнѣе, чѣмъ нынѣ въ ирландскихъ.

§ 404. Послѣ всего этого намъ становится понятнымъ замѣчаніе, высказанное объ Изеѣ въ греческомъ Жизнеописаніи, гдѣ говорится, что онъ былъ кореннымъ образомъ несправедливъ къ своимъ противникамъ и командовалъ присяжными ¹⁹⁷⁾. Но эта-то именно репутация и уменьшала его вліяніе; въ то время какъ Лизій казался безхитростнымъ въ своихъ нападеніяхъ на виновныхъ, Изея подозрѣвали даже тогда, когда онъ отстаивалъ невинныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, сличеніе съ Лизіемъ всего лучше обнаружить характерныя особенности Изея. Во первыхъ, большая часть его рѣчей длиннѣе и обстоятельнѣе рѣчей Лизія, главнымъ образомъ,

иногда даже замѣчаютъ, что онъ былъ несправедливъ къ своимъ противникамъ и командовалъ присяжными ¹⁹⁷⁾.

¹⁹⁷⁾ καὶ πρὸς μὲν τὸν ἀντίδικον διαπορεύεται, τοὺς δὲ δικαστὰς καταστράγγει

благодаря многочисленнымъ перечнямъ и повтореніямъ фактовъ, которые Лизій считалъ бы скучными и которые являются во всякомъ случаѣ нарушеніемъ и ооса, если только ораторъ человѣкъ мало-опытный въ преніяхъ. Но у Изея маска какъ будто спадаетъ; положеніе его, какъ логографа, было слишкомъ хорошо установлено и извѣстно, чтобы бы была возможность его отрицать, и Изей не хотѣлъ, или не умѣлъ принимать на себя личность своего клиента. Вслѣдствіе этого онъ удалился отъ простаго построенія лизіевыхъ рѣчей, стремился къ разнообразію и силѣ въ обработкѣ вопроса, раздроблялъ изложеніе фактовъ на части, связывалъ ихъ доводами, выпускалъ введенія или заключенія рѣчи, или вѣрнѣе вpletалъ вступленіе и воззванія въ самый составъ ея. Ему случалось даже начинать и кончать рѣчь чтеніемъ законовъ; словомъ, стремленіе къ разнообразію составляло одну изъ его главныхъ цѣлей. Это столько же замѣтно въ слогѣ, какъ и въ построеніи рѣчей. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и, иногда только мѣстами, періоды его почти такъ же величественны, какъ у Исократы или Демосоена; въ другихъ, быть можетъ, съ меньшимъ успѣхомъ, онъ стремился къ простотѣ изложенія, иной разъ тѣснилъ противника подробными разспросами и быстрымъ изложеніемъ краткихъ подробностей. Но въ то время, какъ его краснорѣчіе болѣе выдержано и логично, въ то время, какъ онъ убѣждаетъ слушателей посредствомъ ловкихъ повтореній, онъ не достигаетъ увлекательности Лизія, или постоянной силы Демосоена. Скажемъ болѣе, — вопреки его искусственнымъ попыткамъ быть разнообразнымъ, въ его рѣчахъ замѣчается нѣкоторая монотонность, которая дѣлаетъ ихъ скучными въ сравненіи съ рѣчами Лизія. Это происходило, быть можетъ, до извѣстной степени отъ однообразія разбираемыхъ имъ сюжетовъ. Но и помимо этого, отсутствіе иоса и притворная риторическая сила естественно должны были производить непріятное дѣйствіе.

§ 405. Вліяніе на него риторики Исократы замѣчается по отсутствію въ нѣкоторыхъ его рѣчахъ гіатуса, точно также, какъ и по общей отдылкѣ и гладкости многихъ періодовъ; но мы не можемъ прослѣдить постепенности усвоенія имъ этихъ чертъ и не замѣчаемъ ихъ преобладанія въ позднѣйшихъ рѣчахъ, такъ что всего правдоподобнѣе, что онъ употреблялъ, какъ эти, такъ и другіе приемы лишь ради разнообразія и новизны. Ясно, что онъ избѣгалъ гіатуса, не руководствуясь твердымъ принципомъ. Фигуры мысли, какъ, на примѣръ, негодующіе вопросы и тому подобныя измышленія, встрѣчаются у него чаще, чѣмъ у Лизія, природныя дары котораго онъ старался превзойти съ помощью большаго упражненія въ своемъ дѣлѣ. Такъ древнія параллельно-идушія части періодовъ Горгіе-

вой риторике, придававшія рѣчамъ Лизія античный характеръ, почти не встрѣчаются у Изея, но построение его рѣчей является тѣмъ не менѣе тщательнымъ и искусственнымъ, хотя онъ и старается избѣгать этихъ вышнихъ прикрасъ. Такимъ образомъ, при всей его архаической дѣланности Лизій все-таки гораздо естественнѣе и проще. Нѣтъ никакой нужды продолжать здѣсь это сличеніе, такъ какъ оно сдѣлано по образцу Діонисія Блассомъ и Перро.

§ 406. Библіографія. Скажемъ нѣсколько словъ объ исторіи текста. Кромѣ того факта, что Изей былъ наставникомъ Демосеена, объ немъ встрѣчается мало упоминаній вплоть до Гермогена и Діонисія, которые отзываются о немъ весьма лестно. Замѣтки Дидима приводятся лишь одинъ разъ (у Гарпократіона, γαμῆλια). Греческіе обзоры рѣчей Изея весьма полны, но, насколько мнѣ извѣстно, до насъ не дошло никакихъ схолій. Что касается рукописей, мы зависимъ все отъ тѣхъ же манускриптовъ, о которыхъ было говорено по поводу Антифона. За editio princeps Альда (1513) и изданіемъ Стефана (1575) послѣдовало въ 1773 году изданіе Рейске, основанное не на новомъ сличеніи, а на утраченномъ кодексѣ Ласкариса. Переводъ и юридическія замѣтки Джонса (Оксфордъ, 1779 г.) за-служили высшія похвалы со стороны Шеманна.

Одиннадцатая рѣчь (о завѣщаніи Менекла) была впервые издана по лавренціанской рукописи Тирвиттомъ (Tyrrwhitt, Лондонъ, 1785 г.) Значительный отрывокъ изъ рѣчи о завѣщаніи Клеонима былъ добавленъ Май (Mai) въ 1815 году изъ одного амвросіанскаго кодекса. Изъ позднѣйшихъ изданій тексты Беккера и Шейбе и полное изданіе рѣчей, съ комментаріями Шеманна (1831 г.), сдѣлавшаго также нѣмецкій переводъ ихъ (2 изд. въ 1869 г.), всего болѣе достойны замѣчанія.

§ 407. Мы прослѣдили аттическое судебное краснорѣчіе до его полнаго развитія у Изея,—такъ какъ превосходство нѣкоторыхъ демосееновскихъ рѣчей этого рода вызвано скорѣе исключительно гениальностью этого оратора, чѣмъ открытіемъ какихъ либо новыхъ принциповъ, или новаго метода риторики. Такъ какъ «личныя рѣчи» Демосеена едва ли могутъ быть разсматриваемы отдѣльно отъ его жизни, то мы приостановимся здѣсь и обратимся къ параллельнымъ областямъ литературной дѣятельности. Но вмѣсто того, чтобы перейти къ Исократу, бывшему въ это время вождемъ эпидиктической риторики, и чьи заслуги были исключительно стилистическими, я предпочитаю перейти къ той отрасли аттической прозы, которая представляетъ разительнѣйшій контрастъ съ практической судебной адвокатурой, именно къ диалогамъ Платона и другихъ товарищей Сократа. Эти люди презирали подобное ремесло и держались въ сторонѣ отъ политическихъ дѣлъ; они доставятъ

намъ поэтому пріятное отдохновеніе отъ практическаго краснорѣчія, такъ долго занимавшаго насъ. Какъ глубокіе мыслители и философы въ строгомъ смыслѣ слова, они заслуживаютъ болѣе ранняго и почетнаго мѣста, чѣмъ Исократъ съ его праздными и безплодными попытками сочетать мелочную философію съ столь же мелкою теоретическою политикою. Такимъ образомъ, этотъ выдающійся риторъ, но слабый государственный человѣкъ будетъ предметомъ нашего изученія въ связи съ его прямой противоположностью — Демосоеномъ.

Г Л А В А VII.

Платонъ.

§ 408. Платонъ, настоящее имя котораго было Аристоклъ, родился въ 429 или 427 году до Р. Х. въ Эгинѣ¹⁹⁸), гдѣ отецъ его имѣлъ собственность. Отецъ этотъ, Аристонъ, сынъ Аристокла, и мать его Перистіона (сестра Хармида), происходили оба изъ знатныхъ и древнихъ семей и хотя позднѣйшіе писатели и изображаютъ Платона человѣкомъ бѣднымъ, но это вызвано, повидимому, только желаніемъ еще болѣе приблизить его къ Сократу и къ аскетическому типу, столь модному тогда въ греческой философіи. Можно привести нѣсколько указаній, свидѣтельствующихъ, что онъ былъ человѣкъ богатый и вліятельный. Въ молодости онъ изучалъ гимнастику и, благодаря своимъ широкимъ плечамъ, получилъ въ гимназій прозваніе Платона; утверждаютъ также, что онъ взялъ призъ на истмійскихъ играхъ. Такъ какъ срокъ воинской повинности совпалъ для него съ тяжелыми днями конца пелопоннесской войны, то, по всему вѣроятію, онъ служилъ въ дѣйствующихъ войскахъ. Однако, какъ объ этомъ вопросѣ, такъ и объ изученіи имъ музыки, гимнастики, поэзіи и философіи до насъ дошли только предположенія и неопредѣленные легенды, ходившія о немъ, вѣроятно, въ большемъ числѣ, не имѣя солиднаго основанія. Діогенъ говоритъ, что Платонъ учился писать стихи и пробовалъ свои силы въ диоирамбѣ, пѣсняхъ и трагедіяхъ, но что, встрѣтивъ

¹⁹⁸) См. приводимыя Целлеромъ въ его книгѣ о Платонѣ, стр. 2, прим., противныя мнѣнія.

Сократа, онъ сжегъ свои поэмы. Приписываемыя ему въ Антологіи эпиграммы, хотя онѣ и незначительны, весьма изящны, и нѣкоторыя изъ нихъ, быть можетъ, подлинны. Аристотель говоритъ наконецъ, что Кратилъ посвятилъ его въ ученіе Гераклита, еще прежде чѣмъ онъ поддался вліянію Сократа ¹⁹⁹⁾.

Впечатлѣніе, производимое этими разсказами, подтверждается самими сочиненіями Платона; мы видимъ въ немъ молодого аѳинскаго барича, знакомаго со всею ходячей наукой эпохи и подпавшаго въ Аѳинахъ подъ вліяніе соціальной и художественной культуры этого несравненнаго города въ самую идеальную его пору. Обращеніе его Сократомъ отмѣчаетъ собою важную поворотную точку въ его жизни. Платонъ встрѣтился съ нимъ, по всему вѣроятію, въ ранніе годы, такъ какъ разговоры съ Сократомъ были весьма модными въ кругу его аристократическихъ друзей; двадцатилѣтній возрастъ, на который обыкновенно указываютъ при этомъ, — срокъ, по всему вѣроятію, слишкомъ поздній. Во всякомъ случаѣ Платонъ сдѣлался его любимымъ и постояннымъ ученикомъ и находился при своемъ великомъ наставникѣ во время слѣдствія, производившагося надъ нимъ, и приговора. По показанію самаго Платона въ Апологіи, онъ старался склонить Сократа признать пеню, которую могли наложить на него дикасты, въ тридцать минъ, — эту сумму онъ и его друзья готовы были внести. Эта крупная для того времени сумма доказываетъ, что у нихъ были деньги. Послѣ смерти Сократа Платонъ уѣхалъ въ Мегару и пробылъ нѣкоторое время съ Евклидомъ, другимъ послѣдователемъ той же школы, сдѣлавшимся впоследствии главою отдѣльной секты. Изъ Мегары Платонъ ѣздилъ въ Египетъ, Кирену, Великую Грецію, Сицилію, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что онъ возвращался по временамъ въ Аѳины. Время этихъ путешествій, даже тѣхъ, что онъ предпринималъ въ Сицилію (наиболѣе извѣстныхъ) покрыто мракомъ. Говорятъ, что онъ изучалъ математику у Теодора Киренскаго и ближе сошелся съ пифагорейцами въ Великой Греціи. Но, кромѣ этихъ теоретическихъ вопросовъ, онъ впервые практически ознакомился съ дѣйствіями неограниченной монархіи при встрѣчѣ со старшимъ Діонисіемъ. Его взгляды, бывшіе, по всему вѣроятію, отраженіемъ взглядовъ Сократа, оскорбили тирана, и, несмотря на то, что онъ былъ рекомендованъ ему Діономъ, онъ выдалъ его спартанскому послу Поллію, который продалъ его въ рабство на эгинскомъ базарѣ. Кромѣ того онъ едва не былъ умерщвленъ Эгинцами, не позволявшими въ это время ни одному Аѳинянину приставать къ ихъ бе-

¹⁹⁹⁾ Метаф., I, 6.

реку (около 390 г. до Р. Х.). Выкупленный какимъ-то Анникеріемъ, онъ возвратился въ Аѳины и открылъ школу въ знаменитой Академіи, въ западномъ предмѣстьѣ Аѳинъ.

§ 409. Намъ ничего неизвѣстно, къ сожалѣнію, о результатахъ его устнаго ученія, которое онъ называетъ въ своихъ діалогахъ наиболѣе важнымъ. Говорятъ, что его разсужденія отличались большою сухостью, и что, бесѣдуя о Добрѣ, онъ отнюдь не прибѣгалъ къ безыскусственному слогу и примѣрамъ Сократа, но вводилъ въ свою рѣчь математику, астрономію и наконецъ такое отвлеченное представленіе о добрѣ, что никто, кромѣ его прямыхъ учениковъ, не хотѣлъ его слушать. Этими свѣдѣніями мы обязаны Аристоксену, опиравшемуся на авторитетъ Аристотеля, и они согласуются съ нѣкоторыми насмѣшками, встрѣчающимися въ Средней Комедіи. Во всякомъ случаѣ Платонъ не принималъ никакого участія въ политической жизни Аѳинъ, крайне антипатичной ему и противной всѣмъ его принципамъ. Его взгляды на настоящее государство и его администрацію весьма ясно изложены въ трехъ сочиненіяхъ его на эту тему, въ Политикѣ, Республикѣ и Законахъ. Но по смерти его стариннаго друга Діонисія, Діонъ, а также и младшій Діонисій, находившійся въ то время подъ вліяніемъ Діона, убѣдили его вновь посѣтить Сиракузы (367 г. до Р. Х.), въ надеждѣ, что ему удастся обратить къ своимъ взглядамъ новаго тирана и осуществить, такимъ образомъ, свои теоріи государственнаго преобразованія. Опытъ оказался совершенно такимъ, какъ и можно было ожидать. Послѣ нѣсколькихъ дней, во время которыхъ, благодаря новизнѣ явленія, Діонисій оказывалъ Платону величайшую вѣжливость, онъ утомился его обществомъ и почувствовалъ ревность къ Діону, такъ что изгналъ его изъ Сиракузъ, а вслѣдъ за тѣмъ удалился и Платонъ. Но около 361 года до Р. Х. онъ былъ вынужденъ вернуться въ Сиракузы, быть можетъ, главнымъ образомъ для того, чтобы примирить своего друга Діона съ тираномъ. Снова спасаясь отъ неудовольствія его, онъ вернулся въ Аѳины, гдѣ и провелъ остатокъ своей жизни, почитаемый большимъ кругомъ поклонниковъ. Какъ гласитъ преданіе, онъ мирно скончался въ 347 г. до Р. Х. во время одного брачнаго торжества, достигнувъ болѣе чѣмъ восьмидесятилѣтняго возраста.

§ 410. Платонъ принадлежитъ къ числу весьма немногихъ греческихъ писателей, сочиненія которыхъ всѣ уцѣлѣли. Дошедшій до насъ каталогъ ихъ скорѣе слишкомъ обиленъ, чѣмъ неполонъ, и одну изъ главныхъ обязанностей новѣйшихъ критиковъ составлялъ пересмотръ написаннаго имъ и удаленіе всего недостойнаго Платона или неподлиннаго. Прежде, чѣмъ перейти къ діалогамъ, мы можемъ сказать нѣсколько словъ о меньшихъ и не столь извѣстныхъ со-

чиненіяхъ, нѣкогда приписывавшихся ему. Мы видимъ, во первыхъ, упомянутыя уже эпиграммы, которыя отвергаются большинствомъ критиковъ, но изъ которыхъ одна или двѣ кажутся мнѣ подлинными; есть нѣсколько Определеній (*διαρίσεις*), на которыя Аристотель не разъ ссылается, но такъ какъ они не упомянуты ни въ одномъ изъ списковъ сочиненій Платона, то это было, по видимому, собраніе изреченій, взятое изъ его устныхъ поученій и сохранившееся въ академической школѣ. Есть еще сборникъ Посланій, все еще печатаемыхъ въ изданіяхъ текста, которыя Гротъ въ своемъ обширномъ трудѣ о Платонѣ²⁰⁰), признаетъ подлинными, основывая на нихъ многія свѣдѣнія о жизни философа. Одно изъ этихъ посланій (седьмое) такъ интересно и подробно говорить о его отношеніяхъ къ Діону и Діонисію, что всѣ критики желали бы признать его подлинность, и даже тѣ, которые отвергаютъ въ этомъ случаѣ авторство Платона, считаютъ это посланіе произведеніемъ почти современнаго ему писателя, хорошо знакомаго съ его жизнью. Но я согласенъ съ Джоуэттомъ и со всѣми нѣмецкими критиками, что ни одно изъ этихъ посланій не подлинно, и готовъ считать свѣдѣнія, почерпнутыя изъ седьмага посланія, весьма сомнительными. Быть можетъ, все сказанное въ немъ—правда, но ни одна подробность, не подтверждаемая другими свидѣтельствами, не должна быть принята безъ крайней осмѣрительности. Къ тому же намъ извѣстно, что около десяти діалоговъ изстари считались подложными; большинство ихъ такъ и названо у Діогена Лаэртскаго²⁰¹). Остаются тридцать пять діалоговъ²⁰²) изъ которыхъ четыре (вто-

²⁰⁰) Платонъ и другіе товарищи Сократа, I, стр. 220 и слѣд.

²⁰¹) III, 62.

²⁰²) Вотъ ихъ списокъ.

(α) Изслѣдованія:

Θεετήρ.

Парменидъ.

Алкивіадъ I.

* Алкивіадъ II.

* Θεагесъ.

Лахъ.

Лизій.

Хармидъ.

Менонъ.

Іонъ.

Эвтифронъ.

Эвемдемъ.

Горгій.

* Гиппій I.

Гиппій II.

(β) Экспозиція взглядовъ:

Тимей.

Законы.

* Эпиномъ.

Критій.

Республика.

Софистъ.

Политикъ.

Федонъ.

Филебъ.

Протагоръ.

Федръ.

Пиръ.

Кратилъ.

Критонъ.

рой Алкивиадъ, Антерасты, Гиппархъ и Эпиномъ) казались сомнительными греческимъ критикамъ ²⁰³⁾, а еще гораздо большее число—школы Аста и Зохера, возникшей изъ полемики Вольфа во второмъ десятилѣтіи нынѣшняго вѣка.

§ 411. Связь этихъ разрозненныхъ сочиненій, ихъ соотношеніе, какъ логическое, такъ и хронологическое, всегда были и будутъ предметомъ спора, если не принять мнѣніе Грота, что Платонъ преднамѣренно отдѣлилъ ихъ другъ отъ друга и сознательно устранилъ изъ каждаго всякую связь съ остальными въ теоретическомъ отношеніи. Гротъ положительно утверждаетъ, что это такъ и было, по крайней мѣрѣ относительно двухъ группъ діалоговъ, на которыя Платоновы произведенія должны быть раздѣлены. Разсмотримъ сперва логическій порядокъ. Главнымъ авторитетомъ въ этомъ случаѣ является, конечно, самъ Платонъ. Тѣ же лица, которыя встрѣчаются въ *Θεεтетѣ*, сталкиваются между собою опять и въ *Софистѣ*, хотя и не возобновляютъ прерванной нити разговора. Политикъ оказывается третьей бесѣдой того же лица (съ новымъ собесѣдникомъ). Та же связь видна между *Республикою*, *Тимеемъ* и *Критіемъ*, а четвертый діалогъ, *Гермократъ*, хотя и былъ, повидимому, обѣщанъ, но не былъ никогда написанъ. Я не увѣренъ однако, не выводилъ ли Платонъ тѣ же самыя лица въ разныхъ діалогахъ лишь въ видахъ драматическаго удобства, не имѣя намѣренія устанавливать между ними какой либо внутренней связи. Поскольку мнѣ извѣстно, авторъ нигдѣ не даетъ намъ какихъ либо указаній по этому вопросу. Самая ранняя попытка логической классификаціи, дошедшая до насъ, упомянута Диогеномъ ²⁰⁴⁾, приписывающимъ ее Аристофану Византійскому. Онъ образовалъ пять трилогій: 1: *Республика*, *Тимей*, *Критій*. 2: *Законы*, *Миносъ*, *Эпиномъ*. 3: *Θεεтетъ*, *Эвтифронъ*, *Апология*. 4: *Софистъ*, *Политикъ*, *Кратилъ*. 5: *Фэдонъ* и *Письма*. Остальные діалоги размѣщены имъ порознь и безъ опредѣленнаго порядка.

Нѣсколько важныхъ замѣчаній невольно напрашиваются здѣсь. Аристофанъ не воспользовался упомянутыми нами намеками, встрѣ-

* Кляйтофонъ.

Апология.

* Гиппархъ.

Менексень.

* *Egastae*

* *Миносъ*.

Послѣднія два произведенія не діалоги въ настоящемъ смыслѣ слова; одно изъ нихъ дидактическое, другое эпидидacticкое упражненіе.

²⁰³⁾ Ср. Платонъ и древнѣйшая Академія, Целлера.

²⁰⁴⁾ III, 61.

чающимися въ самыхъ діалогахъ, не придерживался научнаго порядка для построения какой-либо теории платонизма и признавалъ, очевидно, подлинными не только такіа сочиненія, которыя отвергаются въ настоящее время, но и тѣ, которыя казались подозрительными еще встарь, въ родѣ напр., Эпинома. Далѣе, Диогенъ упоминаетъ о раздѣленіи діалоговъ Θразиломъ, два столѣтія спустя, на десять тетралогій; драматическое сочетаніе здѣсь часто натянуто, или просто нелѣпо и лишено всякаго истиннаго значенія. Раздѣленіе это было, какъ замѣчаетъ Гротъ, вызвано, по всему вѣроятію, тѣсной связью, соединяющей Эвтифронъ, Апологию, Критонъ и Фѣдонъ. Гротъ признаетъ именно Θразиловъ полный списокъ въ тридцать пять діалоговъ (включая сюда Апологию и Менексенъ), основаннымъ на вѣрныхъ преданіяхъ Академіи и на критическомъ трудѣ александрійскихъ *χωρίζοντες*, или критическихъ «софистииковъ», слѣдовательно, вполне надежнымъ. Но Θразиль придумалъ другое подраздѣленіе, гораздо болѣе цѣнное, именно раздѣленіе на Діалоги-Розысканія (*ζητητικοί*) и на Экспозиціи (*ὑφηγητικοί*)²⁰³. Изъ замѣчаній Диогена явствуетъ также, что попытки классификаціи были почти такъ же многочисленны и разнообразны у древнихъ, какъ и среди современныхъ намъ нѣмцевъ; онъ называетъ девять діалоговъ, которые, каждый по очереди, ставились различными критиками во главѣ списка. Я отнюдь не соглашаюсь съ выводомъ Целлера, что попытки эти указываютъ на достовѣрность традиціи или на вѣру въ какой-нибудь опредѣленный, неизблѣмый порядокъ. Но для тѣхъ, кто скептически относится къ существованію другаго логическаго звена между діалогами, или къ возможности прослѣдить въ нихъ постепенный философскій прогрессъ, по крайней мѣрѣ, безошибочно уясняется, что нѣкоторые изъ діалоговъ возбуждаютъ пренія, не приводящіа ни къ какому выводу, въ то время какъ въ другихъ устанавливаются принципы и догматически излагается цѣлая законодательная или философская система.

§ 412. Вслѣдъ за трудами александрійскихъ грамматиковъ и писателей августовой поры, не стремившихся, повидимому, къ глубокому проникновенію въ умъ Платона, но удовлетворяемыхъ чисто формальными различіями, мы встречаемся съ нео-платониками, бросившимися въ противоположную крайность и искавшими мистическихъ откровеній и божественныхъ аллегорій въ каждомъ оборотѣ

²⁰³ Ср. выше нашъ списокъ діалоговъ. Я не считаю нужнымъ говорить о Θразидовомъ подраздѣленіи этихъ заголовковъ. На томъ же принципѣ основана классификація Альбина (въ его *Isagoge* къ Платону), хотя, какъ видно изъ примѣчанія Целлера, стр. 97, онъ расходится съ Θразиломъ въ подраздѣленіяхъ.

діалоговъ. Этотъ критическій методъ, равно какъ и попытка указать на согласованіе платонова ученія съ религією Моисея и вліяніе ея на вдохновеніе Платона, какъ «аттического Моисея», теперь настолько дискредитированы, что достаточно будетъ указать читателю (вмѣстѣ съ Гротомъ) на предисловіе, которое Фичино, великій платоникъ эпохи Возрожденія, предпосылаетъ своему латинскому переводу діалоговъ. (Флоренція, 1494 г.). Въ изданіи Стефена, 1578 года, Серранъ возвращается къ древнему, чистовѣйшему способу классификаціи и раздѣляетъ діалоги на шесть группъ, смотря по общимъ темамъ, въ нихъ затронутымъ (Этика, Физика, Политика и т. д.). Съ этого времени вплоть до конца прошлаго столѣтія розысканія внутренней связи діалоговъ какъ будто приостановились. Съ Шлейермахера начинается новая эра, и съ той поры Германія наводняется теоріями, основанными на внутреннемъ убѣжденіи самого теоретика, приписывающими всемъ сочиненіямъ Платона необходимый и естественный порядокъ, отвергающими, вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣ изъ нихъ, которыя не подходятъ подъ данную теорію, и бойко заявляющими, что всѣ противники и несогласные—совершенные невѣжды въ дѣлѣ пониманія духа истиннаго платонизма. Противники могутъ быть раздѣлены на три лагеря:—во первыхъ, на лагерь Шлейермахера, вліяніе котораго нынѣ нѣсколько ослабѣваетъ, хотя онъ и былъ виновникомъ всей полемики; теорія его все еще поддерживается Риттеромъ, Брандисомъ и Риббингомъ; по мнѣнію этой школы Платонъ сознательно писалъ діалоги въ опредѣленномъ и логическомъ порядкѣ, въ чемъ можетъ убѣдиться каждый, дошедшій до основательнаго пониманія платоновой системы. Далѣе мы видимъ Германна съ большимъ числомъ послѣдователей, отрицающаго всякую сознательную группировку въ умѣ Платона, но полагающаго, что діалоги носятъ на себѣ слѣды естественнаго роста и развитія его ума. Всевозможныя попытки дѣлаются въ настоящее время для примиренія этихъ теорій; стараются доказать неизбежность этого роста, сопровождаемаго сознательными проблемами его въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ. Наконецъ мы имѣемъ еще англійскую школу, вождемъ которой является Гротъ, а настоящимъ представителемъ—Джоуэттъ, и къ которой мы могли бы присоединить и Нѣмца Аста, еслибъ онъ не отвергалъ, весьма нелогично, множество діалоговъ, придерживаясь въ то же время воззрѣній, которыя всего легче допускаютъ различіе стили и обработки сюжетовъ. Школа эта весьма скептически относится къ идеѣ объ обширномъ планѣ или порядкѣ въ діалогахъ и не только считаетъ каждый изъ нихъ вполне законченнымъ и обособленнымъ, но замѣчаетъ даже въ нихъ равнодушіе автора къ противорѣчіямъ съ остальными и нерѣдко—явное несоотвѣтствіе. Изъ этого логически слѣдуетъ,

что всѣ діалоги, не наводящіе на сомнѣніе внѣшнею очевидностью, должны быть признаны подлинными, такъ какъ такой фактъ, какъ внутренняя неправдоподобность, можно допустить лишь весьма рѣдко.

Значительныя и безпрерывныя несогласія мнѣній между нѣмецкими платонистами, исчерпывавшими въ теченіе ста лѣтъ всевозможныя комбинаціи, не достигнувъ при этомъ никакихъ прочныхъ результатовъ, почти побуждаютъ насъ признать въ главныхъ чертахъ вѣрною третью теорію. Нѣкоторыя общія примѣты не отвергаются, повидимому, никѣмъ. Такъ, напримѣръ, ясно, что чисто сократическіе діалоги, имѣющіе форму вопросовъ, были написаны Платономъ подъ свѣжимъ вліяніемъ бесѣдъ Сократа; что послѣ его странствованій по Италіи и Сициліи онъ приблизился къ метафизикѣ Пифагора и высказалъ влѣдствіе этого, уже отъ своего лица, принципы, вполне чуждые Сократу. Далѣе, такіе діалоги, какъ *Эвемидъ*, указываютъ на полемическій антагонизмъ съ Антистономъ и Исократомъ или другими подобными лицами, являвшимися соперниками Платона, какъ вожди школъ; эти діалоги должны быть отнесены къ болѣе дѣятельному періоду его жизни, въ то время какъ такія учительныя и догматическія произведенія, какъ *Законы*, безспорно написанные подъ старость, какъ бы указываютъ на послѣднюю форму его ученія и на его характеръ въ преклонномъ возрастѣ. За исключеніемъ этихъ и, быть можетъ, нѣсколькихъ другихъ общихъ указаній, ничего достовѣрнаго относительно логическаго порядка платоновыхъ сочиненій никогда не было извѣстно.

§ 413. Ради удобства, и для того, чтобы имѣть какую-нибудь рамку для распредѣленія различныхъ частей, планъ Целлера²⁰⁶⁾, выставленный имъ безъ особаго догматизма, могъ бы быть принятъ, какъ разумный и довольно правдоподобный, но обширное сочиненіе Грота навсегда разрушило всякую надежду достигнуть болѣе вѣрныхъ результатовъ. Придерживаясь этого раздѣленія, мы можемъ считать первую группу, чисто-сократовскую, состоящую изъ меньшаго Гиппія, Лизія, Хармида, Лаха, Протагора, Эвтифрона, Апологіи и Критона. Въ нихъ нѣтъ слѣда пифагореизма, никакого стремленія къ философіи природы; всѣ они чисто этические и касаются добродѣтели въ сократовскомъ смыслѣ слова, какъ единой и доступной изученію. За ними слѣдуютъ Горгій, Менонъ, Феэтетъ и Эвемидъ, въ которыхъ уже проявляется ученіе объ Идеяхъ, нравственныя теоріи о состояніи

²⁰⁶⁾ Платонъ, стр. 115 и слѣд.

человѣка послѣ смерти, теорія воспоминаній и другіе пифагорейскіе элементы. Федръ, о времени появленія котораго господствуетъ величайшее разногласіе мѣній, могъ служить введеніемъ къ этой группѣ. За этимъ слѣдуютъ діалоги, которые, признавая пифагореизмъ и теорію Идей, знакомятъ насъ съ элеатской и мегарской философій, отвлеченной и сухой по характеру: сюда относятся Кратилъ, Софистъ, Политикъ, Парменидъ и Филебъ; къ нимъ Целлеръ присоединяетъ два діалога, наиболѣе знаменитые изъ всѣхъ, Пиръ и Фэдонъ, изъ которыхъ послѣдній часто относятъ ко времени, немедленно слѣдовавшему за смертью Сократа, хотя ученія, въ немъ высказанныя, указываютъ на значительный прогрессъ сравнительно съ ранними сочиненіями Платона. Къ концу его жизни появилась Республика, Тимей, Критій и Законы. Целлеръ исключаетъ изъ этого списка Іона и Менексена, равно какъ и Посланія перваго Алкивіада. Я не думаю, чтобы первые два діалога были поддѣльными, или, по крайней мѣрѣ, чтобы ихъ поддѣльность была доказана, и считаю опаснымъ рѣшать такіе вопросы безъ ясныхъ свидѣтельствъ. Я осмѣливаюсь утверждать, что ни одинъ изъ современныхъ намъ нѣмецкихъ критиковъ не призналъ бы ни Меньшаго Гиппія, ни Законовъ, и что ихъ подложность считалась бы теперь установленнымъ фактомъ, еслибы Аристотель не упомянулъ о нихъ случайно въ нѣсколькихъ мѣстахъ сочиненій, дошедшихъ до насъ. Если подобныя упоминанія со стороны Аристотеля несомнѣнно убѣдительны (предполагая притомъ, что они точны) для установленія подлинности діалога, то ни одного вывода невозможно построить на его молчаніи. Такъ, напримѣръ подлинность Протагора, признанная почти единодушно, не удостоверяется никакимъ раннимъ авторитетомъ. Всѣ подобные намеки, какъ прямые, такъ и косвенные, тщательно собраны Боницомъ въ его пѣнномъ *Index Aristotelicus* и рассмотрѣны Целлеромъ²⁰⁷⁾, не признающимъ однако Менексена, вопреки прямой ссылки на него въ аристотелевой Риторикѣ, и «принимая въ соображеніе внутреннюю неправдоподобность». Настолько неизгладима привычка предпочитать апріорныя умозрѣнія вѣншей очевидности!

§ 414. Я долженъ сказать нѣсколько словъ о хронологическомъ порядкѣ діалоговъ, который не долженъ непременно совпадать съ логическимъ, такъ какъ Платонъ могъ написать болѣе раннее произведеніе въ драматической формѣ, какъ введеніе, или дополненіе къ уже существовавшему діалогу. Такой діалогъ напримѣръ, какъ Фэдонъ, который, по драматическимъ требованіямъ, долженъ бы

непремѣнно слѣдовать за Аполлогіею, основательно считается весьма отдаленнымъ дополненіемъ къ ранней группѣ.

Нѣтъ никакихъ указаній, чтобы какой-либо изъ діалоговъ былъ выпущенъ въ свѣтъ еще при жизни Сократа, — кромѣ развѣ приводимаго Діогеномъ анекдота²⁰⁸), будто Сократъ, прослушавъ Лизіа, воскликнулъ: «О, Гераклъ, какое количество лжи наговорилъ обо мнѣ этотъ юноша!» Анекдотъ этотъ отвергается Гротомъ, энергически утверждающимъ, что Платонъ не обнародовалъ ничего до смерти Сократа, когда онъ достигъ уже почти двадцати-осьми лѣтняго возраста. Мы не имѣемъ никакихъ свидѣтельствъ для разрѣшенія этого вопроса, хотя доводы Грота становятся правдоподобными, благодаря тому, что нѣкоторые, повидимому, наиболѣе ранніе діалоги касаются обвиненія и смерти Сократа и относятся, слѣдовательно, къ позднѣйшей эпохѣ. Точно также и въ группѣ, которая названа второю въ вышеприведенномъ спискѣ Целлера, встрѣчаются намеки на событія, случившіяся въ 395—4 годахъ до Р. Х., и она появилась, слѣдовательно, позднѣе этого времени. У насъ врядъ ли найдутся другія хронологическія указанія, если мы не захотимъ утверждать, что рѣзкія непослѣдовательности указываютъ на промежутокъ въ нѣсколько лѣтъ, необходимый для образованія этихъ анахронизмовъ. Такъ теоріи Протагора, будто добродѣтель ничто иное, какъ разумное стремленіе къ счастью и уравновѣшенію меньшихъ золъ большими наградами, — этой теоріи прямо противорѣчитъ Горгій, гдѣ отождествленіе добра съ пріятнымъ прямо оспаривается, какъ безправственная доктрина. Далѣе, Периклъ и Исократъ, чьи имена прославляются въ Федрѣ, подвергаются грубымъ отзывамъ и строгому порицанію въ Горгіѣ и Эвемидѣ, если, конечно, Исократъ былъ тѣмъ философомъ-политикомъ, на котораго встрѣчаются намеки въ послѣднемъ изъ названныхъ діалоговъ. Еслибъ Экклезіазусы Аристофана были направлены противъ платоновой Республики, то крайній срокъ появленія этого произведенія (391 г. до Р. Х.) еще болѣе сдвинулся бы, что противорѣчитъ всякой вѣроятности, такъ какъ этотъ діалогъ носитъ явные слѣды зрѣлости возрѣвѣй и догматизма тона. Отсутствие всякаго прямого упоминанія о Платонѣ въ названной піесѣ даетъ намъ право отвергать ее, какъ положительное свидѣтельство. Авторъ седьмого платоническаго письма упоминаетъ о Республикѣ, какъ о раннемъ сочиненіи, но, по всему вѣроятію, опять на основаніи того же свидѣтельства; между тѣмъ сама піеса даетъ намъ много поводовъ думать, что авторъ не имѣетъ въ виду Платона²⁰⁹).

²⁰⁸) III, § 35.

²⁰⁹) Ср. Целлера, стр. 139, примѣчанія.

§ 415. Едва ли нужно въ нашемъ краткомъ обзорѣ дѣлать извлеченія изъ каждаго діалога, такъ какъ чисто-метафизическія пренія чужды нашему плану, сами же тексты легко доступны всѣмъ, не говоря уже о превосходныхъ классическихъ переводахъ Шлейермахера, шуттгартскихъ переводчиковъ (40 томовъ, 1869) и Джоуэтта. Я ограничусь поэтому общимъ указаніемъ ихъ содержанія: между тѣмъ, въ немногихъ типическихъ случаяхъ болѣе полное изученіе его укажетъ намъ крупныя черты, повторяющіяся въ разныхъ бесѣдахъ. Прежде всего разсмотримъ форму, принятую Платономъ и другими послѣдователями Сократа, именно философскій діалогъ ²¹⁰).

§ 416. Вполнѣ невѣрно, будто Платонъ былъ творцомъ этой литературной формы, хотя большинство комментаторовъ и старается прибавить это достоинство къ его остальнымъ заслугамъ. Но несомнѣнно, что онъ былъ въ этой области величайшимъ художникомъ, какого когда-либо видѣла Греція, или, быть можетъ, даже вся вселенная; подобно тому, какъ онъ соединилъ все частныя истины, добытыя древней философіею, точно также слилъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ различныя попытки и приемы своихъ предшественниковъ въ области драматической прозы. Ранніе біографы его утверждаютъ, что онъ тщательно изучалъ мимы Софрона, бывшія, по всему вѣроятію, прозаическими и городскими идиаліями, рисующими характеры и обычаи низшихъ классовъ въ Сиракузахъ ²¹¹). Поэтика, правда, положительно отвергаетъ всякое сходство между этими мимами и платоновыми діалогами; но заявленія Поэтики такъ неточны и противорѣчивы, что я придаю имъ мало вѣсу и думаю, что это отрицаніе, если и справедливо, относится лишь къ главному вопросу. Во всякомъ случаѣ вѣрно, что въ этой школѣ Софрона и Ксеноарха обрисовка характеровъ достигалась путемъ діалоговъ въ прозѣ, быть можетъ, истинныхъ предшественниковъ римской сатуры или смѣси. Я перейду теперь къ другому образцу, который Платонъ имѣлъ навѣрно въ виду, и гдѣ діалогъ долженъ былъ играть важную роль, именно къ мемуарамъ Іона Хіосскаго и Стезинброта Фазосскаго. Эти сочиненія были неизвѣстны писателямъ того времени или, по крайней мѣрѣ, не упоминаются ими, вслѣдствіе чего они являются нѣсколько сомнительными ²¹²); но, если они были, какъ говорятъ, извѣстны

²¹⁰) Опрежденіе, сдѣланное Альбининомъ (Isagoge, гл. I) очень полно, и каждая часть объяснена: "Εστὶ τοίνυν οὐκ ἄλλο τι, ἢ λόγος ἐξ ἐρωτήσεως καὶ ἀποκρίσεως συγκείμενος περὶ τινος τῶν πολιτικῶν καὶ φιλοσοφῶν πραγμάτων, μετὰ τῆς προποσῆς ἡθοποιίας τῶν παραλαβανόμενων προσώπων, καὶ τῆς κατὰ τὴν λέξιν παρασκευῆς."

²¹¹) Ср. томъ I, § 240.

²¹²) Стр. 42.

въ дни Платона, онъ необходимо долженъ былъ знать объ ихъ существованіи, а отрывки, приведенные Аэнеемъ, показываютъ намъ, какую важную роль играли въ нихъ обрисовка характеровъ и діалоги. Употребленіе быстрыхъ вопросовъ и отвѣтовъ было хорошо извѣстно Геродоту, постоянно оживлявшему свой историческій трудъ діалогами, а также и Фукидиду, который въ двухъ, трехъ эффектныхъ мѣстахъ²¹³⁾ замѣняетъ вялость разсказа этой болѣе блестящею формою. Я говорю здѣсь о краткихъ и простыхъ діалогахъ, встрѣчающихся у обоихъ историковъ, такъ какъ болѣе обстоятельные разговоры, въ родѣ бесѣды Ксеркса и Артаксеркса у Геродота и мелическаго діалога у Фукидида, построены скорѣе по трагическому образцу, чѣмъ по образцу какого-либо ранняго прозаическаго діалога, и, какъ вѣрно замѣтилъ Альбинъ, не имѣютъ вовсе въ виду обрисовки характеровъ. Громадное вліяніе и популярностъ трагедіи и комедіи естественно должны были направлять всю литературу того времени въ эту сторону. Большинство молодыхъ писателей той эпохи, и въ томъ числѣ Платонъ, стремились быть драматическими руководителями мысли, подобно великимъ поэтамъ, пересоздавшимъ греческую поэзію. Мы видѣли, что даже судебное краснорѣчіе того времени принимало драматическій тонъ, и что ораторъ писалъ обвинительныя рѣчи, или защиту, отъ лица кліента, ихъ произносившаго. Драматизированіе судебныхъ рѣчей является, быть можетъ, ближайшей параллелью философскаго діалога, и образцемъ *ῥητορικῶν*, или обрисовки характеровъ. Рядомъ съ этими косвенными прецедентами намъ извѣстно, что діалогическая форма уже примѣнялась къ философскому ученію Алексаномъ Теосскимъ, извѣстнымъ намъ только по имени, и Элеатомъ Зенономъ. Въ антиноміяхъ послѣдняго мы ясно видимъ, что діалогъ съ быстро-смѣняющимися вопросами и отвѣтами, являлся самой естественной и почти необходимой формою, въ которую могли воплотиться его произведенія. Но это были чисто-діалектическія ухищренія, безспорно лишенная всякой граціи и поэзіи. Въ Филебѣ, Софистѣ и Парменидѣ Платонъ подражалъ, быть можетъ, этому сухому и непривлекательному, но неопѣнному съ научной точки зрѣнія, методу изслѣдованія.

Ничто не доказываетъ однако, чтобы, усвоивъ эту форму, Платонъ руководилъ модою или склонялъ массы признать ея выгоды. Нѣкоторые изъ сомнительныхъ документовъ могутъ быть столь же древними, какъ и подлинныя, и надо скорѣе думать, что мода эта возникла въ эпоху и среди кружка Сократа, и что Платонъ опере-

диль и затмилъ въ этомъ отношеніи своимъ гениемъ многихъ соперниковъ и соискателей. Мы видимъ, по крайней мѣрѣ, четыре самостоятельныя и важныя цѣли, которыхъ можно было достигнуть усвоеніемъ этой формы. Во первыхъ, это былъ лучший и наиболѣе естественный способъ создать живую и полную картину жизни, характера и бесѣды его наставника, Сократа, оставить потомству освѣщенное новой точкой зрѣнія, болѣе величественное (хотя и менѣе точное) воспоминаніе о неподражаемомъ учителѣ. Во вторыхъ, форма эта всего яснѣе обнаружила наиболѣе цѣнную чисто-сократовскую сторону платоновой философіи, именно, принципъ исканія истины и удовлетворенія этимъ исканіемъ, какъ великою умственною цѣлью, — не взирая на то, достигнуть ли имъ какой-либо результатъ. Найти и обсудить съ учащимся всѣ возраженія противъ какой нибудь теоріи, всѣ трудности ея, всего легче можно было именно этимъ способомъ. Въ третьихъ, это давало Платону возможность ставить вопросы на разсмотрѣніе въ видѣ опыта, не принимая на себя никакой отвѣтственности, и въ мелкихъ чертахъ выдвигать новую теорію, прежде чѣмъ возвести ее въ догматъ. Въ младенческую пору философіи это соображеніе имѣетъ свою важность, и какъ въ этомъ, такъ и въ предшествующемъ приѣмѣ мы, по справедливости, можемъ сравнить діалоги Платона съ диспутами средневѣковыхъ школъ, великими двигателями истинной культуры и истиннаго образованія, погибшими среди сутолоки и лихорадочности нашего современнаго воспитанія. Наконецъ мы не должны забывать также, что Платонъ удовлетворялъ этимъ изображеніемъ характеровъ сильному драматическому и литературному инстинкту массы. Онъ давалъ также волю сатирическому и критическому духу; и, если въ поразительно отличающемся новѣйшимъ духомъ заявленіи Сократа въ концѣ Пира сказано, что трагическій и комическій гений, разобщаемые въ старину, въ сущности, тождественны, то ни въ одномъ греческомъ писателѣ не выразилось это такъ ясно, какъ въ авторѣ трагическаго Фѣдона и буфоннаго Эввидама. Горкій прозвалъ Платона ямбистомъ, а большинство критиковъ — дионисіамбистомъ въ прозѣ.

§ 417. Признавая всѣ эти качества въ платоновыхъ діалогахъ, литературной формѣ, уцѣлѣвшей до нашихъ дней и, если не въ буквальномъ смыслѣ, то практически изобрѣтенной имъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что они имѣютъ также и нѣкоторые присущіе имъ недостатки, изъ которыхъ иные возникли, быть можетъ, изъ личныхъ свойствъ самого автора. Разговоръ, живописующій характеръ обѣихъ сторонъ, долженъ всегда останавливать на себѣ вниманіе; между тѣмъ встрѣчается немало длинныхъ отрывковъ, въ которыхъ собесѣдникъ играетъ роль простой

отвѣтной машины, и гдѣ его постоянно повторяемая: «Да, конечно,» «кажется, что такъ,» «непремѣнно,» нагоняють на читателя нашего времени большую скуку. Отсюда проистекаетъ несомнѣнный фактъ, что этого великаго писателя гораздо менѣе читають добросовѣстно, чѣмъ о немъ говорятъ и чѣмъ его превозносятъ до небесъ, и что даже очень прилежныя изъ лицъ занимающихся находятъ трудноватымъ внимательно прочесть до конца платоновъ діалогъ. Вопросы и отвѣты часто мелочны и не заключаютъ въ себѣ никакого иного интереса, кромѣ постоянного указанія на важность исканія истины. Часто, опять таки, вопросы, поставленные Сократомъ, чисто-софистическіе и не обоснованы, и намъ досадно, что Платонъ не заставляетъ собесѣдника дать ему настоящій, — хотя и щекотливый, отвѣтъ.

Къ тому же (и это не можетъ быть иначе въ наше время) новѣйшему читателю всегда кажется, что Сократъ и его школа теряли время въ преніяхъ и вѣдрили въ массу привычку къ праздности, прикрывавшейся личиною философскаго изслѣдованія. Въ этомъ случаѣ рѣзко сказывается противоположность древне-аттической и современной намъ жизни. Аѳинскій баричъ, съ рабами, трудящимися за него, лишенный всякихъ занятій дома, жившій въ городѣ, точно въ громадномъ клубѣ, очевидно, не имѣлъ даже и понятія о томъ, что онъ можетъ терять время, если его не призываютъ общественныя дѣла. Въ наше время думаютъ совершенно иначе. Работа подобной личности въ наши дни заключается въ чтеніи и письмѣ, въ исполненіи профессиональных или общественныхъ обязанностей; его удовольствія — въ играхъ или упражненіяхъ на открытомъ воздухѣ, такъ что онъ рѣдко считаетъ бесѣду серьезнымъ препровожденіемъ времени, или средствомъ добиться новой истины и болѣе глубокаго развитія. Это, безспорно, весьма достойно сожалѣнія, и намъ не слѣдовало бы забывать, что значительная часть нашихъ лучшихъ знаній пріобрѣтается посредствомъ бесѣдъ. Но Аѳиняне сократовской школы, безспорно, впадали въ противоположную крайность. Даже литературное совершенство и неувлима прелесть платонова слога не могутъ скрыть отъ насъ того факта, что его діалоги скучны мелочностью и обстоятельностью разговоровъ. Съ этимъ согласится каждый искренній читатель Платона, не принадлежащій къ корпораціи схоластиковъ, полагающихъ, что всякаго греческаго писателя надо непремѣнно провозглашать совершенствомъ, и что даже самая мягкая критика должна считаться доказательствомъ отсутствія вкуса, истиннаго пониманія классиковъ и сочувствія къ нимъ. По истинѣ, заслуги такого писателя, какъ Платонъ, не нуждаются въ томъ, чтобъ ихъ поддерживали, умалчивая о слабыхъ сторонахъ.

§ 418. Мы позволимъ себѣ высказать еще нѣсколько словъ прицанія относительно формы діалога, принятой Платономъ въ нѣкоторыхъ изъ его величайшихъ твореній, въ родѣ напр. Парменида и Пира, въ которыхъ главное повѣствованіе передано косвенно однимъ изъ говорящихъ. Эта продолжительная косвенность изложенія, съ скопленіемъ массы неокончательныхъ наклоненій, всегда является нѣкоторой неловкостью, не говоря уже о несостоятельности, въ драматическомъ отношеніи, необходимости заставлятъ человѣка повторять по памяти цѣлый рядъ рѣчей, или сложный діалогъ. Эта погрѣшность можетъ быть художественно терпима только въ такомъ случаѣ, когда говорящій передаетъ разговоръ, въ которомъ самъ принималъ значительное участіе, какъ дѣлаетъ Сократъ въ Лизіѣ, Хармидѣ и Протагорѣ. Целлеръ ²¹⁴⁾ указываетъ на Вейссе и Шене, которые видятъ въ раздѣленіи на прямые и косвенные діалоги коренное различіе, и распредѣляютъ ихъ сообразно съ этимъ,—но это только новый образецъ ложнаго приѣма приспособлять факты къ готовой теоріи. Нѣтъ рѣшительно никакой причины ставить рядомъ другъ съ другомъ Хармида и Парменида только потому, что совершенно случайно Платонъ сдѣлалъ ихъ обоихъ (въ драматическомъ отношеніи) передаваемыми, а не прямыми разговорами. Вопросъ этотъ возникъ еще въ отдаленную, александрийскую пору, такъ какъ его касался уже Діогенъ Лаэртскій ²¹⁵⁾, указывавшій, что это скорѣе драматическій, чѣмъ философскій приѣмъ.

Анахронизмы діалоговъ, напротивъ того, не мѣшаютъ нашему наслажденію, хотя мы можемъ представить себѣ трезвыхъ, критически-настроенныхъ Аѳинянъ, раздѣляющими нетерпѣніе Грота, который считалъ историческіе промахи Менекса доказательствомъ того, что Платонъ никогда не читалъ Фукидида! Этотъ взглядъ становится просто комичнымъ, если вспомнить, что Сократъ въ своей рѣчи о величіи Аѳинъ положительно упоминаетъ о событіяхъ, относящихся къ 387 г. до Р. Х., именно о мирѣ Анталкида, между тѣмъ какъ самъ онъ умеръ въ 399 году. Авторъ подобнаго анахронизма не побоялся бы, конечно, ввести историческія неточности въ древнѣйшія времена; а между тѣмъ Аристотель въ своей риторикѣ называетъ діалогъ этотъ подлиннымъ.

§ 419. Я приступаю къ анализу нѣкоторыхъ діалоговъ, служащихъ представителями отдѣльныхъ группъ, хотя необходимо прибавить и настаивать на томъ, что едва ли найдутся два діалога,

²¹⁴⁾ Стр. 107—8, прим.

²¹⁵⁾ II, § 50.

построенные по тому же образцу, и что нѣтъ ни одного, гдѣ не нашлось бы много полезныхъ и оригинальныхъ замѣчаній. Оставивъ въ сторонѣ Аполлогію и Критона, которые изображаютъ умозрительныя и практическія стороны сократовой жизни, мы приступимъ прежде всего къ той группѣ, которую комментаторы называютъ чисто-сократическою. Въ большинствѣ изъ нихъ, вслѣдъ за драматическимъ введеніемъ, гдѣ самую выдающуюся чертою являются страстныя отношенія между молодыми Аѳинянами, кто нибудь дѣлаетъ замѣчаніе, излагающее нравственное понятіе, неясно опредѣленное, но употребляемое въ обществѣ въ разнообразномъ и нѣскольکو туманномъ смыслѣ. Таковы понятія о Мужествѣ (Лахъ), Дружбѣ (Лизій), Цѣломудріи (Хармидъ), Религіозности (Эвтифронъ). Въ упомянутыхъ діалогахъ Сократъ сразу останавливается на этой неопредѣленности и начинаетъ передъ своими слушателями очищать термины отъ ихъ побочнаго значенія. Онъ легко опровергаетъ первое незрѣлое возраженіе посредствомъ перекрещивающихся вопросовъ отвѣтчику, которому доказываетъ его собственную непослѣдовательность; за этимъ идутъ другія замѣчанія, также имъ опровергаемыя. Но самъ Сократъ большею частью не рѣшаетъ вопроса, а тамъ, гдѣ онъ пытается это сдѣлать (въ другой группѣ діалоговъ), онъ часто приступаетъ къ опроверженію самого себя и доказываетъ, что можно пока достигнуть лишь отрицательнаго результата, и что для установленія послѣдовательныхъ и научныхъ опредѣленій даже самыхъ заурядныхъ терминовъ потребуется болѣе глубокая философія. Ясно, что эта отрицательная діалектика, этотъ скептическій перекрестный допросъ составляли наиболѣе выдающуюся черту Сократа и что (подобно епископу Бэтлеру) онъ былъ гораздо слабѣе въ области созидающей философіи; мы можемъ быть вполне увѣрены, что великая система, или серія теорій, вложенныя въ его уста Платономъ въ позднѣйшихъ діалогахъ, заключаютъ въ себѣ не воззрѣнія Сократа, а ученія его учениковъ.

Отрывокъ, озаглавленный Клейтономъ и признаваемый большинствомъ критиковъ подложнымъ вслѣдствіе его рѣзкаго отзыва объ отсутствіи всякихъ положительныхъ результатовъ въ ученіи Сократа, касается всецѣло этого вопроса. Послѣ отрицательныхъ разсужденій о справедливости, во время которыхъ отвергаются различныя опредѣленія ея, Клейтономъ нападаетъ на Сократа и настаиваетъ на положительномъ отвѣтѣ. «Не разъ и не два», говоритъ онъ, «выносилъ я эти сомнѣнія и беспокоилъ тебя просьбой разъяснить мнѣ ихъ. Наконецъ я усталъ и пришелъ къ убѣжденію что ты безспорно мастеръ въ искусствѣ заставлять людей доискиваться добродѣтели; но, что касается послѣдующаго вопроса, какъ найти ее, то этого ты или самъ не знаешь, или не хочешь сказать.

Я рѣшился идти къ Θразимаху, или кому другому, кто захочетъ помочь мнѣ, если ты не согласишься дать мнѣ что нибудь поважнѣе простыхъ возбуждающихъ разсужденій. Для человѣка, еще не получившаго надлежащаго стимула, повторяю, разговоры твои являются неоцѣнимымъ благомъ; но для того, кому толчокъ уже данъ, они служатъ скорѣе помѣхою, чѣмъ помощью для полнаго пониманія пользы усвоенія добродѣтели, а съ нею — счастья». Такова сущность этихъ отрицательныхъ и скептическихъ діалоговъ, которую Сократъ оставляетъ тутъ безъ отвѣта, но которую древніе считали чѣмъ-то въ родѣ введенія къ Республикѣ, гдѣ понятія о справедливости разсматриваются положительно и точно ²¹⁶).

При выборѣ образцовъ чувствуется сначала сильное желаніе остановиться на Лизіѣ и Хармидѣ, въ которыхъ драматическое введеніе, разыгрывающееся на палестрѣ въ кругу прекрасныхъ, болѣе зрѣлыхъ друзей, особенно эффектно и отличается чисто-аттическими чертами. Волненіе, вызванное появленіемъ Хармида, перваго красавца, и опьяненіе, чувствуемое при видѣ его всѣми, даже Сократомъ, принадлежать къ числу самыхъ своеобразныхъ чертъ древне-греческой жизни, въ противоположность правамъ современной намъ Европы. Но вопросы, возбуждаемые въ этомъ діалогѣ: что такое дружба или привязанность? что такое цѣломудріе или самообладаніе? далеко не такъ важны, какъ тѣ вопросы, которые встрѣчаются въ Эвтифронѣ, гдѣ дѣло идетъ о вѣчной нравственной дилеммѣ.

§ 420. Сократъ собирался защищаться отъ обвиненія въ невѣріи, возбужденнаго противъ него Мелетомъ, когда онъ встрѣтился съ Эвтифрономъ, человѣкомъ религіозной жизни и авторитетомъ въ богословскихъ дѣлахъ, быть можетъ, греческимъ фарисеемъ, явившимся къ тому же архонту, чтобы обвинить собственнаго отца въ убійствѣ. Возникло это странное положеніе при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Человѣкъ свободный, но находившійся въ зависимости отъ отца Эвтифрона, убилъ въ Наксосѣ, въ пьяномъ видѣ, во время ссоры своего товарища-служу, послѣ чего былъ брошенъ связаннымъ въ ровъ по приказанію своего господина, который послалъ къ ээгегетамъ въ Аѣины спросить, что дѣлать съ нимъ. Тѣмъ временемъ узникъ умеръ во рву отъ холода и голода. За эту жестокость Эвтифронъ обвинилъ своего отца въ убійствѣ, которое по аѣинскимъ законамъ ложилось пятномъ на весь домъ, подобно тому, какъ и у насъ. Но, если мы настолько возмущились бы подобнымъ нарушеніемъ простаго человѣколюбія, что были бы готовы

сочувствовать Эвтифрону, то греческая республика, вполне привыкшая къ варварскому обращенію съ рабами (а жалкій *ῥήγ* считался едва ли чѣмъ либо высшимъ) и не придававшая человѣческой жизни, самой по себѣ, такого неестественнаго значенія какое придаемъ ей мы, была совершенно иного мнѣнія. У Грековъ семейныя узы считались настолько священными и ненарушаемыми, что всѣ родственники Эвтифрона прониклись чувствомъ ужаса отъ его поступка. «Отецъ твой», говорили ему они, «не убилъ этого человѣка, бывшаго во всякомъ случаѣ только жалкимъ наемникомъ; если-бы даже онъ убилъ его, то не былъ ли этотъ человѣкъ презрѣннымъ убійцей; во всякомъ случаѣ доносить на собственнаго отца—возмутительно». Таковъ былъ приговоръ общественнаго мнѣнія. Ему Эвтифронъ противопоставилъ свое болѣе ясное и возвышенное убѣжденіе. Поступокъ его отца былъ или справедливъ, тогда пусть это будетъ доказано, или же нѣтъ, тогда на убійцѣ и на его семьѣ будетъ тяготѣть проклятіе. Слѣдовательно, любовь къ отцу обязывала сына снять съ семьи это проклятіе; предать же отца суду не только не преступно, но было бы преступно не дѣлать этого.

Здѣсь Сократъ вмѣшивается въ дѣло. Онъ выставляетъ себя неспособнымъ оцѣнить достоинства спора, такъ какъ ничего не знаетъ объ общихъ чертахъ, изъ которыхъ слагается почитаніе родителей и которыя должны встрѣчаться во всѣхъ благочестивыхъ поступкахъ. Въ чемъ, спрашиваетъ онъ, заключаются эти общія черты или свойства? Эвтифронъ отвѣчаетъ, указывая на данное дѣло: священная обязанность каждаго привлечь къ отвѣтственности лицо, совершившее нечестіе, кто бы это ни былъ. Примѣры боговъ,—Кроносъ, карающій Урана, Зевесъ—Кроноса,—указываютъ на это. «Дѣйствительно ли ты вѣришь въ эти басни?» спрашиваетъ Сократъ: я никакъ не могу заставить себя сдѣлать это и, вѣроятно, поэтому меня обвиняютъ въ оскорбленіи правовѣрія. Но, если ты настаиваешь, то я, конечно, долженъ допустить твои доводы, не имѣя никакихъ аргументовъ противъ нихъ. Вернемся однако къ дѣлу. Отвѣтъ, данный тобою, слишкомъ частный; есть другіе благочестивые поступки, которые надлежитъ совершать. Въ чемъ же заключается общій типъ или образецъ, который человѣкъ можетъ примѣнить ко всѣмъ поступкамъ и опредѣлить тѣмъ благочестіе или нечестіе?» Второй отвѣтъ Эвтифрона заключался въ слѣдующемъ: «Что пріятно богамъ, то благочестиво. Но, какъ ты сейчасъ сказалъ, боги часто несогласны между собою, такъ что одинъ и тотъ же поступокъ можетъ нравиться одному и не нравиться другому. Словомъ, такіе поступки, которые угодны всѣмъ богамъ,—и такіе поступки бываютъ,—благочестивы, а тѣ, что

всѣмъ ненавистны, нечестивы и зловредны». Здѣсь Сократъ начинаетъ вдаваться въ умозрительныя тонкости и касается діалектически-важнаго богословскаго вопроса о неизмѣнной нравственности. «Любятъ ли боги поступокъ потому, что онъ благочестивъ, или становится онъ благочестивымъ потому, что они его любятъ?» Эвтифронъ высказывается за первое предположеніе. «Если такъ, то благоволеніе боговъ къ какому нибудь дѣянію является чистою случайностью, и вызвано его существенными чертами, которыя еще не разъяснены». Тутъ Эвтифронъ признаетъ себя смущеннымъ и Сократъ выражаетъ мнѣніе, что это можетъ быть видомъ Справедливости, т. е. нашихъ обязанностей относительно боговъ, точно также, какъ простая справедливость является нашимъ долгомъ относительно людей. Но послѣ краткаго отступленія въ эту сторону ²¹⁷⁾ Эвтифронъ нетерпѣливо возвращается къ древнему ортодоксальному отвѣту, что благочестіе заключается въ томъ, чтобы быть угодными богамъ молитвами и жертвоприношеніями, на что Сократъ возражаетъ, что это мнѣніе тождественно съ однимъ изъ отвергнутыхъ уже отвѣтовъ. Здѣсь Эвтифронъ прекращаетъ разговоръ подъ предлогомъ другихъ занятій, такъ что опять не достигается никакого опредѣленнаго рѣшенія. ²¹⁸⁾

§ 421. Таковы болѣе ранніе, и повидимому простые діалоги-Разысканія, къ которымъ можно присовокупить большаго и меньшаго Алкивіада и Гиппія, если только мы признаемъ ихъ подлинными, что критики единодушно дѣлаютъ относительно меньшаго Гиппія, сомнѣваясь по поводу остальныхъ діалоговъ. Во всѣхъ ихъ Сократъ изображенъ стремящимся очистить и углубить народныя понятія, указывая на неопредѣленность и непоследовательность ихъ примѣненія и сравнивая различныя частныя значенія ихъ, съ цѣлью установить ихъ общій характеръ или сущность. Въ эпоху, когда формальная логика находилась еще въ младенчествѣ и нынѣ хорошо разслѣдованные процессы обобщенія и спецификаціи еще не подвергались анализу, было не только полезно, но неизмѣримо важно на-

²¹⁷⁾ Платонъ стоитъ здѣсь на рубежѣ другаго великаго вопроса новѣйшей поры: заключается ли благочестіе въ признательности богамъ, — или въ правильномъ отношеніи между богами и людьми, какъ онъ это называетъ, — или въ любви къ божеству, какъ къ идеалу совершенства. Сократъ у Ксенофонта признаетъ первое положеніе; въ позднѣйшихъ діалогахъ Платона последнее развито въ грандіозныхъ и эффектныхъ чертахъ. Но сомнительно, была ли послѣдняя доктрина истинно-сократовскою.

²¹⁸⁾ Читатель не забудетъ, конечно, что особый видъ этого, нравственнаго затрудненія, — конфликтъ между священнѣйшими обязанностями человѣка, занимавъ со временъ Эсхила величайшихъ трагическихъ поэтовъ.

ставать на ихъ сознательномъ примѣненіи. Вслѣдствіе этого мы можемъ простить Платону, если онъ употреблялъ эти логическіе процессы въ видѣ метафизическихъ двигателей и возводилъ добытые ими результаты на степень законовъ или принциповъ, коренящихся въ самой природѣ вещей. Подобная ошибка всего легче могла встрѣтиться у первыхъ изслѣдователей формальной логики, не знавшихъ ни одного языка, кромѣ своего собственнаго, и естественно воображавшихъ, что различіе языковъ должно совпадать съ различіемъ самой сущности предметовъ. Ни одно недоразумѣніе не держалось такъ долго въ греческой философіи, какъ двойственное значеніе слова λόγος, разумъ и рѣчь, точно греческій языкъ былъ необходимымъ и естественнымъ выраженіемъ разума, а благодаря ему и сущности вещей.

§ 422. Разсужденія эти незамѣтно приводятъ насъ ко второй группѣ діалоговъ, къ той, которая была написана, какъ полагаютъ, подъ вліяніемъ формальной логики Евклида изъ Мегары, въ бытность тамъ Платона; скептическіе Нѣмцы полагаютъ даже, что нѣкоторые изъ этихъ діалоговъ принадлежатъ перу мыслителей этой школы. Діалоги эти слѣдующіе: *Θεαίτητος*, *Софистъ* и *Политикъ*, которые должны были въ драматическомъ отношеніи составить трилогію; наконецъ *Нарменидъ*, *Филебъ* и *Кратилъ*. Соотношеніе *Софиста* и *Политика* между собою и съ *Θεаίτηтомъ* однако чисто драматическое, такъ какъ вопросы, затронутые въ нихъ и оставшіеся неразрѣшенными, не повторяются впослѣдствіи; точно также нѣтъ и логической связи между этими длинными разговорами, такъ какъ въ *Софистѣ* руководящая роль передана новому оратору, иноземцу-элеату. Изъ всѣхъ діалоговъ этой группы самый цѣнный, безъ сомнѣнія, *Θεаίτηтъ*; хотя онъ посвященъ, подобно разговорамъ предшествующей группы, исключительно Изысканію и не доходитъ ни до какихъ положительныхъ результатовъ, въ немъ мастерски обсуждаются всѣ трудности, заключающіяся въ вопросахъ: Что такое знаніе? Въ чемъ заключается связь одного измѣняющагося субъекта съ другими, тоже измѣняющимися объектами, связь, изъ которой можетъ выработаться всемірная, необходимая истина? Въ свою очередь: что такое мнѣніе? Почему возможно ошибочное мнѣніе? Въ чемъ заключается процессъ и критерій знанія? Какъ и остальная часть этой группы, діалогъ этотъ носитъ на себѣ слѣды большого успѣха въ области мысленія, и именно въ томъ, что не народныя и тривіальныя вѣрованія, а теоріи мыслителей предшествующаго періода подвергнуты въ немъ сократовскому *elenchus*. Такъ въ настоящемъ случаѣ подвергается критикѣ и разсмотрѣнію протагорова теорія, гласящая, что всякая истина—субъективна, и что измѣнчивыи челоѣкъ является мѣри-

домъ всякаго познанія, а вслѣдствіе этого и самой вселенной. Эта теорія весьма основательно считается субъективною формою древняго объективнаго понятія о «движеніи всѣхъ предметовъ», выставленнаго Гераклитомъ.

Обсужденіе метафизической стороны подобныхъ вопросовъ относится уже къ исторіи греческой философіи; мы обязаны однако указать на знаменитый литературный отрывокъ діалога, гдѣ риторъ, говорящій передъ тиранической аудиторіей изъ желанія добиться опредѣленной цѣли, являющійся, слѣдовательно, рабомъ своихъ слушателей, противопоставляется философу, посвятившему свои досуги отыскиванію истины и не стѣсненному никакимъ контролемъ или давленіемъ извнѣ. Этотъ замѣчательный отрывокъ, обнаруживающій въ ораторѣ чувство собственного достоинства и самоувѣренность, далеко не похожія на свойства историческаго Сократа, заслуживаетъ быть приведеннымъ, какъ образецъ ²¹⁹⁾.

Софистъ далеко не такъ однообразенъ и послѣдователенъ. Начинается онъ съ упражненія въ логическихъ подраздѣленіяхъ,

219) Θέωρετ. стр. 172: καὶ πολλάκις μὲν γέ δή, ὦ δαίμονις, καὶ ἄλλοτε κατενόησα, ἅπαρ καὶ νῦν, ὥς εἰκότως οἱ ἐν ταῖς φιλοσοφίαις πολὺν χρόνον διατριψάντες εἰς τὰ δικαστήρια ἰόντες γελοῖοι φαίνονται ῥήτορες. ΘΕΟ. Πῶς δὴ οὖν λέγεις; ΣΩ. Κινδυνεύουσιν οἱ ἐν δικαστηρίοις καὶ τοῖς τοιοῦτοις ἐκ νέων κυλινδούμενοι πρὸς τοὺς ἐν φιλοσοφίᾳ καὶ τῇ τοιαύτῃ διατριβῇ τετραμμένους ὡς οἰκείται πρὸς ἐλευθέρους τεθράφθαι. ΘΕΟ. Πῇ δὲ; ΣΩ. "Η: τοῖς μὲν, τοῦτο ὃ σὺ εἶπες, αἰὲν παρέστι σχολή καὶ τοὺς λόγους ἐν εἰρήνῃ ἐπὶ σχολῇ ποιοῦνται· ὥσπερ ἡμεῖς νυνὶ τρίτον ἤδη λόγον ἐκ λόγου μεταλαμβάνομεν, οὕτω καὶ αὐτοὺς ὁ ἐπελθὼν τοῦ προκειμένου μάλλον, καθάπερ ἡμᾶς, ἄρεσσι, καὶ διὰ μακρῶν ἢ βραχέων μέλει οὐδὲν λέγειν, ἂν μόνον τυγχῶσι τοῦ ὄντος. οἱ δὲ ἐν ἀσχολίᾳ τε αἰὲν λέγουσι· κατεπίγει γὰρ ὕδωρ ῥέον, καὶ οὐκ ἐγγχεῖ περὶ οὗ ἂν ἐπιθυμῶσι τοὺς λόγους ποιεῖσθαι, ἀλλ' ἀνάγκην ἔχων ὁ ἀντίδικος ἐφέστηκε καὶ υπογραφὴν παραναγιγνώσκουμένην, ὧν ἕκτος οὐ ῥήτεον· οἱ δὲ λόγοι αἰὲν περὶ ὁμοδούλου πρὸς δεσπότην καθήμενον, ἐν χειρὶ τὴν δίκην ἔχοντα, καὶ οἱ ἀγῶνες οὐδέποτε τὴν ἄλλως ἀλλ' αἰὲν τὴν περὶ αὐτοῦ· πολλάκις δὲ καὶ περὶ ψυχῆς ὁ δρόμος· ὥστ' ἐξ ἀπάντων τούτων ἔντονοι καὶ ὀρμεῖς γίνονται, ἐπιστάμενοι τὸν δεσπότην λόγῳ τε θωπεύσαι καὶ ἔργῳ χάρισσασθαι, σικκοὶ δὲ καὶ οὐκ ἔρθῃ τὰς ψυχὰς· τὴν γὰρ αὔξην καὶ τὸ εὐθύ τε καὶ τὸ ἐλεύθερον ἢ ἐκ νέων δουλείᾳ ἀφίρηται, ἀναγκάζουσα πράττειν σχολιά, μεγάλους κινδύνους καὶ φόβους ἐπὶ ἀπαλαῖς ψυχαῖς ἐπιβάλλουσα, οὓς οὐ θυνάμενοι μετὰ τοῦ δικαίου καὶ ἀληθοῦς υποφέρειν, εὐθὺς ἐπὶ τῷ ψεύδῳ τε καὶ τῷ ἀλλήλους ἀνταδικεῖν πρεσβύμενοι πολλὰ κάμπτονται καὶ συγχλῶνται· ὥστ' οὐ γίγνεται οὐδὲν ἔχοντες τῆς διανοίας εἰς ἀνδρας ἐκ μεираκίων τελευτῶσι, δεινοὶ τε καὶ σοφοὶ γεγονότες, ὥς οἰοῦνται.

Καὶ οὗτοι μὲν δὴ τοιοῦτοι, ὦ Θεόδωρε· τοὺς δὲ τοῦ ἡμετέρου χοροῦ πότερον βούλει διελθόντες ἢ ἄσαντες πάλιν ἐπὶ τὸν λόγον τραπώμεθα, ἵνα μὴ καὶ, ὃ νῦν δὴ ἐλέγομεν, λίαν πολὺ τῇ ἐλευθερίᾳ καὶ μετλήψῃ τῶν λόγων καταχρώμεθα; ΘΕΟ. Μηδαμῶς, ὦ Σώκρατες, ἀλλὰ διελθόντας· πάνυ γὰρ εὖ τοῦτο εἰρηκας, ὅτι οὐχ ἡμεῖς οἱ ἐν τῷ τοιαύτῳ γορδόντες τῶν λόγων υπηρεταί, ἀλλ' οἱ λόγοι οἱ ἡμέτεροι· ὥσπερ οἰκῆται, καὶ ἑκαστὸς αὐτὸν περιμένει ἀποτελεσθῆναι, ὅταν ἡμῖν δοκῇ· οὔτε γὰρ δικαστὴς οὔτε πατὴρ, ὥσπερ ποιητὰς, ἐπιτιμῶν τε καὶ ἀρεθὸν ἐπιστάται παρ' ἑμῶν.

съ цѣлю установить, гдѣ именно среди раздѣльныхъ линій, нисходящихъ отъ родового понятія объ искусствѣ усвоенія, должны находиться рыболовъ, если онъ помѣщенъ въ кругу тѣхъ, которые живутъ, сами добывая себѣ пищу. Какъ вѣрно замѣчаетъ Гротъ, такіа упражненія были весьма цѣнны и любопытны въ младенческомъ состояніи логики, хотя нынѣ они представляютъ мало интереснаго. Платонъ говоритъ далѣе о софистѣ, какъ о человѣкѣ, который распространяетъ ложь вмѣсто истины. Впослѣдствіи онъ переходитъ къ объясненію слѣдующаго затрудненія: какъ можно говорить ложь, — какъ можно отстаивать небытіе, котораго ex hypothesi вовсе не существуетъ? Вопросъ этотъ уже занималъ его въ Θεαιτετѣ и разсматривается имъ здѣсь, какъ протестъ противъ матеріалистовъ, считающихъ реальными лишь чувственные предметы, и противъ идеалистовъ, полагающихъ, что дѣйствительные предметы сводятся только къ формѣ и идеѣ. Платонъ доказываетъ, что извѣстная переходная степень необходима для того, чтобы утверждать нереальность чего либо. Послѣ долгихъ и скучныхъ преній онъ возвращается къ софисту, котораго изображаетъ въ мрачныхъ краскахъ, хотя, какъ справедливо замѣчаетъ Гротъ, его портретъ подходитъ скорѣе къ Сократу, чѣмъ къ кому либо изъ извѣстныхъ намъ профессиональныхъ софистовъ.

О Политикѣ я буду говорить въ связи съ государственными теоріями, изложенными въ Республикѣ. Разсматривать здѣсь подробно остальные три діалога, выше сгруппированные мною, завлекло бы насъ слишкомъ далеко; я говорю о Парменидѣ, гдѣ въ уста этого почтеннаго философа вложено, обращенное къ юному Сократу, разъясненіе знаменитыхъ антиномій школы Элеатовъ; о Филебѣ, гдѣ разсматривается сущность удовольствія, и Кратилѣ, этой любопытной древнѣйшей попыткѣ производства словъ. Въ послѣднемъ діалогѣ Платонъ ясно высказалъ свою увѣренность въ томъ, что слова выражаютъ самую сущность предметовъ, и его попытка анализировать простые термины имѣла цѣлью доказать, что тотъ смыслъ, который онъ отстаиваетъ, именно и представлялся умамъ первыхъ образователей этихъ словъ. Многіе изъ новѣйшихъ критиковъ думали, что вся его цѣль заключалась въ осмѣяніи какихъ нибудь современныхъ ему попытокъ, но всякій изъ насъ, слышавшій, какъ въ наше время невѣжественные люди производятъ слова, и знакомый съ манерою Платона, согласится съ Гротомъ, что попытка эта была серьезная, хотя лишь временная, и что самъ Платонъ охотно отказался бы отъ своихъ результатовъ, еслибы кто нибудь научилъ его болѣе разумному методу изслѣдованія.

§ 423. Не имѣя возможности установить здѣсь какую либо хронологическую послѣдовательность, я перейду къ небольшой

группѣ очень интересныхъ произведеній, въ которыхъ яснѣе сказанъ сатирическій тонъ, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ діалогахъ. Я не хочу сказать этимъ, чтобы у Платона гдѣ либо чувствовался недостатокъ сатиры, но главная цѣль его діалоговъ—Иона и Эвемидема—заключается именно въ осмѣяніи двухъ хорошо извѣстныхъ классовъ писателей. Въ первомъ изъ этихъ произведеній Сократъ допрашиваетъ тономъ добродушной насмѣшки популярнаго рапсода, только что прибывшаго изъ Эпидавра послѣ состязанія въ эпической декламациі и сообщающаго много интересныхъ подробностей о своей профессіи и о смѣлыхъ притязаніяхъ необразованныхъ декламаторовъ Гомера на всесвѣтное знаніе, заимствованное ими у этого всевѣдущаго барда. Для греческой публики Гомеръ былъ настоящею Библіею, гдѣ внѣ всякаго сомнѣнія изложены вся нравственность и все богословіе. Большинство утверждало также (хотя въ этомъ отношеніи были и нѣкоторые скептики), что у Гомера можно встрѣтить всѣ виды науки и практической мудрости, такъ что, когда Ионъ сознается, что онъ незнакомъ, кромѣ того критически ни съ однимъ поэтомъ, Сократъ объясняетъ эту странность двумя теоріями, которыя составляютъ прямую языческую параллель съ христіанскими доктринами о вдохновеніи посредствомъ Слова и преемничества апостоловъ. Онъ утверждаетъ, что Муза вдохновила Гомера до извѣстной степени умопомѣшательства, отличающагося отъ разума, если не прямо противоположнаго ему; вслѣдствіе этого онъ возвѣщалъ божественныя истины, самъ ихъ не понимая; это безуміе передается рапсодомъ посредствомъ магнетическаго воздѣйствія, такъ что они вѣщаютъ истину на основаніи вдохновенія, не дойдя до нея путемъ раціональнаго обсужденія или выводовъ.

Полезно будетъ замѣтить здѣсь, что школа Сократа разсматривала великихъ поэтовъ своей націи не съ эстетической, а только съ нравственной точки зрѣнія; никогда послѣдователи ея не хвалили извѣстное мѣсто въ произведеніи за его красоту, а одобряли или порицали его лишь за нравственность или мудрость. Тоже самое можно сказать и о критикѣ въ Лягушкахъ Аристофана, да и о критикѣ предшественниковъ Аристотеля вообще. Быть можетъ, это въ немаловажной степени содѣйствовало тому, что красоты греческой поэзіи отличаются такой естественностью и простотой. Что Греки въ ту эпоху были чувствительны къ этимъ красотамъ—несомнѣнно; достоверно также и то, что они были совершенно чужды особаго недостатка нашей современной литературы—сознательнаго творчества и сознательнаго анализа эстетическихъ эффектовъ поэзіи. Нѣтъ нужды уклоняться здѣсь отъ прямой цѣли для того, чтобы разсматривать различныя видоизмѣненія этого закона и исключенія изъ него, тѣмъ

богѣе, что нѣкоторые изъ нихъ только кажущіяся и могутъ быть провѣрены и исправлены самимъ читателемъ. И онъ завершается комическимъ увѣреніемъ рапсода, что онъ долженъ, по крайней мѣрѣ, быть хорошимъ полководцемъ, такъ какъ знаетъ Гомера, у котораго преподается военное искусство. Сократъ насмѣшливо настаиваетъ на обратной теоремѣ, именно, что въ такомъ случаѣ всѣ хорошіе полководцы должны быть отличными рапсодами.

Евѣидемъ также рисуетъ передъ нами смѣшную картину ухищреній и выдумокъ двухъ софистовъ по профессіи, Евѣидема и Діонисодора. Это опять ничто иное, какъ косвенный діалогъ, или передаваемый Сократомъ разсказъ о его преніяхъ съ этими двумя лицами, которые завѣдомо преподавали фехтованье, судебную риторикъ и добродѣтель, но съ недавняго времени, въ пору своей беззубой старости, одолѣли премудрость Эристикеи, такъ что берутся заставить замолчать всякаго, или посвятить въ тайны этой премудрости каждаго, желающаго заплатить требуемый гонораръ. Диалогъ этотъ переходитъ въ грубое и вульгарное шутовство, и придаетъ Платону характеръ комическаго актера, хотя у него, какъ мнѣ кажется не хватаетъ остроумія даже тамъ, гдѣ онъ отличается юморомъ. Замѣчательно однако, что софисты придерживаются лишь того же самаго вида *elenchus* или перекрестнаго вопроса, какъ и Сократъ, но съ совершенно иною цѣлью: они желаютъ унижить противника и выказать собственную силу; Сократъ же постоянно старался подстрекать другихъ, наводить ихъ на мысли, а не сбивать съ толку ради одной только побѣды. Въ концѣ есть интересный эпилогъ, гдѣ, какъ замѣчаетъ Гротъ, авторъ какъ будто внезапно одумался; въ немъ прославляется приверженецъ чистой философіи, даже такой, какъ Евѣидемъ, въ противоположность популярному учителю недоучкѣ, который не профессиональный ораторъ и не настоящій философъ, а какой-то межеумокъ, хуже ихъ обоихъ, важничавшій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не знающій основательно ничего. Весьма вѣроятно, что въ этомъ случаѣ имѣлся въ виду Исократъ, на котораго указывать съ большими надеждами Платонъ въ своемъ *Федрѣ*, но который впоследствии сталъ во главѣ враждебной школы и возбуждалъ соперничество и критическое отношеніе къ себѣ со стороны главы Академіи.

§ 424. Я перейду теперь къ Менексену, или погребальному панегирику, который Сократъ, по его увѣренію, перенялъ у Аспазии, научившей, какъ онъ утверждаетъ, Перикла его великому воззванію къ народу. Въ этомъ заключается, повидимому, намекъ на рѣчь во второй книгѣ Фукидида, изъ соревнованія къ которой Платонъ написалъ, какъ будто, этотъ діалогъ. Онъ изображаетъ искусство сочинять погребальныя рѣчи—легкимъ и, по мнѣнію

Грота, хотѣлъ бороться съ риториками на ихъ же собственной почвѣ, доказавъ, что онъ равенъ имъ въ возвышенномъ краснорѣчии. Если такова была его цѣль, нельзя сказать, чтобы попытка вышла очень удачной. Панегирикъ въ честь умершаго гораздо слабѣе у него, чѣмъ въ величественномъ и эффектномъ произведеніи Фукидида, хотя глаже по формѣ и болѣе удобопонятенъ. Однако мы находимъ извѣстіе, что рѣчь эта пользовалась въ послѣдствіи большой популярностью въ Аѣинахъ, по всему вѣроятію, благодаря общей репутаціи автора. Обзоръ аѣинскихъ дѣлъ, хотя и вложенный въ уста Сократа, доведенъ до 387 года до Р. Х.; вслѣдствіе этого анахронизма нѣкоторые критики отвергали подлинность этой рѣчи. Но аристотелева Риторика говоритъ о ней и о другихъ платоновыхъ діалогахъ, какъ о «Сократѣ въ погребальной рѣчи». Начиная съ Діонисія и кончая Блассомъ, риторическіе критики обращали много вниманія на эти произведенія, и Діонисій строго осуждаетъ его въ сравненіи съ рѣчью Демосеена о вѣнкѣ. Платонъ не былъ вполнѣ совершеннымъ риторомъ, въ греческомъ смыслѣ слова. Хотя онъ и положилъ основаніе гораздо болѣе глубокой и философской теоріи риторики, чѣмъ кто либо изъ его современниковъ, онъ не былъ такъ точенъ и безупреченъ по формѣ, какъ они. Онъ смѣшивалъ поэтическія съ прозаическими словами, изобилывалъ метафорами, не округлялъ добросовѣстно своихъ періодовъ. Относительно этой рѣчи было замѣчено, что Платонъ не усвоилъ въ ней даже внѣшнихъ улучшеній исократовой школы, не избѣгалъ гіатуса, какъ въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ, и соперничалъ, повидимому, не съ новыми, а со старинными риториками, именно съ Архиномъ и Діономъ, руководящими гражданами въ ту эпоху, принадлежавшими, по всему вѣроятію, къ старой школѣ, и не хотѣвшими принаровиться къ новымъ усовершенствованіямъ, которыя мы разсмотримъ, говоря объ Исократѣ. Приписываемая Лизію Эпитафія очень похожа по плану и конструкціи на рѣчь Платона и могла бы считаться образцомъ ея, еслибъ мы были увѣрены въ ея старшинствѣ. Какъ примѣръ риторической прозы, она ниже рѣчи Агаэона въ Пирѣ, съ рѣдкимъ искусствомъ подражавшей, повидимому, своеобразно-цвѣстистому и разбѣренному слогу этого моднаго писателя.

§ 425. Какъ ни велики достоинства уже разсмотрѣнныхъ мною діалоговъ, они значительно уступаютъ произведеніямъ тѣхъ двухъ категорій, о которыхъ предстоить еще говорить. Первую группу я назову совершенными діалогами, произведеніями вполнѣ созрѣвшаго генія Платона, гдѣ отрицательный оттѣнокъ сливается съ положительнымъ философскимъ ученіемъ, безъ ущерба для драматической формы, или блеска цѣлаго. Вторую я назову сози-

дающими діалогами и рассмотрим въ связи съ нею платоновы политическія и соціальныя теоріи. Мнѣ кажется справедливымъ принять слово совершенныя къ тремъ отдѣльнымъ парамъ діалоговъ, которыя я группирую въ этомъ порядкѣ потому, что каждая пара или касается того же самого сюжета, или противоположныхъ его сторонъ. Другой связи между ними нѣтъ. Такимъ образомъ въ Протагорѣ и Горгіѣ высказываются различные взгляды на сущность добродѣтели; въ первомъ случаѣ Сократъ доказываетъ, что она тождественна съ частною пользою, между тѣмъ какъ въ Горгіѣ онъ отвергаетъ этотъ взглядъ и утверждаетъ, что добродѣтель вполне отличается отъ удовольствія. Съ своей стороны Федръ и Пиръ являются въ главныхъ чертахъ такими діалогами, въ которыхъ Платонъ развиваетъ и защищаетъ противъ всѣхъ возраженій свою знаменитую теорію объ Эросѣ, хотя въ Федрѣ онъ касается и другихъ темъ. Наконецъ Менонъ, разсматривающій вопросъ о преподаваемости добродѣтели, поддѣрживаетъ этотъ тезисъ теоріею о предшествовавшемъ существованіи души, вследствие чего онъ можетъ быть поставленъ въ связь съ Фэдономъ, проповѣдующимъ ея безсмертіе послѣ земного существованія. Изъ всѣхъ этихъ діалоговъ Менонъ, быть можетъ, наименѣе эффектенъ, какъ литературное произведеніе, хотя отличается большою философскою глубиною и вдохновлялъ поэтовъ вплоть до нашихъ дней грандіознымъ представленіемъ о доземной жизни, объясняющимъ множество великихъ загадокъ (апріорное знаніе, благородство инстинктовъ, внезапныя открытія), отступая на шагъ назадъ и выводъ эти явленія изъ сокровищницы предшествоващаго существованія души²²⁰). Эта гипотеза болѣе прославила діалогъ, чѣмъ его главный сюжетъ, преподаваемость добродѣтели, относительно котораго Сократъ фактически приходитъ къ конечному результату. Отождествляя добродѣтель съ извѣстнымъ видомъ знанія, что систематически дѣлалъ Сократъ, авторъ полагаетъ что высшій видъ добродѣтели долженъ представлять возможность передачи, но что заурядныя людскія добродѣтели, какъ простины правильныя взгляды, не передаются такимъ образомъ, а ниспосылаются посредствомъ особаго вдохновенія со стороны боговъ. Поэтому-то встрѣчаются намъ дурные сыновья хорошихъ отцовъ, и добродѣтель считается нравственнымъ, а не умственнымъ состояніемъ.

§ 426. Фэдонъ, или послѣдняя бесѣда и смерть Сократа, безспорно является знаменитѣйшимъ изъ всѣхъ твореній Платона и

²²⁰) См. Гротъ, Op. Cit., II, стр. 7, и приведенный тамъ въ прилѣжаніи отрывокъ діалога (стр. 18, В).

онъ обязанъ этой славою не только безпредѣльному значенію своего сюжета, безсмертія души, но и трогательной обстановкѣ и патетическому положенію, среди которыхъ происходитъ діалогъ. Сократъ и его друзья въ тюрьмѣ, безмятежная душевная ясность жертвы, горе близкихъ, волненіе, охватившее даже тюремщика, — все это такіа картины, рядомъ съ которыми можно поставить въ литературѣ лишь одинъ примѣръ самоотверженія, еще возвышеннѣе и вѣковѣчнѣе, чѣмъ самопожертвованіе величайшаго и благороднѣйшаго языческаго учителя. Но въ греческой тюрьмѣ есть одинъ моментъ, резко противоположный глубокой симпатичности и кротости, освѣщающей мракъ Голгофы. Жена и дѣти философа удалены, для того чтобы онъ могъ безмятежно наслаждаться въ послѣднія минуты жизни отрадою философской бесѣды, и нѣтъ никакого намека, чтобы сраженная горемъ жена имѣла хоть какія нибудь права на самыя дорогія мгновенія жизни ея мужа. Жалобы ея представлялись ему диссонансомъ въ его предсмертной пѣснѣ, но, намъ кажется, будто порвалась какая-то человѣческая струнка, когда аттический мученикъ дерзнулъ заставить безмолвствовать жену. Насколько ближе были другъ къ другу мать и сынъ у голгофскаго креста! Однако эта сцена, самая величественная во всемирной литературѣ, не составляетъ главнаго интереса діалога. Мыслящихъ людей всѣхъ вѣковъ приковывало къ себѣ ясное, радостное обѣщаніе будущаго блаженства; въ особенности оно увлекало тѣхъ, которые не обрѣли надежды на безсмертіе, жужаясь отъ принятія христіанства. Темная могила разверзается передъ каждымъ изъ насъ, и вопросъ: что же будетъ дальше? — раздается немолчно. Въ этомъ заключается міровое горе, міровой страхъ, устранить который старается Платонъ, — и отвѣтъ его успокаивалъ патріотовъ и мучениковъ многихъ вѣковъ и странъ.

Но читатель, воображающій, что, по крайней мѣрѣ, тутъ онъ услышитъ ясную и простую мелодію, что, подобно пѣснѣ умирающаго лебедя, звуки будутъ свѣтлы и напѣвъ простой и патетической — страшно разочаруется. Діалогъ исполненъ черствой метафизикой, касающейся самодѣтельности души, ея участія въ вѣчныхъ идеяхъ и предшествующаго бытія, ея сходства или несходства съ гармоніею, то и наконецъ сущности конечныхъ и дѣйствующихъ причинъ. Пренія завершаются тщательно отфѣланнымъ и сложнымъ мисмотомъ будущей жизни, утомляющимъ умъ, но не трогающимъ читателя. Всѣми этими чертами Фѣдонъ поразительно схожъ съ великой музыкальной параллелью своею въ наше время, съ знаменитымъ *Requiem* Моцарта, въ которомъ онъ выразилъ свои надежды и опасенія въ послѣдніе часы угасавшей жизни. И здѣсь также слухъ не находитъ сначала простыхъ и пѣжныхъ мелодій, которыя Моцартъ писалъ въ раннюю пору жизни, и мы поражены сложностью и изу-

мительной ученостью музыки, нагромождающей гармонію на гармонію, тому на тому, переходомъ аккорда въ аккордъ, запутанностью контрапункта. Нужно знакомство съ Платономъ и Моцартомъ для того, чтобы понять ихъ великія руководящія идеи и слѣдить за нитью дивной мысли. Но даже для тѣхъ, кто не удовлетворенъ этимъ, практическое доказательство того, что Сократъ искренно убѣжденъ былъ въ ея вѣрности, служить уже, быть можетъ, наиболѣе яснымъ и дѣйствительнымъ подтвержденіемъ ея истины. Понятно, что Платонъ ввелъ сюда нѣкоторую долю своей собственной метафизики. Въ самомъ дѣлѣ, доктрина объ Идеяхъ такъ развита въ Фѣдонѣ и занимаетъ въ немъ такое выдающееся мѣсто, что критики относятъ появленіе этого діалога къ зрѣлому возрасту Платона, словомъ, къ эпохѣ гораздо позднѣе смерти Сократа. Главная картина, тѣмъ не менѣе, должна быть вѣрна, и еслибъ Платонъ не оставилъ иного памятника своего генія, то и этого было бы уже достаточно, чтобы завоевать ему высшее мѣсто въ области мысли.

§ 427. Всего рѣзче противоположенъ Фѣдону Пиръ, произведение безспорно болѣе блестящее и великое, но настолько чисто греческое, что многое въ немъ звучитъ современному читателю странно и даже оскорбительно. Симпозіонъ (Пиръ) есть разсказъ Аристодема о пиршествѣ, устроенномъ въ домѣ трагическаго поэта Агаэона послѣ одной изъ его побѣдъ; во время пира Сократъ, врачъ Эрисимахъ, Аристофанъ, по временамъ Алкивиадъ и нѣкоторые другіе, менѣе знаменитыя лица обсуждали сущность Эроса и расточали ему хвалу. Введеніе весьма живописно и ясно выводитъ передъ нами нравы утонченнаго аѣинскаго общества. Въмѣсто того, чтобы предаваться сильнымъ воздіяніямъ, какъ это дѣлали они въ ночь передъ тѣмъ, или слушать флейтца, гости «посылаютъ ее во внутреннія комнаты играть женщинамъ, если онѣ этого желаютъ», и вызываются говорить поочереди во славу Любви. Рѣчи отличаются нѣсколько натянутымъ и мнѣологическимъ характеромъ, въ особенности рѣчь Аристофана, болѣе каррикатурная и искусственная, чѣмъ остроумная, еще разъ доказывающая, что Платонъ не былъ, собственно говоря, остроумецъ, несмотря на свой тонкій юморъ. Рѣчь Агаэона, напротивъ того, весьма замѣчательна въ риторическомъ отношеніи и вполне заслуживала тѣхъ рукоплесканій, которыми встрѣтило ее общество. Она написана въ старинномъ стилѣ Горгія, полна аллитерацій и остроумныхъ выходовъ и, очевидно, тщательно подражала манерѣ поэта. Рѣчь Сократа, чья страсть къ перекрестному вопросу не разъ прорывается во время діалога, излагаетъ тѣ уроки, которые онъ получилъ, будто бы, отъ пророческаго дара Діотимы, и она вмѣстѣ съ Федромъ, состав-

ляетъ locus classicus для правильного пониманія платоновой Теоріи Любви. Въ эту минуту врывается въ собраніе Алкивіадъ съ пьяной компаніей, и пиръ переходитъ въ сцену разгула, почти разврата, такъ какъ Алкивіадъ, вмѣсто того чтобы прославлять Эроса, прославляетъ самого Сократа и дѣлаетъ такое описаніе его воздержанія отъ эротическихъ соблазновъ, какое можетъ быть извинено, даже въ греческомъ обществѣ, лишь опьяненіемъ рассказчика. Тѣмъ не менѣе, лучший изъ дошедшихъ до насъ портретовъ Сократа, со всѣмъ его безобразіемъ, обаяніемъ его личности, его непреклоннымъ мужествомъ, глубокой симпатичностью, непоколебимымъ цѣломудріемъ, заключается именно въ этомъ панегиричѣ циника Алкивіада. Конецъ пира показываетъ намъ Сократа еще въ новомъ свѣтѣ, именно человѣкомъ съ такой сильной головою, что онъ можетъ пить даже тогда, когда остальные гости лежатъ уже запертво, и продолжать свои разсужденія объ аналогіи павоса и юмора и о томъ, что трагическій поэтъ долженъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и комикомъ, — несмотря на то, что аудиторія уже не въ состояніи слѣдить за его мыслью. Эта способность противо-дѣйствовать опьяненію цѣлилась Платономъ гораздо болѣе, чѣмъ она цѣлится въ настоящее время; она была доказательствомъ яснаго и сильнаго ума, нелегко волнүемаго внѣшними причинами.

§ 428. Въ Федръ мы видимъ бесѣду гораздо проще обставленную; въ ней только два собесѣдника, Сократъ и Федръ, тѣмъ не менѣе немногія изъ платоновыхъ произведеній столь полны поэзіи, какъ это изображеніе Сократа на берегахъ тѣнистаго Иллісса въ виду Діонисова театра, когда онъ изливаетъ душу въ величественномъ диѳирамбѣ о сущности и вліяніи божественнаго порыва, который заставляетъ насъ стремиться къ безсмертію и искать совершенства. Роль этого произведенія въ ходѣ развитія системы нашего автора вызвала оживленную полемику, но въ настоящее время какъ бы установилось соглашеніе, даже среди нѣмцевъ, относительно того, что діалогъ этотъ появился въ раннюю пору. Мнѣніе это всего болѣе согласуется съ тѣми великими ожиданіями отъ Исократы (въ послѣдствіи ставшаго соперникомъ Платона и порицаемаго имъ, какъ кажется, въ Эвемидѣ), которыя встрѣчаются въ Федрѣ. Имъ же объясняется и благоприятное сужденіе о Периклѣ, столь противоположное рѣзкимъ отзывамъ о немъ въ Горгіѣ. То, что говорятъ критики о юношеской цвѣтистости слога, и то что названо въ переводѣ Целлера «отсутствіемъ интуитивной способности въ мифѣ»²²¹⁾, какъ бы придумано, по моему, для подтвержденія теоріи о раннемъ появленіи этого діалога. Съ другой сто-

²²¹⁾ Стр. 130, прим. Мнѣ кажется, онъ употребилъ слово Anschaulichkeit.

роны тѣ великія ученія, которыя были, какъ полагають, усвоены Платонѣмъ постепенно и лишь долго спустя послѣ смерти Сократа, почти все проповѣдуются здѣсь весьма опредѣленно. Воспоминанія о прежнемъ существованіи души, Формы и Идеи Платона, Эросъ и другія подробности, все это, если Федръ дѣйствительно раннее произведеніе, принуждаетъ насъ поступиться любимую теорію о постоянномъ умственномъ развитіи Платона. Таковъ повидимому взглядъ Грота.

Діалогъ начинается произнесеніемъ эротической рѣчи, приписываемой Лизію и уже разсмотрѣнной мною выше; на нее Сократъ возражаетъ сначала саркастической параллельной рѣчью, значительно уступающею воззванію Лизія. Испросивъ, вслѣдъ за тѣмъ, прощеніе боговъ, онъ начинаетъ ту чудную рapsодію о сущности философской любви, которая оставила вѣчный слѣдъ на человѣческой мысли и все еще живетъ въ устахъ людей нашего времени, не имѣющихъ даже понятія о ея истинномъ значеніи. Отождествленіе видовъ Эроса съ простыми степенями одного и того же вѣчнаго инстинкта Любви къ идеальной красотѣ, совпадающей съ Добромъ и Истиною — безспорно благородное ученіе. Кромѣ того, въ древне-аттическія времена имъ отмѣчалось и стремленіе къ знанію, совершенно непохожее на подобное же стремленіе въ нашу эпоху, когда борьба изъ-за матеріальныхъ наградъ уничтожаетъ всю поэзію и прелесть умственныхъ занятій. Страсть къ истинѣ, которую Платонъ считалъ любовью «выше всякой женской любви», нынѣ встрѣчается весьма рѣдко и считается непрактическимъ анахронизмомъ. Но, цѣня поэтическія и эстетическія красоты этого ученія, надо признать весьма неудачными постоянныя попытки Сократа найти общую нить, или связующее звено между различными значеніями, въ которыхъ употреблялось въ обиходномъ разговорѣ тоже самое выраженіе. Умный, но несвѣдущій человѣкъ, конечно, затруднится рѣшить, почему Платонъ отождествлялъ половой инстинктъ съ стремленіемъ разрѣшить математическую проблему. Жажда счастья есть влеченіе къ Добру, тождественному съ Истиною; вслѣдствіе этого мы почитаемъ математику или всякую иную истину. Съ другой стороны желаніе обладать добромъ равняется желанію владѣть имъ вѣчно; изъ этого проистекаетъ жажда безсмертія, а такъ какъ достигъ его оказывается невозможнымъ, то человѣкъ испытываетъ стремленіе создать себѣ alter ego, который его замѣнитъ. Избраніе для этой цѣли красоты является, конечно, желаніемъ обладать Прекраснымъ въ его проявленіяхъ, ибо изъ всѣхъ вѣчныхъ идей только одна эта идея воплощается чувствомъ. Такова логика теоріи объ Эросѣ.

Послѣдняя часть діалога, вслѣдъ за знаменитымъ міеомъ, уподобляющимъ душу колесницѣ, запряженной плохо подобранными

конами, посвящена критикѣ современной Платону риторикѣ и указаніямъ на болѣе новую и обширную теорію. Платонъ жалуется на то, что профессиональные ораторы его времени не имѣютъ ни логическихъ, ни психологическихъ свѣдѣній, необходимыхъ для достиженія настоящей художественности въ этомъ дѣлѣ. Во первыхъ, предметъ этотъ долженъ быть тщательно раздѣленъ на части, различные отдѣлы должны быть подчинены другъ другу; сойтъ этотъ остается весьма цѣннымъ и понынѣ, и еслибы онъ былъ понятъ многими изъ тѣхъ, кто произноситъ рѣчи, не раздѣляя ихъ на правильныя части, значительно возвысилъ бы ихъ значеніе. Во вторыхъ, необходимо изучать особенности тѣхъ умовъ, къ которымъ обращается рѣчь, и доводы должны быть принаровлены къ извѣстнымъ обстоятельствамъ. Грѣтъ находить эти условія слишкомъ требовательными и полагаетъ, что несправедливо было бы осуждать людей практическихъ, приучавшихъ аттическую публику къ преніямъ, за то, только, что они не удовлетворяли запросамъ философа. Тѣмъ не менѣе Платонъ, хотя онъ, какъ риторъ, и уступаетъ наиболѣе даровитымъ изъ своихъ современниковъ, положилъ основу лучшей и болѣе прочной философіи Риторикѣ, развитой до нѣкоторой степени Аристотелемъ, но пригодной и полезной для всѣхъ временъ и всѣхъ ступеней культуры. Въ самомъ дѣлѣ, Шпенгель вполне основательно доказалъ, что указанія, сдѣланныя Платономъ въ настоящемъ діалогѣ, на недостатки, присутіе ходячей риторикѣ того времени, на важность *ψυχολογία* или психологическаго изученія человѣческаго характера и на необходимость надлежащихъ аргументовъ и метода, заключаютъ въ себѣ весь истинно-важный матеріалъ аристотелевой риторикѣ и были втихомолку усвоены и развиты великимъ ученикомъ Платона. Аристотель ссылаясь, правда, на полемику, направленную въ Горгіѣ противъ риторикѣ, желая, такимъ образомъ, опровергнуть взгляды, выраженные Платономъ въ этомъ діалогѣ, и сдѣлать имъ оцѣнку. Но, по всему вѣроятію, Шпенгель правъ, заявляя, что въ то время не было еще принято приводить свои авторитеты и что умолчаніе Аристотеля о Федрѣ возникло не изъ мелкой зависти, а, скорѣе, изъ искренняго одобренія этого поразительнаго проблеска дальновидности платонова гения.

Другою темою Федра служила сравнительная оцѣнка писанныхъ и устныхъ поученій; и объ этомъ Платонъ оставилъ намъ глубоко правдивую, хотя и преувеличенную теорію. Онъ презиралъ простыя, писанныя разсужденія, не вѣрилъ, чтобы подобными средствами человѣкъ могъ чему либо научиться. Пока онъ не обсудилъ какого-нибудь вопроса съ другими однородными умами, пока не подвергся тщательному допросу, пока взгляды его не были, если

можно такъ выразиться, «просѣяны», нельзя сказать, чтобы человѣкъ основательно зналъ что бы то ни было, или усвоилъ себѣ какой-нибудь предметъ. Въ этомъ случаѣ Платонъ какъ бы спорить съ средневѣковыми школами или, скорѣе, съ университетами нашего времени, гдѣ размноженіе экзаменовъ принудило студентовъ проводить время въ чтеніи многихъ книгъ и запоминаніи того, что въ нихъ находится. Когда испытаніе заключается въ colloquium'ѣ или бесѣдѣ съ экзаменаторомъ, нѣкоторые изъ порождаемыхъ этимъ приѣмомъ золь могутъ быть отстранены; но даже эта гарантія большею частью отмѣнена въ англійскихъ университетахъ, и многіе изъ кандидатовъ на научныя почести, которые въ состояніи излагать на бумагѣ свои кажущіяся знанія, остались бы совершенно безмолвными, еслибъ ихъ подвергли устному elenchus экзаменатора. Тѣмъ не менѣе, выходка противъ значенія писанныхъ рѣчей (перешедшая изъ Федра въ седьмое посланіе) поражаетъ въ устахъ одного изъ плодovitѣйшихъ авторовъ писанныхъ изслѣдованій, изъ которыхъ многія по своему стилю имѣютъ характеръ экспозиціи предмета, или же дидактическаго наставленія.

§ 429. Федръ, съ своей критикой риторики, естественно приводитъ насъ къ Горгію, гдѣ разсматривается тотъ же вопросъ, только продолжительнѣе и подробнѣе. Риторика разбирается тутъ, какъ средство убѣждать толпу, подобно софистикѣ, которая имѣетъ цѣлью устанавливать нравственные и политическіе законы. Сократъ, напротивъ того, утверждалъ, что истинная политика заключается въ искусствѣ дѣлать людей счастливыми, дѣлая ихъ лучшими, и что она является, слѣдовательно, результатомъ этики и коренной философіи человѣческой природы. Софистъ Горгій, подобно Протатору въ діалогѣ, озаглавленномъ его именемъ, изображенъ человекомъ почтеннымъ и успѣшнымъ преподавателемъ, но не поднимающимъ выше народнаго уровня и поучающимъ только благодаря ловкости, а не какому нибудь научному принципу. Въ уста двухъ незначительныхъ слѣдователей Горгія, Пола и Калликла, вложены нѣкоторые отталкивающія теоріи эгоистической морали, права сильного, счастья, пользоваться властью, на что Сократъ возражаетъ доказательствомъ, что порокъ—истинное бѣдствіе, и что для злодѣя всего лучше понести заслуженную кару, подобно тому, какъ больной долженъ употреблять мучительныя средства. Онъ всюду приравниваетъ порокъ къ тѣлесному недугу,—аналогія, всего менѣе согласующаяся съ его убѣжденіемъ, что порокъ—невѣденіе, что злодѣй не понимаетъ своего положенія и что его слѣдуетъ исправлять и сдерживать мудрымъ вмѣшательствомъ извнѣ. Хотя Платонъ и не высказывается въ этомъ смыслѣ,—единственный недугъ, дѣйствительно, подходящий къ его толкованію, это тотъ видъ

умственного разстройства, во время которого больной счастливъ и доволенъ своими галлюцинаціями, такъ какъ человекъ, творящій зло, того не вѣдая, находится въ худшемъ положеніи, чѣмъ тотъ, который совершаетъ преступленіе сознательно.

Горгія—величайшій изъ языческихъ протестовъ въ защиту абсолютной нравственности противъ утилитарной теоріи, признающей, что добро—удовольствіе, а зло—страданіе. Въ этомъ діалогѣ не обращается никакого вниманія на удовольствія въ настоящемъ, и тотъ только считается истиннымъ философомъ и хорошимъ человекомъ, кто можетъ презирать подобные соблазны и слушаться своей совѣсти, вопреки тѣлеснымъ страданіямъ и мученіямъ. Первое провозглашеніе стоицизма, съ одной стороны, и самоотверженія, проповѣдуемаго Евангеліемъ, съ другой, заключается въ величественномъ и облагораживающемъ мотивѣ, выставляемомъ Сократомъ, который зная, что за нимъ не послѣдуетъ толпа, чувствовалъ себя одинокимъ и ненавидимымъ, и все таки требовалъ себѣ неотъемлемаго права всякаго честнаго человека думать за себя и держаться вѣчныхъ законовъ справедливости, которые одни только могутъ дать прочное счастье и человеку, и цѣлому обществу. Гротъ сѣтуетъ на то, что, вставая противъ утилитаризма или даже поддерживая его (Протагора) Платонъ имѣлъ только въ виду его грубую форму, стремящуюся лишь къ личному интересу, не принимая въ соображеніе пользу остальныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, выставивъ это послѣднее соображеніе, позднѣйшіе писатели постарались, какъ дѣлаетъ и Гротъ, окрасить утилитарную доктрину. Но не похоже ли это на размалыванье некрасивой теоріи красками, заимствованными изъ чуждаго источника! Прилично ли назвать утилитаризмомъ или исканіемъ выгоды заботливость о другихъ? Одно уже выраженіе: это моя выгода, устраняетъ во многихъ случаяхъ интересы остальнаго человечества, а если между общими и личными выгодами есть коллизія, то избрать ихъ значитъ нарушить настоящій и разумный смыслъ ученія утилитаризма. Такимъ образомъ, благородный протестъ Горгія относится вмѣстѣ съ Фэдономъ къ числу тѣхъ сочиненій Платона, которыя не утратили (подобно Пирру или Федру) своей мѣткости по мѣрѣ измѣненія соціальнаго строя, и немногіе изъ остальныхъ діалоговъ представляютъ въ наше время столь глубоко поучительный смыслъ или интересъ для человека, изучающаго вопросы нравственности.

§ 430. Вполнѣ противоположна этому этическая теорія Протагора (о преподаваемости добродѣтели). Этотъ діалогъ нисколько не уступаетъ Горгію ни по слогу, ни по обстановкѣ, напротивъ того, онъ еще гораздо болѣе блестящъ и обработанъ, даже тѣ теоретики, которые желаютъ видѣть въ немъ раннее и неудачное

произведение Платона, не могут найти въ Протагорѣ мнимой грубости Федра. Этотъ діалогъ носить на себѣ отпечатокъ зрѣлаго ума Платона и его литературныхъ совершенствъ. Однако въ немъ Протагоръ является честнымъ и убѣдительнымъ защитникомъ высшей традиціонной нравственности, въ то время какъ Сократъ нападаетъ на эти взгляды и утверждаетъ, что добродѣтель есть умѣнье взвѣшивать наши удовольствія и страданія и извлекать изъ этого наибольшую выгоду. Утилитаристамъ, въ родѣ Грота, эта теорія, вполне чуждая общему складу платонova мышленія, весьма симпатична, лишь бы можно было найти эту сторону сократовыхъ взглядовъ въ этихъ и другихъ діалогахъ. Несомѣнно, что у Сократа была нѣкоторая доля грубой простоватости, такъ что пріятныя послѣдствія добродѣтели являются у него подъ часъ какъ бы ея главными достоинствами. Вмѣстѣ съ тѣмъ теорія эта была и прекраснымъ полемическимъ орудіемъ, такъ какъ она противопоставляла эстетическому чувству, нерѣдко очень неопредѣленному, умственное исчисленіе результатовъ поступка. Но истинное значеніе Протагора, сравнительно съ Горгіемъ, заключается въ томъ, что это произведение подтверждаетъ теорію Грота о независимости другъ отъ друга и даже противоположности діалоговъ, писанныхъ отдѣльно, каждый съ своей точки зрѣнія, часто преднамѣренно противорѣча остальнымъ. Платонъ былъ, очевидно, слишкомъ истымъ ученикомъ Сократа, для того что бы не чувствовать трудности всякихъ этическихъ умозрѣній, и, готовый догматизировать и созидать систему, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ готовъ обсуждать и взвѣшивать ея основанія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ несомѣнно доказалъ Гротъ, созидаящая и скептическая стороны у Платона представляютъ два совершенно обособленныя теченія мысли, которыхъ онъ и не старался вовсе слить въ одно русло.

Эти два діалога интересны и въ другомъ отношеніи. Они доказываютъ общую порядочность и высокій личный характеръ вождей софистовъ. Хотя Платонъ и былъ отъявленнымъ врагомъ ихъ системы, хотя онъ и осмѣивалъ и осуждалъ ихъ притязанія учить людей за деньги совершенствованію, нравственному или умственному, онъ всегда избиралъ предметомъ своей сатиры мелкихъ послѣдователей великихъ софистовъ, именно Пола, Фразимаха, Эвемидеа, относясь постоянно съ уваженіемъ къ Горгію и Протагору. Они не имѣютъ полемическихъ качествъ, не могутъ устоять передъ перекрестнымъ допросомъ Сократа, а только учатъ изящно и искренно ходячей морали. Рѣдко встрѣтимъ мы мѣсто прекраснѣе вложенной въ уста Протагора картины распространенія добродѣтели въ цивилизованномъ греческомъ городѣ стараніями всѣхъ его обитателей ²²²).

²²²) Протагоръ, стр. 322—31.

§ 431. Перейдемъ къ послѣдней категоріи, а именно къ чисто-созидающимъ діалогамъ, либо къ тѣмъ, которые служатъ цѣлямъ построения системы, хоть въ главныхъ чертахъ; въ нихъ Платонъ высказалъ свой взглядъ на міровую строй (Тимей), на пересозданіе общества (Республика и Законы); рассмотримъ и отрывокъ, изоглавленный Критіемъ. Послѣдніе два діалога такъ важны въ социальномъ и политическомъ отношеніи, а также и по своимъ размѣрамъ и обстоятельству, что заслуживаютъ особаго разсмотрѣнія. Республика—лучше всего написанное и наиболѣе совершенное изъ платоновыхъ сочиненій, такъ что тѣ нѣмецкіе критики, которые утверждаютъ, что человекъ долженъ приходить подъ старость въ упадокъ, не соглашались поставить ее въ концѣ списка. Всѣ согласны, что Законы были однимъ изъ послѣднихъ произведеній Платона, и что они должны были представить систему болѣе исполнимую, чѣмъ Республика, хотя оба разговора однородны въ принципиальномъ отношеніи.

Слогъ и строй мысли въ нихъ однако весьма различны. У Платона нѣтъ ни одного качества, которое не нашло бы выраженія въ Республикѣ. Въ первыхъ двухъ книгахъ мы видимъ кроткаго, упрямаго, проныческаго Сократа; въ позднѣйшихъ, уже ради цѣлей Платона, появляется дидактическій, воображаемый Сократъ. Обрисовка характеровъ прелестная; мы видимъ покорную судьбу и ясную старость Кефала, грубую откровенность и неукротимость Фразимаха, нѣжно оттѣвненныя различія между Главкомъ и Адѣймантомъ, двумя серьезными искателями истины. Въ пятой и шестой книгахъ есть немало сухой и жесткой метафизики; въ концѣ десятой книги помѣщенъ грандіозный мифъ объ Арменіи. Эрмъ. Немного найдется важныхъ теорій въ другихъ діалогахъ, на которыхъ не было бы намековъ или указаній въ этой бесѣдѣ. Но, несмотря на противоположныя взгляды, напримѣръ, между Горгіемъ и Протагоромъ, то въ Республику вошла болѣе идеальная сторона ученія. Дѣйствительно, между нею, Горгіемъ и Феономъ замѣтны своеобразныя точки соприкосновенія, и въ Республикѣ, быть можетъ, меньше эротическаго элемента, чѣмъ мы въ правѣ ожидать отъ автора Федра и Пира.

§ 432. Формальнымъ образомъ діалогъ этотъ обсуждаетъ вопросъ: что такое справедливость? Это тотъ же предметъ, который разсматривается столь смѣло и съ такимъ очевиднымъ вызовомъ Сократу въ Клейтофонѣ; что тѣ, которые признаютъ этотъ отрывокъ подлиннымъ, полагаютъ, что онъ назначался первоначально, какъ вступленіе къ Республикѣ. Другіе, въ свою очередь, на основаніи живаго и отрицательнаго тона первыхъ двухъ книгъ думаютъ, что эта часть была написана въ раннюю пору,

дополнена и развита Платономъ въ его позднѣйшіе годы, отличающаяся болѣе живучею дѣятельностью. Все это одни только предположенія. Важнѣе всего то, что сочиненіе это получило наименованіе и значеніе свое не отъ официально выставленнаго, а отъ косвеннаго или случайнаго изслѣдованія, которое Сократъ вводитъ въ него въ видѣ громаднаго отступленія. Задача, предложенная къ разрѣшенію — розысканіе сущности справедливости. Только исходя изъ предположенія, что цивилизованный политическій строй тождественъ по своей системѣ съ строемъ человѣческаго ума, но болѣе обширенъ и доступенъ для обозрѣнія, діалогъ переходитъ къ описанію идеальнаго Государства, неточно называемаго нами Респу бли ко ю, такъ какъ отсутствіе монархіи вовсе не необходимо для платонova замысла. Намъ даже извѣстно изъ Политики, что Платонъ склонялся въ пользу единоличнаго управленія, даже автократическаго, лишь бы нашелся тотъ идеальный характеръ, тотъ царь-философъ, который могъ бы руководить страной. Въ Государствѣ или Респуб ли кѣ, нами разсматриваемой, онъ отдаетъ контроль въ руки немногихъ хранителей, съ правами, похожими на власть Политика, но число ихъ не имѣетъ никакого значенія; отношенія ихъ другъ къ другу не принимаются въ соображеніе, авторитетъ ихъ разсматривается скоб рѣ, какъ отвлеченная единица, и мудрость не проистекаетъ изъ преній и изъ рѣшенія большинства совѣщательнаго собранія. Единственный вопросъ, который кажется Платону жизненнымъ въ государственномъ устройствѣ, это — устраненіе публики отъ обсужденія государственныхъ дѣлъ и ограниченіе числа административныхъ лицъ однимъ или немногими избранными экспертами, которые не должны сообщать свои мотивы подчиненнымъ сословіямъ или допускать критику своихъ дѣйствій²²³). Таково было отношеніе къ дѣлу всѣхъ аристократическихъ теоретиковъ, мечтавшихъ въ дни Платона о лучшей формѣ правленія. Всѣ они глубоко вѣрили въ зло демократіи, а еще болѣе въ непригодность политиковъ-любителей. Неумѣлое законодательство черни или ея случайныхъ совѣтчиковъ казалось имъ нелѣпымъ въ виду важныхъ результатовъ отсюда проистекающихъ, и они полагали, что тутъ именно, болѣе чѣмъ гдѣ либо,

государству вредитъ неумѣлость политиковъ-любителей. Они считали, что государство должно управляться немногими избранными экспертами, которые не должны сообщать свои мотивы подчиненнымъ сословіямъ или допускать критику своихъ дѣйствій.

²²³ Ср. аргументъ его въ Политикѣ (стр. 292—3), начинающийся такъ: *ῥῶν οὐδὲν δοκεῖ καὶ ἐν τοῖς πολιτικοῖς ἐπιστήμῃ δυνάτον εἶναι κηδεσθαι*; выводъ такой (стр. 297 В): *ἡ δὲ οὐκ ἂν ποτε πύβας ὀβὺ φύσιν αὐτῶν, τῇ ταύτης λαβῇ ἐπιστήμῃ, ὅταν τ' αὖ γένοιντο μέγα πόθιν αὐτῶν πόλιν, σφαιδωμένον* (стр. 292); *τῇ μὲν οὐδὲν αὐτῇ περὶ εὐαγείας, καὶ οὐδ', καὶ παντάπασιν ὀλίγοις, δεῖν ζητεῖν, ὅταν ὀρθῇ ὑψίστη*. Онъ сравниваетъ это искусство съ искусствомъ медика, который лечитъ больныхъ всѣхъ классовъ и званій, не позволяя имъ вмешиваться въ лечение, часто мучительное и неприятное, въ предписываемое хирургіей или медициною *ῥησιν* *ῥησιν*

необходима профессиональная умѣлость. Здравый смыслъ или результатъ мудрости извѣстнаго числа умныхъ людей, лучшая форма правленія, по современнымъ намъ понятіямъ, — презирались ими глубоко. Если кто либо изъ политическихъ дѣателей, какъ, напримеръ, Перикль, дѣйствительно совершалъ что либо великое, то это объяснялось частнымъ знакомствомъ ихъ съ болѣе глубокимъ философскимъ способомъ мышленія и даже ихъ случайными бесѣдами съ философами, возвысившими ихъ мысли до сферы общихъ мировыхъ законовъ. Однако, какъ мы видимъ въ Горгіѣ, даже Перикль остался гораздо ниже требованій Платона.

Исходя изъ того мнѣнія, что масса неспособна къ самоуправленію, Платонъ, а за нимъ и остальные греческіе теоретики не желали дать ей даже той степени свободы, которая отличала афинскую демократію, и которую въ наше время всѣ государства дозволяютъ своимъ гражданамъ въ предѣлахъ ихъ домашняго быта. По общему понятію, управлявшему греческою жизнью, государство могло требовать отъ гражданина всякой жертвы: личныя его права были ничтожны въ сравненіи съ правами государства; если же онъ подчинялся этимъ требованіямъ, то частная жизнь его становилась безконтрольною. Когда гражданинъ переступалъ за порогъ своего дома, онъ дѣлался полновластнымъ хозяиномъ, и только необычайное насиліе, или какое-нибудь скандальное дѣло могли вынудить государственное вмѣшательство. Такимъ образомъ греческіе политики, отстаивая абсолютную власть и права государства, менѣе насъ озабочивались поддержаніемъ нравственности въ жизни частныхъ лицъ. Существовало лишь одно своеобразное исключеніе, именно, спартанское общество подъ отеческимъ деспотизмомъ эфоровъ. Здѣсь хоть молодые люди, по крайней мѣрѣ, оставались всю жизнь подъ строгимъ началомъ. Они жили, спали, охотились сообща, все время состоя подъ организованнымъ наблюденіемъ. Платонъ примѣняетъ къ высшимъ классамъ своего государства эту же идею, и, странно сказать, дѣлаетъ свою высшую касту сословіемъ военнымъ. Тогдашнее поколѣніе начинало понимать, что гражданское ополченіе, оторванное отъ домашняго очага и мирныхъ занятій, не могло противостоять воинамъ по профессіи, въ родѣ Спартанцевъ, дисциплинѣ и опытности которыхъ подражали теперь при помощи наемныхъ войскъ и военачальниковъ. Вслѣдствіе этого теоретики отдѣлили особую касту, въ качествѣ военной стражи государства, и посвятили значительную часть своего изслѣдованія вопросу о ея воспитаніи и содержаніи. Къ тому же, подобно Гомеру, котораго, несмотря на свое проникновеніе его геніемъ, Платонъ устранилъ изъ своего государства, онъ не хочетъ снизойти до описанія жизни и воспитанія класса ремесленниковъ или хлѣбопашцевъ и обращаетъ

все свое вниманіе на благородныхъ борцовъ на жизненной аренѣ.

§ 433. Но Платонъ пошелъ гораздо дальше. Онъ ясно видѣлъ, что въ то время, какъ размноженіе остальныхъ животныхъ подвергается строгому контролю со стороны человѣка, вслѣдствіе чего легко получаютъ разнообразіе и усовершенствованіе особей, размноженіе человѣка, высшаго и драгоцѣннѣйшаго изъ всѣхъ животныхъ, предоставляется случаю, прихотливой фантазіи, мимолетной страсти, денежнымъ соображеніямъ, такъ что природныя недостатки, нравственные уродства, и другія несовершенства передаются изъ рода въ родъ, искажая человѣческую породу. Вопросъ этотъ былъ уже тогда, и остается понынѣ, настолько окруженнымъ ореоломъ чувства, настолько связаннымъ съ священными узами семейной привязанности, что даже обсужденіе его является почти невозможнымъ, и лишь немногіе передовые мыслители отваживаются въ наше время настаивать на необходимости этого условія для физическаго, а, слѣдовательно, и умственнаго совершенствованія человѣчества. Джоуэттъ, далеко не старомодный консерваторъ, сознаетъ, что отмена частной собственности и общность всего состоянія можетъ сдѣлаться условіемъ болѣе передовой культуры, и что заанненіе частныхъ правъ и интересовъ тормозитъ общественное благо. Но онъ отшатывается даже отъ мысли объ обществѣ безъ прочныхъ браковъ, безъ видимыхъ домашнихъ и семейныхъ узъ, и гдѣ размноженіе расы находилось бы подъ руководствомъ и контролемъ государства.

Принято говорить о платоновой теоріи, какъ о теоріи общности женъ; это грубая клевета на нашего философа, строго охранявшаго отношенія двухъ половъ, если только они жили вмѣстѣ согласно видамъ государства, — дѣлаваго изъ брака, если можно такъ выразиться, «тайнство», и каравшаго каждое нарушеніе его святости, какъ нечестіе²²⁴⁾. Но, хотя онъ и не распространяется по этому вопросу, кажется однако, что, по его понятіямъ, бракъ долженъ былъ длиться лишь до извѣстнаго срока, послѣ чего, когда оказывалась необходимость для новаго союза гражданъ, люди, жившіе до того времени вмѣстѣ, не имѣли уже права оставаться соединенными, точно также какъ родители не должны были знать своихъ собственныхъ дѣтей, которыхъ брало и воспитывало государство.

²²⁴⁾ Единственная частность въ этой части Республики, сколько нибудь безнравственная, это права, данныя хранителямъ, переступившимъ опредѣленный для брака возрастъ. Ихъ ни въ чемъ не ограничиваютъ; они только не должны имѣть дѣтей, а если имѣютъ ихъ, то обязаны ихъ умерщвлять. Относительно этого вопроса современные взгляды на нравственность могутъ справедливо осуждать высшую мораль Грековъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что, если Платонъ и не видѣлъ передъ собою настоящихъ образцовъ подобныхъ срочныхъ браковъ, въ Спартѣ обращалось, и весьма успѣшно, болѣе вниманія на размноженіе человѣческаго рода, чѣмъ въ какомъ либо другомъ цивилизованномъ обществѣ, какъ въ древнѣе, такъ и въ новѣйшее время. Заботливость эта дошла, правда, до полного пренебреженія всеми обще-принатыми воззрѣніями на святость брака; Плутархъ сообщаетъ въ *Жизнеописаніи* Ликурга факты, которые доказываютъ, какъ легко было бы примѣнить въ Спартѣ платонову схему²²³). Въ этомъ случаѣ замѣчательно, что въ государствѣ, гдѣ временные мужья были дозволены, и гдѣ рожденіе здоровой и красивой породы людей составляло вопросъ первенствующей важности, никогда не было примѣра упадка женской нравственности, ослабленія семейныхъ узъ или вліянія домашняго очага. Напротивъ того, спартанскія жены и матери были цѣломудреннѣе и благороднѣе всѣхъ остальныхъ греческихъ женщинъ. Въ виду этого Платонъ могъ указать на Спарту, какъ на единственную страну, которая приближалась къ его идеальному государству, освобождая отношенія двухъ половъ отъ вліяній пагубныхъ чувствъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ на единственную страну, гдѣ физическое совершенство расы было совершившимся фактомъ, не нарушавшимъ при этомъ цѣломудрія и утонченности нравовъ обоихъ половъ. Въ другихъ отношеніяхъ Спартанцы остались ниже его идеала, не столько въ основѣ вопроса, сколько въ степени его развитія. Повидимому, они разсуждали о равенствѣ двухъ половинъ человѣческаго рода, руководствуясь нѣкоторыми легендарными разказами о Ликургѣ, но слабѣйшій изъ двухъ половъ оказался наиболѣе стойкимъ въ сопротивленіи законодателю, и воспитаніе и физическое развитіе женщинъ пострадало отъ этого. Платонъ предполагаетъ, что оба пола будутъ получать ту же выправку въ его кастѣ хранителей. Съ другой стороны невѣжественные и вульгарные эфоры были, безъ сомнѣнія, гораздо ниже по своему образованію платоновыхъ старѣйшинъ-философовъ, задуманныхъ имъ, кажется, скорѣе всего по образцу пифагорейскаго братства. Въслѣдствіе этого и музыка, и гимнастика должны были преподаваться на основаніи философскихъ принциповъ и съ цѣлю развивать не столько мышцы, сколько способности и ощущенія ума. По платоновой теоріи раздѣленія души на три элемента, умъ долженъ былъ развиваться подъ вліяніемъ философіи, привязанности—

²²³) Шеманнъ (Gr. Antiq., I.) полагаетъ, не только на основаніи позднѣйшихъ свѣдѣтельствъ, что дозволялось даже многоженство. Онъ ссылается на Полибія; Excerpt. Vatican. XII 6. стр. 819 (изд. Гульша).

подъ наитіемъ музыки, между тѣмъ какъ соединеніе той и другой должно было обуздывать низшіе позывы человѣка.

§ 434. Но истинная реформа въ дѣлѣ воспитанія не можетъ совершиться безъ полнѣйшаго преобразованія религіи; вслѣдствіе этого Платонъ доходитъ до послѣдней степени своего радикализма и предлагаетъ упразднить Гомера, эту Библию Грековъ, и всю поэзію, основанную на ходячемъ богословіи. Онъ полагаетъ, что для чистой и здоровой морали потребна совершенно новая религія. Божество должно быть одно, и изъ него должно проистекать все доброе. Оно должно быть безстрастно, неизмѣнно, безъ тѣни колебаній, безъ любви, ревности, гордости и корысти. Всѣ житейскія несовершенства должны быть приписаны не отсутствію въ немъ благодати, но недостаточности его могущества для обузданія природной силы вещей. Новые миѣны должны быть изобрѣтены и распространены въ народѣ вмѣсто сказаній о любовныхъ похожденіяхъ и войнахъ боговъ, — миѣны, несомнѣнно подобные тѣмъ, образцы которыхъ Платонъ далъ намъ во многихъ изъ своихъ діалоговъ, не исключая даже конца Республики. Руководство государствомъ отдано въ руки небольшого числа старѣйшинъ, избранныхъ изъ касты охранителей, настолько знакомыхъ съ умозрительной философіей и проникнутыхъ влеченіемъ къ Идеальному Добру, Истинѣ и Красотѣ, что ихъ трудно даже склонить принять на себя, конечно, только изъ чувства долга, управление дѣлами.

Великое произведеніе, изученное нами, настолько полно и глубоко по своему содержанію, что невозможно сдѣлать здѣсь хоть сколько нибудь удовлетворительный разборъ его. Я долженъ пройти мимо опредѣленія справедливости, какъ правильнаго соотношенія между различными элементами души, подобно разнообразнымъ сословіямъ въ государствѣ, — точно также мимо любопытнаго изображенія уклоненій отъ настоящей государственной политики, отъ настоящей нравственности въ отдѣльномъ индивидуумѣ, — чѣмъ наполнены послѣднія книги. Обращу однако вниманіе читателя на одну черту. Христіанскіе богословы имѣютъ привычку утверждать, что языческій міръ, въ особенности греческій, не понималъ значенія грѣха, и того пятна, которое налагаетъ на человѣка безнравственный поступокъ. Еслибы эти люди потрудились прочесть платоновое изображеніе тирана (IX, I), они убѣдились бы, что эта картина терзаній совѣсти не имѣла со временъ Платона ничего равнаго себѣ вплоть до появленія Макбета и Ричарда III въ драмахъ Шекспира.

§ 435. Разматривать Деветерономію Платона, т. е. его Законы, всего лучше, какъ дополненіе къ гораздо болѣе важной Республикѣ. Законы изображаютъ второй по достоинству видъ государственнаго устройства и дѣлаютъ много уступокъ сильнымъ націо-

нальнымъ предразсудкамъ, открыто презираемымъ или нарушаемымъ въ предшествующей, болѣе цѣльной системѣ. Это произведеніе какъ бы даетъ намъ на выборъ третью форму правленія, если мы вспомнимъ, что абсолютный контроль, порученный «царственному художнику» въ Политикѣ и немногимъ избраннымъ старѣйшинамъ въ Республикѣ, превращенъ здѣсь въ установленный сводъ законовъ, принимаемыхъ тимократической демократіею. Здѣсь Платонъ отрекается отъ теоріи Политика²²⁶⁾, утверждающей, что сводъ неизблемыхъ законовъ годится только для рѣшенія заурядныхъ дѣлъ и въ случаѣ отсутствія специальныхъ свѣдѣній въ правителѣ, между тѣмъ какъ идеальный царь, не поколебаясь, накажетъ злодѣя по своему собственному усмотрѣнію, прямо нарушая существующее законодательство, такъ какъ онъ высшій и лучшій судья неизбѣжныхъ измѣненій закона и смѣняющихъ другъ друга потребностей сложнаго человеческого общества—τὴν τῆς τέχνης ῥόμην τῶν νόμων παρεχόμενον κρείττω. Но, если этотъ царь-философъ или совѣтъ безупречно-образованныхъ старѣйшинъ, знающихъ Форму и Идею вещей и дѣйствующихъ на основаніи этого знанія, не могутъ быть найдены, то тогда надлежитъ установить возможно-лучшій кодексъ и придать ему святость и достоинство божественнаго откровенія. Эта мысль была уже раньше того намѣчена въ Политикѣ²²⁷⁾.

Предположивъ фиктивное основаніе новаго государства на Критѣ, безвѣстный Аѳинянинъ берется описать его конституцію и дѣлаетъ это необыкновенно подробно, чего мы не видимъ нигдѣ въ другихъ сочиненіяхъ Платона. Но, хотя Аристотель и называетъ этого незнакомца Сократомъ, трудно найти сильнѣе контрастъ съ истиннымъ Сократомъ, чѣмъ тотъ, который представляется въ тонѣ и методѣ невѣдомаго законодателя. Его справедливо называютъ Аѳиняниномъ, потому что если Республика могла бы легко быть создана философскимъ Лакедемоняниномъ (еслибы такого можно было найти въ четвертомъ вѣкѣ), за то Законы были прямо списаны съ древнѣйшей аттической конституціи²²⁸⁾. Подобно тому какъ совѣтъ старѣйшинъ замѣнилъ эфоровъ, такъ почтенный трудъ Солона замѣненъ здѣсь сводомъ законовъ, охраняемымъ не видимымъ, засѣдающимъ по ночамъ совѣтомъ, не имѣющимъ логически-принадлежащаго ему мѣста въ созданной Платономъ системѣ. Эта противоположность идеаловъ, спартанскихъ въ Республикѣ, аѳинскихъ

²²⁶⁾ Стр. 294—7.

²²⁷⁾ Стр. 297 и слѣд.

²²⁸⁾ Комментаторы замѣчаютъ, что многіе социальные вопросы заимствованы имъ изъ жизни Спарты. Это правда, но главная часть сочиненія касается законодательныхъ подробностей, почти всѣ принципы которыхъ чисто-аттические.

въ Законахъ, проведена послѣдовательно черезъ оба сочиненія, и критики давно признали главною заслугою послѣдняго изъ этихъ произведеній указанія частныхъ аттическихъ законовъ, которыя извѣстны намъ лишь благодаря труду Платона. Интересно видѣть, какъ въ преклонные годы философъ дѣлалъ эти уступки отъ души ненавидимой имъ демократіи и дошелъ даже до того, что рѣшился избрать аттическіе обычаи образцомъ, хотя бы даже только отчасти, для идеальнаго своего государства. Законы, однако, по истинѣ продуктъ старости Платона, и если свидѣтельство Аристотеля убѣждаетъ насъ въ ихъ подлинности, (въ буквальномъ значеніи этого слова), то мы можемъ вмѣстѣ съ тѣмъ согласиться, конечно въ болѣе возвышенномъ и отвлеченномъ смыслѣ, съ нѣмцами, отвергающими это произведеніе; въ Законахъ настоящій Платонъ уже умеръ, точно также, какъ въ Письмахъ о французской революціи умеръ Эдмундъ Боркъ. Духъ Сократа уже отлетѣлъ отъ Платона; образы блѣднѣютъ въ послѣднихъ діалогахъ и злое начало волнуетъ его. Вся его слава, набожность, ревность къ дѣлу не могли остановить духа скептицизма, вызваннаго его діалектикою. Отрицаніе народнаго богословія повело къ упадку нравственности. Философы оказались дурными гражданами, такъ какъ критика принциповъ породила ослабленіе ихъ практическаго примѣненія. Міръ такъ гадокъ и зло въ немъ настолько преобладаетъ, что въ одномъ отдѣльномъ случаѣ Платонъ увлекается даже до теоріи о второмъ всемірномъ духѣ, творцѣ всего зла въ мірозданіи и противникѣ добраго Деміурга Республики. Тогда умирающій теоретикъ создаетъ обширную палинодію, въ которой заявляетъ, что его принципы вполне совмѣстны даже съ принципами Афинянъ. Онъ доказываетъ, что съ помощью нѣкоторыхъ практическихъ измѣненій аттическіе обычаи подойдутъ къ его государству, и что въ одномъ капитальномъ вопросѣ онъ готовъ даже поступиться дѣломъ всей своей жизни. Когда законы будутъ разъ основаны на философской почвѣ, онъ примирится съ правовѣрной толпою и воспретитъ всякія пренія и діалектическія упражненія. «Согласимся лишь относительно нашихъ религіозныхъ вѣрованій, и я стану защищать ихъ со всей энергіей самаго узкаго богослова. Я потребую, чтобы еретическія мнѣнія, хотя и сопровождаемыя безупречною жизнью, наказывались пятилѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ; я опредѣлю для болѣе важныхъ (и самыхъ распространенныхъ) преступленій смертную казнь». Поистинѣ, если это такъ, то приговоръ, произнесенный противъ Сократа, былъ справедливъ и могъ быть оправданъ на основаніи Законовъ его любимѣйшаго ученика. Вслѣдствіе этого Платонъ воспрещаетъ въ своей Теоріи Идей строго философское образованіе даже для своихъ должностныхъ лицъ и замѣняетъ его

образованіемъ математическимъ, освящаемымъ религіею, — идеалъ скорѣе пифагорейскій, нежели платоническій.

Въ греческой литературѣ мы встрѣчаемъ многіе примѣры умственной мощи, не ослабѣвавшей въ преклонные годы писателя, и немалое число величайшихъ литературныхъ памятниковъ создано въ послѣднія минуты жизни авторовъ; Законы Платона оказываются, слѣдовательно, любопытнымъ и рѣдкимъ явленіемъ умственной дряхлости; они интересны и цѣнны въ своемъ родѣ, но не даютъ настоящаго понятія объ истинномъ значеніи философа. Въ Законахъ безспорно много несомнѣннаго величія, даже какая-то пророческая мощь; подобно Деветерономіи, (Второзаконію) приписываемой его еврейскому сопернику, Законы аттического Моисея соединяють торжественную проповѣдь съ наставленіями, огненныя воззванія съ простыми повелѣніями; тутъ и тамъ проглядываютъ прежняя грація и тонкость ума старца. Но есть что-то жалкое и патетическое въ ярости этого царственнаго мыслителя, подобно Лиру взлелѣвавшаго не благодарныхъ дѣтей, которые обратились противъ него.

§ 436. Эпиномъ, приложение къ Законамъ, подлинность котораго весьма сомнительна, подробно вдается въ разсмотрѣніе воспитанія членовъ ночного совѣта, которымъ въ Законахъ ввѣрено храненіе конституціи. Это произведеніе состоитъ, главнымъ образомъ, въ изученіи Астрономіи съ богословской точки зрѣнія, науки, къ которой склонялся повидимому Платонъ въ позднѣйшую или пифагорейскую эпоху своей жизни. Точно также и не оконченный Критій и только предполагавшійся Гермократь должны были исторически пояснить осуществленіе идеальныхъ принциповъ Республики. Для этой цѣли Критій и вступительныя главы Тимея даютъ намъ интересный, вымышленный отчетъ о состояніи Аттики за тысячу лѣтъ передъ тѣмъ, когда она вступила въ борьбу съ могуществомъ обширнаго материка Атлантиды, лежавшаго за Геркулесовыми столпами, — странное, вызывавшее много толковъ предвидѣніе открытія Америки, принятое аббатомъ Брассеромъ де Бурбуромъ ²²⁹⁾ за подлинное историческое преданіе. По мнѣнію Платона, даже египетская цивилизація была занесена первоначально изъ древнѣйшаго, нѣкогда болѣе культурнаго западнаго материка. Но эти грандіозныя сновидѣнія точно также, какъ и отвлеченныя физическія теоріи Тимея, не должны задерживать насъ здѣсь. Я обращаю только вниманіе читателя на ту непринужденность, съ ко-

²²⁹⁾ Commission scientifique du Mexique, томъ III, — роскошное сочиненіе, изданное подъ покровительствомъ Наполеона III.

торую Платонъ и другіе философы того времени пользовались историческими фактами, какъ средствомъ для нравственного совершенствованія. Настоящее историческое чутье и крайняя добросовѣстность относительно фактовъ, которыми мы такъ восхищаемся у Фукидида, не произвели, повидимому, никакого впечатлѣнія на аттическое общество. Въ особенности Платонъ, провозгласившій полезность и нравственность примѣненія вымысла къ дидактическимъ цѣлямъ, не колеблясь измышляетъ событіе (въ Критіѣ) и искажаетъ ²³⁰⁾ предшествующіе историческіе факты; рассказъ его о дорическомъ переселеніи и его результатахъ вполне не согласенъ съ тѣмъ, что мы можемъ извлечь изъ ясныхъ показаній. Такимъ образомъ, если риторы обращались съ исторіею, какъ съ отраслью ораторскаго искусства, Платонъ смотрѣлъ на нее, какъ на дополненіе къ этикѣ, и пользовался для своихъ цѣлей старинными греческими лѣтописями, какъ нравоучительною волшебной сказкой.

§ 437. Сдѣланный нами весьма недостаточный обзоръ платоновыхъ сочиненій доставить однако читателю возможность лучше судить объ ихъ авторѣ, чѣмъ сдѣлало бы болѣе литературное изображеніе его генія. Тѣмъ не менѣе можно указать еще на нѣкоторыя частности въ добавленіе къ тому, что выяснилось изъ предшествующихъ страницъ. Немногіе изъ читателей извѣстнаго діалога, даже самой Республики, будутъ въ состояніи представить себѣ, или понять то необычайное обаяніе, какое имѣлъ Платонъ, начиная съ своего времени вплоть до нашихъ дней, на европейскую мысль. Установился обычай производить всѣ позднѣйшія философскія школы отъ настоящаго Сократа, но Сократъ Платона замѣнилъ его, быть можетъ, болѣе, чѣмъ мы воображаемъ. Стоическій идеалъ мудреца, находящагося въ сторонѣ и выше толпы, идеалъ, болѣе цѣнный самъ по себѣ и для себя, чѣмъ для другихъ людей или для гражданъ греческаго города, ясно обрисованъ въ лицѣ безупречнаго философа въ Горгіѣ, Политикѣ и Критіѣ. Болѣе глубокія и здравыя изъ проявленій эпикурейскаго исканія удовольствій воплотились въ Протагорѣ. Добрыя начала по ученію перипатетиковъ, «умъ, тѣло и имущество», вѣрнѣе сказать вся ихъ система, прямо проистекли изъ платоновой философіи. Нужно ли прибавлять здѣсь, что предшественникомъ скептическихъ академиковъ былъ агностикъ Сократъ, какимъ мы его видимъ въ раннихъ діалогахъ, и что александрійское сліяніе іудейства, египетскихъ началъ и христіанства не могло лучше избрать книги для своей философской бібліи, чѣмъ сочиненія Платона. Прославленіе философа такъ называемою

²³⁰⁾ Законы, стр. 691 и слѣд.

школою нео-платониковъ является, быть можетъ, любопытнѣйшею и величайшею данью уваженія, оказанной его-генію. Никакой аргументъ не въ силахъ убѣдить насъ до такой степени въ поклоненіи, какимъ пользовалась книга, въ ея священномъ значеніи для людей и неограниченномъ вліяніи на ихъ умы, какъ желаніе эпохъ, далеко отошедшихъ отъ идей, въ ней проповѣдуемыхъ, ссылаться на ея авторитетъ, подчиняться ему, аллегорически истолковывая, возвеличивая ее и придавая ея ученію мистическій смыслъ. Ученые времянь Возрожденія, кэмбриджскіе платоники, Беркели, Мальбраншъ и цѣлое сонмище позднѣйшихъ интеллектуалистовъ сохранили до нашей поры духъ и, до нѣкоторой степени, и доктрины Платона.

Но помимо исторіи философіи, помимо этихъ метафизическихъ теорій, привлекательныхъ лишь для нѣкоторыхъ избранныхъ и тонкихъ умовъ извѣстной эпохи,—чѣмъ только не обязаны мы Платону въ литературѣ! Форма литературнаго діалога, которой постоянно подражали позднѣйшіе греческіе философы, не имѣя драматическаго дарованія, увлекала даже въ англійской литературѣ нѣкоторыхъ изъ нашихъ величайшихъ стилистовъ, въ родѣ епископа Беркели и Вальтера Саведжа Ландора; подражанія Пирру не миновали даже эфемерной литературы нашего времени. Подражали и скептической и зиждущей сторонамъ. Самые дюжинные атеисты старались придать своимъ аргументамъ форму сократовскаго *elenchus*, и глубочайшіе мыслители желали основать на немъ свою систему. Наконецъ идея идеальнаго государства была образцомъ, которому подражала, по выраженію Джоуэтта, «добрая толпа послѣдователей». Въ числу величайшихъ изъ этихъ попытокъ относится Республика Цицерона, Градъ божій Августина, Утопія Мора; наконецъ даже Левіаѳанъ Гоббза и Басня о пчелахъ Мандевилля обязаны своей извѣстностью отдаленному и извращенному вліянію на нихъ платонова генія. Знаменитыя изслѣдованія практической государственной мудрости, въ родѣ Политики Аристотеля и Государя Макіавелли написаны, конечно, въ видѣ контраста къ платонову сочиненію. Еще плодотворнѣе было вліяніе Платона, посѣвая догадки объ истинѣ, смѣлые выводы изъ неосуществленныхъ еще принциповъ, вѣчно привлекающихъ и возбуждающихъ тѣхъ, кто мыслить основательнѣе и безбоязненнѣе заурядной толпы. Такъ въ Республикѣ онъ какъ бы предупредилъ ученіе средневѣковой церкви, въ которой духовное руководство немногихъ и строгое подчиненіе всѣхъ остальныхъ тѣмъ, кто спеціально образованъ и избранъ для этой цѣли, осуществились выше самыхъ пылкихъ ожиданій его. Точно также предвидѣлъ онъ великую религіозную реформу, и съ вершины своего холма взиралъ на обѣтованную землю, которую унаслѣдуетъ его народъ. И въ то самое время, когда онъ опе-

режалъ даже нашу эпоху своими теоріями совершенствованія расы путемъ раціональнаго и тщательнаго подбора родителей и надлежащаго вниманія къ физическому прошлому человѣчества, онъ такъ далекъ былъ отъ желанія унижить женщинъ въ соціальномъ отношеніи, что открыто высказался въ пользу равенства половъ и права женщинъ, и притомъ въ духѣ, достойномъ девятнадцатаго вѣка. Съ другой стороны, въ вопросѣ о законахъ войны онъ также высказывался вполне опредѣленно и, въ этомъ случаѣ, согласно съ взглядами всѣхъ высшихъ умовъ своего времени, въ пользу того, что мы назвали бы христіанскимъ способомъ военныхъ дѣйствій, проповѣдывалъ гуманность относительно эллинскихъ плѣнныхъ, необходимость взирать на эллинскія несогласія, какъ на семейныя распри, которыхъ нельзя праздновать ни трофеями, ни триумфами. Догадки его въ области естественныхъ наукъ не менѣе необычайны и интересны.

§ 438. Но, несмотря на всю эту изумительную новизну взглядовъ, какъ будто современныхъ намъ, Платонъ былъ истымъ Эллиномъ среди Эллиновъ. Въ планы его не входили не-эллинскія расы. Хотя онъ и признавалъ культуру и ученость Египтянъ и заимствовалъ или, вѣрнѣе, дѣлалъ видъ, что заимствуетъ у другихъ варваровъ грандіозныя мѣфы, сліяніе Евреевъ съ Греками, людей свободныхъ и рабовъ, этотъ эллинизмъ позднѣйшаго времени, далеко не входило въ кругъ его воззрѣній. Онъ раздѣлялъ съ Исократомъ старинное, чуть было не сказалъ я вульгарное, увлеченіе самымъ отсталымъ и узкимъ изъ эллинскихъ народовъ, Спартанцами; онъ былъ на столько исключителенъ въ своихъ взглядахъ, на столько былъ аристократомъ въ душѣ, что считалъ унижительнымъ обращать вниманіе на низшія сословія и, подобно всѣмъ Грекамъ того времени, смотрѣлъ даже на свое идеальное общество, какъ на избранную группу людей, равныхъ между собою и окруженныхъ толпою не привилегированныхъ низшихъ существъ и рабовъ. Это придаетъ коммунизму Платона характеръ, радикально противоположный всѣмъ позднѣйшимъ мечтаніямъ, извѣстнымъ подъ этимъ именемъ, и той ранней христіанской общинѣ, которую описываютъ Дѣянія Апостоловъ. Это былъ исключительно аристократическій коммунизмъ, основанный не на равенствѣ людей, а на ихъ врожденномъ и коренномъ несходствѣ; мы видимъ въ полномъ смыслѣ слова Республику немногихъ избранныхъ, господствующую надъ остальною массою сурово, почти нестерпимо деспотически. Здѣсь снова, вопреки вполне новому сократовскому представленію о философѣ, какъ чловѣкѣ, разномыслящемъ съ толпою, о правахъ и достоинствахъ личности и человѣческой совѣсти, Платонъ впадаетъ въ чистѣйшій эллинизмъ четвертаго столѣтія и созидаетъ идеальное государство

или сводъ законовъ, въ которыхъ этому именно диссиденту не отведено мѣста. Для подобной личности, при всемъ ихъ благородствѣ и неоцѣнимо благотворномъ вліяніи на окружающихъ, настоящія, реальныя Аѳины временъ Платона были, по словамъ Грота, гораздо болѣе безопаснымъ, счастливымъ и надежнымъ мѣстомъ жительства. Въ нихъ демократическія привычки и здравый смыслъ измѣнили и смягчили тѣ теоріи государственнаго вмѣшательства, отъ которыхъ не могъ, повидимому, освободиться ни одинъ изъ мыслителей того времени.

Всѣ эти коренныя противорѣчія были, безъ сомнѣнія, причиною постоянно усиливавшейся сумрачности и тоски, которыя замѣчаются въ послѣдніе годы жизни Платона. Онъ не вѣрилъ въ способность человѣческой породы совершенствоваться. Даже идеальное государство его, еслибъ оно осуществилось на практикѣ, заключало бы въ себѣ, по его собственному признанію, зародыши неизбѣжнаго разложенія. Родъ людской шелъ не впередъ, а назадъ. Діалектика и свободомысліе вели къ скептицизму, соглашеніе съ установленными идеями къ невѣжеству и умственной апатіи. Изъ умолчанія со-временныхъ Платону историковъ относительно послѣднихъ лѣтъ его жизни мы почти безошибочно можемъ вывести заключеніе, что его презирали, какъ празднаго мечтателя всѣ, кромѣ его непосредственныхъ послѣдователей. Если это было такъ, то это подтверждаетъ его собственныя пророчества относительно социальнаго положенія истиннаго философа.

§ 439. Слогъ Платона столь же новъ, какъ и его философское мышленіе. Онъ пользовался той смѣсью трезвыхъ, прозаическихъ аргументовъ и поэтическихъ метафоръ, которая употребляется въ изящной прозѣ современной намъ Европы, но была чужда характеру Грековъ и строгому стилю ихъ искусства. Слогъ этотъ, усердно порицаемый греческими критиками, какъ нѣчто уродливое и неестественное, былъ очень пригоденъ для оживленнаго разговора, въ которомъ равномѣрный и возвышенный тонъ былъ бы неумѣстенъ²³¹⁾. Но, когда Платонъ стремился быть формально-риторическимъ, какъ, напримѣръ, въ отвѣтъ Лизію въ Федрѣ, или въ Менекесенѣ, мы видимъ, насколько художественъ былъ, съ одной стороны, инстинктъ греческихъ школъ, и насколько Платонъ, этотъ высокаго гениальный человѣкъ, остался съ своими неправиль-

²³¹⁾ Альбинъ (Isagoge, гл. 2) хорошо характеризуетъ особенности этого слога: τὸ Ἀττικόν, τὸ εὐχάρι, τὸ ἀπέρητον, τὸ ἀνευθεῖς. Замѣчательно, что въ своей Политикѣ Аристотель примѣняетъ къ діалогамъ какъ разъ одинъ изъ эпитетовъ, здѣсь отвергаемыхъ—τὸ πέρητον, но онъ, очевидно, говоритъ о сюжетѣ, а не о техникѣ прозаическаго стиля.

ностями позади болѣе сдержанныхъ и строго-формальныхъ попытокъ настоящихъ ораторовъ. Въ молодости своей Платонъ склонялся, говорить, къ драматической поэзіи; но его отвращеніе къ драматизированію страстей было такъ сильно и его влеченіе въ анализу игры мысли столь глубоко, что надо полагать, что онъ былъ бы творцомъ безжизненныхъ и непопулярныхъ трагедій. Тѣмъ не менѣе его оцѣнка великихъ поэтовъ, не смотря на то, что онъ разсматривалъ ихъ всегда съ нравственной, а не съ эстетической точки зрѣнія, отличалась основательностью и отражалась на его стилѣ. Кромѣ того, у него замѣчается больше сродства съ Гомеромъ, чѣмъ у тѣхъ писателей, которые открыто поклонялись порицаемымъ имъ эпическимъ поэтамъ. Повсюду въ его слогѣ замѣчается вліяніе Гомера, совершенно такъ, какъ нѣкоторые изъ нашихъ величайшихъ и лучшихъ писателей и ораторовъ безсознательно употребляютъ библейскія фразы и метафоры. Замѣчательно еще и то, что онъ не только былъ первымъ греческимъ писателемъ, закрѣпившимъ имя Гомера за Илиадою и Одиссеею, но что и текстъ, бывший въ его распоряженіи, былъ, повидимому, именно тотъ самый, который впослѣдствіи отстаивалъ Аристархъ противъ плохихъ и искаженныхъ списковъ, употреблявшихся Аристотелемъ и позднѣйшими критиками ²³²⁾. Воздѣйствіе риторики его соперника Исократы также замѣчается у него, хотя, какъ кажется, онъ никогда не усваивалъ себѣ вполнѣ того избѣганія гіатуса, которое составляетъ отличительную черту исократовой прозы ²³³⁾. Вслѣдствіе этого мы видимъ въ Платонѣ сына своего вѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ его вождя, наиболѣе аттическаго изъ Аѳинянъ и все таки индифферентнаго гражданина, глубокаго скептика и возвышеннаго проповѣдника, врага поэтовъ и рапсода въ душѣ, мыслителя, отчаявашагося въ своемъ собственномъ народѣ, и челоуѣка, стоявшаго на вершинѣ спекулятивнаго мышленія, смотрѣвшаго пророческимъ взоромъ въ далекое будущее, и предвидѣвшаго лучшіе законы, болѣе чистую религію, болѣе благородную жизнь.

§ 440. Библиографія. Что касается внѣшней исторіи текста, то нѣтъ сомнѣнія, что діалоги были рано доставлены въ весьма исправныхъ спискахъ изъ платоновой аѳинской школы въ александрійскую бібліотеку, гдѣ они тщательно комментировались, въ особенности Аристофаномъ и Эратосѣеномъ. Были даже выпущены въ свѣтъ изданія съ критическими раздѣленіями, придуманными для

²³²⁾ Ср. Зенгебуша, Diss. Hom. II, стр. 118.

²³³⁾ См. выше, § 424, о Менексеѣ.

текстовъ Гомера ²³⁴), доказывающими, съ какимъ глубокимъ уваженіемъ относились къ Платону современники; въ полемикѣ этой былъ примѣненъ терминъ *χωρίζοντες*. Къ несчастію, намъ извѣстно лишь немного изъ аристофанова труда, за исключеніемъ группировки нѣкоторыхъ діалоговъ въ трилогіи, о которой говоритъ Діогенъ, да еще двухъ ссылокъ въ уцѣлѣвшихъ до нашего времени схоліяхъ. Текстъ платоновыхъ сочиненій тщательно изучался неоплатониками и римскими философскими школами. Риторъ Либаній написалъ хорошіе комментаріи къ нему, а наши схоліи ссылаются на Дидима и Аристарха, хотя нѣкоторыя изъ нихъ несомнѣнно написаны писателями-христіанами, въ родѣ, напримѣръ, примѣчанія къ Федру о Сивиллахъ. Схоліи эти, вообще хорошія, скудны относительно многихъ изъ діалоговъ, хотя полны относительно другихъ. Такъ первый Алкивіадъ, Горгіи и въ особенности Тимей снабжены весьма подробными примѣчаніями, въ то время какъ Протагоръ, Парменидъ и Іонъ почти вовсе не имѣютъ ихъ. Они удобно изданы Беккеромъ (1824) отдѣльною книгой.

Изъ рукописей, весьма многочисленныхъ и хорошихъ, наиболѣе авторитетнымъ считается роскошный бодлеевскій кодексъ, составленный въ 896 году по Р. Х., и принадлежащій къ числу извѣстныхъ намъ древнѣйшихъ классическихъ рукописей. Существуетъ столь же древняя парижская рукопись Республики, Законовъ и Тимея. Остальныя были описаны и классифицированы Беккеромъ въ его изданіи, котораго придерживаются прочіе издатели. Печатныя изданія, комментаріи и переводы такъ многочисленны, что было бы трудною задачею перечислить даже главные изъ нихъ ²³⁵). Долгое время спустя послѣ латинскаго перевода Фичино (1487 года) появился фоліантъ Альда 1513 г., посвященный Льву Х, книга не рѣдкая и понынѣ. Съ той поры, каждый значительный издатель греческихъ текстовъ выпускалъ непременно и изданіе Платона. Я тщательно избѣгалъ касаться въ настоящей исторіи литературы философской стороны платоновой дѣятельности; вслѣдствіе этого, я обойду молчаніемъ его древнихъ соперниковъ и послѣдователей, такъ какъ они исключительно относятся къ области исторіи философіи, но я не могу не отступить отъ своего молчанія объ обширной литературѣ, порожденной платоновой философіей, въ пользу Грота и его превосходнаго, недостаточно оцѣненнаго труда.

²³⁴) См. томъ I, стр. 33, прим.

²³⁵) Николаи, L. G., I, стр. 508—27, даетъ списокъ мириады сочиненій о Платонѣ, интересныхъ для спеціалиста. Онъ не упоминаетъ однако о переводѣ Джоуэтта.

Лучшими текстами считаются въ наше время изданія Беккера, Штальбаума (съ полными комментаріями, 1835—61 г.) и цюрихское изданіе 1839 г. Семь діалоговъ,—интересная и рѣдкая книга, изданная печатнею дублинскаго университета въ 1738 году, принадлежить къ числу очень интересныхъ и рѣдкихъ изданій. Выпуски отдѣльныхъ діалоговъ вплоть до времени выхода книги Штальбаума указаны тутъ въ предисловіяхъ къ каждому діалогу. Но съ той поры появилось еще нѣсколько хорошихъ англійскихъ комментариевъ, въ родѣ трудовъ Томсона о Горгіѣ и Федрѣ (1868), Бэдгема о Филебѣ (1855), Геддеса о Фэдонѣ (1863), Кампбелля о Θεэтетѣ, Софистѣ и Политикѣ, Уэйта о Протагорѣ и т. д. Въ 1832 году вышелъ въ Оксфордѣ Index Graecitatis Митчелля. Въ добавленіе къ переводу Республики Мануила Хризолара 1397 г. (отпечатанъ въ Венеціи въ 1624 г. у Кассарини) и ранняго латинскаго перевода Фичино, мы имѣемъ еще англійскій переводъ Апологіи и Фэдона 1675 г., французскій переводъ Дасье 1699, перепечатанный въ Англіи въ 1701; переводъ нѣкоторыхъ діалоговъ Сайденгэмомъ въ 1760 г., сокращенія Θεэтета и Фэдона Лейбница; Республику Дэвиса и Воона (превосходная книга); французскій переводъ Виктора Кузена, 1822 г.; переводъ Шлейермахера и штутгардскій переводъ, исполненный многими лицами сообща (1869 г.); наконецъ пять томовъ Джоуэтта, съ прекрасными предисловіями, знакомящими основательно съ литературною стороною платоновыхъ сочиненій. Тѣмъ не менѣе, превосходная книга эта ничуть не затмѣваетъ замѣчательнаго труда Грота о Платонѣ, въ которомъ намъ представляется любопытный феноменъ позитивиста, который, какъ мнѣ кажется, почти всегда точно и съ любовью разъясняетъ творенія великаго Идеалиста.

ГЛАВА VIII.

Исократъ.

§ 441. Перейдемъ теперь къ другому выдающемуся представителю аттической прозы въ первую половину четвертаго столѣтія до Р. Х.,—представителю, вмѣстѣ съ Лизіемъ и Изеемъ, Платономъ и Ксенофонтомъ, образующему ту чудную плеяду писателей, въ которой Демосфенъ является звѣздою первой величины. Лучшіе авторитеты наши признають, что Исократъ родился въ Аѣинахъ въ 436 г.;

былъ сыномъ Θεодора, изготовителя флейтъ, и Гедуты. Упоминаются также имена трехъ безвѣстныхъ братьевъ его и одной сестры. Онъ могъ быть нѣсколькими годами моложе Лизія и на восемь или на девять лѣтъ старше Платона. Отецъ его, какъ человѣкъ богатый, былъ въ состояніи дать ему столь блестящее воспитаніе, что, по его собственному свидѣтельству ²³⁶⁾, онъ былъ болѣе извѣстенъ и стоялъ выше среди своихъ школьныхъ товарищей, чѣмъ когда-либо впослѣдствіи, — завѣщеніе весьма правдоподобное, такъ какъ великое мастерство Исократъ по части формы неизбѣжно должно было сдѣлать изъ него блестящаго, многообщавшаго ученика. Изъ числа его наставниковъ упоминаютъ о Продикѣ, вліяніе котораго было выслѣжено критиками въ его рѣчахъ, и Сократѣ, о которомъ онъ въ одномъ случаѣ говоритъ ²³⁷⁾ по поводу Алкивіада, но безъ всякой симпатіи, такъ что рассказъ о его публичномъ траурѣ послѣ смерти философа оказывается, повидимому, не точнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ натуры болѣе противоположныя, чѣмъ характеры этихъ двухъ людей, и похвала Исократу въ платоновомъ Федрѣ, вложенная въ уста Сократа, была, повидимому, лишь образцомъ платонova сократизма.

Принято считать, будто Исократъ находился подъ вліяніемъ Сократа, такъ какъ онъ обнаруживалъ высокій нравственный уровень и превосходилъ Лизія и раннихъ ораторовъ своимъ философскимъ развитіемъ. Но это мнѣніе основано на невѣрномъ представленіи, ²³⁸⁾ будто настоящими софистами были именно софисты Платона, да еще на ложной оцѣнкѣ философіи составителей ораторскихъ рѣчей, чье искусство заключалось, главнымъ образомъ въ умѣніи скрывать его. Несправедливо было бы утверждать, что эпидиктическіе ораторы обладали большимъ философскимъ развитіемъ, чѣмъ авторы судебныхъ рѣчей, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда послѣдніе имѣли возможность дать намъ матеріалъ для сравненія. Во всякомъ случаѣ, основная доктрина Сократа, будто добродѣтель можно преподавать, не была принята Исократомъ, хотя она и гармонировала вполне съ избранною имъ преподавательскою дѣятельностью. Въ иномъ отношеніи онъ раздѣлялъ весьма возвышенные и популярныя взгляды, изложенныя Протагоромъ въ платоновомъ діалогѣ.

Когда пелопоннесская война разорила его семью, Исократъ былъ вынужденъ воспользоваться преимуществами своего хорошаго воспитанія, и именно тогда, по всему вѣроятію, началъ брать уроки

²³⁶⁾ Antid., § 161.

²³⁷⁾ Busiris, § 5.

²³⁸⁾ См. Бласса, А. В., II, стр. 12.

у Горгія, чье ораторское искусство было принято имъ за образецъ и значительно усовершенствовано. Говорятъ еще, что онъ былъ другомъ Терамена, гораздо болѣе подходящаго къ нему товарища, чѣмъ Сократъ, а также Ксенофонта и Архина, извѣстнаго патріота и оратора, связь съ которымъ дознана критиками на основаніи замѣтки Свида.

§ 442. Очевидно, однако, что его первыя попытки составленія рѣчей были не въ стилѣ Горгія; это тѣ немногія судебныя рѣчи, которыя сохранились до нашего времени и которыхъ самъ ораторъ считалъ въ послѣдствіи столь ничтожными въ сравненіи съ болѣе высокою профессіей, имъ избранною, что упорно отрицалъ свое участіе въ какой нибудь тяжбѣ. Однако несомнѣнныя внѣшнія и внутреннія свойства рѣчей ясно свидѣтельствуютъ противъ него, и комментаторы единодушно отказываются вѣрить автору въ вопросѣ о подлинности ихъ. Есть, впрочемъ, еще одна возможная теорія, на которую я укажу,—именно та, которая считаетъ всѣ эти рѣчи, или даже хоть часть ихъ, простыми риторическими упражненіями, написанными по случаю подлинныхъ процессовъ, быть можетъ, только изъ соперничества съ рѣчами, дѣйствительно произносившимися, и для того, чтобы показать, какъ именно слѣдовало говорить. Это подтвердило бы заявленіе Исократъ. Видя, однако, что ему не удастся, по всему вѣроятію, превзойти на этомъ поприщѣ своихъ соперниковъ по профессіи (какъ Лизій, такъ и Изей постоянно были въ славі), Исократъ обратился къ занятію преподаваніемъ, сдѣлавшимся моднымъ, благодаря Сократу и софистамъ, но которое онъ своимъ манифестомъ противъ софистовъ старался поставить на новыя начала. Въ этомъ отрывкѣ мы можемъ видѣть программу всей его жизни. Онъ пытается проложить средній путь между истинною философіей, какую преподавалъ Сократъ, и мнимою наукою софистовъ, считавшихъ ловкость въ рѣчахъ и преніяхъ единственнымъ предметомъ, достойнымъ изученія, и суммою всей воспитательной задачи. Онъ предполагаетъ существованіе нравственныхъ основъ, которыя, вопреки Сократу и низшимъ софистамъ, считаетъ невозможнымъ распространять путемъ преподаванія; остальные же взгляды, необходимые для образованнаго человека, кажутся ему немногочисленными и удобопонятными, между тѣмъ какъ мыслить въ опредѣленномъ порядкѣ и выражать свои мысли изящно является, по его мнѣнію, истинною цѣлью воспитанія. Словомъ, *le style—c'est l'homme*. Въ послѣдствіи, когда его положеніе, какъ ритора, было упрочено, онъ издалъ нѣсколько правоучительныхъ обращеній къ Никоклу, стоящихъ по мысли на уровнѣ гномическихъ поговѣръ и проповѣдующихъ ту низменную и эгоистическую набожность, которая и понынѣ не исчезла съ нашихъ

христіанскихъ наедръ. Что касается критики установленныхъ догматовъ, умозрѣній о природѣ или назначеніи человѣка, то подобные вопросы стояли гораздо выше его. Единственное безсмертіе, о которомъ онъ мечтаетъ, это слава ²³⁹), единственная санкція—матеріальныя выгоды. Онъ скептикъ относительно народныхъ вѣрованій, но выражаетъ свои сомнѣнія, какъ человѣкъ невѣжественный, но слѣдующій модѣ, а не какъ серьезный мыслитель, доискивающийся истины.

Въ дополненіе къ его рѣчи противъ софистовъ мы имѣемъ еще въ воображаемой рѣчи, названной Аристотелемъ *περί ἀντιδόσεως* и касающейся обмѣна имущества, пространное обозрѣніе и защиту его собственной жизни и ученія. Изъ этой рѣчи и изъ Панаеенэика мы можемъ заимствовать остальные интересныя для насъ подробности его біографіи. Когда онъ утверждаетъ однако, что, въ сравненіи съ разгульной аѣинской молодежью, его собственная жизнь была чиста и безупречна, онъ какъ будто противорѣчитъ скандальнымъ слухамъ, перешедшимъ къ Аеенею изъ посланія Лизія, гдѣ прямо сказано, что онъ находился послѣдовательно въ связи съ двумя знаменитыми куртизанками. Достоверно, что онъ женился на Плаеанѣ, вдовѣ ритора Гиппія, младшаго сына которой, Афарейя, онъ усыновилъ лишь въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Когда слава его, какъ ритора, привлекла къ нему уже много учениковъ, остававшихся съ нимъ отъ трехъ до четырехъ лѣтъ каждый и платившихъ ему по десяти минъ (что-то въ родѣ университетскаго курса), онъ пріобрѣлъ большое состояніе и сталъ однимъ изъ богатѣйшихъ гражданъ. Благодаря этому, налоги, которые онъ выплачивалъ государству, были тяжелы, и ему неоднократно приходилось сопротивляться покушеніямъ сикофантовъ, желавшихъ возложить на него несправедливую долю государственныхъ расходовъ. Въ первый разъ (Афарей былъ въ этомъ случаѣ его ходатаемъ) онъ одержалъ верхъ въ 355 г. до Р. Х.; но во второй ему пришлось принять на себя возложенную на него повинность. Онъ утверждалъ, что хотя ученики его были многочисленны и пользовались громкою славою, и состояніе его превосходило богатства, накопленныя Горгіемъ, наиболѣе извѣстнымъ изъ раннихъ софистовъ, молва все-таки преувеличила его достатокъ. Онъ указывалъ далѣе, въ отвѣтъ на подозрѣнія и вражду къ нему аѣинской публики, на число и славу своихъ слушателей, которыхъ онъ собиралъ вокругъ себя не съ тѣмъ, чтобы они теряли время въ хитроумныхъ спекуляціяхъ,

²³⁹) Я знаю, что исключеніемъ, по крайней мѣрѣ хоть кажущимся, является его поразительное замѣчаніе о Мистеріяхъ (Панегир., § 28); но неопредѣленное повтореніе этого замѣчанія въ другомъ мѣстѣ (De Pace, § 34) мѣшаетъ намъ придать ему большое значеніе.

свойственныхъ древнимъ софистамъ, по всему вѣроятію, Пиагору и Пармениду (занятіе, почтенное само по себѣ, но непригодное для практической жизни), и не съ тѣмъ, чтобы обманывать ихъ хвастливыми обѣщаніями превратить ихъ, вопреки ихъ природнымъ несовершенствамъ, въ ораторовъ и политическихъ дѣятелей. Вѣдь самъ же онъ страдалъ отъ недостатковъ плохого организма, имѣлъ слабый голосъ, былъ страшно застѣнчивъ, вслѣдствіе чего не могъ принимать участія въ общественныхъ дѣлахъ и никогда не добивался и не исполнялъ никакихъ государственныхъ обязанностей.

§ 443. Но, по его мнѣнію, онъ вполне возмѣщалъ это тѣмъ, что издавалъ памфлеты, облеченные въ форму воззваній или обнаруговалъ открытыя посланія къ выдающимся лицамъ, касающіяся интересовъ греческаго народа. Его изслѣдованія вопросовъ этики и культуры уже упомянуты мною выше. Надо сказать, что онъ пытался отнять у слова философія то высокое значеніе, которое оно на вѣки получило благодаря трудамъ изслѣдователей природы и метафизическихъ мыслителей, и прикрѣпить это названіе къ тому, нѣсколько мелковатому, компромиссу между зауряднымъ здравымъ смысломъ и истинной ученостью, къ которому онъ всю жизнь стремился. Но важнѣйшими изъ его памфлетовъ были тѣ, что касались національной политики Греціи. Въ этихъ произведеніяхъ, издаваемыхъ имъ въ теченіе сорока лѣтъ, посреди многихъ измѣненій и случайностей, совершившихся въ историческихъ судьбахъ его народа, онъ развивалъ все тѣ же руководящія мысли, за которыя цѣплялся съ узкимъ и нелѣпымъ упорствомъ. Посреди борьбы партій, междоусобныхъ войнъ, а въ раннюю пору его жизни въ виду несправедливаго, тиранническаго господства Спарты послѣ пораженія Аѳинъ въ 404 году до Р. Х., онъ неизмѣнно изображалъ страданія и бѣдствія Греціи. Единственнымъ средствомъ противъ бѣдности, неудовольствія и одичанія, охватившихъ вслѣдствіе этихъ событій весь эллинскій міръ, кажется ему союзъ или подъ главенствомъ Спарты и Аѳинъ, или только подъ руководствомъ одной изъ этихъ странъ, или наконецъ подъ властью единоличнаго правителя, въ родѣ Филиппа; послѣдній исходъ казался ему въ позднѣйшіе годы его жизни единственно-возможнымъ. Но вся выгода подобнаго союза, вся польза, которую онъ могъ принести Греціи, заключались въ возможности немедленно же напасть на Персію и разграбить ея несмѣтныя богатства для раздачи Грекамъ. Исократъ дѣлаетъ очень тонкую оцѣнку могущества Персовъ, основанную, повидимому, на описаніи Ксенофонта въ Анабазисѣ или, на рассказѣ о походахъ Агезилая, и ему кажется, что завоеваніе Персіи будетъ не трудно. Но, увлекаясь надеждою, перешедшею у него впослѣдствіи въ манію, что завоеваніе Персіи сдѣлаетъ каждого бѣдняка въ Греціи богатымъ, каж-

даго недовольнаго—счастливымъ и дать естественному превосходству греческой націи надлежащій просторъ, онъ былъ совершенно не способенъ предвидѣть ту необходимую реакцію, которую столь громадное завоеваніе должно было вызвать среди побѣдителей, или понять, какъ неизбѣжно должна была понизиться и измѣниться та самая культура, которую онъ боготворилъ и старался распространить въ кругу своихъ слушателей, для того чтобы она могла разлиться по болѣе широкому пространству. Если-бъ эти послѣдствія входили въ его кругозоръ, онъ въ ужасѣ отшатнулся бы отъ своей излюбленной мечты, такъ какъ ничто не было столь чуждо ему, какъ позднѣйшій видъ эллинизма ²⁴⁰). Онъ признавалъ, правда, что культура, болѣе чѣмъ расовыя свойства, составляла отличительную черту истинныхъ Грековъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не колеблясь, поставилъ бы самаго невѣжественнаго Спартанца далеко выше наиболѣе просвѣщеннаго Македонянина или Египтянина. Геродотъ гораздо болѣе приближается къ позднѣйшимъ взглядамъ на эллинизмъ, чѣмъ Исократъ.

§ 444. Занятый подобными размышленіями, окруженный даровитыми учениками и друзьями, встрѣчая однако равнодушіе, быть можетъ, и презрѣніе со стороны аѳинской публики, тщеславный риторъ дожилъ до преклонныхъ лѣтъ, постоянно считая себя руководящимъ политическимъ совѣтчикомъ Греціи, и все удивляясь съ забавною наивною, почему его совѣты, какъ ни красиво они были выражены, имѣли такъ мало вліянія на политическія событія его эпохи.

Большинство его писемъ, его „Филиппъ“ и „Эвагоръ“ написаны имъ въ старости, такъ какъ несмотря на то, что онъ не отличался значительными физическими силами, здоровье его оставалось прекраснымъ до конца. Восьмидесяти двухъ лѣтъ отъ роду онъ сочинилъ свою Апологію, озаглавленную *παρὰ ἀντιδόσεως*; свой панегирикъ Аѳинамъ онъ началъ на девяносто четвертомъ году жизни и окончилъ на девяносто седьмомъ, хотя страдалъ уже тогда злымъ недугомъ, овладѣвшимъ имъ за три года передъ тѣмъ. Херонейская битва разыгралась, когда ему было девяносто восемь лѣтъ; впервые возымѣлъ онъ тогда нѣкоторую надежду на осуществленіе своего искренняго желанія,—Филиппъ несомнѣнно стоялъ теперь во главѣ всей Греціи и могъ осуществить тѣ политическія совѣты, которые далъ ему ораторъ въ формѣ открытаго посланія. Вслѣдствіе этого Исократъ обратился къ нему съ новымъ письмомъ (третьимъ), послѣднимъ произведеніемъ своего искусства. Онъ поддѣлалъ аттическій ионійскій языкъ, и въ немъ (240) Тоже самое было и съ Ксенофонтомъ; см. его Агезилая, гл. 7, въ концѣ.

пера, въ особенности цѣннымъ, какъ прямое опроверженіе басенъ, распространенныхъ на счетъ его патріотизма, его негодованія по поводу битвы и послѣдовавшаго за нею его самоубійства. Онъ далеко не былъ политическимъ мученикомъ; напротивъ того, онъ даже всегда отсрочивалъ освобожденіе Греціи, о которомъ разглаговольствовалъ такъ много, — чтобы дать мѣсто осуществленію своего любимаго плана, направленнаго противъ Персіи. Онъ хорошо зналъ, что самодержавный правитель представлялъ болѣе вѣроятности для осуществленія этихъ замысловъ, что и оказалось на дѣлѣ; самъ же онъ не дожилъ до этого времени.

§ 445. Этотъ замѣчательный греческій писатель пережилъ, такимъ образомъ, три поколѣнія въ самую жгучую пору греческой исторіи. Не смотря на то, что онъ былъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся писателей своего времени, онъ не имѣлъ, можно сказать, почти никакого вліянія на литературу эпохи, за исключеніемъ развѣ выработки формы прозаическихъ сочиненій. Проистекало это изъ отсутствія въ немъ основательности. Въ его лицѣ видимъ мы любопытное сочетаніе софиста и патріота, мнимаго политика и философа, частнаго человѣка, вмѣстѣ съ тѣмъ и общественнаго дѣятеля. Прямота и честность его натуры дѣлала его патріотомъ по чувству, въ то время какъ недостаточная чуткость къ болѣе глубокимъ политическимъ вопросамъ мѣшала ему понять зло, причиняемое деспотизмомъ, или сколько нибудь серьезно интересоваться формою различныхъ конституціонныхъ учрежденій. Застѣнчивость удерживала его въ предѣлахъ частной жизни, между тѣмъ какъ тщеславіе побуждало появляться передъ публикою; его профессія какъ бы требовала отъ него изученія философіи, между тѣмъ, какъ умъ его былъ неспособенъ понимать ея высшія задачи. Такимъ образомъ его паразитическое тщеславіе и самодовольство постоянно уязвлялись отъ сознанія, что онъ все-таки въ концѣ концовъ не составилъ эпохи, что не смотря на свою видную роль и уваженіе, которое ему оказывали, съ нимъ не совѣщались, его не слушали тѣ люди, вліять на которыхъ ему всего болѣе хотѣлось. Онъ стремился къ роли Свифта или Юнія, имѣя только дарованіе Аддисона или Попа.

О его слогѣ мы поговоримъ впоследствии, когда рассмотримъ его сочиненія. Мы имѣли пока въ виду лишь частнаго человѣка, значеніе котораго чрезвычайно преувеличено было потомствомъ, когда изученіе греческой исторіи перешло въ руки схоластиковъ, но который въ свое время справедливо считался только мелкимъ и заносчивымъ, хотя лично и почтеннымъ риторомъ. Никогда онъ не былъ допущенъ къ участію въ великой современной борьбѣ между Македонією и Аѣинами, Филиппомъ и Демосфеномъ; ни одна сторуна не обращалась къ нему за совѣтомъ. Не было ему также мѣста

и въ возникавшихъ въ то время философскихъ школахъ. Такимъ образомъ жилъ онъ въ кругу глубочайшихъ спекулятивныхъ мыслителей и самыхъ горячихъ политиковъ, когда либо видѣнныхъ міромъ, не внося ничего въ эту знаменательную борьбу высокихъ идей и благородныхъ личностей, не чувствуя и на себѣ отъ нихъ никакого воздѣйствія. Еслибъ его совѣты имѣли хотя малѣйшее значеніе, объ нихъ безспорно говорилъ бы и честный, и нечестный противникъ демосфеновой патріотической политики, и Фокіонъ, и Эсхинъ, какъ о чемъ-то крайне-благопріятномъ для своихъ цѣлей.

Его похоронили въ Киносаргѣ, и семейный склепъ его описанъ въ Біографіи Плутарха. Описаніе это нѣсколько напоминаетъ то, что прочтутъ будущіе вѣка о памятникѣ принца Альберта, съ той разницей, что на вершинѣ исократова монумента находилась сирена, эмблема прелести и убѣдительности его рѣчи. Ему была, далѣе, посвящена Афареємъ въ Олимпіи статуя; другая, изображающая его мальчикомъ, верхомъ на конѣ, сохранилась въ аѳинскомъ Акрополѣ; наконецъ третья была исполнена скульпторомъ Леохаромъ для Тимоѳея. Съ нея сняты тѣ бюсты, которые и понынѣ знакомятъ насъ съ кроткими и тонкими чертами лица оратора.

§ 446. Что касается его учениковъ (ихъ насчитываютъ съ сотню), то самъ онъ называетъ имена многихъ, которыхъ государство почитило золотыми вѣнками. Но въ этомъ списокѣ далеко не поименованы наиболѣе выдающіяся личности: Діофантъ и Тимоѳей, замѣчательные полководцы, Андротіонъ, Лаодамъ и Лакритъ, столь же извѣстные ораторы, Эфоръ и Теопомпъ, творцы позднѣйшей греческой исторіографіи. О нихъ мы поговоримъ впослѣдствіи. Каждый изъ современниковъ Исократы, не только дружественныхъ ему, въ родѣ Ксенофонта, но и враждебныхъ, какъ напримѣръ, Платонъ и Аристотель, несутъ на себѣ слѣды его слога, заимствованнаго, но его хвастливому замѣчанію, даже всѣми его противниками. Къ тому же, хотя ученики его отличались на всѣхъ поприщахъ, такъ что онъ имѣлъ странную отвагу утверждать, будто стратегическія дарованія Тимоѳея были результатомъ его преподаванія, несомнѣнно однако, что тщательное воспитаніе придавало имъ всѣмъ извѣстный типъ или стиль, такъ что названіе «ученикъ Исократы» значило въ то время тоже самое, что имѣемъ теперь въ виду мы, говоря «воспитанникъ Итона», или «оксфордскій студентъ» ²⁴¹⁾.

²⁴¹⁾ Блассъ замѣтилъ, что въ то время какъ платонова школа была до нѣкоторой степени связана съ западными Греками, ученики Исократы, если они не происходили изъ Аѳинъ, стекались къ нему изъ восточной или азіатской Греціи; обстоятельство это Блассъ прямо приписываетъ упадку аѳинскаго міра подъ вліяніемъ тирановъ и нашествій

§ 447. Сочиненія Исократъ перешли къ намъ въ рукописяхъ въ различномъ порядкѣ, и большинство тѣхъ, чьи даты точно обозначены, относятся къ его зрѣлому возрасту или послѣднимъ годамъ. Большая часть длиннѣйшихъ рѣчей написана такъ поздно, что это указываетъ на увеличивавшуюся многорѣчивость его и на какое-то страстное желаніе быть услышаннымъ, усиливающееся въ немъ по мѣрѣ приближенія конца его дѣятельности. Но раннія произведенія, въ особенности судебныя рѣчи и риторическія упражненія, не помѣчены никакимъ числомъ, такъ что мы можемъ разсматривать ихъ въ томъ порядкѣ, который найдемъ всего удобнѣе. Изъ этихъ работъ уцѣлѣло два или, вѣрнѣе, одно настоящее риторическое упражненіе (Елена) и письмо къ софисту Поликрату о другомъ такомъ же опытѣ (Бузирисъ), который Исократъ разбираетъ, предлагая вмѣстѣ съ тѣмъ и темы для лучшей обработки. Оба документа крайне интересны, такъ какъ они были, до извѣстной степени, рекламами относительно того, что могъ сдѣлать самъ Исократъ, и излагали тѣ принципы, на основаніи которыхъ должны были писаться, по его мнѣнію, панегирики. Такъ какъ въ Бузирисѣ Исократъ говоритъ тономъ опытнаго и извѣстнаго софиста въ противуположность только что нарождавшейся репутации Поликрата, то разумно будетъ отнести эти рѣчи къ порѣ, прямо предшествовавшей появленію его великаго творенія—Панегирика,—т. е. къ 390 г. до Р. Х.

Елена задумана была Исократомъ изъ соперничества съ другой Еленой; онъ прямо заявляетъ при томъ, что, принимаясь писать лучшей панегирикъ, онъ тщательно избѣгалъ всѣхъ тѣхъ темъ, которыя были затронуты его противникомъ. Это общее указаніе, вмѣстѣ съ дружественнымъ отношеніемъ Исократъ къ сопернику своему, побудили многихъ критиковъ, старыхъ и новыхъ, считать другую, дошедшую до насъ, Елену (см. выше стр. 80) именно тѣмъ самымъ произведеніемъ, о которомъ онъ говорилъ. Приписать его Горгію затруднительно потому, что въ своей рѣчи Исократъ называетъ этого ратора²⁴²⁾ отрицающимъ философомъ и говоритъ о немъ такимъ тономъ, который по первому взгляду какъ бы указываетъ, что не онъ авторъ разбираемаго сочиненія. Авторъ греческаго аргумента полагаетъ (вслѣдъ за Махаономъ), что искомымъ соперникомъ былъ Анаксименъ

варваровъ изъ Италіи и Сициліи, между тѣмъ какъ на востокѣ эллинская культура постепенно усиливалась. Въ самомъ дѣлѣ, похвалѣе спустя, греческое краснорѣчіе уже называлось азіатскимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда избытокъ орнаментовъ искажалъ чистоту рѣчи аттическихъ ораторовъ. Отсюда произошла, вѣроятно, крайняя заботливость Исократъ объ азіатскихъ дѣлахъ.

изъ Лампеака; Блассъ же склоняется въ пользу Горгія. Какъ бы то ни было, вступленіе Исократъ касается совершенно иного сюжета, хотя является весьма цѣлесообразнымъ, если рѣчь назначалась для рекламы; оно начинается съ порицанія философовъ-діалектиковъ и правоучителей въ родѣ Антисѣена и Эвемидема, и платонической школы, тратившей время на безплодныя тонкости. Диспуты эти, говорится далѣе, даже не оригинальны,—со временъ Протагора Горгія, Зенонъ и Мелиссъ дѣлали тоже самое и еще гораздо лучше своихъ преемниковъ. Столь же безплодна ихъ привычка, продолжаетъ онъ, защищать парадоксы, возвеличивать ничтожныя темы, для того чтобы выказать свою проницательность. Тотъ, кто писалъ панегирикъ Елены, избралъ, напротивъ того, крупный сюжетъ, такъ что стоитъ превзойти его. Вслѣдъ за вступленіемъ²⁴³⁾ Исократъ приступаетъ къ настоящему аргументу. Онъ замѣчателенъ своимъ реалистическимъ отношеніемъ къ мѣстической исторіи, придающимъ рѣчи какой-то странный оттѣнокъ, точно также, какъ и своимъ рассказомъ о Тезеѣ²⁴⁴⁾, который, хотя и долженъ былъ оправдать Елену, описывая величіе ея похитителя, тѣмъ не менѣе явно имѣлъ цѣлью только заискать популярности у аѳинской публики. Если это умаляетъ значеніе рѣчи въ нашихъ глазахъ, за то, съ другой стороны, въ ней очень поэтичнымъ и возвышеннымъ является прославленіе красоты и ея значенія въ поэзии и повѣствованіи²⁴⁵⁾. Слогъ вполне обработанъ, и мы обратимся къ нему послѣ обзора всѣхъ произведеній Исократъ.

448. Бузирисъ—не только набросокъ похвальной рѣчи, но и апологія героя, вызванная признаніемъ Поликрата, что онъ былъ канибаломъ, и приносилъ въ жертву иноземцевъ, прибывавшихъ въ Египетъ. Сюжетъ, по мнѣнію самого Исократъ, выбранъ, слѣдовательно, не искусно и обработанъ соперникомъ-софистомъ не художественно. Введеніе имѣетъ форму дружескаго письма къ Поликрату; въ немъ опытный преподаватель предлагаетъ помочь невѣжественному новичку, указывая ему крупныя промахи въ его сочиненіи. Совѣтъ данъ слишкомъ рѣзко, чтобы быть принятымъ съ благодарностью, и намъ сообщаютъ, что Поликратъ отвѣтилъ на него критикою Исократовой Елены. Онъ выступилъ также съ нападка-ми на Сократа, содержаніе которыхъ не передано намъ, къ несчастію, Исократомъ, сообщающимъ только, что Алкивиадъ названъ въ нихъ ученикомъ Сократа, — «заявленіе, не слыханное до той поры» и дѣлающее

243) §§ 1—16.

244) §§ 22—37.

245) §§ 54—58.

большую честь Сократу. И такъ, объ этомъ не слѣдовало упоминать въ риторическихъ нападкаxъ. Мы дивимся критикѣ Исократъ, прямо противорѣчившей Платону и Ксенофонту, и нигдѣ не встрѣчаемъ разумнаго объясненія этого мнѣнія. Въ этой рѣчи есть также длинныя разсужденія о Египтѣ ²⁴⁶⁾, вызванныя все еще значительной тогда репутаціею Пифагора, почерпнувшего тамъ свою мудрость. Заключение почти такъ же оскорбительно, какъ и само вступленіе; въ немъ безцеремонно говорится о превосходствѣ ума и опытности автора, хотя онъ и былъ нѣсколькими годами моложе своего корреспондента. Слогъ этой рѣчи не такъ изященъ, какъ слогъ Елены, хотя въ ней встрѣчаются прекрасныя страницы, посвященныя прославленію Египта.

Рѣчь противъ софистовъ помѣщалась древними рядомъ съ Бузирисомъ, такъ какъ уничтоженіе репутаціи считалось противоположностью панегирика и требовало, слѣдовательно, одинаковой обработки. Опроверженія и порицанія, направленныя Исократомъ противъ его соперниковъ-риторовъ, во первыхъ, за ихъ нелѣпыя притязанія въ дѣлѣ воспитанія, во вторыхъ за безнравственность ихъ теоретическихъ руководствъ, защищавшихъ ложь противъ истины, весьма удачны и ясны. Напротивъ того, нападенія его на діалектиковъ и ихъ тонкости ничто иное, какъ мелкая болтовня обыкновеннаго эссеиста, неспособнаго оцѣнить истинное достоинство этихъ упражненій въ философіи.

§ 449. Прежде чѣмъ мы коснемся настоящей сферы нашего оратора, т. е. его рѣчей о политическихъ вопросахъ, полезно будетъ остановиться не надолго на немногихъ уцѣлѣвшихъ судебныхъ рѣчахъ его, отъ которыхъ самъ авторъ отрекался въ послѣдующее время, но подлинность которыхъ вполнѣ подтверждается надежными древними критиками; къ тому же рѣчи эти содержатъ въ себѣ внутреннія доказательства ея, слишкомъ сильныя, чтобы быть отвергнутыми. Такъ, примѣръ, въ наиболѣе ранней изъ нихъ, той, что направлена противъ Каллимаха, есть фраза ²⁴⁷⁾, буквально повторенная въ Антидохѣ ²⁴⁸⁾, а этого Исократъ никогда бы не сдѣлалъ, если бы первоначальная форма принадлежала не ему. Рѣчь эта была произнесена вскорѣ послѣ амнистіи, такъ какъ обычай настаивать на отсрочкѣ (παρρηγορή), прежде чѣмъ говорить истецъ, былъ въ то время совершеннымъ нововведеніемъ, придуманнымъ для предупрежденія нарушеній амнистіи. Юридическая защита оратора (отвѣтника по дѣлу о 10,000 драхмъ, будто бы

²⁴⁶⁾ §§ 11—30.

²⁴⁷⁾ § 41.

²⁴⁸⁾ § 91.

похищенных у истца во время смуты, слѣдовавшихъ за управленіемъ совѣта Тридцати) заключалась въ ссылкѣ на амністію, какъ на препятствіе къ продолженію судебного дѣла; но, какъ всегда, въ аѳинскомъ судѣ присяжныхъ необходимо было доказать въ подтвержденіе подобныхъ юридическихъ соображеній, не смотря на всю ихъ законность, что защита была справедлива и сама по себѣ. Вслѣдствіе этого, большая часть рѣчи пошла на доказательство, что ораторъ совсѣмъ непричастенъ къ дѣлу о пропажѣ денегъ; далѣе, что его противникъ—негодяй и сикофантъ, между тѣмъ, какъ самъ онъ—патріотъ и демократъ. Подробности, касающіяся акта амністіи и его примѣненія вообще, придаютъ рѣчи большой историческій интересъ. Написана она гладко и изящно, но лишена мѣткости, свойственной знаменитѣйшимъ логографамъ, и ихъ превосходнаго иѳоса, или обрисовки характеровъ. Замѣчается также нѣкоторая растянутасть, вполне естественная у Исократы.

Краткая рѣчь, написанная для человѣка изъ низшаго сословія противъ Лохита, сдѣлавшаго на него нападеніе, отличается тѣми же свойствами—излишнею гладкостью и избыткомъ общихъ мѣстъ; не смотря однако на это, она все таки весьма интересна, благодаря проявленію въ ней новѣйшаго понятія объ оскорбленіи, какъ о самой существенной для свободнаго человѣка сторонѣ дѣла, между тѣмъ какъ убытки, проистекшіе изъ дѣйствія, являются только случайнымъ слѣдствіемъ не законнаго акта. Блассъ сравниваетъ эту рѣчь съ рѣчью Демосфена противъ Конона, чтобы показать, какъ отвлеченна и расплывчива была исократова защита въ сравненіи съ силою и мѣткостью Демосфена. Вступленіе къ настоящей рѣчи, въ которомъ были изложены факты, повидимому, потеряно.

Искаженъ также, очевидно, и конецъ слѣдующей по списку рѣчи противъ Эвемноя, не имѣющей эпилога. Подлинность ея, вслѣдствіе частаго употребленія въ ней гіатуса, отвергается, правда, Бензелеромъ. За то въ другихъ отношеніяхъ она носитъ на себѣ такой исократовскій отпечатокъ, что убѣдила Бласса и Зауше въ томъ, что это та самая рѣчь, которую, по слухамъ, написалъ будто бы ораторъ на эту тему, хотя единственная, дошедшая до насъ цитата изъ нея не находится въ уцѣлѣвшемъ отрывкѣ. Можно думать, что это одно изъ раннихъ произведеній Исократы, написанныхъ имъ въ то время, когда не было еще вполне принято избѣгать гіатуса, или же, что авторъ не пересмотрѣлъ ее окончательно и заботливо впослѣдствіи. Разбираемое въ рѣчи дѣло представляло большой интересъ для риторовъ, и намъ извѣстно, что Лизій написалъ отъ имени отвѣтчика другую рѣчь, отъ которой уцѣлѣла лишь одна фраза. Мы можемъ быть увѣрены однако, что дѣло это часто разбиралось въ отвлеченныхъ упражненіяхъ; по мнѣнію Бензелера,

таково и было настоящее назначеніе рассматриваемаго нами документа. Весь духовный интересъ, о которомъ мы говорили выше, заключался именно въ отстаиваніи дѣла, относительно котораго не было никакихъ прямыхъ доказательствъ (*ἀμάρτυρος*) и которое надо было рѣшить на основаніи общихъ соображеній вѣроятности, доступныхъ одинаково для той и другой стороны.

Истецъ Никій, которому грозило преслѣдованіе въ смутное время тирановъ, избавился отъ всего своего имущества, поручивъ его друзьямъ, причемъ Эвэиной получилъ на храненіе три таланта. Когда Никій потребовалъ возвращенія своихъ денегъ, Эвэиной сознался въ полученіи всего только двухъ талантовъ. Лишь только была восстановлена демократія, Никій, до того времени рѣшавшійся только протестовать противъ совершенной несправедливости, подалъ искъ о возвращеніи ему послѣдняго таланта. За отсутствіемъ свидѣтелей и уликъ, судъ перешелъ къ рассмотрѣнію личныхъ свойствъ тяжущихся и того, на сколько каждый изъ нихъ имѣлъ случай участвовать въ тиранніи, царившей во время правленія Тридцати, или заниматься сикофанствомъ. Съ этой точки зрѣнія рѣчь очень любопытна; слогъ ея кажется мнѣ однако кратче и сжатѣе обыкновеннаго слога Исократъ.

§ 450. Рѣчь о парной колесницѣ (*περὶ τοῦ ζεύγους*) въ сущности ничто иное, какъ простой панегирикъ Алкивіаду, сынъ котораго является отвѣтчикомъ въ дѣлѣ о возвращеніи стоимости лошадей, будто бы несправедливо отнятыхъ у нѣкоего Тизія. Здѣсь опять первая часть, заключающая въ себѣ доказательства честнаго приобрѣтенія лошадей у Аргивянъ, очевидно утрачена, и до насъ дошелъ только эпилогъ, возражающій противъ нападеній на частную жизнь и на политическую роль Алкивіада. Подобное же состояніе нѣкоторыхъ изъ только-что описанныхъ мною рѣчей, гдѣ мы видимъ часть аргумента обработанную, съ краткимъ указаніемъ въ самомъ началѣ рѣчи на недостающую половину, составляетъ меня подозрѣвать, не говорилъ ли Исократъ, пожалуй, правду, утверждая, что никогда не писалъ рѣчей для судебныхъ цѣлей. Быть можетъ, всякій разъ, когда возникало дѣло интересное въ общественномъ отношеніи, въ родѣ вопроса объ амнистіи, какъ препятствіи къ продолженію судопроизводства, или о необходимости карать внѣшнее нападеніе, или когда нуженъ былъ панегирикъ общественному дѣятелю, въ родѣ Алкивіада, Исократъ имѣлъ обыкновеніе писать для своихъ учениковъ образцовые отрывки воззваній, которыя слѣдовало бы произнести. Дѣло Алкивіада должно было казаться особенно заманчивымъ для риторовъ, такъ какъ его жизнь и политическая дѣятельность давали поводъ и къ похвалѣ, и къ порицанію. Нападки на Алкивіада, дошедшіе до насъ

въ рѣчахъ Лизія, очень похожи на разбираемое нами воззваніе, и, очевидно, предшествовали ему или служили ему возраженіемъ. Обѣ эти рѣчи были, по моему мнѣнію, простыми образцами того, что могло быть сказано обѣими сторонами о гениальномъ человѣкѣ, надѣлавшемъ столько бѣдъ и вынесшемъ столько превратностей судьбы. Въ Эвагорѣ мы находимъ другой подобный же панегирикъ, болѣе длинный и несомнѣнно болѣе подлинный, обращенный къ сыну Эвагора, Никоклу, кипрскому тирану. Семья эта находилась въ дружескихъ отношеніяхъ къ оратору, и дѣянія Эвагора, столько лѣтъ защищавшаго Кипръ противъ Персовъ, были не только величественныя, но гораздо ближе по времени и не омрачены вѣроломствомъ и непоследовательностью алкивіадовой карьеры.

§ 451. Дѣло представляется мнѣ въ иномъ свѣтѣ относительно двухъ остальныхъ судебныхъ рѣчей Исократа, рѣчи противъ Пазіона (τραπήσιτικός) и Эгинской рѣчи, написанныхъ для друзей или учениковъ, но не для Аѳинянъ, и не назначавшихся даже (по крайней мѣрѣ хоть одна изъ нихъ) для произнесенія въ Аѳинахъ. Если, поэтому, высказанное предположеніе относительно прочихъ судебныхъ рѣчей ²⁴⁹⁾ правильно, мы все таки можемъ повѣрить оратору, что онъ никогда не вмѣшивался въ распри гражданъ, хотя и помогъ однажды иноземному ученику своему, родомъ Византійцу, въ его дѣлѣ съ банкиромъ Пазіономъ, бывшимъ первоначально метэкомъ и пользовавшимся репутаціею не лучше той, которую имѣли еврейскіе ростовщики, селившіеся въ средневѣковыхъ городахъ Европы. Борьба велась на основаніи апіорныхъ вѣроятностей, но не вслѣдствіе недостатка уликъ, какъ въ Амартирѣ, а вслѣдствіе ихъ столкновенія. Истецъ утверждалъ, что положилъ большую сумму денегъ въ банкъ въ присутствіи одного только невольника-писца, и что впослѣдствіи Пазіонъ поддѣлалъ даже документъ въ удостовѣреніе того, что на немъ не лежитъ никакой отвѣтственности; Пазіонъ, конечно, отрицалъ все это и доказывалъ, что истецъ открыто говорилъ о своей бѣдности и своихъ долгахъ въ Аѳинахъ. Истецъ допускаетъ, что поступалъ такъ, когда Сатиръ, тиранъ босфорскій, требовалъ отъ него возврата денегъ. Весь искъ рисуется передъ нами неутѣшительную картину торговой честности Аѳинянъ и тѣхъ придироковъ, къ которымъ явно прибѣгали крупные дѣльцы. Рѣчь эта проще по слогу и разсужденія въ ней болѣе точны, чѣмъ въ большинствѣ Исократовыхъ судебныхъ упражненій; впрочемъ, гіатусъ встрѣчается въ ней такъ часто, что Бен-

²⁴⁹⁾ А в е (Havel) давно уже распространилъ этотъ взглядъ на всѣ судебныя рѣчи; тоже самое, но съ другой точки зрѣнія, сдѣлалъ Кипріанъ. См. у Бласса, А. В., II, стр. 118.

зелерь совершенно отрицаетъ ея подлинность. Въ виду послѣдующей карьеры Пазіона мы заключаемъ, что онъ или выигралъ, или какъ нибудь покончилъ эту тяжбу, хотя подобное заключеніе, неизбѣжное въ наши дни, не вполне убѣдительно въ этомъ случаѣ, такъ какъ Пазіонъ постоянно обвинялся въ грубыхъ обманахъ, изъ которыхъ выпутывался благодаря вліянію могущественныхъ друзей и своимъ громаднымъ средствамъ. Лучшимъ доказательствомъ подлинности рѣчи служить, по моему мнѣнію, разборъ Діонисія, признающаго ее произведеніемъ Исократъ.

Послѣдняя и лучшая изъ рѣчей Исократъ, написанная имъ для самозащиты, сильно подтверждаетъ наше мнѣніе о чисто-теоретическомъ характерѣ его судебныхъ рѣчей. Аристотель не точно называлъ ее *περί ἀντιδόσεως*, въ то время какъ самъ ораторъ, какъ будто огорченный результатомъ дѣла, выставляетъ себя, подобно Сократу, затронутымъ во всей своей жизни и дѣятельности, и приносить эту длинную рѣчь, какъ *Apologia pro vita sua*, по поводу уголовного обвиненія. И такъ, здѣсь мы видимъ чисто вымышленное дѣло, рассмотрѣнное въ своеобразной формѣ. Наиболѣе интересно изъ остальныхъ судебныхъ рѣчей этой коллекціи я считаю Эгинскую, касающуюся спорнаго наслѣдства; но я не стану разбирать ее, такъ какъ и безъ того слишкомъ долго останавливался на этой второстепенной отрасли дѣятельности нашего оратора.

§ 452. Обратимся теперь къ двумъ переходнымъ рѣчамъ Исократъ, Платейской и Архидамовой, похожимъ во многихъ отношеніяхъ на его судебныя рѣчи, хотя главное содержаніе въ нихъ политическое, слѣдовательно, приближающееся къ тѣмъ «общественнымъ совѣтамъ», которымъ онъ посвятилъ лучшую часть своей жизни и своего искусства. Первая рѣчь вложена въ уста платейскаго оратора и произносится имъ передъ собраніемъ аѳинскихъ гражданъ, послѣ вторичнаго разрушенія Платей Фиванцами, около 373 г. до Р. Х. Онъ взываетъ къ Аѳинянамъ, какъ къ защитникамъ справедливости въ Греціи, и какъ къ народу, связанному съ Платеею особыми узами, побуждая ихъ вступить въ дѣло и возвратитъ Платейцамъ ихъ городъ. Такимъ образомъ рѣчь эта очень похожа по сюжету на тѣ, которыя Фукидидъ вставлялъ въ свою исторію, и вызываетъ насъ на сличеніе ея съ рѣчью Платейцевъ, помѣщенной въ его третьей книгѣ. Но, не смотря на исократово глубоко-патетическое описаніе бѣдствій, претерпѣнныхъ изгнанниками ²⁵⁰⁾, не-

смотря также и на то, что слогъ его въ этомъ случаѣ гораздо ровнѣе и тщательнѣе отдѣланъ, чѣмъ обыкновенно, упражненіе риторы кажется намъ почти жалкимъ въ сравненіи съ жгучею силою и глубокою серьезностію историка.

Архидамова рѣчь—энергическій вызовъ молодого спартанскаго царя къ своему городу не потерпѣть освобожденія Мессены Ѳиванцами и предпочесть бѣдствію войны подобному народному униженію. Діонисій и Филостратъ высоко цѣнятъ эту рѣчь за величественное проявленіе въ ней патріотизма и за подчиненіе всѣхъ низшихъ мотивовъ чувству чести и преданности родинѣ²⁵¹⁾.

§ 453. Я останавлиюсь еще на трехъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ два послѣдніе подробнѣе развиваютъ, съ небольшими детальными различіями, сюжетъ перваго и совершеннѣйшаго изъ возваній оратора, на которомъ зиждется вся его слава. Я говорю о Панегирикѣ, рѣчи, удобной для произнесенія передъ собраніемъ Грековъ въ Олимпіи или на Панаѳенеяхъ, по которой была фактически лишь памфлетомъ, вышедшимъ въ свѣтъ въ рукописи, такъ какъ ораторъ былъ совершенно неспособенъ произнести ее, какъ сдѣлали бы Горгій или Лизій. Въ основу этой рѣчи легла излюбленная мечта всей жизни Исократы,—союзъ Греціи подъ гегемоніею Спарты и Аѳинъ для завоеванія Азіи. Вышла она около 380 г. до Р. Х.²⁵²⁾, когда начали сказываться злополучные результаты анталидова мира и когда прибывавшіе изъ Азіи ученики Исократы несомнѣнно должны были сообщать ему подробности бѣдствій іоническихъ городовъ подъ разлагавшимся деспотизмомъ Персовъ. Въ самомъ дѣлѣ, упорная антиперсидская политика Исократы поддерживалась, вѣроятно, его близкими связями съ восточною Элладою и несомнѣнно содѣйствовала укрѣпленію его популярности среди болѣе образованнаго населенія городовъ Малой Азіи. Анабазисъ и отступленіе 10.000 наемниковъ подъ начальствомъ Клеарха и Ксенофонта не задолго передъ тѣмъ обнаружили всю слабость персидской монархіи, и Исократъ весьма точно оцѣнилъ эти факты. Но, рядомъ съ этой воинственной политикой, онъ оправдывалъ также и притязаніе Аѳинъ на морскую гегемонію въ тщательно обработанномъ панегирикѣ ея исторіи и ея правъ; это произведеніе

²⁵¹⁾ Зауше (ad Xen. Ages., praef. p. 126) положительно утверждаетъ, что это письмо не исократово, вѣроятно, на основаніи вкравшихся въ него историческихъ промаховъ и противорѣчій относительно пріобрѣтенія Мессены. Блассъ не подвергаетъ сомнѣнію его подлинность.

²⁵²⁾ Трудно установить точную дату, въ виду показаній Діодора объ эвагоровой войнѣ, несогласимыхъ съ показаніями Исократы. См. анализъ этого вопроса у Бласса, А. В., II, стр. 230, и въ Attic orators, Джебба, II, стр. 151.

должно было склонить Спартанцевъ уступить Аѳинянамъ эту часть своего господства. Здѣсь Исократъ вступаетъ въ состязаніе съ *ἐπιτάφιοι* или погребальными воззваніями, въ которыхъ всегда прославлялся городъ и его величіе, такъ что мы опять вынуждены сравнивать его съ Фукидидомъ, чья *Ἐπιτάφια*, произнесенная устами Перикла, касается того же самого вопроса и описываетъ національныя заслуги Аѳинъ, какъ культурнаго центра всего эллинизма. Я не согласенъ съ Блассомъ²⁵³⁾, полагающимъ, будто во всей греческой литературѣ нѣтъ ничего равнаго по достоинству этому отрывку, но нахожу, что въ этомъ случаѣ Исократъ удачно соперничалъ съ Фукидидомъ, не утверждая, самостоятельно ли дѣлалъ онъ это или посредствомъ плагиата у другихъ писателей, и что это мѣсто лучшее во всѣхъ его сочиненіяхъ²⁵⁴⁾. Понятно, что воззваніе это

²⁵³⁾ II, стр. 241.

²⁵⁴⁾ §§ 43—51: Τῶν τοίνυν τὰς πανηγύρεις καταστησάντων δικαίως ἐπαινουμένων, ὅτι τοιοῦτον ἔθος ἡμῖν παρέδωκεν ὥστε σπεισαμένους καὶ τὰς ἔχθρας τὰς ἐνεστηκυίας διαλυσασμένους συνελθεῖν εἰς ταῦτόν, καὶ μετὰ ταῦτ' εὐχὰς καὶ θυσίας κοινὰς ποιησασμένους ἀναμνησθῆναι μὲν τῆς συγγενείας τῆς πρὸς ἀλλήλους ὑπαρχούσης εὐμενεστέρως ὃς εἰς τὸν λοιπὸν χρόνον διατεθῆναι πρὸς ἡμᾶς αὐτούς, καὶ τὰς τε παλαιὰς ξενίας ἀναμνησθῆναι καὶ καινὰς ἐτέρας ποιῆσθαι, καὶ μήτε τοῖς ἰδιώταις μήτε τοῖς διενεγκούσι τὴν φύσιν ἀργὸν εἶναι τὴν διατριβήν, ἀλλ' ἀθροισθέντων τῶν Ἑλλήνων ἐγγενέσθαι τοῖς μὲν ἐπιδειξασθαι τὰς αὐτῶν εὐεξίας, τοῖς δὲ θεάσασθαι τούτους πρὸς ἀλλήλους ἀγωνιζομένους, καὶ μηδετέρους ἀθύμως διάγειν, ἀλλ' ἑκατέρους ἔχειν, ἐφ' οἷς φιλοτιμηθῶσιν, οἱ μὲν ὅταν ἴδωσι τοὺς ἀθλητὰς αὐτῶν ἕνεκα πονοῦντας, οἱ δ' ὅταν ἐνθυμηθῶσιν, ὅτι πάντες ἐπὶ τὴν σφετέραν θεωρίαν ἦκουσι, — τοσοῦτων τοίνυν ἀγαθῶν διὰ τὰς συνόδους ἡμῖν γιγνομένων οὐδ' ἐν τούτοις ἡ πόλις ἡμῶν ἀπελείφθη. καὶ γὰρ θεάματα πλείστα καὶ κάλλιστα κέκτῃται, τὰ μὲν ταῖς δαπάναις ὑπερβάλλοντα, τὰ δὲ κατὰ τὰς τέχνας εὐδοκιμοῦντα, τὰ δ' ἀμφοτέροις τούτοις διαφέροντα· καὶ τὸ πλῆθος τῶν ἐισαφικνουμένων ὡς ἡμᾶς τοσοῦτόν ἐστιν, ὥστ' εἴ τι ἐν τῷ πλησιάζειν ἀλλήλοις ἀγαθόν ἐστι, καὶ τοῦθ' ὑπ' αὐτῆς περιειληφθαι. πρὸς δὲ τούτοις καὶ φιλίας εὐρεῖν πιστοτάτας καὶ συνουσίας ἐντυχεῖν παντοδαπωτάταις μάλιστα παρ' ἡμῖν ἐστιν, εἰ δ' ἀγῶνας ἰδεῖν μὴ μόνον τάχους καὶ ῥώμης ἀλλὰ καὶ λόγων καὶ γνώμης καὶ τῶν ἄλλων ἔργων ἀπάντων, καὶ τούτων ἅθλα μέγιστα. πρὸς γὰρ οἷς αὐτὴ τίθηται, καὶ τοὺς ἄλλους διδόναι συναναπεθεῖ· τὰ γὰρ ὑφ' ἡμῶν χρθέντα τοσαύτην λαμβάνει δόξαν ὥστε παρὰ πᾶσιν ἀνθρώποις ἀγαπᾶσθαι. χωρὶς δὲ τούτων αἱ μὲν ἄλλαι πανηγύρεις διὰ πολλοῦ χρόνου συλλεγεῖσθαι ταχέως διελύθησαν, ἡ δ' ἡμετέρα πόλις ἅπαντα τὸν αἰῶνα τοῖς ἀφικνουμένοις πανηγυρίαις ἐστίν.

Φιλοσοφίαν τοίνυν, ἥ πάντα ταῦτα συνεξεύρε καὶ συγκατασκεύασε, καὶ πρὸς τε τὰς πράξεις ἡμᾶς ἐπαίδευσεν καὶ πρὸς ἀλλήλους ἐπράυνε, καὶ τῶν συμφερῶν τὰς τε δι' ἀμαθίαν καὶ τὰς ἐξ ἀνάγκης γιγνομένας διεῖλε, καὶ τὰς μὲν φυλάξασθαι, τὰς δὲ καλῶς ἐνεγκεῖν ἐδίδαξεν, ἡ πόλις ἡμῶν κατέδειξε, καὶ λόγους ἐτίμησεν, ὧν πάντες μὲν ἐπιθυμοῦσι, τοῖς δ' ἐπισταμένοις φθονοῦσι, συνεῖδυα μὲν, ὅτι τοῦτο μόνον ἐξ ἀπάντων τῶν ζῶων ἴδιον ἐφυμεν ἔχοντες, καὶ διότι τούτῳ πλεονεκτῆσαντες καὶ τοῖς ἄλλοις ἅπασιν αὐτῶν διηνεγάμεν, ὁρῶσα δὲ περὶ μὲν τὰς ἄλλας πράξεις οὕτω ταραχῶδεις οὕσας τὰς τύχας ὥστε πολλάκις ἐν αὐταῖς καὶ τοὺς φρονίμους ἀτυχεῖν καὶ τοὺς ἀνόητους κατορθοῦν, τῶν δὲ λόγων τῶν καλῶς καὶ τεχνικῶς ἐχόντων οὐ μετὰ τοῖς φαύλοις, ἀλλὰ ψυχῆς εὐ φρονούσης ἔργον ὄντας, καὶ τοὺς τε σοφοὺς καὶ τοὺς

не имѣло никакого значенія для практической политики, такъ какъ неопредѣленный совѣтъ соединиться противъ Персїи, данный Спартѣ и Аѳинамъ изъ глубины рабочей комнаты софиста, врядъ ли могъ увлечь правительственныя сферы. Все значеніе рѣчи заключается въ ея величественной формѣ, не только затмившей всѣ раннія прозаическія произведенія Греціи, но не превзойденной и впослѣдствїи ни въ греческой, ни въ современной намъ литературѣ. Такимъ образомъ произведеніе это — капитальное и поэтому не только заслуживаетъ десяти лѣтъ, посвященныхъ авторомъ его созданію, но и достойно того великаго вниманія, которое во всѣ времена оказывалось ему специалистами по риторикѣ. Придирчивая критика открыла въ рѣчи нѣкоторую непоследовательность въ политическомъ отношеніи, возникшую благодаря долгимъ промежуткамъ между созданіемъ отдѣльныхъ частей. Наконецъ для просвѣщенныхъ Аѳинянъ, не говоря уже о нашихъ современникахъ, ссылки на мѣстныя дружескія сношенія, какъ на доводъ въ пользу новѣйшихъ союзовъ, и искаженіе исторїи ради цѣлей панегирика, — это такіе недостатки, которые мѣшаютъ наслаждаться совершенствомъ формъ, въ которыя воплощены эти вульгарныя мелочи и вымыслы. Кромѣ того, въ рѣчи замѣчается крайняя ровность теченія, гладкость слога, округленность періодовъ, которые новѣйшій ораторъ постарался бы разнообразить болѣе смѣлыми образами, поэтическими цитатами или, по крайней мѣрѣ, хоть сжатостью и энергіею выраженій, допускавшихъ въ болѣе строгой аттической прозѣ. Но, не смотря на всѣ эти оговорки, Панегирикъ и понынѣ еще считается художественнымъ произведеніемъ и, быть можетъ, болѣе вліялъ на добросовѣстныхъ писателей Греціи, Рима и эпохи Возрожденія, чѣмъ какое либо другое воззваніе, на которое мы могли бы указать ²⁵⁵).

ἀμαθείς δοκοῦντας εἶναι ταύτην πλεῖστον ἀλλήλων διαφέροντας, ἔτι δὲ τοὺς εὐθὺς ἐξ ἀρχῆς ἐλευθέρους τετραμμένους ἐκ μὲν ἀνδρίας καὶ πλοῦτος καὶ τῶν τοιοῦτων ἀγαθῶν οὐ γιγνώσκοντες, ἐκ δὲ τῶν λεγομένων μάλιστα καταφανείς γιγνώσκοντες, καὶ τοῦτο σύμβολον τῆς παιδείας ἡμῶν ἐκάστου πιστότατον ἀποδεικνύμενον, καὶ τοὺς λόγους καλῶς χρημένους οὐ μόνον ἐν ταῖς αὐτῶν δυναμένους ἀλλὰ καὶ παρὰ τοῖς ἄλλοις, ἐντίμους ὄντας. τοσοῦτον δ' ἀπολείπειν ἢ πόλις ἡμῶν περὶ τὸ φρονεῖν καὶ λέγειν τοὺς ἄλλους ἀνθρώπους, ὥσθ' οἱ ταύτης μαθηταὶ τῶν ἄλλων διδάσκαλοι γέγονας, καὶ τὸ τῶν Ἑλλήνων ὄνομα πεποιήκε μὴκέτι τοῦ γένους ἀλλὰ τῆς διανοίας δοκεῖν εἶναι, καὶ μᾶλλον Ἑλλήνας καλεῖσθαι τοὺς τῆς παιδείας τῆς ἡμετέρας ἢ τοὺς τῆς κοινῆς ὕσεως μετέχοντας.

²⁵⁵). Я не стану разбирать этой рѣчи, такъ какъ ни одинъ изслѣдователь, желающій вполнѣ оцѣнить Исократа, не преминетъ прочесть ее предпочтительно передъ другими.

§ 454. Подъ старость, когда Исократъ уже давно позналъ тщету своихъ попытокъ помирить руководящія государства путемъ убѣжденія, возвеличеніе Филиппа показало ему практическую возможность осуществленія его надеждъ. Вслѣдствіе этого онъ обратился къ нему съ открытымъ письмомъ, написаннымъ Филиппъ, въ которомъ призывалъ его настаивать на мирѣ между Греками и вести ихъ противъ Персін. Такимъ образомъ богатства Азіи будутъ перенесены въ Грецію и получится обширная территория для всѣхъ изгнанныхъ и скитающихся наемниковъ, настоящаго бича греческаго міра. Ораторъ поразительно удачно предсказалъ въ своемъ Панегирикѣ наступленіе времени, когда трудно будетъ удерживать Грековъ дома, что и осуществилось дѣйствительно подъ управленіемъ преемниковъ Александра и, болѣе всѣхъ остальныхъ причинъ, послужило къ поразительному и внезапному обезлюденію страны. Исократъ полагаетъ, что проэктъ его былъ бы осуществленъ Агезилаемъ, если бы онъ не испортилъ своихъ шансовъ и не вызывалъ постоянныхъ волненій и революцій въ Греціи, возвращая власть своимъ друзьямъ всякій разъ, когда они были изгнаны, или побѣждены враждебною партією ²⁵⁶).

Другая подробность Панегирика—прославленіе Аѳинъ—снова разработана авторомъ въ растянутой и скучной Панаѳенейской рѣчи, написанной, какъ мы уже говорили раньше, между его девяносто четвертымъ и девяносто осьмымъ годомъ, слѣдовательно, заслуживающей снисхожденія. Но и это произведеніе не подражаемо по формѣ и слогу, хотя Исократъ ссылается часто на упадокъ силъ и утверждаетъ, что уже не можетъ болѣе отдѣлывать и украшать своихъ рѣчей, какъ въ былые годы. Изъ этого ясно, что слогъ никогда не былъ у Исократа второю природою, какъ у большинства великихъ англійскихъ писателей, но всегда оставался для него (подобно, быть можетъ, современнымъ французскимъ авторамъ) искусствомъ сознательнымъ. Его опредѣленіе понятія о культурѣ, противоположное ученію философовъ и низшихъ софистовъ, такъ интересно, что я приведу отрывокъ этотъ въ примѣчаніи. Видно, что онъ не одобрялъ выставленія поэтовъ на показъ передъ публикою и критическаго анализа ихъ дѣятельности, что такъ часто встрѣчается въ платоновыхъ діалогахъ и несомнѣнно было однимъ изъ распространенныхъ воспитательныхъ приемовъ ²⁵⁷).

²⁵⁶) §§ 86—88.

²⁵⁷) §§ 26—35: Τῆς μὲν οὖν παιδείας τῆς ὑπὸ τῶν προγόνων καταλειφθείσης τοσούτου δέω καταφρονεῖν, ὥστε καὶ τὴν ἐφ' ἡμῶν κατασταθεῖσαν ἐπαινῶ, λέγω δὲ τὴν τε γεωμετρίαν καὶ τὴν ἀστρολογίαν καὶ τοὺς διαλόγους τοὺς ἐριστικούς καλούμενους, οἷς οἱ μὲν νεώτεροι μᾶλλον χαίρουσι τοῦ δέοντος, τῶν δὲ πρεσβυτέρων οὐδεὶς ἔστιν,

§ 455. Въ заключеніе я скажу нѣсколько словъ о девяти письмахъ, помѣщенныхъ въ этой коллекціи, и, противъ обыкновенія, всецѣло признанныхъ критикою подлинными. Нѣкоторыя изъ нихъ (I, 6, 8) служатъ просто вступленіями къ политическимъ совѣтамъ, и были изданы авторомъ въ видѣ образцовъ. Девятое письмо (къ Архидаму)—весьма изящный сводъ большей части политическихъ взглядовъ Исократы и написано въ его лучшемъ стилѣ. Три письма (4, 7, 8) были рекомендательными письмами, и одно изъ нихъ, четвертое, обращенное къ Антипатру, является совершеннѣйшимъ образцомъ того, чѣмъ должно быть подобное посланіе. Замѣчательно, что, хотя есть нѣкоторыя ссылки на риторику Исократы и на остроумныя аподегмы, встрѣчавшіяся въ его разговорахъ, нѣтъ ни одной цитаты изъ какой либо рѣчи, нынѣ утраченной; это лучшая гарантія того, что мы обладаемъ всею, что онъ когда либо издалъ; тоже самое можно сказать и о Платонѣ, и о Демосθενѣ. Существуетъ еще длинный списокъ сомнительныхъ изслѣдованій,

ὅστις ἂν ἀνεκτοὺς αὐτοὺς εἶναι φήσειεν. Ἄλλ' ὁμῶς ἐγὼ τοῖς ὀρμημένοις ἐπὶ ταῦτα παρακλεόμην ποιεῖν καὶ προσέχειν τὸν νοῦν ἅπασιν τοῦτοις, λέγων, ὡς εἰ καὶ μὴδὲν ἄλλο δύναται τὰ μαθήματα ταῦτα ποιεῖν ἀγαθόν, ἄλλ' οὖν ἀποτρέπει γε τοὺς νεωτέρους πολλῶν ἄλλων ἁμαρτημάτων. τοῖς μὲν οὖν τηλικούτοις οὐδέποτε ἂν εὐρεθῆναι νομίζω διατριβὰς ὠφελιμωτέρας τούτων οὐδὲ μᾶλλον πρεπούσας· τοῖς δὲ πρεσβυτέροις καὶ τοῖς εἰς ἄνδρας δεδοκιμασμένοις οὐκέτι φημὶ τὰς μελέτας ταύτας ἀρμόττειν. ὁρῶ γάρ ἐνίοις τῶν ἐπὶ τοῖς μαθήμασι τοῦτοις οὕτως ἀπληροῦμένων ὥστε καὶ τοὺς ἄλλους διδάσκειν, οὐτ' εὐκαίρως ταῖς ἐπιστήμασι αἷς ἔχουσι χρωμένους, ἐν τε ταῖς ἄλλαις πραγματαίαις ταῖς περὶ τὸν βίον ἀφρονεστέρας ὄντας τῶν μαθητῶν, ὁκνῶ γὰρ εἰπεῖν τῶν οἰκτῶν. τὴν αὐτὴν δὲ γνώμην ἔχω καὶ περὶ τῶν δημιουργοῦν δυναμένων καὶ τῶν περὶ τὴν γραφὴν τὴν τῶν λόγων εὐδοκιμούμενων, ὧς δὲ περὶ πάντων τῶν περὶ τὰς τέχνας καὶ τὰς ἐπιστήμας καὶ τὰς δυνάμεις διαφερόντων. οἶδα γάρ καὶ τούτων τοὺς πολλοὺς οὕτε τὰ περὶ σφᾶς αὐτοὺς καλῶς διφυκρότας οὐτ' ἐν ταῖς ἰδίαις συνουσίαις ἀνεκτοὺς ὄντας, τῆς τε δόξης τῆς τῶν συμπολιτευομένων ἐλιγωροῦντας, ἄλλων τε πολλῶν καὶ μεγάλων ἁμαρτημάτων γέμοντας· ὥστ' οὐδὲ τούτους ηἰδοῦμαι μετέχειν τῆς ἐξεως, περὶ ἧς ἐγὼ τυγχάνω διαλεγόμενος· τίνας οὖν καλῶ πεπαυδευμένους, ἐπειδὴ τὰς τέχνας καὶ τὰς ἐπιστήμας καὶ τὰς δυνάμεις ἀποδοκιμάζω; πρῶτον μὲν τοὺς καλῶς χρωμένους τοῖς πράγμασι τοῖς κατὰ τὴν ἡμέραν ἐκάστην προσπίπτουσι, καὶ τὴν δόξαν ἐπιτυχῇ τῶν καίρων ἔχοντας· καὶ δυναμένην ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ στοχαζέσθαι τοῦ συμφέροντος· ἔπειτα τοὺς πρεπόντως καὶ δικαίως ὀμιλοῦντας τοῖς ἀεὶ πλησιάζουσι, καὶ τὰς μὲν τῶν ἄλλων ἀηδίας καὶ βαρύτητας εὐκόλως καὶ ῥαδίως φέροντας, σφᾶς δ' αὐτοὺς ὡς δυνατόν ἐλαφροτάτους καὶ μετριωτάτους τοῖς συνοῦσι παρέχοντας· ἐπὶ δὲ τοὺς τῶν μὲν ἡδονῶν ἀεὶ κρατοῦντας, τῶν δὲ συμφορῶν μὴ λίαν ἡττωμένους, ἀλλ' ἀνδρωδῶς ἐν αὐταῖς διακείμενους καὶ τῆς φύσεως ἀξίως, ἧς μετέχοντες τυγχάνομεν τέταρτον, ἕπερ μέγιστον, τοὺς μὴ διαφθειρομένους ὑπὸ τῶν εὐπραγιῶν μηδ' ἐξισταμένους αὐτῶν μηδ' ὑπερηφάνους γιγνομένους ἀλλ' ἐμμένοντας τῇ τάξει τῇ τῶν εὐφρονούντων, καὶ μὴ μᾶλλον χαίροντας τοῖς διὰ τύχην ὑπάρξαισι ἀγαθοῖς ἢ τοῖς διὰ τὴν αὐτῶν φύσιν καὶ φρόνησιν ἐξ ὀρχῆς γιγνομένοις. τοὺς δὲ μὴ μόνον πρὸς ἐν τούτων ἀλλὰ καὶ πρὸς ἅπαντα ταῦτα τὴν ἔξιν τῆς ψυχῆς εὐάρμοστον ἔχοντας, τούτους φημὶ καὶ φρονίμους εἶναι καὶ τελείους ἄνδρας καὶ πάσας ἔχειν τὰς ἀρετάς.

приписывавшихся ему и указанныхъ въ его анонимномъ Жизне-описаніи. Списокъ этотъ напечатанъ въ концѣ изданія Бензелера (Тейбнера).

§ 456. Разсмотримъ теперь подробнѣе его риторическую теорію и его слогъ. Первый представляющійся намъ вопросъ слѣдующій: издалъ ли Исократъ когда либо руководство къ изученію теоріи краснорѣчія, какъ это дѣлали почти всѣ авторы судебныхъ рѣчей? Блассъ тщательно собралъ всѣ относящіяся сюда противорѣчивыя показанія ²³⁸⁾ и доказалъ, что хотя есть нѣкоторыя ссылки на мнимую *technē* и цитаты изъ нея, тѣмъ не менѣе нѣтъ достаточныхъ причинъ приписать ее самому Исократу, повидимому, только придумавшему нѣкоторыя специально-риторическія ухищренія, носившія названіе *τέχνη* и собранныя его учениками въ книгу, изданную подъ его именемъ. Выводъ этотъ совершенно совпадаетъ съ свойствами его ума, не способнаго, на мой взглядъ, къ построенію полной логической системы. Онъ смотрѣлъ скорѣе на риторику, которую считалъ синонимомъ философіи, какъ на умственную гимнастику, требующую, во первыхъ, хорошихъ природныхъ дарованій, во вторыхъ, неустаннаго упражненія, и получающую отъ теоретическихъ уроковъ весьма умѣренную пользу. Онъ раздѣлялъ въ общихъ чертахъ ораторское искусство на три вѣтви: на дикастическое или судебное краснорѣчіе, которое считалъ низшей отраслью; на эпидиктическое или на общественныя воззванія, въ составъ которыхъ входили панегирики, или противоположныя имъ рѣчи, направленные противъ мнѣическихъ личностей или историческихъ дѣятелей, при чемъ послѣдняя форма часто оказывала пользу въ эпилогахъ къ судебнымъ рѣчамъ; въ третьихъ наконецъ, на обсужденіе какихъ нибудь вопросовъ, или краснорѣчіе назидательное; въ этомъ случаѣ нравственные совѣты, обращенные къ частнымъ лицамъ (Никоклу), играютъ менѣе важную роль и являются второстепенными даже по формѣ, такъ какъ въ нихъ естественно отсутствуетъ строгая цѣльность, какъ и въ гномической поэзіи. Общественные совѣты или рѣчи о національныхъ дѣлахъ Исократъ считалъ, напротивъ того, высшимъ и наиболѣе цѣннымъ проявленіемъ этой отрасли искусства.

Исократъ держался того мнѣнія, что во всѣхъ этихъ случаяхъ элементы или факторы, изъ которыхъ слагаются выводы, «идеи», какъ онъ ихъ неопредѣленно называлъ, не многочисленны и не ясны; все искусство заключается въ ихъ группировкѣ. Въ этомъ

²³⁸⁾ Стр. 97—8.

отношеніи онъ оставилъ намъ лишь самыя заурядныя указанія; онъ, видимо, надѣялся на пользу постоянныхъ упражненій, и на подражаніе предлагаемымъ имъ образцамъ, какъ на истинное средство совершенствоваться, въ противоположность чисто-научному и теоретическому преподаванію въ школѣ его соперника, Аристотеля. Съ взглядами Исократы мы можемъ познакомиться лишь изъ случайныхъ мнѣній, разсѣянныхъ по всеѣмъ его рѣчамъ и приводимыхъ на основаніи его уроковъ древними критиками. Для панегирика онъ совѣтуетъ, во первыхъ, избирать возвышенную тему, не вульгарную и полную парадоксовъ (въ родѣ исторіи каннибала Бузириса). Умѣнье находить настоящіе сюжеты зависитъ отъ прирожденнаго вкуса и не можетъ преподаваться. Онъ говоритъ далѣе, что вступленіе должно быть не очень обширно и не очень коротко, что оно должно тѣсно примыкать къ главному сюжету и что повѣствованіе должно быть естественно; много другихъ столь же очевидныхъ, почти тривіальныхъ совѣтовъ преподаетъ онъ, настаивая вмѣстѣ съ тѣмъ на необходимости прибегать къ концу лучшую, наиболѣе эффектную тему. Далѣе онъ предостерегаетъ слушателей противъ отступленій, хотя его собственныя произведенія далеко не свободны отъ этого недостатка. Но выше всего ставилъ онъ, повидимому, легкіе и естественные переходы отъ одного вопроса къ другому, — искусство нигдѣ, быть можетъ, не проявившееся въ такой степени, какъ въ его рѣчахъ. Онъ глубоко презиралъ формальное подраздѣленіе на заголовки, впоследствии вошедшее въ моду въ пуританскихъ проповѣдяхъ, и старался естественно, безъ замѣтнаго усилія, проводить слушателя черезъ строго обдуманная и тщательно подготовленные, но заботливо скрываемыя линіи аргумента. Гіатусъ или пробѣлъ въ переходѣ отъ сюжета къ сюжету казался ему столь же анти-художественнымъ, какъ и гіатусъ между двумя смежными гласными. Онъ проповѣдуетъ большую простоту въ судебныхъ рѣчахъ, которыми необходимо убѣждать присяжныхъ, между тѣмъ какъ воззванія должны быть такъ же величественны, какъ лирическія (т. е. именно греческія) оды, въ родѣ одъ Пиндара и Симонида.

Что касается отдѣльныхъ мыслей, то главное достоинство ихъ должно заключаться въ ихъ новизнѣ, — совѣтъ, примѣнимый только къ воззваніямъ и нарушавшійся даже самимъ Исократомъ, который вводилъ въ свои судебныя рѣчи готовые изреченія и часто повторялъ собственныя свои мысли въ позднѣйшіе годы ²³⁹). Вообще

²³⁹) Antid., § 18; Trapez., § 54,

же, онъ дѣйствительно придерживался этого правила, и его Елена можетъ считаться замѣчательнымъ образцомъ упражненія, написаннаго на избитую тему, въ которомъ, по его собственному хвастливому указанію, онъ не затронулъ ни одного сюжета, уже обработаннаго его предшественниками. Эффектныя мѣста, говоритъ онъ далѣе, не только должны быть подходящими и по размѣру и по достоинствамъ своимъ, но должны также распредѣляться правильно по всей рѣчи. Замѣчательно, что въ панегирикахъ и въ личныхъ нападеніяхъ Исократъ прямо допускаетъ и даже совѣтуетъ прибѣгать къ преувеличенію истины. Черта эта, распространяемая имъ не только на мнѣшескія, но и на современныя ему событія, играла въ высшей степени важную роль въ искаженіи историческаго, если не нравственнаго чутія тѣхъ историковъ, которые были его учениками. Укажу еще здѣсь на подробность, относящуюся скорѣе къ самой сущности дѣла, чѣмъ къ манерѣ автора, именно на то, что хотя весь складъ его воззваній весьма цвѣтистъ, Исократъ не допускалъ вовсе, развѣ только въ весьма скромныхъ размѣрахъ, употребленіе особыхъ прикрасъ, какъ напримѣръ цитатъ изъ поэтовъ, эпиграммъ, остротъ, которыя составляютъ главный арсеналъ современныхъ намъ ораторовъ. Такія отступленія, почти столь же чужды Демосфену, какъ и Исократу, были недостойны торжественности и возвышенности, къ которымъ стремилось большинство греческихъ ораторовъ.

§ 457. Отъ этого рассмотрѣнія идеи, заключающейся въ рѣчи, рассмотрѣнія, въ которомъ мало новаго и оригинальнаго, а скорѣе видно тщательное и методическое пользованіе результатами, давно уже добытыми опытностью предшественниковъ Исократа, перейдемъ къ его правиламъ о выраженіи мысли. Они относятся, конечно, или къ отдѣльнымъ словамъ (*ὀνόματα*), или къ сочетанію словъ (*σύνθεσις*). Въ первомъ случаѣ, онъ настаиваетъ на употребленіи обыкновенныхъ терминовъ, которые называетъ *πολιτικὰ ὀνόματα*, и порицаетъ пристрастіе къ метафорическимъ, странно-звучащимъ словамъ, но не абсолютно, впрочемъ, такъ какъ слогъ долженъ быть отдѣланъ и стоять выше зауряднаго говора, но не въ излишней степени, потому что безукоризненный слогъ состоитъ не въ новизнѣ и неожиданностяхъ, а въ безупречномъ употребленіи общечеловѣческаго языка. Мысль эта дѣлаетъ тѣмъ большую честь Исократу, что выборъ словъ (*ἐκλογή*) у Горгія и его школы былъ весьма цвѣтистый и искусственный. По этой причинѣ Діонисій и другіе критики указываютъ на него, послѣ Лизія, какъ на высшій образецъ чистой аттической рѣчи, какъ на человѣка, употреблявшаго наиболѣе простыя и всѣми признанныя выраженія, даже слишкомъ робко избѣгавшаго смѣлыхъ троповъ и метафоръ, столь эф-

фектных у Демосфена. Какъ ни грандіозенъ его сюжетъ, какъ ни благородна дикція, всюду видно, что эффектъ достигался, главнымъ образомъ, композиціею, тщательной и художественной группировкой простыхъ выражений, и, весьма рѣдко, посредствомъ употребленія возвышенныхъ и поэтическихъ словъ. Въ этомъ дѣйствительно заключается тайная сила великихъ художниковъ, и поучать этому можно только примѣромъ и постояннымъ исправленіемъ ошибокъ, а не указаніемъ сборника незыблемыхъ правилъ ²⁶⁰). Случайныя отступленія отъ этой простоты вызываются лишь необходимостью. Съ другой стороны, Исократъ изъ пуризма отвергалъ столько словъ и сочетаній, что въ такой поддѣльной рѣчи, какъ Демоникъ, легко найти безчисленныя отступленія отъ его правилъ. Это и было сдѣлано Бензелеромъ; но онъ долженъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, осторожнѣе отвергать другія рѣчи, основываясь лишь на гіатусѣ, такъ какъ это доказательство гораздо менѣе надежно, чѣмъ скопленіе многихъ фразъ и формъ, несвойственныхъ подлиннымъ сочиненіямъ такого послѣдовательнаго и заботливаго стилиста.

§ 458. Что касается конструкціи словъ, то мы находимъ нѣкоторыя правила, приводимыя изъ упомянутаго руководства. Во первыхъ предписывается при произношеніи избѣгать гіатуса, который неизбѣжно долженъ проявиться, если мы закончимъ слово гласною и начнемъ слѣдующее слово тоже съ гласной. Это болѣе рельефный примѣръ того важнаго значенія, которое Исократъ придавалъ мелодичному произношенію словъ и избѣганію всякихъ рѣзкихъ и трудныхъ сочетаній звуковъ. Но въ большинствѣ этихъ случаевъ, незнакомство наше съ настоящимъ произношеніемъ лишаетъ насъ возможности отгадывать побужденія Исократа; относительно гіатуса мы имѣемъ правило, общее французскому и другимъ новѣйшимъ языкамъ. Вопросъ этотъ былъ впервые основательно взвѣшенъ Бензелеромъ, книга котораго объ этомъ предметѣ истинно классическая ²⁶¹), хотя онъ и преувеличиваетъ значеніе этого признака при установленіи подлинности произведенія. Правило это не абсолютно соблюдалось Исократомъ, а еще менѣе другими писателями, хотя всѣ его

²⁶⁰) Вотъ нѣкоторые изъ примѣровъ, собранныхъ Бензелеромъ; *οὐκ* никогда не употребляется Исократомъ отдѣльно, наоборотъ всегда *μετά*; этому подражали всѣ аттические ораторы: Ливургъ, Гиперидъ и Динархъ—безусловно; Лизій, Демосфенъ и Платонъ—почти безусловно (см. Блассъ, А. В., II, 127). *ἀποτέλλεσθαι* и *λέγειν* говорилось только о людяхъ, *ἀναλίσκειν*—только о времени и деньгахъ, *ἐξαλείφειν* въ буквальномъ смыслѣ только о писаніи, *λοῦσθαι*—только съ *ἐν* и *πρὸς*; найдется еще съ дюжину такихъ же примѣровъ. Въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Исократа пуризмъ этотъ нѣсколько ослабѣлъ и онъ повторялъ даже тѣ же сочетанія словъ, какъ бы находя ихъ особенно подходящими.

²⁶¹) De Hiatu in Orat. Att. et Histor. Graecis (Фрейбургъ, 1841 г.)

современники и позднѣйшіе прозаики болѣе или менѣе подчинялись ему. Выпаденіе буквы или сліяніе двухъ гласныхъ, замѣчаемое въ греческой и латинской поэзіи, сдѣлались обязательными въ романскихъ языкахъ, но въ прозѣ правило это никогда не соблюдалось съ такой точностью, какъ въ художественной греческой прозѣ. Блассъ сомнѣвается, дѣйствительно ли Исократъ установилъ это правило, но равнодушіе къ нему Лизія въ нѣкоторыхъ изъ его лучшихъ рѣчей и Платона въ раннихъ произведеніяхъ какъ бы указываетъ на Исократа, какъ на новатора въ этомъ отношеніи. Въ двухъ его рѣчахъ, Трапезитикѣ и рѣчи противъ Эвбуноя, гіатусъ попадаетъ не разъ, вслѣдствіе чего Бензелеръ отвергаетъ ихъ. Но рѣчи эти—раннія, быть можетъ даже единственныя подлинныя судебныя рѣчи его и могли быть написаны или прежде, чѣмъ Исократъ принялъ это правило, или для того, чтобы скрыть его личность. Я уже указывалъ на то, что подлинность каждаго изъ сочиненій Исократа можно опредѣлять совершенно самостоятельно.

Что касается тѣхъ видовъ гіатуса, употребленіе которыхъ можетъ быть допущено, конечно, нельзя принимать въ расчетъ тѣ изъ нихъ, которые допускаютъ элизію, или сліяніе гласныхъ, хотя въ прозѣ ею пользуются не такъ часто, какъ въ поэзіи. Тамъ, напримѣръ, гдѣ стоитъ точка, элизія не мыслима; тутъ невольно образуется гіатусъ, хотя далеко не такъ оскорбляющій слухъ, какъ если бы онъ встрѣтился по срединѣ предложенія. Но и этотъ видъ гіатуса не всегда можетъ быть избѣгнутъ; поэтому Исократъ допускаетъ нѣкоторые случаи употребленія его, какъ напримѣръ: τί, τι, περί, ἐτι, и πρό, съ гласною послѣ нихъ,—или εὖ, какъ у трагическихъ и комическихъ поэтовъ; я не увѣренъ однако, не произносился ли звукъ ѳ въ видѣ мягкой согласной, какъ онъ произносится нынѣ Греками. Исократъ позволяетъ употребленіе формы πολὺ ἄν, но кромѣ этого не допускаетъ ни одного падежа съ ἄν, а въ болѣе непринужденныхъ рѣчахъ встрѣчаются у него εἰ и ἦ съ гласною послѣ нихъ. Въ произведеніяхъ строгаго характера Исократъ тщательно избѣгаетъ гіатуса въ связи съ падежами члена. Почему дѣлались эти различія—теперь не понятно, по этотъ вопросъ долженъ тщательно изучаться тѣми, кто хочетъ возстановить древнее произношеніе словъ. Бензелеръ сообщаетъ намъ еще много другихъ подробностей. Существовало правило, воспрещавшее заканчивать слово и начинать слѣдующее за нимъ однимъ и тѣмъ же слогомъ, какъ напримѣръ ἐπὶνόςμεν μέν, что однако встрѣчается у Исократа въ одномъ, или двухъ случаяхъ. Законъ этотъ довольно понятенъ, и, если бы онъ строго примѣнялся, онъ избавилъ бы насъ отъ безконечныхъ ошибокъ, вкравшихся въ наши списки съ греческихъ рукописей, и сдѣлалъ бы лишними самыя блестящія поправки Кобе.

Нѣтъ сомнѣнія, что избѣгали и другихъ столь же непріятныхъ сопоставленій звуковъ.

§ 459. Лишь только мы коснемся болѣе обширнаго вопроса о ритмѣ, мы сразу очутимся на чисто-греческой почвѣ. Легко согласиться съ Исократомъ, когда онъ говоритъ, что хорошая проза плавнѣе льется и болѣе музыкальна, чѣмъ разговорная рѣчь, и не такъ условна, какъ стихи, словомъ, она должна быть ритмическою, а не метрическою. Но, когда ученики и соперники Исократа принялись раздумывать надъ тѣмъ, какой собственно ритмъ долженъ ²⁶²⁾ употребляться въ прозѣ, когда самъ Исократъ указывалъ на ямбы и трохеи, а Эфоръ возставалъ противъ спондеевъ и трибрахіевъ и защищалъ дактили и пѣоны, въ то время какъ Аристотель совѣтовалъ употреблять одинъ пѣонъ при началѣ, а другой—въ концѣ періода,—словомъ, когда мы встрѣчаемъ эти и другія подобныя же правила, мы начинаемъ понимать, что есть въ самомъ дѣлѣ ритмъ въ прозѣ, и сами чувствуемъ, что извѣстный видъ ритма не ловокъ, другой—пріятенъ. Входить однако вмѣстѣ съ Греками въ частности этого вопроса не возможно. Примѣры, приводимые критиками, основаны повидимому исключительно на числѣ слоговъ и вполнѣ пренебрегаютъ удареніемъ; одно это уже сдѣлало бы ихъ правила менѣе вразумительными для Грековъ нашего времени, чѣмъ даже для Англичанъ. У насъ каждый хорошій писатель руководится скрытымъ чувствомъ ритма, которому подчиняется; но никто не изучаетъ писаніе прозою достаточно тщательно для того, чтобы вздумать формулировать свои правила. Утѣшительно видѣть, что даже Греки не могли столковаться относительно какого либо абсолютнаго правила, и что позднѣйшіе малоазіатскіе ораторы, постоянно заканчивавшіе свои рѣчи трохеями, подобно Исократу *ἀφελὲν δὲ τῶν τριχέων*, подвергались за это осмѣянію. Блассъ въ своемъ разборѣ многихъ отрывковъ сочиненій Исократа доказалъ, что онъ употреблялъ весьма разнообразныя ритмы, но такъ пользовался ими, что умѣлъ избѣгать поэтическаго метра. Замѣчательно, что при всѣхъ этихъ искусственныхъ законахъ распредѣленія словъ авторъ нашъ рѣдко извращалъ логическій порядокъ, и фразы его являются образцами ясности и легкости. Говорить естественно метромъ то, что заурядные люди едва умѣютъ выразить прозою, составляетъ признакъ гениальности, подобный дару великихъ поэтовъ; но, по всему вѣроятію, этимъ также объясняется то количество времени и труда, которое Исократъ употреблялъ для своихъ работъ. Результатъ былъ

²⁶²⁾ Стр. 138 и слѣд.

повидимому весьма просто, а между тѣмъ сколько разъ должна была передѣлываться каждая фраза, прежде чѣмъ получалась логическая ясность и мелодичность ритма! Съ другой стороны, педантичность Исократъ въ избѣганіи перестановки словъ лишала его своеобразной силы и яркости, которыхъ достигалъ на примѣръ Фукидидъ посредствомъ рельефности, безцеремонно придаваемой имъ руководящей мысли и ея контрастамъ.

Мы подошли теперь къ сочетанію ритмическихъ фразъ, или къ періодамъ, составлявшимъ отличительную черту исократовой прозы, хотя, къ несчастію, самъ Исократъ не оставилъ послѣ себя никакихъ правилъ относительно этого вопроса. Древнѣйшимъ нашимъ авторитетомъ въ этомъ случаѣ является довольно сомнительная третья книга аристотелевой Риторикѣ, изъ которой мы узнаемъ, что прозаическій періодъ тоже самое, что и строфа въ поэзіи, т. е. цѣльная единица, заключающая въ себѣ нѣсколько отдѣльныхъ членовъ, но, какъ цѣлое, легко обозрѣваемая и удовлетворяющая нашъ умъ. Съ помощью перерыва въ грамматической конструкціи, противопоставленныхъ и связующихъ частицъ можно привести въ уравновѣшенную и гармоническую систему весьма длинную фразу; поэтический періодъ строже по формѣ; прозаическій же мѣняетъ лишь длину и значеніе своихъ составныхъ частей, для того чтобы и мысль округлялась и становилась полнѣе. Изъ тщательнаго разсмотрѣнія Бласомъ отдѣльныхъ фразъ уясняется²⁶³), что въ исократовыхъ періодахъ допускалось большое разнообразіе, какъ относительно числа предложеній, такъ и ихъ сравнительной длины. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто очевидныхъ антитезъ, правильно уравновѣшенныхъ предложеній въ родѣ тѣхъ, что такъ часто встрѣчаются у Горгія, а въ новѣйшее время у Гиббона, Исократъ стремился къ болѣе грандіозной и сложной гармоніи; мы можемъ теперь только удивляться ея эффекту и перечислять составные ея элементы, но не въ состояніи уже построить на основаніи ея какой нибудь законъ, если только вообще Исократъ руководился въ своей практикѣ закономъ, а не инстинктомъ образованнаго человѣка.

Несомнѣнно, что мы часто встрѣчаемся съ мыслью, подробно развитою лишь для полноты выраженія, и что это упорное исканіе внѣшней гармоніи утомительно для читателя, желающаго быстрѣе перейти къ новому представленію. Но, если что нибудь было особенно ненавистно Исократу, такъ именно поспѣшность въ мышленіи или въ выраженіи. Приведемъ примѣръ. Онъ хотѣтъ сказать въ Панегирикѣ (стремясь превзойти всѣ прежнія рѣчи), что

²⁶³) А. В., II, стр. 147 и слѣд.

въ то время, какъ прадѣдовская слава—общее достояніе народа, возвеличеніе ея составляетъ особый даръ, и ораторское искусство дѣйствительно процвѣтало бы, если бы восторгались не первыми изобрѣтателями его, а тѣми, кто его довелъ до совершенства. Какъ же выражаетъ онъ эту мысль ²⁶¹)? Онъ удлинняетъ первое предложеніе и усиливаетъ значеніе его заключительной части вставкой излишнихъ словъ *ἡμῖν κατελείφθησαν*, такъ какъ желаетъ развить подробнѣе отвѣтную мысль, ораторскую обработку идеи, въ трехъ параллельныхъ предложеніяхъ, начинающихся съ *δέ*. Потомъ онъ ставитъ эмфатическую форму *ἴδιον* ближе къ концу предложенія, чѣмъ соотвѣтствующее слово *κοινά*, достигая этимъ большаго разнообразія безъ ущерба мѣткости.

Различать риторическія фигуры подобныхъ періодовъ весьма легко, если мы тщательно изучимъ ихъ построеніе. Но, признаюсь, я едва могу слѣдить за анализомъ Бласса, въ которомъ онъ доказываетъ, что въ своихъ аргументахъ Исократъ противопоставлялъ будто бы періодъ періоду и писалъ почти поэтически-симметрично, хотя и разнообразно. Читатель увидитъ приводимые имъ образцы ²⁶⁵) и охотно согласится съ нимъ въ общихъ выводахъ; но слѣдить за нимъ въ подробностяхъ не легко, такъ какъ настоящая грань каждой части періода можетъ быть передвигается по желанію критиковъ. Мы достаточно долго останавливали, кажется, вниманіе читателей на этомъ предметѣ, чтобы доказать, на сколько Исократъ соединялъ рѣдкую полноту и блескъ слога съ безупрочной ясностью и простотой построенія фразъ.

²⁶¹) §§ 9—10: αἱ μὲν γὰρ πράξεις αἱ προγεγενημέναι κοινὰ πᾶσιν ἡμῖν κατελείφθησαν, τὸ δ' ἐν καιρῷ ταύταις καταγρήσθαι καὶ τὰ προήκοντα περὶ ἑκάστης ἐνθυνηθῆναι καὶ τοῖς ὀνόμασιν εὖ διαθέσθαι τῶν εὖ φρονούντων ἴδιόν ἐστιν. ἡγοῦμαι δ' οὕτως ἂν μεγίστην ἐπίδοσιν λαμβάνειν καὶ τὰς ἄλλας τέχνας καὶ τὴν περὶ τοὺς λόγους φιλοσοφίαν, εἰ τις θαυμάζοι καὶ τριπλὴ μὴ τοὺς πρώτους τῶν ἔργων ἀρχομένους ἀλλὰ τοὺς ἄρσθ' ἑκάστον αὐτῶν ἐξεραζομένους, μὴδὲ τοὺς περὶ τούτων ζητοῦντας λέγειν, περὶ ὧν μῆδεις πρότερον εἰρηκεν, ἀλλὰ τοὺς οὕτως ἐπισταμένους εἰπεῖν, ὥς οὐδεὶς ἄν ἄλλος δύναιτο.

Последнее предложеніе можетъ считаться весьма изящнымъ образцомъ ритмическаго и правильнаго періода. Глаголы стоять впередъ, такъ какъ иначе два сказуемыхъ (другія искусства и краснорѣчіе) слишкомъ долго держали бы слушателя въ неизвѣстности относительно конструкціи фразы. Въ выраженіи *θαυμάζοι καὶ τριπλὴ* глаголъ встречается дважды, чтобы усилить значеніе этой части періода, за которой идутъ двѣ пространныхъ антитезы, распредѣленные на два предложенія. Послѣднія отличаются какъ приемованными окончаніями, такъ и оригинальнымъ и изящнымъ разнообразіемъ выраженій. Такъ *λέγειν*, *εἰρηκεν*, *εἰπεῖν* употреблены вмѣстѣ, во избѣжаніе тавтологій звука, *μῆδεις* и *οὐδεὶς* съ относящимися къ нимъ временами производятъ тоже самое дѣйствіе; наконецъ *ζητοῦντας* сличено съ *ἐπισταμένους*, условная форма *μῆδεις* съ *δύναιτο*.

§ 460. Что касается украшеній или, какъ говорили древніе, фигуръ рѣчи, то Исократъ прибѣгалъ къ антитезамъ, къ однородности размѣра и тождественности вступительнаго и заключительнаго звука, которыми такъ злоупотреблялъ уже Горгій. Кажется, будто именно изъ этихъ соображеній Исократъ не одобрялъ другихъ видовъ аллитераціи, или игры словами. Горгій тѣсно сопоставлялъ свои рѣчи съ аллитераціею, въ то время какъ у Исократа онѣ помогаютъ намъ уловить смыслъ его правильно-уравновѣшенныхъ предложений. Въ болѣе зрѣлыхъ рѣчахъ фигуры эти встрѣчаются рѣже, и мы знаемъ, что позднѣйшіе критики презирали эти приемы, какъ нѣчто тривіальное. Исократъ избѣгалъ *анафоры* или повторенія эмфатическихъ словъ, столь обычнаго у Лизія; подобно ему любилъ онъ прибѣгать къ самовопрошанію для оживленія своихъ доказательствъ. Пропускъ союзовъ у него большая рѣдкость, точно также какъ и тѣ фигуры мысли, проны или призывъ, которые такъ эффектны у его преемниковъ. Но я уже указывалъ его тщательное и гладкое сочетаніе фразъ, что несовмѣстно съ выраженіемъ сильныхъ ощущеній.

Специалистамъ въ этой области, стремящимся къ болѣе точному анализу риторическихъ достоинствъ Исократа, я укажу на сочиненія, болѣе подробныя. Джеббъ ²⁶⁶⁾ обстоятельно изучилъ всѣ его рѣчи; Блассъ посвятилъ сто полнолѣсныхъ страницъ разбору его слога и дикціи; Французы Картелье и Аве разсматривали его какъ съ этой, такъ и съ другихъ точекъ зрѣнія. Понятно, что онъ долженъ былъ приводить въ восторгъ позднѣйшихъ раторовъ и, не будь Демосфена, считался бы понынѣ главою греческаго ораторскаго искусства.

§ 461. Благодаря этому соперничеству, Исократъ при жизни своей превозносимый выше всѣхъ современниковъ, подвергся впоследствии въ значительной степени осужденію. Діонисій указываетъ на раннихъ критиковъ, Филоника, Геронима и Клеохара, какъ на людей, весьма здраво судившихъ о слогѣ Исократа, котораго сравнивали съ непринужденнымъ изяществомъ Лизія и силой Демосфена. Его однообразіе и гладкость, пріятная плавность рѣчи и непрерывная возвышенность тона не удовлетворяютъ вкусу, требующему болѣе сильнаго колорита и разнообразія. Самъ Діонисій въ своемъ изслѣдованіи объ Исократѣ, а впоследствии и въ замѣчаніяхъ о Демосенѣ весьма точно и здраво судить о немъ; Исократъ слѣдуетъ разсматривать какъ ратора, а въ этой области Діонисій былъ великимъ авторитетомъ. Цицеронъ, чей слогъ поразительно

²⁶⁶⁾ Attic Orators, томъ II.

похожъ на Исократовъ, пользовался имъ, очевидно, какъ образцомъ, что дѣлалъ, впрочемъ, и Демосѳенъ, такъ что при посредствѣ этихъ двухъ ораторовъ Исократъ повліялъ на прозу всей позднѣйшей Европы. Но великіе послѣдователи его дополняли силою своего собственнаго гения, или заимствованіями у другихъ образцовъ тѣ высшія качества, которыхъ онъ былъ лишенъ—сжатость, смѣлость, а, главное, пафосъ, почти никогда не встрѣчающіеся въ закругленныхъ періодахъ самодовольнаго профессора краснорѣчія. Странно сказать, однако, — несмотря на то, что его нравственныя увѣщанія играли большую роль въ дѣлѣ воспитанія, а остальные его рѣчи изучались для софистическихъ цѣлей, что Діонисій и Гермогенъ увлекались имъ и высоко его цѣнили, ни одна схолія о немъ не дошла до насъ, кромѣ немногихъ пустыхъ и многословныхъ замѣтокъ, изданныхъ Согаес'омъ съ ватиканскаго списка (65 L.), а впослѣдствіи и Диндорфомъ вмѣстѣ съ примѣчаніями къ Эсхину (Оксф., 1852). Это тѣмъ страннѣе, что мы имѣемъ одну рукопись его сочиненій, превышающую по достоинству большинство греческихъ рукописей, именно знаменитый урбинскій списокъ, на которомъ основаны всѣ наши критическія изданія. Остальные не стоятъ упоминанія рядомъ съ этимъ величественнымъ кодексомъ. Первое печатное изданіе Исократовыхъ сочиненій принадлежитъ также къ числу наиболѣе раннихъ изданій греческихъ классиковъ. Исократъ былъ, кажется, первымъ прозаикомъ, сочиненія котораго удостоились изданія (Миланъ, 1493 г.), напечатаннаго при томъ прекраснымъ стариннымъ шрифтомъ, уничтожившимся, къ несчастію, подъ вліяніемъ печатни Альда. За этимъ слѣдуетъ красивое изданіе самого Альда 1513 года, гдѣ Исократъ сопоставленъ съ менѣе извѣстными ораторами. Съ той поры замѣчательный писатель этотъ издавался рѣже, чѣмъ можно было ожидать. Изданіе Стефана (1593) и базельское (Іеронима Вольфа, 1570)—главныя изъ нихъ вплоть до изданія Согаес (Парижъ, 1807) съ схоліями, текста Беккера (Оксф., 1823) и цюрихскихъ изданій. Въ серіяхъ Тейбниера есть также хорошій критическій разборъ рѣчей и отрывковъ, сдѣланный Бензелеромъ. Дешорісисъ и Панегрикъ были недавно изданы Саудисомъ (Кембриджъ, 1872) съ англійскими примѣчаніями. Раухенштейнъ выпустилъ въ свѣтъ Панегрикъ и Ареопагитикъ, а другіе ученые—нѣкоторые изъ меньшихъ рѣчей. Index Graecitatis Isocratae Рейске былъ перепечатанъ Митчеллемъ (Оксф. 1828). Тщательно сдѣланный переводъ и комментарий герцога де-Клермонъ-Тоньера были обстоятельно разобраны Эгжеромъ (Парижъ, 1865). Есть нѣсколько нѣмецкихъ переводовъ и одинъ итальянскій, но мы не извѣстны ни одного перевода на англійскій языкъ.

ГЛАВА IX.

Второстепенные современники Исократа.

§ 462. Исследователь греческой литературы долженъ останавливать свое вниманіе, главнымъ образомъ, на величайшихъ и лучшихъ представителяхъ каждаго періода, воплотившихъ въ себѣ весь національный геній и всего болѣе вліявшихъ на литературную исторію вселенной. Но полное признаніе заслугъ Платона и Исократа—двухъ свѣточей своего поколѣнія — не должно мѣшать намъ видѣть значительное число звѣздъ меньшей величины, ихъ окружавшихъ, которыя въ качествѣ критиковъ, подражателей и даже самостоятельныхъ мыслителей также вліяли на свою эпоху и, быть можетъ, даже болѣе, чѣмъ это замѣтно теперь. Самыя имена этихъ писателей незнакомы не-специалистамъ, и не появляются даже въ нѣкоторыхъ книгахъ по исторіи аттической литературы; но это дѣлаетъ тѣмъ болѣе желательнымъ имѣть о нихъ такія свѣдѣнія, какія необходимы для правильной оцѣнки данного вѣка.

Мы не должны забывать, что первые софисты имѣли исходною точкой своей дѣятельности всеобщность знанія, что они брались преподавать общія свѣдѣнія, чтобы человѣкъ могъ говорить убѣдительно и изящно о каждомъ данномъ предметѣ. Такова была въ особенности цѣль Горгія, наиболѣе эффектнаго и содержательнаго изъ софистовъ древнѣйшаго поколѣнія, чье отрицательное отношеніе къ философіи должно было безспорно дать человѣку съ общимъ образованіемъ оружіе противъ специалистовъ-метафизиковъ. Какъ уже было сказано выше (стр. 62) въ главѣ о софистахъ, попытка преподавать всеобщую мудрость, хотя бы даже съ помощью скептицизма, пала передъ правотѣріемъ публики, негодовавшей на эту *ἐπιτεύχιση τῶν ὅλων* (по вѣрному опредѣленію Алкидама), и подъ ударами специалистовъ, которые, ограничиваясь изученіемъ отдѣльных предметовъ, достигали въ своей области такой глубины и авторитетности, какія не доступны энциклопедистамъ. Антифонъ, Платонъ и Исократъ оставили, каждый по своей части, такой глубокой слѣдъ въ греческомъ мірѣ, противъ котораго тщетно старались бороться болѣе прямые потомки Горгія. Что эта послѣдняя школа все еще существовала, что ея послѣдователи вели желчную полемику другъ съ другомъ, съ Платономъ и Исократомъ, что они изложили, кромѣ

того, свои взгляды въ громаднѣйшей литературѣ предмета—все это хорошо извѣстно намъ изъ критики Діонисія Галикарнасскаго, изъ анекдотовъ Діогена Лаэртскаго, изъ списка заглавій и литературныхъ отрывковъ у Свида и изъ различныхъ грамматическихъ и литературныхъ отрывковъ.

Но изъ всей этой объемистой литературы уцѣлѣло, быть можетъ къ счастью для насъ, всего только четыре небольшія рѣчи и одно риторическое изслѣдованіе. Изъ нихъ мы можемъ однако составить себѣ нѣкоторое понятіе о меньшихъ писателяхъ того времени, подобно тому, какъ подложныя рѣчи, попавшія въ сочиненія Лизія и Демосоена, даютъ намъ пожалуй даже лучшее понятіе о заурядномъ практическомъ краснорѣчій Аѳинянъ, чѣмъ это дѣлаютъ ихъ подлинныя произведенія.

§ 463. Первая изъ этихъ четырехъ рѣчей, Аяксъ и Одиссей, приписывается Антисѳену, основателю цинической, а косвенно и стоической философіи, человѣку весьма замѣтному въ свое время, какъ это видно изъ замѣчательнаго очерка Діогена. Но онъ главнымъ образомъ интересенъ для историковъ греческой философіи, и я отсылаю читателя къ нимъ за полными свѣдѣніями о его взглядахъ. Сынъ Фракійки, родившійся въ бѣдности, онъ поздно сталъ учиться и, привлеченный наконецъ Сократомъ, былъ, быть можетъ, самымъ самостоятельнымъ и оригинальнымъ изъ его учениковъ. Этотъ многосторонній человѣкъ былъ не только философомъ, но и риторомъ, учившимся у Протагора и Продика; о Горгіѣ онъ отзывался презрительно. Его личный характеръ легче всего познается изъ его разговора въ Пирѣ Ксенофонта и въ Мемуарахъ Сократа, въ которыхъ онъ играетъ выдающуюся роль. Когда онъ обратился наконецъ къ практической этикѣ и къ размышленію о лучшихъ правилахъ жизни, онъ осмѣялъ платоновы Идей и высказалъ келтическіе парадоксы, которые, въ свою очередь, подверглись осмѣянію въ Еленѣ Исократѣ. Платонъ въ своемъ Софистѣ и Аристотель въ Метафизикѣ говорятъ о немъ презрительно, какъ о преподавателѣ, лишенномъ научнаго образованія, слѣдовательно, непроизводительномъ, безъ хорошаго воспитанія или надлежащаго развитія ²⁶⁷⁾. Это кажется намъ страннымъ, если вспомнить его сочиненія, трактующія о Гомерѣ, Теогиидѣ

²⁶⁷⁾ Они относились къ нему, очевидно, съ тѣмъ самымъ чувствомъ, съ какимъ люди съ университетскимъ образованіемъ смотрятъ на писателей-самоучекъ, часто одаренныхъ болѣею оригинальностью и силой, но лишенныхъ формы и изящества слога, приобретаемыхъ лишь въ атмосферѣ классическаго образованія. Школа Исократѣ была, несомнѣнно Оксфордъ, платонова школа—Кембриджъ того времени.

и другихъ поэтахъ, о разныхъ философскихъ вопросахъ и о риторикѣ. Длинный и разнообразный списокъ его работъ помѣщенъ въ Жизнеописаніи Діогена. Изъ его современниковъ Ксенофонтъ и Теопомпъ говорятъ о немъ съ большимъ уваженіемъ.

Мы имѣемъ здѣсь дѣло однако лишь съ его риторическими сочиненіями, состоявшими, кажется, изъ изслѣдованій о слогѣ и изъ нѣсколькихъ образцовъ краснорѣчія въ формѣ воображаемыхъ паденій на мифическихъ героевъ или защиты ихъ. Діалоги его столь же славились среди Грековъ позднѣйшихъ эпохъ, и его слогъ называютъ даже образцомъ аттического стиля. Цицеронъ ²⁶⁸⁾ говоритъ, что четвертая и пятая книги его Кира показались ему, «какъ и все, что писалъ Антифонтъ, произведеніемъ скорѣе ловкаго, чѣмъ ученаго человѣка». Риторы Діонисій и Гермогенъ совершенно пренебрегали имъ, и этому, быть можетъ, мы обязаны почти полнымъ уничтоженіемъ его сочиненій.

§ 464. Единственный документъ, въ настоящее время приписываемый ему, это доводы Аякса и Одиссея относительно оружія Ахиллеса, высказываемые передъ судомъ присяжныхъ, составленнымъ, какъ говорить легенда, изъ троянскихъ плѣнныхъ. Ни въ одной изъ этихъ двухъ рѣчей нѣтъ прямого обращенія къ присяжнымъ, какъ къ Троянцамъ; напротивъ того, Аяксъ обходится съ ними презрительно какъ съ людьми, ничего не смыслящими въ дѣлѣ и не присутствовавшими при разбираемомъ столкновеніи. Вслѣдствіе этого надо предполагать, что составъ присяжныхъ былъ иной, т. е. набранный изъ людей, остававшихся дома, иначе мы навѣрно бы видѣли ссылки со стороны обоихъ ораторовъ на личный опытъ троянскихъ плѣнныхъ во время войны. Рѣчь Аякса кратка и груба, дерзка относительно присяжныхъ и презрительна къ противнику. Рядомъ съ значительною долею иѳоса и даже нѣкоторыми риторическими приѣмами (въ родѣ противопоставленія, § 9, διχγυνώσκειν съ διχοδοξάζειν) въ слогѣ замѣчается не мало небрежности; такъ, на примѣръ, λόγος или формы отъ λέγειν встрѣчаются въ десяти строкахъ десять разъ ²⁶⁹⁾. Отвѣтъ Одиссея естественно длиннѣе и болѣе законченъ; въ немъ превозносится значеніе хитрости, бдительности, стратегическихъ уловокъ въ сравненіи съ грубою храбростью и невѣжествомъ Аякса. Всюду разсыяны намеки на рассказъ и даже на выраженія и метафоры гомеровою Іліады.

Подлинность этого произведенія совершенно напрасно возбуждала недоувѣріе многихъ критиковъ. Иные думали, что подобныя ритори-

²⁶⁸⁾ Ad Att. XII. 38.

²⁶⁹⁾ §§ 7—8.

ческія упражненія по поводу вымышленныхъ дѣлъ вошли въ моду въ школахъ гораздо позднѣе; другіе замѣчали въ авторѣ нѣкоторое желаніе избѣгать гіатуса, изъ чего слѣдовало бы, что рѣчь эта была написана имъ послѣ установленія относящагося сюда правила; иные, въ свою очередь, называли рѣчи неестественными и прѣсными. Всѣ эти затрудненія отстранены Блассомъ²⁷⁰⁾, однимъ изъ немногихъ нѣмецкихъ критиковъ, всегда готовыхъ защищать подозрѣваемые сочиненія. Но онъ едва ли придалъ достаточно значенія важному прецеденту, представляемому трагедіями Еврипида, изъ которыхъ видно, что пространныя рѣчи на тему о миѣическихъ спорахъ не только были въ ходу за долго до возникновенія позднѣйшихъ школъ, но и весьма нравились аттической публикѣ. Весьма естественно поэтому, что почти всѣ софисты занимались риторическими упражненіями въ защиту то Елены, то Париса, или даже Полифема, или въ видѣ нападокъ на Паламеда и другихъ достославныхъ героевъ. Это были даже любимѣйшія тѣмы тѣхъ софистовъ, которые желали проявить свою ловкость въ преподаваніи искусства вести пренія. На сколько мнѣ извѣстно, Сократъ былъ первымъ изъ современныхъ дѣятелей, чья жизнь давала темы для подобныхъ упражненій. Что касается отсутствія гіатуса, то нѣтъ никакой причины думать, что это произведеніе было обнародовано Антисѣеномъ прежде, чѣмъ Исократъ сдѣлался знаменитымъ преподавателемъ и его теорія композиціи получила всеобщее признаніе. Завѣдомая вражда Антисѣена и другихъ софистовъ къ Исократу не могла спасти ихъ отъ его вліянія, и именно правило благозвучія признавалось съ раннихъ поръ всѣми. Весьма достойно сожалѣнія, что діалоги Антисѣена утрачены, такъ какъ въ нихъ древніе критики видѣли лучшіе образцы его манеры. Аяксъ и Одиссей—произведеніе довольно ловко построенное, но, въ риторическомъ отношеніи, оно бѣдно и слабовато въ сравненіи съ болѣе крупными продуктами эпохи.

§ 465. Менѣе выдающагося личностью, но за то ближе подходящему къ предмету нашего обзора, былъ Алкидамъ, сынъ Діокла, родившійся въ Элидѣ. Онъ былъ, кажется, современникомъ Исократа, такъ какъ его удѣлывшая рѣчь о софистахъ вышла въ свѣтъ до Панегірика; къ тому же его называютъ учителемъ оратора Эсхина, родившагося въ 390 году до Р. Х. Человѣкъ этотъ былъ не только ученикомъ, но и послѣдователемъ Горгія, въ строгомъ смыслѣ слова,—ибо Антисѣенъ, риторъ и софистъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ,

²⁷⁰⁾ А. В., томъ II, стр. 310 и слѣд.

и философъ, сократовой школы, и эта сторона его ученія, какъ преувеличеніе сократизма, была гораздо важнѣе его софистики; Алкидамъ, напротивъ того, являетъ въ своемъ лицѣ строгое сочетаніе ритора и софиста, хочетъ учить людей, какъ говорить хорошо о каждомъ предметѣ; эта теорія изложена имъ въ мастерскомъ изслѣдованіи, уцѣлѣвшемъ до нашихъ дней, настоящимъ манифестъ, направленномъ противъ искратовой школы. Свидѣ называетъ его, правда, философъ, и до насъ дошли заглавія нѣкоторыхъ сочиненій его по физикѣ, которыя имѣютъ однако, повидимому, мало значенія. Онъ немного сдѣлалъ даже въ области формальной риторики, и намъ неизвѣстна изъ точныхъ данныхъ ни одна теоретическая книга его. Но Тцетцъ, утверждающій, что читалъ нѣсколько его книгъ, говоритъ, что не могъ найти Похвального слова Смерти (хотя о немъ упоминаетъ Цицеронъ²⁷¹). Есть кромѣ *φυσικός λόγος*, еще Мессенская рѣчь, написанная на одну и ту же тему съ искратовымъ Архидамомъ, но для противоположной стороны. Похвальное слово куртизанкѣ *Θαίης* Музейонъ и рѣчь о софистахъ, о которой не упоминаютъ древніе. Музейонъ интересенъ какъ произведение, заключающее въ себѣ описаніе состязанія между Гомеромъ и Гезіодомъ и самой смерти Гезіода²⁷²).

Какъ риторъ, Алкидамъ выступалъ, кажется, въ качествѣ соперника Исократы, и не безъ успѣха; хотя потомство давно уже рѣшило споръ въ пользу Исократы, Аристотель въ своей Риторикѣ боролся однако противъ притязаній Алкидама съ большимъ тщаніемъ и желчностью. Онъ осуждаетъ его за холодность и приводитъ въ подтвержденіе своего взгляда много примѣровъ ненормальнаго пристрастія къ составнымъ словамъ, поэтическимъ выраженіямъ и обилію эпитетовъ, которыя были у Алкидама не простой приправою, а самой сущностью дѣла²⁷³).

271) Gusc. Disp., I, § 116.

272) Я разсматривалъ это уже прежде (томъ I, § 87).

273) Rhet., III, § 3: Διότι τὰ Ἀλκιδάρμαντος ψυχρὰ φαίνεται· οὐ γὰρ ἡδυσματὶ χρῆται ἀλλ' ὡς ἐδέσματι τοῖς ἐπιθετοῖς, οὐτὸ πικρὸν καὶ μείζον· καὶ ἐπιδόλοις ὄντα, οὐχ ἰσθῶτα, ἀλλὰ τὸν ὕπνρον ἰσθῶτα· καὶ οὐκ, εἰς Ἰσθμια, ἀλλ' εἰς τὴν τῶν Ἰσθμίων πανήγυριν· καὶ οὐχὶ νόμους, ἀλλὰ τοὺς τῶν πόλεων βασιλεῖς νόμους· καὶ οὐ δρόμῳ, ἀλλὰ δρομαῖα τῇ τῆς ψυχῆς ὁρμῇ· καὶ οὐχὶ μουσεῖον, ἀλλὰ τὸ τῆς ψάσεως παραλαβὼν μουσεῖον· καὶ σκυθρωπὸν τὴν φροντίδα τῆς ψυχῆς· καὶ οὐ χάριτος, ἀλλὰ πανδήμου χάριτος δημιουργός· καὶ οἰκονόμος τῆς τῶν ἀκούοντων ἡδονῆς· καὶ οὐ κλάσεις, ἀλλὰ τοῖς τῆς ὕλης κλάδοις ἀπέκρουψε· καὶ οὐ, τὸ σῶμα παρήμπισεν, ἀλλὰ τὴν τοῦ σώματος αἰσχύνην· καὶ ἀντίμιμον τὴν τῆς ψυχῆς ἐπιθυμίαν (τοῦτο δ' αἶμα καὶ διπλοῦν καὶ ἐπιθετόν· ὥστε ποίημα γίνεται)· καὶ οὕτως ἐξέδρον τὴν τῆς μοχθηρίας ὑπερβολήν.

Аристотеля. Однако дошедшія до насъ рѣчи Алкидама нѣсколько снимаютъ, по замѣчанію Бласса, съ него эти обвиненія и показываютъ въ немъ риторѣ весьма способнаго, шедшаго впередъ вмѣстѣ съ вѣкомъ.

§ 466. Рѣчь о тѣхъ, кто произноситъ написанныя впередъ рѣчи, или о Софистахъ вполне опредѣленно защищаетъ школу Горгія противъ школы Исократѣ, въ то время ставшагося опередить его. Это настоящій Lehrprogramm, въ родѣ *κῆρτα σοφιστῶν* Исократѣ; на него есть намеки въ Панегирикѣ (§ 11),—по крайней мѣрѣ это такъ кажется многимъ, я же отнюдь не считаю ссылки эти на столько несомнѣнными, какъ дѣлаютъ Блассъ и Рейнгардтъ. Ораторъ хочетъ доказать, что сочинители рѣчей, тщательно написанныхъ ими въ глубинѣ комнатъ, гдѣ они проводятъ свою жизнь, «упустили изъ виду наиболѣе значительную сторону риторикѣ и философѣ и должны бы скорѣе называться поэтами, чѣмъ софистами»²⁷⁴). Онъ поддерживаетъ этотъ взглядъ рядомъ здравыхъ, но не логически-связанныхъ между собою аргументовъ, въ которыхъ хорошо и вѣрно изложено все дѣло. Трудность произнесенія заранѣе приготовленной рѣчи, комическое впечатлѣніе, производимое человѣкомъ, запутавшимся въ ней, рискованность вставокъ, сдѣланныхъ подъ вліяніемъ минутнаго увлеченія, все это изображено наглядно и сильно. Во всей исторіи греческой литературы нѣтъ, дѣйствительно, другаго документа, въ которомъ такъ хорошо выразились бы наши современные, трезвые взгляды на вопросъ, въ противоположность искусственной отдѣланности древней риторикѣ. Алкидамъ въ данномъ случаѣ отнюдь не презираетъ письменности; онъ вполне цѣнитъ значеніе и даже необходимость этого пріема, но настаиваетъ на томъ, что умѣнье говорить безъ приготовленія единственно только и можетъ безопасно и основательно познать съ искусствомъ практическаго краснорѣчія. Слогъ этого прекраснаго разсужденія согласуется съ его содержаніемъ. Авторъ показываетъ намъ, что вполне воспользовался трудами Исократѣ. Онъ пишетъ хорошими періодами, избѣгаетъ излишняго примѣненія *гіатуса* и аллитераціи, обращаетъ вниманіе на ритмъ и равновѣсіе частей періода. Словомъ, онъ ученикъ Горгія, видимо опередившій своего наставника. Таковы результаты, добытые тщательной провѣркой произведеній Алкидама Шпенгелемъ, впервые защитившимъ подлинность рѣчи отъ нападокъ раннихъ скептиковъ; его доказательства были дополнены въ послѣдствіи Блассомъ.

§ 467. Всѣ критики единодушно отвергаютъ вторую рѣчь, именно обвиненіе Паламеда Одиссеемъ, и считаютъ ее произведеніемъ

²⁷⁴) *περὶ τῶν τοῦς γραπτοῦς λόγους γραπόντων ἢ περὶ σοφιστῶν.*

другаго писателя. Подобно защитѣ Паламеда, приписываемой Горгію, это сочиненіе имѣетъ форму судебной рѣчи, опирающейся скорѣе на общія соображенія (εἰκότα), чѣмъ на свидѣтельскія показанія; если авторъ и выводитъ свидѣтелей, подтверждающихъ, что въ лагерь было пущено на стрѣлѣ предательское посланіе, но ни самаго посланія, ни стрѣлы онъ не представляетъ. Конецъ рѣчи — искусная *λοιδόριχ*, или нападеніе на прежнюю жизнь Паламеда, доказывающее, что ожидать отъ него измѣны было дѣломъ естественнымъ. Я не раздѣляю презрѣнія, обыкновенно выражаемаго нѣмецкими критиками къ этой рѣчи. Авторъ имѣетъ передъ собою незавидное дѣло и знаетъ это, но рисуетъ намъ поучительную картину, показывая какой родъ аргументовъ считался дозволеннымъ и, быть можетъ, дѣйствовалъ даже на аѳинскихъ присяжныхъ. Хотя слада этой рѣчи (въ особенности, встрѣчающійся въ ней гіатусъ) доказываетъ, что это не произведеніе Алкидама, Блассъ ясно показалъ, что нѣтъ никакой причины отрицать ея древность и что она принадлежала, быть можетъ, перу какого нибудь современнаго ритора. Онъ намекаетъ на ритора Поликрата, къ которому Исократъ обратился съ назидательнымъ посланіемъ ²⁷⁵⁾ и который брался защищать самыя невозможныя дѣла, лишь бы только ему проявить свое остроуміе. Такова была и настоящая рѣчь, точно также, какъ и нападки на Сократа, защита Бузириса, Полифема, панегирики Клитемнестры и другихъ. Онъ написалъ, далѣе, *λοιδόριχ* Лакедемонянь, и похвальные слова мышамъ, горшкамъ и счетчикамъ. Если панегирикъ Париса былъ написанъ имъ, то цитаты изъ него доказываютъ что произведеніе это принадлежало къ числу лучшихъ изъ этихъ *tour de force*. На этомъ основаніи Блассъ сравниваетъ ложную риторику Алкидама съ приѣмами діалектическихъ акробатовъ, Эввидама и Діонисодора, съ которыми мы встрѣчаемся у Платона.

§ 468. О Зоилѣ, котораго называютъ риторомъ и историкомъ, а главное, авторомъ пресловутаго Бича Гомера, мы знаемъ мало, если исключить то, что сообщаютъ о немъ Свида и гомеровскіе схолии. Съ этой точки зрѣнія мы уже разсматривали его ²⁷⁶⁾. Софистъ Лаксфронъ—личность весьма туманная, но тѣмъ не менѣе интересная. Изъ намековъ Аристотеля мы узнаемъ, что, кромѣ нѣкоторыхъ логическихъ тонкостей, онъ утверждалъ еще, что знатное происхожденіе—отличіе праздное, и что законы ничто

²⁷⁵⁾ Ср. выше § 448.

²⁷⁶⁾ Томъ I, стр. 30.

иное, какъ отрицательная гарантія господства справедливости между гражданами. Послѣдній взглядъ, въ связи съ демократическими воззрѣніями Ликофрона, заставилъ предположить, что онъ придерживался идей Гипподама и выдвигалъ демократическій идеалъ въ противоположность барскимъ идеаламъ Платона и его школы. Для Платона законы положительно слагались въ цѣлую воспитательную систему, предназначенную слѣдить за всей жизнью гражданъ и руководить ею; Ликофронъ усвоилъ себѣ, быть можетъ, наши современные понятія о законахъ, какъ о силѣ, охраняющей общество, въ обыкновенное время управляющееся само собою безъ государственнаго вмѣшательства. Если это было въ самомъ дѣлѣ такъ, то нельзя искренно не пожалѣть объ уtratѣ произведеній такого передоваго и умнаго мыслителя. Но наши свѣдѣнія слишкомъ скудны, чтобы дать намъ удовлетворительное понятіе объ этомъ писателѣ ²⁷⁷⁾.

§ 469. Гораздо важнѣе для насъ Анаксименъ Лампсакскій, сынъ Аристокла, ученикъ Зоила и циника Діогена, наставникъ и товарищъ Александра во время его походовъ. Такъ какъ о немъ говорить, какъ объ авторѣ жизнеописанія Александра, и такъ какъ въ дошедшемъ до насъ его изслѣдованіи нѣтъ указаній на событія позже 340 г. до Р. Х., то можно предположить, что онъ былъ вполне зрѣлымъ и дѣятельнымъ учителемъ и писателемъ именно въ періодъ отъ 340 до 320 г. до Р. Х. Благодарные сограждане, спасенные имъ отъ гнѣва Александра, воздвигли ему въ Олимпіи бронзовую статую, которую видѣлъ Павзаній. Онъ былъ учителемъ пресловутаго Архіа, преслѣдователя Демосфена, и особенно враждебно относился, говорятъ, къ Теопомпу, слогъ котораго пародировалъ въ пасквилѣ на Аѣны, Спарту и Фивы, посвящемъ заглавіе Τρίκαραπος и выпущенномъ въ свѣтъ съ именемъ Теопомпа ²⁷⁸⁾.

Зависть и соперничество это важны тѣмъ, что показываютъ намъ, какое соревнованіе существовало между писателями четвертаго

²⁷⁷⁾ См. статью Валена о Ликофронѣ, Rhein. Mus., томъ XXI, и интересныя замѣтки Суземи о различныхъ намекахъ на Ликофрона, помѣщенные въ его изданіи аристотелевой Политики (II, стр. 67, 143), гдѣ указаны и другіе писатели по этому вопросу.

²⁷⁸⁾ У ритора Аристиды есть замѣчательное извлеченіе, передающее главную сущность статьи, (I, стр. 338); найти его читатель можетъ у Мюллера въ Fr. H. G., I, стр. LXXIV, прим., въ prolegomena къ Теопомпу. Здѣсь доказывалось, по моему вполне основательно, что ни одно изъ руководящихъ государствъ Греціи никогда не желало проводить общегреческую политику. Авторъ повидимому противопоставлялъ этому, въ видѣ контраста, политику Александра, къ которому былъ привязанъ.

столѣтія до Р. Х. и какъ дѣятельно занимались они литературою. Анаксименъ славился въ свое время, какъ риторъ, и какъ софистъ. Онъ былъ знаменитымъ импровизаторомъ, писалъ судебныя рѣчи для постороннихъ людей и воззванія, изъ числа которыхъ указываютъ на Похвальное слово Еленѣ. Въ области болѣе серьезной литературы онъ написалъ изслѣдованіе о Гомерѣ, несомнѣнно слѣдуя примѣру Зоила, и какую-то философскую книгу, изъ которой Стобей приводитъ нѣкоторые нравственные изреченія. Гораздо важнѣе было его историческое сочиненіе. Хотя и носившее названіе *Hellenica*, оно начиналось съ описанія происхожденія челоуѣка и боговъ и было доведено до мантинейской битвы (дѣлилось оно на двѣнадцать книгъ). Другія восемь книгъ вмѣщали въ себѣ Филиппики и дѣянія Александра. До насъ дошли также свѣдѣнія о трактатѣ его «о смерти царей». Всѣ эти работы погибли и мы можемъ только представить себѣ Анаксимена, какъ соперника Теопомпа и Эфора, какъ историка въ исократовскомъ стилѣ, ошибочно смотрѣвшаго на исторію, какъ на отрасль краснорѣчія. Діонисій говоритъ о немъ пренебрежительно, какъ о «всезнайкѣ», не достигшемъ мастерства ни въ чемъ ²⁷⁹).

§ 470. До насъ дошло риторическое руководство, уцѣлѣвшее благодаря тому, что включено было въ сочиненія Аристотеля, съ подложнымъ предисловіемъ въ формѣ посланія къ Александру. Уже въ шестнадцатомъ столѣтіи Петръ Викторій вывелъ изъ намековъ Квинтиліана заключеніе, что это произведеніе принадлежало Анаксимену. Шпенгель въ этомъ же смыслѣ поддерживаетъ добавочными доказательствами подлинность этого произведенія ²⁸⁰). Оно, быть можетъ,

²⁷⁹) Изей, § 19.

²⁸⁰) Не слѣдуетъ забывать, однако, что Целлеръ (Аристотель, стр. 78, прим., третье нѣмецкое изданіе) вмѣстѣ съ Розе и Кампе не рѣшаются принять теорію Шпенгеля на томъ основаніи, что посвященіе Александру ничѣмъ не отличается отъ остального сочиненія, хотя оно явно не аристотелевское, и что весь трудъ носить во многихъ мѣстахъ слѣды вліянія Аристотеля на номенклатуру и методъ. Тщательный разборъ м-ра Копа (Введеніе къ аристотелевой Риторикѣ, стр. 401 и слѣд.) скорѣе опровергаетъ эти воззрѣнія и заставляетъ насъ предположить, что наиболѣе важныя точки соприкосновенія вызваны преднамѣреннымъ измѣненіемъ менѣе крупнаго риторическаго сочиненія въ угоду взглядамъ Аристотеля, принятымъ въ его классическомъ произведеніи. Копъ склоненъ скорѣе думать, что весь трудъ появился ранѣе, а не позднѣе эпохи Аристотеля, хотя онъ справедливо колеблется, приписать-ли его Анаксимену, и предпочитаетъ называть его *Анонимі rhetoricā*. Сходство между этими двумя произведеніями весьма определенное, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно такого общаго свойства и, видимо, произошло такъ случайно, что ни съ одной стороны не было, по всему вѣроятію, заимствованій; риторы того времени пришли просто къ соглашенію относительно нѣкоторыхъ пунктовъ, общихъ обоимъ сочиненіямъ. Если-бъ произведеніе анонимное дѣйствительно появилось

единственное теоретическое изслѣдованіе этого рода, дошедшее до насъ отъ временъ греческихъ софистовъ, когда риторика Аристотеля еще не затмила всего. Оно даетъ намъ понятіе о положеніи теоріи краснорѣчія при его предшественникахъ и представляетъ, слѣдовательно, большой интересъ. Но литературное значеніе его ничтожно, такъ какъ оно состоитъ лишь изъ сухихъ логическихъ подраздѣленій и весьма скудно поясняется примѣрами, въ особенности оригинальными. Наиболѣе интереснымъ отдѣломъ можетъ считаться, пожалуй, тридцатый, о вступленіи къ рѣчи, которое должно снискать расположеніе аудиторіи, настроенной благопріятно, неблагопріятно или наконецъ нейтрально.—Если настроеніе неблагопріятно, то оно можетъ относиться или къ оратору, или къ дѣлу, или къ самой рѣчи. Если оно касается оратора, то оно зависитъ отъ обстоятельствъ уже миновавшихъ, или еще существующихъ, отъ того, что ораторъ слишкомъ молодъ, или слишкомъ старъ, говорить черезъ чуръ часто, или слишкомъ медленно. Есть указанія на каждый подобный случай. Книга кончается собраніемъ нравственныхъ изреченій ²⁸¹).

Въ то время, какъ авторъ подробно и умно разсматриваетъ теорію построенія рѣчи въ цѣломъ, онъ ничего не говоритъ намъ о самомъ слогѣ, только совѣтуя избѣгать гіатуса и изучать аллитерацію; нигдѣ не касается онъ ритма, не обсуждаетъ такихъ украшеній рѣчи, какъ метафоры; словомъ, со всѣми своими дѣленіями и подраздѣленіями онъ остается на поверхности вопроса. Въ этомъ его сочиненіе является контрастомъ съ философской риторикой Аристотеля, по всему вѣроятію, написанной нѣсколько лѣтъ позднѣе. Въ обоихъ изслѣдованіяхъ есть, правда, точки соприкосновенія, но, въ то время какъ Анаксименъ (если только это онъ) не думаетъ ни о чемъ, кромѣ практическихъ принциповъ, прямо полезныхъ оратору, Аристотель мало заботится о чемъ либо, за исключеніемъ психологическихъ условій и, какъ нерѣдко было замѣчено, его риторика не воспитала поэтому ни одного оратора.

Блассъ поступаетъ едва-ли справедливо, разбирая это изслѣдованіе, какъ образецъ слога Анаксимена, хотя Діонисій и ссылается на него въ своемъ разборѣ автора. Понятно, что подобное черствое на видъ руководство не умаляетъ достоинства его *Moralia* или изъ-

позднѣе, какъ думаетъ Целлеръ, то сходство это, разъ оно вкралось, было-бы значительнѣе. Съ другой стороны, Копъ указываетъ нѣкоторые выраженія, поразительно новыя по тону. Весь вопросъ полонъ трудностей, опредѣленнаго рѣшенія которыхъ я не предвижу.

²⁸¹) Для болѣе полного анализа смот. Бласса, *Att. Bered.*, II, стр. 355 и слѣд.

щество его историческаго разсказа. Слогъ простъ и мѣтокъ и въ этомъ отношеніи вполне соответствуетъ сюжету. Я еще разъ повторю здѣсь, что въ этомъ сочиненіи, какъ и у всѣхъ раннихъ риторовъ, нѣтъ опредѣленныхъ законовъ для изящества слога, или для благозвучія изложенія, за исключеніемъ тѣхъ очевидныхъ правилъ, которыхъ придерживались всѣ. Естественно было говорить о краснорѣчьи—какъ о дѣлѣ навыка, о чистой и изящной прозѣ—какъ о чемъ то, доступномъ предписанію. У Исократы, Платона и Демосоена благозвучіе слога дѣйствительно проистекало изъ тонкаго эстетическаго чутья каждаго художника; никогда оно не могло быть передано второстепеннымъ ученикамъ посредствомъ сборника правилъ или образцовыхъ аргументовъ.

§ 471. Библіографія. Лучшія отдѣльныя изданія риторики, посвященной Александру, и появляющейся во всѣхъ полныхъ текстахъ Аристотеля, принадлежать Гэйсфорду (Оксф., 1820 г.) и Шпенгелю (Цюрихъ, 1844), приложившему разъясненія изъ произведеній другихъ ораторовъ, такъ какъ самъ авторъ неудачно подбираетъ свои примѣры. Шпенгель включилъ названное руководство въ свой сборникъ риторическихъ изслѣдованій. Что касается текстовъ только что разсмотрѣнныхъ нами рѣчей, то они помѣщены, вмѣстѣ съ Еленою Горгія, въ рукописяхъ Антифона и Андокида, но не всегда всѣ вмѣстѣ.—Всего чаще встрѣчается Елена; рѣчи Алкидама мы имѣемъ въ лучшихъ рукописяхъ. Напечатаны онѣ въ цюрихскомъ изданіи произведеній ораторовъ, а также у Бласса вмѣстѣ съ его Антифономъ. Къ нимъ нѣтъ, кажется, специальныхъ комментариевъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ статей въ нѣмецкихъ классическихъ журналахъ и нѣсколькихъ изслѣдованій, въ родѣ *Der Rhetor Alkidamas*, Валена (Вѣна, 1864 г.), Винкельманна *Antisthenis fragmenta*, Введенія къ риторикѣ Аристотеля Копа, стр. 401 и слѣд., (о руководствѣ посвященномъ Александру) и другихъ работъ, которыхъ не стоитъ здѣсь перечислять. Исторія аттическаго краснорѣчія Бласса совершенно изчерпываетъ этотъ предметъ и должна быть подъ рукою у каждаго серьезнаго изслѣдователя.

ГЛАВА X.

Ксенофонтъ.

§ 472. Ни эпоха рожденія, ни время смерти этого замѣчательнаго и характеристическаго дѣятеля въ области греческой литературы не могутъ быть установлены теперь съ достовѣрностью, но, на сколько это необходимо для литературныхъ цѣлей, онѣ могутъ быть опредѣлены достаточно близко. Большинство его биографовъ впало въ двѣ ошибки: они признавали, во первыхъ, ложную легенду о спасеніи жизни Ксенофонта Сократомъ въ делійской битвѣ, —разсказъ, очевидно вполне опровергнутый историческими описаніемъ его отступленія, сдѣланнымъ въ платоновомъ Пирѣ; они признавали далѣе, что Ксенофонтъ присутствовалъ, юношей четырнадцати или пятнадцати лѣтъ, на своемъ собственномъ Пирѣ, чего вовсе не видно изъ его единственнаго вступительнаго замѣчанія, гдѣ онъ заявляетъ, что хочетъ передать легкіе разговоры великихъ и образованныхъ людей: οἷς δὲ παραγυρόμενος ταῦτα γυγνώσκω, δηλώσαι βούλομαι. Такъ какъ мѣстомъ дѣйствія выставлены Аѣины въ 420 г. до Р. Х., то мы должны бы отнести эпоху рожденія Ксенофонта къ 435 году; между тѣмъ Кобе наглядно доказаль²⁸²⁾, что авторъ говоритъ о себѣ въ Анабазисѣ, какъ объ очень молодомъ человѣкѣ, и прямо причисляетъ себя къ людямъ, не достигшимъ еще тридцатилѣтняго возраста. Какъ это, такъ и его роль волонтера при греческой арміи, гдѣ онъ не предводительствовалъ никакимъ отрядомъ, дѣлаютъ достовѣрнымъ, что онъ родился не раньше 429 года до Р. Х., или, быть можетъ, немного позднѣе, —принявъ въ соображеніе зрѣлость его характера и образа дѣйствій во время знаменитаго «отступленія десяти тысячъ». Мы должны, слѣдовательно, отвергнуть дату, предлагаемую Крюгеромъ и Клинтономъ, по мнѣнію которыхъ (главнымъ образомъ, я полагаю, въ силу легенды о делійской битвѣ) онъ родился около 444 года до Р. Х. Напротивъ того, о Ксенофонтѣ ровно ничего неизвѣстно до 400 года. Въ это время онъ выходитъ на сцену не въ качествѣ испытаннаго ветерана, сражавшагося въ продолженіе всей пелопоннесской войны, но какъ

²⁸²⁾ Nov. Lectt. стр., 535 и слѣд.

человѣкъ молодой, ученикъ и послѣдователь Сократа, выживавшій благоприятныхъ шансовъ въ жизни. Общее впечатлѣніе, производимое разсказомъ, такъ естественно, по моему мнѣнію, что я удивляюсь, какъ могутъ опытные критики, въ родѣ Заушпе, все еще придерживаться древней хронологіи. Что можетъ быть опредѣленіе конца его первой рѣчи²⁸³⁾? εἰ δ' ὁμῆς τάττετέ με ἡγεῖσθαι, οὐδὲν προσφασίζομαι τὴν ἡλικίην, ἀλλὰ καὶ ἀκμαῖζειν ἡγοῦμα ἐρύκειν ἀπ' ἐμαυτοῦ τὰ κακά.

Человѣкъ, произносящій эти слова, долженъ быть или старше, или моложе средняго возраста. Первое — невозможно; слѣдовательно, мы должны полагать, что Ксенофонтъ было въ то время не болѣе тридцати лѣтъ. Кобѣ приводитъ въ пользу этого мнѣнія много дополнительныхъ доводовъ. Позднѣйшія событія, упоминаемые въ сочиненіяхъ Ксенофонта, касаются заключенія междоусобной войны между Аѣинами и ея союзниками (356—5) и начало фокейской или Священной войны. Таково настоящее толкованіе намека²⁸⁴⁾ на Фокейцевъ, покидающихъ Дельфы, и Θиванцевъ, старающихся захватить городъ,—фактъ, совершившійся уже давно, который никакъ не могъ относиться къ окончательной гибели Фокейцевъ въ 347—6 годахъ. Все это прекрасно разъяснено Кобѣ²⁸⁵⁾. Мы имѣемъ такимъ образомъ передъ собою періодъ жизни Ксенофонта въ 72 или 73 года, что гораздо правдоподобнѣе тѣхъ девяноста лѣтъ, которыхъ требуетъ для него Лукіанъ.

§ 473. Изъ этой знаменательной поры греческой исторіи передъ нами ясно предстаютъ лишь немногіе факты жизни Ксенофонта, факты, полные однако величайшаго интереса и имѣющие даже общенациональное значеніе. Онъ былъ сыномъ Грилла, Аѣинянина изъ эретрійской общины, повидимому аристократомъ, судя по его привычкамъ и товарищамъ. На основаніи легенды, сообщаемой Діогеномъ въ его Жизнеописаніи Философовъ, онъ рано привлекъ на себя вниманіе Сократа, который, остановивъ его какъ-то по пути, спросилъ, гдѣ слѣдуетъ искать честныхъ людей, и услыхавъ, что онъ этого не знаетъ, сказалъ: «слѣдуй за мной и узнай». Что онъ былъ ученикомъ Сократа—достоверно, хотя мы и не видимъ нравственныхъ результатовъ, соотвѣствующихъ преподаванію такого наставника. Мы можемъ предположить, что сначала его молодость, потомъ, быть можетъ, его связи съ олигархами 411 года до Р. Х. мѣшали ему занять какое

²⁸³⁾ Anabasis, III, I, 25.

²⁸⁴⁾ Hellen., m. 8.

²⁸⁵⁾ Nov. Lectt., стр. 756 и слѣд.

либо выдающееся мѣсто въ Аѣинахъ, гдѣ, правда, всѣ позднѣйшія войны велись на морѣ, къ чему Ксенофонтъ обнаруживалъ мало склонности. Достоверно, что послѣ реставраціи мы видимъ его въ Аѣинахъ, безъ опредѣленнаго дѣла или благопріятныхъ ожиданій, готовымъ принять предложеніе своего друга Проксена пріѣхать въ Азію и заслужить милость знаменитаго эллинофила, Кира младшаго.

Весьма возможно однако, что до своего отъѣзда онъ участвовалъ въ изданіи неоконченнаго труда Фукидида и началъ, какъ дополненіе къ нему, свою *Hellenica*, гдѣ изложилъ окончательную судьбу пелопоннесской войны, и описалъ эпоху тирановъ и реставрацію, послѣдовавшую благодаря патріотизму Фразибула. Этотъ драгоценный остатокъ исторіи того времени носитъ на себѣ всѣ признаки ранняго произведенія и отличается по характеру отъ позднѣйшихъ книгъ Ксенофонта. Я готовъ бы даже предположить отдѣльное изданіе его, такъ какъ трудно думать, чтобы авторъ не перерабатывалъ и не измѣнялъ своихъ прежнихъ заявленій, если бы ему впослѣдствіи удалось издать впервые всю книгу въ цѣломъ.

474. Его приключенія въ Азіи, гдѣ онъ участвовалъ въ битвѣ при Кунаксѣ, состоя чѣмъ то въ родѣ волонтера при штабѣ, потомъ совѣщался съ греческими полководцами, наконецъ сдѣлался самъ главнымъ предводителемъ и организаторомъ отступленія—все это принадлежитъ къ числу наиболѣе извѣстныхъ главъ греческой исторіи. Мы вскорѣ вернемся къ вопросу о достоверности его разсказа. Казалось бы, что Ксенофонтъ былъ въ это время слишкомъ молодъ, чтобы играть первенствующую роль, но хорошее общее образованіе и значительное краснорѣчіе выдѣляли его среди полчища пріунывшихъ наемниковъ, которые превосходили его лишь военной опытностью. Какимъ образомъ онъ достигъ стратегическихъ знаній, необходимыхъ для маневрированія большихъ отрядовъ, понять довольно трудно, и объясняется лишь тѣмъ сильнымъ прирожденнымъ влеченіемъ ко всевозможнымъ передвиженіямъ, которое постоянно въ немъ сказывалось, а еще болѣе грубымъ способомъ веденія войны, господствовавшимъ среди Грековъ, по видимому, почти ничего не вѣдавшихъ по части стратегіи вплоть до появленія Эпаминонда.

Какова бы ни была доля его участія въ спасеніи 10.000 наемниковъ, изъ его собственнаго разсказа и изъ его заботливаго самооправданія ясно видно, что онъ игралъ значительную роль во время странствій войска и бѣдствій, наступившихъ вслѣдъ за ихъ прибытіемъ въ греческія колоніи на Понтѣ-Эвксинскомъ. Видно, что онъ надѣялся быть основателемъ новаго города. Когда этотъ планъ не удался, онъ сдѣлался агентомъ Спартанцевъ въ Византіи для обезоруженія и уничтоженія опаснаго войска маро-

деревъ, почти разграбившаго городъ и, по всему вѣроятію, пагонявшаго ужасъ на всѣ окрестныя колоніи. Благодаря этимъ услугамъ и присоединенію остальнаго испытаннаго отряда къ арміи Фимброна (въ 399 году до Р. Х.), онъ сблизился съ спартанскими магнатами и съ Агезилаемъ, къ которому всего ближе примкнулъ.

Около того же времени, по причинамъ, намъ неизвѣстнымъ, онъ былъ приговоренъ къ изгнанію изъ Аѣинъ. Если-бъ было достоверно извѣстно, что приговоръ этотъ послѣдовалъ за битвою при Коронѣ, то объяснить его было бы легко; но древніе авторитеты удостовѣряютъ, что это было слѣдствіемъ его похода съ наемниками Кира, что кажется необъяснимымъ. Во всякомъ случаѣ онъ сопровождалъ Агезилая во время его обратнаго пути и присутствовалъ при знаменательной битвѣ при Коронѣ (394 г.), которую онъ такъ живо описалъ. Впослѣдствіи онъ поселился въ Скиллѣ, лакедемонскомъ округѣ, лежавшемъ на нѣсколько миль южнѣ Олимпіи, на пути къ Спартѣ, такъ что могъ видѣть своихъ друзей, отправлявшихся на празднества. Въ этомъ убѣжищѣ, для описанія котораго онъ дѣлаетъ отступленіе въ Анабазисѣ²⁸⁶), онъ соединялъ религіозныя помыслы, охоту, и литературныя занятія. Онъ воздвигнулъ святилище въ честь эфесской Артемиды изъ доходовъ со взятой имъ добычи, которую, отправляясь въ опасный походъ съ Агезилаемъ, онъ поручилъ по обѣту жрецу ея въ Эфесѣ, Мегабизу. Такъ какъ округъ изобилывалъ дичью, то главный матеріалъ для періодическихъ празднествъ доставлялся благодаря охотамъ Ксенофонта, его сыновей и всѣхъ, кто хотѣлъ къ нимъ присоединиться.

§ 475. Большинство сочиненій Ксенофонта написано въ этомъ прелестномъ убѣжищѣ, миръ котораго, казалось, не могъ быть нарушенъ дальнѣйшими страпствіями и тревогами. Однако мы узнаемъ, что изъ двухъ сыновей, посланныхъ имъ сражаться противъ Аѣинъ и Спарты при Мантинѣ, одинъ, по имени Гриллъ, былъ убитъ, храбро сражаясь въ рядахъ конницы,—такъ храбро, что смерть его была воспроизведена на одной изъ картинъ, которыя Павзаній видѣлъ въ аѣинскомъ Акрополѣ. Изъ показаній Діогена видно, что Элійцы напали на его владѣнія и прогнали его, такъ что онъ прожилъ остатокъ своихъ дней въ Коринѣ. На основаніи другихъ свидѣтельствъ, приговоръ объ его изгнаніи былъ отмѣненъ по предложенію Эмбула, и онъ посѣтилъ свой родной городъ послѣ долгихъ и бурныхъ лѣтъ. Діогенъ относитъ его смерть (слѣдуя Стезиклеиду) къ 360 году до Р. Х., хотя, если признать подлиннымъ

трактатъ о Доходахъ, онъ долженъ былъ дожить по крайней мѣрѣ до 356 года, что считается болѣе правдоподобнымъ. Трудно однако, на мой взглядъ, отвергнуть такое опредѣленное показаніе, какъ Діогеново ²⁸⁷⁾. О частныхъ дѣлахъ Ксенофонта намъ ничего неизвѣстно, кромѣ того, что жена его Филезія была, будто бы, вывезена изъ Азіи. Есть также упоминанія о первой его женѣ, Сотирѣ, сопровождавшей его въ домъ Аспазіи. Въ числѣ другихъ Ксенофоновъ, называемыхъ Діогеномъ, любопытно встрѣтить одного, котораго онъ называетъ біографомъ Эпаминонда и Пелопида, тѣхъ самыхъ людей, которыхъ нашъ авторъ обошелъ такъ несправедливо. Встрѣчается не мало похвалъ его красотѣ; мнѣ неизвѣстно однако, существуетъ ли хоть одинъ подлинный бюстъ его.

По своему характеру Ксенофонтъ былъ истиннымъ Аѳиняниномъ и, хотя не отличался выдающимися чертами, если сравнить его съ Перикломъ и Ѳукидидомъ, за то ближе ихъ подходилъ къ типу средняго человѣка того времени. Первая особенность, поражающая насъ въ немъ, это постоянно проявляющаяся религіозность, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывающаяся простой осторожностью относительно боговъ, а не истинной набожностью. Въ своемъ повѣствованіи о происшествіяхъ, сопровождавшихъ конецъ Отступленія, и объ общихъ дѣлахъ того времени, передаваемыхъ имъ, какъ историкомъ, Ксенофонтъ обнаруживаетъ гораздо менѣе честности и искренности, чѣмъ его скептическій предшественникъ. Въ немъ замѣчается не мало тщеславія и эгоизма, соединенныхъ съ недобросовѣстностью, которая лишила насъ возможности имѣть портретъ Эпаминонда, сдѣланный рукой одного изъ немногихъ современниковъ, способныхъ оцѣнить его военный гений. Но Ксенофонтъ такъ старательно превозноситъ Агезилая и Спартакцевъ, что скрываетъ отъ насъ истиннаго героя эпохи. Въ свое время мы разсмотримъ вопросъ, насколько подобный односторонній способъ историческаго бытописанія могъ быть вызванъ вліяніемъ Исократы.

§ 476. Обзоръ трудовъ Ксенофонта показываетъ, что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ писателей, сочиненія которыхъ, подобно Платоновымъ, дошли до насъ въполнѣ. Темные вѣка невѣжества не потребовали съ него дани забвенія. Древніе насчитывали до сорока произведеній, что въполнѣ совпадаетъ съ числомъ подраздѣленій

²⁸⁷⁾ II, 6. 56: κατέστρεψε δὲ, κατὰ φησὶν Στράβωνος ὁ Ἀθηναῖος ἐν τῇ τῶν ἀρχόντων καὶ Ὀλυμπιονικῶν ἀναγραφῇ, ὅτι πρῶτον τῆς πέμπτης καὶ ἑκατοστῆς Ὀλυμπιάδος, ἐπὶ ἀρχόντος Καλλιδηρίδου, ἐφ' οὗ καὶ Φίλιππος ὁ Ἀρμόντου Μακεδόνων ἦρξε.

нашей коллекціи; нѣтъ ни одного сочиненія, упоминаемаго ими, которое мы не нашли бы въ своемъ каталогѣ, даже въ томъ случаѣ, если цитаты изъ нихъ не могутъ быть провѣрены нашими текстами. Что касается хронологіи сочиненій, то достаточно вѣроятно, что одно изъ нихъ, именно изслѣдованіе объ аѳинской конституціи, значительно древнѣе всѣхъ остальныхъ. Но, хотя принятая теперь ранняя дата рожденія Ксенофонта дѣлаетъ авторство его въ этомъ случаѣ возможнымъ, большинство хорошихъ критиковъ единодушно признало это изслѣдованіе произведеніемъ анонимнымъ, вставленнымъ въ собраніе сочиненій Ксенофонта лишь вслѣдствіе сходства съ подлиннымъ трактатомъ о лакедемонскомъ государственномъ строѣ. Предполагаемое въ этомъ сочиненіи положеніе аѳинскихъ дѣлъ не могло имѣть мѣста послѣ 425 года до Р. Х.; такимъ образомъ (не считая отрывка Горгія), мы имѣемъ передъ собою самый ранній изъ уцѣлѣвшихъ образцовъ аттической прозы, такъ какъ все, что осталось послѣ Антифона, относятъ къ позднѣйшему періоду его дѣятельности.

Но этимъ изчерпывается случайное единодушіе критиковъ относительно этого крайне любопытнаго изслѣдованія, — если мы исключимъ ихъ гармоническій хоръ жалобъ на плачевное и искаженное состояніе текста. Въ самомъ дѣлѣ, справимся ли мы съ критическимъ предисловіемъ Заунпе, мы увидимъ, что даже относительно даты появленія этого изслѣдованія мнѣнія расходятся съ приведеннымъ нами и что нѣкоторые критики относятъ его появленіе къ македонскому періоду; крайнее воззрѣніе это поддерживается даже Бернгарди ради высказаннаго въ текстѣ мнѣнія²⁸⁸), будто аттическое нарѣчіе было смѣсью всѣхъ остальныхъ діалектовъ. Относительно личности автора велась столь же яростная и бесплодная полемика. Немногіе только ученые поддерживали права Ксенофонта, не смотря на то, что Кобе, повидимому, допускаетъ ихъ. Кромѣ Фукидида, авторомъ этого произведенія называли Критія и Аливиада, на томъ основаніи, что оно очевидно написано аѳинскимъ аристократомъ, врагомъ демократіи, защищавшимъ однако выгоду политики демоса. Оба эти предположенія кажутся мнѣ несостоятельными, такъ какъ все, что намъ извѣстно о Критіѣ, обнаруживаетъ въ немъ риторика, гораздо болѣе искуснаго, чѣмъ авторъ настоящаго изслѣ-

²⁸⁸) ἔπειτα φωνὴν πᾶσαν ἀκούοντες ἐξελεῖσαντο τοῦτο μὲν ἐκ τῆς τοῦτο δὲ ἐκ τῆς, καὶ οἱ μὲν Ἕλληνες ἰδιᾷ μᾶλλον καὶ φωνῇ καὶ διαίτη καὶ σχήματι χρωῖνται, Ἀθηναῖοι δὲ κέκραμεν, ἐξ ἀπάντων τῶν Ἑλλήνων καὶ βαρβάρων. (II, 8). Это весьма странное заявленіе.

дованія, и мы можемъ быть вполне увѣрены, что онъ не сталъ бы писать въ защиту демоса ни съ какой точки зрѣнія. Что касается Алкивиада, то въ нашемъ изслѣдованіи есть одна фраза, какъ будто прямо направленная противъ него: «Я дѣйствительно оправдываю демократическія наклонности въ черни, такъ какъ естественно, чтобы каждый заботился о себѣ; но тотъ, кто не принадлежитъ къ ней, а все таки предпочитаетъ жить подѣ демократическимъ, а не олигархическимъ управленіемъ, готовится (очевидно) совершить преступленіе и знаетъ, что для преступника легче жить въ демократическомъ, чѣмъ въ олигархическомъ государствѣ». Это—сужденія олигарха о своихъ товарищахъ, усвоившихъ радикальные или вигскіе политическіе взгляды и играющихъ роль демократическихъ вождей.

Отъ этихъ безплодныхъ изысканій мы перейдемъ къ другому спорному вопросу — о первоначальной формѣ и цѣли трактата. Иные объясняютъ его складъ, состоящій изъ вопросовъ и отвѣтовъ, тѣмъ, что это было простое, непринужденное письмо; другіе (Кобе и Ваксмуть) утверждаютъ, что это былъ старинный діалогъ, перекроенный въ форму аргумента рукою неопытнаго писателя; въ свою очередь другіе критики, въ родѣ Кирхгофа, анализировали это произведеніе фраза за фразою и провозгласили его простымъ собраніемъ плохо сопоставленныхъ отрывковъ. Но Кирхгофу удалось расплавить въ своемъ горнилѣ даже Демосеенову рѣчь о вѣнкѣ; не думаю, чтобы какая либо, самая простая рѣчь, въ родѣ, напримѣръ, рѣчей Андокида, доставила ему меньше случая къ нападкамъ, чѣмъ это изслѣдованіе. Если оно, дѣйствительно, было раннимъ опытомъ аттической прозы, когда не было еще образца для систематически-изложеннаго трактата, за исключеніемъ развѣ немногихъ діалоговъ Зенона, то мы по справедливости можемъ надѣяться встрѣтить въ немъ разговорный слогъ съ вопросами и отвѣтами, точно также, какъ быстрые переходы безъ строго-логической связи. И въ самомъ дѣлѣ, Реттигъ доказалъ въ своемъ тщательномъ изслѣдованіи ²⁸⁹⁾, что съ помощью незначительной перестановки заключительныхъ параграфовъ всему трактату можетъ быть придана правильная форма.

Переходя къ содержанію этого произведенія, читатель найдеть въ немъ одинъ изъ наиболѣе интересныхъ и поучительныхъ документовъ того времени, замѣчательный по своему макиавеллическому тону, по невозмутимому равнодушію къ правотѣ или неправотѣ дѣла, какъ къ чему-то, не относящемуся къ предмету, и по обсужденію въ немъ, напр., такого вопроса: допустивъ законность демократизма, достаточны-ли средства афинской демократіи для

²⁸⁹⁾ Die Planmässigkeit der 'Aḡravaiwv πολιτεία, Wien, 1877.

ея сохраненія? Если-бъ Маккиавелли написалъ предположенный имъ трактатъ о Республикѣ въ дополненіе къ своему *Principe*, онъ навѣрно выставилъ бы весьма схожія аргументы, хотя и освѣщенный историческими доказательствами, уже употребленными Аристотелемъ и вполне чуждыми разсматриваемому нами автору. Такимъ образомъ, характеръ нашего писателя однороденъ съ характеромъ школы Антифона и Фукидида, а не Платона или Ксенофонта. Привожу образецъ его слога ²⁹⁰).

Въ дополненіе къ тексту Зауппе (Таухницъ) можно рекомендовать изданія Кирхгофа (Берлинъ 1874) и Ваксмута (Геттингенск. Программа, 1874 г.); предисловія Зауппе и Ваксмута, статья Кирхгофа въ Трудахъ берлинской академіи (1874) и критическій разборъ Реттигомъ этого и другихъ сочиненій (*Zeitschrift für öst. Gymn.* 1877) удовлетворяютъ большинство читателей и укажутъ людямъ неутомимымъ множество частныхъ изслѣдованій для справокъ.

§ 477. Размѣстить хронологически остальные приписываемыя Ксенофонту сочиненія весьма трудно, и самыя противоположныя мнѣнія по этому вопросу нашли такихъ выдающихся и искусныхъ защитниковъ, что въ чисто практическомъ обзорѣ, въ родѣ настоящаго, мнѣ кажется всего лучше передать только мое собственное мнѣніе, специалистамъ же указать на критическое предисловіе къ изданію Зауппе, заключающее въ себѣ весь обзоръ полемики вплоть до 1866 г. Меня поражаетъ, что тѣ же самые люди, которые думаютъ, что Ксенофонту было сорокъ лѣтъ, когда онъ присоединился къ экспедиціи Кира, увѣрены также и въ томъ, что онъ не писалъ ничего вплоть до своего возвращенія. Я не могу повѣрить, чтобы хорошо воспитанный, уже не молодой человѣкъ не писалъ ничего въ теченіе долгихъ лѣтъ вынужденной праздности или, по

²⁹⁰) II, §§ 14—16: 'Ενός δὲ ἐνδεεῖς εἰσιν· εἰ γὰρ νῆσον οἰκοῦντες θαλαττοκράτορες ἦσαν Ἀθηναῖοι, ὑπῆρχεν ἂν αὐτοῖς ποιεῖν μὲν κακῶς, εἰ ἤθούλοντο, πάσχειν δὲ μηδὲν, ἕως τῆς θαλάττης ἥρχον, μηδὲ τηρῆσθαι τὴν αὐτῶν γῆν μηδὲ προσδέχεσθαι τοὺς πολεμίους· νῦν δὲ οἱ γεωργοῦντες καὶ οἱ πλούσιοι Ἀθηναίων ὑπερχόνται τοὺς πολεμίους μᾶλλον, ὃ δὲ δῆμος, ὅτε εὖ εἰδὼς ὅτι οὐδὲν τῶν σφῶν ἐμπρήσουσιν οὐδὲ τεμποῦσιν, ἀδεῶς ζῇ καὶ οὐχ ὑπερχόμενος αὐτοῖς. πρὸς δὲ τοῦτοις καὶ ἑτέρου θένους ἀπηλλαγμένοι ἂν ἦσαν, εἰ νῆσον φύουν, μηδέποτε προδοθῆναι τὴν πόλιν ὑπ' ὀλίγων μηδὲ πύλας ἀνοικθῆναι μηδὲ πολεμίους ἐπεισεπεῖν· πῶς γὰρ νῆσον οἰκούντων ταῦτ' ἂν ἐγίγνετο; μηδ' αὖ στασιάζει τῷ δήμῳ μηδὲν, εἰ νῆσον φύουν· νῦν μὲν γὰρ εἰ στασιάζειεν, ἐλπίδα ἂν ἔχοντες ἐν τοῖς πολεμίοις στασιάζειαν, ὥς κατὰ γῆν ἐπαχόμενοι· εἰ δὲ νῆσον φύουν, καὶ ταῦτ' ἂν ἀδεῶς εἶχεν αὐτοῖς. ἐπειδὴ οὖν ἐξ ἀρχῆς οὐκ ἔφυγον οἰκίσαντες νῆσον, νῦν τὰδε ποιοῦσι· τὴν μὲν οὐσίαν ταῖς νήσοις παρατίθενται, πιστεύοντες τῇ ἀρχῇ τῇ κατὰ θάλατταν, τὴν δὲ Ἀττικὴν γῆν περιορῶσι τεμνομένην, γινώσκοντες ὅτι εἰ αὕτῃ ἐλεήσουσιν, ἑτέρων ἀγαθῶν μείζωνων στερήσονται.

крайней мѣрѣ, политической и военной бездѣтельности въ Аѣинахъ, и, прослуживъ нѣсколько лѣтъ наемникомъ, принялся бы вдругъ писать безостановочно только потому, что былъ изгнанъ изъ родины и жилъ въ охотничьей странѣ.—Нѣтъ причины утверждать, чтобы вплоть до 393 года Ксенофонтъ приостановилъ свои странствія или походы; такимъ образомъ онъ началъ бы свою литературную карьеру болѣе пятидесяти лѣтъ отъ роду. Кобе, разумнѣе относящійся къ вопросу о сравнительной молодости Ксенофонта во время его служенія у Кира, считаетъ пылкость тона его Трактата объ охотѣ вѣрнымъ доказательствомъ того, что это было юношеское сочиненіе,—предположеніе весьма неправдоподобное на томъ основаніи, что Аттика была заселена на столько густо, что «въ ней нельзя было найти ни одного зайца», и что Скиллъ былъ естественнымъ центромъ для интересовъ подобнаго рода. Быть можетъ, Кобе мало знакомъ съ охотничьимъ міромъ, гдѣ самые рьяные любители подчасъ именно тѣ, которые всего дольше предавались этому упражненію. По моему мнѣнію, продолженіе труда Фукидида,—мысль о которомъ была, быть можетъ, навѣяна ему переходомъ въ его руки неоконченной рукописи, было его первымъ произведеніемъ. Въ немъ мы не видимъ слѣда лаконизмовъ или той исторической пристрастности, которая развилась въ немъ въ позднѣйшіе годы. Весьма вѣроятно, въ самомъ дѣлѣ, что этотъ трудъ былъ написанъ около 400 года до Р. Х., какъ разъ передъ отъѣздомъ Ксенофонта въ Азію²⁹¹⁾; я не полагаю также, чтобы заключительная фраза, въ которой сказано, что «послѣ амнистіи Аѣиняне живутъ въ полномъ политическомъ согласіи и даже до настоящаго времени исполняютъ свои обязательства», указывала на истеченіе многихъ лѣтъ. Истинная опасность грозила собственно въ первые два года, которые, какъ я полагаю, уже тогда прошли; однако демось все еще былъ твердъ и исполнялъ свои обѣщанія. Та же фраза употреблена, безъ сомнѣнія, и въ концѣ Жизни Секрата, написанной, по всему вѣроятію, лѣтъ десять или двѣнадцать послѣ изображенныхъ имъ событій; въ ней авторъ говоритъ, что народъ «все еще» жалѣетъ о своей утратѣ. Но эти два случая вовсе не тождественны. Нельзя также утверждать, чтобы эта неопредѣленная фраза изображала при каждомъ своемъ употребленіи соответствующій промежутокъ времени.

²⁹¹⁾ Я вижу, что многіе изъ іонизмовъ и доризмовъ, подмѣченныхъ Кобе у Ксенофонта и считаемыхъ признакомъ пребыванія автора вдали отъ чистаго нарѣчія Аттики, взяты имъ изъ позднѣйшихъ сочиненій, и что ихъ весьма мало въ раннемъ его произведеніи, *Hellenica* (въ особенности въ I и II книгахъ). Тоже самое доказываетъ, повидимому, *Lexilogus* Зауппе.

Гораздо лучше будетъ оставить эти неудовлетворительныя разсѣдованія и подраздѣлить сочиненія Ксенофонта не по времени, что неисполнимо, а по главному сюжету. Они легко распадутся тогда на четыре отдѣла: на историческія сочиненія, на сократическія, на опыты о Политической философіи, къ которымъ, быть можетъ, умѣстно будетъ присовокупить трактатъ объ аттическихъ доходахъ, наконецъ на техническія статьи о лошадяхъ, охотѣ и завѣдываніи конницею. Первый отдѣлъ естественно распадается на слѣдующіе разряды: во первыхъ, на раннія книги *Hellenica*, доходящія вплоть до реставраціи демократіи при Θразибулѣ; потомъ на *Анабазисъ*, или экспедицію Кира, вмѣстѣ съ отступленіемъ греческихъ союзниковъ и описаніемъ ихъ судьбъ въ Малой Азіи подъ главенствомъ Спарты. За этой громадной вставкой въ *Эллинскихъ дѣлахъ*, прямо такъ и обозначенной при началѣ 3 книги, слѣдуетъ остальная часть греческой исторіи (книги 3—7) вплоть до битвы при Мантиней и смерти Эпаминонда. Агезилай, т. е. панегирикъ спартанскому царю составляетъ что-то въ родѣ приложенія къ этимъ сочиненіямъ, которое оправдываетъ преувеличенную оцѣнку этого царя, встрѣчающуюся въ позднѣйшей части *Эллинскихъ дѣлъ*.

§ 478. Первоначальныя *Hellenica* или Хроники (Θукидида), какъ ихъ иногда называютъ, составляютъ, несомнѣнно, наиболѣе надежную часть историческаго вклада Ксенофонта, хотя и все остальное весьма цѣнно, и проливаетъ передъ нами свѣтъ въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ измѣняютъ болѣе древніе и великіе историки. Въ это время въ авторѣ не развилось еще то личное тщеславіе, которое въ *Анабазисѣ* побуждало его оправдывать всѣ свои дѣйствія; точно также не видно еще въ немъ и того рабскаго поклоненія Агезилаю, которымъ заражены его позднѣйшіе историческіе труды. Въ *Хроникахъ* онъ слѣдитъ за ходомъ Пелопоннесской войны съ 411 года до Р. Х. до реставраціи Θразибула (403—2 до Р. Х.). Дѣло при Аргинузахъ, правленіе Тридцати тирановъ и окончательное рѣшеніе великой войны—вотъ главные событія, имъ изображенныя. Многіе замѣчательные характеры—Лизандръ, Калликратидъ, Θерамень—были бы намъ почти совершенно неизвѣстны, не будь его сочиненій; въ особенности Калликратидъ онъ изобразилъ, быть можетъ безсознательно, болѣе благородными чертами, чѣмъ какого либо другаго Спартанца. Гротъ не доволенъ его отчетомъ о дѣлѣ полководцевъ послѣ Аргинузовъ, но какая бы запутанность ни встрѣчалась въ повѣствованіи, она должна скорѣе быть приписана противорѣчивости самихъ данныхъ, чѣмъ отсутствію искренности со стороны историка. Все повѣствованіе, равно какъ и вставленныя въ него рѣчи, хотя читаются легко и при-

ятно, лишены однако силы и паѳоса Фукидида. Самымъ эффектнымъ эпизодомъ является процессъ и смерть Терамена, которому Ксенофонтъ, видимо, сочувствовалъ.

§ 479. Во вступленіи къ третьей книгѣ Эллиническихъ дѣлъ, въ которой авторъ продолжаетъ свой разсказъ въ позднѣйшіе годы и уже измѣнившимся тономъ, онъ говоритъ, что сношенія Кира съ Лакедемонянами и его послѣдующій походъ противъ царя, его смерть и отступление греческихъ наемниковъ къ морю,—что все это описано Сиракузяниномъ Темистогеномъ. Ни у кого кромѣ Свиды личность эта не упоминается въ числѣ писателей, и нашъ Анабазисъ²⁹²), хотя и изданный анонимно, представляетъ такое внутреннее сходство со стилемъ Ксенофонта, что въ древнія времена произведеніе это единодушно приписывалось ему. Вопросъ состоитъ въ томъ, хотѣлъ ли Ксенофонтъ, чтобы его сочиненіе приписывалось другому лицу, или дѣйствительно существовалъ болѣе ранній Анабазисъ, потерявшійся въ послѣдствіи или вполне затемненный нынѣ существующимъ сочиненіемъ. Понятно, что какъ относительно этого, такъ и вообще всѣхъ касающихся до Ксенофонта вопросовъ образовалась цѣлая бібліотека полемическихъ статей. По мнѣнію Плутарха, авторъ полагалъ, что его самохвалство покажется болѣе правдоподобнымъ, если ему придать форму свидѣтельства лично не заинтересованнаго писателя. Инымъ представлялась мысль о скромности со стороны Ксенофонта,—но эта теорія, вполне игнорируетъ все, что намъ извѣстно о его характерѣ. Другіе опять думали, что онъ развилъ ядро небольшого разсказа Темистогена; противъ этого возстаютъ придирчивые критики, усматривающіе слѣды пробѣловъ и пропусковъ въ работѣ и считающіе Анабазисъ простой компиляціею. Любопытно, что авторъ третьей книги не только сплошь говоритъ о Ксенофонтѣ въ третьемъ лицѣ, но дѣлаетъ даже часто видъ, будто самъ не былъ свидѣтелемъ происшествія. Такъ, напримѣръ²⁹³), описывая сцену, гдѣ присутствіе Ксенофонта было только что указано, авторъ продолжаетъ: «но и тѣ которые люди утверждаютъ, будто они (Греки при Кунаксѣ) ударили щитами по копьямъ, чтобы пугать лошадей». Мьюръ приводитъ нѣсколько подобныхъ примѣровъ²⁹⁴). Съ другой стороны, есть мѣста, въ родѣ монолога Ксенофонта, пробуждающа-

²⁹²) Мы говоримъ обыкновенно объ «Отступленіи десяти тысячъ», въ то время какъ Ксенофонтъ озаглавливаетъ свое сочиненіе «Экспедиція (или походъ вверхъ по странѣ) Кира».

²⁹³) I, 8, 18.

²⁹⁴) V, стр. 368.

госа отъ сна въ знаменательную ночь послѣ измѣническаго убіенія полководцевъ, которыя едва ли могли быть написаны кѣмъ либо другимъ, даже допустивъ между греческими историками господство обычая снабжать въ своихъ повѣствованіяхъ знаменитымъ ораторовъ готовыми рѣчами.

Однако писатели того времени, въ родѣ Исократы, хотя и хорошо знакомые съ исторіею отступленія и часто упоминающіе о немъ, какъ о великомъ военномъ подвигѣ, ни разу не говорятъ о Ксенофонтѣ, какъ объ одномъ изъ его руководителей. Это молчаніе со стороны Исократы кажется мнѣ такъ страннымъ, что я предполагаю, не читалъ ли онъ первоначальный и болѣе краткій АнабазисъThemistogena, гдѣ роль Ксенофонта была далеко не столь выдающеюся; не захотѣлъ ли наконецъ самъ Ксенофонтъ, въ отвѣтъ на неблагоприятные отзывы о его сношеніяхъ съ Аѳинами и Спартою, приняться за это безвѣстное произведеніе и вновь издать его съ большими дополненіями, почерпнутыми изъ собственныхъ воспоминаній. Изъ этого возникла смѣсь впечатлѣній очевидца съ наблюденіями, взятыми изъ вторыхъ рукъ, точно также, какъ и встрѣчающіяся въ позднѣйшей части повѣствованія не особенно вѣскія извиненія и самооправданія, которыя Мьюръ обличилъ съ большимъ остроуміемъ. На основаніи этой теоріи вступительная замѣтка къ третьей книгѣ Hellenica, которая могла бы съ такой же справедливостію считаться заключительнымъ періодомъ болѣе ранней второй книги, была написана прежде, чѣмъ Ксенофонтъ передѣлалъ первоначальное сочиненіе, такъ какъ съ той минуты его авторскія права не представляютъ уже никакого сомнѣнія и напускная скрытность его становится смѣшною; этимъ объяснилась бы и рѣзкость переходовъ, дѣйствительно встрѣчающаяся въ настоящемъ сочиненіи, а еще болѣе 472 слова, открытыя, благодаря терпѣнію Заупе и другихъ, — слова, которыхъ Ксенофонтъ не употреблялъ въ другихъ мѣстахъ (aut pectus).

Было бы совершенно бесполезно представить здѣсь хотя бы бѣглое описаніе главнаго сюжета Анабазиса, такъ какъ его можно найти въ каждой элементарной исторіи Греціи и съ большою полнотою подробностей въ капитальномъ произведеніи Грота.

§ 480. Что касается историческихъ достоинствъ сочиненія, то большинство критиковъ приходитъ въ безграничный восторгъ отъ его совершенствъ и считаетъ его самымъ точнымъ и вѣрнымъ описаніемъ весьма важнаго эпизода греческой исторіи. Даже Гротъ, очень осмотрительно и критически принимающій показанія Эллинистикъ, дѣлаетъ, забываетъ здѣсь всякую осторожность и видитъ въ Ксенофонтѣ идеальнаго аѳинскаго джентльмена и роскошный образецъ результатовъ демократическаго воспитанія. Эта смѣсь скептицизма и

легковѣрія составляетъ любопытную черту, часто проявляющуюся въ великомъ произведеніи Грота. Мы не столько удивились бы ей у простыхъ филологовъ. Но даже многіе изъ нихъ, а съ ними вмѣстѣ и Мьюръ въ одной изъ лучшихъ главъ своего труда, подозрѣвали, что, какъ историческое сочиненіе, Анабазисъ, пожалуй, не добросовѣстиѣ позднѣйшей Hellenica и что авторъ не боясь противорѣчій, такъ какъ всѣ главныя дѣйствующія лица уже умерли или разсѣялись во всѣ стороны, могъ придать себѣ значеніе, вовсе не вытекающее изъ самихъ фактовъ. Онъ — душа отступленія, никогда не ошибается, всегда думаетъ о надлежащемъ дѣлѣ и произноситъ надлежащее слово. Если-бъ его подвиги дѣйствительно соотвѣтствовали его описанію, то было бы весьма странно, почему Ксенофонтъ не пользовался репутаціею одного изъ первыхъ полководцевъ своего вѣка, а между тѣмъ, мы нигдѣ не видимъ его въ этой роли, никогда не замѣчаемъ, чтобы съ нимъ совѣтовались по военнымъ вопросамъ.

Мы видимъ въ этомъ случаѣ разительный примѣръ силы литературнаго таланта. Ясный и чарующій рассказъ о приключеніяхъ автора, его напускная скромность и чувство достоинства, его откровенность, кажущаяся наивность и набожность — всѣ эти увлекательныя качества заставили насъ позабыть, что онъ, собственно говоря, защищаетъ свое личное дѣло, не допуская никакого возраженія, между тѣмъ, какъ даже изъ его описанія видно, что его поведеніе относительно товарищей было подъ конецъ кампаніи сомнительное и предательское. Во всякомъ случаѣ, современники судили о немъ, повидимому, совершенно иначе, чѣмъ масса критиковъ нашего времени. Книга его знакома каждому школьнику, и ни одинъ изъ дѣятелей греческой исторіи не выступаетъ такъ рельефно передъ нами во всемъ классическомъ мірѣ. Это только справедливая дань его слогу и его жизни, исполненной приключеній. Въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, отступленіе десяти тысячъ было главнымъ образомъ важно, какъ доказательство внутренней слабости персидской имперіи и какъ указаніе всякому честолюбивому Греку на возможность ниспровергнуть ее, но для насъ самыя полезныя и интересныя поученія заключаются въ послѣднихъ книгахъ, гдѣ описана судьба войска послѣ того, какъ оно уже достигло моря. Ихъ гораздо менѣе читаютъ и издаютъ, чѣмъ раннія книги, и школьники рѣдко добираются до нихъ. А между тѣмъ тутъ только находимъ мы ясный и обстоятельный отчетъ о дѣйствіяхъ наемной рати, не поглощенной обязанностями похода, тутъ только видимъ мы, какимъ бичемъ была для всей окружающей страны подобная сила, готовая безразлично разграбить греческое или варварское поселеніе. Одновременно съ этимъ видимъ мы среди наемниковъ и силь-

ное чувство внѣшней религіозности, зависимость отъ сновъ и предзнаменований, страхъ передъ гнѣвомъ боговъ; все это поражаетъ насъ въ произведеніяхъ Ксенофонта, образуя контрастъ съ характеромъ еукидидовыхъ произведеній. Черты эти сильно напоминаютъ намъ Великое Каталонское общество, чьи набожные слова и ужасающіе поступки составляютъ такую интересную главу въ исторіи Византійской имперіи и Греціи во времена франкскаго владычества. Въ послѣдней части Анабазиса встрѣчается не мало интересныхъ подробностей о нравахъ и обычаяхъ дикихъ племенъ, жившихъ вдоль береговъ Понта Евксинскаго, о нравахъ двора Севеа и о социальномъ положеніи его царства.

§ 481. Оговорка, касающаяся жизни Ксенофонта съ его дѣтьми въ Скиллі²⁹⁵), доказываетъ, что сочиненіе это было выпущено въ свѣтъ лишь много лѣтъ послѣ его возвращенія, приблизительно около 380 г. до Р. Х. Ему было бы не возможно возстановить всѣ подробности съ такой точностью, если-бъ онъ или не записалъ въ свое время своихъ замѣтокъ, или не положился на какую нибудь прежнюю исторію Отступленія. Мнѣ кажется невѣроятнымъ (если Ксенофонтъ дѣйствительно велъ журналъ съ намѣреніемъ его издать), чтобы онъ медлилъ его окончаніемъ въ такое время, когда вся Греція была заинтересована столь замѣчательнымъ и важнымъ походомъ. Промедленіе это могло бы быть объяснено существованіемъ ранняго произведенія Фемистогена, о которомъ я говорилъ выше, а быть можетъ, также и страхомъ встрѣтить со стороны живыхъ еще въ то время вождей порицаніе или опроверженіе, если-бъ онъ такъ рельефно выставилъ на показъ свою собственную доблесть, пока они были на лицо, чтобы его опровергнуть.

Ничто не поражаетъ насъ такъ сильно въ концѣ его исторіи, какъ безпредѣльная власть, выказанная спартанскими адмиралами и военачальниками во всѣхъ эллинскихъ странахъ и жестокое, произвольное пользованіе этой властью. Ксенофонтовъ законизмъ еще не на столько развитъ въ немъ въ это время, чтобы помѣшать ему вѣрно изобразить положеніе вещей; его собственная подчиненность Спартанцамъ и рѣшимость быть съ ними въ ладу, набрасывая тѣнь на его преданность товарищамъ, доказываютъ однако вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ безнадежна казалась ему всякая другая политика. Онъ могъ страшиться изгнанія изъ Аѣины, хотя только что названное отступленіе отъ главнаго сюжета изложено такъ, какъ будто оно написано послѣ его измѣны при коронейской битвѣ. Трудно даже представить себѣ мотивъ, достаточно сильный, чтобы побудить его

къ этому послѣднему шагу, кромѣ личной приверженности къ царю Агезилаю. Мы можемъ быть увѣрены, что всякій Аѳинянинъ былъ бы настолько же опьяненъ милостями спартанскаго царя, какъ нѣкоторые изъ Американцевъ—вниманіемъ европейской знати ²⁹⁶).

§ 482. Эта близость съ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ драмы навела, повидимому, Ксенофонта на мысль о продолженіи его Эллинскихъ дѣлъ, которыя онъ и довелъ до 362 года до Р. Х. и закончилъ битвою при Мантинѣѣ. Въ этомъ трудѣ мы впервые встрѣчаемся съ образцомъ того низменнаго вида исторіографіи, происхожденіе котораго можно, главнымъ образомъ, отнести къ вліянію риторовъ и, въ особенности, Исократа. Такъ какъ этотъ послѣдній завѣдомо пользовался историческими фактами съ цѣлю оправдать какую нибудь политическую мѣру; поддерживалъ старинный софистическій обычай писать панегирики, или нападки на мнѣшескія и историческія личности, гдѣ истина сознательно приносилась въ жертву ораторскимъ эффектамъ; такъ какъ онъ прямо высказывалъ взгляды на исторію, какъ на отрасль краснорѣчія, то мало-помалу возникла роковая привычка писать исторію ради какой нибудь цѣли; такимъ образомъ было покинуто блестящее направленіе, котораго придерживались Геродотъ и Фукидидъ. Благодаря этому, мы видимъ школу историковъ, въ значительной степени утратившихъ любовь и уваженіе къ истинѣ, между тѣмъ какъ ихъ изысканная риторика ничуть не выше риторики ихъ великихъ образцовъ. Послѣднія книги Эллинскихъ дѣлъ служатъ примѣромъ этой извращенной тенденціи, но здѣсь мы обладаемъ, къ счастью, нѣкоторыми средствами для ея разоблаченія. Первые книги касаются похода Лакедемонянъ въ Азію, по поводу котораго Ксенофонтъ могъ писать имъ панегирики безъ серьезнаго вреда дѣлу, хотя случайныя разсужденія о тиранническихъ поступкахъ въ Элидѣ и Фивахъ остаются у него безъ комментаріевъ, въ особенности, когда они касаются Агезилая. Но въ описаніи позднѣйшей, общегреческой исторіи, слѣдовавшей за коронейской битвою, когда вождями Греціи были Фивы и Спарта, и послѣдняя страна находилась въ приниженномъ состояніи, благодаря геніальности Пелопида и Энаминонда, вся постыдная пристрастность автора проявилась въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Вопреки сильному и здравому

народному убѣжденію, признавшему въ Эпаминондѣ величайшаго военнаго гениа эпохи, онъ превозносилъ Агезилая, человѣка второстепеннаго. Благодаря этому военные подвиги Исменія при Нариксѣ и Пелопида при Тегирѣ, т. е. побѣды Ѡиванцевъ надъ Спартою, преспокойно выпущены имъ; при Левктрѣ и въ другихъ случаяхъ имена Ѡиванскихъ полководцевъ имъ вполнѣ игнорируются, и только въ концѣ книги, когда онъ описываетъ походъ, закончившійся битвою при Мантинѣ, у него вырывается запоздавшая дань уваженія Эпаминонду, въ такой формѣ, которая доказываетъ, что народное мнѣніе (съ которымъ мы встрѣчаемся у Плутарха) тогда преобладало, и что Ксенофонтъ старался умалить его столь низкими средствами, какъ мелочныя осужденія, несправедливыя инсинуаціи. Недостойное молчаніе это тѣмъ болѣе заслуживаетъ сожалѣнія, что мы видимъ въ Ксенофонтѣ одного изъ немногихъ людей, способныхъ (если-бъ онъ только этого захотѣлъ) сообщить намъ свѣдѣнія относительно замѣчательныхъ нововведеній въ области тактики и стратегіи, сдѣланныхъ знаменитымъ Ѡиванцемъ, и о которыхъ мы находимъ лишь бѣглыя упоминанія въ рассказѣ о мантинейской битвѣ, бывшей по расположенію военныхъ силъ чѣмъ то въ родѣ Россбаха древней эпохи. Но болѣе обстоятельная критика подобныхъ вопросовъ не относится къ области исторіи литературы.

§ 483. Что касается слога Эллиническихъ дѣлъ, то заурядные читатели находятъ его обыкновенно легкимъ и пріятнымъ, хотя не лишеннымъ сухости и сжатости, такъ какъ авторъ строго ограничивался описаніемъ военныхъ дѣлъ и политическихъ переворотовъ, не позволяя себѣ никакихъ разсужденій по поводу социальныхъ или литературныхъ вопросовъ. Но болѣе строгіе критики находятъ слогъ полнымъ рѣзкихъ переходовъ, очевидныхъ пробѣловъ и перерывовъ, и видятъ въ немъ ясныя слѣды того, что сочиненіе это или осталось не оконченнымъ, или было сокращено некомпетентнымъ послѣдователемъ автора. Они замѣчаютъ даже у Плутарха доказательства того, что онъ пользовался другою, болѣе полною редакціею Эллиническихъ дѣлъ, впослѣдствіи исчезнувшею и уступившею мѣсто настоящему извлеченію еще раньше эпохи Диогена Лаэртскаго. Но всѣ подобные аргументы безспорно крайне ненадежны, благодаря отсутствію прочихъ источниковъ, которыми могъ пользоваться Плутархъ, и въ отвѣтъ на которые Ксенофонтъ написалъ, быть можетъ, свое произведеніе. Последнее предположеніе представляется мнѣ настолько правдоподобнымъ, что я думаю, не была ли книга эта написана именно въ той формѣ, въ какой она дошла до насъ, и въ отвѣтъ на энергическій и популярно изложенный панегирикъ Ѡиванскимъ вождямъ²⁹⁷⁾. Такое

²⁹⁷⁾ См. въ особенности 7, 5, 12, гдѣ авторъ какъ будто прямо возражаетъ на подобный панегирикъ.

происхожденіе объяснило бы встрѣчающіеся въ книгѣ пробѣлы переходы и намеки, не вытекающіе прямо изъ самого сочиненія, въ родѣ, напримѣръ, намекъ на славу Эпаминонда, въ самой послѣдней главѣ, между тѣмъ какъ во всемъ сочиненіи едва ли встрѣтятся упоминаніе хотя бы объ одномъ его поступкѣ. Но результаты изученія нѣмецкими критиками тѣхъ источниковъ, которыми располагалъ Плутархъ, и его способа пользованія ими ведутъ къ установленію теоріи, будто бы онъ придерживался произведенія какого нибудь позднѣйшаго историка, въ родѣ Эфора или Истера, какъ своего единственнаго руководителя для каждой отдѣльной біографіи, такъ что онъ соглашался съ болѣе древними авторитетами лишь въ томъ случаѣ, если эти авторы непосредственно черпали у нихъ. Плутархъ могъ поэтому не прямо пользоваться Ксенофонтомъ, точно также какъ онъ лишь косвенно заимствовалъ у Фукидида, составляя свои Жизнеописанія ²⁹⁸).

Во всемъ остальномъ, сочиненіе это напоминаетъ намъ скорѣе Геродота, чѣмъ Фукидида, конечно, не по слогу, а по драматическому приему, посредствомъ котораго авторъ выводитъ на сцену ораторовъ, по краткимъ рѣчамъ и діалогамъ, всюду разбросаннымъ, а главное, по постояннымъ переходамъ отъ прямыхъ рѣчей къ косвеннымъ, отъ передачи того, что было сказано другимъ лицомъ, къ подлиннымъ словамъ оратора. Приемъ этотъ такъ преобладаетъ въ данномъ сочиненіи, что онъ былъ, по всему вѣроятію, любимымъ украшеніемъ рѣчи автора. Встрѣчаются случайныя нравственныя или религіозныя разсужденія, не слишкомъ глубокія и всегда совпадающія съ настроеніемъ самого писателя. Въ сценахъ, очевидно, которыхъ былъ онъ лично, въ родѣ битвы при Коронѣ и возвѣщенія Агезилаю о побѣдѣ, одержанной надъ его отрядомъ близъ Коринѣа Ификратомъ, замѣтна большая сила въ изображеніяхъ; онъ не старается выставить своего героя обыкновеннымъ типомъ Спартанца, а рисуетъ его человѣкомъ, сраженнымъ переменою счастья, — плачущимъ отъ радости или всакивающимъ съ трона въ порывѣ дикаго возбужденія при неожиданномъ объявленіи радостной или печальной вѣсти ²⁹⁹).

§ 484. Настоящій панегирикъ спартанскаго царя дошелъ до насъ въ трактатѣ, подъ заглавіемъ Агезилай, и дающемъ очеркъ

²⁹⁸) Ср. Фольбрехта, De Xen. Hell. (Ганноверъ, 1874), стр. 19, 20, гдѣ приведены и опровергнуты аргументы Кипріана и Гроссера, главныхъ защитниковъ теоріи позднѣйшей передѣлки.

²⁹⁹) Лучшія новѣйшія изданія Hellenica принадлежатъ Брейтенбаху (1876), Бюксингютцу (1876) и Э. Курцу (Мюнхень, 1874 г.).

его жизни и дѣяній въ формѣ писаннаго похвальнаго слова, въ родѣ исократова Эвагора, служившаго, по заявленію этого оратора, образцомъ для многихъ подражателей. Большинство событій списано изъ *Hellenica*, съ выпускомъ нѣкоторыхъ непригодныхъ фактовъ и прибавкою замѣтки объ экспедиціи Агезилая въ Египетъ и его смерти, случившейся въ 360 году. Отсюда ясно, что трактатъ этотъ, если онъ подлинный, долженъ быть отнесенъ къ числу позднѣйшихъ сочиненій Ксенофонта. Но по вопросу о его подлинности мы видимъ, по обыкновенію, массу самоувѣренной и противорѣчивой критики; многіе первоклассные ученые утверждаютъ, что книга эта должна принадлежать Ксенофонтѣ, и что это видно по ея слогу и очевиднымъ заимствованіямъ изъ *Hellenica*, между тѣмъ какъ значительное число свѣдущихъ судей отвергаютъ ее именно по этой причинѣ. При такихъ обстоятельствахъ всякое новое рѣшеніе вопроса врядъ ли будетъ принято съ большимъ довѣріемъ. Риторическая напыщенность, отмѣчающая это сочиненіе на ряду съ другими подлинными произведеніями, можетъ, конечно, быть объяснена самой цѣлью, для которой оно было написано, дать образецъ эпидиктического краснорѣчія. Историческіе пропуски свойственны этому виду упражненій ³⁰⁰⁾, даже въ томъ случаѣ, если они не принадлежатъ прямо Ксенофонтѣ. Но если что нибудь напоминаетъ мнѣ работу неизвѣстнаго лица, а не агезилаева Босвелля, такъ это именно отсутствіе близкаго личнаго знакомства съ этимъ царемъ, которое въ этомъ сочиненіи не идетъ далѣе того, что даетъ намъ *Hellenica*. Есть, правда, нѣкоторыя добавленія, но странно, что Ксенофонтъ, если это сочиненіе принадлежитъ ему, не дополнилъ своего очерка личными воспоминаніями, а освѣщаетъ характеръ своего героя анекдотами. Мое подозрѣніе возбуждено, далѣе, непомѣрнымъ преувеличеніемъ потери Спартанцевъ при Левктрѣ (гл. II), будто бы состоявшей изъ половины всѣхъ гражданъ, между тѣмъ какъ въ *Hellenica* сказано, что погибло 100 человекъ изъ 700. Слогъ неровенъ и конструкція всего произведенія не согласуется съ прочими законами риторики. Такъ, напримѣръ, вступленіе состоитъ изъ трехъ краткихъ періодовъ, а въ концѣ находится полный пересказъ всего уже извѣстнаго, что совершенно вредитъ эффекту (какъ это хорошо понималъ Исократъ, когда онъ воспрещалъ подобныя повторенія въ похвальныхъ словахъ). Слѣдующая фраза является, быть можетъ, худшимъ образцомъ аллитераціи въ Горгіевомъ вкусѣ ³⁰¹⁾: νομίζων ἐν τῷ τοιοῦτῳ τό τε

³⁰⁰⁾ Въ этомъ отношеніи критика Мьюра вполне не вѣрна (V. стр. 434, 435).

³⁰¹⁾ Гл. VI. до конца.

ἀτρεμής, καὶ ἀνεκπληρότατον, καὶ ἀγορευητότατον, καὶ ἀναμαρτητότατον, καὶ δυσεπιβουλευτότατον εἶναι. Пныя изъ этихъ словъ нигдѣ не встрѣчаются болѣе у Ксенофонта; тоже самое можно сказать и о многихъ другихъ выраженіяхъ этого трактата. Но частое повтореніе ἀπαξ λεγόμενα въ каждой статьѣ или крупной работѣ Ксенофонта дѣлаетъ весьма затруднительнымъ опредѣлить ихъ подлинность на основаніи внутреннихъ признаковъ. Въ противоположность предшествующей выпискѣ привожу весьма изящно законченный періодъ: ὁ δὲ κατερία μὲν πρωτεύων, ἐνθα πονεῖν καιρός, ἀλκῇ δέ, ὅπου ἀνδρίας ἄγων, γνῶμη δέ, ὅπου βουλῆς ἔργον, οὗτος ἔμοιγε δοκεῖ δικαίως ἀνὴρ ἀγαθὸς παντελῶς ἀν νομίζεσθαι³⁰²). Здѣсь я разстанусь съ Агезилаемъ, изложивъ мои собственные доказательства противъ его подлинности, но отсылая читателя къ нѣмецкимъ критикамъ за доводами въ пользу любого изъ воззрѣній, котораго ему захочется придерживаться. — Nailstone издалъ недавно весьма удачно англійскій текстъ съ комментаріями.

§ 485. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію сократической группы сочиненій Ксенофонта, состоящей изъ Мемуаровъ, или общаго очерка Сократа, съ Экономическимъ трактатомъ, излагающимъ его взгляды на практическія дѣла, и Пира, касающагося общественныхъ развлеченій. Это изображеніе великаго философа, сдѣланное рукою преданнаго ученика, рѣзко отличается отъ только что разсмотрѣнныхъ нами панегириковъ. Вмѣсто риторическихъ періодовъ и фигуръ, къ которымъ Ксенофонтъ имѣлъ мало прирожденнаго вкуса и подготовки, мы видимъ форму безыскусвеннаго разсказа и легкаго діалога, гдѣ онъ былъ истиннымъ мастеромъ, хотя его и опередили оригинальный Геродотъ и несравненный Платонъ. Однако неподдѣльная безыскусвенность и нерѣдко встрѣчающаяся ровность тона въ его діалогахъ тѣмъ сильнѣе убѣждаютъ насъ въ его правдивости; всѣми единодушно признано, что именно у Ксенофонта должны мы искать вѣрный портретъ великаго мастера, опоэтизированнаго Платономъ и оклеветаннаго Аристофаномъ. Форма этого произведенія вовсе не нова и не создана Ксенофонтомъ, такъ какъ ею уже пользовался Іонъ Хиосскій въ Воспоминаніяхъ о своей собственной жизни и о великихъ людяхъ, съ которыми онъ сталкивался. Но Ксенофонтъ примѣнилъ эту форму къ частной цѣли изображенія жизни и характера Сократа, и остальные дѣйствующія лица должны только оттънать центральный образъ.

³⁰²) Ср. также гл. XI, § 13.

Замѣчательно, что авторъ, хотя и говорящій во всемъ этомъ сочиненіи въ первомъ лицѣ, выводитъ самого себя въ одной сценѣ третьимъ дѣйствующимъ лицомъ ³⁰³). Весь трактатъ въ цѣломъ слишкомъ безсвязенъ и многорѣчивъ, чтобы быть пріятнымъ чтеніемъ, но его можно просматривать въ разныхъ мѣстахъ съ большою пользою. При самомъ началѣ ³⁰⁴) весьма интересна защита Сократа отъ обвиненія въ томъ, будто именно онъ воспиталъ Алкивіада и Критія. Доказывается, что люди эти шли къ Сократу, чтобы пріобрѣсти значеніе благодаря сношеніямъ съ нимъ, а не для того, чтобы учиться добродѣтели, которую они презирали всегда, хотя временно и обуздывались Сократомъ. Въ остальной части труда я укажу, какъ на нѣчто особенно интересное, на *locus classicus* о выборѣ Геракла (изъ знаменитой апологіи Продика ³⁰⁵), на набросокъ Панагирика Аѳинамъ ³⁰⁶) и на весьма изящно изложенное доказательство существованія боговъ и ихъ благотворной силы, выведенное изъ первоначальныхъ причинъ ³⁰⁷) и сопровождаемое призывомъ къ набожности, которая выразить людскую признательность за эти милости.

Последняя глава ³⁰⁸) имѣетъ столько общаго съ *Apologia Socratis*, дошедшей до насъ съ именемъ Ксенофонта, что большинство критиковъ отказалось вѣрить въ подлинность обоихъ произведеній и полагаетъ, что, по крайней мѣрѣ, хоть одно изъ нихъ, а быть можетъ, и оба должны быть поддѣльными, и что болѣе обширная *Апология* была или источникомъ, или увеличенной копіею осьмой главы. Если, какъ я думаю, *Apologia* подлинное сочиненіе, то ею, по всему вѣроятію, первоначально завершались *Мемуары*, съ которыми она вполне сходна по формѣ, такъ какъ *Апология*, какъ извѣстно, не полный рассказъ, но подобно четвертому Евангелію, что то въ родѣ пополненія пробѣловъ, оставшихся въ другихъ защитительныхъ статьяхъ. Кобе ³⁰⁹) полагаетъ, что она специально предназначалась служить отвѣтомъ на обвиненіе софиста Поликрата, — риторическое упражненіе, на которое намекаетъ Исократъ въ своемъ *Бузирисѣ* (смотри выше § 448). Болѣе краткая осьмая глава была бы въ такомъ случаѣ извлеченіемъ,

³⁰³) I, 3, II.

³⁰⁴) I, 2, 12 и слѣд.

³⁰⁵) II, I, 21 и слѣд.

³⁰⁶) III, 5, 10 и слѣд.

³⁰⁷) IV, 3.

³⁰⁸) IV, 8.

³⁰⁹) *Nov. Lectt.*, 667 и слѣд.

составленнымъ и присоединеннымъ къ Мемуарамъ уже тогда, когда Аполлогія стала читаться и списываться отдѣльно. Хотя и тщательно, даже изящно написанная, въ чисто-сократовскомъ стилѣ вопросовъ, Аполлогія Ксенофонта далеко уступаетъ платоновой. Въ ней замѣтна увѣренность въ большой мудрости и набожности Сократа (что особенно видно изъ энергическаго отвѣта оракула Херефрону) и проповѣдуется эвдемоническій взглядъ на пользу смерти послѣ бодрой старости, которымъ Сократъ утѣшаетъ себя. Онъ находитъ положительно выгоднымъ умереть прежде, чѣмъ его покинули его способности и друзья. Старость, не надо забывать, не пользовалась въ Аѳинахъ тѣмъ уваженіемъ, какъ у насъ.

Признаки времени въ Мемуарахъ и Аполлогіи немногочисленны и ненадежны. Въ первомъ сочиненіи авторъ говоритъ ³¹⁰⁾, что «все еще» чувствуется потеря Сократа (*ἐτι καὶ νῦν διατελοῦσι πάντων μάλιστα ποιοῦντες αὐτόν*), что какъ бы указываетъ на истеченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ со времени его казни. Въ Аполлогіи есть не только намекъ на смерть Анита, но и на завѣдомую склонность къ пьянству и на развращеніе его сына, что заставляетъ предполагать довольно значительный промежутокъ времени. Тѣмъ не менѣе, зная измѣнчивость настроенія аѳинскаго общества, я не полагаю, чтобы мемуары произвели бы какой-нибудь эффектъ или Аполлогія нашла читателей черезъ много лѣтъ послѣ смерти Сократа. Если это такъ, то этотъ очеркъ его личности долженъ быть отнесенъ къ той эпохѣ, когда Ксенофонтъ впервые пользовался литературными досугами въ Скиллѣ около 493 года до Р. Х.

Текстъ менѣе искаженъ, чѣмъ въ большинствѣ извѣстныхъ намъ рукописей сочиненій Ксенофонта; критики не находили, съ своей стороны, никакихъ недостатковъ въ логической связи различныхъ сюжетовъ, послѣдовательно разбираемыхъ авторомъ (за исключеніемъ послѣдней главы Мемуаровъ). Англійскіе ученые обращали мало вниманія на эти трактаты; въ послѣдніе годы они болѣе увлекаются школьными потребностями, чѣмъ внутренними достоинствами, или интересомъ, представляемымъ греческими классиками. Наиболѣе полныя свѣдѣнія (кромѣ тѣхъ, которыя сообщаются о Сократѣ въ исторіяхъ философіи) могутъ быть найдены въ изданіяхъ Брейтенбаха (изд. 5, Берлинъ, 1878 г.) и Кюнера и въ предисловіи къ тексту Зауппе.

§ 486. Экономическій трактатъ, который по формѣ представляется какъ бы частью Мемуаровъ, и даже начинается съ

³¹⁰⁾ Мем., IV, 8, 11.

связующей частицы, въ сущности совершенно независимое изслѣдованіе и единственный сократическій діалогъ Ксенофонта, который можетъ сравниться по достоинству съ платоновыми діалогами. Здѣсь Ксенофонтъ уже не простой ученикъ, а независимый мыслитель, высказывающій взгляды, иногда даже противорѣчащіе взглядамъ его наставника. Весьма характерно однако, что въ то время, какъ Платонъ поступалъ такъ въ области умозрѣній, Ксенофонтъ дѣлалъ тоже самое въ практическихъ вопросахъ и въ примѣненіи къ земледѣлю. Діалогъ этотъ очень разнообразенъ по содержанію и, за исключеніемъ технической части, весьма интересенъ. Начинается онъ съ мнимаго заявленія Сократа, будто онъ желаетъ сдѣлать моднаго и честолюбиваго Критобула хорошимъ хозяиномъ, такъ какъ, если его средства значительны, то этому соотвѣтствуютъ и его расходы и общественный спросъ на нихъ! Собесѣдники вдаются тогда въ весьма софистическія пренія относительно точнаго значенія слово *экономія*, которое, по мнѣнію Сократа, примѣнимо къ практическому здравому смыслу во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ, а въ особенности къ управленію собственнымъ хозяйствомъ. Они толкуютъ прежде всего о хозяйкѣ дома, потомъ о поземельной собственности съ принадлежащимъ къ ней инвентаремъ, а главное, о лошадяхъ. За этимъ слѣдуетъ панегирикъ земледѣлю ³¹¹⁾, изображающій это занятіе, какъ развлеченіе, пригодное даже для персидскаго царя; приводится анекдотъ о Кирѣ и Лизандрѣ, встрѣчается наконецъ намекъ даже на смерть Кира, что звучитъ величайшимъ анахронизмомъ въ устахъ Сократа, такъ какъ онъ едва ли могъ слышать такіа подробности до возвращенія Кировыхъ войскъ, какъ разъ происшедшаго передъ его казнью. Есть прекрасное мѣсто о тиранніи страстей ³¹²⁾, написанное совершенно въ духѣ Сократа, но панегирикъ земледѣлю въ гл. V безъ всякаго сомнѣнія вполне чуждъ ему.

Вслѣдствіе этого руководящая роль перенесена тутъ съ большимъ драматическимъ тактомъ отъ Сократа къ Исхомаху, человѣку съ вѣсомъ среди землевладѣльцевъ и собственнику большаго городского дома; онъ сообщаетъ Сократу, во первыхъ, свой методъ обращенія съ женою и слугами, говоритъ, во вторыхъ ³¹³⁾ о своихъ собственныхъ житейскихъ правилахъ и развлеченіяхъ ³¹⁴⁾, наконецъ ³¹⁵⁾ о томъ, какъ

³¹¹⁾ Оеоп., гл. 4 и 5.

³¹²⁾ Гл. I, 16 и слѣд.

³¹³⁾ Гл. 6—10.

³¹⁴⁾ Гл. II.

³¹⁵⁾ Глав. 12—14.

надо обучать своего управителя. За этимъ слѣдуютъ подробности изъ земледѣльской практики ³¹⁶).

Трактатъ кончается краснорѣчивымъ возраженіемъ противъ главнаго ученія Сократа, будто знаніе есть добродѣтель, — всѣ люди понимаютъ толкъ въ земледѣліи, но многіе терпятъ неудачу потому, что изъ лѣни или неспособности руководить подчиненными, не дѣлаютъ того, что знаютъ. Подъ конецъ мы находимъ разсужденіе о божественномъ дарѣ, обучающемъ управлять людьми безъ насилія, прирожденномъ немногимъ и недоступномъ изученію. Весьма вѣроятно, что Ксенофонтъ имѣлъ тутъ въ виду Эламинонда, въ которомъ особенно превозносилъ въ концѣ Эллинскихъ дѣлъ именно этотъ даръ. Такимъ образомъ, главный ораторъ не только разъясняетъ Сократу такіе сюжеты, которыхъ онъ не понимаетъ, но и открываетъ ему важныя истины, противъ которыхъ Сократъ не возражаетъ, хотя онъ и чужды его ученію. Мы можемъ, слѣдовательно, считать этотъ трактатъ написаннымъ послѣ Мемуаровъ и предположить, что авторъ усвоилъ себѣ сначала форму діалога и приемы Сократа, но вскорѣ перешелъ къ самостоятельному тону мысли. Описаніе, сдѣланное Исхомахомъ, образцовымъ аттическимъ супругомъ, своей молодой жены, воспитанной въ полномъ невѣжествѣ относительно всего, кромѣ кухни, украшавшей себя бѣлилами, фальшивыми волосами, носившей башмаки съ высокими каблуками, хотя ей и не дозволялось выходить изъ дому, — его разсказъ о томъ, какъ онъ постепенно перевоспиталъ ее, какъ она стала умною и благородною помощницею ему, наконецъ изображеніе тѣхъ симпатичныхъ отношеній, которыя установились между двумя супругами, — все это составляетъ одну изъ лучшихъ страницъ въ греческой литературѣ ³¹⁷). Слогъ тщательный и чистый, хотя критики и находятъ въ немъ нѣкоторыя своеобразности, непривычныя Ксенофонту ³¹⁸). Въ Экономическомъ трактатѣ читатель найдетъ

³¹⁶) Гл. 14—19.

³¹⁷) Ср. Social, Life in Greece, стр. 275 и слѣд. Замѣчательно, что употребленіе всякихъ поддѣльных украшеній въ туалетѣ, такъ справедливо порицаемое здѣсь Исхомахомъ, защищается, напротивъ того, въ Киропедіи (VIII, I, 40—2) по отношенію къ персидскимъ царямъ, какъ средство импонировать (καταγοητεύειν) подданнымъ.

³¹⁸). Такъ, напримѣръ, замѣтно тщательное разнообразіе глаголовъ въ этой фразѣ (объ опасностяхъ для женской красоты отъ употребленія румянъ и другихъ искусственныхъ средствъ): ἡ γὰρ ἐξ εὐνῆς ἀλισκονταὶ ἐξανισταμένα: πρὶν παρασκευασασθαι, ἡ ὑπὸ ἰδρώτος ἐλέγχονται ἡ ὑπὸ δακρύων βασιλίζονται ἡ ὑπὸ λουτροῦ ἀλθινῶς καταπτέθρην. Приведу еще изящный отрывокъ, прославляющій земледѣліе: —XIX 17—19: Οὐκ ἔστι ταυτ, ἔφη, ὃ Σώκρατες ἀλλ' ἐγὼ καὶ πάλα: σοὶ ἔλεγον ὅτι ἡ γεωργία οὕτω φιλόφρωνος ἔστι καὶ πραεὶα τέχνη ὥστε καὶ ὀρώντας καὶ ἀκούοντας ἐπιστήμονας εὐθὺς ἑαυτῆς ποιεῖν. πολλὰ δ', ἔφη, καὶ αὐτῇ διδάσκει: ὥς ἂν κάλλιστα

многіе признаки специальныхъ свѣдѣній автора о коневодствѣ, побудившихъ его написать изслѣдованіе о лошади, а также и многія проявленія технической стороны его направленія, въ особенности, въ подробностяхъ относительно земледѣлія. Указаніе на Аспазію, какъ на авторитетъ въ вопросѣ объ обязанностяхъ мужей и женъ, возбудило большое вниманіе и помогло остроумнымъ изслѣдователямъ, въ родѣ Бекъ де Фульера ³¹⁹⁾, реабилитировать ея личность. Англійскіе читатели будутъ также очень поражены описаніемъ большого финикійскаго корабля, который публика посѣщала и восхваляла за порядокъ и дисциплину, какъ нынѣ посѣщаются за границей англійскія военныя суда. Вотъ немногія изъ указаній, почерпаемыхъ изъ чтенія этого изслѣдованія. Новѣйшій англійскій переводъ появился въ 1 томѣ *Bibliotheca pastorum* Рэскина. Послѣдняя рецензія текста принадлежитъ Шенклю.

§ 487. Перейдемъ теперь къ Пирру, діалогу написанному съ цѣлью изобразить бесѣду образованныхъ Аѳинянъ въ обществѣ и въ особенности Сократа, этого царя искусныхъ собесѣдниковъ. Сцена происходитъ во время пира, даннаго богачемъ Калліемъ въ честь своего любимца, отрока Автолика, одержавшаго побѣду въ аѳинскихъ состязаніяхъ въ 421 году до Р. Х. Когда критики выводятъ отсюда заключеніе, что Ксенофонтъ лично присутствовалъ на какомъ-нибудь банкетѣ въ этомъ году, они совершенно ошибаются относительно той непринужденности, съ которою аттическіе писатели создавали свои діалоги. Онъ былъ близокъ, говоритъ намъ Ксенофонтъ, съ собесѣдниками—вотъ и все.

Послѣ описанія необычайнаго эффекта, произведеннаго на всѣхъ присутствовавшихъ красотою Автолика, и установившагося, благодаря этому, молчанія и неловкости, появляется паразитъ или шутникъ по профессіи, быть можетъ, самый ранній изъ извѣстныхъ намъ типовъ этого рода, и гостепріимно допускается на праздникъ. Послѣ того, какъ онъ довольно безуспѣшно вставлялъ свои шут-

τις αὐτῇ χρῆτο. αὐτίκα ἀμπελος ἀναβαίνουσα μὲν ἐπὶ τὰ δένδρα, ὅταν ἔχῃ τι πλησίον δένδρου, διδάσκει ἰσταναι αὐτὴν περιπετανοῦσα δὲ τὰ σῖναρα, ὅταν ἔτι αὐτῇ ἀπαλοί οἱ βότρυες ὥσπερ διδάσκει σκιάζειν τὰ ἡλιζόμενα ταύτην τὴν ὥραν ὅταν δὲ καιρὸς ᾗ ὑπὸ τοῦ ἡλίου ἡδὴ γλοχαίνεσθαι τὰς σταφυλάς, φολλορροῦσα διδάσκει ἑαυτὴν φιλοῦν καὶ πεπαίνειν τὴν ὀπώραν, διὰ πολυφορίαν δὲ τοὺς μὲν πέποντας δεκνύουσα βότρυς, τοὺς δὲ ἔτι ὑμωτέροισι φέρουσα, διδάσκει τραγῶν ἑαυτὴν, ὥσπερ τὰ οὐκα συκάζουσι, τὸ ὀργῶν αἶε.

³¹⁹⁾ *Aspasie de Milet* (Paris, 1872.) Литература объ Экономическомъ трактатѣ, какъ полная изданія его, такъ и изслѣдованія о немъ, перечислена (вплоть до 1864 г.) въ предисловіи Зауппе. Изданіе Шнейдера (вмѣстѣ съ другими произведеніями Ксенофонта, вышедшее въ 1805 г.) и нынѣ самое полное.

ки, разговоръ становится общимъ и касается многихъ предметовъ, исключительно, впрочемъ, этического или общественного свойства. Это разнообразится представленіемъ, даннымъ труппою, похожую на труппы нашихъ цирковъ; ее вводитъ артистъ-Сиракузянинъ, раздосадованный тѣмъ преобладаніемъ, которое выпало на пиршествѣ на долю Сократа, и нѣсколько умиротворенный лишь совѣтомъ философа изобразить что-нибудь привлекательное и граціозное, а не потрясающее. Пиръ завершается тогда веселымъ изображеніемъ любви Аріадны и Вакха, представленнымъ дѣвочкою и мальчикомъ изъ труппы Сиракузянина.

Разговоръ, рѣдко останавливающийся на одномъ сюжетѣ, въ противоположность Мемуарамъ, долженъ главнымъ образомъ выдѣлять особенности каждаго изъ собесѣдниковъ. Этимъ способомъ изображены Антисоенъ, Критобулъ, Каллій и Гермогенъ, распространяющіеся каждый по очереди относительно наиболѣе выдающейся черты своего характера. Такъ Гермогенъ описываетъ свою набожность и практическіе результаты ея ³²⁰⁾ въ выраженіяхъ весьма трезвыхъ, напоминающихъ намъ Сидни Смита, когда онъ опредѣлялъ религіозность иныхъ людей словомъ *oltherworldliness* (способность быть не отъ міра сего). Обсуждаются богатство и бѣдность, красота и любовь. Последняя составляетъ главный предметъ разговора и даетъ Сократу случай произнести замѣчательную рѣчь о двухъ видахъ ея, духовной и плотской любви ³²¹⁾—отрывокъ, не уступающій лучшимъ произведеніямъ Платона.

Сходство темъ давало, конечно, поводъ ко многимъ спорамъ о соотношеніи между этимъ сочиненіемъ и платоновымъ *Пиромъ*; иные думаютъ, что Платонъ соперничалъ съ Ксенофонтомъ; другіе—что Ксенофонтъ хотѣлъ написать критику на Платона, между тѣмъ какъ ничто не доказываетъ, чтобы они желали критиковать или превосходить другъ друга. Относительно грандіозности мысли и величественности слога Платонъ, безспорно, стоитъ неизмѣримо выше, но мы съ увѣренностью можемъ сказать, что, презрительно устранивъ профессиональныхъ увеселителей, и заставивъ своихъ гостей произносить длинные рѣчи на одну и ту же тему, онъ не нарисовалъ такой вѣрной и естественной картины, какъ Ксенофонтъ, у котораго бесѣда безсвязна, часто тривіальная, иногда груба. Намъ кажется, что люди эти слишкомъ много говорятъ о себѣ, и что личные интересы, въ противоположность интересамъ болѣе обширнаго свойства, играютъ здѣсь слишкомъ выдающуюся

³²⁰⁾ IV, 47 и слѣд.

³²¹⁾ Гл. VIII.

роль. Относительно главного предмета обсуждения, любви, наши современные взгляды такъ расходятся со взглядами Сократа и его товарищей, что нужны долгое изученіе греческой жизни и глубокая симпатія къ ея изяществу и красотѣ, чтобы дать намъ возможность вынести даже то, что говорится въ видѣ шутки. Противъ серьезныхъ же заявленій Сократа нельзя сдѣлать никакихъ возраженій; мы не станемъ удивляться тому, что почтенные англійскіе филистеры, въ родѣ Мьюра ³²²), строго осуждаютъ Ксенофонта-ва Сократа и его товарищей и не видятъ въ ихъ взаимной привязанности ничего, кромѣ грубости самаго низкаго сорта. Мы не должны судить о Грекахъ столь рѣзко, такъ какъ даже божественный Платонъ понизился нѣсколько въ концѣ своего Пира, и Эпаминондъ не возвысился надъ установленными обычаями своей страны, хотя оба они были людьми геніальными и, какъ я полагаю, и набожными.

Общее мнѣніе клонится въ пользу давности Ксенофонтова Пира и предполагаетъ, что онъ былъ написанъ въ раннюю пору его литературной карьеры, какъ дополненіе къ болѣе подробному портрету Сократа. Какъ источникъ свѣдѣній относительно аттическихъ нравовъ и обычаевъ, сочиненіе это неоцѣнимо и далеко не такъ скучно, какъ болѣе обширныя произведенія Ксенофонта.

§ 488. Политическая философія его не отличалась, какъ можно думать, особенно глубокими, умозрительными свойствами. Находясь въ среднемъ возрастѣ, онъ встрѣтился съ Спартянцами, чья конституція была наиболѣе прочною и аристократическою во всей Греціи. Вслѣдствіе этого онъ взялся доказать въ особомъ изслѣдованіи, похожемъ на уже описанный трактатъ объ афинскомъ государствѣ, причины величія и прочности спартанскаго могущества. О самомъ государственномъ строѣ въ изслѣдованіи говорится, правда, мало, даже такъ мало, что его гораздо лучше было бы назвать трактатомъ о дисциплинѣ Лакедемонянъ, чѣмъ о государственныхъ учрежденіяхъ. Ликургово воспитаніе юношей, столь похожее во многомъ на воспитаніе въ нашихъ общественныхъ школахъ, военная дрессировка гражданъ, высокая степень господствующей среди нихъ дисциплины и повиновенія власти — все это изображено въ весьма эффек-

³²²) Томъ V, стр. 453 и слѣд. Читатель, желающій узнать противоположное мнѣніе, можетъ обратиться къ длинной статьѣ Реттига въ *Philologus* за 1879 г. (т. XXXVIII, часть II), гдѣ весь діалогъ обстоятельно разобранъ и изъ него извлечены всевозможныя скрытыя тонкости и нравственныя поученія. Но ученый нѣмецъ имѣетъ наивность думать, что паіс Сиракузянина былъ его сыномъ, и ничего не понимаетъ, повидимому, въ ихъ отношеніяхъ (стр. 296); нечего, кажется, говорить послѣ этого о его критическомъ чутьѣ.

ной картинѣ. Но мы ясно видимъ, что авторъ смѣшиваетъ старинныя традиціи съ современными ему фактами, и въ четырнадцатой главѣ, — если она подлинная, — прямо говорится, что въ Спартѣ наступила пора величайшаго упадка, и что идеальное состояніе, описанное въ трактатѣ, было уже дѣломъ прошлаго. Мнѣ кажется, что заключительное замѣчаніе, въ которомъ сказано, что любопытные обряды, сопровождавшіе погребеніе царей, должны были разъяснять народу, что ихъ приравняли къ героямъ, было вызвано словами Геродота³²³), утверждавшаго, что Спартянцы придерживались при этихъ случаяхъ тѣхъ же обычаевъ, что и азіатскіе варвары.

Относительно формы этого сочиненія велась обычная полемика, и даже Кобе былъ принужденъ счесть его простымъ извлеченіемъ изъ болѣе обширнаго произведенія, такъ какъ Плутархъ, часто ссылавшійся на него, какъ на авторитетъ, въ своемъ жизнеописаніи Ликурга, цитируетъ отрывки, нынѣ въ текстѣ не находящіеся. Другіе критики указывали на антагонизмъ между нимъ и Панаэнеейской рѣчью Исократа, требующею для аттической культуры того превосходства, которое Ксенофонтъ признаетъ за своими покровителями. Битва при Левктрѣ еще, очевидно, не происходила въ то время, когда писалось это сочиненіе, и четырнадцатая глава, быть можетъ, умѣстная въ къ концѣ его и нѣсколько искаженная, какъ бы соотвѣтствуетъ ослабѣвшему обаянію Спартянцевъ въ Греціи. Я не прочь считать эту главу подлинною и сохранившею почти въ своей первоначальной формѣ, такъ какъ аргументы всѣхъ сочиненій Ксенофонта отличаются одинаковою безсвязностью, и теорія компиляцій, произведенныхъ чужими руками, не можетъ наконецъ примѣляться ко всѣмъ его сочиненіямъ.

Главный интересъ изслѣдованія заключается въ описаніи государственной нравственности, одерживающей верхъ надъ обыкновенными законами цѣломудрія и безпорочности и, вводя новые обычаи и новый кодексъ морали, сохраняющей вмѣстѣ съ тѣмъ чувство чести и личнаго достоинства среди мужчинъ и среди женщинъ, которые несомнѣнно пали бы въ обыкновенномъ государствѣ. Многое въ платоновой Республикѣ явно заимствовано изъ этого замѣчательнаго общественнаго строя, въ особенности подчиненіе чистоты и неразрывности брачныхъ узъ болѣе высокому долгу, — обязанности производить здоровыхъ дѣтей для государства; но законы Платона, строго охранявшіе святость узъ въ теченіе ихъ временнаго существованія, кажутся намъ гораздо болѣе культурными, чѣмъ

³²³) VI, 58.

грубое равнодушіе Спартанцевъ, изображенныхъ Ксенофонтомъ³²⁴). Можно, правда, сомнѣваться не были ли сообщаемы имъ свѣдѣнія простыми теоретическими преувеличеніями, такъ какъ Спартанки, какими бы недостатками онѣ ни отличались, болѣе всѣхъ прочихъ греческихъ женщинъ напоминаютъ намъ нашихъ матерей семейства.

§ 489. Но, въ то время какъ Ксенофонтъ не могъ не удивляться замѣчательной силѣ и прочности спартанскаго строя, его внутрення влеченія клонились въ пользу монархической формы правленія. Онъ всю свою жизнь подчинялся какому нибудь высшему уму, котораго избиралъ своимъ руководителемъ, слушаясь его безусловно: первый и наиболѣе удачный выборъ его палъ на Сократа, потомъ на блестящаго Кира, наконецъ на второстепеннаго, но все таки способнаго Агезилая. Благодаря этому въ своемъ замѣчательномъ діалогѣ Гіеронъ, происходящемъ между этимъ тираномъ и потомъ Симонидомъ, авторъ сначала весьма краснорѣчиво изобразилъ бѣдствія и опасности, проистекающія изъ тиранніи, но вслѣдъ затѣмъ перешелъ къ хорошимъ сторонамъ единодержавнаго правленія и доказалъ, что деспотъ можетъ вести жизнь въ высшей степени полезную для народа, которымъ управляетъ. Дѣятельность честнаго человѣка безспорно гораздо счастливѣе, но и тираннія можетъ сдѣлаться не только споснымъ, но и завиднымъ положеніемъ. Форма діалога своеобразна, такъ какъ въ немъ не участвуетъ Сократъ; вообще слогъ его изобилуетъ разными прикрасами, что весьма рѣдко встрѣчается у Ксенофонта. Тѣмъ не менѣе критики почти единогласно признали его подлиннымъ, и я сознаю, что мое инстинктивное несогласіе съ ними не можетъ быть подтверждено убѣдительными доказательствами. Мѣсто, гдѣ описанъ переходъ отъ довольства частной жизни къ тревогамъ управления, принадлежитъ, быть можетъ, къ числу самыхъ эффектныхъ подробностей во всѣхъ сочиненіяхъ Ксенофонта³²⁵).

324) I, 7—10.

325) Гл. VI. §§ 1—8: Βούλομαι δέ σοι, ἔφη, ὦ Σιμωνίδη, κάκεινας τὰς εὐφροσύνας δηλοῦσαι ὅσαι ἐγὼ χρώμενος ὅτ' ἦν, ἰδιώτης, νῦν ἐπειδὴ τύραννος ἐγενόμην, αἰσθανομαι στερούμενος αὐτῶν. ἐγὼ γὰρ ξυνῆν μὲν ἡλικιώταις ἡδόμενος ἡδόμενοις ἐμοί, συνῆν δὲ ἑμαυτῷ, ὅποτε ἡσυχίας ἐπιθυμήσαιμι, διῆγον δ' ἐν συμποσίοις πολλάκις μὲν μέχρι τοῦ ἐπιλαθέσθαι πάντων εἴ τι χαλεπὸν ἐν ἀνθρωπίνῳ βίῳ ἦν, πολλάκις δὲ μέχρι τοῦ ὄδαίς τε καὶ θαλαίης καὶ χοροῖς τὴν ψυχὴν συγκαταμιγνύουσαι, πολλάκις δὲ μέχρι κοινῆς ἐπιθυμίας ἐμῆς τε καὶ τῶν παρόντων. νῦν δὲ ἀπεστέρημαι μὲν τῶν ἡδόμενων ἐμοὶ διὰ τὸ δούλους ἀντιφίλων ἔχειν τοὺς ἐταίρους, ἀπεστέρημαι δ' αὐτὸς τοῦ ἡδέως ἐκείνοισι ὁμιλεῖν διὰ τὸ μηδεμίαν ἐνόρᾳν εὐνοῖαν ἐμοὶ παρ' αὐτῶν μέλλουσαν καὶ ὕπνον ὁμοῖως ἐνέθρα φυλάττομαι. τὸ δὲ φοβεῖσθαι μὲν ὄχλον, φοβεῖσθαι δ' ἔρρημιαν, φοβεῖσθαι δὲ

§ 490. Въ этомъ произведеніи безспорно преобладаетъ изображеніе невыгодныхъ сторонъ деспотизма, но мы видимъ, что авторъ не удовлетворился этимъ и развилъ, много лѣтъ спустя, въ своемъ Воспитаніи Кира (Гіеронъ былъ, повидимому, раннимъ сочиненіемъ) свое представленіе объ идеальномъ государствѣ въ формѣ отеческой и наслѣдственной монархіи. Это очень пространный политическій романъ, гдѣ излюбленному представленію Ксенофонта придана форма біографіи древнѣйшаго, болѣе великаго Кира, въ противоположность мечтаніямъ Платона и другихъ теоретическихъ политиковъ того времени. Произведеніе это, самое объемистое и притязательное изъ всѣхъ сочиненій Ксенофонта, а, слѣдовательно, и самое скучное и всего меньше читаемое, является какъ-бы первымъ образцомъ романа въ греческой прозаической литературѣ. Авторъ часто утверждаетъ, что писалъ по наблюденіямъ и на основаніи свѣдѣній, добытыхъ на Востокѣ, и это побуждало многихъ писателей искать въ Киропедіи историческихъ матеріаловъ для исправленія рассказовъ изъ исторіи Востока у Геродота и Ктезія. Въ отношеніи исторіи Кира Ксенофонтъ на столько же расходится съ ними обоими, на сколько сами они разнятся между собою; а такъ какъ о происхожденіи и возвеличеніи власти Кира существуютъ, по крайней мѣрѣ, четыре сказанія, то часто думали, что Ксенофонтъ не измышлялъ фактовъ, а только придерживался одной изъ этихъ традицій. Когда онъ говоритъ вмѣстѣ съ Ктезіемъ, и противъ Геродота, что второй сынъ Кира назывался Танаоксаромъ, а не Смердисомъ, то онъ навѣрно имѣлъ какое нибудь основаніе для этого мнѣнія. Но бесполезно было бы отыскивать крупныя исторической правды въ массѣ вымысловъ, которыми авторъ сознательно окуталъ своего героя.

Такъ какъ произведеніе это было, строго говоря, панегирикомъ Кира въ формѣ историческаго повѣствованія, то авторъ и счелъ

ἀφωλεῖαν, φοβεῖσθαι δὲ καὶ αὐτοὺς τοὺς φυλάττοντας, καὶ μήτ' ἀνόπλους ἔχειν ἐθέλειν περὶ αὐτὸν μήτ' ὀπλισμένους ἡδέως θεᾶσθαι, πῶς οὐκ ἀργαλέον ἐστὶ πρᾶγμα; ἐτι δὲ ξένοις μὲν μᾶλλον ἢ πολίταις πιστεῦειν, βαρβάροις δὲ μᾶλλον ἢ Ἑλλήσιν, ἐπιθυμεῖν δὲ τοὺς μὲν ἐλευθέρους δούλους ἔχειν, τοὺς δὲ δούλους ἀναγκάζεσθαι ποιεῖν ἐλευθέρους, οὐ πάντα σοι ταῦτα δοκεῖ ψυχῆς ὑπὸ φόβων καταπεπληγμένης τεκμήρια εἶναι; ὁ γὰρ τοι φόβος οὐ μόνον αὐτὸς ἐνὼν ταῖς ψυχαῖς λυπηρὸς ἐστίν, ἀλλὰ καὶ πάντων τῶν ἡδέων συμπαράκολουθῶν λυμὴν γίγνεται. εἰ δὲ καὶ σὺ πολέμικῶν ἔμπειρος εἶ, ὦ Σιμωνίδη, καὶ ἥδη ποτὲ πολεμία φάλαγγι πλησίον ἀντετάξω, ἀναμνήσθητι ποῖον μὲν τινα σίτον ἤρου ἐν ἐκείνῳ τῷ χρόνῳ, ποῖον δὲ τινα ὕπνον ἔχοιμῃ. οἷα μέντοι σοι τότε ἦν τὰ λυπηρά, τοιαῦτά ἐστι τὰ τῶν τυράννων καὶ ἐτι δευσιώτερα. οὐ γὰρ ἐξ ἐναντίας μόνον, ἀλλὰ καὶ πάντοθεν πόλεμίους ὁρᾷ νομίζουσιν οἱ τυράννοι.

нужнымъ устранить всѣ извѣстные ему недостатки и промахи и преувеличить добродѣтели царя, и такъ какъ онъ придерживался этого приема и въ своихъ настоящихъ историческихъ трудахъ, то невѣроятно было, чтобы онъ отступилъ отъ него въ изслѣдованіи политическомъ, описывающемъ идеальнаго монарха. Благодаря этому, едва ли можно сказать, чтобы мы узнали что либо новое о жизни величайшаго и наиболѣе интереснаго дѣятеля въ исторіи Азіи. Тѣмъ не менѣе нельзя не подивиться, какимъ образомъ человѣкъ, рожденный и воспитанный среди всѣхъ благъ эллинской свободы и эллинскихъ законовъ, могъ снизойти до защиты почти всѣхъ принадлежностей азіатскаго деспотизма: господства евнуховъ, по женски-уточенной и роскошной одежды, рабскаго церемоніала, раскрашиванія лицъ ³²⁶⁾ и т. д. Подобныя уступки блеску персидскаго двора, очевидно, на столько ослѣпившаго Ксенофонта въ молодости, что онъ никогда уже не обрѣлъ болѣе своего политическаго чутья, далеко не дѣлаетъ его идеальной картины памятникомъ эллинскаго превосходства. Что касается слога, книга отличается большой многорѣчивостью; многіе разговоры введены въ нее безъ цѣли, только для того чтобы дать Ксенофону случай выказать свой разговорный талантъ, которымъ онъ, какъ Аѳинянинъ сократовской школы, человѣкъ знатнаго происхожденія, привыкшій къ хорошему обществу, очень гордился. Но приводимые имъ образцы едва ли оправдываютъ хорошее мнѣніе, которое онъ имѣлъ о себѣ.

Замѣчательно, что въ этомъ политическомъ романѣ мы находимъ также, въ видѣ эпизода, самый ранній образецъ сентиментальнаго романа, любовь Паноеи и Абрадата, съ которой мы встрѣчаемся по временамъ въ теченіе всего повѣствованія ³²⁷⁾ и которая оканчивается смертью Абрадата въ битвѣ и самоубійствомъ Паноеи и ея евнуховъ. Какъ и естественно въ Аѳинянина того времени, подобная любовь не могла представляться Ксенофону иначе, какъ уже послѣ брака, и весь рассказъ этотъ былъ, можетъ статься, введенъ лишь для того, чтобы поддержать сократову теорію о достоинствѣ и значеніи женщинъ и важность брачной жизни. Для насъ, пресыщенныхъ подобными рассказами, эта ранняя попытка кажется нѣсколько слабою и скучною, но она заслуживаетъ вниманія, какъ важное явленіе въ литературѣ, предназначенное принести впоследствии плодъ сторицею.

³²⁶⁾ Ср. VIII, 5, и VII, 1.

³²⁷⁾ Книги IV до VII.

Великій царь изображенъ спокойно умирающимъ на постели, а не погибающимъ отъ ранъ на полѣ битвы, какъ рассказываетъ Ктезий. Онъ заканчиваетъ свою жизнь весьма эффектнымъ обращеніемъ къ дѣтямъ, въ которое авторъ вставилъ выраженіе своихъ надеждъ на безсмертіе души ³²⁸), — глава весьма интересная и давшая обильный матеріалъ Цицерону.

Последняя глава этой книги навѣрно поддѣльная, такъ какъ она противорѣчитъ замыслу всего сочиненія. Въ ней рассказано, какъ, лишь только успѣлъ умереть Киръ, народъ его впалъ во всевозможные пороки и неурядицы и извратилъ всѣ хорошія начинанія, имъ введенныя. Глава эта поразительно похожа на ту главу въ только что разобранномъ нами изслѣдованіи, гдѣ говорится о паденіи Лакедемонянъ, и невольно наводитъ насъ на мысль о вмѣшательствѣ какого нибудь издателя, прибавлявшаго собственные разсужденія объ историческихъ результатахъ къ теоріямъ автора. Въ настоящемъ случаѣ нѣчто подобное необходимо допустить въ защиту здраваго смысла Ксенофонта. Текстъ, быть можетъ, здѣсь чище, чѣмъ въ остальныхъ сочиненіяхъ нашего автора; но, хотя слогъ, пожалуй, глаже и цѣльнѣе, чѣмъ въ другихъ случаяхъ, сюжетъ до такой степени бесполезно растянутъ различными діалогами и описаніями наполовину вымышленныхъ походовъ, что сочиненіе это никогда не сдѣлается популярнымъ, и весьма не многіе, по всему вѣроятію, будутъ имѣть терпѣніе прочесть его до конца. Здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ либо, мы желали бы видѣть вмѣшательство позднѣйшаго передѣлывателя, — въ чье существованіе вѣрятъ нѣмецкіе критики, — который могъ бы сдѣлать относительно этого скучнѣйшаго романа то, что ему приписываютъ относительно остальныхъ сочиненій Ксенофонта. Киропедія была, повидимому, позднимъ произведеніемъ, написаннымъ, какъ кажется, около 361 г. до Р. Х. ³²⁹), когда силы Ксенофонта уже слабѣли, а старческая болтливость увеличилась.

§ 491. Перейдемъ отъ чисто теоретическаго и полнаго фантазій сочиненія Ксенофонта къ болѣе практическому, — къ изслѣдованію, носящему названіе *ποροι* (а не *περί προσόδων*, — названіе позднѣйшее), гдѣ Ксенофонтъ хотѣлъ показать состояніе аѳинскихъ финансовъ и ту политику, которой слѣдовало придерживаться въ этомъ государствѣ. Діогенъ Лаэртскій сообщаетъ, что послѣ того какъ Ксенофонтъ былъ изгнанъ по

³²⁸) УШ, 7, 17 и слѣд.

³²⁹) Укажемъ на хорошіе комментаріи Брейтенбаха и Гертлейна (оба вышли уже въ третьемъ изданіи).

предложенію Эвбула, онъ былъ въ послѣдствіи возвращенъ по ходатайству этого же государственнаго челоуѣка, стоявшаго въ то время во главѣ аѳинскихъ финансовъ; на основаніи этого показанія думаютъ, что Ксенофонтъ писалъ свое изслѣдованіе уже въ совершенно преклонныхъ лѣтахъ въ видѣ совѣта Эвбулу, — мнѣніе справедливо осмѣянное Кобе. Тѣмъ не менѣе безспорно, что сочиненіе это должно было поддерживать ту же самую партію и, если оно и не было написано прямо для Эвбула, то все-таки стремилось расположить публику въ пользу политики мира.

Начавъ съ прославленія климата и центрального положенія Аѳинъ, благопріятствовавшихъ развитію богатствъ, авторъ совѣтуетъ ввести четыре улучшенія въ государственную политику: 1) оказывать поощреніе иноземнымъ колонистамъ, позволивъ имъ строить или покупать дома въ городѣ, допустивъ ихъ на службу въ конницу (а не только въ ряды гоплитовъ), дѣлая имъ другія подобныя же любезности. 2) Поддерживать торговцевъ, доставляя имъ матеріальныя удобства, въ родѣ устройства ярмарокъ и гостинницъ, и вводя лучшіе законы для сбереженія времени и быстрого рѣшенія несогласій, не входя ради этого въ убытки, а ограничиваясь «изданіемъ постановленій, вѣжливостью и внимательностью», напр. приглашеніемъ крупныхъ торговцевъ на общественные праздники; онъ совѣтуетъ также учредить государственный торговый флотъ. 3) Развивать разработку серебряныхъ рудниковъ посредствомъ государственныхъ субсидій и контроля, доставленія капитала въ видѣ невольниковъ-рабочихъ и образованія торговыхъ товариществъ. 4) Наконецъ ревностно придерживаться политики мира и стараться достигнуть посредствомъ посольствъ установленія международныхъ соглашеній, которыя положили бы предѣлъ убыткамъ, причиняемымъ войною. Ксенофонтъ совѣтовалъ снарядить миссіи къ дельфійскому оракулу и въ Додону, чтобы узнать, правильна ли будетъ подобная политика, а если правильна, то какимъ путемъ привести ее въ исполненіе.

Но главная цѣль всей этой заботливости объ увеличеніи государственныхъ доходовъ заключалась въ обезпеченіи правильной уплаты отъ лица государства трехъ оболовъ въ день каждому гражданину, бѣдному или богатому безразлично, не налагая взаимно этого никакихъ обязательствъ. Этимъ, говоритъ Ксенофонтъ, будетъ облегчена господствующая повсюду бѣдность, и даже люди богатые, платящіе тяжелые налоги, получатъ высокій процентъ съ своихъ затратъ. Трудно представить себѣ болѣе опасную и зловредную финансовую теорію. Какъ вѣрно замѣчаетъ Гротъ, ожидаемая прибыль съ затраты въ особенности на разработку рудниковъ и содержаніе торговаго флота, весьма шаткая, между тѣмъ какъ рас-

ходы значительны и не подлежат сомнѣнію. Но, допустивъ даже возможность достаточнаго дохода, можно ли представить себѣ положеніе болѣе губительное для истиннаго величія и достоинства Аѳинянъ, чѣмъ то, которое сдѣлало бы изъ всѣхъ гражданъ пенсіонеровъ государства на все время, пока они съумѣютъ жить мирно съ сосѣдями? Какое иное положеніе могло столь явно потакать слабостямъ и порокамъ аѳинскаго характера? Гротъ справедливо противопоставляетъ этому плану рѣчь Демосоена о Симморіяхъ, произнесенную около того же времени, гдѣ высказаны взгляды практическаго и умнаго государственнаго человѣка по поводу тѣхъ же фактовъ и того же состоянія общественныхъ дѣлъ. Во всемъ трактатѣ Ксенофонта нѣтъ ничего достойнаго похвалы, кромѣ преданности и теплаго чувства къ Аѳинамъ, высказываемыхъ авторомъ въ преклонныхъ лѣтахъ.

§ 492. Нѣкоторые критики удивлялись тому, что Ксенофонтъ не упоминаетъ здѣсь о земледѣліи, которому въ другихъ сочиненіяхъ онъ оказывалъ такое предпочтеніе; имъ странно также, что этотъ опытный и ревностный воинъ защищалъ такъ усердно политику мира. Понятно, что аттическое земледѣліе не казалось Ксенофонту способнымъ доставлять доходъ государству, и врядъ ли кто либо могъ ревностнѣе защищать политику мира, чѣмъ престарѣлый ветеранъ, который въ своемъ гостепріимномъ убѣжищѣ столько времени приучался цѣнить наслажденія мира, рассказывая о волненіяхъ и опасностяхъ войны. Главное достоинство трактата заключается не въ подаваемыхъ въ немъ совѣтахъ, болѣею частью весьма простыхъ, иногда не особенно практичныхъ, а въ интересныхъ подробностяхъ о лаврійскихъ рудникахъ и ихъ разработкѣ. Ксенофонтъ слишкомъ увлекается, повидимому, неисчерпаемостью ихъ богатствъ и высказываетъ нѣсколько странныхъ мыслей о неизмѣнной будто бы цѣнности серебра въ сравненіи даже съ золотомъ. Однако изъ рѣчей Ликурга и Гиперида мы узнаемъ, что даже двадцать лѣтъ спустя извлекались большія богатства изъ этихъ рудниковъ и дѣятельно прокладывались новыя шахты. Преслѣдованія, руководимыя сикофантами, которые увлекались надеждою на конфискацію громадныхъ богатствъ, стали тогда дѣломъ совершенно обыкновеннымъ и даже препятствовали частнымъ предпріятіямъ³³⁰).

Датою появленія трактата совершенно правильно признана Бѣкомъ олимпіада 106, 1, когда только что кончилась междоусобная война, и еще не начиналась война священная, хотя Фокейцы уже

³³⁰) Гиперидъ, про Еухен., col. XLV.

захватили дельфійскій храмъ, но въ послѣдствіи отступили отъ него; эта пригласительная оккупация была впервые выяснена Кобе, который устранилъ этимъ всѣ трудности опредѣленія эпохи появленія трактата. Критическіе вопросы относительно Ксенофонтова слога, цѣльности сочиненія и его назначенія были рассмотрѣны въ весьма тщательномъ памфлетѣ Цурборгомъ (Берлинъ, 1874 г.), а съ той поры и въ его изданіи самого текста (1876). Мы видимъ здѣсь уже форму діалога, а не рѣчи³³¹⁾, такъ что возникало предположеніе, не составлено ли настоящее изслѣдованіе изъ двухъ однородныхъ разсужденій. Но всѣ эти тонкости опровергаются его сходствомъ съ остальными трактатами; послѣдніе вообще носятъ характеръ, который свойствененъ трактату о Финансахъ лишь въ главныхъ чертахъ, именно, являются техническими изслѣдованіями. Касаться ихъ въ исторіи литературы необходимо поэтому лишь мимоходомъ.

§ 493. Подобныхъ изслѣдованій счетомъ три: объ уходѣ за лошадьми и ихъ дрессировкѣ; объ обязанностяхъ предводителей конныхъ отрядовъ; объ охотѣ, включая сюда уходъ за собаками и ихъ выправку. Это самые ранніе образцы подобныхъ сочиненій, кромѣ изслѣдованій Гиппократъ, вслѣдствіе чего они много изучались специалистами. Признаюсь что *Hippiaschicus*, или трактатъ объ обязанностяхъ предводителей конницы, подтверждаетъ мое предположеніе относительно того, что Греки были мало знакомы съ научными приемами веденія войны. Указанія, какъ собрать конный отрядъ и поддержать въ немъ дисциплину, принадлежатъ къ числу совѣтовъ, которые могли бы быть высказаны всякимъ практическимъ человѣкомъ. Описанныя въ трактатѣ эволюціи крайне просты, и большая часть сочиненія посвящена описанію политическихъ трудностей, представляемыхъ собраніемъ и содержаніемъ подобной рати. Но любопытнѣйшею чертою трактата является религіозность, преобладающая въ немъ до такой степени, что его вступленіе можетъ напомнить дѣловой митингъ, который начался бы съ молитвы. При всякомъ практическомъ указаніи читателю напоминаютъ, что онъ долженъ дѣйствовать согласно съ волею боговъ; въ заключеніе Ксенофонтъ, разставаясь съ нимъ, говоритъ въ видѣ оправданія: «Если кто нибудь удивится, почему выраженіе *D. V.* (δὸν θεῶν) такъ часто встрѣчается въ моемъ изслѣдованіи, тотъ пусть познаетъ, что человѣка, пережившаго много опасностей, не

³³¹⁾ Сличеніе съ рѣчью Псократъ о Мирѣ, написанной при тѣхъ же обстоятельствахъ, весьма поучительно, обнаруживая различіе, существовавшее между этими двумя людьми: одинъ широкодушательный, неясный, сентиментальный; другой—узко и точно мыслящій, оба—односторонніе и лишенные качествъ настоящихъ государственныхъ людей.

такъ легко поразить, и что на войнѣ, хотя противники и строятъ планы, они рѣдко знаютъ впередъ, въ какой степени они удадутся. Я укажу также ³³²⁾ на антисократовскую доктрину, что точныя знанія бесполезны во всѣхъ занятіяхъ или искусствахъ, если мы не будемъ настаивать на выполненіи практическихъ подробностей. § 494. Трактатъ о Лошади—гораздо болѣе цѣнное сочиненіе и обнаруживаетъ такое пониманіе ухода за лошадьми и ихъ выправки, которое сдѣлало бы честь любому руководству въ наше время. Ксенофонтъ ссылается въ своемъ предисловіи на книгу Синона, которую хвалить; отъ нея уцѣлѣлъ небольшой отрывокъ ³³³⁾. Ему хочется восполнить пробѣлы, оставшіеся въ этомъ сочиненіи, въ память котораго авторъ воздвигъ бронзовую лошадь въ Элевзисѣ и вырѣзалъ на ея пьедесталѣ названіе своихъ произведеній.

Техническій характеръ этого изслѣдованія Ксенофонта не возбуждаетъ въ насъ желанія остановиться долѣе на его разборѣ. Я укажу только на постоянно повторяющіяся въ немъ внушенія обращаться съ лошадьми добродушно и ласково, составляющія противоположность привычкамъ нашихъ грубыхъ и жестокихъ торговцевъ лошадьми. Но, хотя Ксенофонтъ и намекаетъ постоянно на опасность быть обманутымъ при покупкѣ лошадей, онъ ни разу не призываетъ здѣсь вмѣшательства Провидѣнія, къ которому такъ часто обращается въ другихъ случаяхъ. Въ Аѣинахъ лошадей держали, главнымъ образомъ, для парада въ процессіяхъ, и любопытно видѣть, какое значеніе придавалось ³³⁴⁾ красивому гарцованію лошадей при этихъ церемоніяхъ. Авторъ описываетъ такую верховую ѣзду, какая изображена на знаменитомъ пареонскомъ фризѣ, который онъ, быть можетъ, и имѣлъ въ виду. Мы узнаемъ также, что подобная ѣзда вовсе не представлялась только идеальной, а была модною въ Аѣинахъ. Отсутствіе всякихъ замѣчаній о сѣдлахъ или ковкѣ лошадей поражаетъ читателя въ наше время, —ни то, ни другое не употреблялось древними. Вслѣдствіе этого много мѣста отведено описанію огрублости ногъ и трудности ѣздить верхомъ безъ стремянъ. Это изслѣдованіе было переведено и комментировано (вмѣстѣ съ *Hippiarchicus*) французскимъ артиллерійскимъ офицеромъ Курье въ 1807 году; по англійски — Беранже въ его *Исторіи искусства верховой ѣзды*; по нѣмецки — Якобсомъ (Гота,

³³²⁾ Гл. 9, 2-я глава. ³³³⁾ Изданъ Даренбергомъ въ его *Notices et extraits des MSS. médicaux*, стр. 169. ³³⁴⁾ Гл. III.

1825 г.). Ни одно изъ этихъ изслѣдованій Ксенофонта не пользуется особымъ вниманіемъ среди новѣйшихъ англійскихъ ученыхъ.

§ 495. Мы приблизились теперь къ послѣднему и наиболѣе характерному изъ техническихъ трудовъ Ксенофонта, къ трактату объ Охотѣ, гдѣ очень тщательно разсмотрѣны особенности собакъ, ихъ разведеніе и обученіе; далѣе говорится о сѣтяхъ, наконецъ весьма подробно объ охотѣ за зайцами, о которой авторъ отзывается съ большимъ энтузіазмомъ ³³⁵). Нѣтъ недостатка и въ религіозномъ элементѣ; такъ, когда сѣти уже готовы, даже самая лучшая изъ собакъ не спускается съ привязи безъ молитвы къ Аполлону и Артемидѣ Агротерѣ, которую просятъ послать добычу охотникамъ. Погоня за ланями, оленями и дикими кабанами описана уже не столь тщательно. Къ изслѣдованію приложено странное міеологическое предисловіе о Хиронѣ и его воспитанникахъ, большею частью весьма основательно отвергаемое критиками; есть также въ концѣ сочиненія весьма неумѣстные нападки на софистовъ, начинающіеся съ послѣдней (тринадцатой) главы и также отвергаемые критиками. Я бы думалъ, что окончаніе изслѣдованія находится въ главѣ 12, 9. Но весь вопросъ не стоитъ разбирательства. Кобе считаетъ этотъ трудъ (смот. выше, § 470) самымъ раннимъ изъ ксенофоновыхъ сочиненій. Если примемъ, что я и дѣлаю, соображенія самого Кобе относительно возраста Ксенофонта, то окажется, что онъ воспитывался въ Аѳинахъ во время пелопоннесской войны, когда охоту весьма рѣдко можно было устроить въ Аттікѣ; въ слѣдующемъ поколѣніи мы находимъ даже у одного комическаго поэта мѣсто, гдѣ онъ говоритъ объ Аттікѣ, какъ о странѣ, гдѣ не осталось ни одного зайца. Я увѣренъ поэтому, что изслѣдованіе не было написано раньше того времени, когда авторъ поселился въ Скиллѣ, въ своей „охотничьей конурѣ“. Самая форма подлиннаго вступленія ³³⁶) — ἐγὼ μὲν οὖν παλαιῶ τοῖς νέοις и т. д. указываетъ на зрѣлость лѣтъ автора.

§ 496. Я не стану останавливаться на такъ называемыхъ ксенофоновскихъ отрывкахъ. Они состоятъ изъ краткихъ посланій къ друзьямъ изъ школы Сократа и были впервые напечатаны Аллаціемъ; нѣкоторые изъ нихъ приведены Стобеемъ и вошли въ приложеніе къ изданію Заупе или въ *Epistolographi Graeci*, но всѣ они безспорно подложны. Есть также не малое число словъ и фразъ, которыя древніе авторы и знатоки грамматики

³³⁵) Οὕτω δὲ ἐπιγυρῇ ἐστὶν τὸ θήριον, ὥστε οὐδεὶς ἐστὶς οὐκ ἂν ἰδὼν ἔχουσι μὲν, εὐρίσκει μὲν, μεταθεῖ μὲν, ἀλλὰ σκῆ μὲν ἐπιλάθῃ· ἂν εἴ τοι ἐρῇ (ст. 32).

³³⁶) I, 18.

называли ксенофоновскими, которыхъ мы не находимъ нынѣ въ сочиненіяхъ нашего автора. Эти выраженія составляютъ главную опору для защитниковъ теоріи о передѣлкахъ, и въ особенности для ихъ новѣйшаго вождя Грека Кипріана. Многія безспорно не вѣрны, и Ксенофонтъ названъ тутъ вмѣсто Ксенофана или иного сходнаго имени. Другія—весьма вольныя цитаты, и еще нуждаются въ провѣркѣ. Немногія, въ особенности отрывки изъ Анабазиса, остались понынѣ неразъясненными и были взяты, быть можетъ, изъ потеряннаго АнабазисаThemistogena.

§ 497. Остается теперь подвести итоги нашему обзору сочиненій Ксенофонта. Мы имѣемъ достаточное основаніе думать, что они были выпущены въ свѣтъ позднѣйшимъ издателемъ. Эпилоги къ Метопабіліа, къ Лакедемонскому государству, къ Киропедіи, къ изслѣдованію объ Охотѣ, содержатъ совершенно не относящіяся къ дѣлу подробности, въ иныхъ случаяхъ даже опровергающія то, что стояло вначалѣ. Если это дѣйствительно добавленія самого автора, то надо думать, что они были сдѣланы въ эпоху озлобленной и ворчливой старости его и приложены къ позднѣйшимъ спискамъ его сочиненій. Съ другой стороны, смѣсь сжатости и многословія въ слогѣ наводило ученыхъ на мысль, что до насъ дошли лишь искаженные попытки подражателей, въ слабой степени передающія намъ истинную грацію «Аттической пчелы». Но то обстоятельство, что эти возраженія дѣлались независимо другъ отъ друга противъ столькихъ сочиненій Ксенофонта, указываетъ на значительную неправдоподобность теоріи о позднѣйшихъ передѣлкахъ и заставляетъ насъ думать, что виновать былъ самъ авторъ, чье недостаточное литературное и риторическое образованіе (Сократъ не былъ мастеромъ по части формы) составляетъ противоположность съ гладкимъ слогомъ строго-профессіональных писателей того времени.

Неточно было бы однако говорить о Ксенофонтѣ, какъ о человѣкѣ исключительно практическомъ, и о его сочиненіяхъ, какъ о простой забавѣ; напротивъ того, позднѣйшая жизнь его была, какъ кажется, всецѣло посвящена литературѣ и онъ занялъ среди аттическихъ писателей такое мѣсто, какое выпало на долю лишь весьма немногимъ. Въ особенности стяжалъ онъ не малую дань похвалъ со стороны римскихъ критиковъ. Сюжеты, имъ избираемые, были имъ по сердцу; книги его читались легко; языкъ приближался къ позднѣйшему народному діалекту, который всѣ они прекрасно понимали. Онъ оставался наконецъ постоянно баричемъ-любителемъ, менѣе безпокоившимся о какомъ нибудь гіатусѣ въ гласныхъ, чѣмъ о своихъ охотничьихъ сѣтяхъ и допускавшимъ въ своемъ словарѣ перашеству, котораго не потерпѣлъ бы въ своемъ отрядѣ. Репутація

простодушнаго изящества и непринужденной легкости его слога, доставлявшая ему такую популярность среди римских критиковъ, сохранилась за нимъ и среди всѣхъ, специально изучающихъ аттический слогъ, преподавателей аттического греческаго языка въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ что замѣчательные ученые, въ родѣ Кобе, Диндорфа, Зауппе, Шнейдера и Шенкля, употребляли безконечныя усилія на очищеніе его текста. Текстъ этотъ въ особенности замѣчателенъ тѣмъ, что Ксенофонтъ, по собственному признанію, вводилъ въ свой обычный слогъ не только іоническія, дорическія и поэтическія слова, но употреблялъ ихъ такъ неправильно, что каждое изъ его сочиненій изобилуетъ ἀπὸ λέγουμεν не только относительно самого автора, но и выдающихся аттическихъ писателей того времени. Такимъ образомъ, какъ ученый, владѣвшій хорошимъ, яснымъ аттическимъ языкомъ и обработывавшій всѣмъ привлекательныя темы, Ксенофонтъ, безспорно, стоитъ очень высоко.

§ 498. Но, когда мы обратимся къ нему съ другой точки зрѣнія и посмотримъ, какъ онъ понималъ величественную философію Сократа, знаменательные факты, сопровождавшіе господство Фивъ, достоинство различныхъ государственныхъ формъ, съ которыми его знакомила его жизнь, преисполненная приключеній—тогда-то обнаруживается въ немъ большая несостоятельность, и мы принуждены отвести ему второстепенное мѣсто среди писателей аттическаго вѣка. При всѣхъ преимуществахъ, доставляемыхъ ему опытностью и хорошими способностями, онъ былъ лишенъ одного, стоящаго всѣхъ остальныхъ—геніальности. Это видимъ мы въ его практической жизни; хотя онъ и былъ опытнымъ и успѣшнымъ полководцемъ, онъ никогда не пользовался громкой военной славой въ Греціи. Напротивъ того, всю его жизнь надъ нимъ какъ бы властвовали тѣ великіе люди, съ которыми онъ сталкивался—Сократъ, Агезилай, Киръ. Но даже въ этихъ случаяхъ, всякій разъ, когда онъ пытался нарисовать портреты своихъ кумировъ, онъ остается простымъ Босвеллемъ, фотографомъ, списывающимъ мелкія подробности, неспособнымъ, не имѣя дарованій истиннаго художника, схватить идеальную сторону характеровъ и воспроизвести ее разъ навсегда. Такъ портретъ Сократа въ платоновыхъ діалогахъ, вѣроятно, гораздо менѣе вѣренъ въ подробностяхъ, чѣмъ у Ксенофонта, за то на сколько ближе онъ къ истинѣ, какъ онъ удовлетворяетъ насъ по своей глубинѣ! Точно также и въ своей Исторіи и въ своей политической философіи онъ сознательно возвеличиваетъ своихъ личныхъ друзей и унижаетъ враговъ, сознательно прославляетъ добродѣтели своего друга, а въ Анабазисѣ—и свои собственные, не замѣчая за этимъ занятіемъ крупныхъ чертъ міровыхъ событій, рас-

крывавшихся передъ нимъ. Главнымъ образомъ, въ немъ недостаетъ той непосредственности, того отсутствія самосознанія, которыя отмѣчаютъ произведенія истинныхъ геніевъ. Вслѣдствіе этого его портретъ Сократа нѣсколько вульгаренъ и философія этого великаго чловѣка изображена въ видѣ утонченнаго и спокойнаго Гедонизма, подобнаго тому, какой впоследствии преподавалъ Эпикуръ. Собственные его религіозныя воззрѣнія такого же разбора, т. е. ничто иное, какъ хладнокровный расчетъ тѣхъ выгодъ, которыя можно получить изъ поклоненія богамъ, а не настоящее проявленіе самоотверженія, душевной чистоты или благородства.

Тревоженные времена, въ которыя жилъ Ксенофонтъ, и его усиленная авторская дѣятельность сдѣлали изъ него важную и крупную личность въ аттической литературѣ, но нѣтъ сомнѣнія, что въ своемъ Анабазисѣ онъ ввелъ ученыхъ въ заблужденіе, значительно преувеличивъ свои военныя дѣянія. Знаменитое отступленіе, надѣлавшее не мало шума въ Греціи, не принесло ему въ его время никакой славы. Лишь благодаря его собственному живому и хорошо изложенному повѣствованію на него не только ссылались, какъ на авторитетъ, все историки Греціи, но онъ сдѣлался ходячимъ именемъ въ устахъ каждаго школьника нашего времени, начинающаго изучать классическій греческій языкъ.

Творенія Ксенофонта много читались послѣдующими поколѣніями и вызывали не мало восторговъ; но, не смотря на подражаніе Арріана ³³⁷⁾, цитаты Цицерона и критику латинскихъ риторовъ, я не вижу, чтобы александрійскіе ученые обратили на нихъ свое критическое вниманіе. Говорятъ, будто въ нѣкоторыхъ оксфордскихъ текстахъ есть еще неизданныя схоліи, но достопнство ихъ мнѣ не извѣстно.

§ 499. Библіографія. Число наличныхъ рукописей громадно, и онѣ разсыяны по всемъ бібліотекамъ, отъ Іерусалима до Мадрида,

³³⁷⁾ Сочиненія Арріана, называвшаго себя и прозваннаго другими младшимъ Ксенофонтомъ, интересны и цѣнны съ исторической и эттической точки зрѣнія, но не могутъ быть включены въ составъ греческой классической литературы. Въ нихъ столько крупныхъ нарушеній аттическихъ обычаевъ, что, по общему соглашенію, ихъ не изучаютъ при обыкновенныхъ классическихъ занятіяхъ. Прозвище младшаго Ксенофонта относится, надо замѣтить, не столько къ слогу, сколько къ выбору литературныхъ сюжетовъ и сходству образа жизни. Сократомъ для Арріана былъ Эпиктетъ, чью жизнь и воззрѣнія онъ изображаетъ. Рядомъ съ этимъ онъ писалъ исторію, главнымъ образомъ, съ военной точки зрѣнія, напр. Анабазисъ Александра, Indica, и другія утраченныя нынѣ сочиненія, книги о тактикѣ и дополненія къ изслѣдованію Ксенофонта объ охотѣ. Indica не были даже написаны на аттическомъ языкѣ, а на іоническомъ діалектѣ Геродота и Ктезія; первому онъ подражалъ повсюду въ построеніи фразъ и многихъ своеобразныхъ терминахъ.

но немногія изъ нихъ древни, и по поводу ихъ старшинства и относительной цѣнности существуетъ, повидимому, большое разногласіе мнѣній. Самая ранняя рукопись (1166 по Р. X.), помѣченная 511 №, находится въ Венеціи въ библіотекѣ св. Марка; другая того же приблизительно времени, находится въ Эскуріалѣ; лучшая — въ Вольфенбюттелѣ. Весьма немногія, содержатъ въ себѣ всѣ сочиненія Ксенофонта, но даютъ только избранныя мѣста и отрывки. Самое раннее изъ печатныхъ изданій вышло въ 1476 въ Латинскомъ переводѣ (Миланъ, Францискъ Филельфъ); первое греческое изданіе Джунто, въ 1516 году. Лучшія полныя изданія въ новѣйшее время принадлежатъ Шнейдеру (3 изд., Лейпцигъ, 1838—40 г.), Дидо (въ его серіяхъ), Зауппе (Таухницъ, 8-ое, 1864) и Диндорфу (вмѣстѣ съ Анабазисомъ А. Гуга, Тейбнеръ, 1873 г.) О многихъ прекрасныхъ изданіяхъ отдѣльныхъ сочиненій я уже говорилъ выше. Изданіе Шенкля (Берлинъ, 1876 г.), и его изслѣдованія о рукописяхъ, помѣщенные въ *Abhandlungen* Вѣнской академіи за 1875—76 годы, наиболее полное и цѣнное изданіе въ наше время. Онъ издалъ также весьма популярную хрестоматію со словаремъ (6 изд., Вѣна, 1877.). Различныя новѣйшія монографіи перечислены Нитшемъ въ *Jahresbericht* Бурсіана за 1877.

ГЛАВА XI.

Демосоевъ.

§ 500. Мы дошли наконецъ до великаго греческаго писателя, относительно котораго сохранились, къ счастью, обильные матеріалы. Есть нѣсколько копій, повидимому подлинныхъ, съ его статуи, такъ что даже виѣшній видъ его намъ знакомъ. Подробности его ранней борьбы съ жизнью сохранились въ его собственныхъ рѣчахъ, направленныхъ противъ его опекуновъ; частные факты его политическихъ дѣяній — въ его великихъ публичныхъ воззваніяхъ, въ особенности въ рѣчи для Ктезифона о вѣнкѣ, грандіозной апологіи *pro vita sua*. Эти всенародныя признанія во многихъ случаяхъ разбирались и осуждались его противниками, Эхиномъ и Гиперидомъ, такъ что не могутъ быть названы безконтрольными самовосхваленіями.

Въ послѣдующемъ поколѣніи, когда исторія литературы входила въ моду, память о Демосеенѣ была еще достаточно свѣжа, для того чтобы доставить хорошій матеріалъ историкамъ и біографамъ. Этому мы обязаны различными, вполнѣ независимыми другъ отъ друга, біографическими очерками оратора, которыхъ сохранилось около десяти. Полнѣе и интереснѣе всего сочиненіе Плутарха; за тѣмъ—разнообразныя подробности, встрѣчающіяся у Діонисія Галикарнасскаго, хотя настоящее Жизнеописаніе его и не сохранилось. Менѣе важны разныя черты въ Жизнеописаніи Ораторовъ, у Свида и въ предисловіяхъ къ рѣчамъ Демосеена. Но то, что осталось еще сомнительнымъ въ его жизни, затемнено скорѣе полемикою, чѣмъ забвеніемъ.

§ 501. Намъ извѣстно, что Демосеенъ былъ рожденъ отъ почтенныхъ и зажиточныхъ, хотя и не знатныхъ родителей—Демосеена (изъ общины Пэанійской) и Клеобулы³³⁸), и что дѣтство его прошло среди всѣхъ удобствъ и преимуществъ хорошаго общественнаго положенія. Однако точный годъ его рожденія не извѣстенъ, потому что самъ онъ снулалъ его; онъ говоритъ, что ему было тридцать два года, когда онъ обвинялъ Мидія, рѣчь же его помѣчена 349 до Р. Х., такъ что на этомъ основаніи надо бы думать, что онъ родился въ 381 году³³⁹). Съ другой стороны, рѣчь противъ Онетора доказываетъ, что онъ достигъ совершеннолѣтія (восемнадцати лѣтъ) во время архонтства Полизела, (въ 366 году до Р. Х.). Это отнесло бы время его рожденія къ 384—3 году (дата, значащаяся и въ Жизнеописаніяхъ); годъ этотъ принять теперь съ небольшими уклоненіями всѣми лучшими авторитетами. Такъ уже при самомъ началѣ мы наталкиваемся на тѣ трудности, съ которыми встрѣчаемся постоянно, когда дѣло идетъ объ этомъ ораторѣ. Такъ какъ мѣсто, приведенное изъ рѣчи противъ Мидія, стоитъ совершенно особнякомъ, то на него слѣдуетъ смотрѣть, какъ на предумышленную ошибку, обманувшую большинство древнихъ, Діонисія, Авла Геллія и, повидимому, и Плутарха. За то въ другихъ мѣстахъ нѣтъ недостатка въ указаніяхъ на точную истину³⁴⁰).

Старшій Демосеенъ имѣлъ два заведенія, одно для выдѣлки мечей и ножей, другое, гдѣ работали деревянные рамы для ложа; сло-

³³⁸) Эсхинъ (противъ Ктез., § 175) подробно говоритъ о снѣскомъ происхожденіи Клеобулы, что, быть можетъ, и вѣрно,—но ничего не находитъ сказать противъ ея нравственныхъ свойствъ.

³³⁹) Эта эпоха, т. е. олим. 99, 4, принята Діонисіемъ.

³⁴⁰) См. весьма сложныя разсужденія Шефера (Demosthenes und seine Zeit, III, В. стр. 55) и Бласса, А. В., томъ III, стр. 7—19.

вомъ, мы назвали бы его пожевщикомъ и мебельщикомъ. Конечно, онъ велъ эти предпріятія скорѣе, какъ капиталистъ, такъ какъ по смерти его оставшаяся послѣ него собственность, состоявшая изъ рабовъ и движимости, оцѣнивалась его сыномъ, и по всему вѣроятію съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ, въ четырнадцать талантовъ (около 3,300 фунтовъ),—состояніе по тому времени весьма значительное. Въ своемъ завѣщаніи онъ поручилъ своихъ дѣтей, Демосѳена, мальчика семи лѣтъ, и свою единственную дочь, попеченію двухъ племянниковъ и одного друга дома, съ тѣмъ условіемъ, чтобы одинъ племянникъ, Афобъ, женился на его вдовѣ (обычай, весьма обыкновенный въ Атикѣ); второй же, Демофонъ, долженъ былъ обвѣнчаться съ его дочерью, получившей хорошее приданое; всѣмъ же тремъ опекунамъ назначилъ онъ въ пользованіе нѣкоторыя денежные суммы вплоть до той поры, когда сынъ достигнетъ совершеннолѣтія. Ни одно изъ этихъ распоряженій, кромѣ захвата денегъ въ свою пользу, не было выполнено безсовѣстными опекунами. Такимъ образомъ, придя въ возрастъ, Демосѳенъ увидалъ себя обремененнымъ отвѣтственностью и расходами, связанными съ богатствомъ, которое, благодаря процентамъ, должно было, говорить онъ, возрасти до тридцати талантовъ,—въ сущности же нищимъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ этой крайности онъ обратился къ Изею, искуснѣйшему практику-адвокату той эпохи по подобнымъ дѣламъ, и съ его помощью и совѣтами ³⁴¹⁾ предъявилъ противъ главнаго виновника, Афоба, искъ въ десять талантовъ, третью долю утаеннаго имущества. Нѣтъ доказательствъ, чтобы Демосѳенъ учился у кого либо изъ своихъ знаменитыхъ современниковъ, ни философіи у Платона, ни риторики у Исократы, но вѣрно, что благодаря прилежанію столь исключительному, что оно бросалось въ глаза, онъ достигъ болѣе основательнаго образованія, чѣмъ кто либо изъ молодыхъ людей его времени. Такимъ образомъ, онъ имѣлъ достаточно свѣдѣній, чтобы написать большую часть своихъ раннихъ рѣчей о своемъ наслѣдствѣ, рѣчей не блестящихъ, но уже обнаруживающихъ признаки той силы и мѣткости, которыми мы любуемся въ его наиболѣе совершенныхъ трудахъ. Онъ выигралъ искъ противъ Афоба, но его отстраняли подъ разными предлогами, такъ

³⁴¹⁾ Соотношеніе между рѣчами Демосѳена и Изея было тщательно рассмотрѣно Лауданомъ въ двухъ программахъ (Гильдесгеймъ, 1872—3 г.); онъ присоединилъ сюда и сорокъ пятую рѣчь (противъ Спудія), чтобы показать, какъ тѣ же мысли повторялись Демосѳеномъ въ разныхъ формахъ. Лауданъ полагаетъ, что, хотя заимствованія у Изея очевидны, но измѣненія, введенныя во вступленіе XXVII рѣчи и до нѣкоторой степени портящая композицію Изея, не могли быть сдѣланы по совѣту и съ согласія этого оратора, что доказываетъ, какъ самостоятельно пользовался Демосѳенъ рѣчами Изея.

что ему пришлось преслѣдовать Онетора, зятя Афоба, на которого вся собственность была для виду переведена.

Нѣтъ нужды передавать здѣсь подробности этихъ несогласій, которыя можно узнать изъ самихъ рѣчей. Юный ораторъ получилъ, повидимому, лишь незначительную долю тѣхъ десяти талантовъ, которыхъ онъ требовалъ съ Афоба, и то лишь послѣ многихъ досадныхъ промедленій и ссоръ, между тѣмъ какъ, на сколько намъ извѣстно, остальные два опекуна остались безъ преслѣдованія. Однако, эта юридическая побѣда надъ Афобомъ доставила ему, вѣроятно, извѣстность, такъ что онъ вскорѣ былъ въ состояніи поправить свои разстроенныя обстоятельства, принявшись за составленіе рѣчей для тяжущихся передъ судомъ.

Всѣ показанія авторитетовъ единодушно изображаютъ Демосфена труженикомъ, не пьющимъ ничего кромѣ воды, человекомъ необходимымъ, проводившимъ ночи или въ изученіи политики, или въ писаніи рѣчей, которыя носили на себѣ отпечатокъ ночныхъ бдѣній автора и сначала были столь манерны, что казались неясными и скучными;—фактъ этотъ мы можемъ отчасти провѣрить по его раннимъ публичнымъ воззваніямъ. Въ позднѣйшіе годы противъ Демосфена не было недостатка въ обличеніяхъ въ развратѣ и расточительности, но они такъ не согласуются съ его натурою, что для подтвержденія ихъ потребовались бы самые убѣдительныя показанія. Гораздо вѣроятнѣе, что онъ посвящалъ каждую минуту своей молодости умственному труду. Впослѣдствіи онъ женился, но его единственный ребенокъ (дочь) умеръ какъ разъ передъ полученіемъ имъ извѣстія о смерти Филиппа (336 до Р. Х.), и онъ не оставилъ прямого потомства, которое могло бы воспользоваться наслѣдственными почестями, присужденными ему, хотя и много лѣтъ послѣ его кончины, благодарными согражданами.

Цѣлые десять лѣтъ послѣ его успѣшнаго процесса противъ опекуновъ, Демосфенъ занимался составленіемъ рѣчей, и отъ этого періода до насъ дошла рѣчь (если только она подлинная) за вѣнокъ триерарха (359 до Р. Х.), далѣе, рѣчь противъ Лептина (354 до Р. Х.), быть можетъ, еще нѣсколько другихъ; но многія изъ нихъ потеряны. Говорятъ, будто по окончаніи рѣчи противъ Зенооемида Демосфенъ заявилъ, что отказывается отъ веденія частныхъ дѣлъ, принявъ на себя обязанность участвовать въ общественной политикѣ. Но нѣтъ мнѣнія, что правило это имѣло много исключеній, или относилось только къ личному появленію оратора передъ судомъ въ качествѣ адвоката, или защитника тяжущихся. Онъ славился, какъ хитроумный адвокатъ, готовый пользоваться каждой уловкой, предоставляемой закономъ, или изложеніемъ сомнительныхъ фактовъ. Его

открыто обвиняли при его жизни и даже впоследствии, будто онъ продалъ свои услуги обѣимъ сторонамъ въ дѣлѣ ссоры между Форміономъ и Аполлодоромъ. Нѣчто подобное онъ, по всему вѣроятію, сдѣлалъ, быть можетъ, какъ думаетъ Блассъ, для того, чтобы убѣдить Аполлодора предложить законъ о примѣненіи фонда оеорикъ къ военнымъ цѣлямъ. Защитники Демосѣена приняли въ наше время обычай отклонять это серьезное обвиненіе посредствомъ признанія всѣхъ рѣчей Аполлодора неподлинными, — средство, весьма рискованное, въ виду основательной критики древнихъ.

Но вернемся къ раннимъ рѣчамъ. Было замѣчено, что рѣчи, лично имъ произнесенныя, вполне противоположны тѣмъ, которыя онъ писалъ для другихъ. Послѣднія — смѣлы, страстны и рѣзки; первыя — очень скромны и сдержанны, если исключить патетическіе и тревожные призывы въ концѣ рѣчей противъ Аѳоба, гдѣ онъ молить присяжныхъ о помощи, какъ сирота, находящійся на краю разоренія и позора.

§ 502. Общественныя рѣчи Демосѣена принадлежатъ скорѣе къ политической, чѣмъ къ литературной исторіи его эпохи; онѣ такъ тщательно разсматриваются во всякой исторіи Греціи, что бесполезно было бы перечислять здѣсь обстоятельства, знакомыя всякому, изучавшему эпоху, и къ которымъ мы снова вернемся, говоря о различныхъ воззваніяхъ. Но, не зная въ точности исторіи, нельзя оцѣнить вполне достоинство и силу этихъ рѣчей. Онѣ по существу своему случайныя, вызванныя каждою кризисомъ времени и предназначенныя для его разрѣшенія. А между тѣмъ въ нихъ все такъ изложены великіе и послѣдовательные политическіе взгляды, скажется стремленіе поддержать царственную роль и достоинство Аѳинъ цѣною личныхъ жертвъ и личныхъ опасностей³⁴²).

Начало его политической дѣятельности совпало съ той минутой, когда, благодаря междоусобной войнѣ, Аѳины вторично утратили морское владычество, а со смертью Хабріа, Тимофея и Ификрата, лишились своихъ лучшихъ полководцевъ. Оставивъ въ сторонѣ рѣчь противъ Лептина, которая, хотя и была произнесена передъ присяжными, посвящена всецѣло изложенію взглядовъ на общественную политику и на исполненіе общенародныхъ обязательствъ, мы приходимъ къ рѣчамъ о Симморіяхъ (354 до Р. Х.), въ защиту Мегалополитянъ (354 до Р. Х.) и за свободу

³⁴²) Исторія Грота — лучший комментарий къ политическимъ рѣчамъ Демосѣена, такъ какъ этотъ писатель, какъ опытный политикъ и точный, философски-образованный критикъ, имѣетъ особый даръ понимать политическое положеніе, чего лишены Шеферъ, Курциусъ и другіе филологи, изучающіе греческую политику.

Родосцевъ (351 до Р. Х.); въ первой изъ нихъ ораторъ предлагаетъ значительную финансовую реформу, которая должна была внести равновѣсіе въ государственныя тяготы и сдѣлать силы государства дѣйствительно пригодными. Двѣ остальные рѣчи заключаютъ въ себѣ весьма важныя и мудрыя указанія на то, что политика Аѳинъ не должна находиться подъ вліяніемъ особыхъ симпатій или антипатій, уже миновавшихъ ссоръ, или неблагодарности, но должно руководиться текущими нуждами, и, главное, рѣшимостью поддержать надлежащее равновѣсіе силъ въ сосѣднихъ государствахъ. Демосѳенъ защищаетъ также права демократіи противъ деспотизма, Эллинства—противъ захватовъ варваровъ. Слогъ чисто-эукидидовскій, серьезный, по временамъ рѣзкій и сдержанный. Но съ самого начала видна глубокая убѣжденность оратора и широта его взглядовъ.

§ 503. Наконецъ наступилъ періодъ нашествія Филиппа съ сѣвера; оно началось въ малыхъ размѣрахъ и не вызвало открытыхъ нападковъ со стороны Демосѳена вплоть до его первой Филиппикѣ въ 351 до Р. Х. Панегиристы его стараются, правда, открыть намеки на Филиппа и въ рѣчи о Симморіяхъ; но нѣтъ причины, почему македонскій царь, если онъ уже воевалъ въ то время противъ Аѳинъ, не былъ бы прямо названъ именно такимъ откровеннымъ ораторомъ, какъ Демосѳенъ, который въ сущности просто не сразу замѣтилъ истинной опасности, грозившей его родинѣ. Правда, онъ заявляетъ притязанія, въ которыхъ его поддерживаетъ и Гротъ³⁴³), на предвидѣніе политическихъ событій въ самомъ ихъ началѣ и предупрежденіе о нихъ своихъ слушателей. Въ настоящемъ случаѣ опасность была уже навѣрно достаточно очевидна; истинная заслуга Демосѳена заключается въ томъ, что онъ не только ясно и убѣдительно указалъ на нее своему народу, но, по своему обыкновенію предложилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и практическія средства для ея устраненія и указалъ ту политику, которой должны были держаться Аѳиняне.

За этимъ слѣдовали три рѣчи за Олинеянъ, которыми завершается то, что правильно называютъ первою серією демосѳеновыхъ Филиппикъ. Истиннымъ противникомъ во всѣхъ этихъ знаменитыхъ рѣчахъ былъ не столько македонскій царь, сколько нерадивость и вялость самихъ Аѳинянъ, и вліяніе партіи мира, честно дѣйствовавшей или же подкупленной Филиппомъ. Противъ нихъ постоянно настаиваетъ Демосѳенъ на необходимости финансовыхъ реформъ, личной службы и уменьшенія числа наемныхъ союзниковъ

343) XI, стр. 442.

Онъ стоитъ за прочные союзы и забвеніе мелкихъ несогласій. Такимъ образомъ, дѣйствительныя въ практическомъ отношеніи, и даже мелочныя въ различныхъ указаніяхъ воззванія эти отличаются крупными, вѣковѣчными чертами и примѣнны ко всѣмъ извлеченнымъ роскошью и миролюбивымъ обществамъ, встречающимся на склонѣ своего существованія лицомъ къ лицу съ молодой, энергической силою. Еще болѣе примѣнны они къ борьбѣ демократіи, вѣдающей свои дѣла путемъ публичнаго обсужденія, съ деспотомъ, держащимъ свои мысли про себя. Главная трудность, представлявшаяся Демосфену, заключалась въ томъ, что съ нимъ боролись не только такіе способные и не особенно щепетильные ораторы, какъ Эсхинъ, но и люди честные, внушавшіе уваженіе къ своему личному характеру, въ родѣ Эвбула и Фокіона, которые оба упорно отстаивали политику мира противъ болѣе величественныхъ, но опасныхъ призывовъ Демосфена. Онъ же желалъ, чтобы народъ принялъ на себя обязательства, превышавшія личное благосостояніе, и чтобы онъ шелъ на рискъ, болѣе опасный чѣмъ простое оборонительное положеніе.

Послѣ паденія Олинеа Демосфенъ убѣдился въ необходимости мира и на мгновеніе присоединился къ своимъ политическимъ противникамъ (въ своей рѣчи о мирѣ, 346 г. до Р. Х.).— Этой коалиціи приписываютъ довольно низменное по тону рѣшеніе дѣла о публичномъ оскорбленіи, нанесенномъ ему Мидіемъ, который, по всему вѣроятію, благодаря вліянію Эвбула, съумѣлъ остановить грозившее ему преслѣдованіе, выплативъ Демосфену тридцать минъ. Этотъ результатъ съ той поры постоянно ставился оратору въ вину.

Однако именно въ эти годы,—годы мира (346—40), употребленные Филиппомъ для укрѣпленія своей власти и расширенія своего вліянія, Демосфенъ занялъ, повидимому, важное мѣсто среди руководителей своей страны. вмѣстѣ съ Гиперидомъ и Гегезиппомъ онъ выставлялъ противъ приверженцевъ Филиппа сильную партію. Вторая Филиппика его (344 до Р. Х.) поднимаетъ тревогу и указываетъ на неизбежность новой войны съ Македоніей; въ слѣдующемъ году Филократъ, главный защитникъ идеи мира и довѣрія къ Филиппу, былъ изгнанъ вслѣдствіе возбужденнаго противъ него Демосфеномъ преслѣдованія. Въ томъ же году наступило долго отлагавшееся преслѣдованіе Эсхина (*περί παρὰπρεσβείας*), пренія о которомъ дошли до насъ. Но въ этомъ случаѣ Эвбулъ и Фокіонъ имѣли возможность спасти обвиненнаго, хотя и не безъ большого труда. Въ 340 году появилась третья и самая сильная Филиппика, призывавшая Аѳинянъ пробудиться отъ лѣни и ложнаго спокойствія, вооружиться противъ увеличивающейся, и уже близкой опасности.

Въ продолженіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ (340—338 до Р. Х.) могущество Демосфена достигло апогея; краснорѣчіемъ своимъ

онъ дѣйствительно пробудилъ согражданъ; принимались энергическія мѣры; Эвбея снова присоединилась къ союзу; Византія была спасена отъ нападенія Филиппа. Даже особый фондъ Эврики былъ пожертвованъ демократіею и употребленъ, какъ давно предлагалъ ораторъ, на общественныя нужды. Однако съ помощью новой Священной войны Филиппу удалось сдѣлать нашествіе на Грецію и укрѣпить Элатею, сѣверный ключъ къ Бэотіи. Тогда-то Демосеенъ впервые убѣдилъ Аѳинянъ отбросить традиціонную ненависть и оказать быструю помощь исконному своему врагу, Фивамъ. Кромѣ того, самъ онъ немедленно отправился посломъ въ Фивы и убѣдилъ Фивянъ, вопреки оппозиціи македонской партіи, принять аѳинское войско съ искреннимъ доброжелательствомъ. Это было, безспорно, величайшимъ триумфомъ всей его жизни, и приходится вѣчно сожалѣть о томъ, что быстрота и напряженность этого кризиса лишили насъ тѣхъ рѣчей, съ помощью которыхъ онъ достигъ такихъ чудесныхъ результатовъ.

§ 504. Битва при Херонѣ (Августъ 338 г. до Р. Х.) разрушила всѣ его надежды и политическіе планы. Онъ сражался, какъ простой рядовой, и бѣжалъ вмѣстѣ съ другими, когда день былъ проигранъ. Аѳиняне выразили уваженіе къ нему и опровергли обвиненіе его въ трусости, избравъ его на слѣдующую зиму для произнесенія Эпитафіи надъ павшими. Онъ былъ также назначенъ комиссаромъ по общественнымъ сооруженіямъ для возобновленія укрѣпленій города, посредствомъ которыхъ патріоты хотѣли поддержать достоинство Аѳинъ, не смотря на то, что городъ былъ вынужденъ отречься отъ стремленій къ главенству надъ Греціею. Вслѣдствіе хорошаго исполненія имъ обязанностей и щедраго пожертвованія восьмидесяти минъ въ пользу сооруженій, оратору было присуждено, по предложенію Ктезифона, поднесеніе въ театрѣ почетнаго вѣнка (337 г. до Р. Х.). Но предложеніе это, которое Эсхинъ объявилъ незаконнымъ, не было въ то время приведено въ исполненіе. Смерть Филиппа (336) снова оживила надежды Демосеена; онъ появился въ праздничномъ одѣяніи, снявъ для этого печальную одежду, только что надѣтую имъ по случаю смерти своего единственнаго ребенка; патріотизмъ порывалъ въ немъ всѣ семейныя узы. Въ то время, какъ Александръ, удовлетворенный формальнымъ признаніемъ его положенія, какъ главнокомандующаго надъ Греками, на время какъ бы затерялся среди сѣверныхъ варваровъ, Демосеенъ съ помощью присланныхъ изъ Персіи средствъ, которыми онъ располагалъ безотчетно, раздавалъ оружіе и припасы Фивянамъ и старался поднять противъ Александра общее возстаніе. Но Аѳиняне все еще медлили и еще не высказались окончательно, когда Македонянинъ ринулся на Фивы, разрушилъ ихъ и

потребовалъ себѣ головы членовъ аѳинской патріотической партіи, въ которыхъ признавалъ настоящихъ противниковъ своего авторитета. Благодаря посредничеству Фокіона и Демада, жизнь Демосфена и его друзей была спасена; то былъ актъ замѣчательнаго великодушія со стороны Александра, вызванный однако, я полагаю, скорѣе презрѣніемъ, чѣмъ политическою мудростью.

Величественное завоеваніе Востока, эллинизированіе Персіи, основаніе новой, континентальной греческой имперіи—все это прошло какъ будто мимо очей греческихъ патріотовъ. Они оставались въ Аѳинахъ, оплакивая всякую новую побѣду Грековъ, возсылая мольбы за своего исконнаго врага, Персію, все надѣясь, противно очевидности, не погибнетъ ли, быть можетъ, Александръ на отдаленномъ востокѣ, откуда доносились чудесные рассказы о его подвигахъ, поселявшие отчаяніе въ ихъ узкихъ, хотя и благородныхъ сердцахъ.

Однако въ то самое время, когда востокъ былъ ареною блестящихъ дѣяній, Аѳины переживали столкновеніе мнѣній, надѣлавшее почти столько же шума среди потомства. Рѣчь шла о протестѣ Эсхина противъ выраженія довѣрія, вотированнаго Демосфену, по предложенію Ктезифона, и объ отвѣтѣ на этотъ протестъ со стороны самого Демосфена;—въ сущности это было ничто иное, какъ публичный процессъ, веденный противъ жизни и дѣяній оратора передъ лицомъ собравшихся его согражданъ, когда рушилась его политика и отчизна пала безнадежно въ борьбѣ. Успѣшный отвѣтъ Демосфена (рѣчь о вѣнкѣ, 330 г. до Р. Х.) есть грандіознѣйшая изъ рѣчей, дошедшихъ до насъ изъ древности.

§ 505. Послѣ этого великаго и заслуженнаго торжества, голосъ оратора для насъ почти совершенно замолкаетъ; заключительные годы его жизни были омрачены несчастьями и позоромъ. Когда «невѣрный управитель» Александра, Гарпальъ, прибылъ изъ подъ Сунія съ войскомъ наемниковъ и несмѣтными сокровищами, Демосфенъ воспротивился его пропуску въ Аѳины; Гарпальъ добился однако пропуска безъ войска и началъ сыпать золотомъ среди аѳинскихъ политиковъ, въ надеждѣ поднять городъ противъ Александра. Тогда Демосфенъ отдѣлился отъ патріотовъ и вмѣстѣ съ Фокіономъ подаль голосъ за подчиненіе Александру, силу котораго онъ понялъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ задержать Гарпала и наложить запрещеніе на его богатства до прибытія начальниковъ Александрова войска для принятія этихъ богатствъ. Но Гарпаль бѣжалъ, и половина денегъ, помѣщенныхъ, будто бы, въ Акрополѣ подъ наблюденіемъ Демосфена и другихъ лицъ, оказалась пропавшею. Демосфенъ былъ тотчасъ же обвиненъ въ принятіи подкупа за содѣйствіе бѣгству Гарпала. Послѣ допроса, сдѣланнаго ареопагомъ, и онъ, и другія лица были отданы подъ судъ. Государственные обвинители, изъ

которыхъ самымъ выдающимся считался Гиперидъ, были назначены для возбужденія этого дѣла. Демосѳена, какъ перваго отвѣтчика, присудили къ пенѣ въ пятьдесятъ талантовъ и ввергли въ тюрьму. не дожидаясь даже истеченія законнаго срока, какъ будто уплата имъ денегъ была совершенно невозможна. Двѣ изъ произнесенныхъ противъ него рѣчей уцѣлѣли въ бумагахъ, оставшихся послѣ Динарха и Гиперида (рѣчь послѣдняго — въ отрывочномъ видѣ). Съ помощью этихъ документовъ и изложенія самихъ фактовъ большинство новѣйшихъ историковъ опровергло приговоръ аттическихъ присяжныхъ, признанный древними, и считаетъ Демосѳена жертвою стачки Македонянина съ ультра-патріотическими вождами Аѳинъ ³⁴⁴). Онъ бѣжалъ изъ тюрьмы и велъ жалкую жизнь изгнанника на берегахъ Арголиды ³⁴⁵), когда извѣстіе о смерти Александра потрясло всю Грецію. Патріотическая партія въ Аѳинахъ возстала, Демосѳенъ примирился съ нею и присоединился къ ея посольству, чтобы побудить Пелопоннезъ къ войнѣ. Онъ былъ призванъ въ Аѳины особымъ декретомъ, и его торжественное возвращеніе уподобляли возвращенію совершенно противоположнаго по убѣжденіямъ Аливиада. Послѣ кратковременныхъ успѣховъ, пораженіе при Краниѣ снова погубило дѣло патріотовъ, и Антипатръ, не напоминая Александръ по великодушію, настоялъ на изгнаніи ораторовъ, этой вѣчной грозы македонскому владычеству въ Греціи. Демосѳенъ былъ настигнутъ своими преслѣдователями близъ храма Нептуна въ Калаврій—древнемъ святилищѣ, воздвигнутомъ въ память самаго ранняго союза впервые складывавшагося эллинскаго народа. Видя невозможность спасенія, ораторъ удалился въ святилище для того, чтобы написать тамъ, будто бы, свои желанія, и принялъ ядъ, бывшій у него наготовѣ. Его силъ было недостаточно, чтобы спасти храмъ отъ оскверненія его смертію,—сцена патетическая, преданная безсмертію Плутархомъ.

§ 506. Если день рожденія Демосѳена вызывалъ споры, за то годовщина его смерти была отмѣчена съ особою и любовною точностью,—это именно олимп. 114, 3,—16 число мѣсяца Піанепсіа (322 до Р. X.). Ему было тогда шестьдесятъ два года. Пятьдесятъ

³⁴⁴) Такъ дѣлаютъ, напримѣръ, Гротъ, Шеферъ, Э. Курциусъ, Блассъ и друг. Я нахожу, что гг. Сямковъ въ своемъ введеніи къ рѣчамъ Демосѳена и Эхина о войнѣ (Оксфордъ, 1872 г.) болѣе трезво и прозаично, но за то, по моему, болѣе вѣрно оцѣниваютъ это событіе. Мы вернемся къ нему впоследствии въ связи съ обвиненіемъ Гиперида.

³⁴⁵) Онъ составлялъ, быть можетъ, жалобныя письма для смягченія гнѣва демоса, и если дошедшія до насъ посланія, писанныя на эту тему, подлинны, то это позднѣйшія произведенія пера Демосѳена.

лѣтъ спустя, по предложенію его племянника Демохара, Аѳиняне соорудили ему въ Агорѣ бронзовую статую (оригиналъ нашихъ те-перешнихъ портретовъ) и присудили воздать его потомству почести. На пьедесталѣ была написана слѣдующая нелѣпая эпиграмма:

εἴπερ ἴσῃ γνῶμῃ ῥώμῃν, Δημόσθενες, εἶχες
οὐποτ' ἄν Ἑλλήνων ἤρξεν Ἀρης Μακεδόν³⁴⁶).

Ватиканская статуя изображаетъ жалкую, худошавую фигуру, съ тонкими руками и неразвитыми мышцами; лицо озабоченное и изрытое морщинами; въ немъ нѣтъ слѣда жизненности, юмора или добродушія, отличающихъ большинство греческихъ портретовъ; нижняя губа сжата и нѣсколько отступаетъ назадъ, подтверждая то, что говорятъ свидѣтели о природномъ недостаткѣ произношенія Демосѳена. Онъ имѣетъ видъ непріятнаго, упорно трудолюбиваго, угрюмаго челоуѣка; въ лицѣ его не замѣтно также ясныхъ слѣдовъ ни того нравственнаго величія, которое завоевало ему передовое мѣсто между греческими патріотами, ни той умственной силы, которая сдѣлала изъ него оратора, непревзойденнаго никѣмъ въ лѣтотисяхъ исторіи.

§ 507. Дошедшее до насъ собраніе сочиненій Демосѳена кажется почти полнымъ, такъ какъ изъ его жизнеописанія (входящаго въ Біографіи десяти ораторовъ) видно, что признанныхъ его воззваній насчитывалось шестьдесятъ пять, мы же имѣемъ шестьдесятъ рѣчей кромѣ Письма Филиппа, шести писемъ Демосѳена и собранія предисловіи и рѣчей. Въ нашихъ рукописяхъ встрѣчается много различныхъ арранжировокъ ихъ, и тѣ, что находятся въ древнѣйшихъ и лучшихъ изъ нихъ, не заслуживаютъ, повидимому, предпочтенія. Мнѣ кажется, что всѣ рукописи согласуются между собою въ одномъ только отношеніи, именно въ томъ, что онѣ ставятъ одиннадцать Филиппикъ или рѣчей противъ политики Филиппа первыми по списку. Ни одна изъ рукописей не придерживается хронологическаго порядка, а скорѣе принимаетъ основныи порядокъ логическій, и именно въ слѣдующихъ общихъ чертахъ: самое широкое подраздѣленіе разлагаетъ его произведенія на *δημόσιοι* и *ἰδιωτικοί*, на рѣчи объ общественныхъ и част.

³⁴⁶) На то же обстоятельство указываютъ и пролическій отрывокъ изъ произведенія Тимокла, приведенный Аѳенеемъ (ср. Мейнке, *Fragg. Com.*, III, 598):

В. καὶ πρῶτα μὲν σοὶ παύεται Δημόσθενος
ὀργίζομενος. Α. ὁ πόσις; В. ὁ πόσις; ὁ Βριάρεωσ
ὁ ποὺς καταπέλτας τὰς τε λόγχας ἐσθίων,
μισῶν λόγους ἀνθρώπου, οὐδὲ πώποτε
ἀντίθετον εἰπὼν οὐδέν, ἀλλ' Ἀρη βλέπων.

ныхъ вопросахъ. Первыя распадаются снова на пять *συμβουλευτικοί*, на одиннадцать *Φιλιππητικοί* и восемь *δικανηκοί*, или судебныхъ рѣчей объ общественныхъ дѣлахъ, въ родѣ, напримѣръ, рѣчи о вѣнѣ. *ιδιωτικοί*, или рѣчи, касающіяся интересовъ частныхъ лицъ, или частныхъ споровъ, подраздѣлены, по степени ихъ легальнаго значенія, напримѣръ, на рѣчи объ опекахъ надъ собственностью Демосфена, объ отсрочкахъ юридическихъ дѣлъ, о контрактахъ, о нападеніяхъ и т. д. Въ этихъ двухъ категорій стоятъ *ἐπιδικητικοί* (подложныя), Письма и вступленія.

Первый сборникъ или *τὸν αἶξ* Каллимаха (написанный для александрийской библіотеки) былъ, повидимому, составленъ не строго критически и заключалъ въ себѣ все, что только приписывалось Демосфену; но риторы августова вѣка, Діонисій и Цецилій, были уже преисполнены сомнѣній, и первый (критическіе опыты послѣдняго не дошли до насъ) отвергалъ многія изъ рѣчей на основаніи ихъ слога или исторической неточности. Этотъ добросовѣстный и умный писатель признаетъ подлинными всего лишь двадцать двѣ общественныхъ и около двадцати четырехъ частныхъ рѣчей, словомъ, въ цѣломъ сорокъ шесть рѣчей. Но путь, по которому онъ шелъ, привелъ новѣйшихъ критиковъ къ подобнымъ же изслѣдованіямъ и (какъ это свойственно разрушительной критикѣ) постоянно возрастающее число рѣчей объявлялось подложными, пока наконецъ въ списокъ, составленный важнѣйшимъ изъ нѣмецкихъ критиковъ, А. Шеферомъ, включено было всего только двадцать девять рѣчей.

§ 508. Прежде, чѣмъ начать подробный разборъ демосфеновыхъ сочиненій, необходимо сказать нѣсколько словъ объ этомъ вопросѣ, тождественномъ съ критикою сочиненій Гомера и Платона, но представляющемъ, къ счастью, нѣсколько дополнительныхъ элементовъ для разрѣшенія его. Новая критика не безъ основанія полагаетъ, что первые риторы, вступившіе на путь отрицанія считавшихся прежде подлинными сочиненій, дѣйствовали, по всему вѣроятію, робко и оставляли нетронутымъ многое, что должно было бы логически исчезнуть. Аргументъ этотъ въ большинствѣ случаевъ здравъ и справедливъ. Но, когда я вижу, что взгляды Діонисія вовсе не были консервативны, и что, благодаря его преувеличенной оцѣнкѣ совершенствъ Демосфена, онъ былъ готовъ отвергать все недостойное его, я не думаю, чтобы были мы въ правѣ идти далѣе его скептицизма. Я говорю это въ особенности относительно тѣхъ рѣчей, которыя Діонисій признавалъ подлинными, между тѣмъ, какъ наши критики отрицаютъ ихъ на основаніи низменности ихъ слога. Въ этомъ отношеніи сужденіе древняго ратора безспорно вѣрнѣе и проникательнѣе нашего; мнѣ кажется поэтому, что когда человѣкъ, устрем-

лавшій все свое вниманіе на слоги, безпрекословно допустилъ подлинность какого-нибудь сочиненія и даже приводилъ изъ него цитаты, необходимы сильнѣйшіе аргументы, чтобы доказать его подложность на основаніи именно стилистическихъ недостатковъ.

Мы можемъ придти къ тому же заключенію и другимъ путемъ. Когда намъ говорятъ, что судя по слишкомъ частому примѣненію гіатуса, неправильному округленію нѣкоторыхъ періодовъ или монотонному употребленію связующихъ частицъ, какая нибудь рѣчь недостойна Демосѣена, слѣдовательно, подложна, то подъ этими словами скрываются два предположенія, которыя оба могутъ быть вполнѣ не точны. Первое утверждаетъ, будто ораторъ былъ всегда вѣренъ себѣ, будто всѣ попытки его были одинаково величественны; между тѣмъ мы можемъ сказать съ полною увѣренностью, что не только содержаніе рѣчи, но каждый мимолетный кризисъ, состояніе здоровья самаго оратора, или степень его популярности, все это навѣрно сильно вліяло на произведеніе его генія. Признавъ даже, насколько это возможно, что вплоть до извѣстной точки предположеніе это имѣетъ основаніе и что великій ораторъ не пуститъ въ обращеніе подъ своимъ именемъ жалкое и слабое произведеніе, мы не имѣемъ права думать, чтобы всѣ рѣчи Демосѣена просматривались одинаково тщательно или, во многихъ случаяхъ, подвергались даже вообще пересмотру. Намъ извѣстно, что только нѣкоторыя изъ нихъ были изданы имъ самимъ, въ качествѣ политическихъ памфлетовъ, которые, конечно, отдѣлывались всего основательнѣе и заботливѣе. Другія, и въ особенности рѣчи о частныхъ искахъ, быть можетъ, даже несоставлявшія собственности ратора, а проданныя имъ тяжущимся, во всякомъ случаѣ имѣвшія мало значенія для человѣка, существовавшего не доходами съ своихъ рѣчей, быть можетъ, весьма мало просматривались впослѣдствіи; за исключеніемъ тѣхъ немногихъ случаевъ, когда авторъ былъ заинтересованъ своимъ предметомъ, или имѣлъ случайный досугъ для написанія и исправленія какой-нибудь рѣчи, сочиненія эти могли значительно уступать и по силѣ, и по отдѣлкѣ болѣе великимъ общественнымъ возваніямъ. Есть еще третья категорія рѣчей, не предназначавшихся для обнародованія или отложенныхъ на время въ сторону и никогда не взятыхъ болѣе въ руки ораторомъ, пока чужіе люди не сдѣлали этого уже по его смерти, выпустивъ ихъ въ свѣтъ въ состояніи весьма далекомъ отъ законченнаго и пересмотрѣннаго труда. Это случилось даже съ такой замѣчательной рѣчью, какова рѣчь противъ Мидіа, которая, ни разу не произнесенная, была отложена въ сторону и никогда не отдѣлана самимъ Демосѣеномъ.

Но, скажутъ мнѣ, эти встрѣчныя предположенія основаны на еще болѣе крупной неправдоподобности, чѣмъ тѣ, которыя я

осуждаю. На основаніи ихъ, первый набросокъ рѣчи такого великаго оратора, какъ Демосѳенъ, не можетъ заключать въ себѣ всѣхъ совершенствъ его слога. Почему бы такому опытному писателю и не создать сразу рѣчи, по силѣ аргументаціи и величественности изложенія безошибочно принадлежащей ему? Въ отвѣтъ на это я скажу, что относительно Демосѳена хорошо извѣстно, что подобныя импровизаціи были ему вполне чужды, что всѣ его рѣчи, по ихъ окончаніи, носили на себѣ слѣды усидчиваго ночнаго труда и что ихъ разнообразіе и красота были результатомъ не непосредственнаго дарованія, какъ у Демада, а тщательной и сознательной обработки. Такъ, напримѣръ, разнообразіе въ употребленіи гіатуса въ его подлинныхъ рѣчахъ указываетъ на то, что въ обыкновенномъ разговорѣ или писаніи Демосѳенъ не избѣгалъ его, какъ чего-то естественно непріятнаго, а скорѣе, что онъ пересматривалъ свои сочиненія и избавлялся отъ гіатуса уже въ ихъ окончательной формѣ. На этотъ методъ писанія указываютъ Шеферъ и Блассъ въ своемъ отчетѣ о рѣчи противъ Тимократа, носящей слѣды двухъ рецензій, изъ которыхъ одна не отдѣлана и слѣдовательно заключаетъ въ себѣ погрѣшности противъ обычнаго ритма и случаи гіатуса между гласными³⁴⁷). Быть можетъ, та же отдѣлка примѣнялась Демосѳеномъ и къ его періодамъ, къ искусственному разнообразію его связующихъ частицъ, наконецъ даже къ логическому усиленію доказательствъ.

Что касается, слѣдовательно, формы, мнѣ кажется, что повѣйшіе критики слишкомъ поспѣшно отвергали многое подлинное; въ подтвержденіе этого я могу указать на разногласіе мнѣній по этому поводу. То, что Шеферъ считаетъ несомнѣнно подложнымъ, отставляется Вейлемъ и Блассомъ посредствомъ весьма здравыхъ соображеній, — а это только одинъ изъ многихъ примѣровъ обширной, широко распространенной полемики.

§ 509. Если мы возьмемъ критеріемъ самый предметъ рѣчей, то всѣ скептики будутъ принуждены допустить, что большинство спорныхъ произведеній отличаются такимъ знакомствомъ съ подробностями аѳинской исторіи, законовъ и общественныхъ нравовъ временъ Демосѳена, что всякая теорія о позднѣйшихъ поддѣлкахъ тутъ не мыслима, и что эти сочиненія, хотя и поддѣльныя, должны быть приписаны какимъ нибудь безвѣстнымъ современникамъ его. Немногія изъ нихъ, въ родѣ Эпитафіи и *Erotikos*, приписывались позднѣйшимъ риторамъ, хотя и тутъ (именно въ Эпитафіи) Блассъ указалъ на знаніе и соблюденіе тайнъ демосѳеновскаго слога, скоро затмившихся и утраченныхъ среди общаго упадка ораторскаго

³⁴⁷) Ср. Шефера, III, 64, 65; Бласса, III, 248.

искусства. Но, допуская даже, что самые сюжеты относятся къ демосееновой порѣ, критики полагають, что во первыхъ, слабость и вульгарность, а во вторыхъ, безчестность оратора служатъ вѣрными признаками подложности сочиненія. Первое предположеніе — дѣло вкуса, относительно котораго критики расходятся такъ широко, что я оставляю его въ сторонѣ, какъ нѣчто, лишенное всякаго значенія. Второе предположеніе, очевидно, то самое, что побудило Шефера искать причинъ для отверженія тѣхъ рѣчей по дѣламъ Аполлодора, которыя направлены противъ кліента, въ чью пользу Демосеенъ уже написалъ одну изъ своихъ лучшихъ судебныхъ аллокуцій. Древніе не оставили безъ вниманія это серьезное обвиненіе противъ Демосеена. Эсхинъ прямо высказывалъ его, и Демосеенъ не заявилъ нигдѣ возраженія. Позднѣйшіе біографы, въ родѣ Плутарха, повторили обвиненіе. Надежнѣе будетъ поэтому искать вмѣстѣ съ Блассомъ сильныхъ политическихъ причинъ для объясненія нѣкоторой шаткости въ нравственной сторонѣ демосееновой адвокатской дѣятельности, чѣмъ, исходя отъ представленія о его нравственномъ совершенствѣ, дѣлать на этомъ основаніи критическія возраженія противъ прочно удостовѣренныхъ рѣчей. Последняя нотка звучитъ во всемъ примѣчательномъ сочиненіи Шефера и, по моему, вредитъ его критическому значенію и здравому смыслу немалого числа его аргументовъ. Но основательность сочиненія сдѣлала книгу образцовою, и англійскіе историки и критики, повидимому, слѣпо придерживаются ея.

§ 510. Послѣ этихъ вступительныхъ замѣчаній, перейдемъ къ подробностямъ главныхъ рѣчей каждой категоріи, относительно которыхъ достаточно будетъ указать мнѣнія трехъ лучшихъ критиковъ нашего времени — Шефера, Бласса и Вейля (въ размѣрахъ, достигнутыхъ его изданіемъ). Мы будемъ вообще придерживаться хронологическаго порядка, отступая отъ него лишь тамъ, гдѣ можно достигнуть хорошей логической группировки. Начнемъ съ его юношескихъ рѣчей противъ опекуновъ, несомнѣнно самыхъ раннихъ, хотя и относящихся къ ідиотікоі или частнымъ рѣчамъ, и помѣщенныхъ, слѣдовательно, въ концѣ рукописей.

Первая и вторая рѣчь противъ А ф о б а весьма интересны, какъ первые опыты оратора, написанные къ тому же, безспорно, съ помощью и по совѣту Изея, по образцу восьмой рѣчи котораго (о наслѣдствѣ Кирона) онѣ построены; изъ нея перешли даже сюда, и въ особенности во вступленіе и пересказъ частныхъ, нѣкоторыя общія мѣста³⁴⁸). На этомъ основаніи нашли древніе критики,

³⁴⁸) Ср. а. §§ 2, 3, 7, 47, съ Изеемъ, Рѣчь 8, §§ 5, 4, 28 и 20 во второй рѣчи; есть еще заимствованія изъ другихъ рѣчей Изея, какъ въ этой, такъ и въ рѣчи противъ Онетора (Блассъ, стр. 202).

считавшіе ихъ всецѣло написанными Изеємъ; противъ этого возражали, указывая весьма неосновательно на превосходство построения, полноты и пафосъ этихъ рѣчей въ сравненіи съ произведеніями болѣе древняго оратора. Я называю это плохимъ аргументомъ, такъ какъ, по моему, рѣчи эти не сохранили своей первоначальной формы, а были исправлены Демосоеномъ въ позднѣйшіе годы, когда онъ издалъ ихъ, какъ ранніе образцы своего искусства. Вслѣдствіе этого хотя онѣ и вялы, и сухи во многихъ отношеніяхъ, мы видимъ въ иныхъ мѣстахъ руку истиннаго мастера. Къ числу неудачныхъ мѣстъ относятся въ первой рѣчи длинныя и мелочныя разясненія размѣровъ имуществъ. Лучшими мѣстами можно назвать патетическія заключенія, въ особенности во второй рѣчи, когда, описавъ сцену смерти отца, ораторъ обращается къ судьямъ съ страстнымъ призывомъ, навѣрно поразившимъ людей, привыкшихъ къ старинному, болѣе спокойному краснорѣчію³¹⁹). Здѣсь нѣтъ никакого слѣда пафоса, или обрисовки характеровъ, столь привлекательной у Лизія. Вся композиція серьезна, по временамъ даже ведена рѣзко, и обнаруживаетъ умъ встревоженный, поглощенный предметомъ до забвенія всякой сознательной риторики. Но, какъ я уже говорилъ выше, мы можемъ быть увѣрены, что многіе изъ юношескихъ промаховъ, быть можетъ даже многіе изъ изъязмы, исчезли изъ пересмотрѣннаго изданія этого ранняго образца произведеній великаго оратора.

Третья рѣчь, за Фана въ отвѣтъ (πρός) Афобу, является хорошимъ примѣромъ той полемики, на которую я выше намекалъ. По мнѣнію Вестермана, рѣчь эта бездоказательна и многосложна, преисполнена азиатской напыщенности, слѣдовательно, подложна. Къ этому Шеферъ присовокупляетъ указаніе на нѣсколько кажущихся непослѣдовательностей въ сравненіи съ другими рѣчами противъ Афоба и противъ Онетора. Онъ находитъ даже, что эта рѣчь не похожа вовсе на работу Демосоена. Бейль, столь же компетентный судья, считаетъ всѣ эти соображенія не убѣдительными и воздерживается отъ сужденія. — Дарестъ защищаетъ рѣчь, и тоже самое рѣшительно дѣлаетъ Блассъ, доказывающій, что ни одинъ поддѣльватель не обошелся бы съ остальными рѣчами такъ не зависимо и, пожалуй, даже столь не послѣдовательно, и что ни въ слогѣ, ни въ доводахъ онъ не видитъ ничего не-демосоевскаго. При такомъ состояніи полемики ранняя традиція, приписывающая это сочиненіе Демосоену, должна оставаться въ силѣ. Въ остальномъ, рѣчь не особенно интересна и не заслуживаетъ

анализа. Намъ извѣстно, что искъ противъ Афоба былъ успѣшенъ, хотя медлительность закона и всевозможныя уловки не дали Демосфену сразу или въ полной мѣрѣ воспользоваться своими правами.

§ 511. Двѣ рѣчи противъ Онетора, зятя Афоба, были произнесены въ продолженіе того же иска (462—1 до Р. Х.). Афобъ, послѣ своего пораженія, или въ ожиданіи его, передалъ Онетору свою поземельную собственность подъ видомъ уплаты приданого сестрѣ Онетора, съ которою, будто бы, юридически развелся. Этимъ средствомъ Демосфенъ былъ лишенъ возможности овладѣть своею собственностью послѣ рѣшенія своего дѣла съ Афобомъ. Настоящія рѣчи играютъ въ процессъ роль ἐξουλαγῆς, чего-то, что мы назвали бы «презрѣніемъ къ суду», и доказываютъ, что Онеторъ парализовалъ прежнее постановленіе суда ложными средствами. Главное затрудненіе на пути оратора безспорно заключалось въ хорошей репутациі отвѣтника, жившаго до той поры безупречною жизнью; поэтому онъ исключилъ изъ своей рѣчи иносъ, т. е. обрисовку характера, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда самъ желалъ пустить въ ходъ это средство. Исходъ дѣла намъ не извѣстенъ. Здѣсь ³⁵⁰⁾ еще разъ Демосфенъ взялъ изъ восьмой рѣчи Изея ³⁵¹⁾ готовую сентенцію, которую, какъ уже было замѣчено, можно найти и у Исократѣ ³⁵²⁾, но не въ той же формѣ, а только по сущности. Я говорю о странномъ общемъ мѣстѣ, утверждающемъ, что въ то время, какъ клятвенное свидѣтельство часто не надежно, свидѣтельство, добытое пыткой, никогда не бываетъ ложнымъ. Объ этомъ взглядѣ я говорилъ уже раньше въ другомъ своемъ сочиненіи ³⁵³⁾.

Такимъ образомъ въ рѣчахъ этихъ, вмѣстѣ съ рѣчами противъ Афоба, справедливо видать нѣкоторую зависимость отъ Изея, и онѣ отмѣчаютъ поэтому первую стадию развитія слога оратора. Законы ритма, о которыхъ мы вскорѣ поговоримъ, подмѣченные критиками въ его позднѣйшихъ сочиненіяхъ, еще не соблюдаются имъ съ достаточной точностью. Съ другой стороны, вліяніе исократовой прозы проявляется въ устраненіи пѣтуса, строже соблюдавшемся тутъ, чѣмъ впоследствии. Рельефно выступаютъ уже чисто-демосфеновскія черты, сильный наосъ, выраженный въ восклицаніяхъ, и отсутствіе иносѣ. Точно также бросается въ глаза и своеобразное подраздѣленіе сюжетовъ, благодаря чему онъ не покачивается съ однимъ разсужденіемъ и не бросаетъ его, а силе-

³⁵⁰⁾ а1. § 37.

³⁵¹⁾ § 12.

³⁵²⁾ 17, § 54.

³⁵³⁾ Social. Life in Greece, стр. 240.

таетъ разсужденія съ повѣствованіемъ и возвращается къ своимъ первоначальнымъ мыслямъ въ подробныхъ пересказахъ; — все это, составляя наиболѣе характерную черту его художественныхъ произведеній, находится уже здѣсь въ зародышѣ. Въ той же эпохѣ относятся и рѣчи противъ Студія, Калликла и рѣчь о вѣнѣхъ триерарха, изъ которыхъ послѣдняя едва ли можетъ считаться рѣчью по частному дѣлу, а касается обязанностей и положенія афинскаго флота. Это произведеніе такъ методически раздѣлено на *κῶλα* или члены и такъ тщательно написано въ ритмическомъ отношеніи, что его приписывали исократовой школѣ.

§ 512. Съ наступленіемъ междоусобной войны (357 г. до Р. Х.) критики связываютъ начало второй эпохи развитія Демосфена, когда онъ сталъ говорить не только въ судебныхъ дѣлахъ, представляющихъ общественный интересъ, но выступилъ уже въ качествѣ политика, дающаго совѣты собравшемуся народу. Эти два вида рѣчей такъ часто смѣняются съ той поры другъ друга и такъ тѣсно связаны между собою по содержанію, что лучше всего разсматривать ихъ хронологически, по мѣрѣ ихъ появленія, чѣмъ раздроблять ихъ на логическія категоріи.

Впереди всего стоятъ Обвиненіе Андротіона (*παράνομον*) и рѣчь о законѣ Лептина, — двѣ рѣчи, однородныя по существу, слѣдовательно обѣ направлены противъ несправедливаго законодательства. Первая была произнесена не самимъ ораторомъ, а написана имъ, по словамъ Діонисія, въ 355 г. до Р. Х. для нѣкоего Діодора, говорившаго въ поддержку Эвктемона, когда онъ нападалъ на предложеніе Андротіона, какъ на нѣчто незаконное. Этотъ политикъ предложилъ выразить, по обыкновенію, благодарность удаляющемуся совѣту, не смотря на то, что имъ не были доставлены въ теченіе своего управленія тѣ дополнительные корабли, безъ которыхъ законъ воспрещалъ имъ «испрашивать себѣ какой либо лестный даръ». Ораторы нападаютъ, слѣдовательно, на предложеніе Андротіона, какъ на дѣйствіе незаконное, вредящее интересамъ общества. Обстоятельное второе греческое предисловіе, вмѣстѣ съ предисловіемъ Либанія, даютъ намъ подробныя свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ. Такъ какъ рѣчь эта была *δευτερολογία* или дополненіемъ главнаго обвиненія, она начинается, безъ настоящаго вступленія, прямо съ изложенія причинъ вражды оратора къ Андротіону; такое введеніе, конечно, странно въ нашихъ глазахъ, но оно являлось въ Афинахъ какъ бы объясненіемъ обвиненія, которое, если бы оказалось неосновательнымъ, могло быть сочтено поступкомъ *сикофанта*; поэтому, какъ часто бывало въ подобныхъ случаяхъ, ораторъ прибѣгаетъ здѣсь къ предварительному разъясненію мотивовъ; за тѣмъ онъ предусматриваетъ оправданія, посредствомъ которыхъ бойкій

и опытный діалектикъ будетъ, вѣроятно, стараться защитить себя. Ораторъ отстаиваетъ свое собственное дѣло, во первыхъ, на основаніи неправильности самаго предложенія, во вторыхъ—некомпетентности лица, сдѣлавшаго его народу. Предложеніе это не пошло далѣе подготовительнаго фазиса, такъ какъ противъ него былъ законъ, воспрещавшій давать какія либо награды членамъ совѣта, не поставившаго новыхъ судовъ. Ораторъ предполагаетъ затѣмъ заявленіе Андротіона, что подготовительное голосованіе, хотя и требуемое закономъ, обыкновенно выпускалось на практикѣ—далѣе, что хотя законъ и воспрещалъ удаляющимся должностнымъ лицамъ испрашивать себѣ милостей, за то не было закона, не позволявшаго имъ принимать ихъ, если онѣ имъ предложены *ab extra*. Противъ этого ораторъ настаиваетъ, во первыхъ, на значеніи буквы закона, а потомъ и на важности его духа,—тѣ, которые не смѣютъ заискивать милостей, не должны *à fortiori* (σφόδρα γέ) принимать ихъ. Оглядываясь на прошлое, онъ указываетъ далѣе на великое значеніе флота для Аѳинъ и говоритъ о томъ, какъ его сила всегда совпадала съ могуществомъ и преуспѣяніемъ самаго государства. Что касается личности Андротіона, ораторъ утверждаетъ (безъ надлежащихъ впрочемъ доказательствъ), во первыхъ, что отецъ его всееще былъ должникомъ государства,—обстоятельство, лишившее сына права предлагать какія либо мѣры; далѣе, что самъ онъ велъ такую безнравственную жизнь, которая во всякомъ случаѣ дѣлаетъ его непригоднымъ къ участию въ управленіи. Къ этому ораторъ присоединяетъ многія подробности о насиліяхъ и несправедливостяхъ, совершаемыхъ Андротіономъ при взиманіи долговъ съ людей, за которыми числились общественныя недоимки. Эти и другія второстепенныя причины заявляются ораторомъ противъ Андротіона съ большой энергіею, мѣткостью и злобою. Рѣчь эта впервые обнаруживаетъ передъ нами оратора во всемъ его могуществѣ, не смотря на то, что она не свободна отъ значительной доли сознательныхъ софизмовъ, множества рѣзкихъ личныхъ нападокъ, прямо оправдываемыхъ частною враждою говорившаго съ его противникомъ. Такимъ образомъ онъ настаиваетъ на буквѣ закона, когда указываетъ на неблагонадежное прошлое Андротіона,—и на духѣ его, когда опровергаетъ заявленіе противника, будто буква закона не была имъ нарушена. Есть, далѣе, видимо неискреннее невниманіе къ отвѣту Андротіона, заявлявшаго, что личный характеръ его долженъ былъ подвергнуться разслѣдованію немедленно, а не тогда, когда потребовалось уничтожить рѣшеніе, касающееся другихъ. Тѣмъ не менѣе, рѣчь эта, въ своемъ родѣ, художественное произведеніе и первая изъ всѣхъ, нами разсмотрѣнныхъ, которая представляетъ интересъ для массы читателей, не смотря на то, что

ея сложность и мелочная аргументация дѣлаютъ ея изученіе нелегкимъ. Намъ однако не удивляетъ, что ораторъ не добился ею обвинительнаго приговора ³³⁴).

§ 513. Перейдемъ къ болѣе знаменитой, хотя и не лучшей рѣчи Вѣ отвѣтъ (πρὸς) Лептину, предложившему уничтожить списокъ лицъ, изъбавленныхъ отъ повинностей, съ тѣмъ чтобы всѣ, кромѣ потомковъ Гармодія и Аристогитона, древнихъ тираноубійцъ, несли одинаковыя государственныя тяготы. Это была первая рѣчь подобнаго рода, произнесенная въ 354 г. до Р. Х. самимъ Демосоеномъ. Такъ какъ срокъ для прямаго преслѣдованія (παράνομων), уже истекъ, то онъ вмѣстѣ съ другимъ ораторомъ, Афенсіономъ, нападалъ уже не на лицо, дѣлавшее предложеніе, а на самый законъ. Не стану разбирать эту сложную рѣчь, изобилующую слишкомъ многими повтореніями и пересказами, утомительными для обыкновеннаго читателя, хотя всѣ опытные публичные ораторы знаютъ, какъ нужна подобная настойчивость въ обращеніяхъ къ публикѣ. Сочиненіе это интересно во многихъ отношеніяхъ. Во первыхъ, какъ замѣтили уже древніе, перечисленіе дѣяній нѣкоторыхъ благотворителей народа, которымъ угрожалъ предлагаемый законъ, дало оратору случай проявить свой панегирическій слогъ, отъ котораго едва ли сохранился другой образецъ ³³⁵). Онъ утверждалъ, что число лицъ, заинтересованныхъ въ этомъ вопросѣ, не велико, слѣдовательно результатъ дѣла въ финансовомъ отношеніи будетъ не значителенъ, если сравнить его съ потрясающимъ дѣйствіемъ, которое произведетъ отказъ отъ выполненія государственныхъ обязательствъ. Въ этомъ заключается главный интересъ рѣчи, какъ проявленія личнаго характера оратора и его политическихъ взглядовъ. Демосоенъ защищаетъ святость общественныхъ обязательствъ, во первыхъ, противъ соблазновъ, представляемыхъ ложною выгодой ³³⁶), которая навѣрно окажется несостоятельною; во вторыхъ ³³⁷), противъ давленія религіозной щепетильности, несомнѣнной, какъ онъ доказалъ, съ простою честностью.

Есть основаніе думать, что усилія Демосоена удержать народъ отъ совершенія безтактнаго и несправедливаго поступка оказались

³³³) Есть еще одна, гораздо болѣе длинная и сложная рѣчь въ этомъ родѣ, написанная для Діодора, именно Обвиненіе Тимократа въ незаконности дѣйствій; но потребовался бы цѣлый томъ для анализа всѣхъ рѣчей Демосоена, такъ что я пройду мимо ея, хотя рѣчь и наводитъ насъ на интересные критическіе вопросы относительно своей второй рецензій, вызванной измѣнившейся ролью противника (ср. у Блаасса, Демосоенъ, стр. 244 и слѣд.).

³³⁴) §§ 30—86.

³³⁵) §§ 13 и слѣд.

³³⁶) §§ 125—7.

тщетными, и что предложеніе Лептина стало закономъ. Рѣчь Демосфена осталась, тѣмъ не менѣе, памятникомъ его возвышенныхъ взглядовъ и широкой политики, и даетъ намъ высокое понятіе объ аѳинскомъ собраніи, къ которому подобное воззваніе могло быть обращено однимъ изъ его публичныхъ совѣтниковъ, или, по крайней мѣрѣ, хоть лицомъ, стремившимся пріобрѣсти это значеніе. — Лучшее отдѣльное изданіе рѣчи принадлежитъ Вольфу.

§ 514. Прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ настоящимъ общественнымъ воззваніямъ Демосфена, я укажу на одну рѣчь, которая, хотя и обличала съ формальной стороны незаконность дѣйствія, близко подходитъ однако къ рѣчамъ о внѣшней политикѣ и во многихъ отношеніяхъ можетъ считаться одною изъ лучшихъ попытокъ автора. Я говорю о рѣчи, написанной (для Эвекла) противъ предложенія Аристократа (конецъ 352 года до Р. Х.), состоявшаго въ томъ, чтобы признать личность наемнаго полководца Харидема, находившагося въ то время на службѣ у еракійскаго царя Керсobleпта, священною, такъ чтобы человѣкъ, убившій его, считался совершившимъ преступленіе противъ всего союза, ни одинъ городъ котораго не смѣлъ бы пріютить его у себя. Это изумительное и унижительное предложеніе давало оратору, одаренному широкими и благородными взглядами, удобнѣйшій случай проявить свою силу. И такъ, Демосфенъ начинаетъ съ отрицанія всякой личной вражды къ Аристократу, чье имя даже почти не встрѣчается въ рѣчи. Послѣ общаго вступленія онъ подраздѣляетъ свои доводы на три опредѣленные заголовка, —пріемъ весьма непривычный у него; первый заголовокъ — это формальная незаконность предложенія; второй — неумѣстность его въ политическомъ отношеніи; третій — незаслуженность со стороны Харидема не только этихъ, но вообще какихъ либо почестей отъ государства. Но въ то время, какъ вопросы эти неоднократно и подробно разсматриваются ораторомъ въ отдѣльности, онъ постоянно повторяетъ всѣхъ ихъ, намекаетъ на нихъ въ совокупности, и рѣчь кончается напоминаніемъ слушателямъ о первомъ отдѣлѣ доказательствъ, который могъ быть затемненъ послѣдующими подробностями.

Формальная незаконность дѣйствія доказана подробнымъ разборомъ и истолкованіемъ драконовскихъ, все еще дѣйствовавшихъ въ то время, законовъ относительно убійствъ; это настоящій *locus classicus* о шести различныхъ видахъ судебныхъ преслѣдованій противъ разныхъ формъ убійства ³⁵⁸). Ораторъ доказываетъ весьма

остроумно, что предложеніе сдѣлать убійцу Харидема непосредственно наказуемымъ нарушаетъ всѣ тѣ торжественныя постановленія, уваженіе къ которымъ выразилось въ прежнихъ эдиктахъ въ видѣ слѣдующей оговорки: «да будетъ убійца наказанъ такъ, какъ будто онъ убилъ Аѳинянина» ³⁵⁹). Онъ приводитъ также и общій декретъ, постановляющій, что никакой законъ не можетъ быть изданъ, если онъ не коснется бы всѣхъ аѳинскихъ гражданъ въ равной степени;—мѣра, эта однако едва ли должна была исключать особыя постановленія или льготы. Послѣ нѣсколькихъ дальнѣйшихъ теоретическихъ поясненій ораторъ переходитъ къ разсмотрѣнію отвѣта противника, заявившаго, что законъ этотъ касается во всякомъ случаѣ общественныхъ интересовъ, слѣдовательно, извинителенъ, даже если бы онъ и являлся спорнымъ съ внѣшней стороны ³⁶⁰). Это самый любопытный отдѣлъ рѣчи, основанный на наиболѣе выдающемся принципѣ демосѳеновой иноземной политики,—именно, на принципѣ удержанія равновѣсія между могуществомъ всѣхъ соперниковъ или враговъ Аѳинъ. Демосѳенъ доказывалъ, что такая энергическая поддержка, оказанная Харидему и его патрону Керсоблепту, смутить его соперниковъ, прочихъ еракійскихъ царей, и значительная аѳинская область, Эракійскій Херсонесъ, подвергнется опасности, благодаря его честолюбію. На примѣрѣ Олинея и Филиппа ³⁶¹) Демосѳенъ показалъ, какъ ненадежна дружба этихъ полуварваровъ, и какъ никакія любезности относительно Керсоблепта не помѣшаютъ ему захватить Херсонесъ, если онъ почувствуетъ себя достаточно сильнымъ для этого. Эта ненадежность дѣлаетъ всѣ крайнія выраженія дружбы, въ родѣ настоящихъ, смѣшными. Даже болѣе—они унижаютъ Аѳины до роли наемной стражи, охраняющей жизнь деспота или авантюриста. Не будетъ также недостатка и во многихъ другихъ лицахъ, съ одинаковыми притязаніями, которыя чувствуютъ себя оскорбленными такимъ исключительнымъ предпочтеніемъ. Это побуждаетъ Демосѳена обозрѣть кратко, какъ ему по крайней мѣрѣ кажется, предшествующую исторію Харидема,—очеркъ драгоцѣнный, служащій лучшимъ источникомъ для пониманія жизни кондотьеровъ ³⁶²) въ четвертомъ вѣкѣ до Р. Х., но слишкомъ подробный въ его настоящемъ примѣненіи ³⁶³). Вслѣдъ за тѣмъ Демосѳенъ отвѣчаетъ довольно неискусно на сдѣланное ему возраже-

³⁵⁹) § 89

³⁶⁰) §§ 100 и слѣд.

³⁶¹) § 107.

³⁶²) Ср. даже защиту Діонісія, подобнаго же полководца, произнесенную Демосѳеномъ въ рѣчи О Херсонесѣ (§ 24 и слѣд.) нѣсколько лѣтъ спустя.

³⁶³) §§ 144—86.

ніе ³⁶⁴⁾, почему онъ не сказалъ всего этого давно, когда Харидему воздавались другія почести. Кончаетъ онъ часто повторяющимся въ его политическихъ рѣчахъ величественнымъ прославленіемъ политики и успѣховъ древнихъ Аѳинъ сравнительно съ упадкомъ и безуміемъ всего его времени, въ особенности же руководящихъ политиковъ (ῥήτορες) и ихъ дѣйствій ³⁶⁵⁾. Въ завершеніе онъ снова перечисляетъ свои юридическія доказательства. Мы можемъ по справедливости удивляться какъ кто либо, кромѣ самаго оратора, могъ произнести такую длинную и сложную рѣчь; намъ не извѣстно какія пособія, въ видѣ замѣтокъ, или иныхъ средствъ, дозволялось употреблять на судѣ лицамъ, заказавшимъ себѣ рѣчь. Всѣ главныя нити демосееновой политики ясно проведены въ этомъ произведеніи. Всѣ чудесныя средства его краснорѣчія уже въ полномъ ходу.

§ 515. Это естественно приводитъ насъ снова къ его политическимъ рѣчамъ, изъ которыхъ первая была произнесена имъ за два года до настоящаго процесса и озаглавлена рѣчью о Симморияхъ. Въ сущности это ничто иное, какъ указаніе на необходимость важной реформы флота, въ прямой связи съ изложеніемъ внѣшней политики Аѳинъ въ минуту кризиса. Такимъ образомъ рѣчь эта должна, по справедливости, быть отнесена къ числу воззваній оратора къ Эллинамъ, и Діонисій предлагалъ озаглавить ее рѣчью «объ отношеніяхъ къ персидскому царю (περὶ τοῦ βασιλέως)» ³⁶⁶⁾. Но, по привычкѣ Демосеена, оба сюжета переплелись между собою и изложены, какъ части одной политической системы. Повидимому, въ Аѳинахъ господствовало чувство страннаго безпокойства, почти паники въ виду вооруженій Дарія Оха противъ Египта, считавшихся предвѣстіемъ новаго нашествія на Грецію.

Демосеенъ доказывалъ, что эти опасенія, по всему вѣроятію, неосновательны, во всякомъ случаѣ преждевременны, и что провозглашеніе политики, враждебной Персіи, можетъ повести къ серьезнымъ усложненіямъ. «Такъ какъ военныя приготовленія противъ Грековъ или варваровъ тождественны, то зачѣмъ намъ, имѣя признанныхъ враговъ, искать новыхъ, а не готовиться скорѣе къ борьбѣ съ первыми, чтобы смочь отразить вторыхъ, если бы

³⁶⁴⁾ §§ 187—90.

³⁶⁵⁾ § 201.

³⁶⁶⁾ Тѣмъ не менѣе, по замѣчанію Шпенгеля (Demegorien des Dem., Abhandl. der Baier. Acad. за 1863 г., стр. 62), меньшая и чисто вступительная часть рѣчи относится къ персидскому царю, между тѣмъ какъ главною цѣлью Демосеена была внутренняя реформа. Шпенгель справедливо отвергаетъ поэтому предлагаемое Діонисіемъ заглавіе.

они явились?»³⁶⁷). Всѣ комментаторы, отъ Діонисія и схолиастовъ вплоть до Шефера и Бласса, утверждали, что ораторъ имѣлъ здѣсь въ виду Филиппа, и что здѣсь впервые (354 г. до Р. Х.) онъ обнаружилъ свою дальновидность и осмотрительность относительно истинныхъ опасностей, грозившихъ Аѳинамъ. Я думаю, что полемика доказала полную неосновательность этого широко распространеннаго взгляда, придуманнаго для прославленія мудрости и политической проницательности Демосфена. Такъ какъ въ предшествующемъ отрывкѣ онъ говоритъ о врагахъ греческихъ въ противоположность врагамъ-варварамъ, а вслѣдъ за тѣмъ о признанныхъ и проблематическихъ противникахъ, то совершенно достоверно, что онъ не имѣлъ здѣсь въ виду Филиппа, котораго всегда тщательно выдѣлялъ изъ среды настоящихъ Грековъ, причисляя его къ варварамъ. Наконецъ, если бы онъ дѣйствительно имѣлъ въ виду Филиппа, или думалъ о немъ, то его аргументъ только получилъ бы усиленную мѣткость и значеніе отъ прибавки «въ особенности Филиппа, противъ котораго мы не можемъ устоять безъ надлежащаго флота». Изъ Письма Филиппа³⁶⁸) признаннаго въ настоящее время подлиннымъ даже Нѣмцами, ясно напротивъ, что Аѳиняне намѣревались какъ разъ въ эту пору пригласить Филиппа соединиться съ ними и остальными Греками противъ Персіи. Подобное показаніе прямо опровергаетъ мнѣніе о намѣреніи Демосфена причислить Филиппа къ признаннымъ греческимъ врагамъ Аѳинъ. Я указываю на это, какъ на образецъ ложнаго и натянутого объясненія, которое, разъ установившись между филологами, цѣлые вѣка заражаетъ собою книгу за книгою. Одинъ только Гротъ, благодаря вѣрному историческому чутью и умѣнью оцѣнивать подлинность показаній, которыми онъ отличается болѣе всѣхъ остальныхъ историковъ этой эпохи, игнорируетъ этотъ воображаемый намекъ и указываетъ на то, какъ сокрыты были планы Филиппа и какъ мало понимали ихъ даже самые мудрые люди того времени³⁶⁹).

Я не стану вдаваться здѣсь въ разборъ проекта морскихъ реформъ, предложенныхъ Демосфеномъ и обнаруживавшихъ его глубокое знакомство со всѣми средствами и нуждами Аѳинъ и его компетентность, какъ государственнаго человѣка и финансиста. Главный интересъ этой многознаменательной рѣчи заключается въ изложе-

³⁶⁷) §§ 10—11.

³⁶⁸) § 6.

³⁶⁹) XI. 399. Ср. стр. 406: «Здѣсь (въ рѣчи о Мегалополи), какъ и въ рѣчи *De Symmogiis*, произнесенной за годъ передъ тѣмъ, нѣтъ намека на Филиппа, — и эта подробность заслуживаетъ вниманія», и т. д.

ніи сдержанной и полной достоинства политики, въ указаніи необходимости надлежащей подготовки и бдительнаго вниманія къ общественнымъ дѣламъ. Слогъ простъ и серьезенъ, какъ и подобало юному оратору, впервые выступавшему тогда въ роли политика. Критики основательно усматриваютъ какъ въ этихъ высшихъ качествахъ, такъ и въ нѣкоторой рѣзкости и неясности изложенія, сильное вліяніе Фукидида на оратора.

§ 516. Въ связи съ этимъ мы можемъ разсмотрѣть и рѣчи о Мегалополѣ (353 г. до Р. Х.) и о Родосѣ (351 г.), такъ какъ въ нихъ также изложены взгляды на внѣшнюю политику, и онѣ написаны въ до-филлипическомъ стилѣ Демосфена. Въ первой рѣчи ораторъ поддерживаетъ заявленіе Аркадянъ, которые соединились въ ту пору въ Мегалополѣ и которыхъ Спартанцы (лишь только Ѡивы были ослаблены Фокейцами) желали раздробить на ихъ прежніе разрозненные поселки и снова вернуть къ политическому ничтожеству. Поддерживать этихъ Аркадянъ — значило отрекаться отъ политики, руководившей при Мантинейской битвѣ, когда Аѣины были на сторонѣ Спарты противъ опаснаго въ то время могущества Ѡивъ. Вслѣдствіе этого Демосфену пришлось оправдываться отъ обвиненія въ непоследовательности, что онъ и сдѣлалъ, доказавъ, что съ перемѣной обстоятельствъ Аѣины должны мѣнять и сторонниковъ, что въ этомъ и заключается ихъ последовательность, ибо цѣлью ихъ стремленій было уравновѣсить могущество сосѣдей. Такъ какъ Спартанцамъ оказывалась въ былое время поддержка лишь съ этой цѣлью, то они должны ожидать, что Аѣины будутъ имъ дѣятельно противодействовать всякій разъ, когда они покусятся на несправедливое расширение своей власти. Таковъ же характеръ рѣчи за изгнанныхъ родосскихъ демократовъ, явившихся умолять Аѣинянъ водворить ихъ на родину, хотя они и принимали дѣятельное участіе въ междоусобной войнѣ противъ Аѣинъ и были главными вожаками въ ниспроверженіи аѣинскаго могущества на морѣ и на островахъ. На этомъ основаніи изгнанники эти вмѣсто того, чтобы имѣть право на амністію, были предметами ненависти и отвращенія для Аѣинъ,—чувство, признаваемое Демосфеномъ и высказанное имъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доказываетъ, что крупный политическій организмъ не долженъ руководиться личными симпатіями и антипатіями; благодарить боговъ за то, что жестокіе уроки показали Родосцамъ ихъ заблужденія, настаиваетъ на обязанности Аѣинъ повсюду поддерживать демократію противъ олигарховъ и совѣтуетъ помочь Родосцамъ въ ихъ настоящихъ бѣдствіяхъ. На это возражали, что подобный образъ дѣйствій приведетъ Аѣины въ столкновение не только съ карійской царицей, вдовою Мавзола, но и съ

персидской державой, чьимъ вассаломъ она состоитъ. Демосоевъ доказываетъ, что бояться подобнаго столкновѣнія нечего, что, когда рѣчь идетъ о защитѣ праваго дѣла, люди не должны пугаться опасностей, и что наконецъ Персія сильна лишь съ помощію Эллиновъ. Такимъ образомъ, Демосоевъ защищаетъ здѣсь, когда этого требовала особая цѣль и ясно опредѣлившаяся внѣшняя политика, тотъ самый образъ дѣйствій, противъ котораго возставалъ въ рѣчи о Симморіяхъ, когда эта политика представлялась смутною, безъ опредѣленнаго назначенія. Эти три рѣчи даютъ намъ полную и ясную картину панэллинской политики Демосоевна, всегда желавшаго присвоить Аѣинамъ роль руководящаго верховнаго государства, всегда готоваго вмѣшиваться во внѣшнюю политику и требующаго себѣ права на то, настаивающаго на этомъ, какъ на своей обязанности, но всегда примѣненія ее къ опредѣленнымъ вопросамъ и цѣлямъ. Этѣхъ цѣлей было двѣ: во первыхъ, поддержаніе равновѣсія между силами соперниковъ и враговъ Аѣиновъ; во вторыхъ, защита свободы и демократіи противъ тираніи и олигархіи, будетъ ли она эллинской или варварской.

§ 517. Но возникавшее могущество Филиппа еще не было ясно для оратора; онъ не говоритъ о немъ даже, какъ о царѣ равномъ по значенію Котису или Кербобленту. Единственный намекъ, находящійся въ позднѣйшей изъ трехъ рѣчей³⁷⁰), заставляетъ меня предполагать, что это дѣйствительно было первымъ упоминаніемъ Демосоевна о Филиппѣ, и что эта рѣчь была произнесена раньше первой Филиппики, хотя Діонисій и утверждаетъ противное. Мѣсто это интересно, кромѣ того, тѣмъ, что подало критикамъ мысль, не имѣлъ ли Демосоевъ въ виду македонскаго царя, когда въ самомъ раннемъ своемъ воззваніи противопоставлялъ персидскаго царя завѣдомымъ врагамъ Аѣиновъ. Вотъ его слова: «Я часто слышу, какъ многіе изъ васъ говорятъ о Филиппѣ презрительно, какъ о человѣкѣ, неимѣющемъ значенія, и со страхомъ вспоминаютъ о царѣ, какъ о могущественномъ непріятелѣ, если только онъ разъ затѣетъ ссору. Но, если мы не возстанемъ дѣятельно противъ одного, считая его слишкомъ ничтожнымъ, и уступимъ во всемъ другому, какъ врагу сильному, противъ кого же, о Аѣиняне! будемъ мы во всеоружіи»? Это не тонъ первой Филиппики; здѣсь, напротивъ, замѣтно противорѣчіе даже съ ея введеніемъ. Вслѣдствіе этого, я полагаю, что она была произнесена какъ разъ передъ тѣмъ временемъ, когда въ Аѣины донеслись серьезныя увѣщанія не шутить долѣе съ могуществомъ Македоніи, такъ какъ въ немъ заключается истинная опасность. Но вмѣсто

³⁷⁰) Рѣчь XV, § 24.

того чтобы согласиться съ Діономъ и панегиристами, что главная заслуга Демосѣена заключалась въ томъ, что онъ предвидѣлъ готовившіяся событія и первый произнесъ слово увѣщанія. Я дивлюсь скорѣе тому невѣжеству и равнодушію относительно Филиппа, которыя обнаруживаетъ эта серія воззваній, и думаю, что оратора можно справедливо обвинить, на ряду съ болѣе безвѣстными его соотечественниками, въ значительномъ недостаткѣ предусмотрительности и непонятномъ отсутствіи политической дальновидности.

Древніе справедливо отдѣляли воззванія къ Эллинамъ отъ Филиппикъ, и послѣднимъ титуломъ они называли всѣ рѣчи, относящіяся къ борьбѣ между Аѳинами и возникающимъ могуществомъ Македоніи. Изъ нихъ несомнѣнно подлинны (въ ихъ хронологическомъ порядкѣ) первая Филиппика (351 до Р. Х.), и три олинскія рѣчи (349—8 до Р. Х.); ихъ можно назвать раннею или первою группою до мира 346 года до Р. Х. За ними слѣдуютъ рѣчи о мирѣ (346 г. до Р. Х.), вторая Филиппика (344 г. до Р. Х.), рѣчь о Херсонесѣ и третья Филиппика (341 г. до Р. Х.), въ общемъ восемь рѣчей. Остальные три, сомнительной подлинности, я отложу на время.

§ 518. Ничто не можетъ быть поразительнѣе новаго и измѣненнаго тона первой Филиппики въ противоположность съ тономъ почти одновременнаго родосскаго воззванія. Тамъ о Филиппѣ говорится, какъ о лицѣ вызывающемъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстной части народа, презрительное равнодушіе; здѣсь ораторъ предполагаетъ съ самаго начала, что всѣ упали духомъ отъ успѣховъ Филиппа, что о нихъ велось уже не мало преній, и онъ, не колеблясь, выступаетъ впередъ, такъ какъ совѣты ораторовъ болѣе зрѣлыхъ уже истощены и оказались безплодными. Такое внезапное измѣненіе тона не объясняется, по моему, естественнымъ ходомъ событій, особенно въ ораторѣ, не одаренномъ выдающеюся предусмотрительностью, тѣмъ болѣе, когда мы видимъ, что вниманіе Демосѣена было устремлено на вишія сношенія Аѳинъ, и что онъ былъ уже знакомъ съ сѣверной частью Эгейскаго моря, гдѣ служилъ нѣкогда въ качествѣ триерарха. Діонисій раздѣляетъ, правда, рѣчь на двѣ части и относитъ послѣднюю изъ нихъ ³⁷¹⁾ къ 347—6 г. до Р. Х., но это дѣленіе не узаконено позднѣйшими критиками, настаивавшими на единствѣ рѣчи и на произнесеніи ея въ болѣе раннюю эпоху. Сознаюсь, что, не будь бѣлаго упоминанія объ Олинѣ и объ экспедиціи къ Термопиламъ, какъ о чемъ-то недавнемъ ³⁷²⁾, я готовъ бы

³⁷¹⁾ Начиная съ § 80 и далѣе.

³⁷²⁾ Τῇ τελευτῇ προφῶν, § 17.

отнести всю рѣчь къ позднѣйшей порѣ и настаивать на признаніи значительнаго промежутка или серьезнаго кризиса между произнесеніемъ этого и прежнихъ общественныхъ воззваній; я думаю, что это еще можно сдѣлать съ помощью небольшихъ исправленій ³⁷³).

Ораторъ старается побороть глубокое уныніе народа и его вѣру въ непобѣдимость и неприступность позиціи Филиппа, показавъ, что не такимъ настроеніемъ духа достигъ Филиппъ своего величія, а также и Аѣины освободились отъ владычества Спарты, но что каждый истинно энергическій шагъ Аѣинъ увѣнчивался успѣхомъ. Онъ совѣтуетъ подготовить значительныя силы на родинѣ и небольшой летучій отрядъ близъ театра войны, но прежде всего ратуетъ противъ лѣни и медлительности народа, вѣчно толкующаго, занятаго голосованьемъ, принимающаго рѣшенія и недѣлающаго ничего. Весь складъ воззванія напоминаетъ тонъ позднѣйшаго краснорѣчія Демосоеена, страстнаго, полного мысли, авторитетнаго, вмѣстѣ съ тѣмъ отзывающагося съ уваженіемъ о народѣ, желчно нападавшаго на національныя ошибки и на развращенность политическихъ дѣятелей, всегда отстаивавшаго достоинство и величіе настоящихъ Аѣинъ.

§ 519. Нѣтъ нужды разбирать по очереди всѣ однородныя воззванія, странно тождественныя между собою по тону и слогу и

373) Самыя убѣдительныя внутреннія доказательства опровергаютъ хронологическій порядокъ публичныхъ рѣчей, произнесенныхъ съ 354—50, порядокъ, установленный Діонисіемъ и принятый Шеферомъ и другими современными критиками. Если мы сравнимъ намеки на Филиппа, находящіеся (или отсутствующіе) въ этихъ рѣчахъ, то получимъ слѣдующіе естественные выводы: 1) Рѣчь о Симморіяхъ, гдѣ Демосоеенъ старается успокоить опасенія по отношенію къ Персамъ и гдѣ, хотя ему и слѣдовало назвать Филиппа, онъ о немъ умалчиваетъ, противопоставляя только завѣдомыхъ греческихъ враговъ Аѣинъ не вполне определенныхъ врагамъ—Персамъ. 2) Рѣчь о Родоссахъ, гдѣ онъ случайно упоминаетъ о Филиппѣ, какъ врагѣ, котораго иные презираютъ въ Аѣинахъ, опасаясь вмѣстѣ съ тѣмъ Персовъ. 3) Рѣчь противъ Аристократа, гдѣ образъ дѣйствій Филиппа относительно Оливеа и Аѣинъ, вѣроломный и честолюбивый, предпочитающій рискъ и опасность—миру и безопасности, приводится, какъ разъясненіе вѣроятной политики Керсоблента. 4) Затѣмъ, послѣ многознаменательнаго (хотя, вѣроятно, и краткаго) перерыва появилась первая Филиппика, во введеніи къ которой указано на многочисленныя публичныя пренія, происходившія изъ-за Филиппа, на уныніе, почти на отчаяніе, овладѣвшія умами при видѣ его громадныхъ успѣховъ и почти неприступнаго положенія. И никакъ не могу представить себѣ, чтобы у чловека серьезнаго, придерживающагося честной и послѣдовательной политической системы, заявленія, въ родѣ послѣдняго, могли предшествовать случайнымъ и презрительнымъ намекамъ, встрѣчающимся въ другихъ рѣчахъ.

постоянно вращающіяся вокругъ однихъ и тѣхъ же предметовъ. Въ самомъ дѣлѣ, совѣты, даваемые ораторомъ въ олинескихъ рѣчахъ, отличаются такимъ общимъ характеромъ, что порядокъ этихъ воззваній никакъ не можетъ быть опредѣленъ на основаніи внутреннихъ доказательствъ, и величайшіе авторитеты, отъ Діонисія до нашихъ дней, расходились относительно этого вопроса. Если бы хотъ Тирлволль (Thirlwall) и Гротъ были согласны между собою, ихъ сужденіе, какъ историковъ, могло бы взять верхъ надъ мнѣніемъ простыхъ критиковъ; но даже они не могутъ столкнуться, и Гротъ, придерживаясь того порядка, который кажется и мнѣ наиболее правдоподобнымъ, наотрѣзъ отказывается высказать положительное мнѣніе. Я прошу читателя обратить особое вниманіе на общій характеръ этихъ рѣчей, какъ, на вѣроятную причину, почему онѣ имѣли на слушателей менѣе вліянія, чѣмъ слѣдовало ожидать. Это произошло, безъ сомнѣнія, отъ личныхъ опасеній оратора, который не могъ сдѣлать никакого положительнаго предложенія, не подвергаясь риску преслѣдованія за незаконность дѣйствій (*παράνομον*). Въ самомъ дѣлѣ намъ извѣстно, что онъ побудилъ Аполлодора взять на себя рискъ предложить употребленіе фонда Теорикъ для военныхъ цѣлей, и хотя предложеніе это и прошло въ минуту паники, Аполлаторъ былъ обвиненъ, лишь только миновало это настроеніе, и присужденъ къ уплатѣ таланта; около этого же времени новый законъ призналъ совершонное имъ предложеніе уголовнымъ преступленіемъ.

Если что либо поражаетъ насъ въ этихъ воззваніяхъ, кромѣ ихъ общаго характера, всегда однако принаровленного къ отдѣльнымъ фактамъ дѣла, или освѣщеннаго событіями изъ исторіи прошлаго, такъ именно глубокая сосредоточенность слога, почти нигдѣ не допускающая малѣйшаго украшенія въ видѣ метафоры или притчи. Ничто не можетъ быть проще и прямѣе идти къ цѣли, чѣмъ пламенная серьезность этихъ рѣчей. Только двѣ изъ нихъ рѣзко отличаются отъ остальныхъ, именно болѣе краткая и скудная рѣчь о мирѣ и болѣе обширная и разнообразная рѣчь о дѣлахъ Херсонеса. Последняя заведомо написана въ защиту наемнаго полководца Діопіеа, рѣшившагося дѣйствовать противъ Филиппа на собственный страхъ, вслѣдствіе чего Демосѳенъ защищалъ его отъ нападеній со стороны филипповой партіи въ Афинахъ. Рѣчь эта заключаетъ въ себѣ, кромѣ того, весьма замѣчательное сужденіе, излагавшее собственные политическіе взгляды оратора и описывающее обязанности и отвѣтственность добраго гражданина въ противоположность подкупному и развращенному. Во всѣхъ сочиненіяхъ Демосѳена, по признанію Брума, нѣтъ лучшаго мѣста. Я привожу его поэтому, какъ образъ

чикъ его образа мыслей и слога ³⁷⁴). Рѣчь о мирѣ безцвѣтна и вяла, такъ какъ Демосθενъ защищалъ здѣсь противъ воли политику своихъ противниковъ и настаивалъ на мирѣ съ Филиппомъ изъ опасеній общаго нападенія со стороны амфиктіоническаго союза. Впослѣдствіи ораторъ отрицалъ свои ходатайства въ пользу мира (въ посольской рѣчи), на что Гротъ указываетъ, какъ на дѣло сомнительной честности, между тѣмъ какъ нѣмецкіе панегиристы разъяняютъ это при помощи странныхъ аналитическихъ тонкостей.

§ 520. По мнѣнію большинства критиковъ, третья Филиппика считается не только лучшимъ изъ общественныхъ воззваній Демосθέна, но, быть можетъ, величайшею изъ рѣчей, когда-либо произ-

³⁷⁴) P. VIII. §§ 66 — 72: Τοιγάρτοι τούτων μὲν ἐκ πτωχῶν ἐνιοὶ ταχὺ πλούσιοι γεγόνασιν καὶ ἐξ ἀνώνυμων καὶ ἀδόξων ἐνδοξοὶ καὶ γνῶριμοι, ὑμεῖς δὲ τούναντίον ἐκ μὲν ἐνδόξων ἀδοξοὶ, ἐκ δ' εὐπόρων ἄποροι· πόλεως γὰρ ἐγώ γε πλούτον ἡγοῦμαι συμμάχους πίστιν εὐνοίαν ὧν πάντων ἔσθ' ὑμεῖς ἄποροι. ἐκ δὲ τοῦ τούτων ἐλιγώρως ὑμᾶς ἔχειν καὶ εἰάν ταῦτα φέρεσθαι ὁ μὲν εὐδαίμων καὶ μέγας καὶ φοβερός πᾶσιν Ἕλλησι καὶ βαρβάροις, ὑμεῖς δ' ἔρημοι καὶ ταπεινοί, τῇ μὲν τῶν ὀνίων ἀφθονίᾳ λαμπροί, τῇ δ' ὧν προσήκε παρασκευῇ καταγέλαστοι. οὐ τὸν αὐτὸν δὲ τρόπον περὶ θ' ὧμῶν καὶ περὶ αὐτῶν ἐνίους τῶν λεγόντων ὁρῶ βουλευομένους· ὑμᾶς μὲν γὰρ ἡσυχίαν ἄγειν φασὶ δεῖν, κἂν τις ὑμᾶς ἀδικῇ, αὐτοὶ δ' οὐ δύνανται· παρ' ὧμῶν ἡσυχίαν ἄγειν οὐδενός αὐτοὺς ἀδικοῦντος.

Εἰτα φησὶν ὅς ἂν τύχη παρελθὼν 'οὐ γὰρ ἐθέλεις γράφειν, οὐδὲ κινδυνεύειν, ἀλλ' ἄτολμος εἶ καὶ μαλακός'. ἐγὼ δὲ θρασὺς μὲν καὶ βδελυρός καὶ ἀναιδής οὗτ' εἰμὶ μήτε γενοίμην, ἀνδρείοτερον μέντοι πολλῶ πάντων τῶν ἰταμῶς πολιτευομένων παρ' ὧμῶν ἑμαυτὸν ἡγοῦμαι. ὅστις μὲν γάρ, ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, παριδὼν ἅ συνίσσει τῇ πόλει, κρίνει, δημεύει, δίδωσι, κατηγορεῖ, οὐδεμιᾷ ταῦτ' ἀνδρεία ποιεῖ, ἀλλ' ἔχων ἐνέχυρον τῆς αὐτοῦ σωτηρίας τὸ πρὸς χάριν ἀνδρεία ποιεῖ, ἀλλ' ἔχων ἐνέχυρον τῆς αὐτοῦ σωτηρίας τὸ πρὸς χάριν ὧμῶν λέγειν καὶ πολιτεύεσθαι ἀσφαλῶς θρασὺς ἐστίν. ὅστις δ' ὑπὲρ τοῦ βελτίστου πολλὰ τοῖς ὑμετέροις ἐναντιοῦται βουλήμασι, καὶ μηδὲν λέγει πρὸς χάριν, ἀλλὰ τὸ βελτίστον αἰεὶ, καὶ τὴν τοιαύτην πολιτείαν προαίρειται ἐν ἡ πλειόνων ἢ τύχῃ κυρία γίγνεται ἢ οἱ λογισμοί, τούτων δ' ἀμφοτέρων αὐτὸν ὑπεύθυνον ὧμῶν παρέχει, οὗτός ἐστ' ἀνδρῆς, καὶ χρήσιμός γε πολίτης ὁ τοιοῦτός ἐστιν, οὐχ οἱ τῆς παρ' ἡμέραν χάριτος τὰ μέγιστα τῆς πόλεως ἀπολωλεκότες, οὓς ἐγὼ τοσοῦτου δέω ζηλοῦν ἢ νομίζειν ἀξίους πολίτας τῆς πόλεως εἶναι, ὅστ' εἰ τις ἑροῖτό με 'εἰπέ μοι, σὺ δὲ δή τί τὴν πόλιν ἡμῶν ἀγαθὸν πεποιήκας; ἔχων, ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, καὶ τριηραρχίας εἰπεῖν καὶ χορηγίας καὶ χρημάτων εἰσφοράς καὶ λύσεις αἰχμαλώτων καὶ τοιαύτας ἄλλας φιλανθρωπίας, οὐδὲν ἂν τούτων εἴποιμι, ἀλλ' ὅτι τῶν τοιούτων πολιτευμάτων οὐδὲν πολιτεύομαι, ἀλλὰ δυνάμειος ἂν ἴσως, ὥσπερ καὶ ἕτεροι, κατηγορεῖν καὶ χαρίζεσθαι καὶ δημεύειν καὶ τᾶλλ' ἃ ποιοῦσιν οὗτοι ποιεῖν, οὐδ' ἐφ' ἐνὶ τούτων πωπῶτ' ἑμαυτὸν ἑταῖρα οὐδὲ προήχθηγ οὐθ' ὑπὸ κέρδους οὐθ' ὑπὸ φιλοτιμίας, ἀλλὰ διαμένω λέγων ἐξ ὧν ἐγὼ μὲν πολλῶν ἐλάττων εἰμὶ παρ' ὧμῶν, ὑμεῖς δ', εἰ πείθοισθέ μοι, μείζους ἂν εἴητε· οὕτω γὰρ ἴσως ἀνεπίφθονον εἰπεῖν. οὐδὲ γ' ἐμοὶ δοκεῖ δικαίον τοῦτ' εἶναι πολίτου, τοιαῦτα πολιτεύεσθαι· εὐρίσκειν ἐξ ὧν ἐγὼ μὲν πρῶτος ὧμῶν ἔσομαι εὐθέως, ὑμεῖς δὲ τῶν ἄλλων ὕστατοι· ἀλλὰ συναύξανεσθαι δεῖ τὴν πόλιν τοῖς τῶν ἀγαθῶν πολιτῶν πολιτεύμασι, καὶ τὸ βελτίστον αἰεὶ, μὴ τὸ ῥᾶστον ἅπαντας λέγειν. ἐπ' ἐκεῖνο μὲν γὰρ ἡ φύσις αὐτῇ, βαδίζειται, ἐπὶ τοῦτο δὲ τῷ λόγῳ δεῖ προάγεσθαι διδάσκοντα τὸν ἀγαθὸν πολίτην.

несенныхъ. Признаюсь, что, не говоря уже о рѣчи о вѣнѣ, которую, быть можетъ, критики не называютъ публичнымъ воззваніемъ, рѣчь о Херсонесѣ кажется мнѣ болѣе разнообразною, патетическою, и не менѣе могучею. Но съ критической точки зрѣнія, третья Филиппика особенно интересна, какъ рѣчь, дошедшая до насъ въ двухъ рецензіяхъ,—одной (болѣе краткой), помѣщенной только въ нашей лучшей и древнѣйшей рукописи (парижской рукописи S); другой, находящейся во всѣхъ остальныхъ и постоянно дополнявшейся вводными періодами, измѣнявшими ея симметрію, а подчасъ даже и самый ходъ ея. Тѣмъ не менѣе, обѣ рецензіи, повидимому, чисто-демосѣеновскія и указываютъ на два отдѣльных изданія. Блассъ, лучший изъ современныхъ критиковъ по подобному вопросу, считаетъ болѣе краткую рѣчь—позднѣйшею и обработанною самимъ ораторомъ. Это—лишнее доказательство того, что Демосѣенъ достигалъ совершенства формъ не путемъ предварительныхъ размышленій и медленнаго созиданія, а при помощи неоднократнаго, сознательнаго исправленія ³⁷⁵).

Въ этой серіи есть еще нѣсколько другихъ рѣчей, изъ которыхъ только одна, именно четвертая Филиппика, имѣетъ вѣскія права на подлинность. Но она до такой степени изобилуетъ мѣстами, заимствованными изъ другихъ демосѣеновыхъ рѣчей, что должна считаться или компиляціею, сдѣланною въ позднѣйшее время чужою рукой, или несовершеннымъ наброскомъ, которымъ самъ ораторъ воспользовался въ другомъ мѣстѣ и который былъ впоследствии найденъ въ его бумагахъ и обнародованъ. На основаніи прекрасной формы одного оригинальнаго мѣста въ рѣчи,—нападковъ на Аристомеда ³⁷⁶), Блассъ склоняется въ пользу послѣдняго предположенія и считаетъ даже Аристомеда вымышленнымъ лицомъ, а рѣчь—простымъ упражненіемъ, написаннымъ ораторомъ на дому. Это кажется мнѣ не столь правдоподобнымъ, какъ предположеніе, что какой нибудь ученикъ Демосѣена скомпилировалъ эту рѣчь, пользуясь, быть можетъ, болѣе полными матеріалами, чѣмъ тѣ, которые дошли до насъ.

Рѣчь περὶ συντάξεως, не заявляющая притязаній быть Филиппикою, составлена изъ отрывковъ, взятыхъ изъ прежнихъ публичныхъ рѣчей Демосѣена, и сопоставленныхъ съ общими воззваніями совсѣмъ не демосѣеновскаго характера. Точно также и рѣчь о письмѣ Филиппа не была даже отвѣтомъ на весьма содержательное, нынѣ признанное подлиннымъ, посланіе, стоящее рядомъ съ

³⁷⁵) Ср. мнѣніе также Шлегеля въ Abhandl. der bayerischen Acad. за 1863 г. въ концѣ первой его статьи о публичныхъ рѣчахъ Демосѣена.

³⁷⁶) §§ 70—4.

мею въ нашихъ рукописяхъ. Къ рѣчамъ о Галоннесѣ и о договорѣ съ Александромъ мы вернемся въ свое время, говоря о другихъ писателяхъ. Всѣ эти различныя произведенія интересны, давая намъ понятіе о среднемъ уровнѣ краснорѣчія въ Аѳинахъ сравнительно съ выдающимся блескомъ ораторскаго искусства Демосѳена.

§ 521. Перейдемъ къ тремъ наиболѣе пространнымъ и, быть можетъ, наиболѣе извѣстнымъ рѣчамъ Демосѳена, касающимся его собственныхъ дѣлъ—къ рѣчамъ противъ Мидіа, о подкупномъ посольствѣ и о вѣнкѣ. Эти произведенія, хотя и раздѣленные по времени, достойны быть разсмотрѣнными совместно, такъ какъ вмѣстѣ съ рѣчами противъ Афоба онѣ доставляютъ намъ матеріалъ для оцѣнки Демосѳена на основаніи автобіографическихъ источниковъ. Мидій, связанный съ опекунами Демосѳена узами родства, слѣдовательно, исконный личный врагъ оратора, дошелъ, послѣ многихъ нанесенныхъ имъ оскорбленій и непріятностей, до того, что напалъ на Демосѳена публично въ театрѣ, когда онъ, облаченный въ праздничное одѣяніе, руководилъ исполненіемъ хора своей трибы. Демосѳенъ добровольно принялъ на себя эту дорого стоявшую общественную обязанность, когда всѣ другіе отъ нея отказывались,—къ тому же и сочлены его подвергались опасности быть оскорбленными. Ему удалось обезпечить себѣ по жребію выборъ флейщика, и хоръ его одержалъ бы, по его словамъ, побѣду, если-бъ не постоянное, злокозненное вмѣшательство Мидіа. Но, когда послѣдній забылся до того, что далъ ему публично пощечину, Демосѳенъ сейчасъ же заявилъ о случившемся собравшемуся народу, который немедленно постановилъ приговоръ противъ Мидіа. Дошедшая до насъ рѣчь была написана для послѣдующаго судебного разбирательства, которое должно было постановить наказаніе послѣ точнаго разсмотрѣнія дѣла. Но, такъ какъ оно было прекращено по уплатѣ тридцати минъ, то рѣчи этой не пришлось быть произнесенной, и по многимъ признакамъ кажется, будто она никогда не была пересмотрѣна авторомъ для изданія.

Быть можетъ, однимъ изъ высшихъ триумфовъ искусства Демосѳена надо считать то обстоятельство, что онъ сумѣлъ окружить такую жалкую ссору неувядающей славой, такъ какъ дѣло «ощечины» (περί τοῦ χουδύλου) не было благодарнымъ сюжетомъ, въ особенности, когда ораторъ вынесъ въ свое время оскорбленіе и приберегъ всю свою ярость для риторическаго упражненія. Въ самомъ дѣлѣ, онъ почти смѣшенъ, когда поздравляетъ себя съ тѣмъ ³⁷⁷⁾, «что не увлекся въ ту минуту до совершенія чего ни-

будь непоправимаго»; съ его безсильной фигурою, облеченной въ парадное платье, всякая отместка несомнѣнно поставила бы его въ нелѣпѣйшее и презрѣнное положеніе. И такъ, могучій паѳосъ, которымъ увлекаются схолиасты и Нѣмцы въ его описаніи оскорбленія, вынесеннаго имъ отъ Мидія, скорѣе вызываетъ въ насъ смѣхъ, чѣмъ негодованіе. Еще хуже тѣ мѣста, гдѣ онъ хвалится, что отвергъ неоднократныя попытки противника достигнуть соглашенія, такъ какъ онъ казались ему оскорбительными послѣ позора, нанесеннаго должностному лицу, — въ концѣ концовъ намъ извѣстно, что когда все это было написано — будемъ надѣяться, что не раньше — дѣло все таки кончилось значительною пѣною, выплаченною Демосфену (около 115 фунтовъ). Фактъ этотъ тотчасъ же былъ подхваченъ Эхиномъ и Плутархомъ, какъ некрасивая подробность въ дѣятельности оратора, и съ него, дѣйствительно, могутъ снять обвиненіе въ низости только тѣ, кто во что бы то ни стало хочетъ видѣть въ немъ безупречнаго героя.

Лучшая сторона рѣчи заключается въ замѣчательной энергіи, съ которою ораторъ настаиваетъ на общественномъ значеніи оскорбленія, доказывая, что личное насиліе, само по себѣ, не можетъ быть терпимо, потому что противорѣчитъ самой сущности демократическаго принципа; далѣе, что оскорбленіе, нанесенное гражданину, исправляющему общественную обязанность, усиливаетъ вину и направлено противъ всего государства, что наконецъ въ настоящемъ случаѣ былъ нарушенъ къ тому же религіозный обрядъ, вслѣдствіе чего преступленіе возросло до степени публичнаго святотатства (*ἀσέβεια*), самаго гнуснаго преступленія въ глазахъ Аѳинянъ. Въ подтвержденіе общественнаго мнѣнія въ этомъ отношеніи ораторъ приводитъ намалое число прецедентовъ ³⁷⁸⁾.

Разсматривая эту рѣчь съ другой точки зрѣнія, мы можемъ считать ее хорошимъ образцомъ того, что древніе называли *λοιδόρια* или личными нападками, противоположными тѣмъ похвальнымъ словамъ, которые входили въ составъ эпидиктическаго краснорѣчія. Жизнь и поступки Мидія, его насиліе, роскошь, трусость, словомъ, нарушеніе всѣхъ принциповъ демократіи изображены весьма разнообразно и живо. Демосфенъ наказываетъ въ немъ жалкаго подражателя Алкивіаду, съумѣвшаго копировать только одни его пороки. Замѣчательно, что ораторъ говоритъ о своемъ собственномъ одинокомъ положеніи ³⁷⁹⁾, лишенномъ опоры какого либо общественнаго дѣятеля, между тѣмъ, какъ Мидій имѣетъ зна-

³⁷⁸⁾ §§ 175—82.

³⁷⁹⁾ §§ 189—90.

читательную политическую поддержку. Я уже упоминалъ о томъ, что Демосеенъ прямо опредѣлялъ въ рѣчи свой возрастъ въ тридцать два года ³⁸⁰⁾ и указывалъ при этомъ, что, хотя Мидію уже пятьдесятъ лѣтъ, онъ еще не оказалъ обществу одинаковыхъ съ нимъ услугъ. Показаніе это сдѣлано вполнѣ опредѣленно, но такъ какъ ораторъ желалъ выставить на показъ свою молодость, то, по всему вѣроятію, нѣсколько уменьшилъ число своихъ лѣтъ, такъ что со стороны современныхъ критиковъ является не слишкомъ большою смѣлостью отвергать, какъ они это большею частью и дѣлаютъ, это опредѣленное показаніе, которое противорѣчитъ году рожденія Демосеена, установленному инымъ путемъ.

Я обращаю вниманіе читателя еще на одно мѣсто этой рѣчи, особенно эффектное по своему паѳосу, на то мѣсто ³⁸¹⁾, гдѣ Демосеенъ взываетъ къ несчастному Стратону, который, рѣшивъ дѣло въ третейскомъ судѣ противъ Мидіа, былъ лишенъ правъ на этомъ основаніи и не имѣлъ болѣе возможности говорить или давать свидѣтельскія показанія въ судѣ. Такъ какъ рѣчь эта никогда не была основательно пересмотрѣна, то въ ея аргументахъ много повтореній и неровностей, много слабыхъ и многословныхъ мѣстъ. Однако это искупается другими подробностями, отличающимися такой силою, что, не смотря на жалкій сюжетъ и нѣсколько плачевную роль самого оратора, рѣчь эта считается обыкновенно однимъ изъ его лучшихъ произведеній. Діонисій утверждаетъ, что она была написана въ 349—8 году, такъ какъ нападеніе, о которомъ мы говорили, сдѣлано было именно въ это время. Быть можетъ, однако, что она не появилась раньше 347 года, по истеченіи котораго Демосеенъ, отправившись съ посольствомъ, тѣмъ самымъ доказалъ, что примирился съ тѣми политиками, которыхъ выставлялъ тутъ своими противниками ³⁸²⁾. — Лучшее изданіе этой рѣчи принадлежитъ Бутману.

§ 522. Рѣчь о безирравственномъ посольствѣ (до Р. Х. 344 г.), направленная противъ Эсхина, по моему мнѣнію, самое длинное изъ сочиненій Демосеена, можетъ быть по многимъ причинамъ поставлена на полпути между рѣчью о Мидіѣ и рѣчью о вѣнѣ. Подобно остальнымъ произведеніямъ его, рѣчь эта въ значительной степени автобіографическая, но она посвящена вмѣстѣ съ тѣмъ крупному общественному вопросу; въ ней ораторъ защищаетъ самого себя и нападаетъ на политику Эсхина за недостойное раболѣпіе передъ Филиппомъ. Странно сказать, хотя она и касается

³⁸⁰⁾ § 154.

³⁸¹⁾ §§ 95—8.

³⁸²⁾ Блассъ, *op. cit.*, стр. 289.

гораздо болѣе высокаго предмета, рѣчь эта не производитъ такого патетическаго впечатлѣнія, какъ предшествующая. Напротивъ того, единственное выдающееся мѣсто въ этомъ родѣ,—то именно, которое касается обращенія съ олинескими платнищами во время празднества ³⁸³),—было, какъ мы видимъ изъ отвѣта Эсхина, ораторскимъ промахомъ, за который авторъ былъ освистанъ публикою. Какъ уже извѣстно, нашъ ораторъ не отличался прозорливостью въ вопросахъ этики, хотя и не разъ пытается набрасывать характеристики въ настоящемъ сочиненіи.

Форма этой рѣчи возбуждала сильное подозрѣніе вслѣдствіе неправильности своего построенія, постоянной смѣны сюжетовъ, внезапныхъ ретроспективныхъ обращеній, словомъ вслѣдствіе отсутствія стройности, и значительной расплывчивости. Кроме того, въ отвѣтъ Эсхина есть нѣсколько спорныхъ пунктовъ, не встрѣчающихся въ извѣстномъ намъ теперь Демосееновомъ текстѣ, какъ бы указывая на то, что нападки, произнесенные Демосееномъ, отличались отъ текста. Древніе критики, благодаря этому, держались мнѣнія, что рѣчь эта не была въ сущности никогда произнесена и что, подобно Мидіевой рѣчи, мы имѣемъ въ ней просто подготовительный набросокъ, не обработанный до окончательной формы. Они утверждаютъ даже, что въ послѣдующихъ ссорахъ Демосеена и Эсхина нѣтъ прямого намека на процессъ; это замѣчаніе справедливо, — хотя Демосеенъ и намекаетъ на то, что Эсхинъ былъ при этомъ случаѣ отпущенъ благодаря своему ничтожеству ³⁸⁴), я не полагаю, чтобы это мѣсто доказывало что нибудь,—развѣ только, что Демосеенъ произнесъ свое обвиненіе, но не довелъ дѣло до конца, не желая продолжать процесса, въ безнадежности котораго убѣдился. Плутархъ приводитъ однако, впрочемъ неувѣренно, показаніе Идомея, будто Эсхинъ спасся только благодаря тридцати лишнимъ голосамъ. Въ общихъ чертахъ я готовъ примкнуть къ древнимъ противъ новѣйшихъ критиковъ и объяснить близкое согласованіе уцѣлѣвшаго отвѣта Эсхина съ произнесенною обвинительною рѣчью Демосеена аѣинскимъ обычаемъ разбирать въ агорѣ всѣ вѣроятные pro и contra каждаго готовящагося процесса,—обычаемъ столь распространеннымъ, что вошла даже въ употребленіе слѣдующая формула: «я слышалъ, что отвѣтчикъ хочетъ особенно настаивать на слѣдующемъ аргументѣ». Тѣ, кто увѣренъ, что процессъ дѣйствительно

³⁸³) На основаніи нѣкоторыхъ намековъ Эсхина есть поводъ думать, что фактъ этотъ былъ обставленъ при произнесеніи рѣчи большимъ числомъ возмутительнѣйшихъ подробностей, сравнительно съ тѣми, которые находимъ въ дошедшемъ до насъ изложеніи.

³⁸⁴) De Corona, § 142.

состоялся, полагають, что до насъ дошелъ первый набросокъ рѣчи, которая была измѣнена въ нѣкоторыхъ подробностяхъ для устной передачи; Шеферъ отстаиваетъ даже всѣ тѣ переходы и повторенія, которые болѣе смѣлые критики стараются исправить перестановками и пропусками.

Взвѣсивъ основательно всѣ эти различные взгляды, я выскажу мое собственное мнѣніе, не позволяя себѣ однако возводить его въ догматъ. Во первыхъ, что касается значительной длины рѣчи, мнѣ кажется, что Демосѣенъ былъ къ этому вынужденъ. На процессъ этотъ, если только онъ въ самомъ дѣлѣ состоялся, навѣрно смотрѣли съ большими ожиданіями, какъ на наслажденіе въ ораторскомъ отношеніи, такъ что для него могли быть сдѣланы особые приготовленія, и истцу и отвѣтчику было отведено добавочное время. Если поэтому собралась толпа гражданъ, преисполненныхъ любопытства и интереса къ дѣлу, то положительно становилось необходимымъ удовлетворить ее, какъ относительно продолжительности рѣчи, такъ и другихъ подробностей. Но демосѣеновъ методъ обстоятельной разработки обширнаго сюжета не заключался въ правильномъ сопоставленіи рубрикъ. Изъ его неполной рѣчи противъ Мидія и изъ художественныхъ рѣчей противъ Аристократа и о вѣнкѣ мы видимъ, что главною цѣлью его было постоянно держать весь вопросъ передъ взорами публики при помощи быстрыхъ оборотовъ, ловкаго повторенія или забѣганія впередъ и постоянныхъ припоминаній уже сказаннаго. Вслѣдствіе этого ничто не требовало большей заботливости и пересмотра, какъ именно послѣдовательность этихъ сплетенныхъ между собою аргументовъ и изысканіе подходящихъ переходовъ отъ одного къ другому, безъ однообразія или скачковъ. Мнѣ кажется поэтому, что онъ прежде всего выбиралъ свои аргументы, послѣ чего уже обращался къ вопросу о слогѣ, а подъ конецъ къ композиціи въ точномъ смыслѣ слова. Я убѣжденъ, что онъ переставлялъ параграфъ за параграфомъ, выпуская одинъ и добавляя другой, и только путемъ большаго старанія и упорства достигалъ той степени совершенства, когда каждая подробность является естественною, не занимая однако большаго мѣста въ общемъ эффектѣ, чѣмъ ей надлежитъ. Если поэтому рѣчи противъ Мидія и о посольствѣ были отложены въ сторону еще до ихъ окончательнаго произнесенія, и если къ тому же это было сдѣлано политикомъ, заваленнымъ дѣлами и не имѣвшимъ досуга, то мы можемъ представить себѣ, что онѣ еще нуждались въ той крайне мелочной отдѣлкѣ и полировкѣ, какія замѣтны въ рѣчи о вѣнкѣ. Мы имѣемъ передъ собою не только сырой, но уже переработанный матеріалъ для подобной рѣчи. По всему вѣроятію, параграфы ея имѣютъ совершенно такую же форму, какъ если бы ихъ

дѣйствительно произнесъ ораторъ. Связующія же звенья и, быть можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ самый порядокъ распредѣленія параграфовъ былъ бы иной, и тогда безпристрастные критики не нашли бы камня преткновенія (какъ это съ ними случилось) въ не-правильности аргументовъ съ логической стороны.

Какъ историческій источникъ, великая рѣчь эта, уравниваемая противоположными показаніями Эскина, является однимъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ памятниковъ того времени, но нуженъ былъ весь здравый смыслъ и добросовѣстность Грота, чтобы взвѣсить противорѣчивыя заявленія и доискаться до зерна истины. Вслѣдствіе этого, какъ комментарий къ самому предмету рѣчи, ничто не можетъ сравниться съ разсужденіями Грота³⁸⁵). Относительно же текста слѣдуетъ изучать критическій разборъ Робе (Misc. Krit.) и Воззванія Вейля, въ которыхъ собрано все, что можетъ быть добыто для объясненія текста путемъ изученія лучшихъ парижскихъ рукописей. Забавный антагонизмъ, выражаемый г. Shilleto къ Гроту, вредить его цѣннымъ въ остальныхъ отношеніяхъ комментаріямъ.

§ 523. Обстоятельства, давшія поводъ къ рѣчи о вѣнѣ, нѣсколько сложны, но хорошо переданы потомству и довольно достовѣрны. Когда вслѣдствіе пораженія при Херонѣ Аѳиняне были вынуждены позаботиться о своихъ укрѣпленіяхъ, они назначили особыхъ лицъ для наблюденія за ними (τεχνοποιοί), по одному изъ каждаго поколѣнія. Эти лица должны были слѣдить за публичными расходами по этому предмету. Демосѳенъ, какъ представитель своей трибы, не только обнаружилъ большое рвеніе, но истратилъ крупную сумму собственнхъ денегъ на этотъ предметъ. За эти заслуги Ктезифонъ предложилъ публично увѣнчать его золотымъ вѣнкомъ въ театрѣ Діониса передъ собравшимся народомъ. Это предложеніе было обжаловано (παράνυμν) Эскиномъ на томъ законномъ основаніи, что Демосѳенъ не далъ еще отчета въ употребленіи общественныхъ суммъ, кромѣ того и потому, что существовали особые постановленія, воспрещавшія такіа публичныя демонстраціи во всякомъ иномъ мѣстѣ, кромѣ Пникаса. Возраженіе это сразу остановило принатіе предложенія, хотя оно и было одобрено совѣтомъ (προβούλευμα); друзья Демосѳена не чувствовали себя съ своей стороны достаточно сильными, чтобы начать въ данную минуту процессъ по этому дѣлу. Но въ 330 году, когда только что было подавлено возстаніе Агиса, и люди, сочувствовавшіе анти-македонскому движенію, несомнѣнно едва не вовлекли Аѳины въ опасность, Эскинъ почувствовалъ

385) XI. стр. 525 и слѣд. См. въ особенности цѣнное примѣчаніе на этой страницѣ.

въ себѣ силу довести дѣло до разрѣшенія. Онъ прямо обвинилъ тогда Ктезифона въ незаконныхъ дѣйствіяхъ, указывая, что Демосеенъ былъ вѣроломнымъ и трусливымъ политикомъ, и что его общественная дѣятельность преисполнена была бѣдствіями для государства, а не почетными дѣяніями. Таково было, по описанію Грота, положеніе дѣлъ въ августѣ 330 г. до Р. Х., когда началось слѣдствіе. Мнѣ кажется однако страннымъ, если оно дѣйствительно велось по требованію македонской партіи, что Эсхинъ настаивалъ на тайномъ стремленіи Демосеена угодить Македонянамъ и на безсовѣстности, съ которою онъ наружно противодействовалъ имъ.

Независимо отъ формальной стороны вопроса, въ отношеніи которой Эсхинъ былъ, кажется, правъ (хотя Демосеенъ и могъ указать на прежніе примѣры, гдѣ буква закона нарушалась въ его пользу), онъ обозрѣлъ жизнь и образъ дѣйствій Демосеена въ четыре различныхъ періода: до 346 года; съ 346 по 341 годъ; кризисъ, окончившійся битвою при Херонее (338), и наконецъ дальнѣйшій періодъ. Въ отвѣтъ своемъ Демосеенъ не слѣдуетъ за нимъ шагъ за шагомъ. Во первыхъ, вопросъ о законности разсмотрѣнъ имъ весьма кратко и вставленъ въ средину рѣчи, гдѣ значеніе его теряется благодаря болѣе крупнымъ и вѣсскимъ доводамъ, поставленнымъ впереди и позади его. Во вторыхъ, что касается четырехъ періодовъ его жизни, то послѣдній имѣлъ не только весьма мало политическаго значенія, но самое обсужденіе его представляло большія неудобства въ виду успѣховъ Александра и бдительнаго надзора его агентовъ въ Аѣинахъ. Этотъ періодъ вполне игнорируется поэтомъ ораторомъ. Въ третьихъ, гораздо страннѣе, что онъ умолчалъ и о періодѣ, предшествовавшемъ 346 году, когда, какъ видно изъ его Филиппикъ и изъ Олинескихъ рѣчей, онъ уже былъ дѣятельнымъ и талантливымъ государственнымъ совѣтчикомъ. Я не могу найти объясненія, почему онъ не коснулся этого періода, кромѣ развѣ той причины, на которую я уже указывалъ, именно, что онъ не обнаружилъ особой проницательности, разгадывая ранніе планы Филиппа, и что вообще, хотя онъ и былъ уже политическимъ дѣятелемъ, но рѣчи его все еще мало вліяли въ то время и въ худомъ и хорошемъ смыслѣ. Мы имѣемъ даже право подозрѣвать, что наши редакціи этихъ раннихъ рѣчей заключаютъ въ себѣ не мало мудрости, *ex post facto* прибавленной ораторомъ при позднѣйшемъ пересмотрѣ ихъ для обнародованія.

Въ дополненіе къ самому предмету защиты Демосеенъ прибавляетъ еще въ продолженіе всей рѣчи параллельныя характеристики личныхъ свойствъ и политическихъ взглядовъ Эсхина для контраста съ самимъ собою, такъ что рѣчь его является не только простою

самозащитою, но и яростнымъ, иногда даже просто неприличнымъ нападеніемъ на противника. Мы принуждены ограничиться здѣсь очень бѣглымъ очеркомъ общаго направленія его доводовъ, такъ какъ по ихъ сложности и разнообразію понять ихъ можно только послѣ тщательнаго и очень спеціальнаго изученія.

§ 524. Введеніе ³⁸⁶⁾, начинающееся съ очень скромной молебны къ богамъ ниспослать ему со стороны судей то благорасположеніе, какое самъ онъ питаетъ къ городу и его гражданамъ, заключаетъ въ себѣ просьбу къ присяжнымъ не ожидать отъ него точнаго отвѣта на обвиненіе противника, такъ какъ онъ находится въ весьма невыгодномъ положеніи; не одинъ только поступокъ его, а вся его репутація поставлена на вѣсы, и онъ неизбѣжно долженъ будетъ хвалить себя. Присяжные увидятъ, что слѣдствіе касается Ктезифона не болѣе, чѣмъ самого его; поэтому онъ еще разъ повторяетъ свою молебу. Вслѣдъ за тѣмъ онъ предлагаетъ ³⁸⁷⁾ коснуться общихъ нападокъ Эсхина прежде, чѣмъ приступить къ самому дѣлу. За этимъ слѣдуетъ болѣе сжатое вступленіе (*προκατασκευή*), гдѣ онъ переходитъ отъ разсмотрѣнія частныхъ нападокъ къ нападкамъ на его политику и общественную жизнь и показываетъ ³⁸⁸⁾, что произносить столь тяжкое обвиненіе такимъ образомъ—не добросовѣстно. Если бы Эсхинъ былъ честенъ, онъ давно прямо и открыто началъ бы судебное преслѣдованіе. Эта жалоба на форму обвиненій, избранную противникомъ, относится къ числу приемовъ, употребительныхъ изстари, еще со временъ Антифона и съ различными видоизмѣненіями встрѣчается, какъ говорятъ старинные критики, семьдесятъ два раза въ теченіе рѣчи. За этимъ слѣдуетъ подкрѣпленный документами очеркъ ³⁸⁹⁾ положенія дѣла въ 346 г. до Р. Х. мирныхъ переговоровъ съ Филиппомъ, гибели Фокейцевъ, и оправданіе собственной политики оратора, сопровождаемое ³⁹⁰⁾ параллельнымъ обличеніемъ образа дѣйствій Эсхина въ тотъ же самый періодъ, со многими указаніями на послѣдствія этой политики и на мнимую дружбу Эсхина съ Македонскими царями.

Тутъ только ораторъ обращается впервые къ настоящему обвиненію ³⁹¹⁾ и требуетъ прочтенія акта, при чемъ останавливается на

³⁸⁶⁾ §§ 1—8.

³⁸⁷⁾ *πρόθεσις*. § 9.

³⁸⁸⁾ §§ 12—17.

³⁸⁹⁾ §§ 18—31.

³⁹⁰⁾ §§ 31—52.

³⁹¹⁾ §§ 53—9.

томъ мѣстѣ его, гдѣ говорится, будто прославленіе его политики Ктезифономъ было ложно; онъ опровергаетъ это мнѣніе очеркомъ исторіи Греціи послѣ событій 346 года. Это возраженіе, сопровождаемое припоминаніями уже сказаннаго и перечисленіемъ другихъ вѣнковъ, присужденныхъ ему въ разное время, наполняетъ длинный аргументъ ³⁹²). Вслѣдъ за тѣмъ Демосѣенъ переходитъ къ разсмотрѣнію юридической стороны обвиненія, самого слабаго пункта его дѣла, и старается указаніями на преднамѣренное запутыванье вопроса и ссылками на случаи нарушенія буквы закона покончить съ этимъ серьезнымъ затрудненіемъ ³⁹³), послѣ чего переходитъ къ рѣзкимъ нападкамъ на происхожденіе и личную исторію Эсхина, къ настоящей *λοιδόρια*, какую врядъ ли допустили бы въ наше время даже въ ирландскомъ парламентѣ ³⁹⁴), а потомъ къ разсмотрѣнію политическихъ актовъ, будто бы совершенныхъ Эхиномъ въ пользу враговъ города ³⁹⁵). Послѣ этого онъ повторяетъ вступительную торжественную молитву къ богамъ ³⁹⁶), въ виду того, что при прежнихъ случаяхъ народъ былъ слѣпъ и не хотѣлъ видѣть ни выдающихся способностей Филиппа, ни роковыхъ послѣдствій вины Эсхина ³⁹⁷). Тутъ начинается знаменитый рассказъ о захватѣ Элать Филиппомъ, описаніе великаго кризиса и собственныхъ дѣйствій Демосѣена, защищаемыхъ ораторомъ противъ нападеній Эсхина ³⁹⁸). Рассказъ этотъ кончается благороднымъ заявленіемъ, что даже если бы результатъ могъ быть предвидѣнъ, никакая иная политика не была бы почетна, или возможна для царственныхъ Аѣиновъ; — а затѣмъ слѣдуетъ знаменитое закланіе ³⁹⁹). Ораторъ доводитъ свое изложеніе до битвы при Херонеѣ, которой онъ, понятно, не касается, однако даетъ понять, что, какъ ни сложились обстоятельства, смѣлая политика его все таки была полезна, такъ какъ доставила Аѣинамъ льготныя условія ⁴⁰⁰).

Вся остальная часть рѣчи, хотя и весьма длинная, ничто иное какъ эпилогъ. Прежде всего ораторъ возражаетъ Эсхину, обвинявшему его въ томъ, что онъ былъ политикомъ несчастнымъ, навлекавшимъ бѣдствія на всѣхъ, кому давалъ совѣты; онъ противопоставляетъ свою судьбу низкой жизни и приключеніямъ Эсхина, — выходка желчная

³⁹²) §§ 60—109.

³⁹³) §§ 110—20.

³⁹⁴) §§ 121—31.

³⁹⁵) §§ 132—140.

³⁹⁶) § 141.

³⁹⁷) §§ 142—4.

³⁹⁸) §§ 145—87.

³⁹⁹) §§ 188—98.

⁴⁰⁰) §§ 199—250.

и оскорбительная; затѣмъ объявляетъ, что сдѣлаетъ въ заключеніе общій обзоръ сказаннаго ⁴⁰¹⁾ и въ остальной части рѣчи касается почти всѣхъ, уже разсмотрѣнныхъ имъ, вопросовъ, вставляя новые эпизоды и отступленія, касающіяся обязанностей честнаго политика и роковыхъ дѣйствій вѣроломства. Кончаетъ онъ прославленіемъ великихъ людей древности, примѣру которыхъ слѣдовалъ по духу, на сколько это было ему возможно, и молитвою къ богамъ (чѣмъ онъ началъ), и прося сокрушить измѣнниковъ и спасти городъ отъ грозящихъ ему бѣдствій.

§ 525. Изъ этого очерка, не смотря на его сжатость, уже виднѣн своеобразный и пестрый узоръ, по которому Демосѣнъ расположилъ свое великое художественное произведеніе. Онъ презрѣлъ всѣ обычные подраздѣленія, съ помощью которыхъ второстепенные ораторы поддерживаютъ порядокъ и правильность въ своихъ сочиненіяхъ, свободно переходилъ отъ одного предмета къ другому, соединяя апологію съ нападками, доводы съ повѣствованіемъ, при помощи естественныхъ переходовъ и съ поразительной рельефностію. Прочитавъ рѣчь до конца, всякій, мнѣ кажется, останется на столько же убѣжденнымъ, сколько и ослѣпленнымъ множествомъ и разнообразіемъ матеріала, обработаннаго ораторомъ, и общимъ эффектомъ, производимымъ рѣчью. Нѣтъ въ ней слѣдовъ хвастливости или тщеславія, а между тѣмъ трудно гдѣ либо найти болѣе искусное и постоянное прославленіе собственныхъ заслугъ. Точно также и противоположная характеристика Эсхина, грубо очерченная и не лишенная циническихъ намековъ, отличается вмѣстѣ съ тѣмъ такой силою натиска, послѣ котораго Эсхинъ не могъ уже болѣе подняться въ глазахъ потомства. Но, образуя прямую противоположность съ этой низшей стороною рѣчи, поражаетъ насъ ея возвышенный нравственный тонъ, почти стоическое презрѣніе оратора къ послѣдствіямъ, и его заявленіе, что высшая честность и наиболѣе прочный успѣхъ заключается въ томъ, чтобы поступать справедливо ради справедливости. Въ самомъ дѣлѣ, это была единственно возможная защита для политика, дѣятельность котораго оказалась неуспѣшною, а планы—неудачными. Тѣмъ не менѣе, это была правильная самозащита и, въ силу этого, она наложилась на всю рѣчь отпечатокъ такого благородства, какое рѣдко встрѣчается въ политическомъ краснорѣчіи.

Крайняя сложность и разнообразіе плана были уже, видимо, съ самаго начала придуманы ораторомъ, но, по всему вѣроятію, слегка увеличались вставками возраженій на отдѣльные вопросы Эсхина, при чемъ отвѣты эти, по замѣчанію Бласса, являются точно наростами,

⁴⁰¹⁾ § 270.

или приставками къ главному аргументу. Одно это уже достаточно ясно показываетъ, что Демосѣенъ писалъ свою защиту, имѣя въ виду общія основанія, которыя, какъ онъ догадывался а priori и какъ ему сообщили городскія сплетни, будутъ избраны Эхиномъ, и прибавляя къ нимъ впоследствии тѣ особые параграфы, какіе казались нужными. Было ли это сдѣлано во время дѣйствительнаго произнесенія рѣчи, — болѣе чѣмъ сомнительно, такъ какъ Демосѣенъ навѣрно не считалъ себя обязаннымъ издавать рѣчь въ томъ видѣ, въ какомъ она была произнесена. Въ самомъ дѣлѣ, Эхинъ, какъ доказали критики, прибавлялъ къ своей рѣчи отвѣты на замѣчанія, дѣлаемыя Демосѣеномъ и нынѣ не находящіяся въ его произведеніи. Но намъ неизвѣстно, на сколько греческіе ораторы умѣли импровизировать возраженіе, а въ дошедшихъ до насъ тщательно построенныхъ рѣчахъ не только стараніе избѣгать гнѣтуса, но и видимая правильность въ частяхъ каждаго періода заставили бы броситься въ глаза и казаться уродливымъ всякое неожиданное добавленіе. Вслѣдствіе этого я думаю, что они или выпускались изъ рѣчи при ея произнесеніи или нарочно въ нее вставлялись, прежде чѣмъ она передавалась въ руки переписчиковъ.

Повѣрить ли читатель что этотъ *chef d'oeuvre* греческой прозы нашелъ своего Вольфа, настоятельно желающаго перерѣзать его пополамъ и провозглашающаго рѣчь позднѣйшимъ сочетаніемъ двухъ несогласующихся между собою плановъ, одного, набросаннаго при первой угрозы слѣдствіемъ, другаго, дѣйствительно развитаго въ рѣчь шесть лѣтъ спустя? Такова теорія Кирхгофа, чья статья будетъ, безъ сомнѣнія, съ наслажденіемъ прочитана тѣми, кто отвергаетъ его критическое раздробленіе Одиссеи ⁴⁰²⁾. Если что либо могло заставить усомниться въ критическомъ чувствѣ этого ученаго, такъ именно требованіе отъ великаго и безупречнаго художественнаго произведенія жалкой логики педантическихъ силлогизмовъ ⁴⁰³⁾.

Отдѣльныя изданія этой рѣчи, обыкновенно сопровождаемой соотвѣтствующею ей рѣчью Эхина, весьма многочисленны. Новѣйшая и самая тщательная рецензія принадлежитъ Вейлю (*Les plaid. pol. de Demosthène, vol. I, Paris, 1877*). Изданіе этой рѣчи гг. Симкоксъ (Оксф. 1872) вмѣстѣ съ обвинительной рѣчью Эхина весьма удовлетворительно.

Мы окончили теперь обзоръ тѣхъ воззваній, которымъ Демосѣенъ обязанъ своей великой и заслуженной славой. За исключе-

⁴⁰²⁾ Abhandl. Berlin. Acad. 1875.

⁴⁰³⁾ См. мнѣніе Цицерона; *O r a t o r*, гл. 38, § 133: «Ea profecto oratio—ut major eloquentia non requiratur».

ніемъ нѣсколькихъ писемъ, рѣчь о вѣнѣ была послѣднимъ его произведеніемъ и, по выраженію Грота, эпитафіею греческой республиканской свободы.

§ 526. До сихъ поръ мы только вскользь коснулись обширнаго собранія судебныхъ рѣчей по частнымъ искамъ, дошедшихъ до насъ въ числѣ произведеній Демосфена и вызвавшихъ цѣлую литературу комментариевъ и критики. Подробный разборъ ихъ выходитъ изъ предѣловъ настоящаго труда; къ тому же, за однимъ или двумя исключеніями, рѣчи эти не могутъ сравниться съ его публичными рѣчами, или дать намъ еще болѣе ясное и лучшее понятіе объ искусствѣ и слогѣ оратора. Дѣйствительно, судебныя рѣчи, касающіяся мелкихъ ссоръ, едва ли могутъ въ какую либо эпоху считаться литературными произведеніями, и не съ этой точки зрѣнія установится ихъ популярность. Въ свое время онѣ были важны, какъ изученіе постановки юридическаго иска или защиты; въ нихъ много готовыхъ изреченій и общихъ обращеній, полезныхъ для другихъ случаевъ, такъ что онѣ могли бы служить чѣмъ-то въ родѣ справочной книги для ораторовъ. Но въ наше время онѣ, главнымъ образомъ, цѣнны, какъ значительный запасъ матеріаловъ для воссозданія подробностей аттической юридической системы, которая обсуждается въ нихъ со всѣхъ сторонъ. По времени, онѣ служатъ, кромѣ того, богатымъ источникомъ для ознакомленія съ частной жизнью и обычаями Аѳинянъ того вѣка, такъ какъ изъ изложенія фактовъ и свидѣтельскихъ показаній, и изъ личныхъ нападокъ, въ нихъ заключающихся, складывается поразительно свѣжая и непосредственная картина жизни и нравовъ ⁴⁰⁴).

Замѣчательно, что, хотя многіе изъ этихъ очерковъ были объявлены поддѣльными, какъ недостойные Демосфена, почти ни одинъ изъ нихъ не могъ быть съ увѣренностью отнесенъ къ числу произведеній позднѣйшей эпохи, или приписанъ софистамъ, подражавшимъ въ риторическихъ упражненіяхъ настоящимъ преніямъ аттического суда. Напротивъ того, мелочныя и точныя подробности, какъ въ юридическихъ, такъ и въ историческихъ намекахъ, обличаютъ въ нихъ подлинныя судебныя рѣчи, написанныя въ ту самую эпоху и для тѣхъ самыхъ случаевъ, когда онѣ были, будто бы, произнесены. Слѣдовательно, критики ихъ отвергали лишь ради недостатковъ слога, за

⁴⁰⁴) Послѣднія главы моей книги *Social Life in Greece* были заимствованы изъ этого неисчерпаемаго источника; въ числѣ другихъ, подобныхъ же изслѣдованій, я укажу на второй томъ частныхъ рѣчей Демосфена, изданный Пэли и Сандисомъ, а, главное, на эффектный и живописный очеркъ быта банкировъ и банковыхъ дѣлъ, составленный Ж. Перро (въ *Revue des deux Mondes* 15 ноября 1873 года) на основаніи исторіи банка Пазіона, Форміона и К^о по этимъ рѣчамъ.

исключеніемъ, впрочемъ, такого критика, какъ Шеферъ, чьи возраженія основываются на нравственныхъ соображеніяхъ, — именно на томъ, что онъ не считаетъ Демосоена способнымъ софистически защищать заведомо неправый искъ. Последняя причина особенно примѣнима къ рѣчамъ за Аполлодора, на котораго Демосоевъ яростно нападалъ въ одной изъ лучшихъ и наиболѣе желчныхъ своихъ судебныхъ рѣчей, написанной имъ въ защиту Форміона. Однако Демосоевъ не опровергъ формально обвиненія, гласно изведеннаго на него Эхиномъ и почти всѣми признаваемого въ древнія времена, будто онъ, какъ адвокатъ, предательски перешелъ на сторону противника; такимъ образомъ непризнание подобныхъ рѣчей на основаніи нравственныхъ, мотивовъ должно считаться приемомъ не критическимъ и противорѣчающимъ здравому смыслу.

Нѣмцы видятъ замѣчательное совпаденіе уликъ и несомнѣнное доказательство подложности рѣчей въ томъ, что Бензелеръ, исходя отъ чисто-внѣшняго признака, — избѣганія гіатуса, и Шеферъ, рассматривая рѣчи на основаніи строго-эстетическихъ и нравственныхъ причинъ, пришли къ приблизительно одинакимъ выводамъ въ своемъ отрицаніи нѣкоторыхъ сочиненій. Но, во первыхъ, они не всегда согласуются между собою, а во вторыхъ, мнѣ кажется, что тотъ же пересмотръ, благодаря которому былъ устраненъ гіатусъ, исправилъ бы и ошибки противъ ритма, неискусные переходы и неубѣдительные аргументы. Такимъ образомъ, результаты изслѣдованій двухъ ученыхъ доказали только, что нѣкоторыя изъ рѣчей Демосоена были логичнѣе, сильнѣе и написаны тщательнѣе, чѣмъ остальные, а къ последней категоріи и относится большая часть тѣхъ произведеній, которыя критики объявили подложными. Когда Діонисій и древніе догадывались, что какая нибудь рѣчь не подлинная, я умолкаю передъ гораздо болѣе проницательной ихъ оцѣнкой⁽⁴⁰⁵⁾; когда же возражаютъ новѣйшіе критики, я не чувствую себя убѣжденнымъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они могутъ опираться на сильныя внутреннія доказательства, въ родѣ, напримѣръ, устраненія всякихъ историческихъ подробностей, рабской подражательности извѣстному образцу; какую мы видимъ, напримѣръ, въ двухъ рѣчахъ противъ Аристогитона. Но въ этомъ, конечно, Діонисій не виноватъ.

§ 527. Самая простая и лучшая изъ всѣхъ «частныхъ рѣчей», безспорно, рѣчь противъ Конона, по дѣлу объ осложнен-

⁽⁴⁰⁵⁾ Таково, кажется, мнѣніе Джебба, изложенное въ его прекрасной статьѣ о Демосоевѣ въ *Encyclop. Britann.*; тѣмъ не менѣе онъ склоняется въ пользу взглядовъ Шефера на рѣчь противъ Макартата.

номъ нападеніи. Въ этомъ случаѣ, (какъ въ весьма немногихъ изъ рѣчей своихъ) ораторъ посвятилъ себя простому изложенію фактовъ и очерку развращенной жизни Конона и его аристократическаго кружка. Тема эта была бы вполне пригодна для Лизія, но, хотя всѣ критики и прославляютъ демосееново повѣствованіе, превосходящее болѣе древняго оратора по силѣ и даже по иѳосу, я не вижу въ немъ его непосредственной и неподдѣльной прелести ⁴⁰⁶). Болѣе извѣстна, быть можетъ, рѣчь въ защиту *Форміона*, которому извѣстный банкиръ *Пазіонъ* завѣщалъ свою жену (обычай, весьма обыкновенный въ *Аттикѣ*) и свое банковое дѣло, сдѣлавъ его вмѣстѣ съ тѣмъ опекуномъ дѣтей. Старшій сынъ, *Аполлodorъ*, человѣкъ расточительный, поссорился сначала съ *Форміономъ* изъ-за наслѣдства, однако вскорѣ вошелъ съ нимъ въ сдѣлку. Когда же онъ впослѣдствіи опять напалъ на *Форміона*, обвиненный заявилъ требованіе объ отсрочкѣ (*παράγραφῃ*), благодаря чему говорилъ первый и доказалъ, что предшествующая сдѣлка юридически мѣшала начать какое либо дѣло; однако для большей безопасности онъ тщательно вдался въ изложеніе всѣхъ обстоятельствъ иска. Настоящая рѣчь имѣетъ форму *συνηγορία* или рѣчи, сказанной въ поддержку *Форміона* другомъ. Повѣствованіе, аргументъ и отвѣты *Аполлодора* напоминаютъ приемы *Демосеена* и, дѣйствительно, здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, ему удался иѳосъ, и онъ изобразилъ своего кліента честнымъ, дѣловымъ человѣкомъ, противопоставивъ его ничтожному, тщеславному и безпокойному моту.

Первая рѣчь противъ *Стефана* (несомнѣнно подлинная), къ счастью, является чѣмъ-то въ родѣ отвѣта со стороны *Аполлодора*, преслѣдовавшаго *Стефана* за лжесвидѣтельство по дѣлу объ утвержденіи завѣщанія *Пазіона*. Такимъ образомъ, если *Демосеенъ* и поступилъ безирравственно, являясь защитникомъ обѣихъ сторонъ по одному и тому же иску, за то благодаря этому мы узнали весьма многое объ очень любопытномъ дѣлѣ. Блассъ, съ чѣими выводами я вполне согласенъ, сдѣлалъ сводъ всѣхъ попытокъ панегиристовъ *Демосеена* избавить своего героя отъ этихъ уликъ ⁴⁰⁷).

§ 528. Въ числѣ другихъ рѣчей, отвергнутыхъ потому, что между гласными или между отдѣльными доводами встрѣчается слишкомъ часто *гіатусъ*, — или въ виду того, что даты ихъ, какъ думаютъ иные, позднѣе той поры, когда *Демосеенъ* писалъ судебныя рѣчи, или что

⁴⁰⁶) Ср. превосходный разборъ этой рѣчи *Ж. Перро* въ *Revue des deux Mondes* 15 іюня 1873 г., стр. 946 и слѣд.

⁴⁰⁷) Стр. 412—13.

аргументы, по мнѣнію нѣмецкихъ критиковъ, недостаточно здравы или мѣтки для великаго оратора, — есть многія, показавшіяся имъ хорошими образцами Демосѣенова краснорѣчія; до нихъ либеральные критики не рѣшаются коснуться такъ, какъ слѣдовало бы, т. е. отставъ отъ того поклоненія разрушительной критикѣ, которое такъ часто они испытываютъ при первомъ же знакомствѣ съ новымъ явленіемъ.

Такъ, напримѣръ, прекрасная рѣчь противъ Каллиппа отвергается Шеферомъ и Блассомъ на томъ основаніи, что доказать истечение значительнаго промежутка времени между смертью Пазіона (370 г. до Р. Х.) и находящимся передъ нами искомъ — не возможно, слѣдовательно, процессъ этотъ велся въ такую пору, когда Демосѣенъ не писалъ еще никакихъ рѣчей. Подобные хронологическіе выводы крайне не вѣрны; въ самомъ дѣлѣ, промедленіе было скорѣе правиломъ, чѣмъ исключеніемъ въ аѳинскомъ судопроизводствѣ и основывать на этомъ выводы о подложности сочиненія, подкрѣпляемаго, какъ собственными достоинствами, такъ и послѣдовательною традиціею, представляется мнѣ настоящимъ тевтонизмомъ въ области мышленія. Но, едва успѣли рѣшить, что дѣла Аполлодора не защищались Демосѣеномъ, какъ критики сразу открыли всевозможныя слабости стороны и несообразности въ рѣчи, въ которой несомнѣнно увидали бы много красоты и силы, если бы считали ее подлинною. Тѣже замѣчанія примѣнимы, мнѣ кажется, къ двумъ другимъ группамъ, по три рѣчи каждая, которыя отрицаетъ даже Блассъ: во первыхъ, къ рѣчамъ противъ Макартата, Олимпіодора и Лакрита, изъ которыхъ на двѣ указываетъ Діонисій, какъ на хорошіе образцы демосѣенова нравственнаго чутія; затѣмъ къ рѣчамъ противъ Апатурія, Форміона (личности, не имѣвшей ничего общаго съ кліентомъ рѣчи въ защиту Форміона) и Діонисодора. Въ этомъ случаѣ, однако, до извѣстной степени возможно, что эти рѣчи были написаны по совѣтамъ и подъ надзоромъ самого мастера. Подобное произведеніе было бы не возможно отличить въ наше время отъ второстепеннаго, небрежнаго, или не пересмотрѣннаго сочиненія самого оратора.

Существуетъ не болѣе девяти рѣчей, относительно которыхъ возраженія скептиковъ имѣютъ, по моему, истинный вѣсъ; но, размы дошли до извѣстной грани или до взвѣшиванія вѣроятностей, рѣшеніе вопроса становится очень труднымъ, если не невозможнымъ. Лучшее всего будетъ, пожалуй, указать въ заключеніе на результаты, добытые Блассомъ ⁴⁰⁸⁾, подъ которыми я не подписываюсь,

⁴⁰⁸⁾ Стр. 526. Онъ признаетъ одиннадцать публичныхъ воззваній и восемь судебныхъ рѣчей объ общественныхъ дѣлахъ; затѣмъ семь частныхъ рѣчей изъ ранняго и семь

но которые знакомятъ читателей съ новѣйшимъ положеніемъ полемикъ въ Германіи.

§ 529. Остаются двѣ эпидиктическія рѣчи, Эпитафія или погребальная рѣчь и *Eroticos* или трактатъ въ прославленіе и назиданіе красавца Эпикрата. Последняя отличается такимъ чисто исократовымъ пошибомъ по отношенію къ формѣ и композиціи, что мы удивляемся, какъ она когда либо могла быть приписана Демосѳену. Погребальная рѣчь—та самая, которая, какъ полагаютъ, была произнесена надъ павшими при Херонѣ; по внѣшности она, дѣйствительно, принадлежитъ къ демосѳеновой школѣ, но оказывается тѣмъ не менѣе довольно жалкимъ произведеніемъ⁴⁰⁹), преисполненнымъ хитроумныхъ *conceits*; оно никогда не могло обмануть критиковъ относительно своей подложности. Авторъ обнаруживаетъ больше знакомства съ платоновымъ Менеоксеномъ, чѣмъ съ какимъ либо изъ остальныхъ извѣстныхъ намъ образцовъ.

§ 530. Гораздо интереснѣе собраніе введеній къ публичнымъ рѣчамъ; числомъ ихъ пятьдесятъ шесть, но онѣ доведены посредствомъ раздробленія нѣкоторыхъ изъ нихъ на части до шестидесяти двухъ. Во многихъ случаяхъ вступленія эти тождественны съ началомъ раннихъ рѣчей Демосѳена (вплоть до 350 г. до Р. Х.), но они не несутъ на себѣ слѣдовъ ни одного изъ его позднѣйшихъ и болѣе знаменитыхъ воззваній. Если бы тутъ дѣйствовалъ риторъ, или кто нибудь изъ новѣйшихъ собирателей, подобный пріемъ былъ бы непостижимъ; поэтому сборникъ этотъ надо отнести (вопреки Шеферу и Добри) приблизительно къ 349 году до Р. Х. и приписать его самому великому оратору. По формѣ, по соблюденію ритма и старанію избѣгать *hiatusa*, всѣ эти введенія напоминаютъ тѣ пріемы, которые завѣдомо употреблялъ Демосѳенъ. Около половины изъ нихъ относятся къ частнымъ случаямъ; остальные—совершенно общія введенія, предназначавшіяся для возбужденія сочувствія въ публикѣ и для доставленія оратору возможности быть спокойно выслушаннымъ. Но все это общія мѣста, которыя стараются вызвать вниманіе не новою и эффектною постановкой вопроса и не прикосновеніемъ къ какой нибудь неожидан-

изъ позднѣйшаго періода. Это даетъ намъ въ итогъ тридцать три подлинныя рѣчи. Онѣ раздѣляются, далѣе, подложныя рѣчи на произведенія современныхъ Демосѳену писателей, на произведенія его школы, и наконецъ того лица, которое составило рѣчи за Аполлодора Вейль, болѣе замѣчательный критикъ-лингвистъ, подлинными признаетъ рѣчь противъ Олимпіодора и другія, отвергаемыя Блассомъ.

⁴⁰⁹) Мнѣ кажется, что Шпенгель (*Abhandl. Baier. Acad.* за 1863 г.) расположенъ признать его подлиннымъ, хотя и стоящимъ значительно ниже обычнаго уровня демосѳеновыхъ сочиненій.

ной и возбуждающей стрункѣ въ человѣческой симпатіи, а тщательнымъ и хорошо-округленнымъ выраженіемъ здоровой и трезвой мысли. Въ силу этого онѣ мало пригодны для новѣйшихъ ораторовъ, хотя и даютъ намъ ясное понятіе о томъ, какъ строго-консервативенъ былъ вкусъ такъ называемой аѳинской охлократіи.

§ 531. Что касается писемъ Демосфена, которыми завершается длинный списокъ его сочиненій, то до сихъ поръ господствовало обыкновеніе отвергать ихъ, какъ подложныя по формѣ, но пользоваться ими, какъ историческимъ матеріаломъ, въ виду важныхъ и повидимому точныхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ ими объ изгнаніи оратора ⁴¹⁰).

Подлинность большей части этихъ писемъ нашла въ недавнюю пору весьма искуснаго защитника въ лицѣ Бласса. Вестерманнъ счелъ ихъ подложными; за нимъ послѣдовалъ безъ всякаго объясненія причинъ Шеферъ ⁴¹¹), а что еще гораздо важнѣе, и Гротъ, обыкновенно не отличавшійся скептицизмомъ, въ этомъ же случаѣ не захотѣвшій пользоваться письмами, даже какъ историческими источниками, что дѣлаетъ даже Шеферъ ⁴¹²). Блассъ ⁴¹³) признаетъ второе и третье письмо, считаетъ первое и шестое сомнительными (хотя первое, быть можетъ, и подлинно по содержанію), и отвергаетъ четвертое. Письмо пятое не имѣетъ никакого значенія. Блассъ доказываетъ, что авторъ обладалъ точными свѣдѣніями относительно малоизвѣстныхъ подробностей и что, кромѣ того, политическіе взгляды, и вся форма писемъ совпадаютъ съ демосфеновыми. Онъ приходитъ къ заключенію, что *opus probandi* лежитъ на обязанности скептиковъ, и рассматриваетъ дѣло весьма разумно; не смѣя рѣшать

⁴¹⁰) Въ послѣдніе годы заподозрѣвали даже подлинность самихъ документовъ, вставленныхъ въ рѣчи, и неоднократно старались доказать, что они ничто иное, какъ невѣжественная компиляція позднѣйшихъ временъ. Однако повальный скептицизмъ относительно ихъ былъ значительно ослабленъ открытіемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ документовъ, начертанныхъ на мраморѣ, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые приведены въ рѣчи противъ Макартата, признаваемой столькими критиками за подложную. Такимъ образомъ Вейль (въ предисловіи къ своему изданію рѣчей) пришелъ къ вѣрному заключенію, что мы не можемъ установить общаго правила, а должны судить о каждомъ новомъ документѣ на основаніи его собственныхъ достоинствъ. Иные несомнѣнно подлинные; большинство же — весьма сомнительно, — но это вопросъ не литературный. Ср. статью Зауше въ *Трудахъ* 25 съѣзда филологовъ, Лейпцигъ, 1868 г.

⁴¹¹) Съ той поры Шеферъ изложилъ свои доводы въ *Neue Jahrb.* за 1877 г., стр. 161 и слѣд. и энергически поддерживалъ взгляды Вестерманна; противъ этого возражалъ Блассъ (*Ibid.* стр. 541 и слѣд.); я не вижу однако, чтобы вопросъ отъ этого уяснился, и по прежнему, хотя и безъ большой увѣренности, остаюсь на сторонѣ Бласса.

⁴¹²) XII, 406, прим.

⁴¹³) Стр. 383 и слѣд.

окончательно этого вопроса, относительно котораго, однако, я сочувствую Блассу, я укажу только, до какой степени эстетическія сужденія пѣмецкихъ критиковъ управляются ихъ критическими выводами, вслѣдствіе чего они вполне ненадежны во всемъ, что касается вопросовъ слога. Вестерманный, порѣшивъ въ своемъ умѣ, что письма подложны, сдѣлалъ открытіе, что онъ руководился при этомъ заключеніи совершенно недемосеновскою формою сочиненія, ихъ старческою болтливостью, недостойными жалобами на несчастія, навязчивой хвастливостью, отсутствіемъ аргументовъ и т. д. Блассъ, считающій ихъ подлинными, находитъ самохвальство автора умѣреннымъ и отличающимся хорошимъ вкусомъ, его логику — вполне убѣдительною, горькія жалобы — естественнымъ выраженіемъ чуткой и утонченной натуры, патріотизмъ — благороднымъ и трогательнымъ.

§ 532. Послѣ долгаго обзора отдѣльныхъ сочиненій попытаюсь сдѣлать сводъ всей оцѣнки посредствомъ нѣсколькихъ общихъ замѣчаній. Всѣ критики единодушно признаютъ, что въ сочиненіяхъ, какъ Исократа, такъ и Демосѣна замѣчается сознательная отдѣлка и подробная разработка вопросовъ; намъ извѣстно, что ораторы того времени считали себя художниками и соперничали съ поэтами, живописцами и скульпторами въ созиданіи вѣковѣчныхъ художественныхъ произведеній, образцовъ, которымъ могли бы подражать люди менѣе выдающіеся. Благодаря этому, форма греческой рѣчи имѣла гораздо больше значенія, чѣмъ форма современныхъ намъ рѣчей. Если даже мысли были общими мѣстами или, по крайней мѣрѣ, не новыми, греческій ораторъ могъ стяжать высшую похвалу построеніемъ своего аргумента, выборомъ словъ и тѣхъ сочетаній, которыя онъ имъ придавалъ. Отсюда произошло обычное употребленіе ходячихъ изреченій, въ родѣ демосѣеновыхъ вступленій, гдѣ часто встрѣчающаяся мысль получала надлежащее выраженіе и могла быть употреблена, не оскорбляя слушателя своимъ повтореніемъ. Къ тому же, такъ какъ рѣчи большею частью затверживались на память, подобныя общія мѣста были немалымъ подспорьемъ для оратора, въ родѣ повтореній, встрѣчающихся въ гомерическихъ поэмахъ. Какъ всякое искусство, а тѣмъ болѣе греческое краснорѣчіе, было подчинено правиламъ, которыя не нарушались легкомысленно; оно основано было на прецедентахъ, измѣняемыхъ или расширяемыхъ медленно и ревниво хранившихся. Совершенство такого оратора, какъ Демосѣенъ, зависѣло поэтому, частью отъ того близости къ традиціямъ предшественниковъ, частью отъ мудрыхъ и осторожныхъ нововведеній, посредствомъ которыхъ онъ поднималъ свое искусство на болѣе высокій уровень.

§ 533. Что касается, прежде всего, выбора словъ, было уже замѣчено, что, придерживаясь въ общихъ чертахъ традицій Лизія и Исократа, Демосѳенъ придалъ своему слогу большую силу посредствомъ введенія въ него многихъ простыхъ словъ и восклицаній, употребляя которыя они сочли бы ниже своего достоинства, между тѣмъ какъ слова эти придають языку большое разнообразіе и силу. Таковы, напримѣръ, у него ἀνθρώπων, ἰαμβειόφαρος, ὁ δέῃνα, ὅταν, ὦ Δία, и многія другія выраженія, въ особенности укоризненныя; благодаря имъ, слогъ Демосѳена нельзя считать образцомъ чистаго аттическаго нарѣчія, но за то слова эти придавали его языку силу и самобытность. Мы имѣемъ основаніе думать, что подлинныя рѣчи его заключали въ себѣ еще больше этихъ выраженій, чѣмъ находится теперь въ нашихъ текстахъ; иныя изъ нихъ были отброшены авторомъ во время пересмотра, другіе отвергнуты риторамъ, какъ неприличныя и вульгарныя. Эти болѣе грубыя выраженія скорѣе встрѣчаются въ судебныхъ рѣчахъ (даже въ тѣхъ, что касаются общественныхъ вопросовъ), чѣмъ въ публичныхъ воззваніяхъ, отличающихся замѣчательно спокойнымъ и возвышеннымъ тономъ. Дѣйствительно, ничто не можетъ дать намъ столь высокаго понятія о собраніи аттическаго народа, какъ тотъ видъ краснорѣчія, который имѣлъ наибольшій успѣхъ среди него. Но въ своихъ судебныхъ рѣчахъ Демосѳенъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ непринужденнѣе и употреблялъ простонародныя выраженія и тривиальныя поговорки, если считалъ ихъ эффектными. Гораздо рѣже встрѣчаются въ его рѣчахъ поэтическія выраженія. Близкое знакомство съ произведеніями Ѳукидида сказывается въ выборѣ нѣкоторыхъ отвлеченныхъ формъ, въ родѣ, напримѣръ, скопленія многихъ глаголовъ въ неокончательномъ наклоненіи и членовъ, отъ чего иныя рѣчи весьма тяжеловѣсны, и въ употребленіи прилагательныхъ средняго рода вмѣсто существительныхъ, напримѣръ τὸ τῶν θεῶν ἥμιν εὐμενές. Эти обороты фразъ дѣлають нѣкоторыя изъ его раннихъ рѣчей, въ родѣ рѣчи о Симморіяхъ, столь же темными, какъ и рѣчи самого Ѳукидида. Съ другой стороны, употребленіе отвлеченныхъ существительныхъ во множественномъ числѣ, напримѣръ, περίουσίαι, заимствовано у Исократа. Метафоры встрѣчаются у него не часто; бравъ онѣ ихъ изъ обыденной жизни, вслѣдствіе чего онѣ не поэтичны въ нашемъ смыслѣ слова, но весьма эффектны и всегда сжаты, иногда выражены въ одномъ словѣ. Сравненія у него, въ силу этого, весьма рѣдки. Въ обширной третьей Филиппикѣ ихъ шесть; въ столь же обширной рѣчи о Херсонесѣ нѣтъ ни одного. Всюду мы удивляемся простотѣ и сжатости слога; ни одна мысль не повторяется, если не придаетъ равновѣсія періоду, а въ большинствѣ случаевъ исключенія, сдѣлан-

пныя въ этомъ отношеніи, устраняются, если мы вмѣстѣ съ Кобе отбросимъ вторичное, излишнее выраженіе мысли. Конечно, мы должны еще разъ повторить, что въ первыхъ своихъ наброскахъ, или первоначальныхъ произведеніяхъ, Демосѳенъ не приближался къ тому совершенству и къ той красотѣ формъ, которыхъ достигли позднѣйшія его рѣчи, и что онъ придалъ имъ болѣе тонкую красоту лишь послѣ сознательнаго и мучительнаго пересмотра. На это часто указываютъ древніе, не исключая и современниковъ Демосѳена, утверждавшихъ, что произведенія его носятъ слѣды тяжелыхъ бдѣній. Это ясно видѣли и такіе новѣйшіе критики, какъ Блассъ, отличающіе рѣчи, въ которыхъ нѣкоторыя части были переработаны, отъ другихъ, оставшихся въ прежнемъ видѣ.

§ 534. Позднѣйшая отдѣлка менѣе касалась однако словъ, чѣмъ правилъ о гіатусѣ и ритмѣ, которыя Бензельеръ и Блассъ изучали съ мелочной заботливостію. Что касается гіатуса, то въ началѣ Демосѳенъ довольно близко шелъ, повидимому, по стопамъ Исократа и не давалъ стѣсниваться конечнымъ и начальнымъ гласнымъ словъ, даже если ихъ отдѣляла другъ отъ друга пауза, кромѣ впрочемъ такихъ словъ, какъ *ἦ* и *καί*. Такъ было вплоть до 357 года, т. е. въ тотъ періодъ, которому относится первая рѣчь Демосѳена объ общественныхъ дѣлахъ (о вѣнѣхъ триерарха). Но даже въ продолженіе этого періода нѣкоторыя изъ его рѣчей обнаруживаютъ, повидимому, менѣе заботливости въ пересмотрѣ, чѣмъ остальные; въ послѣдствіи мы видимъ, что онъ не хотѣлъ болѣе подчиняться этимъ стѣсненіямъ и предоставлялъ себѣ большую свободу. Въ концѣ частей періода онъ уже пересталъ избѣгать гіатуса, какъ не избѣгали его въ концѣ стиха и трагическіе поэты. Насколько пропуски буквъ или сліянія двухъ гласныхъ господствовали въ произношеніи, уменьшая такимъ образомъ число подобныхъ случаевъ, сказать теперь уже нельзя. Но послѣ членовъ, относительныхъ мѣстоименій и такихъ часто повторяемыхъ словъ, какъ *ἐπεὶ*, *ὅτι*, и т. д., начальныя гласныя встрѣчаются часто. Нигдѣ, кажется, не былъ въ точности изложенъ законъ, котораго придерживался Демосѳенъ. Цицеронъ говоритъ, что онъ избѣгалъ «скопленія гласныхъ» *magis ea parte*. Позднѣйшіе риторы знали, повидимому, одинъ только законъ Исократа.

Переходя къ вопросу о ритмѣ, Блассъ пришелъ къ заключенію, что Демосѳенъ старался не употреблять послѣдовательно болѣе двухъ краткихъ слоговъ, какъ это дѣлали и поэты въ трагическихъ трехстопныхъ стихахъ;—онъ утверждаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что ни у одного изъ предшествовавшихъ прозаиковъ нѣтъ и слѣда этого правила. Блассъ полагаетъ, что непосредственные послѣдователи Демосѳена соблюдали этотъ законъ, но что вскорѣ послѣ того онъ

былъ забыть. Въ особенности у Платона онъ подмѣчаетъ частое скопленіе краткихъ слоговъ, изъ чего выводитъ заключеніе, что Демосоевъ преднамѣренно отдалялъ свой слогъ отъ утонченной разговорной рѣчи. Читатель, желающій вдаться въ мелочныя подробности этой теоріи, изучитъ ея кажущіяся исключенія и показанія, подтверждающія ее, можетъ обратиться къ труду Бласса ⁴¹⁴⁾. Онъ говоритъ, что теорія эта столь послѣдовательно избѣгала гіатуса, что подложныя или пересмотрѣнныя мѣста непременно обнаруживаютъ одинаковое пренебреженіе къ обоимъ правиламъ, такъ что онъ сплошь могъ примѣнять ее для опредѣленія вопроса о подлинности.

§ 535. За этимъ слѣдуетъ длинное и сложное разсужденіе о построеніи демосоеновыхъ періодовъ, которые, какъ извѣстно, раздѣлялись на холъ или члены, и, по мнѣнію древнихъ и новыхъ критиковъ, были расположены симметрично, чтобы произвести гармоническое дѣйствіе, подобно одамъ Пиндара. Но въ то время, какъ лучшіе изъ древнихъ критиковъ, подробно и часто говорившихъ о Демосоевѣ — я имѣю въ особенности въ виду Діонисія и Цицерона — дѣйствительно прославляли его ритмъ и періоды за ихъ гармоничность и построеніе, однако не выводили особыхъ правилъ, и не давая опредѣленнаго анализа приѣмовъ Демосоева, — критики нашего времени силятся проникнуть въ тайну его творчества и показать, какими законами онъ достигъ своихъ великихъ эффектовъ. Что законы эти, подтверждавшіе ораторское правило, открытое и употреблявшееся Исократомъ, приводили къ нѣкоторому избѣганію гіатуса, — достоверно; что они приводили также къ тому ритмическому правилу, на которое указываетъ Блассъ, тоже кажется вѣроятнымъ послѣ собранныхъ имъ доказательствъ; тѣмъ не менѣе это не на столько ясно, чтобы счесть правило это не случайнымъ или, по крайней мѣрѣ, не безсознательнымъ результатомъ иныхъ, болѣе неуловимыхъ и чисто эстетическихъ законовъ, которыхъ ораторъ никогда не преподавалъ и, по всему вѣроятію, не могъ даже преподавать своимъ ученикамъ. Мнѣ кажется, что заключеніе это будетъ правильно выведено изъ собственныхъ признаковъ Бласса, который говоритъ, что всякое соблюденіе подобнаго ритма исчезаетъ, лишь только мы приближаемся къ рѣчамъ, вышедшимъ въ свѣтъ послѣ Демосоева. Другими словами, при пересмотрѣ рѣчей обнаружили погрѣшности противъ его утонченнаго личнаго вкуса, передъ которымъ преклонялись ученики, но, за отсутствіемъ какого либо

⁴¹⁴⁾ Стр. 100—4.

закона или за невозможностью установить его, тайна эта погибла вмѣстѣ съ самимъ художникомъ, который одинъ только зналъ ея примѣненіе.

Тоже самое представляется мнѣ и относительно вопроса о композиціи въ болѣе широкомъ смыслѣ слова, именно, въ распредѣленіи $\chi\omega\lambda\alpha$ или частей періода, симметрическимъ сопоставленіемъ которыхъ Демосѳенъ производилъ, говорятъ, гармоническое впечатлѣніе. Пусть читатель познакомится для этой цѣли съ распредѣленіемъ начала рѣчи о вѣнѣ, сдѣланнымъ Блассомъ на основаніи этой гипотезы ⁴¹⁵).

Но, если мы спросимъ, на основаніи какого закона Блассъ опредѣляетъ начало и конецъ каждого члена періода, мы не найдемъ удовлетворительнаго отвѣта въ его длинныхъ и сложныхъ разсужденіяхъ ⁴¹⁶), кромѣ указанія на сильный гіатусъ, рѣдко допускавшійся въ предѣлахъ одного $\chi\omega\lambda\alpha$. Въ остальномъ арранжировка его капризна, часто неестественна, и я не думаю, чтобы другой ученый, дѣйствовавшій независимо и безъ желанія добиться симметрическаго результата, получилъ тѣ же подраздѣленія. Я не полагаю также, чтобы открытіе анализа сдѣланнаго родосскимъ ораторомъ, дѣлывшимъ рѣчь противъ письма Филиппа на $\chi\omega\lambda\alpha$, по числу, сообщенному въ древнихъ (въ то время) рукописяхъ, и будто бы заимствованному у самого Демосѳена, оказало намъ большую пользу. Во первыхъ, рѣчь эта, какъ подложная, не познакомила бы насъ съ настоящими приемами Демосѳена, а лишь съ подражаніемъ, принадлежащимъ, по собственному признанію Бласса ⁴¹⁷),

⁴¹⁵) Op. cit. стр. 560—1; Введеніе §§ 1—8:

§§ 1—2

§§ 3—4

§§ 5—6

§§ 7—8

$\chi\omega\lambda\alpha$

$\chi\omega\lambda\alpha$

$\chi\omega\lambda\alpha$

$\chi\omega\lambda\alpha$

32 | 23 | 33

44 | 35 | 53

24 | 4 | 4 | 42

2222 | 2222

στίχοι 16.

στίχοι 24.

στίχοι 24.

στίχοι 16.

Это имѣетъ поразительно симметрическій видъ; но, если читатель обратится къ тексту, напечатанному Блассомъ на стр. 529, онъ увидитъ, какъ произвольно разграничена каждая часть. Въ самомъ дѣлѣ, какъ говорить самъ Блассъ, старые риторы никакъ не могли придти къ соглашенію относительно этого вопроса. Иныя части длинны, другія коротки и почти ни одна изъ нихъ не обозначена точно! самимъ смысломъ или построеніемъ. Перепечатка всего отрывка заняла бы слишкомъ много мѣста. См. статью Бласса о Стихаметріи и Кодометріи въ Rhein. Mus. за 1869 годъ, служащую продолженіемъ его изслѣдованія о Демосѳенѣ, стр. 105 и слѣд. Вопросъ заключается въ томъ, изображало ли число στίχοι, помѣщенныхъ въ концѣ каждой рѣчи въ нѣкоторыхъ старыхъ рукописяхъ, простыя строки рѣчи, писанныя равными столбцами, или строки эти изображали первоначально собою различную длину, итогъ которыхъ и подведенъ.

⁴¹⁶) Стр. 105 и слѣд.

⁴¹⁷) Стр. 347.

плохому сочинителю, не придерживавшемуся законовъ ритма. Анализъ введенія къ рѣчи о вѣнѣ, сдѣланный Лахаромъ и уцѣлѣвшій до нашихъ дней, относится къ пятому столѣтію новой эры и лишенъ, какъ мнѣ кажется, всякаго значенія. Я не согласенъ также съ Блассомъ, чтобы эти признаки доказывали, что *στίχοι*, отмѣченные въ концѣ нашей старѣйшей рукописи, обозначали метрическія или ритмическія *χόλα*, а не простыя строки, находившіяся въ болѣе древнемъ спискѣ. Извѣстно, что даже лучшіе изъ старинныхъ риторовъ не имѣли опредѣленныхъ традицій или твердо установленныхъ правилъ по этому вопросу, такъ какъ Цицеронъ и Діонисій всегда ограничивались въ подобныхъ случаяхъ общими мѣстами, а Гермогенъ и Аристидъ даже противорѣчатъ другъ другу⁴¹⁸⁾.

Въ виду этихъ трудностей мы должны, я полагаю, отказаться отъ безнадёжной попытки опредѣлить симметричность демосфенова слога съ помощью геометрическихъ измѣреній; намъ придется также признать, что, подобно своимъ великимъ предшественникамъ и послѣдователямъ, онъ придавалъ окончательную отдѣлку рѣчамъ, постоянно справляясь со вкусомъ аудиторіи, въ этомъ случаѣ весьма строгой и компетентной, или съ утонченными требованіями, которыя онъ выработалъ въ самомъ себѣ неустанными и заботливыми размышленіями о старинныхъ образцахъ, объ ихъ совершенствахъ и ихъ недостаточности въ виду увеличившихся требованій вѣка.

§ 536. Гораздо интереснѣе и практичнѣе будетъ изучать тѣ черты, по которымъ мы можемъ судить объ ораторѣ съ достовѣрностью, и объяснить себѣ, какимъ путемъ онъ достигъ такого превосходства. Я не хочу этимъ сказать, чтобы и теперь еще вопросъ этотъ не представлялъ значительныхъ трудностей. Если мы вспомнимъ, что не только ученые, но и государственные люди и современные ораторы утверждали, что Демосфенъ достигалъ величайшихъ результатовъ, когда либо добытыхъ въ его отрасли искусства, безъ значительныхъ природныхъ дарованій, хорошаго голоса, внушительной осанки, философскаго образованія, тѣхъ широкихъ обобщеній, которыя могли дѣйствовать на грядущія поколѣнія, или ораторскихъ красотъ въ современномъ смыслѣ слова, безъ патетическихъ сценъ и неподдѣльнаго остроумія, словомъ, безо всего, что дѣйствуетъ на мыслителя или на чуткую натуру, которыхъ могутъ очаровать Платонъ и Аристофанъ,—мы по прежнему останемся въ недоумѣніи и будемъ требовать иного и опредѣленнаго разрѣшенія столь таинственной загадки.

Старые риторы далеко не даютъ намъ подходящаго разъясненія этого вопроса. Но то, что они говорятъ, любопытно и поучительно

⁴¹⁸⁾ Блассъ, стр. 105, прим.

въ фактическомъ отношеніи. По теоріи Діонисія, Демосоенъ сознательно соединялъ въ себѣ всѣ совершенства своихъ предшественниковъ, взявъ сжатость и пафосъ у Ѳукидида, изящество и силу характеристики у Лизія, гармонію и искусное распредѣленіе частей у Исократата, и переработавъ это въ смѣшанный слогъ, въ которомъ соединялись всѣ эти совершенства. Понятно, что ни одинъ великій гений никогда не былъ простымъ эклектикомъ, но изъ всего сказаннаго можно заключить, какое рѣдкое разнообразіе представлялъ слогъ Демосоена, въ сочиненіяхъ котораго можно найти мѣста, гдѣ онъ соперничалъ со всѣми названными писателями, и именно въ томъ, въ чемъ заключалась ихъ главная сила. Разнообразіе это не касается исключительно формы или содержанія рѣчей; оно проникаетъ кореннымъ образомъ и ту, и другую сторону. Тагъ, выборъ словъ отличался у него то величественностью и достоинствомъ, то простотою, доходившею почти до грубости. По временамъ періоды его являлись грандіозными построеніями, столь сложными и хитросплетенными, что повергали въ изумленіе слушателей; въ другихъ случаяхъ они состояли изъ простыхъ, слабо связанныхъ между собою частей, въ родѣ легкихъ повѣствованій Геродота. Даже самыя аргументы его никогда не были, такъ сказать, выдержанными и методическими; онъ переходилъ отъ одного вопроса къ другому, забѣгалъ на минуту впередъ, резюмировалъ сказанное, повторялъ факты и тогда только развивалъ свои аргументы; словомъ, онъ игралъ какъ бы вокругъ своего сюжета, чтобы показать всѣ его формы въ любопытной и разнообразной послѣдовательности.

Вслѣдствіе этого древніе критики постоянно утверждали, что онъ не только чаще другихъ пользовался фигурами мысли, употребительными у старшихъ ораторовъ, но дополнялъ ихъ своими собственными, какихъ они никогда не осмѣливались употреблять. Онъ вводилъ анафору, анастрофу, систрофу (такихъ фигуръ они насчитываютъ до двадцати), т. е. повторялъ слова при началѣ частей періодовъ, воображалъ себѣ вопросы, предлагаемые противниками, вопрошалъ самаго себя, и т. д. Нововведеніемъ у него было, кажется, частое употребленіе *аросіоресіс* и восклицаній, въ особенности въ концѣ фразы, выражающей негодованіе. Двѣ изъ нихъ, произволившія, навѣрно, сильно уязвляющее впечатлѣніе, весьма нерѣдко упоминаются ⁴¹⁹).

Привычка придавать рѣчамъ своимъ характеръ вполне непри-
нужденный и прибѣгать къ частымъ восклицаніямъ была неслы-

⁴¹⁹) (And., 78): ἄλλ' Ἀνδρῶτιων ὁμῖν πομπείων ἐπισκευστῆς, Ἀνδρῶτιων ὧ γῇ καὶ θεοῖ. (Aristocr., 210): οὐκ ἢ πόλις εἰς ὑπερέτου σχῆμα καὶ τάξιν προσήλυθε καὶ Χαρίδημον εἰ χρὴ φροῦρεῖν βουλευέται, Χαρίδημον οἶμοι.

ханною дерзостью относительно преданій греческаго краснорѣчія. Этому соотвѣтствовалъ и демосѣеновъ способъ произнесенія рѣчей, который возмущалъ древнюю школу. Въ то время какъ Эсхинъ, съ своей привлекательной внѣшностью и прекраснымъ голосомъ, стоялъ, скрывая руку въ складкахъ своего плаща (такъ изображаетъ его и понынѣ его статуя) и говорилъ съ величавымъ достоинствомъ, намъ передаютъ, что Демосѣенъ искривлялъ свою фигуру, прикладывая руку ко лбу, чтобы изобразить внезапно сошедшую на него задумчивость, часто возвышалъ голосъ до крика, и въ припадкѣ волненія вертѣлся даже на каедрѣ. Приемы эти увлекали низшіе слои публики, но всегда вызывали порицаніе со стороны художественныхъ критиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, жестикуляція Демосѣена на каедрѣ была столь же нова и поразительна, какъ игра мистера Ирвинга въ Гамлетѣ на англійской сценѣ, и прошло долгое время, прежде чѣмъ критики могли рѣшиться признать за новой и страстной манерой молодого политика великія и прочныя достоинства.

§ 537. Если мы рассмотримъ то, что новѣйшіе ученые прибавили къ нѣскольکو скудной критикѣ классическихъ теоретиковъ, мы получимъ возможность противопоставить живости и разнообразію, которыя они обозначали терминомъ «фигуры мысли», замѣчательную устойчивость въ обрисовкѣ главной темы, благодаря которой онъ посреди всѣхъ измѣненій и внезапныхъ отступленій, свойственныхъ его краснорѣчію, никогда не терялъ изъ виду своей цѣли. Демосѣенъ былъ слишкомъ тонкимъ изслѣдователемъ человѣческой природы, для того чтобы дѣлить свою рѣчь на опредѣленные рубрики, подобно шотландскимъ проповѣдникамъ. Когда у него и была даже схема съ подраздѣленіями, онъ почти всегда скрывалъ ихъ подъ такими естественными и легкими переходами, что незамѣтно велъ за собой читателя отъ одного пункта къ другому. Никогда не отступалъ онъ отъ главнаго содержанія рѣчи, и кажущійся эпизодъ часто является у него самымъ убѣдительнымъ и хитроумнымъ доказательствомъ.

Вся эта изворотливость и это коварство въ аргументаціи, не боявшіяся даже извращать по временамъ факты и сознательно искажать истину, были соединены съ замѣчательнымъ достоинствомъ и сдержанностью въ эмоціональномъ отношеніи, которыя привлекали къ нему сочувствіе самыхъ своеобразныхъ поколѣній людей. Никогда не натягивалъ онъ до нелзя своего паѳоса; какъ ни соблазнительна и ни эффектна была представлявшаяся ему картина, онъ никогда не уклонялся въ сторону, чтобы обрисовать ее во всѣхъ подробностяхъ, подобно ораторамъ настоящей эпохи. Онъ касался ея одною только жгучей фразой, краткимъ предложеніемъ, иногда

даже однимъ словомъ, и шель дальше. Новѣйшіе критики особенно указываютъ на то, какъ спокойны и степенны его выводы, — точно аттическая публика не любила расходиться подъ впечатлѣніемъ сильнаго возбужденія или въ моментъ глубокаго волненія. Вслѣдствіе этого, отъ оратора, какъ и отъ трагическаго поэта слушатели ожидали успокоенія и желали, чтобы онъ закончилъ рѣчь обращеніемъ къ разуму и здравому смыслу ⁴²⁰). Никогда Демосеенъ не употреблялъ сравненія ради одной его красоты, а только для освѣщенія предмета, и вслѣдствіе этого всегда заимствовалъ его изъ обыденной жизни. Какую бы вольность онъ ни позволялъ себѣ во время произнесенія рѣчей, при пересмотрѣ ихъ онъ доводилъ до минимума всѣ патетическія отступленія, благодаря чему производилъ впечатлѣніе глубокой серьезности, съ которой я ничего не могу сравнить въ настоящее время. Быть можетъ, это составляетъ самую разительную черту его «животрепещущихъ мыслей и жгучихъ словъ». Кромѣ страстной убѣжденности, въ немъ замѣчается нравственное величіе, которое ставило его выше всѣхъ современниковъ. Странно было бы, конечно, утверждать, что онъ былъ стойкомъ по своимъ философскимъ убѣжденіямъ и такимъ политическимъ Донъ-Кихотомъ, что отстаивалъ съ высоты кафедры совершеніе добрыхъ поступковъ ради самого добра, независимо отъ всякихъ послѣдствій. Въ своихъ эллинскихъ воззваніяхъ онъ достаточно ясно выставилъ самосохраненіе, при помощи ослабленія сосѣднихъ государствъ, настоящей основой аѳинской политики. Онъ былъ вполне готовъ призвать персидскаго царя, исконнаго врага всего эллинства, къ союзу съ Греками противъ новѣйшаго и болѣе опаснаго, хотя и полу-эллинскаго завоевателя. Тѣмъ не менѣе, онъ имѣлъ широкіе взгляды на значеніе Аѳинянъ и ихъ обязанности; онъ привязался къ идеѣ о великихъ пожертвованіяхъ ради великихъ національных цѣлей, защищалъ дѣло свободы и цивилизаціи противъ деспотизма, высоко парилъ надъ мелкими ссорами отдѣльныхъ странъ и стремился къ общегосударственной политикѣ. Эти широкіе взгляды дѣлали его истолкователемъ не одной только аттической политики, не однихъ только аѳинскихъ столкновеній.

Непривлекательная внѣшность, необщительный характеръ и раннія несчастія его, мѣшая всеобщему признанію его геніальности, быть можетъ, сильно содѣйствовали росту его таланта, и придавали ему своеобразный оттѣнокъ. Геніальность проявлялась въ немъ несомнѣнно, хотя добытая трудомъ и затемненная искусственностью,

⁴²⁰) Извѣстная намъ рѣчь Ликурга составляетъ замѣчательное исключеніе изъ этого правила.

и никакими второстепенными причинами не удастся объяснить его успѣха.

Но, въ то время какъ онъ, быть можетъ, болѣе всѣхъ великихъ людей, чьи имена встрѣчаются въ исторіи, развивалъ свои природныя способности энергіею и трудомъ, судьба наградила его однимъ даромъ, безъ котораго онъ не могъ бы возвыситься до своего истиннаго значенія. Онъ жилъ въ минуту великаго историческаго кризиса; выросъ онъ для того, чтобы принять участіе въ знаменательной борьбѣ, обратившей все его краснорѣчіе на защиту жизненнаго вопроса объ эллинской свободѣ. Сила и изворотливость его безоружныхъ словъ были направлены противъ фаланги и золота одного изъ способнѣйшихъ монарховъ въ исторіи. Быть побѣжденнымъ послѣ долгой и славной борьбы за такое дѣло, выступить впередъ, чтобы произнести могучую эпитафію надъ могилою угасшей свободы, — то былъ, по истинѣ, удѣлъ, достойный не зауряднаго дарованія. Испытанія, выпавшія ему на долю въ позднѣйшіе годы, вырвали у него горькое замѣчаніе, что если-бы ему снова предложили, при его тогдашней опытности, выбрать путь на каѳедру или въ могилу, онъ, не колеблясь, остановился бы на послѣднемъ. Но, если-бы онъ могъ заглянуть за предѣлы своей жизни и увидать, что одинъ путь велъ къ вѣчному величію и славѣ, а другой — къ вѣчному забвенію, онъ навѣрно оправдалъ бы первый выборъ своими же благородными словами и провозгласилъ бы, что не заблуждался, «нѣтъ, сказалъ бы онъ, клянусь памятью всѣхъ героевъ, сражавшихся при Марафонѣ и Саламинѣ, и тѣхъ благородныхъ людей, которыхъ благодарное потомство почтило сооруженіемъ публичныхъ мавзолеевъ, этихъ памятниковъ ихъ мужества и достоинствъ»!

§ 538. Вѣдѣнная исторія его текста ясна, чѣмъ у большинства греческихъ писателей. Изъ того состоянія, въ которомъ находятся произведенія въ родѣ рѣчи противъ Мидіа, видно, что многія изъ нихъ были изданы не самимъ Демосоеномъ, а его учениками и поклонниками, быть можетъ, его племянникомъ Демохаромъ, по чьему предложенію имени и потомкамъ его были оказаны почести, хотя лишь сорокъ лѣтъ спустя послѣ его смерти. Даже въ нѣкоторыхъ изъ отвергаемыхъ ими рѣчей нѣмецкіе критики подмѣчаютъ соблюденіе утонченныхъ законовъ о ритмѣ и гіатусѣ, по образцу, оставленному великимъ мастеромъ, изъ чего выводятъ заключеніе, что Демосоевъ былъ дѣйствительно главою пѣлой школы. Но мнѣ кажется, что все, что намъ извѣстно о его личности, противорѣчитъ подобной теоріи и наводитъ на мысль (ужь раньше высказанную), что большинство этихъ мелкихъ произведеній были его собственными, пересмотрѣнными сочиненіями. Дошедшая до насъ

коллекція, хотя въ ней и упомянуто девять заглавій нынѣ не существующихъ произведеній ⁴²¹⁾, принадлежать въ главныхъ чертахъ александрійцу Каллимаху, человѣку свѣдущему и ученому, который врядъ ли занесъ бы въ свой списокъ заведомо второстепенное произведеніе. Однако, онъ все таки былъ, повидимому, довѣрчивѣе своихъ преемниковъ.

Полибій говоритъ о Демосеенѣ съ большимъ уваженіемъ, но, вѣроятно, только какъ о политикѣ. Цицеронъ постоянно ссылается на него и ставитъ его, какъ оратора, выше всѣхъ другихъ образцовъ. Въ самомъ дѣлѣ, риторическія произведенія Цицерона оказываются часто лучшими комментаріями къ созданіямъ его великаго предшественника, хотя онъ и не зналъ, очевидно, ничего опредѣленнаго относительно болѣе тонкихъ законовъ его творчества. Но Квинтиліанъ, Плутархъ и Оригенъ ⁴²²⁾, признавая его величіе, какъ оратора, считаютъ его на основаніи историческихъ данныхъ, человѣкомъ нечестнымъ и недостойнымъ ⁴²³⁾. Тѣмъ не менѣе такіе стойки, какъ Панецій, справедливо смотрѣли на его рѣчи, какъ на хорошее нравственное чтеніе благодаря ихъ возвышенному тону. Окончательной реабилитаціей своею Демосеенъ обязанъ риторамъ. Цецилій и Діонисій много писали о немъ, и первое письмо Діонисія къ Аммею является подробнымъ панегирикомъ «поразительнаго краснорѣчія Демосеена». Изъ этого изслѣдованія и изъ случайныхъ намековъ Діонисія при обсужденіи другихъ греческихъ ораторовъ мы узнаемъ, что критики того времени уже начали отвергать многія произведенія, какъ подложныя, и что въ списокъ вошло лишь около сорока четырехъ изъ всѣхъ наличныхъ рѣчей. Что касается простыхъ списковъ текста, то объ этомъ Діонисій говоритъ не много. Но кажется, что *Ἀττικὴν* или списки, выполненные какимъ-то Атти-

⁴²¹⁾ Извѣстно, что у географа Агаархиды и у Рутилія Лупа часто встрѣчаются цитаты изъ Демосеена, не находящіяся въ нашихъ текстахъ и взятые ими, очевидно, не изъ вариантовъ нынѣ существующихъ рѣчей (Блассъ, стр. 59).

⁴²²⁾ Всѣ они упомянуты Блассомъ, стр. 47.

⁴²³⁾ Съ этимъ мнѣніемъ согласны весьма немногіе изъ новѣйшихъ критиковъ. Въ превосходномъ предисловіи Симковса къ изданію рѣчей о вѣнѣ я встрѣтился съ оцѣнкою Демосеена, схожею съ этимъ взглядомъ, и вполне согласился бы съ нею, если-бы критикъ не придавалъ нѣкоторой вѣры обвиненіямъ Демосеена въ отсутствіи цѣломудрія. Этому обвиненію противорѣчатъ его жизнь и черты его лица, какъ онъ изображены на его статуѣ. Изъ Нѣмцевъ Шпенгель, въ статьѣ о воззваніяхъ Демосеена, держится независимаго образа мыслей, не падаетъ ницъ передъ ораторомъ и не поклоняется его личному характеру, наравнѣ съ его краснорѣчіемъ. Но Шпенгель встрѣтилъ многихъ противниковъ и только одного случайнаго послѣдователя въ лицѣ А. Вейднера. Вопросъ о неподкупности Демосеена будетъ рассмотрѣнъ нами въ связи съ обвиненіями Гиперида.

комъ, считались особенно цѣнными по словамъ Луціана, говорившаго о немъ, какъ о современникѣ⁴²⁴). Между греческими риторамъ римскихъ школъ сопоставленія Демосоена съ Цицерономъ, Демосоена съ Эхиномъ, и другія подобныя же попытки вошли въ обыкновеніе; и изъ многочисленныхъ монографій или *ὑπομνήματα*, ими написанныхъ, были составлены сборники схолій, дошедшіе до насъ съ именемъ Ульпіана, гдѣ (вмѣстѣ съ намеками, встрѣчающимися у Свиды и Фотія) перечислены имена по крайней мѣрѣ двадцати пяти авторовъ подобныхъ сочиненій. Изслѣдованіе о Высокомъ — быть можетъ, единственное, въ которомъ мы находимъ эстетическую критику того времени. Взгляды автора на Демосоена трезвы и здравы. Но, хотя Ульпіанъ былъ, какъ предполагаютъ, риторомъ третьяго столѣтія по Р. Х., мы видимъ въ его схоліяхъ цитаты изъ писателей четвертаго вѣка, такъ что собственный трудъ его не распространялся, вѣроятно, далѣе публичныхъ рѣчей Демосоена, остальные же сочиненія были собраны Зосимой или другимъ подобнымъ ему лицомъ. Схоліи къ первымъ двадцати четыремъ рѣчамъ довольно полны; остальные скудны, но почти всѣ онѣ касаются, къ несчастью, только риторической стороны и мало говорятъ объ историческихъ или политическихъ событіяхъ, которыя описываетъ текстъ. Лучшее объясненіе приписывается Либанію, но часто попадаютъ болѣе многословныя толкованія, принадлежащія другимъ риторамъ.

§ 539. Библіографія. По мѣрѣ отдаленія отъ среднихъ вѣковъ, мы встрѣчаемся съ богатымъ запасомъ рукописей, изъ которыхъ нѣкоторые итальянскіе списки относятся къ одиннадцатому вѣку (рукопись F въ библіотекѣ св. Марка, быть можетъ, даже десятаго вѣка); одна изъ нихъ написана той же рукой, какъ и знаменитыя равеннскія рукописи Аристофана. Всѣ онѣ однако вполне затемнены парижской рукописью Σ, десятаго вѣка, которая признана нынѣ настоящею основой текста и, по всему вѣроятію, представляетъ собой копію съ аттического списка, въ то время какъ всѣ остальные носятъ слѣды народной рѣчи (*δημοδία*) и имѣютъ много вставокъ. Но съ нихъ именно (и въ особенности съ рукописи библи. св. Марка F, десятаго или XI вѣка) напечаталъ Альдъ въ 1504 году своего Демосоена. Онъ издалъ также въ 1503 году схоліи Ульпіана. Всѣ позднѣйшія изданія, вплоть до нашего времени, придерживались этой рецензіи, дополняя ее только справками съ другими рукописями той же категоріи. Лишь въ самое повѣйшее время цюрихскіе издатели, Диндорфъ, Беккеръ и Кобе доказали громадное значеніе кодекса Σ, который

⁴²⁴) Adv. indoct., I.

былъ основательно и до мелочей провѣренъ Вейлемъ не только для его собственнаго изданія (вышло въ свѣтъ два тома), но и для текстовъ, приготовленныхъ къ печати названными учеными. Задача толкователей Демосоена такъ разнообразна и обширна, что, за исключеніемъ книги Вейля, обнимающей большинство важнѣйшихъ рѣчей, и разбора Реданцемъ рѣчей о Филиппѣ, нѣтъ ни одного общаго изданія, на которое можно бы указать ради его комментаріевъ. Лучшіе тексты изданы Беккеромъ (2 изд., Лейпцигъ, 1854—5 г.), Диндорфомъ (со схоліями, 9 томовъ, Оксфордъ. 1846—51) и Вемелемъ (Парижъ, 1868 г.); изданія отдѣльныхъ рѣчей безчисленны и лучшія изъ нихъ указаны уже въ настоящей главѣ. Англійскіе переводы демосоеновыхъ рѣчей, въ особенности рѣчи о вѣнѣ, весьма многочисленны; новѣйшій переводъ принадлежитъ сэру Р. Коллеру. Переводъ Леланда, прошлаго столѣтія, пользуется заслуженною репутаціею. Мириады новѣйшихъ сочиненій о Демосоенѣ, вплоть до 1877 года, перечислены въ тридцать седьмомъ томѣ *Philologus*, стр. 676 и слѣд. За исключеніемъ критическихъ замѣчаній, лишь немного можно добавить къ обширнымъ трудамъ Шефера и Бласса, изъ которыхъ я постоянно заимствовалъ разнообразные матеріалы.

ГЛАВА XII.

Современные Демосоену ораторы.

§ 540. Демосоенъ былъ величайшимъ художникомъ среди цѣлой плеяды великихъ ораторовъ, послѣ которыхъ осталось достаточно произведеній, чтобы оправдать громкую похвалу, расточаемую имъ историками греческой риторики. Дѣйствительно, если-бы всѣ они не подвергались тяжкому искусу сличенія съ Демосоеномъ, мы провозгласили бы большинство изъ нихъ первоклассными писателями въ этой области литературы; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже менѣе изысканные приемы ихъ болѣе удовлетворяютъ нашему современному вкусу, чѣмъ чисто профессиональное краснорѣчіе ихъ великаго соперника.

Мы естественно начнемъ съ Эсхина, выдѣляющагося изъ ихъ рядовъ въ качествѣ завѣдомаго противника Демосоена. Не будь этого обстоятельства, о немъ мало было бы извѣстно, да и это немногое затемнено и искажено безпощадной и легкомысленной хулою Демо-

соена. Забавно видѣть, какъ въ дошедшихъ до насъ Жизнеописаніяхъ Эсхина серьезно воспроизводятся клеветы изъ рѣчи о вѣн-кѣ точно историческія истины, въ то время какъ направленные противъ Демосоена и столь же основательныя обвиненія Эсхина обыкновенно оцѣниваются сообразно ихъ дѣйствительному значенію. Тѣмъ не менѣе недостойный обычай личныхъ нападокъ (*λοιδόρια*) принуждалъ ораторовъ прибѣгать къ встрѣчнымъ объясненіямъ, раскрывающимъ ихъ собственное прошлое; этимъ объясненіямъ, если они не опровергнуты противниками, мы обязаны придавать наибольшее значеніе, такъ какъ они, по всему вѣроятію, грѣшатъ главнымъ образомъ лишь умолчаніемъ, а не преднамѣреннымъ искаженіемъ истины.

Очеркъ Апполонія, приложенный къ текстамъ Эсхина, добросовѣстнѣ остальныхъ, такъ какъ въ немъ къ грязнымъ намекамъ Демосоена присоединены факты, заявленные самимъ Эхиномъ въ свою защиту ⁴²³). Отецъ его Атрометъ, находившійся на судѣ, девяносто четырехъ лѣтъ отъ роду, въ то время когда разбиралось это дѣло (344—3 до Р. Х.) былъ почтеннымъ, но не богатымъ гражданиномъ общины Кооокидской ⁴²⁶). Прежде, чѣмъ онъ потерялъ свое состояніе, благодаря целопоннезской войнѣ, онъ былъ частнымъ человѣкомъ и атлетомъ, а потомъ, изгнанный во время управленія совѣта Тридцати, служилъ простымъ наемнымъ воиномъ въ Азіи. Онъ принадлежалъ, какъ говоритъ Эхинъ, къ роду, имѣвшему общій семейный культъ и алтари съ Этеобутадами, изъ чьей семьи избиралась жрица Аѣины Полии. Атрометъ вернулся изъ Коринѣа при Ѳразибулѣ вмѣстѣ съ изгнанниками и, лишенный средствъ, добывалъ себѣ пропитаніе въ качествѣ школьнаго учителя. Женился онъ на Главкоѣѣ, дочери Главка изъ ахарнейской общины; жена его принадлежала, повидимому, къ почтенной семьѣ. Ораторъ сообщаетъ, что мать сопровождала его въ Коринѣъ во время его изгнанія, что кажется намъ весьма страннымъ, такъ какъ на основаніи его же собственнаго показанія, второй сынъ ея, Эхинъ, родился не ранѣе 389 года до Р. Х. Старшій братъ его, Филохаръ, и младшій—Афо-

⁴²³) Пері паратрэф. §§ 78, 147, 168.

⁴²⁶) Нѣкоторыя общины имѣли чисто мѣстный характеръ и носили названіе своихъ городовъ, другія же получали наименованіе какого нибудь легендарнаго героя. Названная община всегда упоминается подъ родовымъ именемъ, но я не могъ найти никакого слѣда того лица, отъ котораго произошло его наименованіе. Гезихій считаетъ *κοῦω* и *κορῶ* рѣдкими формами въ смыслѣ *βλάστη*. Вслѣдствіе этого Факъ (*Griech. Personen* *πατήρ*) объясняетъ *κοῦωχης* въ смыслѣ изцѣлителя зла (*κοῦω*—*ἰατρ*), какъ эпитетъ, прилагавшійся къ эпониму, герою общины.

беть ⁴²⁷⁾ были оба хорошо извѣстными и почтенными людьми, и первому изъ нихъ ввѣрялись даже высокія должности.

Разсказываютъ, будто въ ранней молодости ораторъ нашъ помогаль отцу въ веденіи его школы; по показанію же Демосоена, онъ помогаль также и матери въ какихъ то неблаговидныхъ частныхъ религіозныхъ мистеріяхъ, водившихся тогда въ Афинахъ, пользовавшихся однако худою славою. Эсхинъ никогда не отрицаль ея участія въ подобныхъ дѣлахъ, и только настаиваль на почтенномъ характерѣ семьи и ея связей. Завербованный, на общемъ основаніи, въ военную службу по достиженіи возмужалости, онъ отслужиль свой срокъ въ періполохъ или пограничной афинской стражѣ, а въ послѣдующихъ битвахъ при Немеѣ (368), Мантинѣѣ (362), и въ особенности Таминахъ (349) сражался съ такимъ мужествомъ, что заслужиль публичную похвалу со стороны главнокомандующаго, Фокіона. Въ какую именно пору своей жизни онъ могъ исполнять обязанность трагическаго актера—сказать трудно. Демосоенъ увѣряеть, что онъ играль роль т р и т а г о н и с т а въ плохихъ труппахъ «по провинціямъ» и былъ освистанъ въ роли Эномая; это случилось однако, повидимому, только благодаря тому, что онъ упаль на сценѣ во время преслѣдованія имъ Целоппа и былъ поднятъ руководителемъ хора,—несчастіе, весьма возможное на греческой сценѣ, влѣдствіе принятаго тамъ неудобнаго искусственнаго увеличенія роста актера и утолщенія его фигуры. Случай этотъ разсказанъ въ первомъ Ж и з н е о п и с а н і и со словъ Демохара, при чемъ упомянуто даже имя руководителя хора Саннія. Но актеры, съ которыми странствовалъ Эсхинъ (Теодоръ и другіе), принадлежали къ числу выдающихся въ то время и играли въ классической драмѣ, наиболѣе уважаемой отрасли сценическаго искусства, такъ что Эсхинъ, исполняя второстепенныя роли, играль однако въ лучшихъ труппахъ ⁴²⁸⁾. Занятія эти, быть можетъ, преждевременно состарили его, такъ какъ, сорока пяти лѣтъ отъ роду, онъ уже называетъ себя совершенно сѣдовласымъ ⁴²⁹⁾. Одаренный красивой внѣшностью, хотя и невысокій ростомъ, и имѣя прекрасный голосъ, Эсхинъ былъ вполнѣдствіи назначенъ

⁴²⁷⁾ Приписываемое Плутарху Ж и з н е о п и с а н і е называетъ ихъ Афобомъ и Демохаромъ, что указываетъ либо на небрежность со стороны автора, либо на существованіе иного текста, отличающагося отъ нашего. Последнее предположеніе правдоподобнѣе.

⁴²⁸⁾ См. восторженную похвалу этому Теодору у Аристотеля, Rhet., III, 2, 4, гдѣ сказано, что его голосъ всегда казался голосомъ изображаемаго имъ лица, между тѣмъ какъ у другихъ актеровъ этого не было.

⁴²⁹⁾ I, 49.

государственнымъ письмоводцемъ во время управленія Аристофона и Эвбула и постепенно прибрѣлъ достаточно опытности и навыка въ общественныхъ дѣлахъ, чтобы выступить въ роли политическаго дѣятеля (ῥήτωρ). Ему ввѣрили веденіе крупныхъ общественныхъ дѣлъ; такъ, напримѣръ, онъ былъ отправленъ посломъ въ Мегалополь, чтобы противоdѣйствовать политикѣ Филиппа. Желать онъ былъ на дочери Филодема и имѣлъ дочь и двухъ сыновей, которыхъ еще дѣтymi привелъ въ судъ во время своей защиты, когда ему самому было уже около сорока восьми лѣтъ. Потерпѣвъ полную неудачу въ своемъ обвиненіи Демосоена въ 330 году до Р. Х. и присужденный уплатить тысячу драхмъ за неуспѣшный искъ, онъ удалился въ изгнаніе на Родосъ, гдѣ и добывалъ пропитаніе, я полагаю, не риторикою, которою никогда не занимался, а подобно своему отцу, преподавая азбуку. Умеръ онъ, говорятъ, на Самосѣ, семидесяти пяти лѣтъ отъ роду (слѣдовательно, въ 314 году до Р. Х.); но это подтверждается показаніями одного только Аполлонія. Въ одномъ изъ подложныхъ писемъ сказано, будто мать его отправилась съ нимъ въ изгнаніе, семидесяти трехъ лѣтъ отъ роду ⁴³⁰⁾, что совершенно не возможно, такъ какъ есть показанія, удостовѣряющія, что она бѣжала съ мужемъ въ Коринѣ въ 403 году до Р. Х. ⁴³¹⁾. Къ числу лучшихъ изъ дошедшихъ до насъ изъ древности статуй принадлежитъ статуя Эсхина, снятая съ него во весь рѣстъ въ томъ самомъ положеніи, которое онъ принималъ, во время произнесенія рѣчей, и нынѣ находящаяся въ неаполитанскомъ музеѣ. Спокойное и преисполненное достоинства лицо его кажется мнѣ, однако, лишеннымъ выраженія, въ сравненіи, напримѣръ, съ однороднымъ изображеніемъ Софокла въ Латеранѣ. Есть еще прекрасный бюстъ, снимокъ съ котораго, взятый изъ коллекціи полковника Лика, находится въ Uped. Monum. Миллингена, листъ IX, и подтверждаетъ подлинность статуи.

Всѣ эти факты мелки сравнительно съ политическими дѣйствіями его, рассмотрѣнными, какъ Демосоеномъ, такъ и лично имъ самимъ въ дошедшихъ до насъ рѣчахъ. Нѣтъ почти никакого сомнѣнія, что Эсхинъ, служа подъ начальствомъ Эвбула на родинѣ и Фокіона на полѣ брани, естественно усвоилъ себѣ ихъ мирную политику, вслѣдствіе чего сдѣлался на первыхъ порахъ противникомъ Демосоена. Но если онъ сначала добросовѣстно защищалъ эту политику, за то впослѣдствіи есть вѣсскія доказательства, что онъ былъ подкупленъ

⁴³⁰⁾ 12, § 12.

⁴³¹⁾ Паратресъ. § 147.

Филиппомъ, чтобы защищать его интересы, такъ что позднѣйшія политическія дѣянія его затемнены этимъ корыстнымъ мотивомъ. Таковъ по крайней мѣрѣ, приговоръ даже наиболѣе трезвыхъ современныхъ намъ историковъ. Эвбулъ и Фокіонъ думали, вѣроятно, иначе, такъ какъ они поддерживали его во время всего процесса о его вторичной миссиі кѣ Филиппу и добились его оправданія; никогда не былъ онъ уличенъ и опозоренъ, подобно Филократу, хотя поступки ихъ были вполне тождественны. Фокіонъ и Эвбулъ могли вѣрить, что, принимая деньги, Эсхинъ все таки искренно защищалъ политику мира, и что не деньги побудили его измѣнить принципамъ. Вслѣдствіе этого они поддерживали его противъ ихъ политическаго противника, Демосоена. Эти вѣскія свидѣтельства въ его пользу все еще заставляютъ меня сомнѣваться въ его предательствѣ; но нѣтъ ни малѣйшаго вѣроятія, чтобы нашлись новыя доказательства для разрѣшенія этого труднаго вопроса.

§ 541. Что касается риторическаго образованія Эсхина, древніе, всегда защищавшіе идею преемственности литературнаго дарованія и, по всему вѣроятію, смѣшивавшіе его съ Сократовымъ Эсхиномъ, утверждали, что онъ учился подъ руководствомъ Платона и Исократъ. Цицилій называетъ его ученикомъ Леодама, какъ я полагаю, безъ всякой другой причины, кромѣ той, что Эсхинъ называлъ его⁴³²⁾, ораторомъ, не только не уступавшимъ Демосоену, но, по его мнѣнію, даже болѣе симпатичнымъ. Свидъ, чья статья объ Эсхинѣ изъ ряду вонъ беспощадна, называетъ его ученикомъ Алкидама. Всѣ внутреннія доказательства несомнѣнно удостовѣряютъ, что Эсхинъ никогда не изучалъ риторику, какъ профессію, но что имѣя большія природныя дарованія и находясь по своему официальному положенію въ постоянныхъ сношеніяхъ съ лучшими ораторами, онъ образовалъ себя, какъ любитель, по этимъ образцамъ, дополняя ихъ методу тѣмъ изящнымъ, полнымъ достоинства способомъ произнесенія рѣчей, которому онъ научился, въ свою очередь, на сценѣ. Ему хотѣлось доказать, что онъ не судебный ораторъ, знакомый со всеми ухищреніями и тонкостями, неразлучными съ практикою суда *in iudicio*, а государственный совѣтникъ въ дѣлахъ, имѣющихъ широкое общественное значеніе; подобно уважаемымъ политикамъ его эпохи, онъ считалъ писаніе рѣчей по поводу частныхъ дѣлъ занятіемъ сомнительнаго свойства. Вслѣдствіе этого, во вступленіи кѣ своей рѣчи о Тимархѣ онъ утверждалъ, что, хотя ему уже сорокъ пять лѣтъ отъ роду, онъ еще никогда не высту-

⁴³²⁾ III, 13 3—9.

палъ въ судѣ для обвиненія кого бы то ни было; не видно также, чтобы онъ писалъ рѣчи для другихъ. Три дошедшія до насъ воззванія противъ Тимарха (344 г. до Р. Х.), о посольствѣ (343 до Р. Х.) и противъ Ктезифона (330 г.) были единственными изданными имъ сочиненіями; рѣчь о делосскомъ храмѣ еще въ древности отвергалась, какъ подложная. Въ самомъ дѣлѣ, Эсхинъ болѣе всѣхъ профессиональныхъ ораторовъ полагался на свое умѣніе импровизировать; слова лились у него свободно, и, по всему вѣроятію, онъ рѣдко записывалъ то, что хотѣлъ сказать. Есть указанія, что, изъ дошедшихъ до насъ рѣчей, двѣ были записаны послѣ самаго разбирательства, слѣдовательно изданы, какъ оправдательные памфлеты. Такимъ образомъ, мы легко можемъ представить себѣ Эсхина декламирующимъ передъ Родосцами рѣчи Демосоена, но не принявшимъ на себя обязательства формально преподавать искусство риторики.

§ 542. Рѣчь противъ Тимарха, быть можетъ наиболѣе интересна для читателя нашего времени, такъ какъ она не касается сложныхъ и спорныхъ политическихъ дѣлъ и можетъ быть понята и безъ мелочнаго изученія исторіи эпохи. Тимархъ соединился съ Демосоеномъ, чтобы обвинить Эсхина въ злоупотребленіяхъ во время посольства къ Филиппу, и Эсхинъ задумалъ отдѣлаться отъ меньшаго изъ своихъ противниковъ посредствомъ встрѣчнаго иска. Онъ объявилъ Тимарха недостойнымъ пользоваться политическими правами и обвинять кого либо изъ гражданъ вслѣдствіе его собственной неблаговидной частной жизни. Изъ усилій, употребленныхъ ораторомъ, чтобы доказать, какъ общую полезность подобнаго закона, такъ и его неразрывную связь съ каждой демократіею, видно, что законъ этотъ началъ уже превращаться въ мертвую букву.

Послѣ введенія, въ которомъ онъ указалъ на скромность своей собственной жизни и на свою полнѣйшую неопытность въ дѣлѣ публичныхъ обвиненій, къ которому онъ прибѣгнулъ лишь въ виду сикофанства Тимарха ⁴³³⁾, Эсхинъ перешелъ къ доказательствамъ того, что изъ всѣхъ видовъ правленія, демократія въ особенности зависитъ отъ законовъ и отъ охраненія ихъ ненарушимости ⁴³⁴⁾. Вслѣдствіе этого онъ предложилъ разсмотрѣть законы Солона и Дракона, касающіеся нравственной дисциплины дѣтей, юношей, наконецъ массы вообще ⁴³⁵⁾, а потомъ сравнить

⁴³³⁾ §§ 1—3.

⁴³⁴⁾ §§ 4—8.

⁴³⁵⁾ §§ 9—36.

съ ними жизнь Тимарха во всё эти періоды; это онъ и дѣлаетъ ⁴³⁶⁾ въ двухъ частяхъ своей рѣчи и изображаетъ сначала его прости-
туцію за деньги ⁴³⁷⁾, а потомъ растрату имъ отцовскаго имуще-
ства. Завершивъ такимъ образомъ свое обвиненіе, Эсхинъ обра-
щается, въ формѣ эпилога, къ опроверженію отвѣта, который, какъ
онъ слышалъ, будетъ ему сдѣланъ, и къ призыву гражданъ на путь
добродѣтели. Но эти два предмета недостаточно ясно обособлены
имъ, и въ особенности послѣдній изъ нихъ введенъ какъ бы только
для того, чтобы дать оратору хорошій предлогъ привести отрывки
изъ поэтовъ ⁴³⁸⁾.

Упоминаемый здѣсь Тимархъ, какъ гласятъ комментаріи, былъ
авторомъ болѣе сотни декретовъ. Намъ извѣстны также и другіе
знаменитѣйшіе Аѳиняне, въ родѣ Алкивіада, которымъ едва удава-
лось спастись отъ подобныхъ преслѣдованій. Главная сила обвине-
нія была направлена не столько противъ юношескихъ излишествъ,
которыхъ не отвергаетъ Эсхинъ даже относительно себя, но скорѣе
противъ совершенія безнравственныхъ поступковъ по найму,—раз-
личіе безмѣрно важное въ этомъ случаѣ, и которому придавали
большое значеніе. Эсхинъ излагаетъ планъ своей рѣчи ⁴³⁹⁾, скорѣе
прибѣгая къ приемамъ современнаго намъ проповѣдника, чѣмъ примѣ-
няя искусство Демосфена, хотя въ послѣдствіи онъ будто бы изъ велико-
душія, но, по всему вѣроятію, за недостаткомъ доказательствъ, остав-
ляетъ неразвитою ту часть своей параллели, которая относилась къ
дѣтству Тимарха ⁴⁴⁰⁾. Въ самомъ дѣлѣ, доказательства его до такой
степени чисто случайныя, что онъ былъ вынужденъ не отвѣчать
на естественное требованіе его противниковъ указать какіе-нибудь
отдѣльные случаи безнравственности Тимарха ⁴⁴¹⁾; но подобное
возраженіе, роковое для исковъ въ нашихъ судахъ, весьма легко
устранялось въ Аѳинахъ ссылкой на общія свойства отвѣтчика,
которымъ Аѳиняне, отличавшіеся большой мелочностью, придавали
громадное значеніе. Вся рѣчь представляетъ значительный инте-
ресъ, какъ изображеніе нравственной стороны аѳинской жизни, но
обсуждать эту тему не легко въ наши дни.—О слога рѣчи я пого-
ворю далѣе, когда мы бѣгло разсмотримъ остальные сочиненія.

⁴³⁶⁾ §§ 37—115.

⁴³⁷⁾ §§ 37—94.

⁴³⁸⁾ §§ 141—54.

⁴³⁹⁾ § 8.

⁴⁴⁰⁾ §§ 39 и 160.

⁴⁴¹⁾ §§ 71 и слѣд.

§ 543. Вторая рѣчь, *περὶ παραπροσβείας*, какъ я уже говорилъ выше, не была, по всему вѣроятію, никогда произнесена ⁴⁴²⁾, зато несомнѣнно тщательно издана Эхиномъ, чѣмъ обвиненіе его самого Демосѳеномъ, такъ какъ въ ней заключалось оправданіе его жизни и политики. Рѣчь эта, дѣйствительно, читается гораздо легче, чѣмъ рѣчь соперника; она преисполнена живыхъ описаній и не менѣе живыхъ нападокъ и не раздѣлена, подобно рѣчи противъ Тимарха, на заголовки; въ ней просто изложены обстоятельства, сопровождавшія два посольства къ Филиппу, и для разнообразія введены различныя отступленія личнаго свойства, описанія собственной семьи и прошлаго, нападки на Демосѳена. Главною отличительною чертою являются ея живыя характеристики, драматическое изображеніе угрюмости и важничанья Демосѳена во время посольства, проницательности и вѣжливости Филиппа ⁴⁴³⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, описаніе смущенія Демосѳена передъ Филиппомъ, послѣ того какъ онъ своей хвастливостью возбудилъ въ немъ преувеличенныя ожиданія, слишкомъ жизненно, чтобы быть оставленнымъ безъ вниманія ⁴⁴⁴⁾. Очерки исторіи прошлаго и изображеніе амфиктіоническаго совѣта весьма любопытны, а восторженная импровизація Эхина въ Дельфахъ, при видѣ священной долины, достойна занять высшее мѣсто въ греческомъ краснорѣчьи. Но запальчивыя и грязныя обвиненія въ безнравственности и продажности, произносимыя въ присутствіи суда такими выдающимися людьми, какъ Демосѳенъ и Эхинъ, производятъ самое непріятное впечатлѣніе и показываютъ намъ, какая разниа была между политическими преніями въ Аѳинахъ и въ англійской палатѣ общинъ. Очевидно, что подкупъ практиковался часто и возбуждалъ такъ мало вниманія, что каждый политическій дѣятель обвинялъ во взяточни-

⁴⁴²⁾ Противъ этой теоріи сильно возстаютъ Шеферъ, Тирлволъ и другіе, и полагаютъ, что разбирательство дѣйствительно происходило.

⁴⁴³⁾ Бергъ и Шеферъ считаютъ ее лучшею изъ рѣчей Эхина.

⁴⁴⁴⁾ §§ 34—5: *Ῥηέντων δὲ τούτων καὶ ἐτέρων λόγων ἤδη καθήκειν εἰς Δημοσθένην τὸ τῆς προσβείας μέρος, καὶ πάντες προσεῖχον ὡς ὑπερβολὰς τινὰς δυνάμειος ἀκουσόμενοι λόγων· καὶ γὰρ πρὸς αὐτὸν τὸν Φίλιππον, ὡς ἦν ὑστερον ἀκούειν, καὶ πρὸς τοὺς ἐταίρους αὐτοῦ ἐξηγγέλθη ἡ τῶν ἐπαγγελιῶν ὑπερβολή· οὕτω δὲ ἀπάντων διαχειμένων πρὸς τὴν ἀκράσιν φθέγγεται τὸ θηρίον τοῦτο προοίμιον σκοτεινὸν καὶ τεθνηκὸς δειλίᾳ, καὶ μικρὸν προαγαθὼν ἂνω τῶν πραγμάτων ἐξαίφνης εἰσέγρησε καὶ διηγορήθη, τελευτῶν δὲ ἐκπίπτει ἐκ τοῦ λόγου. ἰδὼν δὲ αὐτὸν ὁ Φίλιππος ὡς διέκειτο, θάρρειν τε παρεκλεύετο καὶ μὴ νομίζειν, ὥσπερ ἐν τοῖς θεάτροις, διὰ τοῦτο οἰεσθαι τι πεπονημένοι, ἀλλ' ἡσυχῇ καὶ κατὰ μικρὸν ἀναμνησθεσθαι καὶ λέγειν ὡς προέειπετο. ὁ δ' ὡς ἀπαξ ἐταράχθη καὶ τῶν γεγραμμένων διεσφάλη, οὐδ' ἀναλαβεῖν αὐτὸν ἐδυνήθη, ἀλλὰ καὶ πάλιν λέγειν ἐπιχειρήσας ταῦτον ἐπαθεν. ὡς δ' ἦν σιωπῇ, μεταστῆναι ἡμᾶς ὁ κῆρυξ ἐκέλευεν.*

чествѣ своего противника, какъ въ чемъ-то вполне естественномъ. Прибавлю здѣсь одно вполне вѣрное замѣчаніе, которое, однако, покажется читателю очень страннымъ, — по моему мнѣнію, повременное принятіе взятки не было въ то время несомнѣнимо съ искреннимъ патріотизмомъ и даже съ общою честностью. Англичанамъ подобный фактъ покажется почти непонятнымъ. Человѣкъ, разъ уличенный у насъ въ принятіи денегъ при такихъ условіяхъ, совершенно пропасть бы. Иное видимъ мы у менѣ солидныхъ націй, напримѣръ у Русскихъ, быть-можетъ, и нѣсколько ближе къ предѣламъ Англіи. Тамъ взяточничество сдѣлалось такой общераспространенной привычкой, что принимать взятки отъ своихъ приверженцевъ вовсе не вызываетъ порицанія, и даже болѣе явныя нарушенія честности объясняются требованіями политическихъ выгодъ. Если мы не станемъ на эту точку зрѣнія, мы рискуемъ ошибиться въ оцѣнкѣ Эсхина и Демосоена. Въ заключеніи настоящей рѣчи ⁴⁴³⁾ мы находимъ вѣрный и эффектный очеркъ исторіи Афинъ, въ особенности со временъ реставраціи. Ораторъ взываетъ къ Эвбулу и Фокіону, прося ихъ поддержать его, и нѣтъ сомнѣнія, что вліяніе этихъ почтенныхъ людей спасло его отъ нападокъ Демосоена.

§ 544. Тѣ же общія замѣчанія относятся и къ третьей рѣчи — къ обвиненію Ктезифона въ незаконности дѣйствій вследствие его предложенія поднести золотой вѣнокъ Демосоену. Обстоятельства этого дѣла изложены нами въ связи съ отвѣтной рѣчью. Слѣдуетъ замѣтить, что во введеніи къ этой рѣчи повторены по существу общія изреченія о трехъ формахъ политическихъ учрежденій, уже приведенныя въ рѣчи противъ Тимарха ⁴⁴⁶⁾. Вслѣдъ за тѣмъ ораторъ переходитъ къ тремъ общимъ подраздѣленіямъ своего обвиненія: во первыхъ, Демосоенъ все еще находился подъ допросомъ, когда было предложено оказать ему эту высшую почесть, между тѣмъ какъ это весьма основательно запрещено, при подобныхъ обстоятельствахъ, точнымъ закономъ. Этотъ аргументъ вмѣстѣ съ опроверженіемъ встрѣчныхъ показаній наполняютъ §§ 6—31. За этимъ слѣдуетъ второй отдѣлъ, гласящій, что возложеніе вѣнка въ театрѣ до начала представленія строго воспрещено закономъ, и что обрядъ этотъ, если онъ признанъ необходимымъ, долженъ совершаться на Пниксѣ. Противъ этого довода, повидимому вполне основательнаго, Демосоенъ возразилъ, указавъ на нѣкоторые исключенія, которые умышленно скрылъ Эсхинъ, ссы-

⁴⁴⁵⁾ §§ 172—84.

⁴⁴⁶⁾ §§ 4 и слѣд.

лаясь на законъ. Такъ какъ даже такіе крупные авторитеты, какъ Шпенгель и Гальмъ ⁴⁴⁷⁾, не согласны между собою относительно легальной стороны этого дѣла, то врядъ ли можно ожидать, чтобы настоящая дилемма была когда либо разрѣшена. Вполнѣ вѣрно однако, что оба оратора были способны скрыть и преувеличить истину, скажу даже болѣе, произнести завѣдомую ложь.

Но древніе критики были на столько поражены ясностью и силою технической стороны эсхиновой рѣчи, что утверждали, будто онъ легче уличилъ бы Ктезифона, чѣмъ Тимарха, если-бы ограничился одной только этой задачей. Но далѣе ⁴⁴⁸⁾ онъ переходитъ уже къ другому предмету, именно къ общему разбору жизни Демосфѣна въ теченіе четырехъ періодовъ (см. выше, § 523) и доказываетъ, что въ каждомъ изъ нихъ онъ былъ или измѣнникомъ, или причиною бѣдствій для государства. Описаніе ранняго періода значительно разнится у обоихъ ораторовъ съ ихъ прежнимъ рассказомъ о томъ же предметѣ въ рѣчахъ о посольствѣ. Такъ какъ, по замѣчанію Шпенгеля ⁴⁴⁹⁾ шестнадцать лѣтъ прошло со времени совершенія этихъ фактовъ, то ораторы знали, что могутъ извращать или приспособлять ихъ къ своимъ цѣлямъ, не особенно рискуя быть уличенными. Поэтому Гротъ и не нашелъ невозможнымъ отыскать подлинную истину среди несообразностей и противорѣчій. Но, какъ образецъ риторики, заключеніе этой части эсхиновой рѣчи, не столь величественное, конечно, какъ отвѣтъ на нее, весьма эффектно. То же можно сказать и объ остальной рѣчи, состоящей изъ того, что принято называть *προκατλήψεις* или предупрежденіемъ отвѣтовъ противника ⁴⁵⁰⁾. Трудно представить себѣ, чтобы подобный протестъ

447) Sitzber. d. Baier. Ac. за 1875 г., стр. 1.

448) § 49.

449) Abhandl. der baier. Akad. за 1863 г., стр. 99.

450) Вотъ для образца прекрасный отрывокъ, §§ 132—134: *Τοιγάρτοι τί τῶν ἀνεπίστων καὶ ἀπροσδοκῆτων ἐφ' ἡμῶν οὐ γέγονεν; οὐ γὰρ βίαν γε ἡμεῖς ἀνθρώπινον βεβιώχαμεν, ἀλλ' εἰς παραδοξολογίαν τοῖς ἐσομένοις μεθ' ἡμᾶς ἐφυμεν. οὐχ ὁ μὲν τῶν Περσῶν βασιλεὺς, ὁ τὸν Ἄθω διορύξας, ὁ τὸν Ἑλλήσποντον ζεύξας, ὁ γῆν καὶ ὕδωρ τοὺς Ἕλληνας αἰτῶν, ὁ τολμῶν ἐν ταῖς ἐπιστολαῖς γράφειν, ὅτι δεσπότης ἐστὶν ἀπάντων ἀνθρώπων ἀφ' ἡλίου ἀνιόντας μέχρι δυσμένου, νῦν οὐ περὶ τοῦ κύριος ἐτέρων εἶναι διαγωνίζεται, ἀλλ' ἤδη περὶ τῆς τοῦ σώματος σωτηρίας; καὶ τοὺς αὐτοὺς ὁρῶμεν τῆς τε δόξης ταύτης καὶ τῆς ἐπὶ τὸν Περσὴν ἡγεμονίας ἡξικόμενους, οἱ καὶ τὸ ἐν Δελφοῖς ἱερὸν ἠλευθέρωσαν. Θῆβαι δέ, Θῆβαι, πόλις ἀστυγείτων, μεθ' ἡμέραν μίαν ἐκ μέσης τῆς Ἑλλάδος ἀνῆρπασται, εἰ καὶ δικαίως, περὶ τῶν ἔλκων οὐκ ὀρθῶς βουλευσάμενοι, ἀλλὰ τὴν γε θεωβλάβειαν καὶ τὴν ἀφροσύνην οὐκ ἀνθρωπίνως, ἀλλὰ δαιμονίως κτησάμενοι. Λακεδαιμόνιοι δ' οἱ ταλαίπωροι, προσαφάμενοι μόνον τούτων τῶν πραγμάτων ἐξ ἀρχῆς περὶ τὴν τοῦ ἱεροῦ κατάληψιν, οἱ τῶν Ἑλλήνων ποτὲ δεῖσιοντες ἡγεμόνες εἶναι, νῦν ὀμηρεύοντες καὶ τῆς συμφορᾶς ἐπίδειξιν ποιησάμενοι μέλλουσιν ὡς Ἀλέξαν-*

вырвался у жалкаго предателя. Я не могу не считать Эсхина скорѣе убѣжденнымъ защитникомъ политики мира и систематическимъ врагомъ демосѳеновыхъ общегреческихъ взглядовъ, не гнушавшимся, быть можетъ, принимать иногда подарки отъ Филиппа и оказывать ему услуги, когда онѣ совпадали съ понятіями Эвбула и Фокіона, — но не опаснымъ и вполнѣ убѣжденнымъ преступникомъ.

§ 545. Что касается слога оратора, прежде всего нужно замѣтить, что онъ считался основателемъ импровизаціи между Греками. Тщательное и даже письменное подготовленіе считалось у нихъ столь необходимымъ условіемъ краснорѣчія, что рѣчи, произнесенныя подъ вліяніемъ минуты и столь необходимыя въ политическихъ преніяхъ, не считались у Грековъ за искусство, пока Эсхинъ не показалъ имъ, что можетъ быть сдѣлано въ этомъ отношеніи. Хвастливое увѣреніе Горгія, что онъ можетъ легко и изящно отвѣтить на всякій предложенный ему вопросъ, объяснялось, конечно, тщательно подобраннымъ и хорошо употребленнымъ запасомъ общихъ изреченій. Три рукописныя рѣчи Эсхина даютъ намъ, слѣдовательно, жалкое понятіе о способностяхъ этого человека, для уразумѣнія которыхъ мы должны скорѣе обратиться къ величественной сценѣ передъ Дельфами, когда его поразительное обращеніе наэлектризовало или, вѣрнѣе, обезумило собраніе, «неопытное въ дѣлѣ краснорѣчія», какъ говоритъ Демосѳенъ. Древніе критики судили о немъ однако совершенно такъ, какъ они и должны были судить о великомъ импровизаторѣ, даже принявъ въ соображеніе вліяніе на нихъ грязныхъ нападковъ Демосѳена. Діонисій называетъ его рѣчи прелестными по первому чтенію, а, послѣ ближайшаго разсмотрѣнія, и могущественными, но приписываетъ это скорѣе его природнымъ дарованіямъ, чѣмъ искусству. Цицеронъ и Квинтиліанъ строги къ нему, въ особенности послѣдній; они называютъ его напыщеннымъ и многословнымъ. Однако Цицеронъ перевелъ третью рѣчь и подражалъ первой ⁴⁵¹⁾ въ своихъ рѣчахъ pro Rose Amer. и in Pisonem.

Если взглянуть ближе въ техническое построеніе рѣчей Эсхина, мы подмѣтимъ у него осмотрительность въ выборѣ словъ и

δρον ἀναπέμπεσθαι, τοῦτο πεισόμενοι καὶ αὐτοὶ καὶ ἡ πατρίς, ὅ τι ἂν ἐκεῖνω δόξῃ καὶ εἴ τῇ τοῦ κρατοῦντος καὶ προηδικημένου μετριότητι χρῆσονται. ἡ δ' ἡμετέρα πόλις, ἡ κοινὴ καταφυγὴ τῶν Ἑλλήνων, πρὸς ἣν ἀφικνοῦντο πρότερον ἐκ τῆς Ἑλλάδος αἱ πρεσβεῖαι, κατὰ πόλεις ἕκαστοι παρ' ἡμῶν τὴν σωτηρίαν εὐρησόμενοι, νῦν οὐκέτι περὶ τῆς τῶν Ἑλλήνων ἡγεμονίας ἀγωνίζεται, ἀλλ' ἤδη περὶ τοῦ τῆς πατρίδος ἐδάφους. καὶ ταῦθ' ἡμῖν συμβέβηκεν ἐξ ὅτου Δημοσθένης πρὸς τὴν πολιτείαν προσεληλυθεν.

⁴⁵¹⁾ §§ 190—91, мѣсто истинно грандіозное.

елѣды культуры, которую онъ часто сознательно обнаруживаетъ. Но въ самой композиціи онъ менѣе тщателенъ, чѣмъ Демосѳенъ, не такъ строго избѣгаетъ hiatus (⁴³²), а ритмическій законъ, предписывавшій избѣгать скопленія краткихъ слоговъ, былъ ему, кажется, совершенно чуждъ, какъ это видно при самомъ началѣ первой рѣчи. Періоды его часто длинны и нескладны (⁴³³), но смыслъ ихъ всегда ясенъ. Не смотря на то, что Эсхинъ постоянно оживлялъ свои аргументы общепринятыми украшеніями рѣчи, обращеніемъ, самовопрошаніемъ и т. д., и дѣлалъ это съ мѣткою ироніею и сарказмами, однако наиболѣе блестящею стороною его дарованія все таки являлось повѣствованіе. Въ добавленіе къ приведеннымъ уже мѣстамъ, укажу еще на характеристику серьезнаго Автолика, приносящаго вѣсть отъ Ареопага, и на то, какъ эта вѣсть была принята (⁴³⁴). Обрисовка характеровъ у Эсхина кажется мнѣ живѣе и естественнѣе его паѳоса, хотя онъ часто прибѣгаетъ къ послѣднему средству и, по временамъ, выходитъ изъ предѣловъ цѣломудрія, соблюдаемаго болѣе образованными ораторами. — Приписываемыя ему двѣнадцать посланій несомнѣнно подложны и относятся къ позднѣйшему времени.

§ 546. Относительно исторіи текста можно замѣтить, что, если полныя изданія Тимарха составляютъ рѣдкость, за то остальные двѣ рѣчи часто издавались разными учеными съ прибавленіемъ къ нимъ соотвѣтственныхъ рѣчей Демосѳена, въ особенности рѣчей за и противъ Ктезифона. Древнѣйшія и лучшія

⁴³²) Въ I. §§ 2—3, II. 136 (выборъ я дѣлаю случайный) не мало подобныхъ примѣровъ.

⁴³³) Наприм. I. §§ 173—5; II. §§ 211—2; III. §§ 149—50.

⁴³⁴) Противъ Тимарха, §§ 81 и слѣд.: τῆς γὰρ βουλῆς τῆς ἐν Ἀρείῳ πάγῳ πρόσθεν ποιουμένης πρὸς τὸν δῆμον κατὰ τὸ ψήφισμα τὸ τοῦτου, ὃ οὗτος εἰρήκει περὶ τῶν οἰκίσεων τῶν ἐν τῇ Πικνί, ἣν μὲν ὁ τὸν λόγον λέγων ἐκ τῶν Ἀρεοπαγιτῶν Αὐτόλοκος, καλῶς νῆ τὸν Δία τὸν Ὀλύμπιον καὶ τὸν Ἀπόλλω καὶ σεμνῶς καὶ ἀξίως ἐκείνου τοῦ συνεδρίου βεβιωκώς· ἐπειδὴ δὲ πού προΐοντος τοῦ λόγου εἶπεν, ὅτι τὸ εἰσηγήμα τὸ Τιμάρχου ἀποδοκιμάζει ἡ βουλή, 'καὶ περὶ τῆς ἐρημίας ταύτης καὶ τοῦ τόπου τοῦ ἐν τῇ Πικνί μὴ θαυμάσητε, ὦ Ἀθηναῖοι, εἰ Τιμάρχος ἐμπεριότερώς ἔχει τῆς βουλῆς τῆς ἐξ Ἀρείου πάγου, 'ἀνεθωρυβήσατε ὑμεῖς ἐνταῦθα καὶ ἔφατε τὸν Αὐτόλοκον ἀληθῆ λέγειν· εἶναι γὰρ αὐτὸν ἐμπεῖρον τούτων. ἀγνοήσας δ' ὑμῶν τὸν ὄροβον ὁ Αὐτόλοκος, μάλα σκυθρωπάσας καὶ διαλιπὼν εἶπεν· ἡμεῖς τοι, ὦ Ἀθηναῖοι, οἱ Ἀρεοπαγῖται οὔτε κατηγοροῦμεν Τιμάρχου οὔτε ἀπολογοῦμεθα, οὐ γὰρ ἡμῖν πάτριόν ἐστιν, ἔχομεν δὲ τοιαύτην τινὰ συγγνώμην. Τιμάρχου· οὗτος ἴσως· ἐφ' ᾧ ψήθη ἐν τῇ ἡσυχίᾳ ταύτῃ μικρὸν ὑμῶν ἐκάστοι ἀνάλωμα γίνεσθαι· καὶ πάλιν ἐπὶ τῇ ἡσυχίᾳ καὶ τῷ μικρῷ ἀναλώματι μείζων ἀπήντα παρ' ὑμῶν μετὰ γέλωτος ὄροβος, ὡς δ' ἐπεμνήσθη τῶν οἰκοπέδων καὶ τῶν λάκκων, οὐδ' ἀναλαβεῖν αὐτοὺς ἐδύνασθε. ἐνθα δὴ καὶ παρέρχεται Πύρρανδρος· ἐπιτιμῶσαν ὑμῖν, καὶ ἤρετο τὸν δῆμον, εἰ οὐκ αἰσχύνοιντο γελῶντες παρούσης τῆς βουλῆς τῆς ἐξ Ἀρείου πάγου· ὑμεῖς δ' ἐξεβάλετε αὐτὸν ὑπολαβόντες· ἴσμεν, ὦ Πύρρανδρε, ὅτι οὐ δεῖ γελᾶν τούτων ἐναντίον· ἀλλ' οὕτως ἰσχυρόν ἐστιν ἡ λήθεια, ὥστε πάντων ἱπικρατεῖ τὸν ἀνθρωπίνων λογισμῶν.

схоліи перепечатывались съ парижскихъ рукописей Беккеромъ и Рейске, а въ послѣдствіи (вмѣстѣ съ схоліями въ Исократу) Диндорфомъ (Оксфордъ, 1843 г.). Эпоха и значеніе различныхъ рукописей вполне точно еще не опредѣлены. Рѣчи эти не входили, повидимому, ни въ лучшія рукописи произведеній менѣе значительныхъ ораторовъ, въ родѣ Криппіанова сборника, ни въ наиболѣе цѣнныя рукописи сочиненій Демосфена, какъ, напримѣръ, въ парижскую рукопись Σ. Тѣмъ не менѣе древнѣйшій изъ парижскихъ списковъ (Coislin. F) описанъ Монфокономъ, какъ in quarto десятиаго столѣтія, и заключаетъ въ себѣ многія риторическія сочиненія; Беккеръ ставитъ повидимому еще выше парижскую рукопись. Въ послѣднее время вышли въ свѣтъ новыя рецензіи А. Вейднера (Берлинъ, 1877) и Франке (Тейбнеръ, 1863 г.), однако безъ комментаріевъ. Шейбе, Гамакеръ и другіе, но болѣе всѣхъ Кобе въ своихъ *Novae Lectiones* содѣйствовали очищенію текста.

§ 547. Ликургъ, сынъ Ликофрона, былъ представителемъ совершенно иного типа людей и происходилъ изъ семьи Этеобутадовъ, исправлявшихъ древнюю и уважаемую жреческую должность при культѣ Посейдона, связанную съ знаменитымъ Эрехоѳеономъ на Акрополѣ. Родился онъ около начала четвертаго вѣка и жилъ, приблизительно, до смерти Александра ⁴³⁵). Почувствовавъ приближеніе кончины, онъ велѣлъ отнести себя въ комнату Совѣта, чтобы отвѣтить на всѣ возраженія, которыя могли быть сдѣланы противъ его управленія. Въ теченіе цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ—по всему вѣроятію съ 342 по 330 годъ до Р. Х.—онъ былъ въ Аѳинахъ тѣмъ, что мы назвали бы канцлеромъ казначейства (*ὁ ἐπὶ τῆς διοικήσεως*). Въ этотъ періодъ онъ отличался высшею честностью и величайшими способностями въ управленіи и умноженіи доходовъ. Послѣ Перикла онъ, болѣе всѣхъ, заботился объ украшеніи Аѳинъ, и имъ двумъ, вмѣстѣ съ Иродомъ Аттикомъ и Адріаномъ можно приписать почти всѣ общественные памятники этого знаменитаго города. Онъ достроилъ театръ Діониса и украсилъ его статуями великихъ трагическихъ поэтовъ. Кромѣ того, онъ придумалъ еще болѣе основательный способъ почтить ихъ память, установивъ государственные официальные тексты ихъ пьесъ, которыхъ актеры были обязаны придерживаться. Остальные законы, касавшіеся религіи или направленные противъ роскоши не относятся до предмета нашего обзора ⁴³⁶).

⁴³⁵) Въ Жизнеописаніи Гиперіда о немъ говорятъ, какъ о человѣкѣ умершемъ еще до начала дѣла о Гарпалѣ; иначе его несомнѣнно предпочли бы всѣмъ другимъ въ роли публичнаго обвинителя.

⁴³⁶) Гротъ говоритъ весьма кратко о Ликургѣ, такъ что читателю надо обратиться или

Строгий приверженецъ анти-македонской политики, онъ однако приберегалъ всѣ свободныя деньги для военныхъ цѣлей, такъ какъ тратилъ весьма крупныя суммы на украшеніе города и блескъ религіозныхъ церемоній. Многія добавочныя подробности, касающіяся его, сохранены въ обстоятельномъ и весьма цѣнномъ Жизнеописаніи его (въ числѣ десяти ораторовъ). Авторъ его (или по крайней мѣрѣ тотъ источникъ, изъ котораго онъ черпалъ) былъ, повидимому, хорошо знакомъ съ исторіею семьи Ликурга, такъ какъ въ Жизнеописаніи прослѣжена судьба двѣнадцати поколѣній его потомковъ, въ рукахъ которыхъ находилось наслѣдственное жреческое достоинство вплоть до эпохи самого біографа. Это относитъ время появленія Жизнеописанія ко второму вѣку по Р. Х., по всему вѣроятію, къ царствованію Адріана, когда аѳинскія древности и въ особенности сочиненія Ликурга должны были возбуждать особый интересъ ⁴³⁷). Говорятъ, что онъ учился у Платона и Исократъ и что онъ писалъ весьма медленно и съ большимъ трудомъ. По крайней мѣрѣ, таково впечатлѣніе, производимое на читателя его длинными, хотя и хорошо закругленными періодами.

За исключеніемъ его артистическихъ вкусовъ, Ликургъ былъ, повидимому, чѣмъ-то въ родѣ аттическаго Катона, крайне безпощаднаго и даже яроснаго въ преслѣдованій преступленій. Однако Гиперидъ ⁴³⁸) утверждаетъ, что, какъ ораторъ, онъ не уступалъ никому во всемъ городѣ, и что онъ считался вмѣстѣ съ тѣмъ человекомъ умѣреннымъ и безпристрастнымъ, — сужденіе весьма странное, если вспомнить его яростныя преслѣдованія. О нихъ говорятъ почти всѣ его біографы, и изъ четырнадцати рѣчей, перечисленныхъ Свидею (въ «Жизнеописаніи» названо пятнадцать, быть можетъ включая сюда и Письма), значительное число принадлежало въ категоріи публичныхъ обвиненій, въ большинствѣ которыхъ — къ Жизнеописаніи сказано: во всѣхъ — онъ имѣлъ успѣхъ. Лишь о трехъ изъ нихъ мы имѣемъ болѣе точныя свѣдѣнія. Первая

къ древнему, очень полному Жизнеописанію, или къ весьма сочувственному разсказу Тараволы, томъ VII, гл. 56. Если Демосееново письмо подлинно, то дѣти его были заключены въ темницу по его смерти, неизвѣстно по какой причинѣ, и Демосеенъ (смотри выше §§ 531 и сл.) писалъ изъ изгнанія посланіе въ защиту ихъ. Лѣтъ двадцать послѣ кончины Ликурга (въ 307 г. до Р. Х.) ему были присуждены публичныя почести и бронзовая статуя

⁴³⁷) Мейеръ, въ приложеніи къ Ликургу Кислинга, заботливо и весьма искусно комментировалъ это Жизнеописаніе и декретъ Стратокла въ честь Ликурга. Онъ обнаружилъ многіе изъяны въ текстѣ и нѣкоторыя неточности со стороны автора.

⁴³⁸) За Эвкс., стол. XXVI.

рѣчь была направлена противъ Дифила, котораго обвиняли въ приобрѣтеніи состоянія тѣмъ, что онъ подрѣзывалъ подпоры въ шахтахъ при Лаврійскихъ рудникахъ, особенно охранявшихся закономъ ⁴⁵⁹). Въ рѣчи Гиперида за Эвксениппа, гдѣ Олимпія названа единственною правительницей Додоны (слѣдовательно, не раньше 330 года до Р. Х.), упомянуто нѣсколько новѣйшихъ сикофантскихъ дѣлъ о рудникахъ, справедливо рѣшенныхъ дикастами, благодаря чему были устранены паническій страхъ, мѣшавшій въ нихъ работать. Паника эта могла быть вызвана обвиненіемъ, возбужденнымъ Ликургомъ, и относящимся, вѣроятно, къ 330 г. до Р. Х. За этимъ послѣдовало, кончившееся приговоромъ къ смерти, обвиненіе Лизикла, который, вмѣстѣ съ Харомъ, былъ аѣинскимъ полководцемъ при Херонѣ и бѣжалъ въ Аѣины послѣ битвы. Диодоръ сохранилъ намъ одну фразу изъ этой рѣчи, какъ образецъ *πικρία* оратора въ его обвинительныхъ рѣчахъ ⁴⁶⁰). Передаютъ, что послѣ этого похода и ѳиванскій полководецъ также подвергся преслѣдованію, но неизвѣстно по какому поводу. Если бы сохранилась Ликургова рѣчь, мы несомнѣнно узнали бы важныя подробности относительно этого дѣла.

§ 548. Третья рѣчь противъ Леократа, единственная уцѣлѣвшая до нашего времени, относится къ тому же кризису. Обвиненіе это было направлено восемь лѣтъ спустя противъ Леократа, который во время паники, послѣдовавшей за Херонейской битвою, спасся на корабль черезъ небольшія ворота въ стѣнѣ, окружавшей Мунихію съ моря, и скрылся на Родосъ, куда принесъ такую преувеличенную вѣсть о случившемся погромѣ, что торговыя суда боялись отплыть къ Пирею. Леократъ, убѣдившись въ преждевременности этой тревоги, опасаясь вернуться обратно въ виду суроваго закона, направленнаго противъ воѣхъ, кто покидалъ городъ во время кризиса, но отправился въ Мегару, откуда ему удалось ликвидировать свою аѣинскую собственность. Шесть лѣтъ спустя, вообразивъ, безъ сомнѣнія, что дѣло его забыто, онъ вернулся на родину и въ теченіе нѣкотораго времени былъ оставленъ, повидимому, въ покоѣ,

⁴⁵⁹) Собственность этого Дифила, раздѣленная между гражданами, дала каждому изъ нихъ премію въ 50 драхмъ, а такъ какъ его состояніе достигало 160 талантовъ, то число признанныхъ гражданъ въ эту пору было менѣе 20,000. Но время этого иска неизвѣстно въ точности.

⁴⁶⁰) 'Εστρατήγεις, ὦ Λύσιππες, καὶ χιλίων μὲν πολιτῶν τετελευτηκότων, δις χιλίων δὲ αἰχμαλώτων γεγονότων, τροπαίου δὲ κατὰ τῆς πόλεως ἐστηγότος, τῆς δ' Ἑλλάδος ἀπάσης δουλευούσης, καὶ τούτων ἀπάντων γεγενημένων σοῦ ἡγουμένου καὶ στρατηγοῦντος, πολέμῳς ἤν καὶ τὸ τοῦ ἡλίου φῶς ὄραν, καὶ εἰς τὴν ἀγορὰν ἐμβάλλειν, ὑπὸ μνημα γεγονῶς αἰσχύνῃς καὶ ὀνειδούς τῇ πατρίδι (Диод., XVI, 18).

такъ какъ Ликургъ, приступая къ своему обвиненію, говоритъ о восьми годахъ, истекшихъ со времени херонейской катастрофы (330 г. до Р. Х.). Весьма вѣроятно, что на этотъ процессъ и намекалъ Эсинъ ⁴⁶¹), говоря о человѣкѣ, бѣжавшемъ на Родосъ послѣ Херонеи, недавно судившемся за трусость и спасшемся лишь благодаря раздѣленію голосовъ присяжныхъ на двѣ равныя доли. Рѣчь написана съ большимъ достоинствомъ и горечью, и весьма сурово относится къ трусости отвѣтника, котораго не обвиняли ни въ какомъ болѣе важномъ преступленіи. Страстное окончаніе рѣчи является рѣдкимъ исключеніемъ въ Аѳинахъ, вполне чуждымъ преданій аттическаго краснорѣчія. Ликургъ придерживается обычной схемы и сперва излагаетъ дѣло, а потомъ опровергаетъ ожидаемыя возраженія отвѣтника. Но онъ разнообразитъ этотъ приѣмъ различными уклоненіями въ область болѣе древней исторіи и многими длинными и интересными цитатами изъ поэтовъ, въ родѣ Тиртея и Еврипида (Эрехоей), цитатами, не столь эффектными въ самой рѣчи, сколько цѣнными для новѣйшихъ изслѣдователей. Кромѣ того лучшимъ и наиболѣе поразительнымъ мѣстомъ считается изображеніе паники въ Аѳинахъ послѣ херонейской битвы; этотъ моментъ величественно описанъ у Демосфена;—его же, какъ говорятъ, пытался, хотя и съ меньшимъ успѣхомъ, изобразить и Гиперидъ ⁴⁶²). Хотя въ этомъ отрывкѣ и допущено нѣсколько случаевъ гіатуса, но слогъ его и тщательно отдѣланные періоды всей рѣчи придаютъ вѣроятность слуху, будто Ликургъ учился у Исократы. Его политическая дѣятельность началась однако лишь послѣ смерти наставника или, по крайней мѣрѣ, онъ не успѣлъ еще отличиться въ

⁴⁶¹) За Ктез., § 252.

⁴⁶²) §§ 39—41: καίτοι κατ' ἐκεῖνους τοὺς χρόνους, ὃ ἄνδρες, τίς οὐκ ἂν τὴν πόλιν ἤλεσεν, οὐ μόνον πολίτης ἀλλὰ καὶ ξένος ἐν τοῖς ἐμπροσθεν χρόνοις ἐπιδεδμηκώς; τίς δ' ἦν οὕτως ἢ μισοδῆμος τότε ἢ μισαθῆναιος, ὅστις ἐδυνάθη ἂν ἄτακτον αὐτὸν ὑπομεῖναι ἰδεῖν, ἡνίκα ἡ μὲν ἦττα καὶ τὸ γεγονός πάθος τῷ δήμῳ προσηγέλλετο, ὁρθὴ δὲ ἦν ἡ πέλις ἐπὶ τοῖς συμβεβηκόσιν, αἱ δ' ἐλπίδες τῆς σωτηρίας τῷ δήμῳ ἐν τοῖς ὑπὲρ πεντήκοντα ἔτη γεγονόσι καθειστήχασαν, ὅρῳ δ' ἦν ἐπὶ μὲν τῶν θυρῶν γυναῖκας ἐλευθέρας περιφόβους κατεπτηγυίας καὶ πυνθανομένας εἰ ζωῶσι, τὰς μὲν ὑπὲρ ἀνδρῶν, τὰς δ' ὑπὲρ πατρῶν, τὰς δ' ὑπὲρ ἀδελφῶν, ἀναξίως αὐτῶν καὶ τῆς πόλεως ὀρωμένας, τῶν δ' ἀνδρῶν τοὺς τοῖς σώμασιν ἀπειρηκότητας καὶ ταῖς ἡλικίαις πρεσβυτέρους καὶ ὑπὸ τῶν νέμων τοῦ στρατεύεσθαι ἀφαιμένους ἰδεῖν ἦν καθ' ὅλην τὴν πόλιν τότε ἐπὶ γῆρας ὁδῶ περιφερειρομένους, διπλὰ τὰ ἱμάτια ἐμπεπορημένους; πολλῶν δὲ καὶ δεινῶν κατὰ τὴν πόλιν γινομένων, καὶ πάντων τῶν πολιτῶν τὰ μέγιστα ἡτουχικόντων, μάλιστα ἂν τις ἤλγησε καὶ ἐδάκρυσεν ἐπὶ ταῖς τῆς πόλεως συμφοραῖς, ἡνίχ' ἔρῃν ἦν τὸν δῆμον ψηφισάμενον τοὺς μὲν δούλους ἐλευθέρους, τοὺς δὲ ξένους Ἀθηναίους, τοὺς δ' ἀτίμους ἐπιτίμους· ὅς πρότερον ἐπὶ τῷ αὐτόχθων εἶναι καὶ ἐλευθερός ἐσεμνύετο.

то время, когда Исократъ хвастался своими учениками. Въ его біографіи сказано, что онъ въ молодости былъ ученикомъ и Платона, но это показаніе кажется мнѣ мало вѣроятнымъ.

§ 549. Мы не имѣемъ никакихъ специальныхъ статей, посвященныхъ произведеніямъ этого оратора; точно также не дошло до насъ ни одной схоліи. Рукописи его уцѣлѣвшей рѣчи почти тѣ же, въ которыхъ записаны произведенія другихъ меньшихъ ораторовъ. и все, что было сказано о рукописяхъ Антифона, приложимо и здѣсь. То же можно сказать и о сборныхъ изданіяхъ этого и другихъ ораторовъ, за исключеніемъ только того, что Блассъ не издалъ его вновь въ серіяхъ Тейбнера, такъ что въ настоящее время лучшей текстъ принадлежитъ Шейбе (1859). Рѣчь эта была отдѣльно издана (съ латинскимъ переводомъ) Меланхтономъ (1545) и многими другими, включая сюда Корса (1826), Блуме (1828), Мецнера (1836) и Енике, съ нѣмецкимъ переводомъ (1856). А. Николаи выпустилъ въ свѣтъ хорошее школьное изданіе (Берлинъ, 1875); есть еще нѣсколько отдѣльныхъ изслѣдованій, въ родѣ *Fragmenta Lycurgea* Кисслинга (Галле, 1847 г.), *Symb. crit. in Lycurg. Leocratem* Енике (Лейпцигъ, 1848 г.), *Schedae Lycurgeae* Гейнриха (Боннъ, 1850), наконецъ изслѣдованіе Гальма въ мюнхенск. *Abhandl.*, III, стр. 123 и т. д. Существуетъ множество нѣмецкихъ переводовъ. Сборные Кисслингомъ отрывки немного добавляють къ извѣстной уже намъ рѣчи; это, большею частью, указанія своеобразныхъ выраженій, употреблявшихся въ Аѳинахъ въ особенности при религиозныхъ обрядахъ, и перечисленіе государственныхъ расходовъ. Нѣсколько интересныхъ фразъ приведено, латинскимъ пересказомъ, какъ наглядный примѣръ риторическихъ фигуръ, въ сочиненіи Рутілія Луна ⁴⁶³).

§ 550. Самымъ блестящимъ изъ всѣхъ современниковъ Демосѳена былъ, быть можетъ, Гиперидъ, сынъ Главкиппа изъ общины Коллитской, всю свою жизнь занимавшійся политикою и бывшій постояннымъ вождемъ анти-македонской партіи. Въ исторіяхъ литературы его обыкновенно называютъ современникомъ Ликурга, слѣдовательно, считаютъ его старше Демосѳена, главнымъ образомъ, потому, что въ *Жизнеописаніи* его сказано, будто онъ выступилъ впередъ и обѣщалъ одну трирему отъ себя, другую отъ имени своего сына «въ ту самую пору, когда Филиппъ готовился отплыть противъ Эвбеи». Если это касается событій 358 года до

⁴⁶³) Ср. у Кисслинга, стр. 118 и слѣд.

Р. Х., то годъ его рожденія совпадетъ съ временемъ рожденія Демосѳена. Но все остальное, что намъ извѣстно объ ораторѣ, указываетъ на него, какъ на гораздо болѣе юнаго современника Демосѳена; въ особенности видно это изъ того мѣста обвинительной рѣчи, гдѣ онъ укоряетъ Демосѳена въ томъ, что въ такихъ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ заслуживаетъ порицаніе отъ молодыхъ политическихъ дѣятелей ⁴⁶⁴). Если фактъ, сообщаемый Жизнеописаніемъ, сколько нибудь достовѣренъ, то я полагаю, что онъ относится къ кризису, совершившемуся во время похода къ Таминамъ (349 до Р. Х.), когда Гиперида, человѣка молодого, можно представить себѣ выступающимъ впередъ и нѣсколько хвастливо предлагающимъ трирему за себя и за своего младенца-сына (τοῦ παιδός). Странно, что Демосѳенъ, перечисляя въ рѣчи противъ Мидія великодушныя предложенія многихъ гражданъ поставить государству триремы, пропустилъ этотъ случай сказать любезность молодому и блестящему приверженцу. Вслѣдствіе этого я полагаю, что первымъ политическимъ дѣйствіемъ Гипериды, тогда еще очень молодого человѣка, было преслѣдованіе Филократа, и что онъ, по всему вѣроятію, родился не раньше 366 г. до Р. Х. Такимъ образомъ ему было бы немного болѣе сорока лѣтъ, когда онъ, какъ ясно видно изъ вышеприведеннаго мѣста, обвинялъ ветерана Демосѳена. Его обвиненія Аристофана и Діопиѳа могли быть заявлены не раньше 345 года до Р. Х., хотя онъ и упоминаетъ о нихъ до дѣла о Филократѣ, — вѣроятно потому, что только при этомъ случаѣ имѣлъ онъ успѣхъ, которымъ и желалъ воспользоваться по-дольше ⁴⁶⁵); въ особенности Діоніеъ выдвинулся изъ толпы лишь послѣ этого срока. Искъ противъ Автокла, если бы онъ начался какъ разъ послѣ извѣстной стратѣгіи этого лица, привелъ бы насъ къ 360—59 годамъ, но ничто не доказываетъ, чтобы дѣло возникло по этому поводу, такъ что я не могу согласиться съ этимъ предположеніемъ въ виду общихъ указаній на болѣе поздній годъ рожденія Гипериды ⁴⁶⁶). Благодаря его обвиненіямъ состоялся приговоръ надъ Филократомъ (343 до Р. Х.). Во время византійскаго похода (340 г. до Р. Х.) онъ также выполнилъ

⁴⁶⁴) Col. XVIII: οὐκ αἰσχύνει νυνὶ τηλικούτος ὢν ὑπὸ μακραίων χρονόμενος περὶ δωροδοκίας; καίτοι ἔδει τουναντίον ὑφ' ὁμῶν παιδεύεσθαι τοὺς νεωτέρους τῶν ῥητόρων κ. τ. λ. νῦν δὲ τουναντίον οἱ νέοι τοὺς ὑπὲρ ἐξήκοντα ἔτη σφραγίζουσιν.

⁴⁶⁵) In Euxen., столб. XXXVIII—IX.

⁴⁶⁶) Въ одномъ отрывкѣ (58, Блассъ) онъ говоритъ, что Сократъ былъ приговоренъ къ смерти нашими предками (οἱ πρόγονοι ἡμῶν). Сказалъ ли бы онъ это въ 359 году до Р. Х., когда всѣ пожилые люди еще помнили процессъ Сократа?

на родинѣ дорого стоившія ему обязанности хорега, хотя самъ въ то время находился въ отсутствіи, какъ тріерархъ. Впослѣдствіи онъ участвовалъ въ посольствѣ къ Родосцамъ, но въ какое именно время, неизвѣстно. Кажется, будто онъ предложилъ публичное вѣнчаніе Демосеена послѣ аѳинскихъ побѣдъ на Геллеспонтѣ и помогалъ ему въ его знаменитомъ посольствѣ въ Фивы до херонейской битвы. Когда прибыла вѣсть о погромѣ, онъ дѣйтельно предлагалъ освободить невольниковъ, возстановить права тѣхъ, кто былъ ихъ лишень, и поставить городъ въ оборонительное положеніе, отославъ все излишнее въ Пирей. За эти предложенія онъ подвергся преслѣдованію на основаніи *ὑραρὴ παρὰ νόμον*, но былъ торжественно оправданъ. Александръ потребовалъ его изгнанія послѣ завоёванія Фивъ, но требованіе это было успѣшно отвергнуто. Разсказываютъ однако, будто онъ предложилъ оказать почести мнимому отравителю царя. Хорошо извѣстно, что онъ выступилъ въ качествѣ публичнаго обвинителя противъ своего стариннаго товарища, Демосеена, въ дѣлѣ о Гарпалѣ, и добился его осужденія. Тѣмъ не менѣе онъ снова соединился съ нимъ въ борьбѣ противъ Антипатра и былъ избранъ для произнесенія надгробной рѣчи надъ Леосееномъ и его храбрыми воинами (322 г. до Р. Х.). Когда Антипатръ одержалъ побѣду при Краннѣ, изгнанія Гиперида снова потребовали, вмѣстѣ съ удаленіемъ Демосеена. Онъ бѣжалъ въ Эгину, гдѣ, быть можетъ, въ самомъ храмѣ Посейдона былъ схваченъ Архіемъ и казненъ Антипатромъ въ Клеонахъ или Коринѣ; передъ тѣмъ у него вырвали языкъ ⁴⁶⁷). Въ Аѳинахъ, куда тѣло его, сначала выброшенное съ позоромъ, было тайно перевезено друзьями, ему соорудили памятникъ. Сынъ его, Главкиппъ, прославился впослѣдствіи, какъ риторъ и авторъ рѣчей.

Что касается его личнаго характера, разсказываютъ, что онъ легко поддавался подъ вліяніе женщинъ, любилъ роскошную пищу, въ особенности рыбу ⁴⁶⁸), въ остальномъ же былъ человѣкомъ почтеннымъ и весьма даровитымъ. Его, подобно Ликургу, называютъ

⁴⁶⁷) 9 міанепсія, ол. 114, 3.

⁴⁶⁸) Ср. отрывокъ изъ Тимофловой комедіи, озаглавленной *Ἀγλός* (Аѳен., VIII, стр. 341, или Мейнеке, Frag. Com., III, 591), гдѣ послѣ обвиненія Демосеена и другихъ въ принятіи денегъ отъ Гарпала, читаемъ:

Α. ὁ τ' ἐν λόγοις δεινὸς Ὑπερίδης ἔχει;

Β. τοὺς ἰχθυοπόδας οὗτος ἡμῖν πλουτεῖ,

ὀψοφάγος ὥστε τοὺς λάρους εἶναι Σόρους.

т. е. такой любитель рыбы, что бакланы (сравнительно съ нимъ) окажутся Сирійцами (никогда не ѣвшими рыбы). Ср. также Икарійцевъ того же поэта (Мейнеке, III, стр. 592).

ученикомъ Исократѣ, но слогу уцѣлѣвшихъ его рѣчей даетъ намъ полную возможность опровергнуть это мнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, Діонисій замѣчаетъ, что его простота и изящество напоминаютъ намъ скорѣе Лизія. Что касается мнѣнія, будто его училъ Платонъ, ничто не можетъ быть неправдоподобнѣе. Позднѣйшіе писатели думаютъ (повидимому потому только, что всѣ честолюбивые, начинавшіе карьеру молодые люди слушали въ предшествовавшемъ столѣтіи поучительныя бесѣды Сократа, каковы бы ни были ихъ собственные политическія убѣжденія), что и платонова школа играла ту же роль. Подобное мнѣніе, очевидно, не вѣрно и противорѣчитъ всѣмъ внутреннимъ и вѣшнымъ свидѣтельствамъ. Замѣчательно, что не смотря на свое богатство, Гиперидъ все таки писалъ рѣчи по профессіи, что видно изъ его защиты Лякофрона, написанной имъ отъ лица этого человѣка. Но вмѣсто того, чтобы предположить, какъ это и дѣлается большею частью, что сочинительство рѣчей было самымъ раннимъ занятіемъ его, я скорѣе представляю его себѣ внезапно появляющимся въ роли блестящаго и богатаго юноши, который принимаетъ руководящее участіе въ политическихъ событіяхъ, начиная съ 343 года, когда судебное дѣло противъ Филократа впервые выдвинуло его впередъ. Когда расточительныя привычки и раслуценный образъ жизни подорвали, по всему вѣроятію, его состояніе, онъ обратилъ свои крупныя способности на добываніе средствъ къ существованію писаніемъ рѣчей. Такимъ образомъ всѣ частныя рѣчи его относятся ко времени, слѣдовавшему за херонейскою битвою. Но всѣ остальные, дошедшія до насъ произведенія его случайно оказались, какъ бы сказать, личными воззваніями, изъ которыхъ два принадлежатъ несомнѣнно къ числу наиболѣе знаменитыхъ изъ всѣхъ, когда либо произнесенныхъ имъ рѣчей, если ихъ нельзя назвать въ то же время наиболѣе счастливыми; я говорю объ обвиненіи Демосоена и о надгробной рѣчи надъ Леосееномъ. Последняя должна однако быть строго обособлена отъ остальныхъ, какъ эпидиктическое произведеніе, между тѣмъ какъ прочія были судебными рѣчами.

§ 551. Обвиненіе Демосоена занимаетъ, конечно, главное мѣсто, хотя и не первое. Когда была найдена эта рѣчь, надѣялись, что она озаритъ новымъ свѣтомъ отношенія Демосоена и Гармаза, но, на сколько мы можемъ судить по этой рѣчи, дошедшей до насъ въ отрывочномъ состояніи съ пробѣлами въ началѣ и концѣ, она не дала никакихъ новыхъ показаній и отчетъ ареопага былъ признанъ достаточною гарантіею подлинности приведенныхъ въ ней фактовъ. Гротъ разсматривалъ дѣло въ связи съ отрывочными показаніями рѣчи и, по его мнѣнію, рѣчь Гиперида въ значи-

тельной степени доказываетъ, что настоящимъ поводомъ къ обвиненію Демосоена была не личная его развращенность, а политическая непопулярность. Вступительная рѣчь въ этомъ процессѣ была произнесена Стратокломъ, за которымъ, повидимому, слѣдовало лицо, произнесшее дошедшую до насъ рѣчь Динарха, такъ что Гиперидъ не игралъ при этомъ руководящей роли, какъ мы могли бы полагать на основаніи всѣхъ нашихъ свѣдѣній. Повторяю (до сихъ поръ это никѣмъ не было замѣчено), что Гиперидъ весьма опредѣленно причисляетъ себя къ младшему поколѣнію и порицаетъ Демосоена за то, что, шестидесяти съ лишнимъ лѣтъ отъ роду, онъ нуждается еще въ урокахъ отъ молодыхъ людей. Онъ отмѣтилъ также ⁴⁶⁹⁾, какъ часто и открыто политическіе дѣятели этого времени извлекали косвенныя выгоды изъ ввѣренной имъ политической власти. Это, говоритъ онъ, имъ дозволяется. Единственное, въ чемъ ихъ укоряютъ, это принятіе взятокъ вопреки интересамъ государства. Взятничество само по себѣ отнюдь не считалось преступленіемъ, и ораторъ говоритъ, что Демосоенъ накопилъ этимъ путемъ громадныя богатства. Такова была политическая нравственность того времени ⁴⁷⁰⁾).

Защита Ликофрона, обвинявшагося, въ бытность свою начальникомъ на Лемнось, въ безнравственномъ поведеніи и въ публичномъ покушеніи нарушить вѣрность невѣсты своему будущему мужу, касается дѣла, вполне понятъ которое намъ трудно. Обвинителемъ выступилъ Ликурзь или, быть можетъ, Аристонъ, поддерживаемый Ликургомъ. Шеферъ относитъ эту рѣчь къ эпохѣ около олимпіады 107, 4. По моему мнѣнію, она не могла быть произнесена такъ рано. Отличается она большой ясностью и силою, и полна весьма умныхъ, хотя, повидимому, и ходячихъ аргументовъ, направленныхъ противъ нападковъ обвинителя ⁴⁷¹⁾. Основаны они, главнымъ образомъ, на *εἰκότι*, на примѣрѣ, на хорошей репутаціи отвѣтника и на очевидной нелѣпости мысли, будто можно обращаться съ такими намѣреніями къ невѣстѣ во время брачной процессіи. Слогъ

⁴⁶⁹⁾ Столб. XXI: πολλὰ ὕμεις, ὡς ἄνδρες δικασταὶ διδότες ἐχόντες τοῖς στρατηγοῖς καὶ τοῖς ῥήτορσιν ὠφελεῖσθαι—οὐ τῶν νόμων αὐτοῖς θεδωκότων τοῦτο ποιεῖν, ἀλλὰ τῆς ὑμετέρας πραότητος καὶ φιλανθρωπίας—ἐν μόνον παράφωλόττοντες, ὅπως δι' ὑμᾶς καὶ μὴ καθ' ὑμῶν ἔσται τὸ λαμβανόμενον. Это—весьма важное мѣсто.

⁴⁷⁰⁾ Текстъ этой и слѣдующей рѣчи такъ испорченъ, что трудно сказать, не утрачена ли существенная часть аргумента. Кобе отказался даже отъ намѣренія ихъ издать, какъ отъ безплодной задачи.

⁴⁷¹⁾ Ср. стол. IX, гдѣ предусмотрѣнъ такой аргументъ, какой употребилъ Эсхинъ, i c Ctes., 292—3.

легокъ и ясенъ и напоминаетъ манеру Лизія, что, впрочемъ, весь-
ма обыкновенно у Гиперида.

§ 552. Защита Эвксениппа болѣе интересна, такъ какъ
рѣчь была произнесена самимъ ораторомъ въ поддержку этого лица,
обвинявшагося Поліевктомъ въ подлогѣ. Отвѣтчику было повелѣно
отъ имени собранія спастъ въ храмъ Эскулапа, съ тѣмъ чтобы по-
средствомъ сновидѣній узнать, была ли извѣстная спорная мѣст-
ность близъ Оропа собственностью божества или нѣтъ. Въ послѣд-
немъ случаѣ участокъ этотъ пришлось бы раздѣлить между двумя
родами, требовавшими вознагражденія, если имъ послѣдуетъ отказъ.
Обвинитель, и тутъ поддерживаемый Ликургомъ, уличалъ Эвк-
сениппа въ ложномъ донесеніи о видѣнномъ имъ снѣ. Иску была
придана форма *εἰσαγγυλῖα*, противъ чего возсталъ Гиперидъ *in*
limine, какъ противъ формы, пригодной лишь для полити-
ческихъ или выдающихся общественныхъ дѣятелей, между тѣмъ
какъ Эвксениппъ былъ только престарѣлымъ и мало извѣст-
нымъ частнымъ лицомъ. Для настоящаго разъясненія сна, говорилъ
онъ, надо навести справки въ Дельфахъ. Ораторъ сообщаетъ нѣ-
сколько подробностей о своихъ прежнихъ публичныхъ обвине-
ніяхъ раньше настоящей рѣчи, когда Олимпія властвовала надъ
Додоною (около 330 года до Р. X.), и упоминаетъ всего только
о трехъ рѣчахъ. Это указываетъ на позднее появленіе Гиперида на
ораторскомъ поприщѣ. Онъ сообщаетъ ⁴⁷²⁾ любопытныя подробности
о громадныхъ выгодахъ, доставляемыхъ рудниками и о постыд-
ныхъ попыткахъ сикофантовъ расхищать богатства, добытыя част-
ными лицами, и раздавать ихъ народу, какъ это сдѣлалъ разъ
Ликургъ. И въ этой рѣчи также замѣтно много простора и мѣт-
кости въ аргументахъ, весьма мало прикрасъ и полное отсутствіе
паѳоса,—за то останавливаетъ на себѣ вниманіе живая характери-
стика при разборѣ мотивовъ обвинителя.

§ 553. Надгробная рѣчь, произнесенная въ 322 году до
Р. X. надъ Леосееномъ и воинами, павшими при началѣ Ламійскаго
похода,—произведеніе совсѣмъ иного рода, пользовавшееся большимъ
почетомъ у древнихъ; здѣсь Гиперидъ покидаетъ свой сжатый, про-
стой и мѣткій слогъ и стремится къ блестящему изложенію по
образцу давно уже установленному для подобныхъ цѣлей. Греческіе
ораторы такъ же мало рѣшились бы прибѣгнуть къ новшествамъ
въ подобномъ случаѣ, какъ наши проповѣдники отважились бы ввести
ихъ въ общій складъ своихъ проповѣдей; я говорю о текстѣ со

472) Столб. XLIII и слѣд.

вступительными и заключительными молитвами, и о многих других старых способах аргументаціи и увѣщанія, которые припомнить любой читатель. И такъ, эпитафія эта составлена по образцамъ, установленнымъ Горгіемъ и принятымъ впоследствии Ѳукидидомъ, Платономъ, и другими ораторами, чьи сочиненія до насъ не дошли. Въ наслѣдіи, оставленномъ намъ Лизіемъ и Демосѳеномъ, есть нѣсколько подозрительныхъ образцовъ, относящихся къ той же категоріи. Гиперидъ настолько подражалъ въ этомъ случаѣ старинному слогу, что даже вводилъ ритмъ въ свои періоды и употреблялъ аллитерацію и антитезы, совершенно въ духѣ Горгія или Агаѳона въ платоновомъ П и р ѣ. Описаніе встрѣчи Леосеена въ царствѣ тѣней съ знаменитыми усопшими поражаетъ насъ, какъ нѣчто очень странное и анти-перикловское, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно весьма интересно, какъ образецъ его слога ⁴⁷³). Стобей сохранилъ намъ прекрасный отрывокъ изъ эпилога, отсутствующаго въ нашемъ папирусѣ.

§ 554. Мы имѣемъ болѣе двухъ сотъ отрывковъ изъ произведеній Гиперида (собранныхъ Кисслингомъ и объясненныхъ въ текстѣ Бласса) и титулы шестидесяти пяти его рѣчей, но немногое изъ всего этого отличается литературными достоинствами. Частое употребленіе обыденныхъ словъ осуждалось у него пуристами. Значительная часть аргумента къ *Δηλιακός* сохранилась; тутъ, очевидно, весьма подробно разсматривалась миѳическая исторія острова, и приключенія Латоны вплоть до рожденія Аполлона. Миѣ кажется, что поэтѣму образцу Каллимахъ написалъ свой гимнъ къ Делосскому Аполлону (см. выше, томъ I, стр. 126). Рѣчь эта была произнесена около 340

⁴⁷³) Стол. XIII, 10—XIV, 28: ἐν αὐτοῦ δὲ λογίσασθαι ἄξιον τίνες οἱ τὸν ἡγεμόνα δεξιούμενοι τὸν τούτων. ὅρ' οὐκ ἂν οἰόμεθα φοιτᾶν Λεωσθένη δεξιούμενους καὶ θαυμάζοντας τῶν ἡμιθέων καλουμένων τοὺς ἐπὶ τροίαν στρατεύσαντας, ὧν οὗτος ἀδελφὰς πράξεις ἐνστησάμενος τοσοῦτον διήνεγκεν, ὥστε οἱ μὲν μετὰ πάσης τῆς Ἑλλάδος μίαν πόλιν εἶλον, ὁ δὲ μετὰ τῆς αὐτοῦ πατρίδος μόνης πᾶσαν τὴν τῆς Εὐρώπης καὶ τῆς Ἀσίας ἄρχουσιν δύναμιν ἐταπεινώσεν· κάκεινοι μὲν ἕνεκα μιᾶς γυναικὸς ὕβρισθείσης ἤμυναν, ὁ δὲ πασῶν τῶν Ἑλληνίδων τὰς ἐπιφερομένας ὕβρεις ἐκόλυσεν μετὰ τῶν συνθαπτομένων νῦν αὐτῷ ἀνδρῶν, τῶν μετ' ἐκείνους μὲν γεγεννημένων, ἄξια δὲ τῆς ἐκείνων ἀρετῆς διαπεπραγμένων. λέγω δὴ τοὺς περὶ Μιλιτιάδην καὶ Θεμιστοκλέα καὶ τοὺς ἄλλους, οἱ τὴν Ἑλλάδα ἐλευθερώσαντες ἐντιμον μὲν τὴν πατρίδα κατέστησαν, ἐνδοξον δὲ τὸν αὐτῶν βίον ἐποίησαν, ὧν οὗτος τοσοῦτον ὑπερέσχευ ἀνδρεία καὶ φρονήσει, ὥσον οἱ μὲν ἐπελθοῦσαν τὴν τῶν βαρβάρων δύναμιν ἡμίναντο—ὁ δὲ μὴδ' ἐπελθεῖν ἐποίησεν. κάκεινοι μὲν ἐν τῇ οἰκίᾳ τοὺς ἐχθροὺς ἐπείδον ἀγωνιζόμενους, οὗτος δὲ ἐν τῇ τῶν ἐχθρῶν περιγένετο τῶν ἀντιπάλων. οἶμαι δὲ καὶ τοὺς τὴν πρὸς ἀλλήλους φιλίαν τῷ δήμῳ βεβαίωτατα ἐνδείξαμένους, λέγω δὲ Ἀρμόδιον καὶ Ἀριστογείτονα, οὐδένας οὕτως αὐτοῖς οἰκίους οὐδὲ πιστοτέρους ὑμῖν εἶναι νομίζειν ὥς Λεωσθένη καὶ τοὺς ἐκείνῳ συναγωνισαμένους, οὐδ' ἐτέροις ἂν μᾶλλον ἢ τοιοῦτος πλησιάσειαν ἐν Αἴδου.

года до Р. Х., когда ораторъ былъ назначенъ замѣнить Эсхина; но, къ удивленію, въ аргументѣ замѣтно мало политическихъ разсужденій. Его защита Фрины и анекдотъ о томъ, будто онъ разорвалъ на ней одежду, чтобы показать судьямъ всю ея красоту, хорошо извѣстны. Рѣчь эта подлинная, но нѣкоторыя подробности въ ней отличаются апокрифическимъ характеромъ и были, по всему вѣроятію, порождены ложнымъ толкованіемъ какого нибудь обращенія въ рѣчи или намека.

Слогъ Гиперида, въ сравненіи съ демосѣновымъ, былъ слогомъ новѣйшей школы, именно школы Менандра и новой комедіи; ей казались скучными длинные періоды и сложное строеніе фразъ, и она стремилась къ краткому и мѣткому изложенію, яснымъ и эпиграмматическимъ мыслямъ, бойкой насмѣшкѣ и легкому, небрежному тону даже въ серьезныхъ преніяхъ. Благодаря этому такіе критики, какъ Квинтиліанъ, считали Гиперида способнѣе всего къ обработкѣ легкихъ сюжетовъ, и мы понимаемъ, до какой степени искусственными должны были казаться имъ періоды гиперидовой торжественной проповѣди надъ усопшими, точно какой-то риторическій *tour de force*. Но изъ ближайшихъ его преемниковъ иные считали его выше Демосѣена (нѣтъ сомнѣнія, что читался онъ легче), чѣмъ-то въ родѣ Лизія, дополненнаго постепенно выработавшимся искусствомъ и опытностью вполне сложившагося аттическаго краснорѣчія. При всей его аристократической живости и легкости слога, человѣкъ этотъ не былъ только пустозвоннымъ краснобаемъ. Его жизнь и поступки показываютъ въ немъ энергическаго, серьезнаго, патріотически настроеннаго гражданина, и онъ избѣгнулъ тѣхъ мрачныхъ тѣней, которыми окутаны послѣдніе годы жизни Демосѣена. Сужденія о немъ Діонисія, Лонгина, Гермогена и другихъ можно въ настоящее время прочесть въ предисловіи Бласса къ тексту Тейбнера. Авторъ сочиненія о *Высокомъ* особенно подробно и сочувственно разсматривалъ контрастъ между мрачнымъ, озлобленнымъ и могучимъ Демосѣеномъ и мирнымъ, легкимъ, но за то рѣдко производившимъ впечатлѣніе Гиперидомъ.

§ 555. Библіографія. Чрезвычайно любопытна исторія его рукописей. — Роскошный кодексъ, испещренный схоліями, находился послѣ изобрѣтенія книгопечатанія въ бібліотекѣ Матѳея Корвина, венгерскаго короля, но, къ несчастію, онъ былъ уничтоженъ или потерянъ во время взятія Пешта Турками. Съ той поры ораторъ нашъ извѣстенъ былъ лишь по имени, встрѣчавшемуся въ схоліяхъ или лексиконахъ, напримѣръ, у Гарпократія ⁴⁷⁴⁾, — вплоть до открытія

⁴⁷⁴⁾ Любопытно прочесть тщательную монографію Кисслинга (приложенную къ его изданію Лигурга, Галле, 1847 г.), написанную до открытія текста.

четырехъ рѣчей его, написанныхъ на папирусь и купленныхъ въ египетскихъ Оивахъ Гаррисомъ Уорденомъ и Стобартомъ по кускамъ, около 1850 года. Папирусь, заключающій въ себѣ Эпитафію, позднѣе по времени и ниже по достоинству того, который содержитъ въ себѣ остальные рѣчи, и оба они значительно испорчены Арабами, разрѣзавшими ихъ на части, чтобы продавать ихъ въ отдѣльности. Факсимиле съ документовъ сняты въ изданіяхъ Бабингтона, и этому ученому мы всего болѣе обязаны реставраціею текста. Понятно, что открытіе это возбудило среди ученыхъ живѣйшій интересъ и въ настоящее время мы имѣемъ нѣсколько хорошихъ текстовъ, изданныхъ Кобе, Блассомъ (Тейбнеръ) и т. д., а также и Бабингтономъ. Папирусы относятся, повидимому, къ эпохѣ между вторымъ вѣкомъ до Р. Х. и вторымъ же по Р. Х., слѣдовательно, принадлежать къ числу древнѣйшихъ извѣстныхъ намъ греческихъ рукописей. Къ несчастію, они написаны весьма небрежно, и фонетическое правописаніе Египтянина, имѣвшего, повидимому, провинціальное и испорченное произношеніе, ввело въ нихъ множество нелѣпѣйшихъ формъ. Это дало Кобе возможность въ значительной степени приложить къ дѣлу свои громадныя способности къ очищенію текстовъ, въ особенности Эпитафіи.

§ 556. Динархъ, послѣдній изъ десяти ораторовъ (не по возрасту, а по времени дѣятельности), былъ Коринѳянинъ, сынъ Сострата; онъ поселился въ Аѳинахъ и сблизился съ Теофрастомъ и Деметріемъ Фалерскимъ. Діонисій полагаетъ, что онъ родился въ 361 году до Р. Х., и основывается при этомъ только на той неопредѣленной причинѣ, что ему навѣрно было семьдесятъ лѣтъ отъ роду, когда онъ въ 292 году говорилъ о себѣ, какъ о «старикѣ». Кажется, что вплоть до дѣла Гарпала онъ не писалъ политическихъ рѣчей; но во время этого процесса и много лѣтъ послѣ него онъ писалъ, главнымъ образомъ, именно политическія рѣчи для разныхъ гражданъ, такъ какъ самъ былъ только чужеземцемъ, поселившимся въ странѣ, слѣдовательно лишеннымъ права участвовать въ публичныхъ преніяхъ. Діонисій полагаетъ, что онъ началъ писать судебныя рѣчи уже въ 336 году до Р. Х., когда ему было двадцать шесть лѣтъ отъ роду. Послѣ смерти или изгнанія болѣе знаменитыхъ ораторовъ Динархъ занималъ первое мѣсто въ теченіе почти пятнадцати лѣтъ, когда, вовлеченный въ распри Антигона, Деметрія и Кассандра, онъ удалился въ Халкиду (въ 307 г. до Р. Х.), гдѣ и оставался вплоть до 292 года до Р. Х., когда друзья его выхлопотали ему позволеніе вернуться. Тогда-то, уже подъ старость, онъ въ первый разъ защищалъ личное дѣло начатое имъ противъ Проксена, оказывавшаго ему гостепріимство въ Аѳинахъ, на дѣлѣ же бывшаго, быть можетъ, просто его *πρόξενος* или патрономъ среди

гражданъ; дѣло возникло изъ за отказа Проксена, руководимаго коварными цѣлями, помочь ему вернуть свою собственность. Изъ этой рѣчи даже древніе узнали впервые все, что касалось его личной исторіи. Свидѣя говорить, что онъ былъ убитъ по наущенію Полиперхона. Существуетъ, къ счастью, особое изслѣдованіе Діонисія, гдѣ рѣчи, приписываемыя Динарху, рассмотрѣны въ хронологическомъ порядкѣ и многія изъ нихъ отвергнуты, при чемъ шестьдесятъ признаны подлинными, по большей части на основаніи ихъ вступительныхъ словъ. Такъ было съ тремя дошедшими до насъ рѣчами противъ Демосфена, Аристогитона и Филокла; всѣ три рѣчи были написаны для обвинителей по дѣлу о Гарпалѣ ⁴⁷³⁾.

§ 557. Длинное и обстоятельное обвиненіе Демосфена знакомитъ насъ въ достаточной степени съ содержаніемъ дѣла, начатаго противъ этого оратора. Оно вполне сходно съ отрывками обвинительной рѣчи Гиперида, и именно въ томъ, что тщательно избѣгаетъ

⁴⁷³⁾ Это изслѣдованіе Діонисія даетъ намъ хорошее понятіе о приемахъ его литературной критики и лишаетъ меня охоты подвергать сомнѣнію его сужденіе по такимъ вопросамъ. Онъ съ самаго начала указываетъ, какъ трудно добыть точныя свѣдѣнія объ этомъ ораторѣ, котораго до той поры обходилъ молчаніемъ, говоря объ основателяхъ греческаго краснорѣчія и виновникахъ его развитія. Ни Каллимахъ, ни пергамскіе знатоки грамматики не знали ничего опредѣленнаго о немъ или о его подлинныхъ произведеніяхъ. Въ доказательство этой неточности свѣдѣній онъ ссылается на Деметрія, потому характеризуетъ жизнь оратора, главнымъ образомъ, на основаніи его собственныхъ показаній въ рѣчи противъ Проксена, сопоставленной съ разсказами Филохора о современныхъ событіяхъ, приводитъ заглавіе этой личной защитительной рѣчи вмѣстѣ съ извлеченіями изъ Филохора; основываясь на этомъ матеріалѣ, онъ приблизительно опредѣляетъ его возрастъ и этимъ устанавливаетъ правило, по которому всѣ рѣчи, по внутреннимъ признакамъ видимо написанныя до двадцатипятилѣтняго возраста оратора (т. е. до 336 г. до Р. Х.), или во время его изгнанія (307—229 до Р. Х.), сплошь отвергаются. За этимъ, въ главахъ 5—6, слѣдуютъ прекрасныя замѣчанія о его слогахъ, который былъ очевидно эклектическимъ и раздражительнымъ, но безъ однообразія. Подражанія, какъ кажется, весьма хорошія, должны, какъ замѣчаетъ Діонисій, разсматриваться на основаніи точнаго сличенія съ образцами, подобно тому какъ копія сравнивались съ оригиналами Фидія, Апеллеса или Поликлита. Этимъ путемъ будетъ доказана ихъ искусственность и дѣланность, сравнительно съ произведеніями древнѣйшихъ мастеровъ. Таковы же попытки родосской школы подражать Платону, Эвклиду, Гипериду и Демосфену. Діонисій сообщаетъ тутъ же неоптимальный списокъ именъ архонтовъ, начиная со дня рожденія оратора до его послѣдней рѣчи, а потомъ классифицируетъ его произведенія, раздѣляя ихъ на подлинныя и поддѣльныя публичныя рѣчи и на подлинныя и поддѣльныя частныя рѣчи. Поддѣльныя дѣлятся имъ на три группы: на слишкомъ раннія по возрасту оратора, на тѣ, что были очевидно написаны во время его изгнанія, наконецъ на тѣ, слогъ которыхъ слишкомъ водянистъ и холодеенъ. Далѣе онъ приписываетъ Демосфену и отнимаетъ у Динарха рѣчь въ отвѣтъ *ἐπὶ τοῦ ἐνβρατοῦ* Бзота. Изслѣдованіе Діонисія испорчено, къ несчастью, въ концѣ.

вдаваться въ подробности. Но здѣсь этотъ пріемъ вполне оправдывается тѣмъ, что самъ обвиненный отдалъ свою судьбу въ руки ареопага, чьему рѣшенію, относительно фактической стороны дѣла, выражалъ готовность подчиниться. Ареопагъ посвятилъ нѣсколько мѣсяцевъ изслѣдованію вопроса, послѣ чего сообщилъ не только имена виновныхъ, но и точную цифру, полученныхъ ими денегъ. По обыкновенію этого судилища, подробности уликъ при этомъ не приведены. Я полагаю, что перечисленіе ихъ было воспрещено во время окончательнаго разбирательства дѣла передъ дикастерією, состоящею изъ пятисотъ членовъ, которымъ надлежало опредѣлить лишь степень наказанія. Опредѣленіе это зависѣло отъ важности вреда, нанесеннаго общественнымъ интересамъ и отъ общей репутаціи Демосоена. Вслѣдствіе этого и Гиперидъ, и Динархъ настаивали лишь на этой сторонѣ дѣла, въ особенности послѣ того, какъ Демосоевъ выразилъ готовность признать все, открытое ареопагомъ. Подобно Гипериду, и Динархъ также настаивалъ на томъ, что громадное состояніе нажито Демосоеномъ благодаря занятіямъ политикою и оцѣнивалъ его въ полтора ста талантовъ; къ тому же все это богатство не было обращено въ настоящую собственность, благодаря чему оно ускользало отъ обложенія прямыми налогами.

Весьма несовершенная рѣчь противъ Аристогитона касается всѣми покинутого, презрѣннаго гражданина, получившаго лишь двадцать минъ изъ всей добычи; улики противъ него были однако тѣ же самыя, что и противъ Демосоена. Если бы, поэтому, возможно было доказать политическую связь между Демосоеномъ и подобной личностью, это послужило бы вѣскимъ подтвержденіемъ тѣхъ обвиненій, которыя теперь отвергаются на основаніи его общей хорошей репутаціи.

§ 558. Третья рѣчь была направлена противъ Филокла, занимавшаго выдающееся положеніе, обязаннаго охранять Пирей, общавшаго не впускать въ него Гарпала и все таки впустившаго его, хотя лишь съ однимъ кораблемъ. Обвиненіе противъ него разнится, слѣдовательно, по тону съ обвиненіемъ противъ Аристогитона; въ немъ не стараются доказать его виновность на основаніи общей худой славы подеудимаго, но скорѣе хотятъ воспользоваться разсматриваемымъ дѣломъ, чтобы набросить тѣнь на всю его прежнюю хорошую репутацію. Ни одна изъ трехъ рѣчей не представляетъ большого интереса и всѣ онѣ ясно говорятъ объ упадкѣ греческаго краснорѣчія. Какъ вѣрно замѣчаетъ Діонисій въ своемъ тщательномъ критическомъ этюдѣ, Динархъ не былъ ни создателемъ новаго стиля, подобно Лизію или Исократу, ни усовершенствователемъ слога уже извѣстнаго, подобно Демосоену или Ги-

периду ⁴⁷⁶). Дѣйствительно, слогъ его былъ выработанъ по тому образцу, который принято обыкновенно приписывать Демосѳену; онъ былъ основанъ на эклектическомъ методѣ, въ которомъ собраны во едино отличительныя черты всѣхъ предшествующихъ ораторовъ. Въ особенности подражалъ онъ Демосѳену, такъ что его прозвали деревенскимъ или пряничнымъ (*κρίθινος*) Демосѳеномъ. Однако римскіе риторы, имѣвшіе возможность сравнивать его съ еще болѣе поздними греческими ораторами, находили въ немъ многія качества, въ нихъ недостающія. Онъ дѣйствительно воспитался среди великихъ традицій аттическаго суда и свободныхъ собраний, и отраженіе этого величія бросило отблескъ на оратора, пережившаго его упадокъ. Дошедшія до насъ рѣчи не имѣютъ крупныхъ недостатковъ, — онъ просто не эффектен; въ нихъ не достаетъ огня, оригинальности, живости, силы, хотя авторъ и знакомъ со всѣми фигурами мысли и слога, которыми пользовались великіе мастера, и даже злоупотреблялъ ими. — Рукописи тѣ же, что и для сочиненій Антифона. Лучшими отдѣльными изданіями считаются изданія Мейнера и Бласса.

§ 559. Необходимо сказать въ заключеніе нѣсколько словъ о другихъ ораторахъ того времени, о чьихъ сочиненіяхъ дошли до насъ лишь неопредѣленные или отрывочныя традиціи. Такъ, напримѣръ, защитительная рѣчь, приписываемая Демаду и входившая въ число тѣхъ четырнадцати рѣчей, изъ которыхъ составленъ сборникъ, носящій его имя, безъ всякаго сомнѣнія, подложная, такъ какъ этотъ замѣчательный ораторъ, чьи эффектныя импровизованные афоризмы долгое время хранились у всѣхъ въ памяти и приводились въ видѣ цитатъ, никогда не писалъ своихъ рѣчей. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о Фокіонѣ, чьи наставительныя обращенія къ народу казались Демосѳену особенно эффектными. Демадъ и Фокіонъ съ большимъ правомъ, чѣмъ Эсхинъ, могли считаться представителями школы импровизаторовъ, существованіе которой всегда зависитъ отъ поддержки со стороны крупныхъ дарованій или выдающихся характе-

⁴⁷⁶) Распространенное объясненіе словъ Діонисія въ томъ смыслѣ, будто онъ утверждалъ, что Динархъ не имѣлъ ни общихъ чертъ съ другими ораторами (*κοινόν*), ни лично ему свойственныхъ особенностей (*ἰδίον*), кажется мнѣ вздорнымъ; это толкованіе должно быть замѣнено словомъ *καίνον*, — въ томъ смыслѣ, что въ Динархѣ не было ничего ни новаго, ни своеобразнаго (ср. Діон. о Динар. гл. 5). Я не считаю возможнымъ перевести эти слова такимъ образомъ, «ибо онъ не имѣетъ общаго колорита или единообразія въ слогѣ», — хотя Діонисій и говоритъ немедленно вслѣдъ за тѣмъ, что онъ часто подражаетъ Лизію, Гипериду, Демосѳену, и ссылагается въ подтвержденіе этого мнѣнія на разныя его рѣчи. Но къ единообразію въ слогѣ Діонисій прилагаетъ терминъ *βροσιδύς* или *βροσιός*.

ровъ. Что касается Гегезиппа, современника и сторонника Демосоена, то, какъ кажется, отъ него дошла до насъ одна рѣчь, именно рѣчь о Галоннесѣ, напоминающая, по мнѣнію Діонисія, слогъ Лизія и вполне несхожая съ рѣчами Демосоена. Однако онъ не подвергалъ сомнѣнію ея подлинность. Намъ извѣстна также рѣчь о договорѣ съ Александромъ; что же касается рукописей сочиненій Лизія и Демосоена, то въ нихъ несомнѣнно вошло немало судебныхъ рѣчей, принадлежащихъ менѣе извѣстнымъ ихъ современникамъ, — рѣчей, которыя даютъ намъ хорошее понятіе о среднемъ уровнѣ аттического краснорѣчія въ сравненіи съ краснорѣчіемъ признанныхъ мастеровъ этого дѣла. Что касается рѣчи о Галоннесѣ, то Вемель, представитель недавняго поколѣнія критиковъ, впервые доказалъ ея принадлежность Гегезиппу, приверженцу Демосоена, отправленному въ Македонію, чтобы потребовать выдачи, вмѣстѣ съ другими территоріями, и острова Галоннеса. По возвращеніи (въ 342 г. до Р. Х.) онъ представилъ отчетъ о своихъ переговорахъ и о тщательно изученныхъ имъ планахъ Филиппа. Слогъ рѣчи отличается ясностью, отчетливостью и простотою, доходящею до архаизма; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ настолько силенъ, что убѣдилъ даже Діонисія въ подлинности рѣчи. Нѣкоторые критики и понынѣ готовы согласиться съ нимъ, но большинство подчиняется рѣшенію Вемеля.

§ 560. Деметрій Фалерскій едва ли принадлежитъ къ числу писателей классическаго періода; и по жизни, и по ученіямъ своимъ онъ является представителемъ перехода литературы изъ Аѣинъ въ Александрію. Лестные отзывы о его произведеніяхъ сложились главнымъ образомъ, какъ я полагаю, на основаніи личной популярности этого человека. Онъ игралъ выдающуюся роль въ исторіи разлагавшихся Аѣинъ, сталкивался съ Демосоеномъ, Гиперидомъ и Аристотелемъ, былъ ученикомъ Теофраста и другомъ Менандра. Фактически онъ управлялъ Аѣинами въ теченіе десяти лѣтъ (317 — 307 до Р. Х.) и представилъ отчетъ о своемъ управленіи въ видѣ особаго мемуара. Подобные мемуары онъ писалъ, повидимому, обо всемъ. Послѣ того какъ благодарные Аѣиняне почтили его сооруженіемъ 360 статуй, они приговорили его къ смертной казни, когда другой, болѣе могущественный Деметрій (Поліоркетъ) двинулся противъ Аѣинъ. Его пріютилъ вслѣдъ за тѣмъ первый Птолемей, которому онъ помогалъ словомъ и дѣломъ при введеніи въ Александрію университетской системы, если можно такъ выразиться. Второй Птолемей изгналъ его въ Верхній Египетъ, гдѣ онъ и умеръ отъ укушенія змѣи (283 до Р. Х.). Громадный и разнообразный каталогъ его трудовъ указываетъ на стремленія его къ многосторонности знаній, которую александрійскіе ученые переняли

у школы перипатетиковъ. Въ теченіе своей жизни онъ испыталъ переходъ отъ почестей къ презрѣнію, какъ со стороны простыхъ общинъ, такъ и у царей; таже участь, весьма обыкновенная, когда дѣло идетъ о второстепенныхъ дарованіяхъ, постигла его и со стороны грядущихъ столѣтій. Превознесенный въ свое время за свою производительность, изысканность, изящество, онъ весьма скоро былъ забытъ и на этотъ разъ навсегда.

ГЛАВА XIII.

А р и с т о т е л ь.

§ 561. Последнее великое имя, которымъ, можно сказать, завершится классическій періодъ греческой литературы,—имя Аристотеля; но, великій въ столькихъ сферахъ мысли, онъ всего менѣе подходитъ подъ обычное понятіе о литераторѣ. Въ этой роли онъ является лишь какъ критикъ словесности, но даже для древнихъ, имѣвшихъ въ рукахъ его діалоги и прославлявшихъ изящество ихъ формы, литературныя произведенія Аристотеля ничто, сравнительно съ его научными трудами. Въ немъ самомъ, впервые у Грековъ или, быть можетъ, впервые послѣ Гераклита, замѣчаемъ мы сознаніе, что литература и наука—два разнородныхъ предмета, и что поклонникъ точныхъ знаній не долженъ украшать свои изслѣдованія цвѣтами краснорѣчія или поэзіи. Но и этого еще недостаточно,—онъ смотрѣлъ на литературу исключительно съ научной точки зрѣнія, и тѣ изъ его трудовъ, которые войдутъ въ нашу исторію литературы,—это именно его изслѣдованія о сущности и условіяхъ эпической и трагической поэзіи, о психологическихъ основахъ краснорѣчія. Даже его сочиненіе о Политикѣ, хотя онъ и не входитъ въ немъ въ критическую оцѣнку исторіографіи, является (вмѣстѣ съ утраченнымъ его сочиненіемъ *політейа*) явнымъ протестомъ противъ сократова принципа, позволявшаго смѣшеніе описаній съ риторическими приѣмами, и прославленіемъ стиля хроникъ съ философскимъ размѣщеніемъ въ нихъ фактовъ подъ логическими подраздѣленіями. Такимъ образомъ, многочисленныя и монументальныя научныя изслѣдованія Аристотеля не имѣютъ одинаковыхъ правъ съ платоновыми діалогами на оцѣнку въ настоящемъ нашемъ трудѣ, и изслѣдователь, желающій ознакомиться съ болѣе глау-

бокими сторонами этого челоѣка ⁴⁷⁷⁾, долженъ обратиться къ обширной библиотекѣ сочиненій о его философїи, превосходный сводъ которой сдѣланъ въ соотвѣтствующемъ томѣ книги Целлера, новѣйшемъ и наиболѣе цѣннымъ изъ всѣхъ трудовъ о нашемъ писателѣ. Различныя біографїи Аристотеля крайне неудовлетворительны, если принять въ соображеніе сообщаемыя ими подробности. Полнѣйшее жизнеописаніе его принадлежитъ Діонисію Лазартскому, сообщающему намъ и текстъ его завѣщанія, и списокъ его сочиненій; кромѣ того есть посланіе Діонисія Галикарнасскаго къ Аммею, которое главнымъ образомъ стремится доказать, что риторика Демосфена развилась раньше ученія Аристотеля, слѣдовательно, независимо отъ него. Есть также нѣсколько вариантовъ біографїи, приписываемой Филопону, впервые напечатанныхъ въ Аристотелѣ Альда. Матеріалы эти хорошо переработаны для англійскихъ читателей сэромъ А. Грантомъ и Гротомъ въ ихъ трудахъ объ Аристотелѣ.

Жизнь философа странно совпадаетъ съ жизнью его великаго современника Демосфена: они родились и умерли въ одинъ и тотъ же годъ. Во всемъ остальномъ обстоятельства ихъ жизни совершенно расходятся. Родился Аристотель въ 384 году до Р. Х., въ Стагирѣ, въ Халкидикѣ, мѣстности, густо покрытой въ то время цвѣтушими эллинскими городами. Отецъ его, Никомахъ, былъ придворнымъ врачомъ и другомъ македонскаго царя Аминта. Мать его, Фестуда, была быть можетъ, родомъ изъ Эвбеи, такъ какъ мы узнаемъ, что семья эта владѣла домомъ въ Халкидѣ, куда философъ удалился къ концу своей жизни. Весьма вѣроятно, что Никомахъ жилъ у своего царственнаго друга, и что Аристотель воспитывался при македонскомъ дворѣ; но о воспитаніи его намъ ничего неизвѣстно, кромѣ того, что родители его умерли рано, что другъ дома, Проксенъ изъ Атарнеи, принялъ на себя заботу о ребенкѣ; за эту услугу отплатилъ впоследствии Аристотель, усыновивъ Никанора, сына Проксена, и выдавъ подъ конецъ за него замужъ свою дочь. Мы знаемъ, что Аристотель имѣлъ братьевъ и сестеръ, но они такъ же безвѣстны, какъ братья и сестры Канта, или Декарта.

Восемнадцати лѣтъ отъ роду онъ прибылъ въ Афины молодымъ челоѣкомъ съ хорошими средствами и, какъ утверждаютъ иные, съ расточительными и нѣсколько распущенными привычками, и примкнулъ къ платоновой школѣ (367 — 6 до Р. Х.). Объ этомъ

477) (Philosophie der Griechen, II часть, 2-е отдѣленіе, третье изданіе, Лейпцигъ, 1879 г.). Томъ этотъ переводится, подобно остальнымъ, на англійскій языкъ, но еще не вышелъ.

раннемъ періодѣ его афинской жизни намъ ничего неизвѣстно, кромѣ нѣкоторыхъ сплетенъ, пущенныхъ въ ходъ Эпикуромъ, Тимеемъ и другими его противниками искратовой школы ⁴⁷⁸). Рассказы эти встрѣчали мало вѣры, въ виду ихъ противорѣчія съ громадностью и серьезностью его ученыхъ трудовъ. Невѣроятно даже, чтобы онъ когда либо увеличивалъ свои средства врачебною практикою. Нѣтъ сомнѣнія, что независимость его ума вскорѣ побудила его усомниться въ теоріи своего наставника, что повело къ отчужденію между нимъ и платонической школой; но анекдотамъ о его самонадѣянности и грубости относительно престарѣлаго Платона противорѣчитъ то неподдѣльное уваженіе, съ которымъ онъ говоритъ о немъ въ первой книгѣ Никомаховой Этики ⁴⁷⁹) и въ уцѣлѣвшемъ отрывкѣ элегіи объ Эвдемѣ. Говорятъ также, что онъ издалъ нѣсколько платоновыхъ діалоговъ и подражалъ имъ. Въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ, вплоть до смерти Платона, онъ ни разу, повидимому, не расходился съ его школой, хотя и подвергалъ открыто сомнѣнію его ученіе объ Идеяхъ. Понятно, что двадцатилѣтнее вліяніе Платона на лучшую часть его жизни никогда не можетъ быть достаточно оцѣнено; тѣмъ не менѣе въ двухъ, весьма существенныхъ, чертахъ Платонъ не произвелъ почти никакого впечатлѣнія на своего ученика: во первыхъ онъ не повліялъ на его слогъ, во вторыхъ—на дедуктивный характеръ его мышленія. Вліяніе Платона въ первомъ отношеніи кажется намъ, быть можетъ, менѣе значительнымъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности, потому только, что всѣ раннія произведенія Аристотеля, написанныя имъ въ годы его платонизма, до насъ не дошли ⁴⁸⁰); я говорю о его діалогахъ, прославлявшихся за ихъ слогъ, и о нѣкоторыхъ чтеніяхъ о риторикѣ, главнымъ образомъ обращенныхъ противъ Исократы, чей поверхностный характеръ былъ, кажется, особенно непріятенъ Аристотелю. Квинтиліанъ и Цицеронъ указываютъ на особый смыслъ, приданный имъ одной строкѣ *αἰσχροῦ σιωπᾶν, Ἰσοκράτην δ' ἐξὺν λέγειν*. Однако въ позднѣйшей, разработанной въ болѣе философскомъ духѣ риторикѣ своей онъ никого такъ часто не цитировалъ, какъ бы считая его писателемъ, представившимъ хорошіе образцы слога, какъ именно Исократы.

⁴⁷⁸) Ср. Мюллера, F. H. G., I, стр. 209—11 (Timaei Fragg., 70—6).

⁴⁷⁹) IV, § 1.

⁴⁸⁰) Я не согласенъ съ Суземлемъ (прим. 533 къ его переводу Политики, т. II, стр. 140), который полагаетъ, что діалоги эти были написаны послѣ 335 года, когда Аристотель вернулся въ Афины. Въ виду громаднаго списка его сочиненій, подобная теорія кажется мнѣ невысказанною, не говоря уже о рѣзкомъ контрастѣ между слогомъ раннихъ и позднѣйшихъ произведеній его.

§ 562. По смерти Платона онъ, на тридцать седьмомъ году жизни, отправился вмѣстѣ съ Ксенократомъ къ Гермею, тирану атарнейскому и ассосскому и ученику Платона. Когда три года спустя Гермей былъ предательски умерщвленъ Персами, Аристотель поселился въ Митиленѣ и женился на Питоидѣ, сестрѣ или племянницѣ Гермей. Этому же Гермею онъ посвятилъ статую, а также и лирическое стихотвореніе, дошедшее до насъ. Въ 343—2 году до Р. Х. онъ принялся, по просьбѣ Филиппа, за воспитаніе Александра Великаго, въ то время тринадцатилѣтняго мальчика. Къ несчастію, намъ ничего не извѣстно объ этихъ интересныхъ сношеніяхъ, кромѣ того, что два разсужденія нашего философа, περὶ βασιλείας и ὑπὲρ ἀποίκων (или ἀποικίων) были написаны для Александра; однако я не полагаю, чтобы именно на нихъ основывались затѣмъ широкіе взгляды царя. Въ самомъ дѣлѣ, намъ достовѣрно извѣстно, что эллинизмъ Аристотеля, такъ ясно обнаружившійся въ его Политикѣ, категорически противорѣчилъ всеобъемлющей греческой политикѣ великаго царя. Въ теченіе этого періода времени, Аристотель и его ученикъ жили въ Миезѣ, на юго-западѣ отъ Пеллы. Говорятъ, что Аристотель добился отъ Филиппа (или отъ Александра) возстановленія своего родного города, разрушеннаго вмѣстѣ съ Олинномъ въ 347 году до Р. Х.), но что его добрымъ намѣреніямъ препятствовали соперничество и враждебные заговоры со стороны самихъ изгнанниковъ⁴⁸¹). Есть много авторитетныхъ показаній въ пользу того, что Аристотель былъ съ Александромъ въ Азіи и собралъ тамъ матеріалы для своей характеристики двухсотъ пятидесяти пяти политическихъ формъ. Но показаніе это навѣрно лживо.

Въ 335 году онъ снова поселился въ Афинахъ и основалъ свою собственную школу, прозванную перипатетическою отъ его привычки ходить взадъ и впередъ во время своего урока въ лицейской гимназіи. Въ теченіе дальнѣйшихъ двѣнадцати лѣтъ онъ обучилъ лучшихъ своихъ послѣдователей и написалъ большую часть произведеній, которыя доставили ему неувядающую славу. Есть свѣдѣнія о его частныхъ лекціяхъ по утрамъ, о публичныхъ пріемахъ въ послѣбѣдненное время, объ общихъ трапезахъ и о нѣкоторой дисциплинѣ въ его школѣ.

Безумные поступки Каллисоена, рекомендованнаго Александру Аристотелемъ и подозрѣвавшагося на основаніи громко высказаннаго имъ порицанія въ вѣроломствѣ относительно царя, повели, быть можетъ, къ отчужденію между великимъ ученикомъ и его

⁴⁸¹) Ср. стр. 610 изъ Діона Хризостома.

престарѣлымъ наставникомъ, но ни одинъ фактъ не подтверждаетъ этого предположенія, напротивъ того, даже матеріалы для естественной исторіи Аристотеля были до извѣстной степени доставлены ему, благодаря участію, которое Александръ принималъ въ его изслѣдованіяхъ ⁴⁸²). Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти царя начала однако распространяться сплетня относительно негласнаго участія Аристотеля въ его отравленіи. Эта праздная и оскорбительная для Аристотеля молва достаточно опровергается той вспышкой народнаго чувства противъ него, какъ постоянного приверженца македонской партіи, — которая разразилась въ Афинахъ при началѣ ламійской войны. Демофилъ (по всему вѣроятію, сынъ историка Эфора) обвинялъ его въ нечестіи за его поклоненіе Гермею, какъ герою; уличали его также и въ томъ, будто онъ воздавалъ божественныя почести (во вкусъ Огюста Конта) одной изъ своихъ женъ, Герпиллидѣ. Онъ удалился тогда въ свой загородный домъ въ Халикидѣ, прежде чѣмъ надъ нимъ успѣла разразиться буря, и вскорѣ тамъ умеръ (лѣтомъ 322 года до Р. Х.) отъ хроническаго недуга, несомнѣнно усилившагося, благодаря его усерднымъ занятіямъ наукою. Завѣщаніе его, сбереженное, подобно завѣщаніямъ его преемниковъ въ школѣ Аристона, дошло до насъ, по крайней мѣрѣ въ существенныхъ чертахъ, въ Жизнеописаніи Діогена и показываетъ намъ его нѣжныя и заботливыя попеченія о благосостояніи дочери, ближайшихъ друзей и даже принадлежавшихъ къ его дому невольниковъ.

О его личности намъ извѣстно весьма мало. Въ то время его считали, повидимому, неграсивымъ, — тонконогимъ и съ мелкими чертами лица. Много рѣзкихъ выходокъ переданы изъ его бесѣдъ Діогеномъ; видно, что онъ не былъ человѣкомъ пріятнымъ, или лишеннымъ способности наживать враговъ ⁴⁸³). Отъ него осталось нѣсколько изображеній, и въ особенности роскошная сидячая статуя въ палаццо Спада въ Римѣ. Всѣ они изображаютъ тонкое, изнуренное заботами, но нѣсколько жесткое лицо, на которомъ мысль

⁴⁸²) Такъ, напримѣръ, спорный вопросъ о причинахъ лѣтняго разлива Нила былъ, говорятъ, разрѣшенъ наблюденіями надъ великими лѣтними дождями у его источника, — произведенными, по приказанію Александра, для Аристотеля (стр. 325—6).

⁴⁸³) Θεμιστίης, Рѣчи 23, стр. 235 (К. Мюллеръ приводитъ его, какъ 57 отрывокъ, принадлежащій Тимею): Κηφισοφώρους δὲ καὶ Εὐβουλίδας καὶ Τιμαῖους, Δικαιάρχους καὶ στρατὸν ὅλον τῶν ἐπιθεμένων Ἀριστοτέλει τῷ Σταγειρίτῃ πότε ἂν καταλέξαιμι εὐπετῶς, ὧν καὶ λόγοι ἐξικνούνται εἰς τόνδε τὸν χρόνον, διατηροῦντες τὴν ἀπέχθειαν καὶ φιλονεικίαν.

Многіе сдѣлались его врагами уже послѣ его смерти. При его жизни школа Исократы и другіе софисты выставили противъ него большое число противниковъ.

и, быть можетъ, физическія страданія проложили глубокія морщины. Политическіе взгляды его были враждебны демосѣеновымъ, клонились въ пользу Македоніи, и это навлекло на него преслѣдованія со стороны многихъ лже-патріотовъ. Вмѣстѣ съ Фокіономъ онъ видѣлъ, конечно, невозможность всякой другой политики для разлагавшейся Греціи и, въ качествѣ метика, или поселившагося въ Аѣнахъ чужеземца, не былъ обязанъ, подобно Демосѣену, бороться до послѣдняго издыханія за погибавшее дѣло.

§ 563. Намъ не приходится входить здѣсь въ разсмотрѣніе списка сочиненій Аристотеля, которыхъ было, говорятъ, болѣе четырехъ сотъ по всѣмъ отраслямъ науки и по всѣмъ видамъ литературной критики. Списокъ, приложенный Діогеномъ къ его Жизнеописанію, былъ, вѣроятно, составленъ Андроникомъ или, быть можетъ, Гермиппомъ на основаніи сочиненій, найденныхъ съ именемъ Аристотеля въ александрійской библіотекѣ, и въ него не вошли титулы нѣкоторыхъ изъ дошедшихъ до насъ произведеній. Есть и другой списокъ, составленный арабскими писателями тринадцатаго вѣка. Вопросъ объ этихъ длинныхъ и сложныхъ каталогахъ разбирался критически многими нѣмецкими писателями, на которыхъ ссылается Целлеръ въ своемъ обзорѣ. Весьма тщательно составленный каталогъ приложенъ къ началу пятого тома берлинскаго изданія Аристотеля, составленнаго Вал. Розе, и на эту превосходную книгу я указываю для изученія отрывковъ погибшихъ произведеній.

Отрывки эти представляютъ для ознакомленія съ Аристотелемъ такой своеобразный интересъ, что я предлагаю сначала разсмотрѣть ихъ, а потомъ уже перейти къ обзору уцѣлѣвшихъ сочиненій, прямо относящихся къ плану настоящаго труда. Именно къ отрывкамъ этимъ слѣдуетъ обращаться за свѣдѣніями о юношескихъ произведеніяхъ Аристотеля, а еще болѣе о томъ сочиненіи, которое поставило его въ глазахъ древнихъ въ ряды литературныхъ дѣятелей. Читая научныя изслѣдованія его, мы удивляемся въ ученикѣ Платона такому полному пренебреженію къ формѣ, такому отреченію отъ изящнаго слога, и спрашиваемъ себя, какъ могло случиться, что столь великій критикъ поэзіи и краснорѣчія не обнаружилъ никакихъ слѣдовъ примѣненія своей теоріи въ собственныхъ сочиненіяхъ. Но дѣло въ томъ, что намъ достались послѣ него только тѣ изслѣдованія, которыя онъ писалъ, какъ глава школы; это, быть можетъ, даже лишь простые наброски, которые онъ намѣревался дополнить устными разъясненіями. Громадное число и разнообразіе его твореній, болѣею частью написанныхъ въ теченіе немногихъ лѣтъ, не допускаютъ въ насъ мысли о тщательной работѣ, и критики нашего времени не разъ подозрѣвали, не дошли ли до насъ просто небрежно веденныя записныя книги какого нибудь ученика,

заносившаго въ нихъ бесѣды наставника во время его утреннихъ прогулокъ въ лицѣ⁴⁸⁴⁾.

§ 564. Другое объясненіе плохого состоянія нашихъ текстовъ встрѣчается въ знаменитомъ разсказѣ, заимствуемомъ нами у Страбона. Онъ сообщаетъ, что⁴⁸⁵⁾ по смерти Аристотеля и Теофраста книги ихъ перешли по наслѣдству къ Нелею Скепсійскому, племяннику послѣдняго. Въ виду опасности захвата со стороны царскихъ собирателей книгъ, наслѣдники спрятали ихъ въ погребъ, гдѣ онѣ и пролежали около двухъ столѣтій, пока, въ началѣ перваго вѣка до Р. Х., были открыты Аппеликономъ Теосскимъ и доставлены въ Аѣины. Впослѣдствіи Силла увезъ ихъ въ Римъ въ качествѣ добычи, и здѣсь онѣ были впервые изданы Тиранніономъ и Андроникомъ (приблизит. около 60—50 г. до Р. Х.). Благодаря этому, говоритъ Страбонъ, ранніе послѣдователи перипатетической школы мало знали о настоящей доктринѣ Аристотеля и большею частью вращались около бесплодныхъ тонкостей (θέσεις ληκυθίζειν). Теорія эта принята нынѣ Гейцомъ, Гротомъ, Грантомъ и другими, но въ послѣднее время усильно опровергалась Штаромъ и Целлеромъ. Въ ней очевидно кроется много преувеличеній, такъ какъ въ указанный промежутокъ времени мы встрѣчаемъ явныя ссылки на сочиненія Аристотеля⁴⁸⁶⁾ и каталогъ его произведеній, сохранившійся въ александрійской библіотекѣ; а такъ какъ Аристотель лично издалъ большинство своихъ работъ, то весьма невѣроятно, чтобы среди его учениковъ и критиковъ, въ особенности среди стоиковъ, не сохранилось другихъ экземпляровъ, кромѣ тѣхъ, что были спрятаны въ Скеписѣ. Есть однако доля истины въ разсказѣ объ этихъ спискахъ, и весьма возможно, что какая нибудь неоконченная рукопись, напримѣръ Политики, оставалась сокрытою до указанного срока, слѣдовательно, не была извѣстна древнимъ критикамъ до цинцероновской поры. Но сырость погреба могла причинить лишь пробѣлы въ текстѣ; она не была въ состояніи покрыть плѣсенью самый слогъ.

⁴⁸⁴⁾ Целлеръ (стр. 135—8) весьма остроумно доказалъ, что предположенія эти заходятъ слишкомъ далеко, и что въ этихъ изслѣдованіяхъ, написанныхъ грубымъ и неряшливымъ, но своеобразнымъ и весьма-научнымъ слогомъ, мы имѣемъ подлинныя слова самого великаго учителя, большею частью записанныя имъ же, хотя нѣрѣдко въ изслѣдованія эти вкрадывались изъ другой передѣлки того же сюжета или благодаря неаккуратности переписчика двѣ параллельныя формы того же аргумента. Весьма вѣроятно, по крайней мѣрѣ, что ученики въ значительной степени помогали Аристотелю, какъ при перепискѣ, такъ и при собираніи фактовъ.

⁴⁸⁵⁾ XIII, I, 54.

⁴⁸⁶⁾ Ср. доказательства, собранныя у Целлера, стр. 145 и слѣд.

Древніе составили себѣ совсѣмъ иное представленіе объ Аристотелѣ на основаніи его сочиненій. Ихъ лучшіе критики ссылаются на него, какъ на мастера въ стилистическомъ отношеніи. Цицеронъ говоритъ, что онъ шелъ, разливая вокругъ себя золотой потокъ краснорѣчія, чтобы доказать существованіе божественнаго промысла, создавшаго міръ; въ подтвержденіе этихъ словъ онъ переводитъ величественный отрывокъ⁴⁸⁷⁾. Въ такихъ же хвалебныхъ выраженіяхъ упоминаютъ о немъ Діонисій Галикарнаскій и Квинтиліанъ. Симплицій и Фотій заявляютъ, что письма Аристотеля (собранныя Артемономъ въ восьми книгахъ), какъ образцы этого рода сочиненій, не были превзойдены никѣмъ изъ преемниковъ философа, и хотя Деметрій и приводитъ фразу изъ писемъ, чтобы доказать напыщенность ихъ слога, онъ цитируетъ и другую⁴⁸⁸⁾ въ подтвержденіе того, какъ строго авторъ держался подходящихъ темъ; въ ней Аристотель говоритъ: «Объ этомъ я не пишу вамъ потому, что это непригодно для эпистолярнаго стиля (ἐπιστολικόν)». Къ несчастію, древніе рѣдко подкрѣпляли свои хвалебные отзывы о краснорѣчии философа надлежащими цитатами, такъ что мы вынуждены тщательно изучать скудные отрывки, для того чтобы отыскать ясное подтвержденіе мнѣній критиковъ. Что касается Цицерона и позднѣйшихъ писателей, мы подозреваемъ, что громадная и прочно-установленная репутація Аристотеля, какъ мыслителя, располагала ихъ къ преувеличенію совершенствъ его слога.

Необходимо однако замѣтить, что римскіе критики Аристотеля не упоминаютъ ни объ одномъ изъ дошедшихъ до насъ научныхъ изслѣдованій его, кромѣ Топпки и Риторики. Слѣдовательно или Аристотель, какъ ученый, не былъ имъ извѣстенъ,—или, что гораздо правдоподобнѣе, ихъ отталкивали его отвлеченныя (эзотерическія) книги, и они ограничивались тѣми ἐξωτερικά, которыя были написаны для публики и входили въ кругъ ихъ собственнаго пониманія. Такимъ образомъ, тотъ Аристотель, котораго прославляли римскіе философы и риторы, не нашъ Аристотель; это авторъ діалоговъ и призывовъ къ добродѣтели и философскому размышленію. Среди Грековъ же утрата его діалоговъ и подробныхъ изслѣдованій произошла скорѣе всего подъ вліяніемъ презрѣнія, оказываемаго его школою этимъ раннимъ, полу-платоническимъ произведеніямъ. Въ позднѣйшихъ научныхъ трудахъ своихъ, говорятъ Греки, онъ высказалъ свои настоящіе взгляды, въ діалогахъ же—только то, что было ложно или уже выражено другими. Такимъ образомъ Стобею, Плу-

⁴⁸⁷⁾ De Nat. Deorum, II, 37.

⁴⁸⁸⁾ Отрыв. 615, 620.

тарху и Цицерону обязаны мы сохраненіемъ нѣкоторыхъ отрывковъ изъ этихъ діалоговъ, въ которыхъ замѣчаемъ не только платоническій строй мысли, но и отдаленный отблескъ яркаго платоническаго свѣта на слогъ ⁴⁸⁹⁾. Дѣйствительно, вліяніе Платона на Аристотеля было такъ же сильно, какъ вліяніе Сократа на самого Платона; но мы можемъ прослѣдить постепенный переходъ Платона отъ Аполлогіи къ Законамъ; у Аристотеля же раннія стадіи его развитія оставили весьма слабыя слѣды. § 565. Нѣтъ сомнѣнія, что существовало три діалога, близко подражавшіе Платону ⁴⁹⁰⁾. Изъ перваго Сикстъ Эмпирикъ и Цицеронъ приводятъ написанные популярнымъ и риторическимъ слогомъ аргументы въ подтвержденіе существованія боговъ и управленія ими вселенной ⁴⁹¹⁾, а также и вѣчности мірозданія, доказываемаго на основаніи его красоты и стройности ⁴⁹²⁾. Изъ третьяго діалога, близкаго подражанія Фѣдопу, до насъ дошло столько интересныхъ и наводящихъ на размышленіе замѣтокъ о сущности души, ея несходствѣ съ гармоніею, ея будущемъ блаженствѣ, и рядомъ съ этимъ столько странныхъ разсказовъ спиритуалистическаго свойства, что мы вполне убѣждаемся, въ какой сильной степени сочиненіе это отличалось чисто-литературнымъ характеромъ ⁴⁹³⁾. Изъ протреттикос или Обращенія къ философіи до насъ также дошло интересное предвѣстіе тѣхъ опроверженій, которыя Декартъ выставилъ противъ скептиковъ. Аристотель прямо говоритъ, что люди должны или признать, или отвергнуть Философію. Но если случится послѣднее, то это должно быть сдѣлано при помощи аргументовъ, слѣдовательно, опять таки философіи. И такъ, хотя бы ли этого люди или нѣтъ, они должны философствовать. Стобей передалъ намъ также нѣсколько недурныхъ извлеченій изъ аристотелевыхъ изслѣдованій о Благородствѣ и Богатствѣ ⁴⁹⁴⁾.

⁴⁸⁹⁾ Мы встрѣчаемъ извѣстіе, что Аристотель не пытался писать, подобно Платону, драматическіе прологи, и что онъ, въ противоположность своему наставнику, оставлялъ главную роль за собою, какъ это дѣлалъ Цицеронъ, чьи діалоги похожи, по всему вѣроятію, по формѣ на аристотелевы.

⁴⁹⁰⁾ Эти діалоги слѣдующіе: *περί φιλοσοφίας*, *περί ταῦτα* и *Εὐθύμος*.

⁴⁹¹⁾ Отр. 12—15.

⁴⁹²⁾ Отр. 17—18.

⁴⁹³⁾ Отр. 32—43.

⁴⁹⁴⁾ Отр. 82—5 и слѣд.—Бернайсъ (*Dialog. des Arist.*, стр. 69) думаетъ, что первыя главы четвертой книги *Πολιτικῆς* (по новому порядку) по существу своему ничто иное, какъ извлеченіе изъ нравственнаго діалога. Основываетъ онъ это предположеніе на болѣе легкой и плавности слога сравнительно съ остальной книгою. Гипотеза эта, отвергаемая Валеномъ и другими, не лишена правдоподобія, но породившій ее образецъ болѣе легкаго стиля Аристотеля не особенно удаченъ, такъ какъ въ немъ мало оригинальнаго, за исключеніемъ нѣкоторыхъ преувеличенныхъ выраженій.

Изъ числа критическихъ сочиненій Аристотеля въ этотъ періодъ его жизни я упомяну о его обзорѣ древнихъ поэтовъ и риторовъ—любимомъ занятіи того времени, когда самостоятельное литературное творчество изсякало. Цицеронъ утверждаетъ, что сдѣланный Аристотелемъ сводъ и изложеніе твореній древнѣйшихъ риторовъ (въ его *συναγωγή τεχνῶν*) были настолько хороши, что люди переставали читать самые подлинники. Нѣтъ сомнѣнія, что если риторика, нынѣ приписываемая Анаксимену, подлинна, она относится именно къ этому періоду, т. е. должна была появиться задолго передъ выходомъ въ свѣтъ чисто психологическаго изслѣдованія, какое мы видимъ въ собственной риторикѣ Аристотеля. Оцѣнить его взгляды на поэтовъ мы можемъ лишь на основаніи извлеченій изъ нихъ въ сходяхъ къ Гомеру, гдѣ встрѣчаются постоянныя ссылки на его проблемы и рѣшенія. Сознаюсь,—какъ разматриваемыя затрудненія, такъ и отвѣты на нихъ кажутся мнѣ до того прозаичными и часто даже глуповатыми, что они не ставятъ, по моему, автора ихъ выше критическихъ приемовъ Поэтики, сочиненія, отличающагося весьма незначительной долей эстетическаго вкуса. Возбуждалъ онъ, напримѣръ, такіе вопросы: какъ могла Елена со своего мѣста на стѣнахъ выражать неувѣренность относительно судьбы своихъ братьевъ, Діоскуровъ, если война длилась десять лѣтъ и много было взято и выкуплено плѣнныхъ? Очевидное разрѣшеніе вопроса заключается съ нашей точки зрѣнія въ томъ, что сцена эта была заимствована изъ поэмы, гдѣ описывалась первая высадка или установка Грековъ въ боевой порядокъ при началѣ войны ⁴⁹⁵). Аристотель же говоритъ: «Быть можетъ, Парисъ помѣшалъ ей встрѣтиться съ плѣнными» ⁴⁹⁶). Немало такихъ образчиковъ критики найдемъ мы въ слѣдующихъ отрывкахъ; все это перемѣшано съ случайными проявленіями здраваго смысла. Несомнѣнно, наиболѣе интересно то мѣсто, гдѣ Аристотель какъ-бы предчувствуетъ возникновеніе сравнительной міеологіи и говоритъ намъ, что 360 солнечныхъ быковъ изображали дни года. Такимъ образомъ *ἀπορίματα* Аристотеля къ Гомеру кажутся намъ немногимъ лучше его изданія поэмъ ⁴⁹⁷),—если, конечно, вѣрно, что онъ приготовилъ изданіе для Александра, которое этотъ монархъ хранилъ въ драгоценномъ ларцѣ.

§ 566. Критическій разборъ поэтовъ напоминаетъ намъ о собственной поэзіи философа, отъ которой уцѣлѣло три весьма

⁴⁹⁵) Ср. Томъ I, стр. 72.

⁴⁹⁶) Отр. 142.

⁴⁹⁷) Ср. Томъ I, стр. 30.

замѣчательныхъ отрывка. Это стихи къ Гермею, эпиграмма къ его же статуѣ и часть элегіи объ Эвдемѣ. Привожу ихъ въ примѣчаніи ⁴⁹⁸). Эпиграмма къ статуѣ не напоминаетъ обычныхъ приѣмовъ, свойственныхъ лучшей порѣ этого жанра; она очень проста и сжата. Отъ элегіи до насъ дошло слишкомъ немного, для того чтобы мы могли понять ея планъ, но по отрывкамъ изъ діалога объ Эвдемѣ, гдѣ пересказано странное видѣніе, показавшее ему его будущую судьбу и смерть, мы можемъ представить себѣ, что поэма эта была не лишена фантазіи. Знаменитая фраза о Платонѣ прославила этотъ отрывокъ. Гимнъ, который, по словамъ Аэнея, не былъ пѣаномъ (какъ утверждало обвиненіе въ нечестіи, взведенное на автора), а скорѣе сколіемъ,—очень изящная маленькая поэма, заслуживающая гораздо большей похвалы, чѣмъ достается ей отъ большинства нѣ-

⁴⁹⁸) 1) О Платонѣ, отр. 623:

ἐλθων δ' ἐς κλεινὸν Κεκροπίης δάπεδον
εὐσεβέως σεμνῆς φίλης ἰδρύσατο βωμόν
ἄνδρός, ὃν οὐδ' αἰνεῖν τοῖσι κακοῖσι θέμις·
ὅς μόνος ἢ πρῶτος θνητῶν κατέδειξεν ἐναργῶς
οἰκεῖν τε βίῃ καὶ μεθόδοισι λόγων,
ὡς ἀγαθὸς τε καὶ εὐδαιμῶν ἅμα γίνεται ἀνὴρ·
οὐ νῦν δ' ἔστι λαβεῖν οὐδενὶ ταῦτα ποτέ.

2) О Гермѣ, отр. 624:

τόνδε ποτ' οὐχ ὁσίως παραβάς μαχάρων θέμιν ἀγνῆν
ἔκτεινεν Περσῶν τοξοφόρων βασιλεὺς,
οὐ φανερώς λόγῃ φονίῳ ἐν ἁγῶσι κρατήσας,
ἀλλ' ἀνδρὸς πίστει χρησάμενος δολίου.

3) Гимнъ къ добродѣтели:

Ἄρετά, πολύμοχθε γένει βροτείῳ
θῆραμα κάλλιστον βίῃ,
σὰς πέρι, παρθένε, μορφᾶς
καὶ θανεῖν ζηλωτὸς ἐν Ἑλλάδι πότμος
καὶ πόνους πλῆναι μαλεροὺς ἀκάμαντας·
τοῖον ἐπὶ φρένα βάλλεις
καρπὸν τ' ἀθάνατον χρυσοῦ τε κρείσσω
καὶ γονέων μαλακαυγῆτοῖς θ' ὕπνῳ·
σεῦ δ' ἔνεχ' οὐκ Διὸς Ἡρακλῆς Λήδας τε κοῦροι
πόλλ' ἀνέτλασαν ἔργοις
σὺν ἀγρεύοντες δύναιμιν.
σὰς δ' ἔνεκεν φίλιου μορφᾶς καὶ Ἀταρνεὸς ἐντροφος
Ἀελίου χήρωσεν αὐγὰς.
τοιγὰρ αἰδίδιμος ἔργοις, ἀθάνατον τέ μιν αὐξήσουσι
Μεῦσαι

Μναμοσύνας θύγατρες, Διὸς ξενίου σέβας αὖξουσιν
φιλίας τε γέρας βεβαίον.

мецких ученыхъ. Мнѣ кажется, что по молчаливому соглашенію принято считать автора холодно написанной *Этики*, *Политики* и *Категорій* неспособнымъ сдѣлаться истиннымъ поэтомъ; но я осмѣлюсь утверждать, что если бы эта поэма дошла до насъ съ именемъ Пиндара, то многіе изъ тѣхъ, которые холодно глядятъ теперь на нее, выражали бы громкое одобреніе. Помимо многихъ удачныхъ выражений, въ poemѣ замѣтно нравственное воодушевленіе, которымъ проникнуты и діалоги Аристотеля, такъ что въ ранніе годы своей дѣятельности онъ навѣрно былъ скорѣе проповѣдникомъ добродѣтели, чѣмъ поклонникомъ отвлеченной науки. О прочихъ элегіяхъ его и объ его *ἔπη* мы ничего не знаемъ.

§ 567. Со времени переселенія Аристотеля въ Македонію, въ виду досуга, доставляемаго ему его уединеніемъ у Александра, можно предположить, что онъ постепенно отдалялся отъ популярной литературы и обратился къ той чисто-научной формѣ ⁴⁹⁹⁾, которую усвоилъ себѣ, какъ аѳинскій педагогъ. Съ той поры начали появляться всѣ тѣ сухія и отвлеченныя сочиненія, которыя принадлежатъ не исторіи греческой литературы, а исторіи философіи. Взглядъ Аристотеля обнималъ всѣ отрасли человѣческаго знанія. Подобно Соломону, онъ разсуждалъ о растеніяхъ, начиная съ ливанскаго кедра и кончая растущимъ на стѣнѣ ископомъ, о животныхъ, небесныхъ свѣтилахъ и объ ихъ вѣчномъ творцѣ, о человѣческомъ умѣ и его способностяхъ, словомъ, о всѣхъ человѣческихъ и божественныхъ вопросахъ.

Въ этомъ обширномъ обзорѣ онъ коснулся и философіи исторіи, и философіи искусства, и, разсуждая о сущности риторики и поэзіи, вступилъ въ область литературы. Такимъ образомъ, мы можемъ ограничиться болѣе полнымъ разсмотрѣніемъ *Риторики* и *Поэтики*, хотя и коснемся въ общихъ чертахъ *Этики* и *Политики*. Разсмотримъ мы эти сочиненія не потому, чтобы они отличались литературнымъ характеромъ, а потому, что большинство читателей знаетъ Аристотеля лишь благодаря имъ, такъ что отсутствіе ихъ въ настоящей книгѣ было бы чувствительно для многихъ. Въ самомъ дѣлѣ, они составляютъ какъ бы переходную сту-

⁴⁹⁹⁾ Различіе это придумано не критиками, а признано самимъ Аристотелемъ, постоянно ссылающимся на болѣе полную разработку хорошо извѣстныхъ положеній *ἐν τοῖς ἐκδηγομένοις* или *ἐν τοῖς ἐξωτερικοῖς λόγοις*. Это, повидимому, явно относится къ популярнымъ изслѣдованіямъ, написаннымъ имъ и распространеннымъ въ публикѣ въ то время, какъ болѣе серьезныя сочиненія его, хотя вовсе не тайныя и не скрываемыя имъ, были извѣстны лишь его ученикамъ. Цѣлая полемическая бібліотека составила у нѣмецкихъ ученыхъ изъ разсмотрѣнія этого вопроса, хотя ни свѣдѣнія наши, ни пониманіе дѣла отъ этого не расширились. Сводъ всѣхъ этихъ работъ находится у Целлера, *Op. cit.*, стр. 112 и слѣд., съ обширными примѣчаніями.

пень между ранними діалогами и позднѣйшею философіею, и появились, повидимому, въ слѣдующемъ порядкѣ: во первыхъ, Этика, затѣмъ въ близкой связи съ нею—Политика, далѣе Поэтика; наконецъ послѣднее изъ экзотерическихъ разсужденій—Риторика, написанная, быть можетъ, около 330 г. до Р. Х. Сочиненія эти, по слогу и методу, занимаютъ какъ бы среднее мѣсто между указанными мною двумя видами писательской дѣятельности Аристотеля, такъ что многіе настоятельно относили ихъ къ послѣдней изъ двухъ группъ. И въ самомъ дѣлѣ порубежная линія врядъ ли ясно обозначена. Всѣ эти изслѣдованія разсмотрѣны и характеризованы теперь такъ подробно, что человѣкъ, изучающій Аристотеля, едва ли ограничится ознакомленіемъ съ общимъ очеркомъ, а обратится къ полнымъ и обстоятельнымъ комментаріямъ, которые дадутъ ему возможность понять философа. Ни одно изъ этихъ сочиненій не представляетъ ничего привлекательнаго по слогу; всѣ они трудны, вслѣдствіе сжатости или пропусковъ въ самой мысли, а также вслѣдствіе перерывовъ и перемѣщеній, происшедшихъ въ нашихъ текстахъ.

§ 568. Замѣчательно, что Аристотель въ своей зрѣло продуманной Риторикѣ смотритъ на эту науку не какъ на отрасль искусства, или на что-то схожее съ поэзіею, а какъ на родственную вѣтвь Діалектики, близко связанную съ Политикою. Подобно тому какъ Діалектика или логическое преніе стремится установить истину путемъ аргументаціи, такъ Риторика старается убѣдить умы или доказать вѣроятность теоріи такими доводами, которые могутъ дѣйствовать на слушателя. Вслѣдствіе этого, вся эта наука популярная или экзотерическая; тѣмъ не менѣе она зависитъ, или должна бы зависѣть, главнымъ образомъ, отъ доказательствъ, а не отъ косвенныхъ средствъ, вліяющихъ на людскіе умы. Словомъ, Аристотель устанавливаетъ, какъ неопровержимое положеніе, что риторика—естественный даръ всѣхъ развитыхъ людей, которые всегда тѣмъ или другимъ способомъ или защищаютъ свои собственные взгляды, или нападаютъ на мнѣнія другихъ при помощи аргументовъ. Систематическое изображеніе этой природной способности убѣждать составляетъ предметъ риторическаго искусства. Такимъ образомъ Аристотель возстаетъ, съ одной стороны, противъ Платона, постоянно доказывавшаго, что такъ какъ риторика не въ состояніи научить человѣка ничему опредѣленному, то она и не годится ни на что, съ другой противъ софистовъ, увѣрившихъ, что риторика есть таинственный ключъ ко всевозможнымъ видамъ знанія. Есть что-то въ высшей степени строгое и благородное въ ограниченіи настоящей области риторики убѣжденіемъ аудиторіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ этомъ заключается истинная тайна всякаго дѣйствительно сильнаго краснорѣчія. Демос-

еиъ и Греки вообще рѣдко отступали отъ аргументаціи. Но даже Цицеронъ, Златоустъ, Боссюэтъ, Боркъ и всѣ наши лучшіе судебные и политическіе ораторы выработали свои способности лишь потому, что были блестящими и убѣдительными мыслителями. Это подтверждаетъ строгую справедливость сжатаго опредѣленія, сдѣланнаго Аристотелемъ: «способность открыть въ каждомъ вопросѣ возможность убѣждать» ⁵⁰⁰).

Главная часть первой книги посвящена разбору риторическихъ матеріаловъ въ связи съ тремя видами (εἶδη) ораторскаго искусства, впервые, быть можетъ, формально разграниченными Аристотелемъ—краснорѣчіемъ разсуждающимъ, судебнымъ и эпидиктическимъ ⁵⁰¹). Онъ ничего не говоритъ объ обращеніяхъ полководцевъ къ войнамъ, игравшихъ такую важную роль у раннихъ историковъ.

Весьма вѣроятно, что обычай этотъ исчезъ съ появленіемъ наемныхъ или профессиональных войскъ, но, во всякомъ случаѣ, подобныя рѣчи должны относиться къ первой категоріи. Эту группу онъ считаетъ важнѣйшею изъ всѣхъ, хотя она и была, по его словамъ, въ пренебреженіи у риторовъ, предавшихся всецѣло судебнымъ рѣчамъ, такъ какъ въ нихъ софистическое искусство имѣло большую цѣну. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что политическое краснорѣчіе всегда высоко цѣнилось среди Грековъ, но именно поэтому считалось такимъ выдающимся искусствомъ, какое не могли преподавать простые софисты. Дальнѣйшее опредѣленіе Аристотеля кажется мнѣ ложною или бесполезною тонкостью,—онъ утверждалъ именно, что изъ этихъ трехъ отраслей краснорѣчія первая касается будущаго и главное содержаніе ея составляетъ полезное; вторая относится къ прошлому, и ея темою служить справедливое; третья (хвала и осужденіе) главнымъ образомъ вращается вокругъ настоящаго и ея предметомъ можно признать почтенное (καλόν).

Первыя девять главъ излагаютъ необходимыя условія раскрытія доказательствъ для рѣчи систематически разсматривающей предметъ,—это именно политическое воспитаніе и общее знакомство съ основами этики. За тѣмъ Аристотель переходитъ къ судебнымъ или дикастическимъ рѣчамъ и по поводу этого опять перечисляетъ общія данныя—справедливость и несправедливость, писанный законъ и неписанные прецеденты и т. д.; изъ всего этого ораторъ долженъ извлекать

⁵⁰⁰) ἔστω δ' ἡ ῥητορικὴ διόναμις περὶ ἑκαστοῦ τοῦ θεωρητικοῦ τοῦ ἐνδεχομένου πιθανόν. Ср. у Копа, Введ., стр. 149, приводимыя имъ на эту тему толкованія другихъ ораторовъ.

⁵⁰¹) То мѣсто, которое указываетъ на подобное же раздѣленіе въ Rhet. ad Alex., повидимому подложное, такъ какъ въ другихъ мѣстахъ говорится только о двухъ.

логическія подтвержденія. Въ приложеніи онъ приводитъ доказательства, основанныя на фактахъ, на примѣрѣ, на свидѣтельскихъ показаніяхъ, клятвахъ, документахъ, пыткахъ, которыми ораторъ можетъ подкрѣпить разясненія, построенныя на аргументахъ. Въ этой части его сочиненія риторика поэтому является не болѣе, какъ прикладной логикой, гдѣ нѣкоторые особые виды доказательствъ, въ родѣ энѳимемы и примѣра, замѣняютъ полный силлогизмъ и индукцію, употребительную у философовъ или діалектиковъ. Но каждая *εἰδος* или специальная вѣтвь доставляетъ частныя же положенія (*πρότασις*), на которыхъ долженъ построить свои доказательства ораторъ. За исключеніемъ, слѣдовательно, указанія настоящихъ матеріаловъ, опредѣляемыхъ нравственною и научною философіею, ничѣмъ инымъ нельзя практически помочь оратору въ построеніи его рѣчи.

§ 569. Вторая книга разсматриваетъ тѣ психологическія состоянія, которыя ораторъ чтобы быть убѣдительнымъ, долженъ вызвать въ слушателяхъ или дѣлать видъ, что испытываетъ самъ. Здѣсь много интереснаго и вызывающаго на размышленія, хотя вся тема обработана весьма неясно. Читатель не долженъ думать, что Аристотель отступилъ отъ своего первоначальнаго принципа, требовавшаго, чтобы доказательствамъ придавался наибольшій вѣсъ; всѣ психологическія явленія, которыя онъ здѣсь разсматриваетъ—иѳосъ въ ораторѣ, паѳосъ, возбужденный въ душѣ слушателя—все это лишь прѣмыя средства для достиженія убѣдительности, слѣдовательно, вѣрный способъ придти къ той цѣли, которую намѣтилъ себѣ ораторъ. Возбуждать слушателя однимъ блескомъ изложенія, безъ всякой другой цѣли, показалось бы Аристотелю фальшью даже въ эпидиктической рѣчи. Такимъ образомъ иѳосъ выставленъ сначала тѣмъ свойствомъ, которое долженъ развить въ себѣ и проявить въ своей рѣчи ораторъ; состоитъ онъ изъ трехъ элементовъ, именно, изъ *φρόνησις*, трезваго, здраваго смысла; *ἀρετή*, нравственной силы характера, и *εὐνοία*, сильнаго участія къ слушателямъ. Аристотель могъ бы пойти далѣе и сказать, что свойства эти, если они подтверждаются предшествующей жизнью оратора, а не приняты имъ на себя лишь ради извѣстнаго случая, перевѣсятъ сильнѣйшіе логическіе аргументы, какіе могутъ быть направлены противъ него. Но вслѣдъ за тѣмъ (какъ доказали Копъ и другіе критики) мы встрѣчаемъ иѳосъ уже въ другомъ смыслѣ, именно какъ обязательство изучать общій характеръ аудиторіи и обращаться къ ней различно, смотря по тому, составлена ли она изъ старцевъ, людей средняго возраста или юношей. За этимъ слѣдуетъ характеристика главныхъ чертъ этихъ трехъ возрас-

товъ ⁵⁰²). Такъ какъ публика почти всегда бываетъ смѣшанная, то подобные совѣты являются довольно бесполезными.

Имъ предшествуетъ, однако, изученіе паѳоса въ риторикѣ, понимаемаго въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ у насъ, именно въ смыслѣ возбужденія въ умахъ слушателей соответствующихъ случаю ощущеній гнѣва, жалости, печали. Причины, вызывающія въ человѣкѣ эти чувства, описаны съ мелочными подробностями. Паѳосъ, въ первомъ его смыслѣ, т. е. дѣйствительный результатъ рѣчи, ничто иное, какъ пробужденіе въ публикѣ чувства довѣрія и благорасположенія къ оратору; такимъ образомъ онъ возвращается къ той же категоріи, изъ которой выдѣлилъ его Аристотель. Я не стану разбирать здѣсь подробно эти логическія погрѣшности. Книга заканчивается ⁵⁰³) общими наставленіями или τόποι, какъ употребляютъ примѣры, апофеегмы (ὑπόμνη, т. е. простыя предложенія, заключающія въ себѣ аргументъ) и энѳимемы или доводы, облеченные въ пригодную для риторики краткую форму. Аристотель написалъ даже цѣлую главу о притворныхъ энѳимемахъ или софизмахъ этого рода, что крайне смутило такихъ критиковъ, какъ Копъ, которые думаютъ, что обязаны защищать нравственность всего, что только ни говорилъ Аристотель. Въ этихъ главахъ ⁵⁰⁴) приведено много примѣровъ изъ возраженій Ификрата, изъ трагедій, въ особенности принадлежащихъ Теодекту, и изъ его рѣчей; но странно, что хотя рѣчь Демада противъ Демосѳена и приведена, нѣтъ ни одной цитаты изъ самого Демосѳена, величайшаго современника Аристотеля.

§ 570. Третья книга, касающаяся наконецъ того, что мы называли бы настоящею областью краснорѣчія или риторики, раздѣлена на двѣ части: первая двѣнадцать главъ трактуютъ о способахъ изложенія (λέξις), остальные о распредѣленіи (τάξις), которое должно соблюдаться въ рѣчи. Послѣдній отдѣлъ кажется мнѣ поразительно скуднымъ и неполнымъ и врядъ ли могъ выйти изъ-подъ руки Аристотеля въ своей настоящей формѣ. Всего полнѣе замѣчанія о вступленіи или прологѣ; но примѣры, приводимые въ подтвержденіе мнѣнія автора, взяты столько же изъ области поэзіи, какъ и изъ ораторскаго искусства. Говоря о повѣствованіи, Аристотель ни

⁵⁰²) Гл. 13—15.

⁵⁰³) По замѣчанію Шпенгеля, разсмотрѣніе этого предмета должно было, по желанію автора, предшествовать психологической части, и несомнѣнно стоять не на своемъ настоящемъ мѣстѣ. Слѣдовательно, надо предположить нѣкоторое перемѣщеніе въ текстѣ, хотя и теперь встрѣчаются въ разсужденіяхъ о τόποι ссылки на главы о πάθος и ἥθος, доказывающія, что все сочиненіе рано получило свою настоящую форму.

⁵⁰⁴) Гл. 22—4.

разу не упоминалъ о *προχάτασχεύη*, или первомъ очеркѣ сюжета, между тѣмъ какъ это играетъ такую важную роль въ дошедшихъ до насъ рѣчахъ и лучше всего настраиваетъ умы слушателей на извѣстный ладъ. Аристотель порицаетъ Исократу за его правило, гласившее, что повѣствованіе должно быть сжато (*ταχέϊα*), и изъ утраченныхъ нынѣ трагедій приводитъ нѣсколько образцовъ хорошаго и плохого повѣствованія. Лучшее его замѣчаніе заключается, быть можетъ, въ томъ, что повѣствованіе должно имѣть этический, а не разсудочный характеръ. Оно должно поражать публику не умомъ, а честностью, какъ это ясно видно у Лизія. О фигурахъ мысли онъ не говоритъ ничего, заисключеніемъ внезапныхъ вопросовъ (*ἐρώτησις*) и остроумныхъ возраженій, которые едва ли могутъ быть причислены къ числу такихъ украшеній. Что касается эплога ³⁰⁵), то Аристотель ставитъ освѣженіе въ памяти слушателя какого-нибудь факта на одинъ уровень съ возбужденіемъ публики,—взглядъ чисто-греческій, уже замѣченный мною при разсмотрѣніи рѣчей Демосфена, и большею частью сводящійся къ весьма спокойному перечню фактовъ и столь же спокойному призыву къ справедливости.

Главы о способахъ изложенія болѣе поучительны, хотя трудно найти что-либо неудовлетворительныя главы о правильности дикціи (*ὅτι χρὴ Ἑλληνίζειν*), гдѣ читатель ожидаетъ встрѣтить цѣнныя указанія насчетъ слога, а вмѣсто того слышитъ только совѣтъ быть внимательнымъ къ употребленію частицъ ³⁰⁶), созвучію въ фразахъ и къ ясности ихъ. Точно также и по поводу труднаго и сложнаго вопроса о ритмѣ Аристотель высказываетъ всего лишь нѣсколько взглядовъ о ямбахъ и трохеяхъ, и вслѣдъ за образимахомъ совѣтуетъ начинать и заканчивать фразу пѣономъ. Относительно болѣе глубокихъ законовъ гармоніи въ періодахъ онъ предпочитаетъ умолчаніе или ограничивается безнадежно-общими указаніями.

Оставивъ въ сторонѣ грамматическую точность и перейдя къ изученію качествъ слога, мы находимъ нѣсколько хорошихъ главъ, направленныхъ противъ цвѣтистости и напыщенности языка, противъ избытковъ фразъ (*ψυχράς λέξεως*), такъ часто употреблявшихся Горгіемъ и Алкидамомъ, противъ метафоръ, сравненій и другихъ подобныхъ же предметовъ. Аристотелевы замѣчанія о разницѣ

³⁰⁵) Гл. 19.

³⁰⁶) Желательно было бы, чтобы Аристотель слѣдовалъ своимъ собственнымъ совѣтамъ, такъ какъ употребленіе имъ словъ *ὅστε*, *οὖν*, *δέ* и предлоговъ причиняетъ комментаторамъ безконечныя трудности и вызываетъ особыя изслѣдованія, въ родѣ сочиненій Бонница (Wien. Sitzungsber. 1863 г.) и Эйгена.

между поэтическимъ и прозаическимъ слогомъ, между слогомъ, пригоднымъ для устной рѣчи и для письма, очень разумны и здравы, но, на мой взглядъ, мало наводятъ на размышленіе³⁰⁷). Истинныя красоты высокой поэзіи были ему, повидимому, чужды. Разсмотрѣвъ въ восьми главахъ отдѣльные періоды и слова, онъ переходитъ къ изученію ихъ естественнаго или искусственнаго сочетанія, къ хорошо извѣстному *λέξις εἰρημένη* Геродота въ противоположность *λέξις χχτεστραμμένη* Фукидида, а тѣмъ болѣе Исократу; здѣсь же находимъ мы главу объ искусствѣ говорить «хорошія рѣчи» и о живости слога. Но ни въ одной изъ нихъ не видно мастерства или оригинальности.

§ 571. Впечатлѣніе, производимое Риторикою, не даетъ высокаго понятія о талантливости Аристотеля³⁰⁸). Мы чувствуемъ, правда, что вся книга зиждется на широкомъ и разумномъ основаніи, но что она только развиваешь бѣглыя указанія, такъ эффектно разбросанныя Платономъ въ его *Федръ*; что, развивая ихъ, Аристотель высказалъ въ отдѣльности нѣсколько цѣнныхъ истинъ и обнаружилъ большую проницательность, но за то немного прибавилъ новаго къ риторическимъ руководствамъ его предшественниковъ, кромѣ психологической основы, которая однако несомнѣнно примѣнялась уже на практикѣ всѣми прежними ораторами. Истинная тайна творчества его великаго современника Демосѣена, которую онъ, болѣе всѣхъ другихъ, могъ подмѣтить и обсудить, либо игнорирована во всей книгѣ, либо преднамѣренно оставлена въ пренебреженіи; нѣтъ никакой возможности обойти молчаніемъ подобный крупный пробѣлъ въ греческой риторикѣ того времени или найти для него извиненіе. Прибавимъ еще, что стиль этого сочиненія, специально посвященнаго изученію именно слога, страдает многими изъ тѣхъ недостатковъ, которые въ немъ осуждаются. Языкъ Риторики всюду слишкомъ сжатъ, неясенъ, запу-

³⁰⁷) Вольтеръ воспользовался имъ, какъ видно изъ часто встрѣчающейся у него критики поэтической прозы его соперниковъ и изъ его похвалъ установленному Аристотелемъ принципу. Объ этомъ мы находимъ нѣсколько превосходныхъ замѣчаній у Аве (*Etude*, стр. 95 и слѣд.).

³⁰⁸) Если читатель желаетъ познакомиться съ прекраснымъ изложеніемъ противоположной теоріи, я укажу ему на сочиненіе Э. Аве: *Etude sur la Rhétorique d'Aristote* (Парижъ, 1846 г.), изъ котораго я часто черпалъ для своего очерка, хотя мнѣ кажется, что авторъ часто приписывалъ Аристотелю свои собственные взгляды. Считаю долгомъ, однако, указать на любопытный промахъ Аве (стр. 71), приписавшаго Р. Эпиену отрывокъ о пыткѣ, который этотъ умный переводчикъ нашелъ въ лучшихъ рукописяхъ (Ac) и напечаталъ курсивомъ лишь вслѣдствіе сомнительной его подлинности. Это не единственная ошибка, встрѣчающаяся въ поучительной и прекрасной работѣ Аве.

танъ; и хотя нѣкоторыя изъ этихъ погрѣшностей, безспорно, должны быть приписаны состоянію нашего текста, все таки мы многими изъ нихъ обязаны самому автору.

Латинскіе риторы, Цицеронъ, Квинтиліанъ и Діонисій пользовались многими цѣнными указаніями Риторики и часто близко слѣдовали имъ, хотя, повидимому, значительно опередили ее по ясности и изяществу въ изложеніи. Въ особенности Цицеронъ⁵⁰⁹), какъ видно изъ примѣчаній Копа, весьма ловко примѣнилъ почти всѣ правила Аристотеля и писалъ превосходнымъ и мѣткимъ языкомъ. Посланіе Діонисія къ Аммею, гдѣ онъ подробно опровергаетъ, на основаніи чиселъ, мнѣніе, будто Демосѣенъ заимствовалъ свои риторическіе принципы у Аристотеля, важно тѣмъ, что въ немъ приведено (буквально, какъ говоритъ авторъ) шесть отрывковъ изъ Риторики. Хотя они и отличаются нѣсколько отъ нашихъ текстовъ, но не настолько, чтобы дать право думать,

⁵⁰⁹) Стоитъ привести его сужденіе объ этой книгѣ (de Or., II, 38): Sed, ut eo revocetur, unde huc declinavit oratio, ex tribus istis clarissimis philosophis, quos Romam venisse dixisti, videsne Diogenem fuisse, qui diceret, artem se tradere bene disserendi et vera ac falsa diiudicandi, quam verbo Graeco διαλεκτικήν appellaret? In hac arte, si modo est haec ars, nullum est praeceptum, quo modo verum inveniat, sed tantum est, quo modo iudicetur. Nam (et) omne, quod eloquimur sic, ut id aut esse dicamus aut non esse, et si simpliciter dictum sit, suscipiunt Dialectici, ut iudicent, verumne sit an falsum; et si coniuncte sit elatum et adiuncta sint alia, iudicent, rectene adiuncta sint et verane summa sit unius cuiusque rationis et ad extremum ipsi se compungunt suis ac minibus et multa quaerendo reperiunt non modo ea, quae iam non possint ipsi dissolvere sed etiam, quibus ante exorsa et potius detexta prope retexantur. Hic nos igitur Stoicus iste nihil adiuvat, quoniam, quemadmodum inveniam quid dicam, non docet; atque idem etiam impedit, quod et multa reperit, quae negat ullo modo posse dissolvi, et genus sermonis affert non liquidum, non fusum ac profluens, sed exile, aridum, concisum ac minutum. Quod si qui probabit, ita probabit, ut oratori tamen aptum non esse fateatur. Haec enim nostra oratio multitudinis est auribus accommodanda ad oblectandos animos, ad impellendos, ad ea probanda, quae non aurificis statera, sed quadam populari trutina examinantur. Quare istam artem totam dimittamus, quae in excogitandis argumentis muta nimium est, in iudicandis nimium loquax. Critolaum istum, quem simul cum Diogene venisse commemoras, puto plus huic studio nostro prodesse potuisse. Erat enim ab isto Aristotele a cuius inventis tibi ego videor non longe aberrare. Atque inter hunc Aristotelem, cuius et illum legi librum, in quo exposuit dicendi artes omnium superiorum, et illos, in quibus ipse sua quaedam de eadem arte dixit, et hos germanos huius artis magistros hoc mihi visum est interesse, quod ille eadem acie mentis, qua rerum omnium vim naturamque viderat, haec quoque aspexit quae ad dicendi artem, quam ille despiciebat, pertinebant: illi autem, qui hoc solum colendum ducebant, habitant in hac una ratione tractanda, non eadem prudentia, qua ille, sed usu, in hoc uno genere, studioque maiore. Carneadi vero vis incredibilis illa dicendi et varietas perquam esset optanda nobis; qui nullam umquam in illis suis disputationibus rem defendit, quem non probavit; nullam oppugnavit, quam non evertit. Sed hoc maius est quiddam, quam ab iis, qui haec tradunt et docent, postulandum sit.

что сочиненіе это было первоначально полнѣе и обстоятельнѣе. Гораздо вѣроятнѣе, что позднѣйшіе риторы дополнили его комментаріями или подробностями, изъ которыхъ кое-что перешло въ Сборникъ Шпенгеля. Но, къ несчастію для насъ, всѣ эти сочиненія исчезли, а оставшіяся схолии признаны совершенно ничтожными.

§ 572. Библиографія. Лучшею считается рукопись одиннадцатаго вѣка, нынѣ находящаяся въ Парижѣ (A^c); она была известна Петру Викторію и провѣрена имъ для его прекраснаго изданія; гораздо тщательнѣе изучалъ ее Гайсфордъ (1820), а еще лучше—Беккеръ для своего изданія. Послѣ нея наиболѣе крупнымъ авторитетомъ пользуется старинный латинскій переводъ, несомнѣнно сдѣланный Вильгельмомъ де Мербеке въ 1281 году, который придерживался отъ слова до слова совершенно такого же текста, какъ рукопись A^c, только съ вставками или комментаріями на поляхъ, болѣею частью принятыми переводчикомъ. Всѣ позднѣйшія рукописи, болѣе богатая вставками, заимствованы, повидимому, изъ того же первоначальнаго типа, какъ и эти древнѣйшіе и лучшіе списки, и носятъ слѣды сліянія двухъ рецензій, такъ что двѣ различныя передачи одной и той же мысли слѣдуютъ въ нихъ другъ за другомъ. Отдѣльныя изданія Риторики весьма рѣдки. Впервые отпечатанная Альдомъ, не въ его Аристотелѣ, но въ *Rhetores Graeci* (1508 г.), она съ той поры входила въ составъ всѣхъ полныхъ собраній сочиненій Аристотеля. Однако изданіе Гайсфорда (Оксфордъ, 1833 г.) уже десятое со времени выхода въ свѣтъ editio princeps. Изслѣдованія Брандиса (*Philologus*, томъ IV), Валена и Шпенгеля, обратившаго особое вниманіе на это сочиненіе въ своемъ сборникѣ риторическихъ статей, въ рядѣ изслѣдованій объ Аристотелѣ, помѣщенныхъ въ *Abhandlungen* Мюнхенской академіи, наконецъ въ своемъ отдѣльномъ изданіи (Лейпцигъ, 1877 г.), могутъ быть прочтены не безъ пользы, точно также, какъ и замѣчанія Тьюро въ его статьяхъ объ Аристотелѣ. Текстъ Беккера перепечатанъ отдѣльнымъ изданіемъ; мы имѣемъ также подробное введеніе (1867 г.) и комментаріи въ трехъ томахъ Копа (Кембриджъ, изд. Сандиса, 1874 г.).

§ 573. Риторика Аристотеля неоднократно какъ-бы ссылается на его Поэтику, повидимому, написанную до нея, по всему вѣроятію, незадолго передъ нею, такъ что мы можемъ прямо перейти къ этому сочиненію, какъ къ смежному предмету. Краснорѣчіе представляется намъ чѣмъ то родственнымъ съ поэзією, и мы столь же восторгаемся риторикою Шекспира и Байрона, какъ и поэзією Тайлора или Рэскина. Вслѣдствіе этого мы были въ правѣ ожидать, что Аристотель разсмотритъ краснорѣчіе и поэзію, какъ

родственные предметы, какъ искусства, научающія насъ наилучшему словесному выраженію различныхъ состояній человѣческой мысли и страсти. Но, къ великому удивленію, мы видимъ, что они соприкасаются у него лишь въ частностяхъ изложенія, или λέξις, въ то время, какъ источники ихъ кажутся автору вполне разнообразными. Какъ мы уже говорили выше, риторика представлялась ему только искусствомъ убѣждать умы, слѣдовательно, вѣтвью науки мышленія, приложенной къ требованіямъ народной массы. Это — наука въ роятныхъ аргументовъ, методически выраженныхъ. Поэзію онъ основываетъ на инстинктѣ подражанія человѣческимъ дѣйствіямъ, и относитъ ее въ одинъ отдѣлъ вмѣстѣ съ музыкою и плясками, имѣющими ту же цѣль и обыкновенно примѣняющимися совместно съ нею; точно также приравниваетъ онъ ее и къ живописи, гдѣ употребляются краски, подобно тому какъ въ поэзіи примѣняются рѣзны и метръ, а въ музыкѣ — мелодія.

Взглядъ этотъ очевидно возникъ вслѣдствіе преобладанія драмы въ аттической жизни. Всѣ остальные формы поэзіи разсматривались въ связи съ нею. У Гомера драматическая сторона занимаетъ Аристотеля гораздо болѣе, чѣмъ описательная или художественная. Древній, богатый описаніями Маргитъ является въ глазахъ Аристотеля чѣмъ то въ родѣ комедіи, а что еще гораздо страннѣе, онъ почти вовсе не упоминаетъ о лирической поэзіи, за исключеніемъ ея драматической стороны и того позднѣйшаго ея развитія, когда музыка и пляски, очевидно, сопровождались мимикою и превращались въ нѣкоторое подобіе лирической драмы. Все это можетъ быть результатомъ большого пробѣла въ нашемъ текстѣ, но я скорѣе присоединяюсь къ тѣмъ, кто полагаетъ, что въ то время, какъ разсужденія Аристотеля о комедіи дѣйствительно утрачены, во всемъ сочиненіи нѣтъ мѣста для отдѣльнаго разсмотрѣнія лирической поэзіи въ нашемъ смыслѣ слова, и именно по той причинѣ, на которую я сейчасъ указалъ. Полное игнорированіе всей эолической школы Саффо, Алкея, Анакреона, даже Пиндара и большинства великихъ мастеровъ греческой мелической поэзіи ложится темнымъ пятномъ на Поэтику, подобно тому какъ умолчаніе о Демосенѣ — на Риторику. Но, выше было уже замѣчено, что драматическая поэзія и судебная риторика, поставленныя въ опредѣленные условія, гораздо болѣе всѣхъ прочихъ отраслей краснорѣчія и поэзіи поддаются научному анализу. Такимъ образомъ объясняется стремленіе составлять особыя теоретическія руководства для этихъ отдѣловъ искусства.

§ 574. Первые три главы, гдѣ Аристотель разбираетъ различные виды подражанія, встрѣчающіеся въ драматической, эпической, трагической и комической поэзіи, полны несомнѣнно вѣрныхъ взглядовъ, хотя и неотличаются большою поучительностью и полезностью; въ чет-

вертой же главѣ онъ дѣлаетъ весьма остроумный психологическій анализъ подражательнаго инстинкта въ человѣкѣ и его результатовъ. Благодаря этому, точное подражаніе даже отталкивающимъ предметамъ доставляетъ намъ удовольствіе именно своею вѣрностью. Такимъ образомъ Маргитъ, котораго Аристотель приписываетъ Гомеру, и аттическая комедія являются отраслями поэзіи, хотя изображаютъ людей и хуже, чѣмъ они обыкновенно бываютъ. Но болѣе подробное изложеніе сущности комедіи утрачено; мы имѣемъ однако въ четвертой и пятой главахъ отдѣльные цѣнные факты изъ исторіи трагедіи и комедіи, которыми мы уже воспользовались въ свое время ⁵¹⁰). Изъ различныхъ намековъ (въ особенности 9, § 3) мы убѣждаемся однако, что блестящая фантазія Аристофана не укладывалась въ систему Аристотеля и что онъ исключалъ ее даже изъ своего опредѣленія комической драмы, которая должна была посвящать себя общимъ характеристикамъ, приложимымъ къ цѣлымъ классамъ людей. Онъ ратовалъ также и противъ возбужденія смѣха циническими выходками и отмѣчалъ, что новая комедія замѣнила цинизмъ косвенными намеками (*ὀπίνοια*). Въ самомъ дѣлѣ, аристофановы парабы кажутся Аристотелю созданіемъ *ἰαμβοποιός*, а не драматическаго поэта. Такимъ образомъ, благодаря искаженію нашихъ текстовъ мы лишены связанной теоріи греческой комедіи, изъ которой былъ исключенъ Аристофанъ ⁵¹¹). Въ началѣ VI главы Аристотель положительно общается поговорить объ эпической поэзіи и о комедіи послѣ того, какъ онъ объяснить сущность и совершенства трагедіи. Послѣднимъ вопросомъ онъ занимается, съ своей точки зрѣнія весьма основательно. До насъ дошли въ концѣ сочиненія лишь скудные замѣтки объ эпической поэзіи, прямо сопоставленной съ трагедіею, и любопытная глава замѣчаній или готовыхъ изреченій для возраженія критикамъ трагедіи ⁵¹²). Есть также анализъ слога ⁵¹³), въ значительной степени посвященный разсмотрѣнію первыхъ правилъ грамматики и совершенно неумѣстный въ этомъ сочиненіи ⁵¹⁴), точно также какъ и замѣчанія объ изящномъ слогѣ, однородныя съ параллельной главою Риторики, но менѣе удачныя.

⁵¹⁰) Томъ I, гл. XIV, XIX.

⁵¹¹) Ср. объ этихъ вопросахъ у Мейнке, *Fragg. Com.*, I, 272.

⁵¹²) Глава 25.

⁵¹³) Гл. 19—22.

⁵¹⁴) Эггеръ ослабляетъ это сужденіе указаніемъ на младенческое состояніе грамматики въ это время, благодаря чему то, что кажется теперь мелкимъ и элементарнымъ — было тогда новымъ и важнымъ (*Hist. de la Critique*, стр. 227—456).

При всей нестройности текста, педантических подраздѣленіяхъ, выработанныхъ школой, къ которой принадлежалъ Аристотель, и явно непослѣдовательныхъ сужденіяхъ, встрѣчающихся въ Поэтикѣ³¹⁵⁾ и дѣлающихъ ее вполнѣ ненадежною, какъ авторитетъ, если не провѣрять ее постоянно здравымъ смысломъ, въ сочиненіи этомъ есть два незыблемыя достоинства, которыми всегда будутъ интересоваться образованные люди. Первое заключается въ научной попыткѣ объяснить сущность трагедіи и защитить ее полезное значеніе; другое — въ проявленіи многихъ разрозненныхъ проблесковъ рѣдкой проницательности, разнообразной и глубокой учености Аристотеля. Какъ ни искаженъ, ни полонъ постороннихъ вставокъ нашъ текстъ, нѣтъ сомнѣнія, что главныя очертанія задуманы самимъ авторомъ. Эти проблески мудрости, касаются ли они исторіи греческой поэзіи или природы человѣка, собирались и прославлялись восторженными критиками, начиная съ эпохи нападковъ на Корнеля³¹⁶⁾ до дней Лессинга, провозгласившаго искаженные и неустановившіяся критическія попытки Аристотеля столь же непогрѣшимыми, какъ элементы Евклида, благодаря чему они сдѣлались въ настоящее время общимъ мѣстомъ въ исторіи греческой литературы или критики искусства.

§ 575. Напротивъ того, теорія трагедіи обсуждалась въ Германіи за послѣднія двадцать лѣтъ такъ, какъ будто о ней никто и не слыхивалъ до той поры, и въ результатъ оказалось, что все, что нѣкогда было довольно ясно, стало почти совершенно непонятнымъ

³¹⁵⁾ Нѣкоторые изъ нихъ разъяснены искусными опредѣленіями и оговорками критиковъ, въ чемъ читатель можетъ убѣдиться, справившись съ примѣчаніями Суземира къ его изданію. Другія недоумѣнія могутъ быть результатомъ лишь нашего непониманія. Такъ Велькеръ первый постигъ смыслъ цитаты изъ Софокла, сравнивающаго себя съ Еврипидомъ. Онъ не хотѣлъ утверждать, что самъ обрисовывалъ характеры такъ, какъ они должны быть обрисованы, а только какъ изобразилъ бы ихъ трагическій поэтъ, между тѣмъ какъ Еврипидъ списывалъ ихъ съ дѣйствительной или обыденной жизни. Далѣе, когда Аристотель говоритъ, что хоръ долженъ быть дѣйствующимъ лицомъ, необходимой составной частью трагедіи, καὶ συναγωνίζεσθαι μὲν ὥσπερ (παρ') Εὐριπίδῃ ἀλλ' ὥσπερ (παρὶ) Σοφοκλεῖ, и что у прочихъ трагическихъ поэтовъ хоровыя оды совершенно не относятся къ пьесѣ, онъ не хотѣлъ сказать, — какъ нерѣдко передавали его слова переводчики, что хоръ не былъ у Еврипида дѣйствующимъ лицомъ, а только, что онъ былъ не такимъ, какъ слѣдовало ему быть, и что онъ часто игралъ роль сообщника. Я предложилъ бы понять слова Аристотеля μὲν ὥσπερ Εὐριπίδῃ въ такомъ смыслѣ: а все таки не такъ, какъ Еврипидъ. Но есть другія сужденія, которыхъ нельзя защитить никакою здравою и независимую критикю.

³¹⁶⁾ Ср. пред. къ его Don Sanche или La littérature française au XVIIe siècle Поля Альбера (стр. 84 и слѣд.).

и запутаннымъ. Въ подтвержденіе этого я укажу на пренія о трагическомъ очищеніи, находящіяся во введеніи ко второму изданію Суземиля (1874). Безъ преувеличенія можно сказать, что болѣе туманнаго и сложнаго сочиненія трудно найти даже въ нѣмецкой литературѣ. Этотъ новѣйшій результатъ спекулятивнаго мышленія въ приложеніи къ занимающему насъ предмету можетъ быть сравненъ лишь съ той поразительной путаницей, которую мы видимъ по тому же вопросу въ старомъ латинскомъ переводѣ, сдѣланномъ съ арабскаго языка и сообщенномъ Эгжеромъ для курьоза ³¹⁷⁾.

Вотъ это знаменитое опредѣленіе въ его полной формѣ: ἔστιν οὖν τραγωδία μίμησις πράξεως σπουδαίας καὶ τελείας μέγεθος ἐχούσης, ἡδυσμένῳ λόγῳ χωρὶς ἐκάστου τῶν εἰδῶν ἐν τοῖς μορίοις, δρώντων καὶ οὐ δι' ἀπαγγελίας, δι' ἐλέου καὶ φόβου περαίνουσα τὴν τῶν τοιοῦτων παθημάτων κάθαρσιν ³¹⁸⁾. Первая часть періода противопоставляетъ трагедію комедіи, третья—эпической поэзіи и это не нуждается въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ. «Прикрашенная рѣчь», по его собственнымъ словамъ, заключаетъ въ себѣ ритмъ и музыкальность. Далѣе онъ говоритъ,—и эти слова понимаются на многіе лады,—что, по его мнѣнію, различные виды изящной рѣчи должны употребляться въ разныхъ мѣстахъ произведенія, какъ, напримѣръ, ямбическій метръ или лирическіе стихи съ музыкою. Полемическая борьба ведется изъ-за послѣдней части этого положенія. Укажу нѣкоторые изъ наиболѣе интересныхъ подробностей.

Во первыхъ, весьма вѣроятно, что эта теорія Аристотеля предназначалась служить защитой трагедіи противъ нападковъ Платона, коснувшагося въ Федрѣ, 268 С, Филебѣ, 48 А, и Республикѣ, X 604, того же предмета и порицавшаго трагедію, какъ мимическое изображеніе страсти, слѣдовательно, какъ нѣчто нравственно вредное для уравновѣшенныхъ умовъ. Изобиліе состраданія, по его мнѣнію, ослабляетъ, изиѣживаетъ человѣка. То же возраженіе и по тому же поводу дѣлаетъ онъ и противъ эпической поэзіи, принимающей драматическую форму. Противъ этой критики Аристотель возражаетъ не прямымъ заявленіемъ нравственной пользы трагедіи, какъ это утверждали Лессингъ и другіе, не разсмотрѣніемъ испытаній дѣйствующихъ лицъ и ихъ очищенія, какъ средствъ для нравственнаго воспитанія зрителей, а указаніемъ на эстетическія цѣли (на чемъ настаивалъ и Гете). Аристотель находитъ, что человѣческія удовольствія и горести, независимо отъ ихъ нрав-

³¹⁷⁾ Histoire de la crit., стр. 427; см. объясненіе этого мѣста въ комментаріяхъ, приложенныхъ къ этому сочиненію.

³¹⁸⁾ Гл. 6, § 2.

ственной стороны, но не противорѣча ей, нуждаются въ очищеніи и облагораженіи; подобно тому, какъ мы развиваемъ свой вкусъ созерцаніемъ идеальныхъ картинъ и изученіемъ поразительно красивыхъ мѣстностей, такъ и чувства состраданія и страха простыхъ гражданъ могутъ быть очищены, если ихъ обратить на болѣе высокіе и благородные предметы. Что подобное эстетическое развитіе поведетъ къ хорошимъ нравственнымъ результатамъ—досто-вѣрно, но они не включались Аристотелемъ въ его теорію. Вслѣдствіе этого онъ говоритъ объ очищеніи τῶν τοιοῦτων παθῶν, т. е. не тѣхъ же самыхъ чувствъ, даже не разнѣющихся съ ними, но низшихъ видовъ ужаса и жалости и, быть можетъ, другихъ подобныхъ же ощущеній ³¹⁹⁾, очищаемыхъ въ виду проявленія чувствъ въ сшаго порядка.

Я предоставляю нѣмецкимъ ученымъ и тѣмъ, кто имѣетъ время и терпѣніе изучить написанныя ими восемьдесятъ сочиненій на эту тему, рѣшить утомительный вопросъ, какъ представлялось слово очищающій уму Аристотеля, хотѣлъ ли онъ употребить его въ смыслѣ медицинскомъ, т. е. сказать, что трагедія была лекарствомъ послабляющаго свойства, слѣдовательно гомеопатическимъ по своему основному принципу, или употреблялъ онъ это слово въ религіозномъ смыслѣ, намекая на леченіе упомѣшательства и чрезмѣрной возбужденности снокойною и ритмическою музыкою, какъ дѣлали тогда въ Греціи, наконецъ, хотѣлъ ли онъ употребить это слово въ обоихъ смыслахъ заразъ, или ни въ одномъ изъ нихъ. Къ числу заслугъ Э. Мюллера и Бернайса надо отнести и то, что они первые сопоставили эту теорію съ параллельнымъ мѣстомъ въ Политикѣ ³²⁰⁾, гдѣ эстетическое значеніе слова κάθαρσις вполне ясно и гдѣ его сравниваютъ съ музыкальнымъ леченіемъ, состоящимъ изъ очень возбуждающей игры на флейтѣ для противодѣйствія мрачному возбужденію ума. Исслѣдованія Боница несомнѣнно установили также, что πάθος и πάθημα не отличаются другъ отъ друга по смыслу ³²¹⁾. Весь вопросъ долженъ быть рассмотрѣнъ въ

³¹⁹⁾ Комическій поэтъ Тимоклъ, въ замѣчательномъ отрывкѣ своихъ *Diopysia zusa e* (Мейнеке, III, стр. 592) признаетъ, какъ кажется, главную пользу трагедіи въ ея нравственныхъ цѣляхъ. Отрывокъ этотъ заключаетъ въ себѣ превосходное изложеніе обще-принятой теоріи, которой не противорѣчитъ болѣе тонный взглядъ Аристотеля, хотя между ними надо дѣлать тщательное различіе.

³²⁰⁾ VIII, стр. 1341.

³²¹⁾ Index Arist. sub. vocc. Родительный падежъ множественнаго числа перваго слова рѣдко встрѣчается у Аристотеля, а единственное число послѣдняго, повидимому, совсѣмъ имъ не примѣнялось, такъ что различіе это зависитъ исключительно отъ случайнаго употребленія.

связи съ аристотелевой теоріею объ умномъ и утонченномъ досугѣ (διδυμῶν), какъ конечной цѣли жизни человѣка. Въ этомъ заключается блаженство боговъ, чье созерцаніе не имѣетъ ничего общаго съ трудомъ, а является наслажденіемъ, полнымъ знаніемъ и полнымъ досугомъ. Въ этомъ же состоитъ и счастье развитого человѣка, чьи свободные часы не должны быть посвящены размышленію о мелкихъ заботахъ, или растрачиваться на ничтожныя симпатіи, а должны быть обращены на созерцаніе идеальныхъ поступковъ человѣка—не всегда идеально-добрыхъ, но идеальныхъ по своему величію, достоинству и всеобъемлющей важности, служа отраженіемъ тѣхъ законовъ, которыми управляется міръ.

§ 576. Послѣ этого опредѣленія трагедія Аристотель переходитъ къ разсмотрѣнію различныхъ чертъ или составныхъ частей, изъ которыхъ она складывается, и различаетъ ихъ шесть: завязку, характеристику, διάνοια⁵²²⁾, потомъ слогъ, музыкальный отдѣлъ и наконецъ театральную постановку. Изъ этихъ различныхъ стихій онъ основательно считаетъ завязку самой существенной и указываетъ на то, что въ послѣднее время трагическіе писатели имѣли успѣхъ, благодаря заботѣ объ одной лишь этой сторонѣ піесы, вовсе минуя характеристику. Онъ дѣлаетъ подробный и весьма цѣнный разборъ различныхъ видовъ завязки, какъ простыхъ, такъ и сложныхъ, и свойственныхъ имъ приѣмовъ, въ родѣ, на примѣръ, изображенія катастрофы или сцены узнаванія; наконецъ изучаетъ предѣлы, свойственные имъ въ противоположность эпическимъ завязкамъ. Далѣе онъ даетъ трагическимъ поэтамъ практическія указанія относительно построенія завязки⁵²³⁾. Врядъ ли нужно прибавить, что первое и важнѣйшее правило заключается въ томъ, чтобы поэтъ ясно и живо задумалъ свои характеры, такъ чтобы они стояли передъ нимъ, какъ живые; только этимъ путемъ, говоритъ намъ проницательный критикъ, могутъ быть избѣгнуты непослѣдовательности и ошибки. Обрисовку характеровъ онъ разсматриваетъ въ XV главѣ, и здѣсь является уже менѣе поучительнымъ. Болѣе подробное разсмотрѣніе διάνοια, повидимому, потеряно⁵²⁴⁾, такъ какъ ссылки Аристотеля на риторику имѣютъ слишкомъ общую форму, чтобы быть удовлетворительными. Первая часть отдѣла объ

⁵²²⁾ Кажется, что подъ этимъ онъ понималъ идеи или проявленіе разсудочности въ піесѣ. Позднѣйшая школа и по временамъ даже самъ Еврипидъ мало заботились объ обрисовкѣ ἥθη, но обращали много вниманія на блескъ діалога и на разныя риторическія подробности; въ нихъ, основываясь на опредѣленномъ заявленіи въ XIX гл. §§ 1—4, я и вижу διάνοια драматическ. піесы.

⁵²³⁾ Гл. 17—8.

⁵²⁴⁾ 19, I.

изложеніи похожа на элементарную главу грамматики. 21 параграфъ, посвященный высокому слогу, прямо относится къ предмету разсужденія, но отъ испорченности ли текста, отъ поддѣлокъ или, быть можетъ (хотя страшно даже произнести подобное мнѣніе), подъ вліяніемъ холодности и педантизма автора, только этотъ отдѣлъ не касается истинныхъ красотъ и не раскрываетъ передъ нами настоящихъ тайнъ поэтического языка. Это самый крупный недостатокъ Риторики и Поэтики, котораго не могутъ искупить мѣткія и умныя замѣчанія. Кажется, будто авторъ извѣрился въ гениальность и былъ готовъ приписать художественный успѣхъ здравому и точному методу. На сколько вѣрише и утонченіе изслѣдованіе Лонгина о Высокомъ!

Остальная часть этого произведенія, кромѣ странной и, быть можетъ, поддѣльной двадцать-пятой главы о возраженіяхъ, дѣлаемыхъ драматическими авторами на критику ихъ произведеній, посвящена эпической поэзіи и главнымъ образомъ ея драматической сторонѣ. Эта часть труда испорчена чрезмернымъ благоговѣніемъ передъ Гомеромъ, какъ творцомъ Илиады и Одиссеи, и склонностью считать его совершенствомъ во всѣхъ отношеніяхъ; въ виду какихъ либо явныхъ погрѣшностей (какъ бываетъ и съ нашей Библіей) вся задача критика сводилась къ тому, чтобы защитить и объяснить причины, почему вдохновенный поэтъ поступилъ извѣстнымъ образомъ. Это чрезмерное поклоненіе Гомеру и полное пренебреженіе къ трагедіямъ Эсхила и великихъ лирическихъ поэтовъ составляютъ по истинѣ крупный недостатокъ труда Аристотеля³²⁵). Мы имѣемъ, кромѣ того, основаніе подозрѣвать, на основаніи общаго тона книги и немногихъ дошедшихъ до насъ отрывковъ ея, посвященныхъ изученію комедіи, что Аристофанъ и все величественное проявленіе политической комедіи въ эпоху Перикла были отстранены Аристотелемъ и въ его оцѣнкѣ уступили мѣсто комедіи характеровъ Кратина и новѣйшей школы. Если его опредѣленіе комедіи дѣйствительно соотвѣтствовало его взглядамъ на трагедію, если поэзія, въ особенности драматическая, представляла, по его мнѣнію, для обрисовки общихъ свойствъ человѣческой природы болѣе философскихъ элементовъ, чѣмъ исторія, то такъ именно и долженъ онъ былъ поступить.

Идеаломъ поэта казался ему Софоклъ, а идеальной пьесой — Эдипъ-царь; однако онъ страннымъ образомъ избѣгалъ всякихъ разсужденій о значеніи судьбы въ греческихъ трагедіяхъ, особенно

³²⁵) Другіе недостатки и пропуски, кромѣ вышеуказанныхъ, приведены Эггеромъ въ его умномъ разборѣ этой книги (Hist. de la Critique, стр. 200 и слѣд.).

назойливо бросающемся въ глаза именно въ этой пьесѣ. Въ самомъ дѣлѣ, главный интересъ греческой трагедіи, въ особенности въ томъ видѣ, въ какомъ онъ проявляется у Эсхила,—именно столкновеніе между свободою и достоинствомъ человѣка съ одной стороны и проклятіемъ, переходящимъ по наслѣдству изъ рода въ родъ, составляетъ трагическую черту, повидимому, незамѣченную Аристотелемъ. Онъ часто говоритъ объ Еврипидѣ съ похвалою, иногда и съ осужденіемъ, —насколько, конечно, мы можемъ довѣриться нашему тексту. Изъ всѣхъ пьесъ этого писателя всего чаще хвалитъ онъ Таврическую Ифигенію; но, когда онъ укоряетъ Ифигенію въ Авлидѣ въ непослѣдовательности плана, мы принуждены вмѣстѣ со всѣми хорошими критиками, начиная съ Шиллера, или упрекнуть Аристотеля въ критической неспособности, или отвергнуть эту фразу, какъ вставку, сдѣланную въ позднѣйшее время. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ утверждаетъ, что Эмпедоклъ былъ поэтомъ только по части метра, а въ другомъ указываетъ на него именно ради его поэтического слога. Но каждая глава этого изслѣдованія даетъ столько поводовъ къ разъясненіямъ или критикѣ, что я не отваживаюсь идти далѣе по этому направленію.

§ 577. Изслѣдователь, желающій примѣнить теорію Аристотеля къ новѣйшей поэтикѣ, будетъ вынужденъ принять въ соображеніе многія важныя измѣненія, происшедшія въ драмѣ, на которыя я укажу въ нѣсколькихъ словахъ. Греческая трагедія, отличавшаяся, главнымъ образомъ, религіознымъ характеромъ, приняла подъ перомъ ея величайшихъ представителей такую серьезную форму, что едва ли возможно было допустить вставки въ нее юмористическихъ или низменныхъ сценъ. Аристотель даетъ намъ, правда, понять въ своемъ очеркѣ ея исторіи, что первоначально было иначе, что дѣло началось съ сатирическихъ представленій, комическая сторона которыхъ, изгнанная въ послѣдствіи изъ трагедіи, сохранилась въ сатирической заключительной пьесѣ. Эта рознь преувеличена была французскою школою семнадцатаго столѣтія, которая гораздо тщательнѣе избѣгала изображенія низшихъ сторонъ человѣческой природы, чѣмъ болѣе безыскусственные греческіе художники. Таково было мнѣніе и Мильтона, но, къ счастью для насъ, Шекспиръ установилъ болѣе широкое пониманіе вопроса, и, начиная съ его времени, комическая или юмористическая стихія допускается въ нашихъ трагедіяхъ и даже прославляется, какъ пріятная противоположность. За этимъ исключеніемъ, основныя правила и указанія Аристотеля такъ вѣрны, что ими должны руководствоваться драматурги всѣхъ временъ.

Мы можемъ даже усилить этотъ приговоръ; въ наше время, когда чтеніе такъ распространено, когда драма уступила мѣсто роману, тра-

гедіи въ прозѣ и комедіи изъ обыденной жизни, безъ декорацій и иллюзій, хорошо бы было, если бы наши писатели изучали законы, установленные греческимъ критикомъ для построенія драматическаго произведенія. Теперь, какъ и тогда, завязка составляетъ самый главный предметъ въ пьесѣ и ни развитіе характеристики, ни мастерство изложенія не можетъ вознаградить за неудачу въ этомъ отношеніи. Послѣдовательность въ дѣйствіяхъ изображаемыхъ лицъ по прежнему можетъ быть достигнута лишь съ помощью пылкаго воображенія, переносящаго автора на мѣсто описываемыхъ имъ характеровъ. Понинѣ придумано весьма немного лишнихъ приемовъ сравнительно съ тѣми, которые объяснялъ Аристотель, называя ихъ ἀναγνώρισις и περὶπέτεια — неожиданнымъ узнаваніемъ дѣйствующаго лица, и катастрофой, соединенной съ потрясающими несчастіями. Эти и другіе, подобные же, аристотелевы законы могутъ скорѣе быть провѣрены въ большихъ романахъ Джорджа Эллиота, чѣмъ въ современной трагедіи. Но, конечно, какъ я уже говорилъ раньше, нашъ романъ занялъ мѣсто не только трагедіи, но и новой комедіи Грековъ; такимъ образомъ, кромѣ юмора, допускаемаго въ нашихъ пьесахъ, мы имѣемъ еще очерки обыденной жизни, домашнихъ сценъ и другихъ подобныхъ предметовъ, пригодныхъ скорѣе для Менандра, чѣмъ для Софокла. Есть также много случаевъ, какъ говоритъ намъ Аристотель, когда простая точность описаній даже низменныхъ предметовъ нравится намъ именно своею вѣрностью.

Исторія измѣняющагося по временамъ вліянія Поэтики на литературу составляетъ сама по себѣ обширный и любопытный предметъ, которымъ было бы легко наполнить цѣлый томъ. Я укажу читателю на введеніе Суземиля къ его изданію, гдѣ встрѣчаются всѣ необходимыя указанія; для ознакомленія съ важной французской передѣлкой этого сочиненія въ семнадцатомъ столѣтіи и ея послѣдствіями читатель долженъ изучить исторію французской классической драмы или *les Tragiques grecs* Патэна. Здѣсь же я сдѣлаю только простой очеркъ этого вопроса.

§ 578. Библіографія. Въ раннюю пору встрѣчается мало намековъ на это сочиненіе, такъ какъ нѣкоторыя мнимыя указанія несомнѣнно относятся къ отдѣльному изслѣдованію о поэтахъ, вышедшему, повидимому, въ трехъ книгахъ. Есть, однако, ясныя слѣды ссылокъ и на дошедшее до насъ сочиненіе, и даже ссылокъ многочисленныхъ, хотя при этомъ не указывается опредѣленныхъ подраздѣленій. Нѣкоторые критики склонны думать, что и въ этомъ сочиненіи было три книги, что въ нашемъ испорченномъ и разрозненномъ текстѣ заключается сущность первыхъ двухъ, между тѣмъ какъ безсвязные отрывки изъ книги того же автора *περὶ χωρῶδους* и нѣкоторые иные указываютъ на существованіе третьей книги, посвя-

щенной комедіи. Но, если наши каталоги аристотелевыхъ сочиненій дѣйствительно заимствованы изъ біографіи Гермиппа, ученика Каллимаха, то это сочиненіе было въ ту пору уже окончено и состояло только изъ двухъ книгъ; есть также много основаній предполагать, что авторы лучшихъ схолій къ трагедіямъ (по всему вѣроятію, Аристофанъ Византійскій) знали о законахъ Поэтики и примѣняли ихъ къ дѣлу.

Затѣмъ въ позднѣйшіе годы мы мало слышимъ объ этомъ сочиненіи, а послѣ шестого вѣка оно кажется совсѣмъ преданнымъ забвенію. Арабы сохранили, правда, нѣкоторыя преданія о немъ и дѣлали попытки его понять, такъ что единственныя свѣдѣнія объ этой книгѣ, до ея напечатанія, получались изъ латинскихъ переводовъ съ арабскаго или еврейскаго. Существовалъ, кажется, переводъ съ греческаго на сирійскій языкъ, а съ него былъ сдѣланъ около 935 г. по Р. Х. весьма тщательный переводъ по арабски Абу-Маскаръ-Матвеемъ, христіаниномъ несторіевой секты. Рукопись эта еще цѣла въ Парижѣ и изъ нея видно, что текстъ Поэтики былъ уже тогда такъ же несовершенъ, какъ и теперь. Два столѣтія спустя Аверроэсъ написалъ сокращеніе этого произведенія, которое перешло къ намъ въ началѣ тринадцатаго вѣка въ латинскомъ переводѣ нѣмецкаго ученаго Германа, и было напечатано въ Венеціи въ 1481 г.—Германъ сообщаетъ, что имѣлъ передъ собою полный арабскій переводъ, но предпочелъ сокращеніе Аверроэса,—въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ весьма забавное произведеніе, такъ какъ этотъ знаменитый человекъ не имѣлъ никакого понятія о томъ, что такое трагедія, вслѣдствіе чего смѣшивалъ ее съ арабскими панегириками въ честь владѣтельныхъ лицъ. Онъ замѣнялъ также аристотелевыя цитаты изъ греческой литературы примѣрами изъ арабской поэзіи. Былъ еще переводъ труда Аверроэса на еврейское раввинское нарѣчіе, а съ него появился въ четырнадцатомъ столѣтіи переводъ на латинскій языкъ.

Латинскій переводъ Л. Валлы (Венеція, 1498) былъ сдѣланъ прямо съ греческой рукописи, но подлинный текстъ сочиненія не вошелъ въ большое изданіе Аристотеля, напечатанное Альдомъ. Впервые появился онъ въ 1568 году въ *Rhetores Graeci* вмѣстѣ съ Риторикою; за этимъ слѣдуютъ Паччи (1535), П. Викторій (Джьунта, 1560) и цѣлое сонмище другихъ. Рукопись, которой придерживались для этихъ изданій, принадлежала къ группѣ многочисленныхъ списковъ пятнадцатаго столѣтія; она же служила основой и для всѣхъ позднѣйшихъ изданій вплоть до настоящаго вѣка, когда, начиная съ Беккера (Бургессъ является въ этомъ случаѣ исключеніемъ), всѣ издатели обратились къ единственной, болѣе древней рукописи, экземпляру одиннадцатаго вѣка, храняще-

муси въ Парижѣ и извѣстному подъ именемъ рукописи А^с. Кромѣ раннихъ латинскихъ переводовъ, есть еще итальянскіе переводы Кастельветро и Пикколомини, сдѣланные въ 1570—2 г. Послѣдній изъ нихъ пользуется большимъ уваженіемъ. Въ слѣдующемъ столѣтіи враги Корнеля издали Аристотеля во французскомъ переводѣ (аббата Геделэна) и основали на немъ свою теорію трехъ единствъ, которую навязали Аристотелю и довели до такой крайности, что въ концѣ концовъ омрачили значеніе Грековъ блескомъ своего мнимаго Аристотеля ⁵²⁶). Это «столкновеніе между древними и новыми писателями» составляетъ важную главу во французской драматической литературѣ, и продолжалось вплоть до дней Вольтера.

Въ наше время даже Нѣмцы признають, что англійскій переводъ Туиннинга (1789) и текстъ съ комментаріями Тирвитта, роскошное изданіе кларендонской печати (Оксф., 1794 г.), составляютъ лучшую основу для научнаго ознакомленія съ этимъ сочиненіемъ. Мы имѣемъ въ настоящее время обиліе превосходныхъ нѣмецкихъ изданій: текстъ Беккера (перепечатанный въ 1873 г.), Риттера и Валена (1867 г.), переводы Штара, Юбервега (1870), Суземиля и массу другихъ. Есть также прекрасные французскіе переводы: Эгжера (*Histoire de la critique etc.*, 1849 г.) и много другихъ, начиная съ этой поры. Мы неизвѣстно ни одно крупное англійское сочиненіе нашего времени объ этомъ предметѣ, кромѣ нѣкоторыхъ замѣтокъ Бэйвотера въ № V Филологическаго журнала; вслѣдствіе этого я вошелъ въ подробности, отличающіяся, быть можетъ, несоразмѣрною полнотою. Читатель найдетъ въ Предисловіи Суземиля, стр. XIX—XXIII, списокъ сочиненій по этому вопросу, далеко не полный, но весьма обширный, и кромѣ того въ различныхъ нѣмецкихъ обзорѣніяхъ указанія на болѣе подробные каталоги.

§ 579. Обратимся теперь къ значительно крупнѣйшему произведенію, болѣе раннему по времени, но не столь ясно относящемуся къ исторіи литературы. Всѣми признано, что Политика Аристотеля является самымъ зрѣлымъ и полнымъ результатомъ политической опытности Грековъ. Основана она на изслѣдованіяхъ, заключающихся въ аристотелевыхъ Конституціяхъ, или въ каталогѣ, перечисляющемъ около 250 политическихъ учреждений; дошедшіе до насъ многочисленныя драгоцѣнныя отрывки этой книги заставляютъ желать, чтобы она сохранилась вполне, хотя бы для этого

⁵²⁶) Понятно, что Аристотель всюду настаиваетъ на единствѣ дѣйствія; одинъ разъ только случайно упоминаетъ онъ о единствѣ времени (У. § 4), въ противоположность свободѣ эпической поэзіи; о единствѣ же мѣста онъ положительно молчитъ.

мы должны были пожертвовать дошедшимъ до насъ сочиненіемъ о теоріи политики. Въ этой формѣ, главнымъ образомъ, задумано по своеобразному методу Аристотеля настоящее сочиненіе, основанное на дѣйствительномъ опытѣ и на критическомъ отношеніи къ предшествующимъ теоретикамъ. Для историка, и для всѣхъ, кто изучаетъ греческую политику и греческое общество, книга эта, несмотря на ея искаженія и несовершенства, составляетъ неоцѣнимое сокровище. Ее едва ли можно назвать литературнымъ произведеніемъ. Всѣ недостатки небрежной композиціи, быть можетъ, даже небрежнаго диктанта, повторенія сдѣланныхъ уже разъясненій, безнадѣжная сжатость, съ которыми мы встрѣчаемся въ другихъ сочиненіяхъ Аристотеля, въ этомъ случаѣ также открываютъ широкій просторъ для безконечно развивающейся критики. Укажу на наиболѣе интересныя для зауряднаго читателя частности.

Первая книга, послѣ введенія, показывающаго, что государство является естественнымъ и необходимымъ результатомъ расположенія челоуѣка къ обществу, и болѣе сложнымъ союзомъ, чѣмъ союзъ семейный, переходитъ къ разсмотрѣнію рабства и приобрѣтенія богатства, какъ составныхъ частей домашняго быта, слѣдовательно, какъ чего то входящаго и въ государственный строй. Другими связующими звеньями являются союзы между мужемъ и женой, отцомъ и сыномъ (дочери оставлены безъ вниманія), и братьями; изъ нихъ лишь вторая связь разсмотрѣна въ слѣдующей книгѣ о воспитаніи. Различныя отношенія эти имѣютъ соотвѣтствующую имъ аналогію въ деспотическомъ, аристократическомъ, монархическомъ и тимократическомъ образѣ правленія; это обнаруживается изъ сравненія другихъ мѣстъ съ тѣмъ, что сказано здѣсь ⁵²⁷). Аристотель понималъ отношенія половъ другъ къ другу иначе, чѣмъ Платонъ, такъ какъ думалъ, что умъ женщины отличается отъ ума мужчины не по степени, а по роду; поэтому онъ не считалъ возможнымъ, чтобы онѣ заняли когда либо въ семьѣ иное положеніе, кромѣ положенія свободныхъ, но второстепенныхъ и подчиненныхъ лицъ. Наиболѣе извѣстное мѣсто находится не здѣсь, а въ началѣ девятой книги *Естественной Исторіи*, весьма живомъ отрывкѣ, представляющемъ любопытную смѣсь вѣрныхъ и ложныхъ обобщеній. Я привожу это мѣсто, какъ хорошій образецъ слога Аристотеля ⁵²⁸).

⁵²⁷) Въ особенности въ *Ником. Этикѣ*, VII, 10, 11.

⁵²⁸) Книга IX, гл. I, стр. 608. Изобразивъ различіе между самцами и самками, какъ причину несходства характеровъ животныхъ, Аристотель освѣщаетъ свой доводъ указаніемъ на примѣръ собакъ и говорить, что только у медвѣдей и пантеръ самки мужест-

Гораздо интереснѣе его разсужденія о рабствѣ, такъ какъ изъ нихъ видно, что въ то время уже существовали аболиціонисты, провозглашавшіе рабство явленіемъ неестественнымъ, — мнѣніе, противъ котораго ревностно возстаетъ Аристотель, хотя и дѣлаетъ при этомъ нѣкоторыя важныя уступки, весьма невыгодныя для успѣха его дѣла. Онъ справедливо отрицаетъ несостоятельную доктрину о равенствѣ людей (столь модную въ прошломъ столѣтіи) и положительно стоитъ за низшую степень нѣкоторыхъ расъ. Удивительно однако, что онъ не признавалъ за многими изъ варваровъ, какъ онъ ихъ называетъ, тѣхъ же правъ на господство, что и у Грековъ. Арійскіе вожди, сражавшіеся противъ Грековъ со временъ Кира до эпохи послѣдняго изъ Даріевъ, были аристократы съ блестящими преданіями, обученные, какъ говоритъ Геродотъ, «ѣздить верхомъ, владѣть лукомъ и говорить правду». Карфагеняне выработали себѣ такую превосходную конституцію, что Аристотель скорѣе избралъ ее изъ числа лучшихъ, ему извѣстныхъ, для тщательнаго описанія и объясненія. Тѣмъ не менѣе онъ признавалъ лишь отдѣльныя исключенія и былъ ослѣпленъ національнымъ тщеславіемъ Эллиновъ. Его взглядъ значительно укрѣпился бы, если бы ему были извѣстны такія племена, какъ негритянскія; но если мы допустимъ посылку, что утонченный досугъ незначительнаго меньшинства жителей греческаго города есть высшее состояніе, возможное для человека, то Аристотель будетъ совершенно правъ въ своихъ аргументахъ.

Остальная часть книги посвящена изученію торговли, сущности богатства и указанію того факта, что приобрѣтеніе денегъ заступило съ теченіемъ времени мѣсто наслажденія благами, представителями которыхъ онѣ являются. Здѣсь въ Аристотелѣ еще разъ сказываются предразсудки стариннаго греческаго барича противъ мелочной торговли, и онъ клеймитъ, какъ противоестественное преступленіе, взиманіе процентовъ за деньги. Ложный взглядъ этотъ

веннѣе самцовъ: τοῦτων δ' ἵχνη μὲν τῶν ἡθῶν ἐστὶν ἐν πᾶσιν ὡς εἰπεῖν, μᾶλλον δὲ φανερώτερα ἐν τοῖς ἔχουσιν· μᾶλλον ἥθος καὶ μάλιστα ἐν ἀνθρώποις· τοῦτο γὰρ ἔχει τὴν φύσιν ἀποτελεσμένην, ὥστε καὶ ταύτας τὰς ἔξεις εἶναι φανερώτερας ἐν αὐτοῖς. διόπερ γυνὴ ἀνδρὸς ἐλεημονέστερον καὶ ἀρίσταχρὸ μᾶλλον, ἔτι δὲ φανερώτερόν τε καὶ μεμψιμοιρότερον, καὶ φιλολοιδόρον μᾶλλον καὶ πληκτικώτερον. ἐστὶ δὲ καὶ δύσθιμον μᾶλλον τὸ θῆλυ τοῦ ἀρρενος καὶ δύσελπι, καὶ ἀναιδέστερον καὶ ψευδέστερον, εὐαπατητότερον δὲ καὶ μνημονικώτερον, ἔτι δὲ ἀγρυπνότερον καὶ ὀνηρτέρον, καὶ ὅλως ἀκίνητότερον τὸ θῆλυ τοῦ ἀρρενος, καὶ τροφῆς ἐλάττωτός ἐστιν. βοθητικώτερον δὲ, ὥσπερ ἐλέχθη, καὶ ἀνδρειότερον τὸ ἀρρεν τοῦ θήλεος ἐστίν, ἐπεὶ καὶ ἐν τοῖς μαλακίοις, ὅταν τῷ τριβῶντι πληγῇ ἢ σπία, ὁ μὲν ἀρρην βοηθεῖ τῇ ἡλείᾳ, ἡ δὲ θήλεια φεύγει τοῦ ἀρρενος πληγέντος.

проникъ далеко въ глубь среднихъ вѣковъ, въ то время какъ право грабить потонувшія суда считалось законнымъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ Аристотель утверждалъ, что война и набѣги пиратовъ съ цѣлью захвата невольниковъ у народовъ, предназначенныхъ для рабства (хотя сами они этого и не признають), вполне справедливы.

§ 580. Вторая книга, посвященная обзору наиболѣе извѣстныхъ государственныхъ формъ, либо дѣйствительно существующихъ, либо созданныхъ теоретиками, не увеличиваетъ, по моему мнѣнію, нашего уваженія къ знаменитому критику. Теоретическіе замыслы поставлены на одинъ уровень съ дѣйствительно существовавшими и благодеествовавшими политическими учрежденіями, что совершенно несостоятельно; къ тому же ошибки и неудачи послѣднихъ, случившіяся въ теченіе ряда вѣковъ, приписываются отсутствію предусмотрительности у ихъ творцовъ, какъ будто законодатель можетъ предусмотрѣть столь отдаленныя послѣдствія. Идеальныя государства Платона (или Сократа, какъ постоянно говоритъ Аристотель), Гипподама и Фалея разсмотрѣны критически, въ особенности первое очень подробно, но съ большими софизмами и весьма незначительными усиліями понять или оцѣнить безсмертную Республику. Суземиль³²⁹⁾ утверждаетъ, что въ то время, какъ опроверженіе крайняго социализма семейныхъ отношеній въ Республикѣ выполнено очень подробно и удачно, критика Законовъ, изображавшихъ государственный строй, схожій по существу съ собственнымъ идеаломъ Аристотеля, мелочна и полна софизмовъ. Суземиль сѣтуетъ на то, что критики не обратили достаточно вниманія на эту противоположность. Но я не могу допустить, чтобы разборъ платоновой Республики, въ которомъ брачныя законы Платона выдаются за общность (κοινωνία) женщинъ, уничтожающую всякое самообладаніе и цѣлсмудріе, могъ быть названъ иначе, какъ грубымъ пасквилемъ, и что онъ недостоинъ считаться только опроверженіемъ чужой теоріи.

За этимъ слѣдуетъ рядъ весьма цѣнныхъ очерковъ лакедемонской, критской и кареагенской конституцій. Послѣдняя глава похожа на поддѣльное добавленіе, въ которомъ разсматривается дѣятельность Солона и другихъ законодателей. Быть можетъ, Аристотель дѣйствительно разбиралъ законы Солона, но, конечно, не въ томъ краткомъ и скупомъ очеркѣ, который нынѣ находится въ текстѣ. Весьма возможно, что пробѣлъ въ этомъ мѣстѣ былъ рано замѣченъ и утраченныя разсужденія о Солонѣ замѣнены настоящею главою.

Третья книга касается догматической или положительной стороны

схемы; прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію наилучшихъ условій политическаго строя, въ ней дѣлается разборъ того, что такое собственно государство или общественный организмъ. Государство опредѣляется его гражданами, которые подаютъ голоса и вѣдаютъ судъ. Аристотель хочетъ точнѣе изобразить идею о гражданинѣ и показать, представляетъ ли его *αρετή* тоже, что подъ этимъ понимаютъ и всѣ люди. Тождественны ли хорошій человекъ и хорошій гражданинъ? Не всегда, доказываетъ Аристотель, но настолько часто въ лучшемъ или идеальномъ государствѣ, что хорошій гражданинъ, по теоріи Аристотеля, долженъ быть досужимъ баричемъ, свободнымъ отъ всякихъ низкихъ занятій или торговыхъ заботъ. Затѣмъ онъ опредѣляетъ ³³⁰⁾ различные виды учреждений на основаніи господствующей въ нихъ власти—монархической, аристократической и демократической, съ ихъ подраздѣленіями и извратившимися формами. Въ девятой главѣ онъ разсматриваетъ индивидуальныя формы, а въ остальной части книги монархическій строй и естественныя причины, его оправдывающія. По всему вѣроятію, имѣя въ виду поразительную личность Александра ³³¹⁾, онъ высказалъ убѣжденіе, что бываютъ исключительные случаи, когда достоинства одного лица въ государствѣ настолько выдаются передъ другими, что всѣ согласны и обязаны повиноваться ему. Обыкновенно же наибольшая мудрость кроется въ союзѣ нѣсколькихъ из-

³³⁰⁾ Гл. 4—5.

³³¹⁾ Ссылка эта энергически опровергается Суземилемъ (Введ., стр. 42—3) и другими на томъ основаніи, что Аристотель никогда не имѣлъ въ виду такой державы, какъ македонская, а исключительно только небольшое эллинское государство, съ его тѣсными границами и чисто-эллинскими гражданами. Критики упускаютъ изъ виду, что Аристотель былъ, быть можетъ, до такой степени пораженъ Александромъ, какъ сильной натурой, что могъ считать справедливымъ сдѣлать такого царя повелителемъ даже надъ эллинскимъ или идеальнымъ государствомъ, хотя Александръ въ дѣйствительности слѣдовалъ совсѣмъ иной системѣ. Я не сомнѣваюсь въ вѣрности указанного намека, хотя и не нахожу, подобно Огвену, македонифильскихъ иллюзій во всемъ сочиненіи. Если этотъ вопросъ сомнителенъ, то что же сказать о странномъ заявленіи Аристотеля (стр. 1296, 38) по поводу умѣренной демократіи, руководимой среднимъ сословіемъ, что «изъ всѣхъ людей, нѣкогда достигнувшихъ могущества, лишь одного человека склонили возстановить эту форму правленія (*εἰς γὰρ ἀνὴρ συνεπέσιον μῦθος τὸν προτέρων ἐφ' ἡγεμονία γενομένην ταύτην ἀποδοῦναι τῇ ταύτῃ*), въ то время какъ всѣ остальные создавали демократіи или олигархіи для своихъ личныхъ выгодъ? Кто былъ этимъ замѣчательнымъ лицомъ? Подлинность текста въ этомъ случаѣ кажется неоспоримою. Указывали на Перикла, Эпаминонда, Солона, Питтака. Отъ себя я прибавлю еще Мардонія, подозрѣвая, что слово *Μήδων* исчезло (вслѣдъ за *γενομένην*) и что Аристотель имѣлъ, быть можетъ, въ виду показаніе Геродота (VI. 43), сообщающаго, что Мардоній установилъ народное правленіе въ азіатскихъ городахъ,—дѣло невѣроятное по тому времени. Но гораздо правдоподобнѣе, что рѣчь шла о Питтакѣ.

бранныхъ лицъ или въ организованной аристократіи, которая должна, слѣдовательно, считаться лучшею или идеальною формою правленія.

§ 581. Все это Аристотель обсуждаетъ долго и весьма подробно въ слѣдующихъ двухъ книгахъ, которыя помѣщены въ концѣ нашихъ рукописей, но, по общему признанію, находятся тоже не на своемъ мѣстѣ, и во всѣхъ хорошихъ изданіяхъ печатаются теперь въ видѣ четвертой и пятой книгъ. Первые три главы заключаютъ въ себѣ несомнѣнно принадлежащее Аристотелю, но едва ли относящееся прямо къ дѣлу изслѣдованіе о томъ, въ чемъ именно заключается наиболѣе желательныя для государства условія существованія, и вопросъ этотъ рѣшается на основаніи весьма сомнительной аналогіи съ отдѣльной личностью. Споръ о томъ, кто является самымъ совершеннымъ человекомъ и ведетъ наиболѣе совершенную жизнь, философъ ли, стоящій въ сторонѣ отъ общественныхъ дѣлъ, или политикъ, руководящій ими, былъ дѣломъ, весьма обыкновеннымъ со временъ Платона. Въ другомъ мѣстѣ Аристотель прямо стоитъ за *νεωρητικός βίος*, за жизнь, полную умственной дѣятельности, всего болѣе приближающуюся къ жизни боговъ. Въ настоящемъ случаѣ онъ ограничивается заявленіемъ, что такъ какъ счастье, слагающееся изъ трехъ частей, именно изъ умственныхъ, физическихъ и имущественныхъ благъ, зависитъ главнымъ образомъ, отъ перваго изъ нихъ, то большинство людей, прославляющихъ жизнь политическихъ дѣятелей на основаніи корыстолюбивыхъ или честолюбивыхъ побужденій, дѣлаютъ большой промахъ. Жизнь истинно-честнаго политическаго человека не состоитъ изъ несправедливаго возвеличенія; съ другой стороны, она не лишена и нѣкоторой спекулятивной стороны. Точно также и жизнь философа полна своего рода благородной дѣятельности. И такъ, оба вида существованія не исключаютъ взаимно другъ друга, и государство не обязано жить только для внѣшнихъ завоеваній или царственныхъ замысловъ, но съ такимъ же достоинствомъ и успѣхомъ можетъ посвятить себя благосостоянію собственныхъ гражданъ.

Продолженіе даже подобнаго сжатаго разбора завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Описаніе внѣшняго и внутренняго строя аристотелева государства, къ несчастію, сохранилось не вполнѣ. Тѣмъ не менѣе, отрывочная пятая книга о воспитаніи гражданъ такъ интересна, что я надѣюсь подробно рассмотреть ее въ другой разъ, въ связи съ вопросомъ о греческомъ образованіи. Вслѣдъ за тѣмъ философъ переходитъ къ существующимъ политическимъ формамъ и рассматриваетъ ихъ отношенія къ его идеальному государству, условія ихъ преуспѣянія и, въ заключеніе, причины ихъ упадка и различныхъ средствъ для его предупрежденія. Наибольшее практи-

ческое значеніе имѣть разборъ патологіи государственнаго строя, занимающій послѣднюю книгу (по старому счету); вслѣдствіе этого его-то всего болѣе и изучали государственные люди и политическіе писатели. Если бы Макіавелли окончилъ свою Республику, задуманную имъ по плану его *Principe*, мы имѣли бы новѣйшее сочиненіе, весьма похожее на созданіе Аристотеля.

§ 582. Многіе издатели, не удовлетворяясь, какъ я говорилъ уже раньше, перемѣщеніемъ послѣднихъ книгъ въ рукописяхъ, переставляютъ и предшествующія имъ, такъ что весь порядокъ рукописи измѣненъ слѣдующимъ образомъ: I, II, III, VII, VIII, IV, VI, V. Помѣщеніе VII и VIII книгъ немедленно вслѣдъ за III было впервые предложено Николаемъ д'Оремомъ (въ 1370 г.), вслѣдъ за нимъ многими изъ наиболѣе раннихъ комментаторовъ, въ родѣ П. Викторія, Сеньи, и Скаино да Сало въ шестнадцатомъ вѣкѣ и Конринга въ семнадцатомъ; съ тѣхъ поръ объ этомъ не было болѣе рѣчи до того времени, когда Сентъ-Илеръ и Шпенгель снова вернулись къ разбираемому здѣсь вопросу³³²). Гильдебрандъ полагаетъ, что Аристотель отсрочилъ болѣе подробное описаніе своего идеальнаго государства до того времени, когда напишетъ свой историческій обзоръ, вслѣдствіе чего онъ и остался недоѣланнымъ и былъ найденъ въ концѣ рукописи при открытіи книгъ Аристотеля въ Скеписѣ. Это объяснило бы размѣщеніе и настоящее состояніе книгъ въ нашихъ рукописяхъ. Перестановка V и VI книгъ была предложена только въ текущемъ столѣтіи Сентъ-Илеромъ, котораго поддержалъ Шпенгель. Но эта перемѣна не такъ настоятельно необходима, какъ первая. Однако она въ наше время вошла въ такое общее употребленіе, что старую нумерацію книгъ пора бы оставить, какъ поводъ къ бесполезной путаницѣ.

§ 583. Трезвый пересмотръ этого сочиненія преисполняетъ насъ, съ одной стороны, искреннимъ восторгомъ, съ другой—разочарованіемъ. Взглянемъ сперва на послѣднее. Не стану настаивать на вопросѣ о запутанности, часто происходящей отъ пристрастія Аристотеля къ логическимъ подраздѣленіямъ, и въ особенности на неопредѣленной роли умѣренной демократіи (*πολιτεία*) и аристократіи въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу и къ его идеальному государству. Не стану также впадать въ повторенія относительно недостатковъ слога и многихъ трудностей, вкравшихся въ текстъ благодаря происшедшимъ въ немъ перестановкамъ и искаженіямъ. Насъ гораздо болѣе удивляетъ узкое эллинофильство Аристотеля,

³³²) Ср. интересный разборъ Онгена. *Staatslehre des A.*, I, стр. 85 и слѣд.

не почерпнувшего ничего из современной истории, из собственного знакомства с иноземной политикой, из своего пребывания у многих иностранных дворов, следовательно, ничего также и из неопределенных, но величественных разглагольствий Исократы и его школы о распространении эллинской культуры за пределы греческой расы. По понятиям Аристотеля, одни только Греки были достойны свободы и власти; все же чужеземцы больше или меньше предназначались для рабства. Исследования, предпринятые им для изучения его 260 *политей*, должны были поставить его лицом к лицу с возникающим могуществом Рима, а между тем едва ли можно сомневаться в том, что Римляне были или могли бы быть включены им в категорию рабствующих варваров. Карфагеняне занимают его весьма долго своим строем, но и в них он не хочет признать сильного племени, пригодного для власти.

В связи с этим взглядом на рабство, как на что-то естественное и необходимое для большей части вселенной, проявляется презрение к труду, прославление досуга и нерасположение к приобретению денег, составлявшие главный недостаток всех греческих политиков. А между тем, в дни Аристотеля существовали не только логические мыслители, утверждавшие противоположность и безразличность рабства по самому существу своему, но и демократические теоретики, в роду Гипподама и софиста Ликофрона, которые приближались к новейшим понятиям о государстве, как о власти, предназначенной для охранения граждан посредством законов от взаимных оскорблений и угнетения, предоставляя им право заниматься своими личными интересами, не преследуя их всю жизнь воспитательными попытками или назойливым вмешательством в их частные дела. Но в этом случае влияние Платона было слишком сильно. Правда, ученик расходился с ним во многих подробностях. Он не хотел усвоить себе грандиозного представления о том, что земная жизнь даже высших представителей идеального государства есть ничто иное, как приготовление к более чистому и высокому загробному существованию. Аристотель смотрит на земное царство, как на конечную цель. Тем не менее он вынужден допустить, что жизнь, полная отвлеченного созерцания, в стороне от всяких практических занятий,—лучшая, всего более приближающаяся к жизни богов. Он осуждает у Платона чрезмерное вмешательство в брачные дела, как оно обнаружилось в Республике; однако его личные взгляды мало отличаются от взглядов автора Законов, и он допускает в своем государстве наиболее предосудительное из указанных Платоном прав, именно, право производить выкидыш. То же самое видим мы и в других

случаяхъ. Онъ противорѣчитъ Платону лишь въ весьма немногихъ подробностяхъ, и то скорѣе расходится съ нимъ въ качественномъ отношеніи, чѣмъ по основнымъ воззрѣніямъ.

Съ другой стороны, мнѣ кажется, благодаря болѣе безпристрастному изученію исторіи, вліяніе аѳинской демократіи сказалось гораздо сильнѣе у этого аристократическаго теоретика, чѣмъ у Платона. Онъ вполне цѣнитъ во всѣхъ конституціонныхъ учрежденіяхъ того времени преобладающее значеніе сильнаго средняго сословія и энергически защищаетъ превосходство незыблемаго кодекса установленныхъ законовъ надъ измѣчивыми декретами и рѣшеніями судовъ и собраній. Самою сильною и, несомнѣнно, безсмертною частью его книги является обзоръ не только различныхъ формъ существующихъ политическихъ учрежденій, но и причинъ ихъ сохраненія или упадка; обзоръ этотъ онъ повсюду подтверждаетъ историческими примѣрами, къ несчастію слишкомъ мелочными, для того чтобы можно было ихъ теперь провѣрить. Несомнѣнно однако, что въ этомъ случаѣ онъ возводилъ свое зданіе на такой здоровой философской основѣ и на такомъ широкомъ, разнообразномъ политическомъ опытѣ, что его поученія объ усиленіи и упадкѣ правительствъ никогда не устарѣютъ, а постоянно находятъ новыя подтвержденія, пока человѣческая природа останется неизмѣнною.

§ 584. Политика Аристотеля, повидимому, не возбуждала никакого вниманія въ древности. Молчаніе авторитетовъ служить новымъ подтвержденіемъ разсказа о томъ, какъ сочиненія философа были въ Скепсисѣ спрятаны въ погребѣ, найдены и обнародованы Апелликономъ Теосскимъ въ дни Силлы. Разсказъ этотъ можетъ, конечно, быть опровергнутъ относительно чисто-философскихъ сочиненій Аристотеля, но весьма возможно, что этотъ неоконченный, слѣдовательно, неизданный отрывокъ величественнаго произведенія могъ быть совершенно кстати сокрытъ судьбою отъ поколѣнія людей, утратившихъ способность извлечь изъ него пользу. Сочиненіе это упоминается у Цицерона⁵³³⁾, но всѣ остальные древніе писатели, занимавшіеся изученіемъ платоновой Республики, молчатъ о критикѣ Аристотеля и его теоріяхъ государства. Такимъ образомъ Политика не перешла къ Арабамъ при извѣстномъ намъ посредствѣ несторіанъ.

Библіографія. Самымъ раннимъ авторитетомъ нашимъ для этого текста является варварскій, но весьма близкій переводъ Вильгельма де Мербеке (брабантскаго доминиканца), сдѣланный въ 1270 г. по Р. Х. съ рукописи болѣе древней, чѣмъ наша. Къ этому пере-

⁵³³⁾ De Fin., V., 4, 11 и въ другихъ мѣстахъ.

воду составили комментаріи, хотя и съ обыкновенною политическою неясностью своего времени, Тома Аквинскій и Альбертъ Великій. Нѣтъ ни одной греческой рукописи древнѣе четырнадцатаго столѣтія; большинство же изъ нихъ принадлежитъ пятнадцатому вѣку. Всѣ онѣ искажены и ни одна не имѣетъ большой цѣнности. Всѣхъ лучше, быть можетъ, миланскій кодексъ (въ Амбросіанской библіотекѣ). Переведена была Политика на французскій языкъ съ гораздо большимъ критическимъ тактомъ Николаемъ д'Оремомъ въ 1373 году (напечатана въ Парижѣ въ 1489 году). Послѣ другого латинскаго перевода Ліонардо Аретино (1398) сочиненіе это появилось въ печати въ большомъ Аристотелѣ Альда (1495—8 г.). Въ слѣдующемъ столѣтіи—въ эпоху республикъ, тираній, революцій и партій въ Италіи — появилось множество переводовъ и изданій (Онкенъ насчитываетъ ихъ двадцать пять). Въ *Principe* Макіавелли мы видимъ слѣды близкаго изученія послѣднихъ двухъ книгъ, а часто даже подражаніе имъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что Итальянцы того времени всего болѣе приближались въ политикѣ и искусствѣ къ древнимъ Грекамъ. Главное и старѣйшее изданіе нашего столѣтія принадлежитъ Шнейдеру; новѣйшимъ и лучшимъ считалось изданіе Беккера (большое берлинское изданіе) вплоть до появленія тщательно пересмотрѣннаго текста и комментаріевъ Суземиля, обстоятельно взвѣсившаго всѣ рукописи и другія ученыя пособія. Съ той поры Суземиль выпустилъ въ свѣтъ текстъ съ нѣмецкимъ переводомъ и очень хорошими примѣчаніями (Лейпцигъ, 1879 г.); это—наиболѣе полезное изданіе въ настоящее время, хотя переводъ значительно уступаетъ переводу трехъ книгъ, сдѣланному Бернайсомъ, и постоянная перестановка отдѣльныхъ небольшихъ періодовъ (хотя и тщательно помѣченныхъ) весьма неудобна при справкахъ. Въ Англіи мы имѣемъ изданія Итона и Конгрива, оба значительно уступающія вышеназваннымъ, и комментаріи къ отдѣльнымъ частямъ книги, Гейтланда, Броутона и Постгета. Предстоитъ еще изданіе, давно обѣщанное Ньюманомъ изъ Оксфорда. Весьма достойно, однако, сожалѣнія, что въ Англіи нѣтъ до сихъ поръ образцоваго изданія, составленнаго ученымъ, который обладалъ бы такимъ чисто-англійскимъ политическимъ чутьемъ, какъ Гротъ. Къ несчастію, его посмертное изданіе Аристотеля не коснулось Политики. Примѣчанія Суземиля (къ его нѣмецкому изданію) указываютъ читателю массу отдѣльныхъ изслѣдованій въ нѣмецкихъ журналахъ, изъ которыхъ я особенно рекомендую статьи Валена и Бернайса. *Die Staatslehre des Aristoteles* Онкена (Лейпцигъ, 1870 г.) заключаетъ въ себѣ лучший общій разборъ Политики; это весьма краснорѣчивая и привлекательно написанная книга, можно сказать, исключительное явленіе въ нѣмецкой литературѣ,—книга, которую стоило бы перевести, хотя

она по временамъ отличается слишкомъ большою осторожностью, иногда же наоборотъ опрометчивостью; хороши также Etudes Тюрю и Аве. Но новѣйшая литература предмета почти необъятна и можетъ быть оцѣнена при помощи нѣмецкаго предисловія Суземиля³³⁴⁾, или его отчета въ Jahresbericht Бурсіана за 1874 и 1877 года.

§ 585. Мы приблизились наконецъ къ Никомаховой Этикѣ, написанной раньше Политики, и рассматриваемой нами въ обратномъ порядкѣ потому только, что это произведеніе скорѣе относится къ области философіи, до которой намъ прямо дѣла нѣтъ. Я не коснусь критическихъ вопросовъ или этическихъ разсужденій, а обращу вниманіе только на литературныя стороны нѣкоторыхъ частей этого сочиненія, являющихся какимъ-то нарощеніемъ, выходящимъ за его естественные предѣлы. Я говорю объ отдѣльныхъ характеристикахъ въ четвертой книгѣ (служащихъ для освѣщенія доктрины о нравственномъ совершенствѣ, какъ средствъ для достиженія высшей цѣли, и о разсужденіяхъ о дружбѣ въ осьмой и девятой книгѣ. Самымъ своеобразнымъ характеромъ является у автора *μεγαλουργος*, который, при всемъ своемъ величій и достоинствахъ, не вызываетъ въ насъ пріятнаго представленія объ аристотелевыхъ идеалахъ практической жизни. Нѣмецкіе ученые богаты теоретическими предположеніями относительно того лица, которое хотѣлъ изобразить здѣсь Аристотель. Целлеръ думаетъ, что онъ имѣлъ въ виду Александра. Онкенъ полагаетъ, что философъ изображалъ самого себя! Такъ какъ портретъ въ высшей степени не похожъ на то, что намъ извѣстно объ Александрѣ или объ Аристотелѣ, то мы ограничимся бѣглымъ упоминаніемъ объ этихъ предположеніяхъ. Мы недостаточно знакомы съ личностью Перикла, чтобъ утверждать, что именно его имѣлъ въ виду Аристотель, однако это объясненіе, быть можетъ, не такъ невѣроятно, какъ два остальныхъ.

Послѣднее изслѣдованіе не лишено обыкновенныхъ недостатковъ аристотелева слога,—повтореній, вводныхъ замѣчаній и пропусковъ подробностей въ аргументѣ,—однако оно все-таки можетъ заявлять нѣкоторыя притязанія въ стилистическомъ отношеніи и въ высшей степени прославлялось критиками-философами. Всего интереснѣе для насъ было бы выяснить, была ли въ Греціи дружба только тѣмъ, чѣмъ она здѣсь изображена, или же въ выносимомъ нами впечатлѣніи вина одного Аристотеля, который, благодаря своему пристрастію къ опредѣленіямъ и разъясненіямъ,

³³⁴⁾ Стр. XVIII—XXII.

проглядѣлъ настоящую сущность вопроса. Онъ выдѣляетъ три вида дружбы: изъ любви къ добру, изъ взаимнаго удовольствія и изъ выгоды. О всѣхъ трехъ видахъ дѣлаетъ онъ много мѣткихъ и вѣрныхъ замѣчаній. Но, когда онъ говоритъ намъ, что хорошій человѣкъ, любя себя самого и свои собственные достоинства, потому именно любить тѣ же свойства и въ другомъ человѣкѣ; когда онъ допускаетъ возможность настоящей дружбы только между зрѣлыми и сознающими себя людьми, равными или почти равными по общественному положенію, то мнѣ кажется, что онъ сдѣлалъ большой промахъ и былъ введенъ въ заблужденіе духомъ узкаго формализма. Здѣсь не мѣсто для нравственныхъ разсужденій, однако я полагаю, что всякій, изучавшій человеческую природу, согласится со мною, что дружба, хотя и зарождается и развивается подъ вліяніемъ обоюдной доброты и частыхъ сношеній, не зависитъ существенно ни отъ той, ни отъ другой причины, такъ какъ въ томъ же самомъ домѣ и обществѣ часто живутъ превосходные люди, уважающіе другъ друга, но не связанные дружбою. Съ другой стороны, бываютъ натуры низменныя, даже положительно дурныя, но способныя на преданную дружбу, которая остается стойкою и незапятнанною даже среди преступленій, несправедливости и презрѣнія. То, что мы называемъ дружбою въ тѣсномъ смыслѣ слова, независящею отъ сознанія взаимныхъ выгодъ, основано на неуловимой и необъяснимой симпатіи, притягивающей другъ къ другу людей, вопреки всѣмъ препятствіямъ, и часто соединяющей между собою характеры самые неравные; между тѣмъ тѣ личности, которыя какъ бы прямо наталкиваются природою на эту связь, остаются внѣ ея. Въ то время какъ Аристотель хранитъ полное молчаніе объ этой неуловимой причинѣ, самой важной изъ всѣхъ, онъ дѣлаетъ цѣлый рядъ полезныхъ указаній на второстепенныя и мнимыя формы дружбы, къ числу которыхъ я готовъ бы отнести и обоюдное уваженіе, основанное на поклоненіи добру. Во всѣхъ его замѣчаніяхъ чувствуется однако непріятное преобладаніе эгоистическихъ побужденій, какъ отраженіе народа и эпохи, среди которыхъ жилъ Аристотель.

Разсмотрѣнія различныхъ изданій и комментаріевъ къ Этикѣ должно искать въ исторіяхъ философіи.

§ 586. Раставаясь съ Аристотелемъ, будетъ полезно вникнуть въ часто повторяемыя обвиненія, направленные противъ сухости и беспорядочности слога философа. Что касается видимой беспорядочности, то она происходитъ или отъ нестройности мысли, или отъ неправильности нашихъ текстовъ. Въ первомъ случаѣ—это былъ бы крупный недостатокъ. Но справедливость относительно Аристотеля заставляетъ насъ сознаться, что, прокладывая новые пути

въ области мысли, никто не придастъ своему первому наброску что либо похожее на логическую форму, и что если мы желаемъ прослѣдить глубоко-интересный процессъ возникновенія новыхъ истинъ или новой системы, мы должны примириться съ тѣми отступленіями, повтореніями и постоянными уклоненіями за предѣлы даннаго вопроса, которыя замѣчаются въ разсужденіяхъ самыхъ глубокихъ мыслителей ³³⁵). Кромѣ того, имѣя передъ собой такого человѣка, какъ Аристотель, мы можемъ даже радоваться, что онъ не захотѣлъ посвятить свои немногіе годы зрѣлаго труда на отдѣлку слога, вмѣсто того, чтобы оставить намъ громадныя массы непочатого знанія. Эти соображенія послужатъ достаточнымъ извиненіемъ всѣхъ недостатковъ, происшедшихъ отъ неряшливости формы и скопленія мысли въ вѣчно работавшемъ умѣ великаго мыслителя. Дѣло совсѣмъ измѣняется, когда мы касаемся тѣхъ безплодныхъ тонкостей, тѣхъ мелочныхъ подраздѣленій и различій, на которыя даромъ тратятся время и терпѣніе, ни на шагъ не двигая впередъ нашего знанія. Въ этомъ случаѣ мы должны сознаться, что Аристотель былъ сыномъ своего вѣка и племени и не избѣгнулъ той страсти къ преувеличенному мудрствованію, которое составляло отличительный недостатокъ эллинскаго ума. Нетолько греческіе философы, но и поэты и ораторы были подвержены этой слабости; не успѣютъ они подмѣтить какое либо логическое различіе, какъ тотчасъ же съ увлеченіемъ приступаютъ къ дѣленіямъ и подраздѣленіямъ, опредѣленіямъ и разъясненіямъ. Кто не утомлялся этимъ въ божественныхъ діалогахъ Платона? Кого не оскорбляли и не забавляли эти тонкости подъ часъ у Аристотеля? «Ce sont des articles de dictionnaire que le philosophe s'amuse à rédiger chemin faisant». Можно бы почти думать, что Греки его времени все еще находили только что разгаданный механизмъ мышленія такимъ восхитительнымъ, что не могли не показывать его при всякомъ случаѣ, подобно тому, какъ ребенокъ постоянно заводитъ новую механическую игрушку. То же самое видимъ мы у Ѳукидида; то же и у Еврипида, который дѣйствовалъ на своихъ слушателей столько же изображеніемъ столкновений между противоположными аргументами, сколько и изображеніемъ страстей или несчастій. Но у великихъ классическихъ писателей эта преобладающая склонность къ логическимъ ухищреніямъ чередуется съ тѣми

³³⁵) Я не знаю ни одного человѣка, кромѣ Шамполіона, который, дѣлая новое открытіе, излагалъ бы процессъ своего мышленія въ безупречной и изящной формѣ. Этимъ рѣдкимъ достоинствомъ отличается его *Précis du système hiéroglyphique*.

высшими литературными качествами, которыя вызываютъ сочувствіе во всѣхъ образованныхъ людяхъ; вслѣдствіе этого мы примиряемся съ Парменидомъ и Софистомъ ради пагоса Фэдона, богатой фантазіи и юмора Пира, хотя и въ нихъ нѣтъ недостатка въ однообразномъ анализѣ. Аристотель же, въ томъ видѣ, въ какомъ его творенія дошли до насъ, не доставляетъ намъ этого отдохновенія; въ вознагражденіе за сухую схоластику его манеры мы не находимъ ничего, кромѣ глубины мысли и возбуждающихъ умъ выраженій.

§ 587. Такимъ образомъ классическій періодъ греческой литературы завершается, можно сказать, Аристотелемъ. Какъ писатель, онъ стоитъ на перепутьѣ между живыми и мертвыми и, если въ ранніе годы своей жизни онъ обращалъ вниманіе на слогъ, то въ зрѣломъ возрастѣ приносилъ его въ жертву знанію. Съ нимъ и его поколѣніемъ, тѣмъ блестящимъ поколѣніемъ, которое дало намъ высшее краснорѣчіе въ рѣчахъ Демосфена и Гиперида и совершеннѣйшую общественную комедію въ произведеніяхъ Менаандра и Филемона, сила оригинальнаго творчества внезапно изсякаетъ и наступаетъ пора критики. Грамматика, риторика, эклектическая философія — вотъ что процвѣтало въ то время и вмѣстѣ съ второстепеннымъ краснорѣчіемъ и поэзією, наполняетъ серебряный или александрійскій вѣкъ греческой литературы. Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о современныхъ Аристотелю историкахъ, которые, хотя и уступали великимъ мастерамъ, служившимъ имъ образцами, передали однако вкусъ къ историческому изслѣдованію тѣмъ позднѣйшимъ дѣятелямъ, отъ которыхъ перешло къ намъ лучшее и наименѣе эфемерное изъ всего, что дала эта эпоха національнаго упадка. Какъ мы уже видѣли въ первомъ томѣ, поэзія пробуждалась вспышками, въ произведеніяхъ Аполлонія и Теокрита, но мы можемъ благодарить судьбу, избавившую насъ отъ необходимости изучать много произведеній, въ родѣ гимновъ Каллимаха, и Ликофронова Александра.

Въ Римѣ, въ эпоху Возрожденія, и впослѣдствіи въ средневѣковой Италіи, разница между классическою и позднѣйшею литературою мало сознавалась. Подражали Филету и Каллимаху и восторгались ими наряду съ Алкеемъ и Саффо, любили Полибія и Плутарха столько же, какъ Геродота, и Ксенофонта. Нѣтъ сомнѣнія, что мы ударились въ противоположную крайность и слишкомъ пренебрегаемъ истинными достоинствами позднѣйшей литературы, давшей намъ Теокрита и Плутарха. Тѣмъ не менѣе, въ нашъ дѣловой и усталый вѣкъ, когда уже невозможно изучать всю греческую литературу въ ея обширныхъ размѣрахъ, будетъ, конечно, вполне правильно ограничиться той порою и тѣми людьми, которые, по

мнѣнію всѣхъ здравомыслящихъ критиковъ выдавались изъ массы писателей, какъ по совершенству формы, такъ и по содержанію. Плутархъ — писатель безупречно чистый, возвышающій душу, богатый свѣдѣніями и проникнутый духомъ высокой нравственности. Но мы немного потеряемъ, если прочтемъ его по англійски или по-французски, такъ какъ по части слога его нельзя поставить на одинъ уровень ни съ Геродотомъ, ни съ Фукидидомъ; читаютъ его ради сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, и только ради нихъ. Тоже самое можно сказать и объ Аристотелѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ намъ извѣстенъ; слѣдовательно, какъ стилистъ, онъ не входитъ въ область классической греческой литературы. Но какъ критику, и въ особенности, какъ критику именно классической словесности, мы отвели ему, надѣюсь, вполне заслуженное имъ мѣсто.

Г Л А В А XIV.

Забутые историки четвертаго столѣтія до Р. Х.

§ 588. Мы не можемъ закончить обзоръ классической прозы Грековъ, не сказавъ нѣсколько словъ о тѣхъ многочисленныхъ историкахъ, въ особенности исократовой школы, которые часто упоминались и прославлялись въ свое время и доставили, главнѣйшимъ образомъ, тотъ матеріалъ, откуда черпали свои факты Плутархъ, Діодоръ и другіе писатели римской поры. Розысканія источниковъ плутарховыхъ біографій или позднѣйшихъ историческихъ трудовъ служатъ любимую темою для нѣмецкихъ ученыхъ; изслѣдованія *de fontibus Plutarchi*, или *Diodori*, или прочихъ писателей, наводняютъ ученые журналы Германіи. Къ несчастію, хотя мы имѣемъ много критическихъ работъ объ этихъ историкахъ, въ особенности трудовъ, оставшихся послѣ Полибія или Діонисія Галикарнасскаго, обзоръ главнѣйшихъ изъ нихъ, — мнѣ все-таки кажется, что у насъ нѣтъ ни одного образчика ихъ слога, достаточно важнаго, чтобы дать возможность составить нелицепріятное сужденіе. На нихъ ссылаются, приводя фактическія данныя; иногда они яростно критикуютъ другъ друга; ихъ хвалятъ и порицаютъ, но никогда не приводятъ дословно ни одного сколько нибудь длиннаго отрывка изъ ихъ произведеній. Вслѣдствіе

этого, хотя превосходный сборник Карла Мюллера ³³⁶⁾ и вмѣщаетъ въ своихъ первыхъ частяхъ нѣсколько сотъ отрывковъ, она тѣмъ не менѣе не даетъ намъ яснаго понятія о слогѣ ихъ авторовъ. Мы можемъ, однако, быть вполне увѣрены, что ни одного изъ этихъ писателей никто не считалъ (кромѣ ихъ самихъ) равнымъ тремъ великимъ мастерамъ: Геродоту, Фукидиду и Ксенофонту, къ счастью для насъ, пережившимъ свою эпоху. Всѣ здравомыслящіе древніе критики сознавали это второстепенное значеніе не только ихъ сужденій и критической способности вникать въ сущность политическихъ и военныхъ дѣлъ, но даже ихъ слога, что гораздо болѣе огорчило бы этихъ писателей, такъ какъ они были риториками по ремеслу, съ сознательной заботливостью холившими и лелѣявшими свою писательскую манеру, стараясь превзойти великіе образцы, носившіеся передъ ними. Кто изъ нихъ подражалъ Геродоту, кто Фукидиду, кто Ксенофонту, но, какъ большинство копій, они были лишены живости, изящества и силы подлинниковъ. Въ нихъ замѣтна сознательная работа и полемическій тонъ; они были поглощены не только соревнованіемъ соперничествовавшихъ между собою школъ, но и борьбою современныхъ имъ политическихъ партій; они писали исторію, какъ риторы и какъ приверженцы, если не политическихъ дѣятелей, то хоть политическихъ теорій. Вслѣдствіе этого позднѣйшія эпохи забыли ихъ, и посреди обломковъ мрачныхъ вѣковъ никто не сдѣлалъ даже попытки спасти ихъ отъ забвенія. Лишь одинъ изъ нихъ, принадлежавшій къ позднѣйшей порѣ, пережилъ остальныхъ. Полибій былъ, безспорно, наиболѣе здравомыслящимъ и выдающимся изъ всѣхъ этихъ эпигоновъ. Его труды имѣютъ величайшее значеніе для историковъ, что достаточно доказано длиннымъ рядомъ сочувствовавшихъ ему критиковъ ³³⁷⁾; но никто никогда не читалъ и не будетъ читать его, какъ стилиста. Его появленіе было важной минутою въ историческомъ развитіи Грековъ, но онъ не вошелъ, однако, въ составъ ихъ классической литературы.

Изъ всего сказаннаго вполне выясняется, что мы можемъ ограничиться краткимъ упоминаніемъ объ этихъ писателяхъ, хотя списокъ ихъ именъ и трудовъ не долженъ отсутствовать даже въ такомъ руководствѣ, какъ наше. Не легко однако отдѣлать пи-

³³⁶⁾ Fragg. Hist. Graec., 5 томовъ, Дидо, 1853—70 г.

³³⁷⁾ Лучшимъ источникомъ для оцѣнки Полибія будетъ для англійскихъ читателей послѣдній томъ Исторіи Греціи Тираволя и замѣчательная книга Фримана Исторія федеративнаго управленія. Къ несчастію, ни Гротъ, ни Курциусъ не довели своихъ трудовъ до того періода, о которомъ писалъ Полибій.

сателей позднѣйшаго времени отъ тѣхъ, что процвѣтали до смерти Александра; передъ нами проходить непрерывная вереница именъ, доходящая до римской поры, что легко увидить всякій, кто только познакоится съ Отрывками у Мюллера. Мы же имѣемъ дѣло лишь съ наиболѣе ранними изъ нихъ, да и они заходятъ иной разъ за предѣлы начала четвертаго вѣка до Р. Х.

§ 589. Я уже указывалъ на Иона и Стезимброта³³⁸⁾, какъ на авторовъ историческихъ записокъ, изъ которыхъ черпалъ Плутархъ. Другимъ раннимъ историкомъ, не коснувшимся ни одного событія позднѣе 420 г. до Р. Х., былъ Антиохъ Сиракузскій, сынъ Ксенофана. Онъ писалъ о ранней исторіи Италіи и, первый изъ греческихъ писателей, упомянулъ о Римѣ. Онъ написалъ также исторію Сициліи, начиная съ отдаленнѣйшей поры до перваго года власти Дарія Нота, олимп. 89, 1. Нѣтъ сомнѣнія, что имъ, какъ древнѣйшимъ авторитетомъ по исторіи Сициліи и Италіи, часто пользовались Аристотель, Діонисій, Діодоръ и многочисленные позднѣйшіе писатели по тому же предмету. Всего важнѣе для насъ, что описаніе Сициліи въ началѣ шестой книги Фукидида, по всему вѣроятію, заимствовано у Антиоха, быть можетъ, даже дословно, судя по нѣкоторымъ своеобразнымъ формамъ, нигдѣ болѣе не встрѣчающимся у Фукидида. Такимъ образомъ вся ранняя хронологія была бы основана на показаніяхъ одного только писателя, жившаго въ не-критическій вѣкъ. Въ виду того, что раннія хронологическія указанія ведутся со времени основанія Сиракузъ (событіе, опредѣляемое тѣмъ, что Архій, основатель этого города, былъ по счету одиннадцатымъ потомкомъ по прямой линіи отъ Геракла), вся наша сицилійская хронологія, слѣпо принятая на вѣру потому только, что ее призналъ Фукидидъ, окажется, вѣроятно, простой теоретической схемою. Антиохъ, въ одномъ уцѣлѣвшемъ отрывкѣ³³⁹⁾, рассказываетъ, что Архій, отправляясь основывать Сиракузы, помогъ Ахейцамъ при закладкѣ Кротона, что гораздо правдоподобнѣе того разсказа, гдѣ Сиракузы названы болѣе древнимъ поселеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, естественный ходъ событій указываетъ на колонизацію сначала Коркиры, потомъ южнаго побережья Италіи³⁴⁰⁾, а затѣмъ уже — Сициліи. Я не могу однако вдаваться здѣсь въ разсмотрѣніе этого темнаго вопроса.

§ 590. Исторія Сициліи была впослѣдствіи продолжена замѣча-

338) Смот. выше, стр. 42.

339) Отр. II изъ Страбона.

340) Такъ какъ восточный берегъ вплоть до Брундузія весьма безплоденъ и бѣденъ почвою.

тельнымъ человѣкомъ, жившимъ немного позднѣе Антиоха и принимавшимъ дѣятельное участіе въ событіяхъ того времени; я говорю о Филистѣ Сиракузскомъ, сынѣ Архименида. Главныя свѣдѣнія о немъ сообщены Плутархомъ въ *Жизнеописаніи Діона*, и Діодоромъ, описавшимъ судьбу Діонисія и его сына, тирановъ сиракузскихъ. Въ статьѣ Свиды историкъ смѣшивается, очевидно, съ риторомъ Филискомъ, уроженцемъ Милета, ученикомъ Исократа и наставникомъ Тимея, точно также какъ и съ Филиномъ Агригентскимъ, писавшимъ о первой пунической войнѣ. Филистъ родился около 86—7 олимп., слѣдовательно, былъ очевидцемъ великой осады Сирагузъ Аѳинянами. Онъ поддерживалъ Діонисія изъ своихъ частныхъ средствъ, ободрялъ его совѣтами и, несомнѣнно, былъ однимъ изъ самыхъ стойкихъ приверженцевъ и лучшихъ друзей тирана. Тѣмъ не менѣе они поссорились, и Филистъ былъ изгнанъ въ 386—5 г. до Р. Х. къ берегамъ Адриатическаго моря, гдѣ и написалъ большую часть своихъ историческихъ работъ. Послѣ долгихъ и горькихъ сѣтованій на свое изгнаніе и многихъ лъстивыхъ убѣжденій, онъ былъ возвращенъ младшимъ Діонисіемъ на родину, гдѣ сталъ въ оппозицію, и, повидимому, съ успѣхомъ, противъ Платона и Діона, которые предприняли философское обращеніе тирана. Во время набѣга Діона на Сицилію, Діонисій назначилъ Филиста предводителемъ флота, но, побѣжденный Сиракузянами при Леонтиѣ послѣ храброй обороны, онъ, уже въ престарѣломъ возрастѣ, лишилъ себя жизни или былъ умерщвленъ врагами въ олимп. 106, I (356 г. до Р. Х.).

Онъ написалъ исторію Сициліи въ семи книгахъ, начиная съ самой ранней поры и кончая взятіемъ Агригента (407 г. до Р. Х.), вслѣдъ затѣмъ въ связи съ этимъ трудомъ описалъ онъ въ четырехъ книгахъ наступившее за этимъ событіемъ царствованіе Діонисія старшаго, вплоть до его смерти (олимп. 103—2). О царствованіи Діонисія младшаго онъ также написалъ двѣ книги, которыя довелъ до олимп. 104—2, и этотъ трудъ былъ оконченъ Аѳанасіемъ Сиракузскимъ³⁴¹⁾. Критики особенно настаиваютъ на двухъ фактахъ: во первыхъ, на его сильномъ поклоненіи тиранамъ, которое сдѣлало его очень непопулярнымъ, во вторыхъ, на его подражаніи Фукидиду. Цицеронъ³⁴²⁾ называетъ его: «*Siculus ille capitalis, vafer, acutus, brevis, paene pusillus Thucydides*». Квинтиліанъ считаетъ его болѣе слабымъ по таланту, но за то болѣе яснымъ. Діонисій въ подробномъ критическомъ разборѣ одновременно хва-

³⁴¹⁾ Обозначеніе *Σικελικά* дается иногда всей серіи, хотя авторъ называлъ такъ лишь первую часть, второй же придавалъ заглавіе *περί Διονυσίου*.

³⁴²⁾ Ер. ad. Q. fratr., II, 13.

литъ его и порицаетъ, и вообще считаетъ его второстепенною копіею съ великаго мастера. Изъ Цицеронова Брута (гл. 17) мы можемъ вывести заключеніе, что Филистъ пренебрегалъ въ своихъ сочиненіяхъ риторическою отдѣлкою, и что онъ за это отсутствіе даже второстепенныхъ качествъ историка мало цѣнился своимъ вычурнымъ вѣкомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это не уменьшило бы значенія его сочиненій въ нашихъ глазахъ. Позднѣйшій историкъ Тимей, прозванный за его колкій нравъ *Ἐπιτιμαῖος*, напалъ на Филиста и другихъ раннихъ историковъ Сициліи въ своемъ обширномъ трудѣ, и въ свою очередь подвергся нападкамъ со стороны Страбона и Полибія. Позднѣйшіе историки, считавшіе всеобщія историческія повѣствованія главнымъ авторитетомъ своимъ, повидимому, обращались къ Филисту, какъ къ знатоку, всякій разъ когда имъ приходилось касаться исторіи Сициліи. Въ особенности утверждаютъ это относительно Діодора. Этимъ объясняется въ главныхъ чертахъ знаменитость нашего времени съ сочиненіями Филиста.

§ 591. Гораздо достойнѣе сожалѣнія гибель трудовъ Эфора и Теопоппа, двухъ величайшихъ учениковъ Исократы, которыхъ онъ тщательно обучалъ тому, что считалъ историческимъ слогомъ, и чьи характеры были такъ различны, что, по словамъ Исократы, первый нуждался въ бичѣ, второй въ уздѣ. Вслѣдствіе того, Эфоръ (уроженецъ Кумъ, сынъ Демофила, род. въ олимп. 98—100), одаренный болѣе спокойнымъ темпераментомъ, посвятилъ себя ранней исторіи и написалъ знаменитое сочиненіе, начинающееся съ возвращенія Гераклидовъ ⁵⁴³), которое онъ, какъ кажется, впервые сдѣлалъ исходною точкою историческаго труда, и доходящее до осады Перинѳа Филиппомъ (340 г. до Р. Х.). Впослѣдствіи Діонисій довелъ его трудъ до смерти Филиппа. Это историческое сочиненіе состояло изъ тридцати книгъ (послѣдняя была окончена сыномъ Эфора, Демофилломъ); каждая книга имѣла особое введеніе и составляла отдѣльное цѣлое. Полибій прославляетъ это сочиненіе, какъ первую и единственную попытку всеобщей исторіи. Другія произведенія, Объ изображеніяхъ и о Географіи, похожи скорѣе на извлеченіе изъ эпизодовъ, введенныхъ въ этотъ трудъ ⁵⁴⁴). На основаніи сохранившихся отрывковъ были сдѣланы Мюллеромъ догадки относительно общаго содержанія большей части этихъ книгъ ⁵⁴⁵).

⁵⁴³) Эратосѣнъ относитъ это событіе къ 1104 году до Р. Х.

⁵⁴⁴) Несмотря на указанія Мюллера, это однако болѣе чѣмъ сомнительно по отношенію къ изслѣдованію περί λέξεως, о способахъ изложенія, упомянутому Теономъ и Цицерономъ, гдѣ онъ совѣтуетъ употреблять въ сочиненіяхъ прозаическихъ дактили и пэоны, предпочтительно передъ спондеями и трохеями.

⁵⁴⁵) I, стр. LX—I.

§ 592. Замѣчательно, что въ то время, какъ Свидя называетъ Эфора *ἱστορικός*, онъ весьма справедливо назвалъ его собрата-историка Теопомпа *ῥήτωρ*. Послѣдній не только писалъ рѣчи на разные случаи, какъ напримѣръ, рѣчь на погребеніе Мавзола, — все, что онъ оставилъ послѣ себя, отличается крайнею риторичностью и проникнуто запальчивостью и раздражительностью автора. Онъ былъ сыномъ Дамазистрата и братомъ ратора Кавкала; родился онъ на Хиосѣ около сотой олимпіады ⁵⁴⁹). Еще младенцемъ былъ онъ изгнанъ съ Хиоса вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, за сочувствіе лаконской политикѣ; быть можетъ, какъ полагаетъ Мюллеръ, изгнала ихъ именно евванская партія, въ ту пору, когда Эпаминондъ стремился къ гегемоніи на морѣ. Теопомпъ сдѣлался ученикомъ Исократы и вернулся на родину на сорокъ пятомъ году отъ роду, благодаря заступничеству Александра за изгнанниковъ, относящемуся къ первой половинѣ его похода. Обладая нѣкоторымъ состояніемъ, онъ никогда не писалъ судебныхъ рѣчей, но странствовалъ по всѣмъ греческимъ городамъ, сочиняя для произнесенія на показъ риторическія упражненія, самымъ успѣшнымъ изъ которыхъ былъ, повидимому, его панегирикъ Мавзолу, властителю карійскому, произнесенный во время знаменитаго литературнаго состязанія, устроеннаго въ честь покойнаго его вдовою, Артемизіею (олимп. 107—1).

По его возвращеніи бойкій языкъ и сварливый характеръ его создали ему, какъ видно, новыхъ враговъ, потому что вскорѣ послѣ смерти Александра онъ былъ снова изгнанъ и искалъ убѣжища въ Египтѣ, гдѣ, однако, Птолемей I такъ же мало желалъ принять его, какъ и греческіе города; по совѣту друзей онъ бѣжалъ и изъ этой страны. Это послѣдній фактъ изъ его жизни, память о кото-

налахъ, монографій обнаруживающихъ болѣе учености и проникательности въ догадкахъ, чѣмъ солидныхъ результатовъ. Я перечислю нѣкоторыя изъ нихъ, гдѣ разсмотрѣны всѣ остальные: *Untersuch. über die Quellen des Diodor*, XI—XVI, Фольквардена (Киль, 1868 г.); *De Diodori Sic. fontibus* Кольмана (Марбургъ, 1869 г.); *de Them. Plut. fontibus* Альбрехта (Геттингенъ, 1873 г.). *Die Quellen Plut. für das Leben Perikles*, Зауппе (Abhandl. Gött. Akad., томъ XIII, 1867); *De Ephori hist. etc. a Trogo expressis* Вольфгартена (Боннъ, 1868 г.); *Untersuchung über griech. Geschichte etc.* Гольцапфеля (Лейпцигъ, 1879 г.). Сицилійскій отдѣлъ исторіи Эфора разсмотрѣн въ частности Гольмомъ въ его *Geschichte Siciliens*, II, 340 и слѣд.

⁵⁴⁹) Мюллеръ склоняется въ пользу этой даты. Другіе предпочитаютъ ту, которую указываетъ Свидя, именно 93 олимп., и полагаютъ, что Теопомпъ воспитанъ былъ Исократомъ въ его первой школѣ на Хиосѣ. Но это предположеніе не согласуется съ извѣстіемъ, что ему было только сорокъ пять лѣтъ, когда Александръ вступилъ на престолъ.

ромъ сохранилась. Что касается его сочиненій, то Свида говоритъ объ Извлеченіи изъ Геродота, въ двухъ книгахъ; далѣе о продолженіи Фукидидовой исторіи пелопоннесской войны (въ родѣ Эллинскихъ дѣлъ Ксенофонта) и послѣдующихъ событій, въ двѣнадцати книгахъ, доведенныхъ до битвы при Книдѣ. Но величайшимъ твореніемъ его была исторія Филиппа въ пятидесяти восьми книгахъ, куда вошла, въ видѣ эпизодовъ вся современная исторія вплоть до смерти этого царя. Это огромное сочиненіе было сокращено по повелѣнію, быть можетъ даже рукою самого Филиппа III, противника Римлянъ, до семнадцати книгъ, въ которыя не вошло ничего, кромѣ македонской исторіи. По крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ сохранился этотъ трудъ до дней Фотія. Въ отрывкахъ у Мюллера, I, стр. LXX—LXXII, читатель найдетъ извлеченіе изъ всего, что намъ извѣстно изъ этихъ книгъ. Многочисленныя хвалебныя рѣчи и ораторскія разсужденія Теопомпа и его письма, несомнѣнно напоминающія слогъ его учителя Исократъ, приводятся весьма рѣдко. Аеней четыре раза ссылается на его письма къ Александру по поводу нападеній на Хиосцевъ, и къ Гарпалу, которому онъ ставилъ на видъ его безнравственную жизнь ⁵⁵⁰). Встрѣчаются еще упоминанія о Діатрибѣ противъ Платона и объ изслѣдованіи о Набожности.

§ 593. До насъ дошло много весьма ясно выраженныхъ сужденій о заслугахъ Теопомпа, какъ историка и стилиста, подтверждаемыхъ достаточнымъ числомъ отрывковъ — и это даетъ намъ болѣе определенное представленіе о немъ, чѣмъ о комъ либо изъ его соперниковъ. Мы имѣемъ извлеченіе изъ его тщеславнаго и самонадѣяннаго предисловія къ Филиппикамъ ⁵⁵¹). По примѣру одного изъ древнихъ софистовъ, онъ гордится тѣмъ, что виолнѣ независимъ и не имѣетъ необходимости писать за деньги, хвастаетъ многочисленностью своихъ сочиненій, ихъ всемірной славою, своими путешествіями. Онъ говоритъ далѣе о превосходствѣ писателей его времени надъ ихъ предшественниками, объясняя это успѣхами и усовершенствованіями въ изученіи словесности. Это отталкивающее самовосхваленіе было, безъ сомнѣнія, обычнымъ явленіемъ въ школѣ Исократъ и отмѣчаетъ собою поворотъ въ исторіи греческой литературы.

Непомѣрная численность сочиненій Теопомпа, поразительное разнообразіе сюжетовъ, указанныхъ въ извѣстныхъ намъ отрывкахъ и

⁵⁵⁰) Отр. 276—8.

⁵⁵¹) Отр. 26.

другіе признаки ясно показываютъ, что онъ стремился превзойти скорѣе Геродота, чѣмъ Фукидида. Но не одни только отступленія его были скучны и непомѣрно длинны; даже описанія чудесъ, диковинныхъ явленій, обычаевъ и нравовъ варваровъ, весьма понятныя у Геродота, казались неумѣстными и невѣроятными въ этотъ болѣе сознательный и скептическій вѣкъ и, по справедливости, осмѣяны были критиками. Мы можемъ также быть вполне увѣрены, что онъ разрабатывалъ свои темы въ чисто-риторическомъ духѣ, гоняясь постоянно за эффектами, а не стремясь раскрывать строгую истину. Онъ былъ, кромѣ того, яростнымъ приверженцемъ своей партіи и постоянно позволялъ себѣ необузданные нападки на греческую демократію и ея слабыя стороны. Всюду искалъ онъ тайныхъ побужденій и открывалъ ихъ энергически, нерѣдко доходя въ своей злобѣ до диффамаци. Его готовность повторять частныя сплетни и изображать роскошь и безнравственность Грековъ и варваровъ ⁵³²⁾ указываетъ на совершенно иной складъ мысли, чѣмъ у Геродота. Дѣйствительно, Теопомпъ былъ лишь самонадѣяннымъ, риторическимъ, и сократовскимъ подражателемъ великаго историка. Его выходки противъ усиливающейся роскоши вѣка указываютъ не на искреннее негодованіе, а скорѣе на недовольный и придиричивый характеръ.

Тѣмъ не менѣе онъ обладалъ, по всему вѣроятію, недюжинными дарованіями и былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ учениковъ Исократа. Самыя преслѣдованія, которымъ онъ подвергался, доказываютъ, что его яростныя выходки и раздраженные совѣты по общественнымъ дѣламъ производили гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ презираемые памфлеты его наставника. Аеней часто ссылается на него по поводу различныхъ обычаевъ и нравовъ, которые онъ описывалъ весьма подробно, но, къ сожалѣнію, эти цитаты не принадлежатъ къ числу самыхъ наизидательныхъ отрывковъ изъ его произведеній. Несмотря на громадную самонадѣянность и неутомимое прилежаніе его, ни одинъ изъ послѣдующихъ критиковъ не отвелъ ему того высокаго мѣста надъ всѣми его великими предшественниками по исторіографіи, къ которому онъ стремился ⁵³³⁾.

⁵³²⁾ Ср. отр. Мюллера: 33, 54, 65, 95, 129, 149, 178, 222, 243, 249, 260.

⁵³³⁾ Параллельно съ изслѣдованіями вопроса о томъ, насколько преемники Эфора черпали изъ его сочиненій, идутъ разслѣдованія о той пользѣ, которую принесли Теопомпу позднѣйшимъ историкамъ, — Непоту, Плутарху, Діодору и проч. Эпизодъ περί θρασύων, повидимому, часто списывался. Кромѣ указанныхъ мною выше статей, столько же касающихся Теопомпа, сколько и Эфора, назову еще слѣдующіе труды: Теопомпъ Бюнгера (Вюрцбургъ, 1874 г.), Quos

§ 594. Я не думаю, чтобы кто либо изъ многочисленныхъ позднѣйшихъ историковъ ⁵³⁴), или та группа писателей-антикваріевъ, которая оставила намъ въ Аттидѣ обзорѣе легендарнаго и историческаго прошлаго Аѣинъ, имѣли право войти въ составъ классической литературы Греціи. У насъ нѣтъ достаточныхъ свѣдѣній для того, чтобы судить объ ихъ слогѣ, поэтому нѣтъ никакого повода думать, чтобы кто либо изъ нихъ достигъ такого совершенства, которое дало бы ему право на вниманіе читателя, независимо отъ содержанія его книги. Пора оригинальнаго творчества въ греческой литературѣ приближалась къ концу. Писатели, изучавшіе одну лишь форму, имѣли передъ собою недосыгаемые образцы въ произведеніяхъ древнихъ мастеровъ. Люди, жаждавшіе новыхъ знаній, искали ихъ въ обширной, далеко распространенной литературѣ научнаго характера, сообщавшей свѣдѣнія въ простѣйшей формѣ. Эти критическія и научныя стремленія нашли пригодную для своего развитія атмосферу за предѣлами Греціи, въ томъ новомъ царствѣ, которое явилось первымъ посредникомъ между чисто-ѣллинскою и не-ѣлинскою культурою. Разсмотрѣніе исторіи этого періода и этой чуждой почвы мы отложимъ до новаго труда.

К О Н Е Ц Ъ.

auctores—secuti sint Diodorus, etc. Наторпа (Вюрцбургъ, 1876 г.), Die Quellen Plut. im Leben des Kimon, Рюля (Марбургъ, 1867 г.) и Regi-kleisches Zeitalter Шмидта. Эти критики созидаютъ и разрушаютъ всевозможныя гипотезы, разгадывая, насколько различные писатели пользовались косвеннымъ образомъ извѣстными источниками. Но, такъ какъ всѣ эти гипотезы основываются прежде всего на недоказанномъ предположеніи, что всѣ послѣдующіе переписчики придерживались безъ измѣненія избраннаго ими авторитета, то врядъ ли которой либо изъ нихъ суждено пролить много свѣта на произведенія этихъ забытыхъ писателей.

⁵³⁴) Такъ, напримѣръ, Тимей Тавроменскій, родившійся еще въ классическую пору, (около 350 г. до Р. Х.), принялся за литературную дѣятельность лишь весьма поздно уже послѣ своего изгнанія Агаѣовломъ и своего поселенія въ Аѣинахъ. Весь складъ его сицилійской исторіи, постоянное порицаніе всѣхъ его предшественниковъ, отсутствіе той сдержанности и того цѣломудрія, которыми отмѣчена хорошая греческая проза, низводятъ его въ нашихъ глазахъ до степени писателя «серебрянаго вѣка». Главныя свѣдѣнія о немъ получаемъ мы у Полибія, который поражалъ его собственнымъ же его оружіемъ, постоянно порицая его сердитые нападки.

Обзоръ содержанія обоихъ томовъ.

Томъ I.

Предисловіе	Стр. I
ГЛАВА I. Введеніе.—Постепенное развитіе поэзіи.—Пѣсь о Лисѣ.—Періодическія возвращенія къ народной пѣснѣ.—Дальнѣйшее обновленіе литературы	1
ГЛАВА II. Слѣды поэзіи въ до-гомеровскую пору. — Взгляды Геродота на раннюю греческую поэзію.—Музей и Орфей.—Пелазги.—Фракійцы.—Генезисъ эпической поэзіи.—Еоогоніи.—Предшественники Гомера.—Древнія народныя пѣсни.—Өренъ	7
ГЛАВА III. Поэмы Гомера.—Легенды о немъ.—Причины разногласія въ датахъ.—Ранніе образцы греческой письменности.—Коммиссія Пизистрата. — Өеагентъ.—Гомеръ въ греческой литературѣ.—Его всеобщая популярность.—Александрійская школа.—Аристархъ.—Источники дошедшихъ до насъ схолій. — Ихъ изданія. — Главныя изданія текста.—Новѣйшіе переводы	19
ГЛАВА IV. Обзоръ гомеровской полемики съ эпохи Возрожденія до нашихъ дней.—Вольфъ.—Германнъ.—Лахманнъ.—Сужденія Нѣмцевъ объ Иліадѣ. — Мьюръ и Гладстонъ. — Профессоръ Геддесъ. — Пэли.—Теорія Кирхгофа.—Положеніе полемики о Гомерѣ въ настоящее время.—Раздѣленіе ученыхъ по національностямъ	41
ГЛАВА V. Общія замѣчанія о происхожденіи и характерѣ гомеровскихъ поэмъ.—Противоположность Иліады и Одиссеи.—Свидѣтельства въ пользу единоличности Гомера.—Аргументы въ пользу происхожденія каждой изъ поэмъ отъ одного автора.—Отношенія Гомера къ раннимъ поэтамъ.—Добавленія къ Иліадѣ.—Первоначальный характеръ Гектора.—Истинное величіе Иліады.—Характеристики въ Одиссеѣ.—Результатъ полемики.—Прелесть Одиссеи	58
ГЛАВА VI. Кипрія. — Циклическіе поэты. — Батрахоміомакія. — Эзопъ.—Вабрій	77

ГЛАВА VII. Дидактическій эпосъ.—Гезіодъ.—Культура Бэотія.— Происхожденіе поэзіи Гезіода.—Время его жизни.—Пять возрастовъ человѣка.—Легенды о смерти Гезіода.—Труды и Дни.—Теогонія и изслѣдованія объ ея авторѣ.—Отрывки изъ произведеній Гезіода.— Гезіодъ и Архилохъ.—Дѣятельность Гезіода въ аттическій періодъ.— Состязаніе Гомера съ Гезіодомъ.—Переводы Гезіодовыхъ произведе- ній.—Пармвндъ.—Эмпедоклъ.—Поэзія и философія. 87

ГЛАВА VIII. Гомерическіе гимны и мелкія произведенія.— Пнѣй- скій гимнъ.—Гимнъ къ Гермесу и Афродитѣ.—Гимнъ къ Діонису.— Гимнъ Каллимаха.—Маргитъ.—Отрывки народныхъ пѣсенъ.—Изданія гимновъ 118

ГЛАВА IX. Позднѣйшая исторія энической поэзіи.— Пизандръ.— Азій.—Паніазій.—Антимахъ.—Хэриль.—Аргонавтика.— Квинтъ.—Трифідоръ.—Ноннъ 132

ГЛАВА X. Появленіе личной поэзіи у Грековъ.—Архилохъ.—Стар- шій Симонидъ.—Тиртей.—Мелическая поэзія.—Терпандръ.—Аль- манъ.—Отрывки его сочиненій на папирусь.—Мимнермъ.—Солонъ.— Алкей и Саффо.—Древніе и новѣйшіе лирики.—Эолическія поэмы Эоокрита. 141

ГЛАВА XI. Развѣтѣ субъективной поэзіи.—Золотой вѣкъ грече- ской поэзіи.—Эогнидъ.—Эпиграммы.—Гиппонаксъ.—Анакреонъ . . 169

ГЛАВА XII. Общественная лирика Грековъ.—Пѣсни семи мудре- цовъ.—Стезихоръ.—Ивикъ 181

ГЛАВА XIII. Симонидъ.—Пиндаръ.—Общія характеристики.— Оцѣнка Пиндара.—Пиндаръ и Исократъ.—Строеніе одъ.—Отрывки сочиненій Пиндара.—Рукописи и изданія.—Бакхилдъ.—Тимо- креонъ.—Начало прозы 188

ГЛАВА XIV. Драматическія тенденціи шестого столѣтія.—Пра- тинъ.—Өеспіасъ.—Трагическій поэтъ Фринихъ.—Театръ въ Аѣ- нахъ.—Устройство театра.—Сцена.—Задній планъ.—Правила для со- стязаній.—Діонисовы и Ленеійскія празднества. 209

ГЛАВА XV. Эсхиль.—Его жизнь.—Просіящія защиты.—Персы.—Семеро противъ Өивъ.—Прометей.—Вѣковѣч- ное вліяніе Эсхила.—Агамемнонъ.—Хоэфоры.—Эвме- ниды.—Отрывки.—Геній Эсхила.—Новѣйшіе переводы и подражанія. . 226

ГЛАВА XVI. Софоклъ.—Его личный характеръ.—Антигона.— Электра.—Мѣсто дѣйствія Электры.—Подражанія ей.—Трахи- нянки.—Характеръ Денниры.—Эдипъ Царь.—Эдипъ въ Колонѣ.—Аяксъ.—Филоктетъ.—Отрывки пьесъ Софокла.—Отно- шенія Софокла къ Эсхилу и Еврипиду.—Изданія и переводы. . . 254

ГЛАВА XVII. Еврипидъ.—Его личный характеръ.—Альцеста.— Характеръ Адмета.—Медея.—Ея колебанія.—Ипполитъ.—Его клятва.—Андромаха.—Гераклиды.—Просительницы.—Ге- куба.—Подражанія Гекубѣ.—Неистовый Гераклъ.—Іонъ.— 263

Троянцы.—Елена.—Ифигенія въ Тавридѣ.—Новѣйшія Ифигеніи.—Электра.—Орестъ.—Финикиянки.—Ифигенія въ Авлидѣ.—Новѣйшія подражанія.—Вакханки.—Резъ.—Циклопы.—Нововведенія Еврипида.—Характеры въ его пьесахъ.—Второстепенные характеры.—Судьба его сочиненій.—Изданія ихъ.	293
--	-----

ГЛАВА XVIII. Менѣ значительные и позднѣйшіе трагическіе поэты. — Ионъ Хиосскій. — Агаѳонъ. — Критій. — Малоизвѣстные трагическіе поэты.	359
---	-----

ГЛАВА XIX. Происхожденіе комедій. — Спартанская комедія. — Формидъ и Дэйнолохъ. Эпихармъ. — Мимы Софрона. — Начало буколической поэзіи. — Живописный элементъ въ греческой поэзіи. — Эпическія идилліи Θεокрита. — Переводы Θεокритовыхъ сочиненій.	365
---	-----

ГЛАВА XX. Древне-аттическая комедія до времён Аристофана. — Ранніе комическіе писатели. — Кратинъ. — Кратесъ и Ферекрытъ. — Эвполидъ. — Его пьесы. — Безсмертные типы комедій. — Случай совѣстнаго авторскаго труда. — Настоящіе цѣли комедій	388
---	-----

ГЛАВА XXI. Аристофанъ. — Ахарняне. — Всадники. — Облака. — Неудача ихъ. — Осы. — Миръ. — Птицы. — Лизистрата. — Праздникъ Θεομοφορίи. — Лягушки. — Женское собраніе. — Плутусъ. — Общія черты всѣхъ комедій. — Аристофанъ и Еврипидъ. — Лирика Аристофана. — Рукописи.	405
--	-----

ГЛАВА XXII. Исторія комедій отъ Аристофана до Менандра. — Средняя комедія. — Антифанъ. — Эпикратъ. — Новая комедія. — Приёмы ея. — Филемонъ Солійскій. — Дифиль, Аполлодоръ. — Филиппидъ. — Менандръ. — Его заслуги. — Изученіе его произведеній. — Конецъ классической эпохи.	434
--	-----

Приложеніе I. Языкъ древнихъ эпическихъ поэтовъ, въ особенности Илиады и Одиссеи. — Формы родительнаго падежа. — Употребленіе дигаммы. — Доказательства, выведенныя изъ употребленія гиагуса. — Слѣды присутствія іода и сигмы. — Различныя фазисы развитія іоническаго нарѣчія. — Отсутствіе формъ дорическаго нарѣчія у Гомера. — Эолизмы у Гомера. — Аттицизмы. — Мнимыя ново-аттическія формы. — Ложныя аналогіи. — Искусственныя формы. — Просодическія вольности. — Вопросъ о единоличности автора обѣихъ поэмъ. — Происхожденіе имени Гомера.	1
--	---

Приложеніе II. Эпоха созданія Одиссеи. — Географія Одиссеи. — Теорія Кирхгофа	29
---	----

Т О М Ъ II.

Стр.

ГЛАВА I. Введение. — Раннее зарождение письменности. — Древние писанные кодексы законов. — Эзотерическая религия. — Ранняя философская учения. — Гераклит. — Гекатей. — Его слог. — Разрушение Милета. 1

ГЛАВА II. Геродот и современные ему ионические прозаики. — Его жизнь. — Пребывание в Афинах. Теория Кирхгофа. — Плань труда Геродота. — Важные отступления. Государственные записи и надписи. — Критика Блэксли. — Слог Геродота. — Его характеристики и употребленное им нарѣчіе. — История текста. — Издания и переводы. — Гелланик. — Стезимбротъ. — Ктезий. — Гиппократъ. — Трактатъ Гиппократа о климатъ. — История текста. 15

ГЛАВА III. Развитие философии и начало технического образования в пятом столѣтіи. — Анаксагоръ. — Софисты. — Нападки на нихъ. — Софистъ Антифонъ. Трагедія и софистика. — Сократъ. — Его вѣнность и изображенія ея. — Учение Сократа. — Упадокъ ионической прозы. 51

ГЛАВА IV. Начало ораторского искусства и возникновение аттической прозы. — Происхождение судебного краснорѣчія. — Краснорѣчіе Перикла. — Горій и его слогъ. — Полъ. — Ликимній. — Жизнь Антифона. — Другія лица того же имени. — Первая тетралогія Антифона. — Его рѣчь объ отравленіи. — Его мнимая набожность. — Его слогъ. — Издания и рукописи Антифона. — Теодоръ. — Эвентъ Паросскій. 68

ГЛАВА V. Фукидидъ и его жизнь. — Бюсты Фукидида. — Его предисловіе. — Замѣчательныя мѣста. — Характеръ его историческаго труда. — Рѣчи. — Сущность его краснорѣчія. — Периклова эпитафія. — Осьмая книга. — Рукописи и издания. — Андокидъ. — Его приключенія. — Разсужденіе о мистеріяхъ. — Непрофессиональное краснорѣчіе в Греціи. — Критій 93

ГЛАВА VI. Аттическая литература в пору реставраціи. — Демократическая реставрація. — Новое судебное краснорѣчіе. — Жизнь Лизія. — Лизій в Ф е д р ѣ. — Рѣчь противъ Эратосеена. — Аристократическіе типы. — Проблески юмора. — Рѣчи объ Алкивиадѣ. — Изыщество слога Лизія. — Рукописи и издания. — Рѣчи Изея. — Противоположность между Изеємъ и Лизіємъ. — Дальнѣйшее развитие прозы . . . 129

ГЛАВА VII. Платонъ.—Ранній періодъ его жизни.—Приписываемый ему сочиненія.—Классификація его произведений. Хронологическій порядокъ.—Развитіе прозаическаго діалога.—Аттическія возрѣнія на досугъ.—Чисто-отрицательные діалоги.—Проблема Эвтифрона.—Феететъ.—Софистъ.—Еввидемъ.—Наиболѣе совершенные діалоги.—Фѣдонъ.—Менексенъ.—Пиръ.—Федръ.—Горгій и Протагоръ.—Политикъ.—Республика.—Спартанскія тенденціи Платона.—Шаткость спартанскихъ браковъ.—Законы.—Эпиномъ и Критій.—Мрачная старость Платона.—Рукописи и изданія	154
---	-----

ГЛАВА VIII. Исократъ и его жизнь.—Его эллинофильскія тенденціи.—Исократова Елена.—Судебныя рѣчи.—Похвальная рѣчь въ честь Алеввіада.—Платейская и Архидамова рѣчи.—Панегирикъ.—Панаѳенейская рѣчь.—Анализъ ораторскаго искусства.—Правила композиціи.—Законы о гіатусѣ.—Періоды у Исократа.—Сужденіе о немъ	203
---	-----

ГЛАВА IX. Второстепенные современники Исократа.—Антисѳенъ.—Алкидамъ.—Обвиненіе Паламеда.—Сочиненія Анаксимена.—Изданія и рукописи	233
---	-----

ГЛАВА X. Ксенофонтъ и его жизнь.—Его позднѣйшіе годы.—Изслѣдованіе объ аѳинской конституціи.—Изданіе этого изслѣдованія.—Классификація сочиненій.—Анабазисъ.—Пристрастность Ксенофонта.—Агезилай.—Мемуары.—Экономическій трактатъ.—Пиръ.—Трактатъ о спартанской конституціи.—Гіеронъ.—Киропедія.—Трактатъ о доходахъ.—Техническія изслѣдованія.—Отрывки.—Недостатки Ксенофонта.—Новѣйшія изданія.	244
---	-----

ГЛАВА XI. Демосѳенъ.—Его юность.—Рѣчь за Олинеянъ.—Оппозиція Александру.—Его опала въ позднѣйшіе годы.—Списокъ его трудовъ.—Вопросъ объ ихъ подлинности.—Рѣчи противъ Афоба, Онетора и аристократовъ.—Рѣчь о Симморіяхъ.—Внѣшняя политика Демосѳена.—Первая Филиппика.—Защита Діоніеа.—Подложныя рѣчи.—Рѣчи противъ Мидія, о Посольствѣ и о Вѣнѣ.—Разборъ Кирхгофомъ послѣдней рѣчи.—Частныя рѣчи.—Вопросъ объ ихъ подложности.—Проэмы и письма.—Выборъ словъ.—Законы композиціи.—Своеобразная судьба Демосѳена.—Тексты и Схоліи.—Новѣйшая критика	283
--	-----

ГЛАВА XII. Современники Демосѳена.—Эсхинъ.—Его характеръ.—Рѣчь противъ Тимарха.—Рѣчь о посольствѣ.—Способность къ импровизаціи.—Тексты Эсхина.—Жизнь Ликурга.—Его слогъ.—Возрастъ Гиперида.—Гиперидъ и Демосѳенъ.—Эпитафія.—Рукописи Гиперида.—Діонисій о Динархѣ.—Демадъ.—Гегазингъ.—Деметрій Фалерскій	343
--	-----

ГЛАВА XIII. Аристотель.—Его жизнь.—Отрывки сочиненій.—Діалоги.—Стихотворенія.—Критическія изслѣдованія.—Риторика.—Ея достоинства.—Рукописи и изданія.—Аристотель о комедіи.—Опредѣленіе трагедіи.—Современное состояніе Поэтики.—Арабскіе пере-	
---	--

воды и изданія. — Политика. — Платонъ и Аристотель. — Изданія
Политики. — Этика. — Конецъ классическаго періода лите-
ратуры

372

ГЛАВА XIV. Забытые историки четвертаго вѣка. — Полибий. — Ан-
тіохъ Сиракузскій. — Филістъ. — Эффоръ. — Θεοпомπъ. — Тимей. — За-
ключеніе.

416

ГЛАВА XV. Историческіе сочиненія Нестора. — Ан-
тисфенъ. — Ксенофонтъ. — Платонъ. — Аристотель. — Полибий. —
Тимей. — Эффоръ. — Θεοпомпъ. — Филістъ. — Антіохъ Сиракузскій. —
Политика. — Этика. — Конецъ классическаго періода лите-
ратуры

ГЛАВА XVI. Историческіе сочиненія Нестора. — Ан-
тисфенъ. — Ксенофонтъ. — Платонъ. — Аристотель. — Полибий. —
Тимей. — Эффоръ. — Θεοпомпъ. — Филістъ. — Антіохъ Сиракузскій. —
Политика. — Этика. — Конецъ классическаго періода лите-
ратуры

ГЛАВА XVII. Историческіе сочиненія Нестора. — Ан-
тисфенъ. — Ксенофонтъ. — Платонъ. — Аристотель. — Полибий. —
Тимей. — Эффоръ. — Θεοпомпъ. — Филістъ. — Антіохъ Сиракузскій. —
Политика. — Этика. — Конецъ классическаго періода лите-
ратуры

ГЛАВА XVIII. Историческіе сочиненія Нестора. — Ан-
тисфенъ. — Ксенофонтъ. — Платонъ. — Аристотель. — Полибий. —
Тимей. — Эффоръ. — Θεοпомпъ. — Филістъ. — Антіохъ Сиракузскій. —
Политика. — Этика. — Конецъ классическаго періода лите-
ратуры

ГЛАВА XIX. Историческіе сочиненія Нестора. — Ан-
тисфенъ. — Ксенофонтъ. — Платонъ. — Аристотель. — Полибий. —
Тимей. — Эффоръ. — Θεοпомпъ. — Филістъ. — Антіохъ Сиракузскій. —
Политика. — Этика. — Конецъ классическаго періода лите-
ратуры

ГЛАВА XX. Историческіе сочиненія Нестора. — Ан-
тисфенъ. — Ксенофонтъ. — Платонъ. — Аристотель. — Полибий. —
Тимей. — Эффоръ. — Θεοпомпъ. — Филістъ. — Антіохъ Сиракузскій. —
Политика. — Этика. — Конецъ классическаго періода лите-
ратуры

Указатель личных именъ въ обоихъ томахъ.

А.

- Абу-Маскаръ, П, 401.
 Августинъ, П, 198.
 Авлъ Геллій, I, 448; П, 284.
 Авé (Havet), I, 198; П, 389—90.
 Аверроэсъ, П, 401.
 Агаонъ, I, 307, 359, 361; П, 130.
 Агаархъ, I, 223—3.
 Агій Трезенскій, I, 79.
 Адрианъ, I, 134.
 Азій, I, 335.
 Акузилай, I, 193.
 Алексисъ, I, 437, 442.
 Алексаменъ Теосскій, П, 165.
 Александръ Великій, I, 27, 84, 443;
 П, 361, 375, 406.
 Алкей, I, 106, 142, 162, 165—7, 379,
 460; П, 392, 415.
 Алкманъ, I, 28, 152, 155—7, 167, 182.
 Алкидамъ, I, 20, 109; П, 74, 236—8,
 347.
 Алкифронъ, I, 459.
 Аллаций, I, 459; П, 279.
 Альбинъ, П, 165.
 Альдъ, I, 36—39, 351.
 Альфъери, I, 244, 268, 327.
 Альбертъ Великій, П, 411.
 Амаранъ, I, 385.
 Амипсій, I, 393—5, 410, 417.
 Амоидамъ, I, 89, 90.
 Аммей, П, 341, 390.
 Амфионъ, I, 123.
 Анаксандритъ, I, 439.
 Анакагоръ, I, 117, 222, 299, 355, 413.
 П, 53.
 Анаксимандръ, П, 6, 11.
 Анаксименъ Лампсакскій, П, 211, 240—2.

- Анаксименъ Милетскій, П, 381.
 Анакреонъ, I, 7, 158, 179—80, 187;
 П, 127, 214, 393.
 Андокидъ, П, 123—127, 131, 142.
 Андрію, I, 240.
 Антигонъ Каристійскій, I, 130.
 Антимахъ, I, 31, 51, 80, 134, 144,
 187.
 Антименидъ, I, 163.
 Антифонъ, I, 286; П, 59, 71, 72, 77—
 93, 130, 132, 145, 233.
 Антифанъ, I, 396, 437—8.
 Антисеенъ, циникъ, I, 29; П, 161, 212,
 234.
 Антиохъ Сиракузскій, I; прилож., стр.
 30; П, 25, 40, 418.
 Аполлоній Родосскій, I, 6, 30, 36, 106,
 108, 132, 137, 157, 238, 252, 380, 460;
 прилож. стр. 7—9; П, 344.
 Аполлодоръ, I, 371, 445.
 Апелликонъ Теосскій, П, 410.
 Апулей, I, 444.
 Араръ, сынъ Аристофана, I, 439, 440.
 Аратъ, I, 31.
 Аристофанъ, ком. пис., I, 86, 125, 130,
 196, 215, 235, 245, 251, 256—7, 266,
 292, 302, 307—8, 323—5, 336—8,
 354—6, 389—436, 443, 459; П, 70, 393.
 Аристофанъ Византійскій, I, 32—4,
 102, 105, 167, 194, 225, 252, 357, 432;
 П, 201.
 Аристоксенъ Селинскій, I, 194, 368;
 П, 156.
 Аристоникъ, I, 35.
 Аристархъ, I, 22, 31, 47, 56, 61—2,
 108, 167, 292, 357, 387, 432; П, 201.
 Аристархъ Тегейскій, I, 360.
 Аристагоръ, П, 11.
 Аристей, I, 105.
 Аристидъ, I, 119; П, 336.
 Аристиппъ, философъ, П, 67.

Аристотель, I, стр. IV, 27, 30, 36, 76, 80—1, 94, 107, 114—15, 128, 209, 272, 303, 327, 365—6, 435—7, 444; II, 51, 65, 156, 157, 162, 194, 199, 210, 228, 237, 241, 372—416, 418.

Арифронъ, I, 209.

Аріонъ, I, 167, 181—2, 210.

Арктинъ, I, 79.

Арнольдъ, Мэтью, I, 118.

Арріанъ, II, 282.

Арсеній, I, 357.

Артемидоръ, I, 383.

Артемонъ, I, 179.

Архидиѣ, I, 445.

Архилохъ, I, 21, 85, 88, 90, 105—6, 128, 143, 146, 150; II, 128, 389; прилож. стр. 30.

Архинъ, II, 205.

Архинъ, ком. пис., 395, 404.

Асклепидъ, I, 385.

Аспасія, II, 177, 267.

Аттій, I, 240, 263, 282, 286—7, 336, 345.

Аѳанасій Сиракузскій, II, 419.

Аѳенаторъ, II, 109.

Аѳеней, I, 159, 178, 208, 228, 361, 373—6, 394, 437; II, 114, 442—7, 444—5; II, 41, 425.

Ахей Эретрійскій, I, 368.

В.

Бабрій, I, 86—7, 178.

Байронъ, I, 86, 141; II, 391.

Бакидъ, I, 13.

Баххилидъ, I, 28, 193, 205—7, 371.

Баумейстеръ, I, 82—5, 121, 124.

Бентлей, I, 351.

Беккеръ, I, 53.

Беркели, II, 199.

Бернгардъ, I, 26, 44, 107, 128, 149, 207.

Бергъ, I, 23, 24, 45, 53—4, 59, 88, 93, 129, 147, 172, 225, 310; прилож. стр. 5.

Біасъ, I, 174.

Біонъ, I, 387.

Блассъ, II, 87, 92—93, 106, 124, 136, 139, 210, 218—19, 229, 323, 333—5.

Боссюэтъ, II, 385.

Блэксли, II, 28, 29.

Боницъ, I, 46, 56, 72; II, 396.

Боркъ, Эдмундъ, II, 195, 385.

Брассеръ де Бурбуръ, II, 196.

Брунинъ, Робертъ, I, 245, 253, 319, 350, 430.

Брунингъ, мистрисъ, I, 253.

Бѣкъ, I, 192.

Бѣймлейнъ, I, 53.

Бэконъ, I, 117.

Бюрнуфъ, Эмиль, I, 10, 72, 101, 164.

Бэотъ, II, 368.

В.

Вальтеръ Скоттъ, I, 335, 423.

Варронъ, I, 240.

Вемель, II, 371.

Веберъ, I, 265.

Велькеръ, I, 20, 77—80, 86, 164, 238, 290.

Виландъ, I, 322.

Виллуазонъ, I, 36—7, 42.

Виргилій, I, 41, 112, 263, 289, 307, 310, 317, 323.

Вольфъ, I, 23, 41—47, 51, 74, 76, 173.

Вольтеръ, I, 41, 70, 190, 267, 276, 299, 304, 308, 328.

Вудъ, I, 41.

Г.

Гайсфордъ, I, 103.

Галенъ, II, 49.

Гарпократъ, II, 147.

Гаскойнъ, Джонъ, I, 161.

Гегель, I, 431.

Гегемонъ Озосскій, ком. пис., I, 376.

Гегезій, I, 79; II, 146.

Гегезишъ, II, 289.

Гезіодъ, I, 8, 14, 15, 28, 42, 84, 87—123, 141, 184—5, 191; прил. стр. 28; II, 11.

Геддесъ, профес., I, 49, 50, 55, 74.

Геймрейхъ, I, 55.

Гекатей, I, 113, 249; II, 11—13, 32, 34, 68.

Гезихій, I, 36, 258; II, 344.

Гелланикъ, I, 32; II, 38—40, 100.

Гераклитъ, I, 12, 30, 99—100, 106, 113, 172, 355, 371; II, 6—10, 44—45, 174, 372.

Гераклитъ Понтійскій, I, 148.

Германъ, I, 43, 44, 64, 104, 121.

Гермишъ, I, 395, 435.

Гермогенъ, II, 13, 40, 90, 128, 153, 232, 235, 336.

Геродианъ, I, 35.

Геродотъ, I, 8, 13—15, 20, 22, 78, 92, 135, 182—3, 190, 215, 231, 324, 366; прилож. стр. 10; II, 10, 11, 15—50, 51, 68, 69, 96, 99, 101, 145, 209, 260, 272, 403.

Герофилъ, II, 49.

Гѣте, I, 240, 322, 328, 333, 345, 350, 353; II, 395.

Гетлингъ, I, 96—7, 100, 103, 109.

Гефестіонъ, I, 148.
 Гиббонъ, II, 229.
 Гигесъ, I, 22, 158.
 Гишій Регіонскій, II, 25, 40.
 Гишодамъ, II, 240, 403.
 Гиньо, I, 239.
 Гишонаксъ, I, 90, 171, 176—9.
 Гишеридъ, I, 448; II, 226, 283, 289, 356—371.
 Гишократъ, II, 34, 45—50, 277.
 Гишокритъ, I, 117.
 Геронимъ, II, 231.
 Гладстонъ, I, 47, 48, 68; прилож. стр. 29.
 Гобино, II, 31.
 Гоббзъ, II, 198.
 Гораций, I, 165, 169, 197, 304, 372.
 Горцій, I, 115; II, 44—46, 54, 58, 70—78, 93, 145, 166, 185, 205, 212, 225, 229, 233, 236, 353.
 Готонъ, I, 353.
 Гомеръ, I, 6—9, 15—94, 104—14, 118, 130—5, 156, 166, 213, 286, 323, 459—60, прил. 1—32; II, 117, 128, 176, 190, 201, 393.
 Гольдсмитъ, Оливеръ, II, 19.
 Гротъ, I, 47—50, 53—4, 57, 74, 392; II, 53, 55—56, 107, 117, 134, 168, 175—7, 183, 184—7, 200, 255, 276, 311.
 Гумбольдтъ, Вильг., I, 43.

Д.

Давидъ, I, 60, 62.
 Дарвинъ, I, 116.
 Декартъ, II, 380.
 Дексинъ, II, 49.
 Деметрій Фалерскій, I, 28; II, 367, 371—2.
 Демадъ, II, 291, 370.
 Деметрій Скепсійскій, I, 35.
 Демокритъ, I, 29; II, 45, 53.
 Демофилъ, I, 446.
 Демодокъ, эпич. пѣвецъ, I, 7.
 Демаръ, I, 239.
 Демосеенъ, I, 29, 30, 424, 448, 459; II, 75, 130—131, 146—8, 150, 203, 209, 222, 226, 232, 243, 283—354.
 Демохаръ, II, 340.
 Демофилъ, II, 420.
 Джіотто, I, 320.
 Дидимъ, I, 35, 108, 204, 357; II, 82.
 Дидро, I, 328.
 Дифилъ, I, 444—5.
 Диксархъ, I, 303, 357.

Динархъ, II, 226, 367—70.
 Диндорфъ, I, 56, 103, 297, 334.
 Диллъ, II, 420.
 Діонисій Галикарнаскій, I, стр. IV, 167, 202, 351, 357; II, 36, 40, 104—5, 132, 284, 294, 308—9, 326, 341, 379.
 Діонисій Сиракузскій, II, 137—142, 146—147, 153, 225, 231, 237, 241.
 Діонъ Хризостомъ, I, 286, 349.
 Діонтъ Кассій, I, 52, 128.
 Діонисодоръ, II, 177.
 Діодоръ Сицилійскій, I, 238; II, 422.
 Диогенъ, II, 67.
 Диогенъ Лаэртскій, I, 161, 162, 183, 371; II, 157—159, 168, 202, 234, 245—8, 259, 274.
 Диомедъ, I, 67.
 Драконъ, II, 3.
 Дройзень, I, 390.
 Трайдентъ, I, 276.
 Дюбнеръ, I, 133—4.
 Дюнцеръ, I, 55.
 Дюси, I, 279.
 Дюма, Ал., I, 268, 326.
 Дэйнолохъ, 369.

Е.

Евклидъ, II, 67, 173, 394.
 Еврипидъ, I, 17, 76, 117, 125, 137—8, 159, 161, 172, 206, 211, 225, 235—6, 243—7, 255—6, 261, 265—6, 270, 281, 285, 289—90, 293—359, 363—71, 379, 400, 404—7, 413—16, 420—1, 427, 430, 444, 457; II, 33, 51, 59, 66, 128, 130, 142, 358, 394—6, 414.
 Еврипидъ, младшій, I, 363.
 Евстафій, I, 36, 204, 459.
 Евсевій, I, 148.
 Евендемъ, II, 177.
 Евфорионъ, I, 301.

З.

Залевъ, II, 3.
 Зенонъ, I, 107, 128, 443; II, 44, 61, 147, 165, 212.
 Зенодотъ, I, 30, 32, 33, 48; прил. стр. 19.
 Зенгебушъ, I, 49—51, 55, 73—4.
 Зосима Газскій, II, 147.
 Зоилъ, I, 30; II, 239.
 Зопиръ, I, 25.
 Зоэга, I, 41.

И.

Ивикъ, I, 177, 181, 186—7.
Идоменей, I, 45.
Ирвингъ, II, 339.
Исократъ, I, 174, 196, 324, 365, 438, 459; II, 60, 70, 73, 74, 90, 130, 137, 144, 161—163, 199, 201, 203 — 239, 243, 257, 263, 270, 277, 332—3, 347, 359, 369, 389, 424.
Изей, II, 148—154, 203, 285, 297, 299.

I.

Ионъ, I, 174, 228, 244, 256, 305, 359—61; II, 41, 262, 417.
Иофонъ, I, 262, 305, 363.
Иосифъ, I, 106; прилож. стр. 9.

K.

Кадмъ Милетскій, II, 9.
Каламисъ, II, 145.
Каллинъ, I, 145, 149, 150, 174.
Калликъ, II, 185.
Каллимахъ, I, 6, 86, 127—8, 178, 432; II, 213, 365, 415.
Каллисѳенъ, II, 375.
Каллистратъ, I, 33, 357, 403, 406, 417.
Кальвъ, II, 146.
Кальверли, I, 387.
Кальдеронъ, I, 238.
Каммеръ, I, 55.
Катулъ, I, 179.
Квинтъ Смирнскій, I, 82, 141; прил. стр. 6.
Квинтъ Калабриецъ, I, 286.
Квинтилианъ, I, 105, 136, 304; II, 374, 390, 419.
Калеръ, I, 226.
Кеикъ, II, 13.
Кинѳонъ Хиосскій, I, 25, 80, 131.
Кинезій, I, 390.
Кинэ, Эдгаръ, I, 239.
Китсъ, I, 241.
Кирианъ, II, 280.
Кирхгофъ, I, 50, 53, 55, 57, 73, 104; прилож. стр. 32; II, 2, 20—22, 117; 250, 323.
Клеанъ, I, 29.
Клеонъ, II, 72.
Клеохартъ, II, 231.
Клисѳенъ, I, 23.
Клитъ, I, 310.
Клонасъ, I, 154.
Классенъ, II, 111—112, 117.

Клейнъ, I, 430.
Кобе, I, 37; II, 245, 252, 263, 279.
Коринна, I, 193, 207.
Кораксъ, II, 70, 132.
Коули, I, 205.
Корнель, I, 276; II, 402.
Креофилъ Самосскій, I, 25.
Кребильонъ, I, 267.
Критій, I, 175, 363; II, 127, 130, 249.
Кратестъ, I, 33, 35, 394, 435.
Кратинъ, I, 21, 108, 345, 357, 377, 389, 391—7, 397, 409—12, 435; II, 106.
Кратинъ младшій, I, 442.
Кратиппъ, II, 118.
Ксанъ, II, 10.
Ксенокъ, I, 322.
Ксенофанъ, I, 5, 30, 112, 134, 170—2, 371, 377; II, 10, 280.
Ксенофонтъ, II, 66, 74, 97, 111—115, 118, 130, 131, 172, 203, 207, 213, 244—283, 421.
Ктезий, II, 36, 42—44, 272.
Курциусъ, I, 21, 93; II, 101.

Л.

Лабрюйеръ, I, 447.
Лазось, I, 192, 211, 214.
Лагаръ, I, 286.
Лампрось, I, 255.
Ландоръ, Вальтеръ Сав., II, 199.
Ласкарисъ, I, 36, 127.
Лапрадъ, В. де., I, 241.
Лаксманъ, I, 32, 44—6, 49, 51, 64, 346.
Левкъ, ком. пис., 415.
Левкинъ, II, 53.
Лемерсье, I, 240—1.
Лефранъ де-Помпиньянъ, I, 241.
Лессингъ, I, 190; II, 395.
Лесхъ, I, 79, 108, 282.
Либавій, II, 202.
Ливій Андроникъ, I, 40.
Ликимвій, II, 77.
Ликургъ, I, 21, 23, 149, 189, 256; II, 3, 226.
Ликургъ, ораторъ, II, 355—7.
Лизій, II, 89, 90, 93, 94, 125, 130, 131—148, 151, 153, 203, 225, 337, 366, 369.
Лизикъ, II, 72.
Ликофронъ, I, 185, 307; II, 239—40.
Литтре, II, 46—49.
Литтонъ, лордъ, I, 271.
Ллойдъ, I, 238—9.
Лонгинъ, I, 102, 167, 206; II, 366, 398.
Лукіанъ, I, стр. IV; II, 43.
Лукрецій, I, 113—17.
Лютеръ, Мартинъ, I, 70.
Люциллъ, I, 139.

М.

Магнезъ, I, 391.
 Маккиавелли, II, 198, 251.
 Макэнъ, I, 239.
 Мандевиль, I, 118; II, 198.
 Марриэттъ, I, 157.
 Махонъ, I, 442; II, 211.
 Мезъ, I, 368.
 Мейнеке, I, 294, 334, 368, 384, 393, 436.
 Меланхтонъ, I, 85.
 Мелетъ, I, 364.
 Мелиссъ, II, 44.
 Менандръ, I, 77, 117, 350, 395—6, 430—32, 437, 440—42, 447—60; II, 76, 371.
 Меріонъ, I, 45.
 Метродоръ, I, 29.
 Местръ, Жозефъ де, I, 239.
 Меченатъ, I, 240.
 Мильтонъ, I, 254, 279, 301.
 Мимнермъ, I, 145, 152, 158, 160, 165, 174, 180, 192, 460.
 Миртиса, I, 193, 207.
 Мидасъ, I, 22.
 Мнезилохъ, I, 395.
 Моисей, II, 196.
 Моммсенъ, I, 91.
 Моръ, II, 198.
 Москъ, I, 140, 378.
 Мосхопулосъ, Мануилъ, I, 36, 108.
 Мольеръ, I, 372, 402, 408, 447.
 Моцартъ, II, 180, 181.
 Мунатъ, I, 385.
 Музей, I, 69, 13, 88, 105, 141.
 Муръ, Томасъ, I, 180, 387.
 Мьюръ, I, 47—8, 68, 80, 123, 164; II, 12, 14, 22, 40, 104, 106, 255—6, 269.
 Мюллеръ, Отфр., I, 103; II, 105.
 Мюллеръ, В., I, 49.
 Мюллеръ, К., I, 21; II, 12, 17—18.

Н.

Назіанзинъ, Григорій, I, 344, 375, 459.
 Неофронъ, I, 303, 360.
 Неотъ, II, 421.
 Несторъ, I, 16.
 Нибуръ, I, 143.
 Никаноръ, I, 35, 385.
 Никій Росскій, I, 168.
 Нитшъ, I, 44, 53, 96, 107.
 Николай Дамаскій, I, 92.
 Никоклъ, II, 205.
 Никколини, I, 279, 304.

Ноннъ, I, 110, 140.
 Новій, I, 336.
 Нэвій, I, 342.
 Ньютопъ, II, 35.

О.

Овидій, I, 177, 271, 282, 286, 304, 307, 317.
 Олень, жрецъ, I, 13.
 Ономакрить, I, 12, 25, 26, 31.
 Оригенъ, II, 341.

П.

Павзаний, I, стр. IV, 11, 12, 23, 25, 79, 93, 96—9, 107, 112, 119—20, 131, 133, 189, 215, 266, 319; II, 70, 96, 240.
 Пакувій, I, 282, 287, 327.
 Паніазій, I, 127, 134; II, 16, 23, 35.
 Памфосъ, I, 13, 118.
 Памфилъ, II, 15, 38.
 Паней, стоякъ, II, 341.
 Парменидъ, I, 113—15; II, 44, 207.
 Патэнь, I, 231, 235, 238, 302, 314, 317, 323, 329, 335.
 Персій, I, 375.
 Периклъ, I, 178, 248, 256, 258, 272, 314, 367, 389, 392—3, 403; II, 18, 72, 73, 130, 144, 190.
 Петръ Викторій, II, 241.
 Пигръ, I, 82, 128.
 Пиногоръ, I, 29, 370; II, 6, 207, 213.
 Пизандръ, I, 127, 133, 143.
 Пизистратъ, I, 12, 23, 31, 42, 54, 61, 189; прил. стр. 19; II, 23.
 Пиндаръ, I, 5, 6, 28, 94, 119, 147, 151—3, 170, 189, 192—206, 250, 286, 327, 371, 380—1; II, 4, 6, 15, 224, 383.
 Плавтъ, I, 372, 395, 446, 448.
 Планудъ, I, 87.
 Платонъ, I, 9, 27, 29, 76, 86, 95, 99, 113, 134, 197, 218, 324, 347, 355, 405, 413, 424—5, 432; II, 48, 64—67, 70, 78, 79, 130, 131, 134, 136—137, 144, 154—203, 227, 233, 243, 347, 374, 389, 403, 408—9.
 Платонъ, ком. писат., I, 396, 422.
 Платоній, I, 405.
 Платенъ, I, 430.
 Плиній, I, 105.
 Плутархъ, I, стр. IV, 11, 20, 25, 84, 88, 105, 108, 113, 134, 168, 197, 214, 287, 319, 329, 361, 367, 375, 429, 432, 458; II, 17, 37, 41, 70, 76, 114, 135, 192, 259, 283, 292, 341, 418.

Поль, П, 77, 185.
 Полибий, I, стр. IV; П, 416, 421.
 Поликратъ, софистъ, II, 263.
 Понъ, I, 39.
 Поллуксъ, I, 149, 154.
 Полидъ, I, 327.
 Порсонъ, I, 317.
 Порфирий, I, 35; П, 37, 122; П, 130.
 Праксилья, I, 207, 209.
 Пратинъ, I, 211, 216.
 Прискіанъ, I, прилож., стр. 16.
 Продикъ, П, 238, 265.
 Проклъ, I, 109—10.
 Протагоръ, I, 355, 404; П, 58, 59, 73, 234.
 Проперцій, I, 179.
 Псамметихъ, I, 24.
 Пэли, I, 24, 51—4, 258; прилож. стр. 17—21; П, 35.
 Пэйнъ-Найтъ, I, 47.

Р.

Расинъ, I, 231, 267, 308, 320, 328, 415.
 Рафаэль, I, 265.
 Риббекъ, I, 273.
 Ринѳонъ, I, 376.
 Рутілій Лушъ, П, 341, 359.

С.

Саннацаро, I, 388.
 Саффо, I, 18, 142, 158, 163—4, 166—8, 181, 187; П, 415.
 Сакодъ, I, 154.
 Свидя, I, 13, 14, 27, 36, 87, 131, 133, 155, 184, 194, 228, 287, 345, 359, 360, 381, 387, 393, 438; П, 17, 234, 356, 422.
 Свифтъ, I, 146.
 Светоній, I, 132, 253, 350.
 Свинборнъ, I, 253.
 Сенека, I, 30, 244, 271, 276, 304, 305, 308, 317, 323, 336.
 Секстъ Эмпирикъ, I, 113.
 Смитъ, Сидни, П, 268.
 Симмахъ, I, 433.
 Симплицій, П, 379.
 Симонидъ старшій, I, 147—8, 152, 171, 176, 192, 207, 432; П, 16, 224.
 Симонидъ м.л., I, 6, 28, 90, 102, 106, 189—92, 204, 214, 227, 250, 371, 380.
 Синопъ, П, 278.
 Сиракозій, I, 390, 416.
 Соранъ Косскій, П, 45.
 Соломонъ, I, 384; П, 383.

Солонъ, I, 25, 27, 145, 147, 159—63, 173, 213, 335; П, 3, 127, 405.
 Сотадъ, I, 377.
 Скилакъ, П, 10, 11, 25.
 Софронъ, I, 179, 373—6, 379, 381—3; П, 164.
 Софоклъ, I, 28, 76, 139, 159, 206, 209, 212, 226—7, 232, 235, 243—4, 246, 254—92, 295, 298, 307, 327, 329, 335—6, 338, 352, 356, 422; П, 17, 51, 52, 61, 62, 130.
 Сократъ, I, 30, 332, 333, 404—5, 410—13; П, 56, 62—68, 96, 130, 136, 155, 156, 161, 166—172, 177, 186—8, 197, 234; 244—5, 265—7, 362, 380.
 Стазинъ, I, 79.
 Стацій, I, 335.
 Стезихоръ, I, 5, 6, 28, 85, 96, 103, 143, 167, 184—7, 324; П, 11.
 Стезимбротъ, I, 27; П, 41, 164, 418.
 Стефанъ Византійскій, П, 12.
 Стобей, I, 134, 145, 149, 158, 161, 173, 287, 312, 350; П, 279, 379.
 Стратій, I, 335.
 Страбонъ, I, стр. IV, 12, 92, 102, 145, 159; П, 12, 421.
 Сузаріонъ, I, 368, 389.

Т.

Тацитъ, I, 304.
 Тассъ, I, 335.
 Терпандръ, I, 106, 153, 154.
 Телеклидъ, I, 395.
 Телестъ, I, 209.
 Телезилла, I, 207, 269.
 Теренцій, I, 444—5, 448, 457.
 Тибуллъ, I, 179.
 Тимоклъ, I, 441; П, 293, 361.
 Тимей Тавроменскій, П, 425.
 Тизій, П, 70, 73, 132, 134.
 Тиннихъ, I, 227.
 Тирлволъ, П, 311, 417.
 Тиртеъ, I, 145, 149, 150—52, 173, 177; П, 357.
 Тимонъ Силлографъ, I, 36, 337.
 Тимокреонъ, I, 207.
 Тиндарей, I, 333.
 Толинъ, I, 368.
 Томсонъ, I, 244.
 Трогъ, П, 421.
 Трифідоръ, I, 141.
 Тцетцъ, I, 36, 95, 109, 141; П, 237.

У.

Ульпіанъ, П, 342,
 Ульрихъ, П, 36.

Ф.

Фалей, П, 405.
 Фалетъ, I, 31.
 Федръ, I, 304.
 Ферекидъ, П, 9, 13.
 Ферекрать, ком. писат., I, 287, 394.
 Фенелонъ, I, 271.
 Фемій, эпич. пѣвецъ, I, 7.
 Фидій, П, 130.
 Филемонъ Солійскій, I, 445, 457.
 Филиппидъ, I, 446.
 Филиппъ, сынъ Аристофана, I, 439.
 Филискъ, I, 231.
 Филистъ Сиракузскій, П, 419—20.
 Филоктетъ, I, 17.
 Филоникъ, критикъ, П, 231.
 Филонидъ, ком. пис., I, 395, 403, 410, 414.
 Филоклъ, I, 286, 364.
 Филонъ, I, 162.
 Филостратъ, П, 128, 219.
 Фирдуси, I, 335.
 Фихте, I, 43.
 Фокіонъ, I, 424; П, 210, 289, 346, 370.
 Фокилидъ, I, 148, 170—1.
 Формисъ, I, 369, 394.
 Фотій, П, 379.
 Фринихъ, I, 214—16, 227, 232, 250, 345; П, 16.
 Фринихъ, сынъ Эвномида, I, 395, 422.
 Фридендеръ, I, 55.
 Фридель, I, 109.
 Фритче, I, 386.

Х.

Халкондилъ, I, 38, 131, 459.
 Харондъ, П, 3, 10.
 Харопсъ, I, 13.
 Херемонъ, I, 365.
 Хіонидъ, I, 391.
 Хрисомень, I, 13.
 Хрисиппъ, I, 29; П, 51.
 Хэрилъ, I, 134—5, 211.

Ц.

Циперонъ, I, 117, 151, 197, 282, 286, 296, 303, 319, 328, 368, 390; прилож. стр. 19; П, 70, 92, 93, 134, 146, 231, 237, 274, 282, 333, 353, 374, 380, 385, 390, 419.
 Цецилій, П, 90, 146, 341, 347.

Ч.

Чапманъ, I, 39, 112.
 Чаппель, I, 144—8.

Ш.

Шатобрианъ, I, 286.
 Шекспиръ, I, 75, 77, 161, 246, 291, 300, 319, 333, 336, 402; П, 193, 391.
 Шелли, I, 123, 241, 254.
 Шеманнъ, I, 53, 71.
 Шериданъ, П, 130.
 Шеферъ, П, 324—30.
 Шиллеръ, П, 399.
 Шлегель, I, 239, 240, 250—2, 308, 322, 329, 345.
 Шлейермахеръ, П, 160.
 Шлиманнъ, докторъ, I, 245, 266.
 Штейтцъ, I, 100.

Э.

Эагръ, I, 3.
 Эвмолпъ, I, 12, 105.
 Эвполидъ, I, 396—9, 408, 415, 429.
 Эвмелъ Коринескій, I, 93; П, 9.
 Эвенъ Паросскій, I, 175, 209; П, 93.
 Эветъ, I, 389.
 Эвбуль, I, 439; П, 275, 289, 346.
 Эвксениппъ, I, 389.
 Эвгаммонъ, I, 77, 80.
 Эзопъ, I, 85—6; П, 3.
 Эефантидъ, I, 391.
 Эліанъ, I, 182, 341; П, 42.
 Элій Донатъ, I, 448.
 Эмпедоклъ, I, 113—19; П, 51, 57, 72.
 Энній, I, 282, 303, 317, 342, 371.
 Эратосеенъ, I, 21, 109, 136, 432; П, 12, 201.
 Эрехсей, I, 12.
 Эразмъ, I, 315, 342.
 Эпаминондъ, I, 88; П, 260.
 Эпикуръ, I, 443, 447—8; П, 282.
 Эпикратъ, I, 440.
 Эпихармъ, I, 76, 369—76, 378, 391, 394, 399, 429, 435; П, 15, 70.
 Эпименидъ, I, 105.
 Эсхиль, I, 14, 28, 52—139, 194, 202, 211, 212, 216, 222, 226—254, 260, 264—5, 284, 295, 298, 307, 308, 329—32, 342, 356, 361, 422—3, 444, 460; П, 5, 9, 15, 16.
 Эсхинъ, I, 28; П, 210, 283, 289, 291, 316—18, 321—4, 343—354.

Эсхинъ (псевдо-), I, 195.
 Эхембротъ, I, 154, 183, 188.
 Эфиалтъ, I, 248.
 Эфиопъ, I, 439.
 Эфоръ, II, 210, 241, 420—21, 424.

Ю.

Ювеналь, II, 283.

Я.

Якобъ, I, 53.

Ө.

Өамирисъ, I, 7, 13.
 Өалетъ, I, 21, 22, 154.
 Өалесъ, I, 172; II, 6.
 Өеагидъ, I, 22, 60.

Өеодектъ, риторъ, I, 282, 287, 365.
 Өемистогентъ, II, 254—5.
 Өемистій, I, 390.
 Өеодоръ, II, 93, 134, 155.
 Өеофрастъ, I, 194, 447; II, 137, 146, 378.
 Өеокритъ, I, 14, 110, 140, 169, 331, 345, 348, 371, 373—5, 379—87, 459.
 Өесписъ, I, 181, 213, 345, 391.
 Өеонъ, I, 139, 385.
 Өеопомпъ, I, 150; II, 36, 235, 241, 422—3.
 Өеогидъ, I, 93, 95, 106, 147, 162, 172—7, 204.
 Өома, магистръ, I, 406.
 Өразимахъ, II, 92, 146.
 Өразибулъ, II, 135, 246.
 Өувидъ, I, 28, 119, 130, 133, 178, 289, 295, прилож. стр. 10; II, 8, 22, 26, 27, 36, 49, 51, 78—80, 89, 93—120, 130, 145, 187, 197, 217, 219, 246, 260, 307, 365, 414, 417.

Изданія К. Т. Солдатенкова.

- Берга. Записки объ осадѣ Севастополя. 2 части. М. 1865 г. Ц. 2 р. 50 к.
 — Севастопольскій альбомъ (37 рисунковъ). М. 1865 г. Цѣна 7 р.
 Буассе, Гастонъ. Римская религія. Перев. М. Корсака. М. 1878 г. Ц. 5 р.
 — — Цицеронъ и его друзья. — — М. 1880 г. Ц. 2 р.
 Бэра. Исторія всемірной торговли. 3 части. Пер. Э. Циммермана. М. 1876 г.
 Цѣна 7 р. 50 к.
 Вегеле, Франца. Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Перев. А. Н. Веселовскаго. М. 1881 г. Ц. 3 р.
 Веселовскій, А. Н. Этюды о Мольерѣ. Мизантропъ. М. 1881 г. Ц. 2 р.
 Вейса. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. —
 6 частей (съ 1945-ю рисунками въ текстѣ) въ пер. В. Часова и Н. Васильева. М. 1879 г. Цѣна 24 рубля.
 Вольскаго. Историческое народно-хозяйственное значеніе обработки земли
 крестьянами собственниками. М. 1865 г. Цѣна 2 р. 50 к.
 Гартмана. Сущность міроваго процесса или философія безсознательнаго, въ
 2-хъ книгахъ. А. Козлова. М. 1876 г. Цѣна 4 р. 50 к.
 Геттнера. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Т. III, кн. I и II. М.
 1872 г. Цѣна 4 р. 75 к.
 Гиббонъ, Э. Исторія упадка и разруш. римской имперіи (съ портретомъ авто-
 ра). Пер. В. Невдомскаго. Т. I и II. М. 1883 г. Ц. 8 р.
 Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. I, II, III и IV. Пер. П. Г. Вино-
 градова. М. 1877 г. Цѣна 8 руб.
 Ешевскаго. Сочиненія, 3 части. М. 1875 г. Цѣна 6 р.
 Забѣлина, И. Е. Кунцево и древній сетунскій станъ. М. 1872 г. Ц. 2 р.
 Зиберъ, Н. И. Очерки первобытной экономич. культуры. 1883 г. М. Ц. 4 р. 50 к.
 Игеринга. Борьба за право. Пер. П. Волкова. М. 1872 г. Цѣна 75 к.
 Навелина. Сочиненія, 4 части. М. 1875 г. Цѣна 5 р.
 Наррьеря. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Т. I, II, III,
 IV и V. Пер. Е. Корша. М. 1874 г. Цѣна 20 р.
 Ключевскаго. Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ.
 М. 1875 г. Цѣна 2 р.
 Корсакъ. Первоначальные уроки грамматики. М. 1879 г. Цѣна 60 к.
 Нуглера. Руководство къ исторіи искусства. Пер. Е. Корша. 2 ч. М. 1870 г.
 Цѣна 10 р.
 — Руководство къ исторіи живописи. Пер. Н. Васильева. М. 1870 г.
 Цѣна 7 р.
 Нурціусъ. Исторія Греціи, 3 части. Пер. А. Веселовскаго и М. Корсака. М.
 1880 г. Цѣна 12 р.
 Нольцовъ, А. В. Стихотворенія. Изданіе 7-е. М. 1880 г. Ц. 20 к.
 Лотце. Микрокосмъ. 3 части. Пер. Е. Корша. М. 1870 г. Цѣна 6 р. 50 к.
 Любке. Исторія пластики (съ 231-мъ рисунк. въ текстѣ). Перев. В. Часова.
 М. 1873 г. Цѣна 6 руб.
 Магаффи. Исторія классич. періода Греческой литературы. Т. I. Поэзія. Пер.
 А. Веселовской. М. 1882 г. Ц. 3 р.
 Марта. Философы и поэты-моралисты во времена Римской Имперіи. Пер.
 М. Корсака. М. 1879 г. Ц. 2 р.
 Моммсена. Римская исторія. Т. III. Перев. А. Веселовскаго. М. 1880 г. Ц. 7 р.
 Морлея, Дж. Руссо. Перев. съ англійскаго В. Н. Невдомскаго. М. 1882 г.
 Цѣна 2 р. 50 к.

- Морлей, Дж.** Дидро и Энциклопедисты. Пер. *В. Н. Невдомского*. М. 1882 г. Цѣна 2 р. 50 к.
- Маурера.** Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городскаго устройства и общественной власти. Пер. *В. Корша*. М. 1880 г. Цѣна 2 руб. 75 к.
- Полонскаго, Я. П.** На закатѣ. Стихотворенія. М. 1881 г. Цѣна 1 р. 25 к.
- Попова.** Россія и Сербія. 2 части. М. 1872 г. Цѣна 4 р.
- Рихтера.** Вліяніе целлулярной патологии. М. 1872 г. Цѣна 1 р.
- Рибо.** Современная Англійская психологія. Перев. *П. Д. Боборыкинъ*. М. 1882 г. Цѣна 2 р.
- Рѣшетникова.** Сочиненія, 2 части. М. 1874 г. Цѣна 5 р. 50 к.
- Саади-Ширази.** Гюлистанъ. Съ персидскаго подлинника пер. *Н. Холмогоровъ*. М. 1882 г. Ц. 1 р.
- Страбона.** Географія (въ 17 книгахъ, 1 т.). Перев. съ греческаго *Θ. Г. Мищенко*. М. 1879 г. Цѣна 10 р.
- Сурикова.** Стихотворенія. Изд. третье, полное. М. 1877 г. Цѣна 1 р.
- Тацита.** Лѣтописъ. Перев. *К. Кронберга*. М. 1865 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- Тикноръ.** Исторія испанской литературы. Т. I. Пер. *Н. И. Стороженко*. М. 1883 г. Ц. 3 р.
- Трачевскаго.** Польское безкоролье. М. 1865 г. Цѣна 3 р.
- Тренделенбурга.** Логическія изслѣдованія. 2 части. М. 1868 г. Ц. 4 р.
- Тэна.** Чтенія объ искусствѣ. М. 1874 г. Цѣна 2 р.
- Фета.** Стихотворенія. 2 части. 1868 г. Цѣна 2 р.
- Финлей.** Греція подъ римскимъ владычествомъ. Пер. *С. Никитенко*. Москва. 1876 г. Цѣна 4 р.
- Фрикена.** Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства (съ рисунками). Части I, II и III. М. 1880 г. Ц. 4 р.
- Фюстель-Нуланжъ.** Гражданская община античнаго міра. Перев. *Е. Корша*. М. 1867 г. Цѣна 2 р. 50 к.
- Чичерина.** Исторія политическихъ ученій. Часть 1, 2, 3 и 4. М. 1876 г. Ц. за каждую 3 р.
- Нѣсколько современныхъ вопросовъ. М. 1876 г. Цѣна 1 р.
 - Областные учрежденія. М. 1876 г. Цѣна 3 р.
 - Опыты по исторіи русскаго права. М. 1876 г. Цѣна 1 р.
 - Очерки Англіи и Франціи. М. 1876 г. Цѣна 1 р.
- Шекспира.** Полное собраніе драматическихъ сочиненій. Перев. *Н. Кетчера*. 9 частей. Ц. 10 р.
- Шилова.** Ключъ или алфавитный указатель къ Исторіи Россіи. С. Соловьева. Съ 6-ю родословными таблицами. М. 1870 г. Цѣна 3 р.
- Шмидта, Карла.** Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Съ третьяго изданія, дополненнаго и исправленнаго *В. Ламе*, пер. *Э. Циммермана*. Томъ I, II, III и IV (IV-й томъ въ 2-хъ частяхъ). М. 1880 г. Цѣна за всѣ томы 20 р.

PK5
MB

